

На Диком
Западе

«TERRA» - «TERRA»

**БОЛЬШАЯ
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ**

НА ДИКОМ ЗАПАДЕ

В ТРЕХ ТОМАХ

Том второй

Фридрих Герштеккер

ЛУГОВЫЕ РАЗБОЙНИКИ

Части I—II

МИССИСИПСКИЕ ПИРАТЫ

романы

Аллан Донн

КОВБОИ ТЕХАСА

роман

МОСКВА

«ТЕРРА» - «TERRA»

1995

**ББК 84(0)
Н12**

Иллюстрации художника

М. ПЕТРОВА

Составитель

С. ЕРМОЛАЕВ

**Н12 На Диком Западе: В 3 т. Т. 2: Герштеккер Ф. Лу-
говые разбойники. Ч. I—II; Миссисипские пираты: Ро-
маны / Пер. с нем. Донн А. Ковбой Техаса: Ро-
ман / Пер. с англ.; Сост. С. Ермолаев. — М.: ТЕРРА,
1995. — 527 с.: ил. — (Большая библиотека приключе-
ний и научной фантастики).**

ISBN 5-300-00273-9 (т. 2)

ISBN 5-300-00271-2

Во второй том включены авантюрные романы Ф. Герштеккера, известного немецкого беллетриста и путешественника, рассказывающие о начальном освоении Дикого Запада в бурные для экономики США 40-е годы XIX века, а также остросюжетная повесть А. Донна, освещающая период фактического окончания покорения Дикого Запада в начале XX столетия.

**Н 4703000000-307 Подписное
А30(03)-95**

ББК 84(0)

ISBN 5-300-00273-9 (т. 2)

ISBN 5-300-00271-2

© Издательский центр «ТЕРРА», 1995

ЛУГОВЫЕ РАЗБОЙНИКИ

Часть I
Под покровом рясы

Часть II
Суд Линча

Часть I

Под покровом рясы

Глава I

СВИДАНИЕ КОНОКРАДОВ

Ясный теплый майский день сменил, наконец, весенние грозы. Благоухание высоченных сосен, кедров и дубов смешивалось с запахом длинных лиан, переплетавших их могучие стволы. Однако яркие солнечные лучи, золотившие вершины деревьев, не проникали в чащу леса, до того были густы их величавые кроны. Там в полумраке густого кустарника у подножия громадного кедра расположились несколько человек, видимо, весьма довольных свежестью и укромностью выбранного местечка для отдыха.

— Право, лучшего места для того, чтобы поверять друг другу свои тайны, и не найти! — весело сказал один из них. — Нарочно такого прекрасного убежища не устроишь! Смотрите, с одной стороны нас прикрывает тянущееся вдоль реки болото, а с другой — терновник, сквозь который вряд ли кому-нибудь захочется продира-
раться!

Восторгавшийся удобством привала был воистину Геркулес, с открытым, смелым лицом. В глазах его светились отвага и удаль. Синяя суконная блуза, облекавшая могучий стан, была изрядно поношена и в нескольких местах покрыта пятнами крови убитого и только что освежеванного оленя, шкура которого висела неподалеку на сучке дерева. Старая помятая касторовая¹ шляпа валялась у ног охотника, обутых в заплатанные кожаные башмаки и мокасины из буйволово́й кожи.

Около него стоял, прислонившись к дереву, другой спутник, на вид гораздо более приличный и почище одетый. Бродячая жизнь не успела наложить на него своего отпечатка, да и его крайняя молодость — лет 17—18 —

¹ Кастор — сорт плотного сукна с ворсистой изнанкой.

явно свидетельствовала о том, что он еще недавно покинул родительский кров.

Третий собеседник принадлежал, по-видимому, к зажиточным фермерам Дальнего Запада. Опрятная одежда, вычищенные башмаки, новая шляпа и вежливое обращение смягчали впечатление, производимое его грубоватыми спутниками.

— Однако хотел бы я знать, куда это запропастился бездельник Рюш? Черт бы его побрал, — обещал прийти с восходом солнца, а мы его ждем здесь уже больше трех часов! — прервал молчание младший собеседник. — Будь он неладен, обманщик несчастный!

— Чего вы возмущаетесь: ведь от этого он раньше не придет! — заметил фермер. — А впрочем, — нетерпеливо добавил он, — мне тоже надоело ждать его. В десять часов я должен быть на проповеди, а для этого мне предстоит пройти добрых шесть миль!

— Как ловко умеете вы совмещать два совершенно несовместимых занятия — читать нравственные проповеди и заниматься конокрадством! — не без иронии заметил охотник. — Впрочем, воскресенье довольно плохой день для вашего второго занятия. Ну, да как бы то там ни было, вы мне надоели своими нравоучениями, и я попрошу вас в нашем присутствии оставить их при себе. Нас ведь вы не обморочите своим напускным благочестием!

— Не горячитесь, молодой человек, — сказал невозмутимо фермер, — а посмотрите-ка лучше на вашу собаку. Мне кажется, она что-то почуяла.

Действительно, лежавшая невдалеке черная собака привстала, понюхала воздух, негромко полаяла и опять улеглась на прежнее место.

Охотник, следивший за движениями собаки, тотчас же поднялся.

— Она почуяла своего, раз не трогается с места. Это наверняка Рюш! А вот и он! Послушайте, Рюш, мы собрались сюда вовсе не затем, чтобы нас здесь даром кусали москиты да древесные клопы. Что помешало вам прийти в назначенное время?

Показавшийся из-за деревьев человек был зрелых лет. Костюм его, как и у фермера, был чист и опрятен. У пояса висели два кисета с порохом и пулями, а через плечо — длинный карабин.

— Мое почтение, друзья! — приветствовал он ожидавших его приятелей. — Простите, что заставил вас ждать, но, право, я не мог раньше придти. По дороге мне попались Браун, старикашка Гарпер и индеец, а я вовсе не хотел, чтобы они знали, куда я направляюсь. Очень уж они пронищательны. Что же касается проклятого краснокожего, то пора бы хорошим ружейным выстрелом избавить наши леса от этой твари. Да, вот что, Коттон, — добавил он, довольно сердито обращаясь к охотнику, — перестаньте, пожалуйста, называть меня Рюшем. Ведь если это имя услышат посторонние, то меня тотчас же вздернут. Я теперь Джонсон — и баста!

— Ну, мне кажется, — возразил охотник, — будь вы Рюш или Джонсон, все равно вам не миновать виселицы, так же как и нам. Однако к делу! За последние две недели мы не заработали ни пенса. Пора позаботиться о наших доходах, джентльмены!

С этими словами он вытащил флягу с виски и с наслаждением проглотил изрядную порцию живительной влаги. Затем охотник передал ее фермеру Роусону, который, однако, уклонился от угощения и передал флягу Джонсону. Тот с готовностью принял, потянул из нее и в свою очередь поднес молодому охотнику, со словами:

— Полно, Уэстон, не притворяйтесь, что вас нещадно искусаи москиты!

— К делу, так к делу, джентльмены! Мы собрались сюда вовсе не для болтовни о пустяках, да и наше пребывание здесь не совсем безопасно, если, как говорит Джонсон, поблизости шляются индеец и его приятели, — напомнил фермер. — Из-за проклятого общества «Регуляторы» нам так и не удалось ничего сделать, а деньги мне необходимы. Странно было бы заниматься земледелием, когда есть возможность заниматься ремеслом, более выгодным и приятным. Я, благодаря незапятнанной репутации...

— Пусть черт оторвет вам язык! — возмутился Коттон. — Приберегите свое благочестие для миссис Робертс, а с нами не смейте так разговаривать!

— Благодаря устойчивой репутации, которой я пользуюсь среди местных жителей, — настойчиво продолжал Роусон, — я могу заходить во все окрестные фермы, а потому имею самые точные сведения о количестве лошадей у всех фермеров. Я полагал бы начать со Спринг

Крика по ту сторону Литл Джен. У Гюсфильда можно будет стянуть лошадей восемь без особого труда, да к тому же очень недурных лошадей — прекрасных скакунов. С ними мы в два дня скроемся от преследования!

— Прекрасно, — сказал Джонсон, — но ведь таким образом мы очутимся миль на пятьдесят за Миссисипи!

— Это все же лучше, чем встреча с регуляторами!

— А что, если мы отложим наше предприятие до будущей недели? — спросил Джонсон. — За это время я успел бы съездить в Вашиту.

— Не могу я больше ждать! — нетерпеливо топнул ногою Роусон. — В первый понедельник июня у меня с торгов продадут ранчо, если не выплачу аренду в срок, а я этого не могу допустить! Ну, да не в том дело! Согласны вы или нет? При удаче предприятия каждый из нас в течение недели заработает не меньше трех сотен долларов!

— Ладно, я согласен! — отозвался Коттон.

— Скажи, Роусон, как ты думаешь действовать? — спросил Джонсон.

— Сейчас узнаешь! — ответил тот. — Двое из нас с ружьями и по, крайней мере, с тремя недоузтками¹ отправятся через Литл Джен к мельнице в Спринг Крике. Недоуздки надо тщательно спрятать под одеждой, а необходимы они потому, что в прошлый раз мы изодрали рты лошадям веревками и тем обесценили товар, который, конечно, всем показался подозрительным. От мельницы до фермы Гюсфильда рукой подать. Добравшись до угла изгороди, нужно повернуть влево, по тропинке, ведущей в глубь леса. Затем она круто поворачивает и кончается у двора фермы, где находятся конюшни. У Гюсфильда 27 лошадей, кроме жеребят и жеребцов. Их-то мы должны оставить в покое, потому что фермер тотчас же заметит исчезновение, и нам тогда несдобровать. Самым удобным моментом для угона кобыл будет тот, когда весь табун подойдет к изгороди. Советую в точности следовать сказанному мною, иначе на другой же день утром дюжина регуляторов, с карабинами и длинными, как сабли, ножами, нагонит нас. Надо постараться, чтобы не только не быть пойманными, но и оказаться вне всяких подозрений. Нужно также соблюдать крайнюю осторожность, чтобы на мельнице нас не заметил кто-нибудь из работников

¹ Недоуздок — уздечка без удил.

фермы, которые часто туда проходят. Те, на кого падет жребий идти за лошадьми, по мнению моему, должны перебраться на другой берег реки, там есть тропинка, проходящая неподалеку от Спринг Крика. Это тем более удобно, что почва там каменистая, и преследователи не отыщут наших следов.

— Ну, а кто же должен туда отправиться? — осведомился Коттон, которому, очевидно, не особенно улыбалась перспектива столь близкого соседства с фермой, откуда вслед за грабителями должны были вскоре примчаться и грозные регуляторы.

— По моему, — хитро попытался было отвертеться Роусон, — это решит жребий, так как в прошлый раз мы все четверо одинаково рисковали, вы с Уэстоном уводя лошадей, а мы с Джонсоном продавая их!

— Ну, нет! Риск был далеко не одинаковый, да кроме того, вы, Роусон, прекрасно, по-видимому, знаете местность, где нам придется действовать, так вам и надо идти туда.

— Конечно, конечно! — подхватил Джонсон. — Тем более, что мне не особенно хотелось бы встречаться с Гюсфильдом на его земле. Недавно он оскорбил меня, и я хотел бы с ним свести счеты, но мне будет противно сделать это у него же на ферме!

— В таком случае я согласен идти, — согласился припертый к стене фермер, — но предупреждаю, что дальше Мамаля я лошадей не поведу, то есть до песчаной мели, отделяющей воды Мамаля от Фурш Лафава. Там, у источника, мы встретимся, и двое других поведут лошадей на остров. Кто же отправится со мною и кто будет ожидать у Мамаля?

— Я предложил бы жребий следующего рода, — сказал Коттон. — Завтра поутру отправимся на охоту, каждый отдельно. Кто принесет сюда во вторник утром больше дичи, тот освобождается от рискованной поездки.

— Чудесно! — согласился Роусон. — Я, ради развлечения, тоже займусь охотой и посмотрю, кого-то судьба изберет мне в спутники!

— Итак, до завтра! — добавил Джонсон. — Я думаю подняться вверх по реке и рассчитываю исходить весь лес!

— Ну, так мы с вами встретимся там, — сказал Уэстон, — там у меня остались кое-какие вещи, которые теперь мне крайне необходимы.

— Я тоже отправлюсь туда, — прибавил Роусон, — хотя целый день охотиться не могу. Я обещал миссис Лоулин быть у нее и председательствовать во время проповеди. Теперь пора и расстаться!

— Подождите, Роусон, — перебил его Коттон, — нужно же сговориться о том, как избавиться от проклятых регуляторов, если они нападут на наш след и вздумают нас преследовать.

Роусон, уже отошедший на некоторое расстояние, подошел к охотнику.

— Да, кстати, — сказал он, — раз вы заговорили о делах опять, то я вспомнил одну вещь, которую совсем забыл передать вам. Судья из Пулосеки отдал приказ схватить вас, милейший Коттон, за какие-то прегрешения!

— Что за прегрешения? Что вы плетете? — как бы изумившись, осведомился Коттон.

— Право, не помню. Кажется, говорят о каком-то банковом билете в пятьдесят долларов, об обещании жениться и, наконец, о найденном трупе человека, пропавшего без вести три месяца назад.

— Проклятье! — зарычал Коттон. — Мне, очевидно, пора покинуть Арканзас. Хорошо, что вы меня предупредили: здешний воздух становится мне вредным. Немедленно же после окончания нашего предприятия доберусь до Миссисипи и удеру в Техас!

— А отчего бы вам не отправиться через прерию?

— Ну нет! Слуга покорный! С индейцами у меня не совсем-то дружеские отношения.

— А, так вот в чем дело! Правда, Коттон, что у вас на руке какое-то клеймо, имеющее кое-какую связь с черокезами?¹

— Теперь не время рассказывать эту историю, Роусон, — нетерпеливо сказал охотник, — к тому же и вам не мешало бы быть поосторожнее!

— Ну, я-то могу быть спокоен: кто может подозревать волка под одеждою методиста-проповедника?!

— Вы жестоко ошибаетесь! Разве Гитзкот не назвал вас недавно лгуном и мошенником в рясе?

¹ Черокезы — племя индейцев чероки, входящее в ирокезский союз племен с конца XVI века. На языке чероки существовало слоговое письмо, созданное в начале XIX века метисом Секвойя.

Роусон побледнел при напоминании о нанесенном ему оскорблении, но сдержался.

— Да, Коттон, этот человек опасен, для нас тем более, что его подозрения не ограничиваются только мною, он сказал что-то и об Аткинсе. Что же касается его оскорблений, то я как проповедник не мог отвечать на них тем же самым, и...

— Иначе Гитзкот хорошим ударом кулака между глаз на месте уложил бы вас! — невозмутимо заметил Коттон.

— Перестаньте, Коттон, — поддержал, фермера Джонсон, — теперь вовсе не время ссориться да и Роусон прав: в качестве проповедника он действительно должен был безропотно снести обиду и держать себя сообразно своей профессии!

— Даже когда крадет лошадей вместе с нами? — не унимался Коттон.

— Перестаньте же наконец! — гневно закричал Роусон. — Вы не должны забывать, что все мы, в случае поимки, будем немедленно судимы законом Линча и тотчас же повешены!

— Регуляторы не посмеют сделать этого! — воскликнул Коттон. — Правительство запретило всякого рода самосуды!..

— А скажите, пожалуйста, какое значение имеет это распоряжение у нас, в Арканзасе? — сказал, улыбаясь, Роусон. — Если регуляторов наберется человек тридцать, правительство не станет их преследовать, поняв, что они вынуждены были поступить так. Да и в самом деле, регуляторы, собственно говоря, правы: я на их месте поступил бы точно так же.

— Тем не менее, их намерения в данное время расходятся с нашими, — продолжал Джонсон, — и мы должны выйти победителями из этой борьбы, хотя бы ценою смерти этих негодяев. Аткинс может успешно содействовать нам, благодаря своему прекрасному положению, и я думаю, что нам удастся расстроить планы регуляторов, хотя, как говорят, они выбрали своим предводителем Гитзкота...

— Ого! Гитзкота выбрали предводителем отряда регуляторов? — с испугом воскликнул фермер. — Ну, значит, наша экспедиция станет для меня здесь последней. Право, не стоит так сильно рисковать головой из-за ма-

териальных выгод. По-моему, в таком случае нам лучше перенести наши операции в штат Миссури, где Уэстон, благодаря прекрасному знанию местности, сможет нами руководить, да и я сам довольно хорошо знаком с теми местами.

— Вы правы, — отозвался иронически Коттон, — и там вы успели приобрести расположение не только людей, но, кажется, и лошадей. По крайней мере, я слышал, что при вашем отъезде оттуда три или четыре кобылы поскакали за вами единственно из сердечной привязанности к вам!

При грубоватой шутке охотника и Роусон не смог удержаться от смеха, но тотчас же снова заговорил серьезным тоном:

— Друзья! Обстоятельства несколько меняют первоначальный план. Нам лучше не доставлять лошадей на остров, иначе, того и гляди, регуляторы пронюхают, в чем дело, а это весьма небезопасно не столько для нас, сколько для наших друзей, укрывающихся на острове. Лучше ждите нас у озера Госвела. Если нам удастся добраться до него, то я знаю прекрасное средство избежать преследования.

— Что же, однако, мы будем делать, если регуляторам удастся обнаружить наше убежище у Аткинса? — уныло спросил Коттон.

— Пока еще слишком рано опускать руки. Быть может, нам не суждено будет даже и заезжать к Аткинсу. Недаром я прожил в лесу столько лет, поверьте, что сумею отвести глаза преследователям. Не будь я Роусоном, если в назначенное время не явлюсь в условленное место!

— Хорошо сказано! — заметил Коттон. — Тем не менее я предлагаю вам, джентльмены, поклясться друг другу в верности и в том, что если кого-нибудь из нас поймают, то, несмотря ни на какие пытки, он не выдаст остальных.

При этих словах молодой Уэстон выхватил громадный нож и воскликнул:

— Жестокая смерть тому, кто предаст своих братьев! Пусть отсохнут у него руки и отнимется язык, пусть он навеки ослепнет!

— Ого, какая ужасная клятва, — сказал Джонсон, — тем не менее я принимаю ее!

— И я также! — присоединился Роусон. — Хотя общие интересы и опасности настолько связывают нас, что не предвидится особой надобности ни в каких клятвах. В противном же случае я немедленно удеру в Техас! Итак, прощайте, джентльмены, прощайте, Джонсон! Где мы завтра встретимся с вами?

— У источника Сеттерх Крик, что у подножья горы! Роусон тотчас же скрылся в чаще деревьев. Коттон уже собирался последовать его примеру, как Джонсон остановил его тревожным вопросом, верит ли он в искренность проповедника.

— Сказать по правде, — отвечал охотник, — я не особенно доверяю этому лицемерному проходимцу. Его манеры, жесты, натянутая улыбка не особенно-то говорят в его пользу. Да и случай с Гитзкотом мне кажется очень подозрительным. Скажи этот нахал то же самое другому, к примеру мне, я бы изорвал его в куски, а тот сам еще протягивает ему руку. Ну, да что за беда, ведь, действительно, из-за одной общности интересов и выгод он уже не станет нас предавать; это ему прямо-таки не выгодно. Да и не так-то легко поймать Коттона в лесу! Одноо, прощайте, Джонсон. Вы-то, во всяком случае, человек верный и на нас также можете положиться. Послезавтра мы опять встретимся здесь, и скоро у нас в кармане окажется несколько сотен долларов, тогда мы посмотрим, как поступать дальше. Знаете, дело наше совсем не так плохо: ведь хорошим банковым билетом можно заткнуть рот любому крикуну, который вздумает теперь повесить нас на первом дереве, а сам не прочь поделиться выгодами нашего дела. Идем, Уэстон, пора!

С этими словами собеседники разошлись. Коттон и Уэстон направились в одну сторону, вдоль берега реки, а Джонсон пошел по тропинке через лес на север. Через несколько мгновений и он исчез за холмом.

Недаром недавно бывшие здесь люди восхищались уединенностью выбранного ими места свидания: прошло не меньше четверти часа, как разошлись товарищи, а все было по-прежнему тихо, и мертвая тишина эта лишь изредка нарушалась треском ветвей от прыжков белок да криками птиц.

Вдруг без малейшего шума раздвинулся кустарник и оттуда вышел краснокожий.

Индеец, осторожно высунув голову из раздвинутого им куста, долго прислушивался, озираясь по сторонам, и только после тщательного осмотра окружающей местности решился выйти на лужайку.

Это был высокий, статный малый, одетый в пеструю бумажную, местами изорванную шипами и колючками кустарника рубашку, подпоясанную широким кожаным поясом, за которым были заткнуты широкий нож и большой, очень острый томагавк. Ноги индейца были обуты в кожаные мокасины. На шее красовалось украшение в виде щита довольно примитивной, но изящной работы. Кроме этого амулета, у него не имелось никаких отличий и украшений, даже боковой мешок, висевший с правой стороны, не был разукрашен красной, синей и желтой бахромой, как это обыкновенно любят делать индейцы племен Северной Америки.

Голова индейца была не покрыта. Длинные черные, глянцевитые волосы свободными, тщательно причесанными прядями красиво ниспадали на плечи. В руках, красивых и ловких, отличавшихся изрядно развитой мускулатурой, он держал прекрасной работы американский карабин.

Некоторое время краснокожий продолжал внимательно изучать местность, главным образом следы, оставленные только что ушедшими, затем медленно выпрямился, закинул волосы за уши и скрылся в густой чаще по направлению, противоположному тому, откуда только что пришел.

Глава II

ДЯДЯ И ПЛЕМЯННИК. ОХОТА НА ОЛЕНЯ

Утром того же дня, когда произошли описанные нами события, недалеко от упомянутой рощи по дороге ехали два всадника. Судя по костюмам, оба они принадлежали к зажиточным фермерам. Первый из всадников, молодой, стройный человек, одетый по тогдашней американской моде в синий полотняный сюртук, такие же штаны и черный полосатый жилет, в изящные индейские мокасины вместо сапог, ехал на гнедой горячей лошади. Другой — толстяк лет сорока, все время смешил своего спутника остроумными замечаниями и шутками. Толстяк был одет в

чрезвычайно тесный белый костюм и ярко начищенные сапоги. Вся его фигура, плотная и упитанная, и полное, приятное лицо, с маленькими, искрившимися весельем глазами, так и сияло самодовольством; он восхищался и прекрасной погодой, и своим спутником, словом, всем. Как у того, так и другого не было с собой никакого оружия, хотя ловкие движения их ясно свидетельствовали, что оба они люди, привыкшие к охоте и вообще ко всякого рода приключениям. Могучая фигура старшего всадника, хотя и несколько заплывшая жиром, позволяла предполагать в нем недюжинную физическую силу.

Толстяк продолжал, по-видимому, рассказ о чудачествах своего старшего брата, жившего в Цинциннати.

— У него, представьте себе, — говорил он, — уникальная мания скупать всякий старый, ненужный никому хлам, на который он тратит большие деньги. Мне жаловалась нынешней осенью его жена, когда я посетил их. Весь их дом буквально завален барахлом: старой мебелью, глиняной посудой и прочими предметами, из которых могла бы пригодиться, пожалуй, только десятая часть, да и то разве на топливо, вместо дров. А брат, тем не менее, продолжал ходить по лавкам и разыскивать все новую и новую рухлядь. Но раз вещь была куплена, брат ставил ее на место и с тех пор совершенно забывал о ее существовании. Тогда я и придумал одну штуку, чтобы утешить его несчастную жену и помочь ей сберечь денежку на черный день. Я нанял повозку и, когда брат был чем-то занят, отправил все его редкости обратно в лавки. Брат, возвратившись домой, и не вспомнил о своих сокровищах, а преспокойно уселся за пунш. На другой же день он отправился на Фром-стрит, где снова и приобрел весь тот хлам, что я продал накануне, да еще восхищался сделанным приобретением.

— Дядя, — улыбнулся молодой человек, — неужели вы думаете, что я поверю вашим рассказам, тем более что знаю своего дядюшку из Цинциннати, как весьма расчетливого и дельного человека?

— Ну, ну, как ты смеешь говорить такие вещи своему старому дяде? Хотя, положим, брат мой малый не промах, и на всей земле трудно найти более оборотливого человека. Ты послушай, что он раз учудил, будучи совсем молодым. Мы ехали с ним на лодке, направляясь поохотиться за дичиной, пришедшей к водопою на бе-

рег реки. Жара стояла невероятная, и солнце пекло немилосердно. Я стал было снимать куртку, да неосторожным движением столкнул в воду свою пороховницу, стоявшую на скамье. Мне стало страшно досадно, а тут еще, благодаря прозрачности воды, хотя глубина была не менее пятнадцати футов, проклятая пороховница видна была как на ладони. Брат, прекрасно плававший и нырявший, взялся достать ее. Раздевшись, он нырнул, но достигнув дна, нарочно задел его ногами, вследствие чего замутил воду. Но вода быстро прояснилась, и я увидел довольно странную картину. Что бы ты думал, вытворял этот хитрец? Он, оказывается, преспокойно пересыпал под водою порох из моей пороховницы в свою, и когда поднялся на поверхность, моя пороховница оказалась почти наполовину пуста!.. Чего ж ты хохочешь, как сумасшедший? Смотри, не свались с лошади! Неужели тебе может придти в голову мысль, что твой старый дядя способен солгать? Бессовестный мальчишка!

— Полно, дядя, я охотно верю всему, рассказанному вами! Однако что это виднеется там, за поваленной сосной?

— Где? Что такое? А, вон там. Да это олень! Жаль, что с нами нет Ассовума, его меткий выстрел уложил бы красавца наповал. К нему можно подобраться шагов на пятьдесят.

— Ну, Ассовум-то, наверное, далеко, а чертовски жаль, что я сам не захватил с собою карабин, и из-за этого приходится пропустить такой славный выстрел!

— Славно бы тебя встретила миссис Робертс, если бы ты заявился к ней с ружьем в воскресенье. Она и индейцу-то не простила бы такого прегрешения!

Животное продолжало спокойно стоять на одном из соляных болот, тянувшихся вдоль берегов Фурш Лафава. Не подозревая, по-видимому, об опасности, олень лизал почву, какое-то время оставаясь в одном положении и лишь по временам прерывая свое занятие легким пофыркиванием. Отмахнувшись хвостом от назойливых мух и комаров, животное продолжало наслаждаться соленым вкусом глинистой почвы.

— Билл! — не вытерпел Гарпер. — А ведь, ей-богу, индейцу удалось бы подкрасться к оленю шагов на пять. У него, кажется, нет ни малейшего чутья. Да и сам я, пожалуй, сумел бы справиться с ним, если б у меня снять с плеч десяток-другой годков!

— Если бы вы, дядюшка, ухитрились добраться вон до того орешника...

— Что за чушь! — перебил его Гаспер. — Неужели ты полагаешь, что я и в самом деле буду ломать свои старые ноги, да еще в воскресенье, бегая за глупым животным?

Однако Гарпер, вопреки только что произнесенным словам, слез с лошади, оставшейся стоять совершенно спокойно, и с величайшей осторожностью стал прокрадываться между кустарниками. Ветер дул с противоположной стороны, и поэтому олень не мог почуять приближавшегося врага. Тот, все более и более увлекаясь преследованием, прилагал все старания, чтобы остаться незамеченным. Олень еще раз приподнял голову, фыркнул и снова принялся лизать солончак.

Приостановившись на минуту, Гарпер лукаво взглянул на племянника. Вильям Браун, или, как его называл старший всадник, Билл, внимательно следил за всеми движениями своего родственника и оленя, принимая живейшее участие в разыгрывавшейся перед ним сцене.

С минуту Гарпер колебался. И беспечность животного его изумляла, да и жаль было начищенных сапог. Почва, растоптанная ногами зверей, приходивших напиться к протекавшему здесь ручью, была вязкая. Однако охотничья жилка взяла верх над осторожностью, и толстяк решился во что бы то ни стало поймать животное. Он сначала осторожно, а затем, войдя в азарт, уже напропалую ступал по грязи. Охотник, разгоряченный преследованием, чувствовал, что его сердце колотится в груди с такою силою, что, пожалуй, испугнет животное.

Вдруг олень, почуяв наконец человека, поднял голову и будто остолбенел при виде белого существа, незаметно подкравшегося к нему так близко. Не дав ему опомниться, позабыв и про воскресенье, и про свой праздничный наряд, Гарпер бросился вперед и схватил оленя своими могучими руками. Страшно испуганное столь внезапным нападением, животное делало всевозможные усилия, чтобы освободиться, но железные руки охотника, точно клещи, сжимали ноги несчастного создания. В пылу борьбы олень стащил ничего не замечавшего Гарпера, увлеченного одною мыслью — поймать животное, в большую, глубокую лужу, где охотник стал отчаянно барахтаться, все еще не выпуская ног оленя.

Браун, приподнявшись на стременах, с увлечением наблюдал отчаянную борьбу человека и животного, готовый ежеминутно придти на помощь дядюшке в случае надобности. Но Гарпер даже и закричать ничего не мог; если только он попробовал бы это сделать, грязь моментально залепила бы ему рот. Она и так уже густым слоем покрыла и его одежду, и лицо, совершенно залепив глаза.

Помощи Брауна, однако, не потребовалось. Неожиданно где-то рядом грянул выстрел, и олень, сделав последнее усилие, вырвался наконец из рук Гарпера и в конвульсиях рухнул на землю.

Ослепленный грязью, ничего не видящий Гарпер с гневом вскочил на ноги и крикнул в сторону, совершенно противоположную той, откуда раздался выстрел:

— Кто смел стрелять?

— Вауг! — раздалось удивленное восклицание индейца, вышедшего в это время из чащи и пораженного уморительным видом вывалявшегося в грязи почтенного фермера.

Узнав голос Ассовума, Гарпер несколько поуспокоился и закричал племяннику:

— Билл! Да иди же скорее сюда и отведи меня к ручью, надо хоть немножко отмыть эту проклятую грязь!

Браун подошел к дяде, протянул палку, за которую обеими руками тот ухватился, и таким образом оба они отправились к ручью. Едва Гарпер успел промыть глаза, как с новыми упреками набросился на краснокожего за то, что тот смел стрелять в его добычу.

— Но, дядя, — перебил его Браун, — вы все равно дольше минуты не продержали бы оленя в руках!

— Откуда ты это можешь знать? — возмутился почтенный фермер. — Да мой брат целую ночь держал одной рукой медведя за шиворот, когда...

— Дядя, дядя, мы опоздаем на проповедь, если вы начнете рассказывать мне похождения своего знаменитого брата.

Индеец тем временем спокойно прислонил свой карабин к дереву и принялся свежевать убитого оленя, не произнося ни слова. Когда же спор между белыми кончился, он так же невозмутимо сказал:

— Отец мой очень силен, но олень все-таки вырвался бы и убежал, не выстрели я в него. Не хочешь ли, отец мой, оленьего мяса?

— Отстань! Я люблю мясо только лично мною добытой дичины!

— Как же теперь с проповедью? — спросил Браун у дяди. — Ведь не можете же вы показаться туда в таком виде!

— Ну конечно, я зайду переодеться, хотя, признаться, мало дорожу болтовнею этого пройдохи Роусона. Отправляйся ты вперед, а я догоню тебя!

Браун помог дяде взвалить оленя на лошадь, оставив Ассовуму заднюю ногу. Гарпер с торжествующим видом уселся в седло, попрощался с племянником и убедительно просил его ничего не рассказывать на проповеди у Робертсов, пока он сам туда не приедет. Браун кивнул, тоже сел на лошадь и тронулся вслед за индейцем, уже далеко ушедшим вперед.

Глава III

АССОВУМ И РОУСОН. ПРЕДСТОЯЩАЯ СВАДЬБА

Оперенная Стрела, как звали индейцы Ассовума, сравнительно недавно вошел в близкие отношения с белыми. Раньше, когда весь округ Фурш Лафав изобиловал дичью до такой степени, что славился среди всех Соединенных Штатов, племя Ассовума кочевало в глуши лесов. Интенсивное истребление дичи охотниками заставило племя это несколько расселиться и подойти ближе к белым. Однако не одно это обстоятельство сблизило краснокожего с белыми. Была и другая причина. Однажды изрядно захмелевший верховный вождь попытался оскорбить жену Оперенной Стрелы. Та стала звать на помощь, явился Ассовум, и в результате кровавой стычки был убит оскорбитель-вождь. Тогда краснокожему с женой волей-неволей пришлось покинуть своих соплеменников и добывать средства к существованию охотой и кое-какими работами женщины. Пока Ассовум стрелял дичь для своего обихода и для продажи белым, его жена Алапага плела из тростника корзинки и матики из гибкой коры некоторых деревьев.

Индеец забирал изделия жены и носил на продажу к белым, вследствие чего у них завязались отношения с окрестными фермами. Роусон, не упуская случая похвастаться своим рвением в делах веры и благочестием,

сумел уговорить Алапагу принять христианство. Что же касается самого индейца, то он упорно отказывался креститься. Он решил умереть, как родился и жил, в вере предков, и все угрозы и увещания Роусона оставались тщетными, только, казалось, еще усиливая твердость краснокожего.

Отпустив жену на проповедь, Ассовум пошел немного проводить ее и, кстати, зайти за зверинами шкурами, оставленными им у Робертсов. По дороге как раз и произошла описанная в предыдущей главе сцена.

— Что-то будет рассказывать ваш дядя у фермеров! — сказал Ассовум догнавшему его Брауну. — Ведь он походил на болотную черепаху, валяясь в этой луже, только, пожалуй, та все-таки бывает почище.

— Так-то так, но поистине удивительно, как это он мог так долго удерживать оленя. Не происходит это у меня на глазах, я бы ни за что не поверил, если б он это стал мне рассказывать.

— У белого много силы, его руки сделаны точно из железа! — с похвалою отозвался о Гарпере индеец. — А все-таки приди Ассовум несколькими минутами позже, в болоте валялся бы один толстый человек, а оленя и след простыл!

— Тем не менее его трудно убедить теперь в этом. Он готов утверждать, что способен продержат таким образом оленя хоть десять часов кряду.

— Да, толстый человек любит похвастать! — снисходительно согласился индеец.

Оба спутника затем молча продолжали свой путь. Вскоре слух их был поражен какими-то протяжными человеческими голосами. То методисты распевали свои гимны. Индеец, немного нахмурившись, сначала прислушивался к пению, а потом сказал:

— Слушай, как пронзительно раздается визгливый голос бледного человека! — так индеец называл Роусона.

— Ты, кажется, его не особенно-то долюбилаешь, Ассовум? — спросил Браун, убежденный в этом и своими прежними догадками, и неприязнью, звучавшей обычно в голосе индейца при упоминании о проповеднике.

— Конечно! Да и за что мне его любить, если он нарушил мой покой?! Алапага до встречи с ним молилась одному со мною богу, Маниту, поклонялась Великому Духу, была мне послушна, и за это, когда она в первое

время посевов тащила свои матчекота¹ по полям, засеянным нами, и звери убегали оттуда, и поле давало хороший урожай, и хищники не приближались к нашему жилищу. Бледнолицый же заставил Алапагу смеяться над Великим Духом, которому молится по-прежнему Ассовум, но который уже не дает прежней обильной охоты.

Индеец сердито сдвинул брови и погрузился в мрачное молчание. Браун, не желая отрывать краснокожего от его мыслей, тоже молча ехал по тропинке. Наконец, шедшая между маисовыми полями тропинка вывела путников к ферме Робертса, откуда еще продолжали слышаться звуки песнопений методистов

Когда вновь прибывшие, привязав лошадь белого у плетня, вошли в дом, пение уже окончилось. Молящиеся стояли на коленях, посреди них высился Роусон, резким, неприятным голосом произносивший какую-то длинную речь, укоряя в ней молящихся за грехи и в то же время прося у Бога все-таки простить недостойных.

Браун, принадлежавший к другой секте, которая не признавала коленопреклонения даже при молитве, скромно сложив руки, остановился у двери.

Вскоре проповедь кончилась, молящиеся стали не спеша выходить, здороваясь с стоявшим у дверей Брауном, который, судя по всему, был знаком почти со всеми окрестными фермерами и пользовался их расположением.

— Как вы поздно пришли, мистер Браун! — с укоризной сказала, подходя к молодому человеку поздороваться, молодая Мэриан Робертс, дочь хозяев дома, уже шесть недель помолвленная с Роусоном.

— Так вы, значит, заметили мое отсутствие? — пылливо глядя в глаза девушке, спросил Браун. — О, если бы я знал это, то пришел бы гораздо раньше!

— Что вы, что вы! Неужели вы приходите слушать проповедь из-за чего-нибудь другого, а не для того, чтобы молиться?

— Но ведь я не методист².

¹ Верхнее платье.

² Методисты — протестантская церковь, основанная в 1729 году американцами Джоном и Чарльзом Весли, выработавшими методу жить по заветам святого Писания. Отличались филантропической деятельностью, боролись с рабством. Не приемлют насилия и людских пороков. В настоящее время методистская церковь насчитывает более 40 млн. последователей главным образом в США и Великобритании.

— Что же из того? Все-таки все мы христиане!

— Однако ваш будущий муж, кажется, держится совсем иного мнения на этот счет, — ответил молодой человек, нарочно сделав на словах «будущий муж» ударение.

— Очень может быть, — сказала Мэриан, как бы не замечая умышленного ударения в словах собеседника. — Мистер Роусон сходится во взглядах с моей матерью, они очень строги в делах веры; мы же с отцом гораздо снисходительнее в этом отношении.

— Ну полно, полно, мисс, — перебил ее Браун, — я опоздал вовсе не из нежелания присутствовать на проповеди, а потому, что по дороге сюда с моим дядей случилось одно происшествие. Это-то и задержало нас.

— Разве с вашим дядей случилось что-нибудь неприятное или опасное? — с беспокойством осведомилась Мэриан.

— Ого, мисс Мэриан, мой дядя, по-видимому, пользуется у вас большим расположением! Непременно передам ему об этом, тем более что и он сам платит вам тоже искренней привязанностью. Рассказывать же о приключении его в лесу я не могу, потому что дядя просил меня помолчать, пока он сам не приедет и не расскажет о нем. Ведь вы знаете, как он любит рассказывать разные случаи из своей жизни.

— Ах, как это замечательно! — обрадовалась девушка. — Значит, сегодня мы услышим чрезвычайно интересное приключение на самой фантастической подоплеке!

— Что это за фантастическое приключение и с кем? — заинтересовался подошедший в это время Роусон.

— Дело идет об одном комичном случае с моим дядей и его геройском подвиге, — сказал Браун.

— А вы ручаетесь за правдивость рассказа мистера Гарпера? Вы сами были свидетелем этого приключения? — спросила Мэриан. — Вы ведь сами знаете, что ваш почтенный дядюшка рассказывает иногда просто невероятные...

— Мэриан! — строго остановил ее Роусон. — Не подобает молодой девушке говорить подобные вещи, да еще после службы!

Видя смущение хорошенькой Мэриан после столь строгого выговора, Браун счел нужным заступиться за нее.

— Вы слишком суровы, мистер Роусон; отчего бы иногда и не посмеяться над тем, что действительно смешно. Молодость имеет свои права, и ей многое прощается.

Проповедник уже собирался основательно возразить молодому человеку, но ему помешал приблизившийся к ним старик Робертс. Он взял руку Брауна, пожал ее и дружеским тоном попенял за то, что тот поздно приехал.

— А где же ваш почтенный родственник, мистер Гарпер? — спросил старик. — Тут ходят слухи, что с ним что-то случилось.

— Он сам расскажет об этом, когда приедет...

— Вот что, мистер Браун, — перебил его Роусон, — чтобы не забыть, приглашаю вас с дядей ко мне на свадьбу, которая состоится через месяц. Я очень бы желал, чтобы вы присутствовали на ней.

— К крайнему моему сожалению, вынужден отказаться от вашего приглашения! — холодно произнес Браун, опуская глаза. — Через месяц меня не будет в Арканзасе!

— Не может быть! Ведь ваш дядя недавно купил здесь землю, и я думал, что вы с ним и поселитесь у нас.

— Да, дядя так и думает устроиться, а я присоединяюсь к волонтерам, отправляющимся в Техас. Эта провинция решила отделиться от Мексики, и потому просит у нас помощи¹.

— Бросьте вы эти глупости, Билл! — воскликнул Робертс. — Пускай себе головорезы дерутся в Техасе, а вы оставайтесь у нас. На свадьбе Мэриан соберется много хорошеньких девушек, выберите себе по вкусу, да и женитесь с Богом. То-то славно заживем! Ваш дядя, думаю, тоже обрадовался бы такой перспективе. А вот, кстати, и он пожаловал!

Действительно, к группе разговаривавших приблизился Гарпер, терзаемый одной мыслью, не успел ли уж его племянник разболтать про сегодняшнее приключение. Однако неподдельный интерес, с которым встретили его появление, и начавшая собираться вокруг него толпа

¹ Речь идет о Техасской войне 1835-1836 гг. Селившиеся в мексиканской провинции Техас американские землевладельцы, разбив при поддержке своих соотечественников мексиканские войска, провозгласили Техас самостоятельной республикой, а позже, в 1845 году, добились ее включения в состав Северо-Американских Соединенных Штатов.

явно свидетельствовали, что сути истории еще никто не знает, и племянник сдержал свое слово.

— Молодец, что не разболтал! — обратился он к Брауну. — А теперь, друзья мои, — сказал он остальным, — я расскажу вам преинтересную историю одного приключения, случившегося со мною сегодня утром. Свидетелем выставляю моего племянника. Билл, поди сюда!

Ввиду своего особенного положения, Роусон счел недостойным выслушивать какие-то вздорные приключения и через черный ход вышел на расчищенное под пашню поле. Не зная, куда девать выкорчеванные пни и сучья, Робертс счел за лучшее сжечь их на месте и разложил там большой костер, оказавшийся очень кстати Ассовуму.

Индеец, уложив на угли ногу убитого сегодня оленя, в этот момент игравшего немаловажную роль в рассказе Гарпера, прилег у костра в ожидании вкусного обеда, который приготавливала, примостившись тут же, Алапага.

Удобно раскинувшись на одеяле и медленно покуривая трубку, Ассовум предался грустным воспоминаниям о своем прошлом в об участии его собратьев.

Прежде, думал он, краснокожие были сильны, храбры и здоровы. Дичь в лесах не переводилась, и кругом был необозримый простор. Но вот пришли белые, и сразу жизнь индейцев стала ухудшаться. Пьянство, болезни вконец разрушили счастье целых племен, а в частности и его собственное. Теперь, как огонь истребляет могучий дуб, истребила его племя огненная вода. Она все больше и больше охватывала, как разрастающийся пожар, сердца и ум краснокожих и привела их на край гибели. Великий Дух отступился от своих сынов, и они остались одиноки»... Такие мысли роились в голове Ассовума, когда к костру приблизился проповедник.

Алапага, издали завидев его, бросилась навстречу. Роусон приветствовал ее краткой молитвой. Жена краснокожего была, по мнению индейцев, красавицей, да и белые не могли отрицать ее миловидности. Прекрасные зубы и чудные черные глаза, горевшие живым огнем, придавали своеобразную прелесть ее личику.

Ассовум остался очень недоволен той поспешностью, с какой его жена бросилась навстречу методисту, и с укоризной закричал:

— Алапага, неужели христианское учение позволяет с пренебрежением относиться к мужу и повелителю?

Алапага вместе с Роусоном подошли к костру, и проповедник приветливо поздоровался с краснокожим. Тот молча кивнул головой, оставаясь в прежней позе.

Не желая упустить удобного случая, Роусон принялся рассказывать некоторые места из священной истории, стараясь и голосом, и интонацией, и самим подбором эпизодов как можно сильнее подействовать на бесхитростную душу дикаря. Ассовум молча принялся за изжарившуюся уже оленью ногу, но по всему было видно, что индеец не пропускает мимо ушей ничего из сказанного методистом. Он пристально смотрел на проповедника, ни одним словом не прерывая его.

Такое внимательное отношение к его словам только подбодрило Роусона, увлекшегося уже своими рассказами и к правде начавшего даже прибавлять выдумки и преувеличения. Покончив с едою, краснокожий все с тем же вниманием продолжал слушать.

— Теперь речь бледнолицего человека, вероятно, окончилась? — спросил он, когда Роусон на минуту прекратил поток своего красноречия. — Теперь пусть он послушает, что ему расскажет краснокожий.

Ассовум встал с одеяла, подошел поближе к методисту и начал:

— Вначале Великий Дух сделал свет. Потом он сотворил индейцев и назначил землю для их обитания. Все индейцы были соединены тогда в одно племя. Однажды они послали наверх молодого юношу разузнать, что там делается. Там все было прекрасно, и молодой человек залюбовался окружающей его красотой. Вдруг мимо него промчался олень, пронзенный стрелой в бок. Юноша стал преследовать животное до того места, где оно, наконец, упало и околело. Вскоре пришел и человек, ранивший оленя. То был сам Великий Дух, научивший здесь юношу, как нужно стрелять животных и резать их на части. Потом Великий Дух, видя, что путник не умеет и огня развести, научил его и этому, а также тому, как нужно хорошо жарить на огне мясо животных... Великий Дух, — продолжал индеец, — сотворил также двух братьев духов: злого и доброго. Первый только и делал, что разрушал все добрые дела, которые делал второй. Добрый дух решил изгнать злого, но так как не хотел употреблять силы, то предложил ему бежать на

перегонки. Кто перегонит, тот и останется победителем. Злой дух согласился и...

— Довольно! — с яростью закричал долго сдерживавшийся методист, вскакивая с пня, на котором сидел. — Я не хочу больше слушать твоих глупых рассказней и выдумок! Несчастный дикарь! Довольно, говорю я, довольно лжи и суеверий! Опомнись, пока не поздно!

Роусон вознамерился было продолжить свои обличения, но индеец встретил его таким свирепым взглядом, что методист моментально смолк, присмирел и собирался улизнуть подобру-поздорову, если бы не заметил, что индеец хочет продолжать говорить. Не рискуя рассердить краснокожего, Роусон счел за лучшее дослушать того до конца.

— Я слушал тебя, бледнолицый, — строго, но кладнокровно начал Ассовум, — слушал внимательно твои рассказы, не перебивая, и верил тому, что ты рассказывал мне. Верил тому, что из камня потекла вода, что палка превратилась в змею, что рыба проглотила человека и опять выпустила, что пророк улетел на небо на огненном шаре, и многому другому. Когда бледнолицый рассказывал все это, Ассовум верил ему, отчего же он не хочет в свою очередь поверить тому, что говорит краснокожий? Почему он не поверил, да еще и назвал Ассовума лгуном? Нет, глаза белого обращены только в свою сторону, а больше он ничего не способен видеть!

Презрительно взглянув на растерявшегося Роусона, Ассовум, не дожидаясь ответа, пошел к дому, знаком велел Алапаге принести туда же его вещи и оленью ногу.

Тем временем Гарпер закончил свой рассказ, под конец покрытый дружеским хохотом всех присутствовавших, не исключая его самого. Затем посетители разбрелись по домам, так как близилось обеденное время. Гарпера же с племянником как редких гостей миссис Робертс не отпустила, пригласив на обед к себе.

Браун намекнул Робертсу, что для предстоящей экспедиции в Техас ему понадобится лошадь. Старик, владевший прекрасными лошадьми и славившийся среди окрестных фермеров как лучший знаток коней, воспользовался случаем похвастаться своей конюшней и потащил молодого человека смотреть его любимцев.

— Вот лошадь, которая подойдет вам как нельзя лучше, но только, хоть я и рад продать ее, мне жаль, что вы пускаетесь в такое опасное предприятие. По-моему, Техас — такая страна, где никто не сможет добиться успеха.

— Мне надоела сидячая жизнь, — ответил Браун, — а потому и тянет повидать свет. По окончании же войны я обязательно опять вернусь сюда!

— Ну, не так то просто вернуться из Техаса! Там или умирают, или превращаются в авантюристов!

— Ваш дом скоро совсем опустеет, мистер Робертс, — как-то уныло сказал Браун, видимо, не слушая, что говорит ему старик. — Сын ваш уехал в Теннесси, и когда Мэриан...

— Да, да, через месяц и она покинет нас, хотя я лично недолюбливаю этого святошу. Правда, он кроток, но в его порядочности я сильно сомневаюсь. По крайней мере он позволяет Гитзкоту говорить о нем такие вещи, за которые я немедленно бы всадил нож в шею. Тем не менее, когда он заплатит за землю и устроится как следует, Мэрион станет его женой. Да что с вами, Билл? О чем вы задумались?

— Так, ничего; немного голова болит!

— Смотрите! — воскликнул вдруг Робертс. — Кто-то едет сюда. Четверо всадников, и все вооруженные! И ружья, и ножи, — вот так неожиданность для моей жены, не позволяющей носить в воскресенье оружие. Боже мой! Да это регуляторы! Гитзкот, Мулинс, Смит и Гейнце. Должно быть, у нас в округе опять не все спокойно!

Глава IV

РЕГУЛЯТОРЫ. СТЫЧКА

В описываемую нами пору такие отдаленные от главных правительственных центров штаты, как Арканзас, Миссури, Иллинойс, Кентукки, Теннесси и Миссисипи, служили ареною грабежей различных разбойничьих шаек, прямо-таки наводнивших эти места. Власти, несмотря на все предпринимаемые усилия, ничего не могли поделать с ними. Тогда-то стали образовываться отряды местных фермеров, желавших каким бы то ни было способом избавиться от непрошенных гостей.

Такие отряды присвоили себе название «Регуляторы» и стали в широких размерах применять закон Линча, дававший право совершать смертную казнь над виновными в разбоях и грабежах. Беспощадные, по-видимому, действия регуляторов, однако, имели свое оправдание. Обозленные постоянными кражами и грабежами местные жители считали себя даже обязанными придти на помощь правительственным властям и избавить наконец свой край от возмутительного бандитизма.

Шерифы, судьи и прочие власти, невзирая на строгое запрещение применения местными жителями закона Линча, ничего не могли поделать. Да и как стали бы они преследовать неизвестных преступников, когда зачастую и самое преступление проходило бесследно, не достигнув их ушей?

Беда заключалась, однако, в том, что регуляторы не всегда бывали беспристрастны и карали только явных преступников. Иногда личная месть, оскорбленное самолюбие, увлечение заставляли регуляторов необдуманно лишать жизни совершенно неповинных граждан.

Однажды в Уайт-Коунти регуляторы захватили одного совершенно безвинного человека и, привязав его к дереву, стали бить плетьюми, стараясь заставить его сознаться в преступлении, которого тот не совершал. Бедная жена этого фермера не вынесла тяжелой сцены наказания мужа и через несколько дней скончалась от горячки. Правда, впоследствии фермер доказал свою невиновность и в отместку убил предводителя регуляторов, но впечатление их проступка едва ли могло изгладиться. Поговаривали, что и Гитзкот принадлежал тогда к тому печально известному отряду регуляторов и что именно указанная выше причина и послужила поводом к его изгнанию из Коунти.

Гитзкот славился как человек крайне надменный, задира, чрезвычайно дикого и свирепого нрава. Но люди, даже не желавшие с ним иметь никакого дела, вынуждены были все-таки признать его честность и храбрость. Остальные регуляторы, принадлежавшие к его отряду, были все больше из окрестных фермеров; все они носили карабины, ножи и кинжалы, сам же Гитзкот, как еж щетиной, был увешан всяким оружием.

Робертс окликнул подъезжавших всадников и осведомился, уж не с индейцами ли они собираются сражаться, если вооружились с ног до головы.

— Какие там индейцы! — ответил Гитзкот. — Конокрады опять появились в нашей местности и неподалеку от реки Арканзас увели четырех лошадей у Роулеса. Судя по следам, воры отправились на юго-восток, но, к несчастью, проклятый дождь смыл следы, и мы принуждены были разделиться на несколько отрядов, чтобы оцепить округу. Вот, направляемся к Вилькинсу, чтобы выработать дальнейший план. Не пожелает ли кто-нибудь из вас присоединиться к нам?

— Ну, уж только не я! — отозвался Робертс.

— Напрасно! Ведь у вас такой табун прекрасных лошадей, что не сегодня-завтра и к вам могут пожаловать нежданные гости.

— Вот мы и подождем, пока это случится! Однако, джентльмены, прошу слезть с лошадей и закусить чем Бог послал.

— С величайшем удовольствием! — отозвался Гитзкот, тотчас же спешиваясь. — Нам предстоит еще порядочный конец, а подкрепиться никогда не мешает!

Остальные регуляторы последовали примеру своего предводителя и тоже сошли с лошадей. Некоторые из них, знакомые с Брауном, подошли к нему поздороваться

— А вы, молодой человек, отчего не хотите поддержать наше правое дело? — спросил его Гитзкот.

— Оттого, во-первых, что я совершенно незнаком с этой местностью и редко бываю здесь. Я постоянно в разъездах: сегодня здесь — завтра там. Во-вторых, скажу откровенно, я не уважаю вашего образа действий, иногда прямо-таки бесчеловечного.

— Ого, джентльмен, нужно пожить здесь подольше и тогда уже судить о наших действиях! — сердито пробормотал Гитзкот.

— Пожалуйста, господа, войдите в дом! — раздался с порога голос Робертса, как нельзя более кстати прервавший обострявшийся разговор Брауна с Гитзкотом. — Садитесь и принимайтесь за еду, будьте как дома!

Большинство фермеров чинно сидели за столом, не без уважения относясь к находившемуся здесь проповеднику, так как и сами были методистами. Только Гитзкот беспокойно ворочался на своем стуле, бросая в сторону Роусона довольно недружелюбные взгляды. Если бы не присутствие женщин за столом, регулятор наверное бы разразился потоком брани по адресу проповедника.

— А не найдется ли у вас глотка виски? — прервал молчание Гитзкот, утираясь рукавом куртки. — После того, чем угостила нас миссис Боувит, у меня все время свербит в горле.

— Мы вовсе не держим спиртных напитков! — возмутилась набожная хозяйка. — Да и миссис Боувит сделала бы лучше, если бы тоже не держала их.

— Вот-вот! И я тоже говорю! Чем держать какую-то дрянь, лучше вовсе ее не иметь, — отозвался Гитзкот, как бы не поняв, что хотела сказать хозяйка.

— Мистер Гитзкот, неужели вы не понимаете, что здесь лучше совсем не поднимать разговора о виски? Он, как видите, неприятен почтенной миссис Робертс! — вмешался Роусон.

— Мистер Роусон, неужели вы не понимаете, что вам лучше держать язык за зубами и не совать нос в чужие дела?! — иронически произнес регулятор.

— Господа! — заявил вошедший в это время Робертс, желая замять неприятный разговор. — Я велел задать корма вашим лошадям.

— Чрезвычайно благодарны за это! — отозвались регуляторы и стали подниматься из-за стола.

Затем все отправились на двор, где, усевшись на стволах спиленных деревьев и пнях, стали обсуждать различные планы, каким бы образом поймать конокрадов.

— Рано или поздно, но мы поймаем их, — заявил Гитзкот, — и тогда уж пусть они поберегутся! Я их повешу на ближайшем дереве! Ей-богу!

— По-моему, слишком жестоко наказывать смертью кражу! — заметил Браун.

— Жестоко, говорите вы? Да ведь с пропажей лошадей фермер теряет все. Я недавно продал трех лошадей за хорошие деньги, и вот они, у меня в кармане! А что бы я стал делать, если бы лошадей украли? Все пошло бы прахом. Нет, не будет пощады этим разбойникам! Я сам рискую жизнью в этой борьбе, и если выйду победителем, то пусть они берегутся! — Гитзкот возбужденно всадил нож в дерево, на котором сидел. — А, — прибавил он, завидя выходящего из дома проповедника, — вон опять появился наш почтенный джентльмен!

Роусон, как бы не слыша обращения Гитзкота, велел слуге-негру приготовить ему лошадь.

Гитзкот, видя, что проповедник не желает обращать на него внимания, поднялся и громко сказал:

— Ну-с, господин святоша, я думаю, вы должны что-нибудь ответить на мое обращение, черт бы вас побрал!

Не успел никто и слова сказать, как Браун подлетел к Гитзкоту, схватил за шиворот и с такою силою перекинул его через древесный ствол, что, упав навзничь, тот расшибся в кровь. Остальные регуляторы мигом бросились между Брауном и упавшим предводителем. Тот вскочил на ноги, вытащил воткнутый в дерево нож и ринулся на обидчика. Билл, однако, не оробел и, вытащив из-за пояса пистолет, прицелился в противника.

Гитзкот, очевидно, не ожидавший такого отпора, хотел схватиться за карабин, но товарищи не дали ему этого сделать.

— Не мешайте, черт вас подери! — зарычал разъяренный кентуккиец. — Я сейчас по-свойски разделаюсь с этим молокососом!

— Пускай попробует, — возразил Браун, тоже вытаскивая нож, — посмотрим, кто с кем разделается!

— Мистер Гарпер, вступитесь же, ради Бога! — бледная, как полотно, закричала Мэриан. — Ведь Гитзкот способен убить кого угодно!

— Полно, дорогая мисс, — успокоительно ответил толстяк, — уйдите в дом, здесь не место молодой девушке.

— Но он убьет его! — горько плача, сказала девушка.

— Кого убьет? Вашего жениха? — несколько удивился Гарпер тому страстному вмешательству, с которым относилась Мэриан к разыгравшейся сцене. — Да ведь он совершенно в стороне. Это ссора между Биллом и Гитзкотом!

Девушка, не проронив больше ни слова и закрыв лицо руками, удалилась в дом в сопровождении Роусона, не спеша подошедшего к ней.

— Пустите меня! — ревел Гитзкот. — Я убью этого мерзавца, как собаку!

— В самом деле, отпустите его! — хладнокровно сказал Браун, бросая на землю пистолет. — С нас довольно и ножей!

Регуляторы расступились, и два противника, пожирая друг друга глазами, остановились один против дру-

гого. Руки их судорожно сжимали ножи. Каждый ждал нападения противника, Браун — спокойный и бесстрастный, Гитзкот — разъяренный, но озадаченный хладнокровием врага. Несколько мгновений длилось молчание, показавшее нерешительность соперников. Все затаили дыхание. Мэриан, точно приговоренная к смерти, скрестив руки, стояла на крыльце дома, с мучительной тревогой ожидая конца. Непонятное никому волнение молодой девушки было настолько сильно, что она дрожала всем телом.

Наконец, напряженное ожидание утомило зрителей, и они решили развести противников.

— Довольно, Гитзкот! — сказал Мулинс. — Нужно было драться, когда было время. Неделikatно заставлять хозяев этого гостеприимного дома переживать такие неприятные минуты.

— Это-то и удержало меня! — проворчал Гитзкот, давая товарищам увести себя. — Но этот молокосос пусть не подставляется под дуло моего карабина!

Хвастливые и неуместные слова регулятора вызвали неодобрительные замечания даже у его товарищей.

— Пускай болтает! — насмешливо сказал Браун. — Ведь это все, что ему остается делать!

Гарпер, в свою очередь, взял племянника за руку и потащил в дом.

— Пойдем, Билл, — уговаривал он его. — Ты с честью вышел из этого столкновения, чего же тебе больше? Нужно пощадить и бедных женщин, перепуганных этой ссорой. Ведь Мэриан даже упала в обморок.

— Мэриан дурно! — воскликнул Браун, бросаясь к дому. — Впрочем, что мне за дело, — вдруг опомнился он, — ведь с ней ее жених!

В это время регуляторы уже уехали, и Роусон также собирался уйти. Пока Гарпер сговаривался с Робертсом, чтобы идти помогать старику отыскивать пропавших свиней и, кстати, зайти к Баренсу, о котором он слышал как об очень разговорчивом и даже любившем приврать человеку, проповедник подошел к Брауну, поблагодарил его и призвал благословение Божие на него, чтобы защитить от мести злопамятного Гитзкота.

— О, я несколько не боюсь его! — просто ответил молодой человек. — Моя сила и трусость противника га-

рантируют мне безопасность. Я сам не буду искать с ним ссоры, ну а он-то и подавно, поверьте, больше не решится связываться со мной!

Глава V

МЭРИАН И БРАУН

После отъезда Роусона, отправившегося на проповедь в другую ферму, Мэриан, все еще не успокоившаяся от пережитых волнений, бледная и заплаканная, сидела у камина. Около нее стояла старушка-мать, утешавшая девушку, как могла.

Гарпер, Браун и Робертс сидели тут же, покуривая трубки и рассуждая о текущих событиях.

— Полно же, дочурка, — говорила миссис Робертс. — Чего ты волнуешься?! Все обошлось благополучно. Твой жених здоров и невредим. Он поехал теперь не той дорогой, что регуляторы, следовательно, никакой опасности ему не угрожает. Поди-ка лучше на воздух, право, это лучше всего успокоит тебя. Стыдись, такая взрослая девушка, и вдруг плачет!.. Мистер Браун, — обратилась она к молодому человеку, видя, что грусть не покидает Мэриан и слезы медленно, одна за другой, падают на руки, — будьте добры, уговорите эту непослушную особу пройтись немного, и сами проводите ее. Свежий воздух и прогулка лучшее средство от расстройства нервов.

— Конечно, мисс Мэриан, — с готовностью поднялся Билл, подходя к ней и предлагая руку, — пойдете-ка, развлекитесь немного!

Мэриан наконец немного поуспокоилась и послушно отправилась за Брауном.

Солнце начинало закатываться. Длинные тени деревьев перечеркивали дорогу. Слышалось пение птиц. По сучьям гигантских пихт весело скакали белки, кидая вниз ореховую скорлупу, звонко ударявшуюся о землю. Вот на прогалине показалась олениха с детенышами и, вытянув голову, долго прислушивалась к обычному лесному шуму, затем осторожно двинулась дальше, все время оглядываясь, не грозит ли какая-нибудь опасность ее детенышам. Мэриан и Браун, шедшие по тропинке, не возбуждали чувства опасения у животных, которые точ-

но чутьем угадывали, что эти двое им не враги. Кругом царила торжественная тишина векового девственного леса, нарушаемая лишь монотонным шелестом листьев гигантских дубов.

— Я, право, не знаю, как и благодарить вас, мистер Браун! — начала молодая девушка. — Вы с такою самоотверженностью защитили честь мистера Роусона, подвергая опасности самого себя, что...

— О, мисс Мэриам, опасность была вовсе не велика, — перебил девушку смущенный похвалою Браун, — человек, постоянно толкующий, что он всех и вся уничтожит и убьет, — как правило трус! Он и Роусона-то задел, будучи уверен, что тот ему не ответит, как того и требовало его положение.

— Вы, кажется, все-таки сомневаетесь в мужестве мистера Роусона? — спросила Мэриан.

— О, нисколько! Он не мог ответить на оскорбление ударом ножа: ведь он проповедник!

— Как бы там ни было, я счастлива, что вы питаете такие искренние дружеские чувства к мистеру Роусону, — сказала девушка. — Скажите, когда вы с ним подружились?

— Какая у меня с ним дружба?! — изумился Браун. — Да я с ним и вижусь-то первый раз!

— И вы рисковали своей жизнью из-за незнакомого человека? — с удивлением смотря на собеседника, спросила Мэриан.

— Он — ваш жених, и этого для меня достаточно. Я видел, как вы побледнели при нанесенном ему оскорблении, и не мог сдержаться. Однако что с вами, мисс Робертс? Вам опять дурно? Присядьте вот на этот пенек. Отдохните немного.

Мэриан машинально последовала за своим спутником и так же машинально опустилась на пенек, к которому подвел ее молодой человек. Видимо, какая-то неотвязная мысль беспокоила ее.

— Скажите, Браун, правду мне говорил отец, рассказывая, что вы собираетесь покинуть нас и принять участие в войне за независимость Техаса? Что вас заставляет решиться на такой шаг?

— Многое, Мэриан! Я хочу развлечься, хочу отделаться от некоторых мучительных воспоминаний, и лучшее средство для этого — война. Впоследствии, ес-

ли все благополучно кончится, я вернусь, и тогда, как предлагает мне ваш отец, займусь вместе с ним торговлей лошадьми.

— Стало быть, вы несчастливы, если бежите отсюда? Как жаль, что Арканзас вам не по душе, а я так люблю наш край!

— Ваша любовь к месту, где вы встретили любимого человека и нашли свое счастье, вполне понятна. В таком случае можно полюбить страну и худшую, чем Арканзас. Я же оказался здесь несчастлив!

— А кто же, по-вашему, счастлив здесь? — задумчиво спросила девушка.

— Несомненно, Роусон! — уверенно ответил Браун, даже чуть испугавшись своей уверенности.

— Нам, кажется, уже пора вернуться домой! — вдруг порывисто встала со своего места Мэриан. — Да и москиты перед заходом солнца становятся невыносимы.

Молодые люди повернули обратно и некоторое время шли молча, не обменявшись ни словом.

— Скажите, Билл, ведь вы живете со своим дядей? — спросила Мэриан, чтобы хоть как-нибудь нарушить тягостное для обоих молчание.

— Да, мисс Мэриан, мы живем вместе с ним, по-холостяцки, — скучная жизнь!.. Я слышал, что мистер Роусон собирается поселиться неподалеку? — спросил он в свою очередь. — На днях, как он при мне говорил вашему отцу, он получает большую сумму денег, и тогда...

— Тогда состоится наша свадьба, потому что отец иначе не соглашается выдать меня за Роусона. Он и вообще-то противник этого брака.

— Странно, — заметил Браун, — противиться счастьем дочери...

— Он уверен, что я не буду счастлива.

— Что за пустяки! Любовь неразлучна со счастьем!

— Не знаю!

— Не знаете? Так, значит, вы не любите Роусона?

— Видите ли, в чем дело. Мама положительно очарована этим благочестивым и вежливым человеком и всеми силами старается связать мою судьбу с ним. Она уверена, что это — самый подходящий жених для меня, потому что сватавшиеся за меня окрестные молодые фермеры все так необразованы и грубы! Ни один из них мне не нравится. Мое уважение принадлежит всецело

мистеру Роусону, этому деликатному, умному человеку, с хорошими манерами и приличным поведением. Он, постоянно бывая в наших местах, познакомился с нами, часто стал заезжать к нам, понравился матушке и, наконец, поселился по соседству. Я и не подозревала, что он хочет жениться на мне, и была крайне изумлена его предложением. Отец, питающий к этому человеку какую-то непонятную неприязнь, сначала упорно не соглашался дать свое благословение на этот брак, что послужило поводом к неоднократным сценам между ним и матерью. Наконец, мама сумела убедить его, и вот — я невеста Роусона. Через месяц, когда он окончательно устроится, назначена свадьба, и я стану его женой.

Последние слова девушка договорила таким унылым, печальным тоном, что сердце Брауна невольно дрогнуло. Он взглянул на свою спутницу, но та в это время отвернулась, и широкие поля шляпы скрыли ее личико от пытливых глаз молодого человека.

— Мистер Браун, — продолжала через несколько мгновений девушка, — я вам совершенно откровенно поведала немудреную историю моей жизни. Неужели подобное доверие не заслуживает такого же и с вашей стороны?

— Рассказ о моей жизни, пожалуй, гораздо неинтереснее вашего. Жизнь моя не оставила у меня никаких приятных воспоминаний. Еще мальчиком я переселился с отцом из штата Виргиния, места моей родины, в Кентукки. Тогда эта страна была почти совсем необитаема, и мы оказались в числе первых белых пионеров. Постоянно приходилось нам выдерживать нападения краснокожих, тревоживших нас своими набегами. При одном из таких нападений отец мой, а вместе с ним и другие белые были убиты. Каким-то чудом уцелел только я один. Добравшись до ближайшего поселка, я поднял на ноги всех окрестных жителей, и мы справили кровавую тризну по убитым индейцами. У вас волосы бы поднялись дыбом от одного рассказа об этом избиении краснокожих, но, что делать, они, в свою очередь, совершали над белыми еще худшие вещи, и следовало отучить их от этого. Одиноким как перст, я решил поселиться у дяди в Фурш Лафаве, где он сам только что устроился. На первых же порах, проезжая верхом по незнакомому еще лесу, я как-то заблудился и выехал к одной ферме. Там я встретил прелестную девушку, сразу заполонившую мое сердце, ранее

бывшееся совершенно спокойно. Вот, подумал я, возможность и угодить дяде, все время пристававшему ко мне с уговорами о женитьбе, и самому насладиться счастьем, какое только возможно на земле. Недолго мне пришлось радоваться. Я тогда же узнал, что... эта девушка невеста другого! С тех пор жизнь окончательно опротивела мне. Я прожил еще несколько дней у дяди, затем уехал в Техас, снова вернулся и опять уеду все таким же несчастным, с разбитым сердцем... Вот моя жизнь, Мэриан. Не правда ли, мне нельзя позавидовать?

Мэриан ничего не ответила, но две горячие слезинки повисли на ее длинных черных ресницах. Браун, однако, не заметил этого, так как внимание его внезапно привлек шум в густых кустах, мимо которых пролежала тропинка. Он ясно расслышал там чьи-то мягкие шаги по сухой листве и только, почуввав опасность, остановился и схватился за оружие, как кустарники раздвинулись, и громадная пума, одним прыжком перескочив через кустарник, очутилась перед гулявшими. Глаза ее горели, как уголья, а из разинутой пасти вырывалось сердитое рычание — выражение гнева на непрошенных гостей, потревоживших ее покой.

От испуга девушка лишилась сознания и, как подкошенная, упала на руки Брауна. Тот, подхватив ее левой рукой, правой вытащил из-за пояса пистолет, раз уже помогший при столкновении с Гитзкотом. Зверь, пораженный столь близким соседством людей, которых он едва ли мог ожидать так недалеко, казалось, находился в нерешительности: нападать или бежать?

Молодой человек, привыкший к внезапным опасностям и умевший смело смотреть в глаза смерти, к чему его с малолетства приучила скитальческая жизнь в прериях, встречи с дикими зверями и индейцами, конечно и здесь не сплеховал. Хладнокровно прицелившись, он спустил курок пистолета, и только тяжесть тела девушки, которую он поддерживал левой рукой, несколько ухудшила верность прицела: пуля, миновав голову, засела в правом плече. Пума, ошеломленная и неожиданной встречей, и выстрелом, испустила пронзительный вой, и затем все стихло. Только широкая полоса крови показывала, что пуля пролетела мимо цели.

— Мисс Мэриан, успокойтесь! Зверь испугался выстрела и убежал, опасность прошла! — успокаивал Бра-

ун очнувшуюся от выстрела девушку, стараясь приподнять ее. — Полно, перестаньте, Мэриан, теперь уже нечего бояться.

Однако пережитые волнения были настолько сильны, что девушка не выдержала и, разрыдавшись, прильнула к груди давно любимого ею человека. Браун теперь только понял, какое счастье могло бы ожидать его, если бы он не опоздал. Любимая девушка отвечала ему тем же, но — увы! — она была невестой другого.

— Мэриан! — горестно воскликнул он. — Сегодня самый счастливый и в то же время самый несчастный день в моей жизни. Я любил и люблю вас безумно. Я отдал бы полжизни за счастье обладать вами. Теперь же, когда я знаю, что и вы любите меня, но не можете быть моей, мне вдвое тяжелее, чем раньше. Однако мы должны расстаться, я не хочу стоять на дороге вашего избранника. Я уеду в Техас и там, в тревогах лагерной жизни и громе битв, постараюсь забыть то, что для меня дороже жизни! Завтра же меня не будет в Арканзасе, но я чувствую, что забыть вас окажется свыше моих сил!

Мэриан, заслушавшись дорогого человека, инстинктивно склонила голову к нему на плечо, и молодые люди замерли в первом объятии. Несколько мгновений они стояли так, молча, наконец Браун усадил девушку на поваленный бурей ствол дерева и спросил:

— Мэриан, я прошу у вас откровенности: любите ли вы своего будущего мужа?

— Нет, не люблю! — твердо ответила та. — Матушка настолько симпатизирует ему, что уговорила меня пойти за него замуж. На меня же лично Роусон не произвел никакого впечатления. Правда, он очень деликатен, вежлив, набожен, и только полное отсутствие кого бы то ни было более интересного пробудило во мне чувство, которое казалось мне любовью, но с вашим приходом я поняла, что люблю только вас одного, Роусона же уважаю, и не больше! Однако довольно. Наше долгое отсутствие может показаться подозрительным и неприличным. Это свидание с вами должно быть последним, сжальтесь надо мной и не добивайтесь наших встреч, иначе я не выдержу тоски и страданий!

— Да, Мэриан, вы правы, нам нужно расстаться. Я провожу вас до дому, и больше мы с вами не увидимся. Дай Бог, чтобы Роусон сумел сделать вас такой счастли-

вой, как вы того заслуживаете! А обо мне лишь изредка вспоминайте, как о человеке, который вас любит больше всего на свете и скоро, быть может, прольет кровь за лучшую долю человека — свободу. Прощайте!

Молодые люди обнялись еще раз и обменялись своим первым и последним поцелуем. Наконец, Мэриан вырвалась из объятий огорченного Брауна и быстро направилась к дому. Молодой человек последовал за нею.

Гарпер и Робертс, слышавшие выстрел Брауна и встревоженные долгим отсутствием молодых людей, вышли из дома и попались им навстречу. Хозяин взял дочь за руку, а Гарпер и Браун шли за ними в некотором отдалении. Молодой человек тотчас же передал дяде свое решение завтра же отправиться в Техас.

— Что за глупая поспешность! — с беспокойством воскликнул Гарпер. — Да и как же я останусь один? Это даже неприлично. Нет, голубчик, как хочешь, а я лишу тебя наследства! — принужденно рассмеялся он, хотя деньги, дом и земли на самом деле принадлежали его племяннику.

— Дядя, я должен ехать! — серьезно сказал Браун.

— Но почему, объясни мне, пожалуйста?

Браун ничего не ответил, но только отвернулся, чтобы скрыть выражение страдания на своем лице, молча пожав руку дяде.

— Завтра утром, — продолжал он, справившись наконец с своим волнением, — я уезжаю в Литл Джен, откуда вернусь домой через неделю, чтобы окончательно подготовиться к поездке в Техас. Вы же пока переговорите с Робертсом относительно продажи его гнедого, да приготовьте несколько зарядов и малую толику съедобного, вот и все!

— Да ну идите же скорее! — раздался в это время голос фермера. — Что вы там застряли и секретничаете, ужин давно готов!

— Так ты точно еще вернешься домой через неделю? — тихонько спросил Гарпер у племянника.

— Ну конечно, ведь мне же необходима лошадь. А теперь прощайте пока, не говорите Робертсам, что я обещал вернуться! — с этими словами Браун быстро ушел.

— Да вы один, Гарпер! — обратился к нему старик-хозяин, когда охотник вошел в комнату. — А где же Браун? Ужин остынет окончательно, и в этом будет виновата его медлительность. Чего он там копается?

— Кто его разберет, — печально ответил Гарпер, — он уже уехал!

— Как уехал? Когда? — встревожились хозяева. — Почему же он ничего не сказал нам?

— Мне он, по крайней мере, говорил, — вмешалась Мэриан, — что его ждет какое-то неотложное дело в Литл Джен, и очень сожалел, что не может остаться с нами.

— Да-да, — вдруг заторопился Гарпер, — ему крайне необходимо ехать. Лучше будет, если я его провожу, потому что, вероятно, он не справится со своими делами раньше нескольких дней.

— Успеете еще, мистер Гарпер, — недовольным тоном сказала старушка, — дела вашего племянника далеко не убегут, если вы полчаса посидите и закусите с нами на дорогу.

— Нет уж, извините, лучше я завтра к вам заеду утречком, и мы с Робертсом, позавтракав у вас, отправимся вместе на охоту. Эй, послушай, — обратился он к негру слуге, — веди поскорее мою лошадь! Так решено, завтра утром я буду у вас и захвачу с собой, кстати, и Ассовума.

— Да, да, — отозвался фермер, — не забудьте взять и его с собой, он нам может быть очень полезным при отыскивании свиней, пропавших у меня.

— До свидания, мистер и миссис Робертс! — раздалось в это время со двора. То Браун, сидевший уже верхом, прощался с хозяевами. — Прощайте, мисс Мэриан!

— Войдите на минутку в дом, мистер Браун, — сказала ему жена фермера, — и если сами не хотите ничего съесть, то хоть подождите, пока ваш дядя выпьет чашку кофе, ведь у себя дома вы ничего горячего уже не готовите.

— Пусть дядя пьет хоть пять чашек, мне пора. До свиданья!

— погоди, Браун, я еду с тобой! — крикнул Гарпер, наскоро глотая свой кофе. — Прощайте, дорогие хозяева, до завтра!

Браун, не дожидаясь влезавшего на лошадь дядю, дал своему скакуну шпоры, и тот, взвившись сперва на дыбы, стрелою проскакал в ворота, мелькнув на мгновение мимо настезь раскрытых дверей дома.

— Уж поскакал! — с досадой сказал Гарпер, пришпоривая своего коня. — Вот неугомонный мальчишка! А я изволь теперь догонять его!

Хозяева молча стояли в дверях некоторое время, удивленные неожиданным отъездом гостей.

— Что за странные люди, и дядя, и племянник! — сказала наконец миссис Робертс. — Неужели не лучше было остаться у нас переночевать, чем ночью скакать, сломя голову, неизвестно зачем?

— Ну, ну, не ворчи, а лучше угости-ка меня свежим кофе, а то мой совсем остыл из-за их скоропалительного отъезда. А все-таки молодец Билл, как он ловко отделал Гитzkота, просто любо.

— А вы не думаете, папа, что Гитzkот станет мстить ему за это? — тревожно спросила Мэриан, втайне страдая от сознания грозившей Брауну опасности.

— Не думаю, — ответил фермер, — да и Браун не такой человек, чтобы бояться мести регулятора. Однако, — добавил он, позевывая, — прочтем-ка вечернюю молитву, да и на покой!

Долго и горячо молилась в тот вечер молодая девушка, и когда наконец заснула в своей комнате, усталая после пережитых волнений, увидела во сне своего любимого.

Глава VI

МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА

Утро следующего дня было великолепно. Косые лучи солнца пока еще с трудом пробивались сквозь чащу деревьев. Население полей и лесов мало-помалу начинало пробуждаться, издавая тысячи разнообразных звуков, приветствующих пробуждение природы. Птички, покачиваясь на ветвях деревьев и паря в утреннем прозрачном, подернутом легкой дымкой, точно дрожащем воздухе, на разные голоса заливались в поднебесье. Петух, на дворе стоявшей в глуши леса фермы, громко призывал своих подруг задорным криком. От обильной росы каждый лист, каждая травинка переливались всеми цветами радуги; капли росы, точно драгоценные бриллианты, дрожали на чашечках цветов, благоухающих слегка пьянящим ароматом.

По большой дороге медленно ехали два всадника. То были знакомые уже нам Гарпер и Браун. Их охотничьи

блузы, ботинки и мокасины из оленьей кожи свидетельствовали о том, что они собрались не на простую прогулку. К тому же у каждого из них за плечами висел карабин, а у пояса широкий охотничий нож. На обратном пути от Робертсов Браун не мог ничего скрыть от своего доброго дяди и подробно рассказал обо всем происшедшем. Теперь каждый из них был погружен в свои размышления, и они молча доехали до того места, где от дороги поворачивала к горному хребту до реки Ципрес, а оттуда в Литл Джен вела узкая тропинка. Здесь-то Браун и остановил свою лошадь, чтобы проститься с дядей.

— Прощай, мой милый! — сказал Гарпер, сжимая руку племянника. — Поезжай куда тебе нужно и непременно возвращайся к назначенному сроку. Поездка, возможно, несколько развлечет тебя. Быть может, со временем ты сумеешь забыть любимую девушку, хотя это и будет очень нелегко сделать. Ну да не унывай особенно: не с тобой одним случаются подобные вещи. Я тоже мог бы рассказать довольно печальную историю, да не хочу усиливать и без того грустное настроение. Пока ты будешь справляться со своими делами в Литл Джене, я здесь приготовлю все необходимое тебе в дороге. За одеялом я пошлю одного человека в Литл Рок, а сам займусь приготовлением пуль и зарядов. Оленьи шкуры для одежд тебе Алапага тоже успеет приготовить к возвращению. Ей, видишь ли, понадобились оленьи мозги, так я сегодня постараюсь убить парочку-другую животных для ее работы. Итак, все будет готово, прощай еще раз. Да сохранит тебя Господь от всяких напастей! Не забудь, если встретишься с регуляторами, а это весьма возможно, так как ты поедешь по той же дороге, что и они, постарайся не затевать с ними новой ссоры. Право, Гитзкот, да и все они, вместе взятые, не стоят того, чтобы ты из-за них рисковал своей жизнью!

— На этот счет вы можете быть спокойны, дядя, — уверенно ответил Браун. — Этот негодяй получил уже хороший урок, так что едва ли полезет ко мне еще раз, сам же я и не подумаю придирааться к нему. Так до свиданья, милый дядя! Напомните еще раз Мэриан обо мне. Я же постараюсь, как мне подсказывает рассудок и совесть, забыть ее. Бог даст, в следующий раз мы свидимся с вами при лучших обстоятельствах и в более веселом настроении. Прощайте, дорогой мой!

Они расстались. Гарпер долго еще стоял на перекрестке двух дорог, глядя вслед племяннику, пока тот не скрылся за цепью холмов. Только тогда он медленно тронул своего коня. Лицо его было грустно: нелегко, очевидно, было ему примириться с мыслью о разлуке с племянником, решившим покинуть его, чтобы начать новую жизнь, полную трудов, лишений и опасностей.

На ферме Робертса, когда туда приехал Гарпер, все уже было в движении. Вскоре прибыли еще два охотника — фермер Куртис и его гость, торговец Гарфорд, встреченные радостными восклицаниями хозяина. Поднялась неимоверная сутолока. Собаки заливались лаем, охотники перекликались друг с другом, а на дворе суетилось пернатое население птичника, испуганное необычно ранним шумом.

Проголодавшиеся после утренней прогулки верхом охотники не заставили дважды приглашать себя к завтраку и отдали должное искусным рукам хозяйки, наготовившей лакомых кушаний. Блюдо за блюдом опустошали они, похваливая и еду, и погоду, и соседей, и хозяев.

После завтрака мужчины вооружились и отправились к лошадям, уже отвязанным и взнузданным; их держал у ворот негр-слуга.

Воспользовавшись удобным моментом, Гарпер отошел от товарищей и направился к Мэриан. Молодая девушка, видимо, поняла движение Гарпера и, в его лице своего дорогого Брауна, с жаром пожала протянутую стариком руку. Не находя слов утешения, Гарпер только и ограничился этим рукопожатием да ласковым взглядом.

В это время раздался звук рога: то Робертс созывал собак, готовясь к отъезду. Гарпер тоже вскочил на лошадь, и вся компания тронулась в путь.

Грусть, навеянная было на Гарпера видом молодой девушки, моментально испарилась, лишь только он очутился под сводом могучих деревьев. Он был страстный охотник, а где как не в Арканзасе разгуляться охотничьим страстям! Спутники Гарпера, пересекши горный хребет, разделявший реки Фурш Лафав и Ципрес, поехали вдоль берега последней, до ее истока, а затем, проехав немного вдоль Литл Джен, спустились в долину, образуемую этой рекой.

— Желал бы я знать, куда это запропастился наш краснокожий? — спросил, наконец, Робертс. — Ведь,

кажется, кто-то из вас говорил мне, что он хотел нас догнать у Литл Джена. Так чего же он не идет? Наши следы, я думаю, настолько ясны, что трудно бы не найти и не догнать нас. Эй, Куртис, смотрите, чего это Этти так завиляла хвостом? Вероятно, собака напала на чей-нибудь след!

С этими словами фермер слез с лошади, чтобы проверить свою догадку, и сразу же заметил отчетливый след медведя, шедший к реке. По-видимому, на том месте, где вертелась собака, зверь отдыхал, отчего Этти, несмотря на приказание хозяина, не хотела отойти отсюда.

— Ого, — сказал Куртис, также спешившийся и рассматривавший следы, — да зверь-то, оказывается, был большущий! Смотрите, до чего ясен на земле отпечаток его когтей. Ну, Робертс, жаль мне ваших заблудившихся свиней, если их заметил этот великан. Ба, да тут еще чьи-то следы! Тут, кажется, стоял индеец с кем-то. Неужели это был Ассовум? Однако где же собаки? — спросил он, поднимая голову. — Робертс, потрубите-ка им!

Тот затрубил, и через несколько мгновений послышался собачий лай. Первым выскочил из лесу Поппи Робертса, а затем и остальные. Какая-то молодая такса, почуяв новый след, бросилась в сторону, в лес, увлекая своим примером и остальных. Напрасно охотники то криком, то рогамы старались вернуть их.

— А ну их к черту! — рассердился Робертс. — Проклятая такса; не будь ее, собаки наверняка не бросились бы по ложному следу!

— Да, — подхватил другой охотник, торговец из восточных штатов, — ну и собака же у вас, Куртис: ее нужно бы прямо застрелить за такую глупость!

— Провались этот рыжий дьявол! — раздраженно ругался Робертс. — Ведь этакая дрянь, в самом деле...

— Я бы охотно дал двадцать долларов, — перебил его несколько обиженный за собаку Куртис, — чтобы мистер Роусон послушал, как вы здесь ругаетесь!

— Какое мне дело до Роусона! Будь он здесь, это нисколько не мешало бы мне ругаться!

— Ну а что сказала бы ваша жена? — продолжал язвительно Куртис.

— Ей нечего делать в болотах Литл Джена, — ответил Робертс, — так нечего о ней и говорить! Вот лучше скажите, что мы теперь должны делать: наши собаки вер-

нутя не раньше, как часа через три, да и то совершенно измученные.

— Тише, тише, — вдруг произнес Гарпер, беря ружье на изготовку. — Я слышу какой-то шум, но только это не собаки!.. Слушайте!..

— Да это идет Ассовум, ей-богу, — сказал он, когда шум сделался яснее. — Трубите, Робертс, так индейцу легче найти нас.

На трубный призыв Робертса из-за холма раздался чей-то крик.

— Bravo! Это голос Ассовума! Если собаки попались ему навстречу, то он приведет их обратно, так как они его хорошо знают.

Гарпер оказался прав. Через несколько минут к охотникам подошел Ассовум со всей стаей собак.

— Здорово, дружище! Где ты подобрал наших собак? — весело спросил Робертс.

— Огромный медведь, оставляющий на почве глубокие следы когтей, перешел через холмы. Он теперь направляется к реке, выворачивая большие камни, под которыми ищет червяков. У реки он и заляжет в густой чаще, где поменьше moskitов, Ассовум хорошо знает, где найти зверя.

— Ну а как же вам удалось найти и привести обратно наших собак?

— О, индеец сразу замечает, когда собаки бегут по неверному следу. Когда Поппи бросился ко мне ласкаться, я удержал его за лапы. Тогда и остальная стая остановилась за главной ищейкой. Они все хорошо знают Ассовума! — с довольной улыбкой сказал краснокожий, ласково глядя скакавших вокруг него псов.

— Так покажем собакам настоящий след, — сказал Робертс, — и тогда...

— Тогда они опять повернут к холмам, — перебил его Ассовум. — Нет, лучше я сначала поведу собак, а затем, если заметим, что они взяли верный след, спустим их с привязи, и охота будет удачной.

Все согласились с доводами индейца, а Поппи, точно сознавая свою ошибку, виновато вилял хвостом и свободно позволял Ассовуму вести себя за ошейник до тех пор, пока индеец, пройдя шагов пятьсот, не пустил его. Собака, почуяв, наконец, медведя, разом повеселела и бросилась вперед. За нею понеслась и остальная стая.

— Теперь, друзья мои, на коней и вперед! — воскликнул Робертс, вскакивая на лошадь и пуская ее полным карьером.

Не сдерживаемые больше поводьями, лошади резво поскакали вперед, точно чувствуя, заодно с охотниками, всю прелесть подобной скачки за зверем. Охотники напропалую мчались через чащи и болота, через наваленные деревья, сквозь густой кустарник. Всем им, кроме Гарфорда, были нипочем встречавшиеся на пути препятствия. Торговец же, не привыкший к бешеной скачке степных мустангов, вскоре свалился с лошади, призывая товарищей на помощь. Однако ни один из них и не подумал остановиться: даже для лучшего друга, попавшего в беду, не остановится арканзасский охотник, если он гонится за зверем. Когда севший опять на лошадь Гарфорд и остальные охотники подскакали к тростникам, им пришлось спешиться и, прочищая дорогу, пробираться сквозь их чащу. Каждая минута была на счету, так как в глубине зарослей слышались лай собак и треск тростников, ломаемых грузным телом зверя.

Медведю, казалось, не было выхода. Он был застигнут собаками в своем логовище и яростно оборонялся от них. Опоздай медведь вскочить, собаки моментально загрызли бы его. Теперь же наиболее сильный из всех, Поппи, нападал с большой осторожностью, ограничиваясь хватанием зверя за задние ноги и стараясь не попадаться ему в лапы. Этти же, как более слабый, довольствовался только лаем да угрожающими прыжками. Однако, когда, припав к земле, медведь собирался дать тягу, Поппи так сильно вцепился ему зубами в зад, что животное невольно обернулось, чтобы наказать смельчака. Ловкая собака моментально отскочила, довольная уже тем, что задержала врага. Несмотря на все старания собак, им не удалось-таки надолго задержать медведя, и он пустился наутек, видимо, заботясь уже только о спасении собственной шкуры.

Не смея близко подойти к разъяренному чудовищу, собаки преследовали его по пятам сквозь чащу. Наконец тростники кончились, и перед медведем оказалось открытое место, которое он волей-неволей должен был преодолеть. Тут-то и ожидали отрезавшие ему отступление охотники, определившие по лаю собак выбранное животным направление.

В тот момент, когда медведь, выскочив из тростника, повернул налево, к реке, Робертс выстрелил. Тотчас же

раздался и другой выстрел: то стрелял Куртис и тоже попал. Однако пули не остановили зверя. Заревев от боли и бешенства, он припустил к реке.

Робертсу не хотелось упускать знатной добычи. Он, с ножом в руке, сделал громадный прыжок, выскочил из оврага и догнал медведя как раз у самой воды. В тот самый миг, когда охотник, очутившись рядом со зверем, всадил ему нож в бок по самую рукоятку, раздался третий выстрел. Робертс, не заметив результатов этого выстрела, в порыве охотничьей страсти хотел вытащить свой нож, чтобы еще раз ударить медведя, но тот, сраженный третьей пулей, уже валился в реку, увлекая и охотника, и двух собак, вцепившихся в него.

Все это произошло в течение каких-то десяти секунд, и никто не успел опомниться, как все четверо скрылись в мутных водах Литл Джен. Однако едва охотники добрались до берега, как на поверхности реки появились и охотник, и медведь, и собаки. Робертс спокойно подталкивал тело мертвого зверя к берегу. Тут только он заметил, с какой высокой крутизны они свалились в реку.

— Послушайте, Робертс! — закричал ему сверху Гарпер. — Как же мы теперь вытащим на берег тушу?

— Подождите вытаскивать зверя, а сначала помогите-ка мне взобраться к вам! — весело отозвался торжествующий фермер.

— А хорош ли и жирен ли медведь? — спросил Гарпер.

— Великолепен! — отозвался Робертс. — А если не верите, так прыгайте сюда и сами посмотрите!

— Ну уж благодарю! Лучше я вам на слово поверю!

Пока они перекликались, Ассовум наскоро соорудил из лиан нечто вроде лестницы, и вскоре охотник выбрался на берег. Потом индеец поднял по очереди собак.

— Как же быть теперь с медведем? — спросил Гарпер. — Ведь в нем по крайней мере фунтов триста. Не на веревках же его тащить на верх!

— Конечно, это невозможно, — отозвался Ассовум. — Видите вон те два сваленных дерева? Помогите мне скатить их в воду, к ним я привяжу медведя и, как на плоту, спущусь вниз по реке мили на полторы к ферме Баренса. А вы верхом поезжайте туда же. У Баренса я думаю быть к заходу солнца.

— Ай да Ассовум! — обрадовался Робертс, насквозь промокший. — Ведь у Баренса от фермы к реке сделан

спуск, и там нам не трудно будет втащить медведя на берег.

— Постой-ка, приятель, — сказал Куртис, — когда приплывешь к Баренсу, не показывай сразу нашей добычи. Он хвастался, что у него постоянно много убитой им дичи, так пусть он сначала угостит нас ею!

Индеец кивнул в знак согласия и затем, с помощью белых сбросив деревья в реку, принялся вязать плот. Вскоре туша медведя лежала на плоту, возвышаясь над водою, и восседавший на ней краснокожий довольно быстро плыл по течению на своем оригинальном сооружении.

— Какая, однако, умная бестия, этот Ассовум, — сказал Гарпер. — В лесу он поистине незаменим. Пора все-таки и в путь, — продолжал он, — иначе мы прибудем позже индейца!

Вдруг Гарфорд схватил Робертса за руку.

— Смотрите! Вы ничего не видите? — спросил он торопливо. — Вон там, в чаще, какой-то рыжий зверь!

— Боже мой, да это олень! Стреляйте, пока собаки не почуяли его, а то будет поздно!

Гарфорд прицелился и выстрелил. Олень подпрыгнул и скрылся в чаще.

— Ура, я попал! — радостно закричал он, подъезжая к тому месту, где раньше стоял олень. — Смотрите, вот и кровь, собаки уже почуяли ее!

Собаки были, действительно, здесь, но вели себя как-то крайне странно, хотя часть их бросилась следом за оленем. Этти остался на месте, нюхая траву и не обращая внимания на других собак, а Поппи тоже сидел рядом, подняв нос и завывая каким-то особенным образом.

— Что за чудеса? — удивился подошедший Робертс. — Что случилось с собаками? Право, можно подумать, что Поппи воет из-за того, что вы не попали в оленя! — сказал он, обращаясь к торговцу.

— Как не попал? — удивился тот. — Да ведь вот же и пятна крови!

— Совершенно верно: видите, здесь много кровавых пятен, но дело в том, что олень-то побежал в другую сторону, вон туда, к кипарисам!

— В таком случае, это кровь какого-нибудь другого животного. Вон и следы ведут к реке, — заметил Куртис.

— Как к реке? Да ведь убитый нами медведь бежал по крайней мере на милю выше по реке!

— Однако можно подумать, что здесь проходил и охотник, — сказал Куртис, вглядываясь в грунт. — Вот один отпечаток ноги человека, а вот и другой. Тут, очевидно, шли двое по кровавым следам.

— Конечно, так! — подтвердил Гарпер. — Рассмотрите повнимательнее следы: носки ног направлены к реке. Я полагаю, что они принадлежат Баренсу, убившему здесь какую-нибудь дичину, которой мы и полакомимся сегодня!

— Позвольте, но Баренс кроме мокасин не носит никакой другой обуви, — возразил Куртис, — а здесь отпечатки ног в башмаках с толстыми подошвами и сапог с каблуками, какие купил себе недавно Браун. А впрочем, может быть, у Баренса остановились какие-нибудь охотники, так это их следы.

— Если это так, — заметил Гарпер, — то мы всё разузнаем у самого Баренса.

В это время вой Поппи все усиливался. Собака так жалобно завывала, что привлекла к себе и остальных собак, которые, усевшись вокруг, составили довольно неприятный воющий хор.

— Нет, господа, — взволнованно сказал Робертс, — Поппи не ошибается: здесь убит не олень, а человек!

— Уверены ли вы в этом? — спросил Куртис.

— А вот сейчас осмотрим следы вплоть до реки, может, все и выясним.

Охотники согласились с мнением старого фермера и медленно двинулись к реке, тщательно рассматривая малейшие отметины на грунте.

— Вот где сложили ношу! — сказал Робертс, дойдя до смятых какой-то тяжестью тростников. — Отсюда, по-моему, она была сброшена в реку.

Куртис встал на колени, чтобы внимательнее изучить следы, как вдруг поднялся, сильно побледнев.

— Это был человек! — сказал он. — Вот тут отпечаток пуговицы, а здесь руки. Джентльмены, здесь совершено убийство! Так как теперь уже поздно, и наши поиски вряд ли увенчаются успехом, я предлагаю отправиться на ночь к Баренсу, хорошенько заметив это место, а наутро продолжить расследование. Итак, в дорогу!

Изрядно утомленные, охотники без возражений сели на лошадей, переехали вброд Литл Джен и поскакали к Баренсу, или старому болтуну, как его прозвали соседи.

АРКАНЗАССКИЕ ВРАЛИ

Баренс, уже уведомленный подоспевшим чуть ранее Ассовумом о прибытии охотников, поджидал их, стоя на крылечке своего дома. Индеец сидел тут же, занятый просушиванием своих мокасин. Лет пять назад старик Баренс, внезапно появившийся в Арканзасе, поселился в северных местностях этого штата среди невылазных болот. Чем он занимался тогда, никто не знал, да и сам фермер, вскоре покинувший те места и перебравшийся ближе к Фурш Лафав, не любил распространяться об этом. Поговаривали порой о страсти Баренса к чужим лошадям, но вся последующая, вполне безукоризненная, жизнь, да и полная невозможность заниматься кражею коней там, где их практически не было, говорили за то, что распускаемые слухи — всего лишь наветы завистников мирной жизни фермера. Единственным недостатком Баренса было лишь одно его пристрастие, которое Робертс вежливо назвал «грешить против истины». Это, однако, не мешало Баренсу сохранять самые дружеские отношения с окрестными фермерами, снисходительно выслушивавшими невероятные рассказы об его охотничьих похождениях.

Для пропитания своего и семейства, состоявшего из жены, двух дочерей и сына, уехавшего, впрочем, по неизвестным причинам из Арканзаса года за два до описываемых событий, Баренс разводил скот, заседал небольшой участок земли маисом и держал нескольких лошадей, находя, однако, что число их могло бы быть и побольше, но что атмосфера Арканзаса не слишком-то благоприятствует этому последнему занятию.

Дом Баренса ни в каком случае нельзя было назвать изящным. То была простая бревенчатая хижина, с крышей из грубых необструганных досок, покрытых дерном и камнями, да и вся жизнь, какую вел старик со своим семейством, мало чем отличалась от жизни обыкновенных, небогатых фермеров Арканзаса.

К прибытию охотников каждый член семьи был занят кое-какими хозяйственными работами. Под навесом какой-то человек пилил дерево на поленья. Одна из доче-

рей доила корову за плетеной из ветвей изгородью, тогда как другая, — черноглазая красавица, — держала теленка, мешавшего доеню. Где-то хрюкали свиньи, блеяли овцы. У изгороди несколько орлов-стервятников, видимо, почуявших запах падали, оглашали воздух пронзительными, неприятными криками.

Опытный глаз Робертса, только что показавшегося из-за поворота дороги, сразу подметил все эти подробности обычной картины сельской жизни.

— Ну, Баренс, вы должны простить меня! — закричал он хозяину. — Я, признаться, думал, что все ваши рассказы об удачных охотах — выдумка, но эти милые птички доказывают противное, и нам, значит, не придется ночевать на пустой желудок, как я предполагал раньше. А может быть, стервятники собираются клевать какую-нибудь павшую корову?

— Здравствуйте, дорогие гости, милости прошу! — приветствовал Баренс подъезжавших охотников. — Очень рад, что не забываете старика. А вам, Робертс, стыдно бы такие вещи. У меня не найдется мяса? Да раньше мне доводилось добывать только собственным карабином по шестьсот-семьсот фунтов дичины в день! Вот Куртис может подтвердить это.

— Так-то так, — отозвался Куртис, — но не забывайте, что в том числе было и изрядное количество домашнего скота.

— Ах, полноте, милый друг, то были не домашние, а одичавшие буйволы и бараны! Ну, да все равно, об этом поговорим в другой раз. Слезайте же с лошадей, друзья мои, и входите в дом. Бетси, задай сейчас же овса лошадям, да присмотри, чтобы свиньи раньше не завладели кормом и не опрокинули ясли.

— Баренс, мне слышится запах какой-то падали. Вероятно, поблизости околело какое-нибудь животное? — спросил насмешливо Робертс, здороваясь с хозяином.

— Больно у вас чутье невероятное, старина! Никакой падали нет. Если же вы судите об этом по орлам, то ошибаетесь. Они часто прилетают сюда, когда почуют запах убитой мною дичи.

— Убитой вами? Так вы говорите, что это пахнет убитой вами дичью? Ассовум! — сердито окликнул индейца старик, видя, что тот втихомолочку усмехается. — Ты, вероятно, что-нибудь разболтал?

— Нет, мой белый брат. Это хозяин третьего дня заколол аленькую свинью, а глупые птицы хотят уже ее склевать.

— Уж не этой ли свиньей нас и будут сегодня угощать?! А где же олени? — спросил продолжавший иронизировать Робертс. — Ведь вы говорили, Баренс, что бьете их чуть не ежедневно.

— Я недавно ссадил себе ногу и вот уже два дня как не выхожу из дому! — ответил несколько сконфуженно хозяин.

— Очень жаль. Позвольте теперь представить вам моего соседа и друга, мистера Гарпера.

Представленные пожали друг другу руку.

— Мне ваше лицо кажется очень знакомым, мистер Гарпер, — сказал хозяин, — но никак не могу вспомнить, где я вас встречал. Убей Бог, не помню!

— После вспомните, дружище, — перебил его Робертс. — Слушайте-ка лучше страшное известие. Завтра мы с вами отправимся к оврагу, где растут кипарисы. Там, по всей вероятности, недавно было совершено убийство.

— Убийство! Что вы говорите!

— Однако это так. Жаль только, что наступающая темнота вынудила нас прекратить розыски и направиться к вам. Завтра же с рассветом мы отправимся туда, и все окончательно выяснится.

— Но позвольте! Я сегодня утром проходил мимо того места и ничего не заметил.

— Как сегодня утром? — поддел его Куртис. — Да ведь вы уже два дня не выходили из дому из-за ссадины на ноге?

— Ну, значит, это было третьего дня! — отпарировал Баренс. — Ведь не мог же я для вашего удовольствия скакать на одной ноге так далеко! Ну, да что тут толковать, — все-таки постарался замять свой промах хозяин, — входите же, господа. Вечером спустится густой туман, и в такую погоду лучше сидеть и греться у камина.

— Подождите, Баренс, — остановил его Робертс, — с вашей протухшей свиньи сыт не будешь. Ассовум, нужно позаботиться и о гостях, и о хозяине, сходи-ка за медведем, которого мы привезли хозяину в подарок.

Баренс был радостно изумлен при виде громадной медвежьей туши. Общими усилиями она была вытащена

из реки и разложена перед домом, где ее освеживали и лучшие куски выбрали на ужин.

Робертс тем временем вошел в дом и здоровался с хозяйкой.

— Очень рад вас видеть, дорогая миссис Баренс! Давненько мы с вами не видались. Что это вы совсем позабыли нас? Жена с нетерпением ждет вас к себе!

— Я с удовольствием побывала бы у вас, да муж стал так тяжел на подъем, что никак его не уговоришь собраться куда-нибудь.

— Ну, а как поживают ваши дочери? Привыкают понемногу к нашей жизни? Впрочем, они, вероятно, не особенно-то тоскуют по прежнему своему житью среди болот. Очень уж там неважная местность. Как-то я проезжал там, и признаюсь, сторона эта мне очень не понравилась. Я останавливался тогда у богатого фермера, у некоего Стронга, накупившего много негров-невольников...

— Остановите его, пожалуйста! — закричал с порога Баренс. — Беда, если он теперь заведет свою машину. Бьюсь об заклад, что он сейчас заговорит о войне за независимость и пойдет, и пойдет...

— Ну, Баренс, с вами невозможно разговаривать!

— Ладно, ладно, не сердитесь. Спасибо вам за сюрприз, он пришелся очень кстати и порядочно пополнит мои опустевшие было кладовые. То-то славно мы проведем сегодня вечер за медвежьим жарким и виски! Люси, принеси-ка кружку, что стоит возле кровати, да осторожнее, не разбей. Цыц! — закричал он на лаявших на дворе собак.

— Этим вы их не угомоните, — сказал Куртис, — они страшно голодны, оттого и лают. Отдайте-ка им лучше вашу хваленую свинью.

— Как? Отдать собакам такое чудное мясо?

— Да, что вам, жалко его, что ли? Ведь вы же чуть не ежедневно добываете охотой очень много мяса. По крайней мере вы сами так говорили.

— Оно так и было, пока у меня не заболела нога.

— Подите вы со своей ногой! Вот нашли отговорку. А что это, Гарпер, вы так мрачно задумались? Вероятно, кровавые пятна не дают вам покоя?

— Конечно! — со вздохом ответил тот. — Посудите сами, эта история кажется очень сложной и загадочной.

— Ну, если вам это кажется странным, — сказал Баренс, — то что бы вы заговорили, если бы вам при-

шлось пожить на берегах реки Каш?! Во время моего пребывания там не проходило дня, чтобы река не выбрасывала на берег ежедневно два-три трупа.

— Но ведь та местность почти необитаема!

— Что ж из этого? Трупы, тем или иным путем, попадали в реку, и никто не заботился о том, как они туда попадают.

— О, мой друг, перестаньте рассказывать такие ужасы перед едой, а поберегите их на вечер. Пока же пойдете позаботимся о наших лошадях, а потом можно присесть и за ужин, — посоветовал Робертс.

Охотники согласились с ним и отправились на двор к лошадям. К их возвращению в хижине уже был накрыт стол, вокруг которого расселись мужчины на табуретках, бочонках и ящиках. Главным блюдом было, конечно, медвежье жаркое с маисовым хлебом; вареные тыквы, мед и молоко дополняли ужин. Бутылка виски во время еды несколько раз обходила стол, постепенно пустея. Гости сиели молча, с жадностью утоляя аппетит, сильно разыгравшийся после такой охоты и прогулки на свежем воздухе. Только стук ножей о тарелки нарушал царившую в хижине тишину.

Когда голод был окончательно утолен, мужчины встали из-за стола, уступив место женщинам, которые, заранее отложив себе порции мяса и хлеба, стали есть на тех же тарелках.

Миссис Баренс, несмотря на то, что ей было уже сорок лет, сохранила еще следы былой красоты, которая и теперь бросалась в глаза. Только грязное ситцевое платье да растрепанные волосы несколько портили впечатление от ее гибкой и стройной фигуры.

Обе ее дочери, одетые поопрятнее, тоже были очень красивы, хотя явную неряшливость они, вероятно, унаследовали от матери.

Заметив, что женщины, кончив ужинать, уже убирали последнюю посуду со стола, Баренс отодвинул его в сторону, расчистив место у камина, около которого и расположились его гости.

— Теперь друзья мои, — сказал он, — не пора ли заняться самым приятным трудом на свете — приготовлением кулиса¹?

¹ Кулис — местный напиток из виски, масла, сахара, горячей воды и пряностей. (Примечание автора.)

Такое предложение было встречено гостями одобрительным гулом.

— Но у нас нет масла! — заметила хозяйка. — Разве ты забыл?

— Зачем же нам масло, когда есть медвежье сало; оно еще лучше смешивается с виски! Что за великолепная страна Арканзас! Не правда ли, друзья мои?

— Ну, положим, — счел долгом вмешаться Гарпер, развеселившийся при виде приготовления его любимого напитка. — По-моему, Миссури нисколько не хуже Арканзаса. Я жил там.

— Миссури! — изумился хозяин. — Да ведь это просто пустыня в сравнении с нашим штатом! А долго ли вы живете у нас, мистер Гарпер?

— Около шести недель.

— Ну, так вы не успели приглядеться к нашим краям. Стоит только хоть немного потрудиться на земле, и она даст сказочный урожай пшеницы — не менее ста бушелей с акра!¹ Даже при совершенном запустении земля наша очень плодородна.

Гарпер даже глаза вытаращил от изумления; Куртис же и Робертс, знакомые уже с хозяином и его страстью приврать, только переглядывались между собою, ожидая, что будет дальше.

— У нашей земли есть еще то преимущество, — продолжал хозяин, — что раньше июня не приходится начинать посевов, до того здесь все так скоро растет. Горох и тыква растут со скоростью поезда, особенно тыквы. У меня вот недавно выросла тыква, которую едва обхватили десять человек, взявшись за руки и став вокруг нее.

— О, какая великолепная страна! — воскликнул Гарпер. — У вас, значит, здесь все в больших размерах. Я слышал, по крайней мере, что у вас особенно велики комары и древесные вши.

— Конечно, конечно! — подхватил Баренс, довольный даже и такой похвалой своей стране. — У нас комаров так много, что они прилипают друг к другу и целыми хлопьями валяются на землю; древесные вши, я сам видел, приподнимаются на задних лапах, чтобы слу-

¹ Более 100 центнеров с гектара. Для сравнения: в передовых современных хозяйствах урожайность озимой пшеницы не превышает 80 центнеров с гектара, яровой — до 30 центнеров с 1 га.

шать звон колокольчика на шее у коровы. Что же касается мух, то в жаркое время года они ходят на водопой к реке, как дикие животные. А что у нас за реки! — окончательно закусил удила Баренс. — Боже мой, что за реки! При впадении в море они вздымают волны, которые по величине поспорят с горами.

— Ага, это когда они впадают в море! Понимаю, понимаю! — заметил Гарпер.

— Ну да, конечно! А то куда ж они деваются? — с досадою спросил Баренс. — Не могут же они пропасть в песке! Куда впадает Литл Джен?

— В Арканзас.

— А Арканзас?

— В Миссисипи.

— Прекрасно, а Миссисипи?

— В Мексиканский залив.

— Так разве я не прав был, говоря, что наши реки впадают в море? Ну, как же вы хотите сравнивать Арканзас с Миссури! А кто из вас бывал в центре нашего штата?

— Да все мы! — ответил Робертс.

— Тогда вы знаете, до чего камениста там почва. Там мне приходилось поднимать, одну за другой, овец за задние ноги, чтобы они могли достать траву из расщелин камней. Волки до того отощали на этих скалах, что прислонялись к древесным стволам, когда хотели выть. Понимаете теперь разницу между Арканзасом и Миссури? А знаете ли, к каким мерам мне приходилось прибегать зимою, когда вышел весь корм для скота? Ну-ка, отгадайте!

— Да почему мы знаем? — сказал Куртис. — Вероятно, пускали в леса.

— О нет! Там скотина все равно ничего бы не нашла. Вода тогда замерзала, как мрамор, а деревья и кустарники были совершенно лишены даже коры. Средство, изобретенное мною, было куда оригинальнее. Слушайте же внимательнее! Вы помните Тома, что отправился в Техас? Помните, Куртис, этого беднягу? Ну, так вы должны знать, что он был такого громадного роста, что ему приходилось становиться на колени всякий раз, когда он хотел почесать себе голову. Он был оптиком в Филадельфии и говорил мне, что у него в чемодане остался порядочный запас всяких инструментов. Тогда я попросил его сделать несколько пар очков с зелеными стеклами, а потом взял да и надел их своим коровам и баранам. Придумав такую

хитрость, я подбросил скоту стружек вместо корму, а эти славные животные, благодаря очкам, в самом деле приняли их за траву, с жадностью набросились на них и даже разжирили от такого корма.

— Вот это загнул! — воскликнул Гарпер.

— Да, да, — продолжал Баренс, не давая тому сказать и слова, — у нас в Арканзасе гораздо лучше. Тут, по крайней мере, есть за чем поохотиться.

— Позвольте, однако, прервать вас на минутку, дорогой мистер Баренс! — вмешался Гарпер. — Миссурийские охоты не хуже. Я думаю даже, что подобных им нет на всем свете.

— Ерунда! — возразил Баренс. — Если здесь в окрестностях попадется медведь со слоем жира в пять дюймов, так его считают худым. А олени-то!

— Их ловят руками за ноги! — заметил Робертс.

Баренс с изумлением взглянул на говорившего, а Гарпер самодовольно ухмыльнулся при этом замечании.

— Ну, уж вы, кажется, заврались, дружище! — сказал хозяин. — Однако вот и вода закипела. Бетси, принеси-ка нам пунша, знаешь, моего любимого! Согласитесь, Робертс, — прибавил он, обращаясь к своему собеседнику, — что никто в мире не может перещеголять меня на охоте. Мелкую дичь, например, я и стрелять-то не буду, потому что у меня есть особый способ бить ее.

— Так что ж из этого? — сказал Гарпер. — И у нас кроликов дети ловят силками!

— Так то силками! — презрительно сказал Баренс. — Мне же и вовсе не нужны подобные снасти. Надо вам пожить в Арканзасе, чтобы поучиться всяким охотничьим хитростям. Как только наступит зима и выпадет снег, я отправляюсь в лес, находящийся отсюда...

— В двух шагах! — вмешался Куртис.

— Да, — невозмутимо продолжал рассказчик, — и кладу на опушке куски свеклы, посыпав их нюхательным табаком.

— И кролики едят нюхательный табак? — спросил изумленный купец.

— Едят табак? Да Бог с вами! Они его нюхают, начинают чихать и чихают до того, что у них лопаются носы.

— Эта история о чихающих кроликах напомнила мне один охотничий эпизод, случившийся лично со мною! — подхватил Гарпер. — По соседству с моим до-

мом притаился ястреб и таскал у меня каждый день по курице, а я никак не мог подстеречь его и подстрелить. Наконец, на четвертый день я заметил его сидящим в кустарнике, схватил свой карабин и отправился. Однако хитрая птица так спряталась в орешнике, что видна была только одна голова, смотревшая прямо на меня. Я обошел вокруг, а ястреб все время не сводил с меня глаз, не выпуская из виду. Так мне пришлось три раза обойти кругом, не сделав ни одного выстрела, как вдруг я слышу, что ястреб упал. Оказалось, что он, наблюдая за мной, свернул себе шею чтобы не потерять меня из виду.

— Что ж тут удивительного? — заметил Баренс, всерьез принимая рассказ Гарпера. — Да в молодости я бегал не хуже дроф и ловил их на лету, если, конечно, они не поднимались очень высоко.

— Что касается искусства бегать, — сказал Гарпер, — то едва ли кто-нибудь в этом отношении сравнится с моим братом. Мне бы хотелось, чтобы вы узнали, как он охотится на куропаток.

— Надеюсь, он не ловит их на лету? — с усмешкой спросил Баренс.

— Конечно нет, но ему обычно удается после каждого прыжка вырвать перья у них из хвоста.

— А вот и кулис! — воскликнул Робертс, заведя входившую с напитком миссис Баренс. — Какая вы искусница, миссис Бетси! — прибавил он, пробуя кулис. — Право, медвежье сало придает ему мягкость, не уменьшая крепости. Клянусь, я не рискну испортить его прибавкой хотя бы капли воды.

Мужчины стали пробовать напиток, принесенный Бетси, и похваливали его. Разговор на некоторое время прервался.

— Знаете, господа, — сказал Куртис, на минуту отрываясь от стакана, — я хотел бы послушать, что сказали бы миссис Робертс и Роусон, когда увидели бы нашего приятеля Робертса, с такой жадностью поглощающего пунш на медвежьем жиру!

— Роусон может убираться... куда ему угодно, — возразил тот, выпивая третий стакан кулиса и уже начиная чувствовать его действие. — Клянусь, что отныне я не позволю ему вмешиваться в мои дела. Я предоставил ему свою жену и дочь, пусть он делает с ними, что хочет, или, вернее, что они хотят, чтоб он с ними делал.

— Мне кажется, что они это делают уже и без вашего согласия! — возразил Куртис.

— Да, и это мне не особенно нравится. Ханжа Роусон с его вечно постной рожей мне не особенно по душе.

— Однако он, по-видимому, влюблен в вашу дочь и...

— И через месяц их свадьба. Впрочем, мне все равно! — сказал Робертс.

— Послушайте, джентльмены, — сказал неугомонный Баренс, — в былое время я страстно влюбился в одну женщину из Сент-Луиса. Как-то мне пришлось по торговым делам отправиться к рекам Миссури и Йелоустон. Каждые три дня я получал от нее по нежному посланию, которых мне, однако, из-за нехватки времени не удавалось читать. И представьте себе, с какой пылкой страстью были написаны эти письма! Когда я открыл сумку, где они лежали, там оказался лишь пепел, и больше ничего!

— Вот это анекдот! — расхохотались все присутствующие. — Bravo, Баренс!

— Перестаньте шуметь, джентльмены! — вмешался любитель охоты, торговец. — Теперь уже поздно, пора бы и на боковую. Ведь завтра придется рано вставать, а я чертовски умаялся за день.

— Да, — сказал Робертс, вставая со стула и подходя к окну. — Звезды уже ярко сияют на небе. По-моему, уже половина одиннадцатого.

— Еще минутку, господа! — воскликнул Гарпер. — Уж если зашла речь о любви, то я расскажу вам об одной истории с моим отцом, который в молодости был большой дока по этой части. Лет восемнадцати он отколол такую штуку: посватался разом за трех сестер, и не зная, как выпутаться из беды, попросту сбежал. И вот однажды в Филадельфии зашел он к одному квакеру, оказавшемуся, к несчастью, братом этих девушек. Квакер¹ сразу узнал отца, но не подал вида, а пригласил обедать. После обеда, сославшись на спешные дела, хо-

¹ Квакеры — христианская община, возникшая в 1647 году в Англии. Не имеет священников, называет себя «христианским обществом друзей» или «исповедниками света»; признавая главные положения протестантизма, верит в озарение внутренним светом, не имеет священников, отвергает литургию (богослужение), таинства, присягу, военную службу; занимается благотворительностью. Община квакеров в настоящее время насчитывает более 200 тысяч членов, главным образом в США, Англии и странах Восточной Африки.

зьяин ушел, намереваясь захватить полицейского и арестовать гостя. Угадайте теперь, что он нашел дома, когда вернулся с констеблем?

— Да ничего особенного, по моему, — ответил Барнес. — Вероятно, ваш брат снова сбежал.

— Сбежать-то сбежал, да не один, а с женой квакера!

— Удивляюсь, до чего может завратиться человек! — сказал Баренс на ухо Куртису.

— Теперь, господа, можно и на покой. Где у вас спальня, Баренс?

— Спальня? Ну, это довольно затруднительный вопрос! Вот здесь у меня стоят три кровати. На одной спят мои дочери, на другой — я с женой, а на третью, по моему, должны лечь те, кто постарше — Робертс и Гарпер. Куртис и Гарфорд расположатся на полу на шкурах. Ассовум тоже, вероятно, последует вашему примеру.

Краснокожий, весь вечер молчавший, очевидно, не находя никакого удовольствия в фантастических рассказах Гарпера и Баренса, большими глотками пил виски. Когда все стали собираться спать, он завернулся в одеяло и пошел было к разостланным на полу шкурам, но у камина как-то подозрительно споткнулся и чуть не упал.

— Эге, любезный, — заметил шутливо Гарпер, — никак виски ударило тебе в голову?

— Никогда не следует обременять ни себя, ни своего желудка лишней ношей, — сказал индеец, и растягиваясь на своем импровизированном ложе, — но добрый глоток виски никогда не лишний!

С этими поучительными словами краснокожий повернулся на бок и тотчас же захрапел.

— Вам все равно, с какой стороны спать? — спросил Гарпер у Робертса, раздеваясь.

— Нет! — машинально отвечал фермер.

— Так ложитесь под кровать! — рассмеялся Гарпер, укладываясь на постель.

Робертс счел за лучшее последовать примеру своего приятеля, уже храпевшего вовсю, и растянулся рядом с ним. Несколько минут спустя, в хижине Баренса раздавался только могучий храп усталых охотников да треск догоравших в камине поленьев.

Ночь прошла совершенно спокойно, за исключением только того, что выведенный из терпения возней

пробравшихся в хижину со двора собак Куртис вскочил с постели, ругаясь на чем свет стоит, и выгнал их наружу.

Глава VIII

КРОВАВЫЕ СЛЕДЫ. ТРУП

Едва бродившие на дворе фермы Баренса петухи успели возвестить наступление утра, а на небе погасли звезды, как Бетси уже поднялась, стала прибирать хижину и печь маисовые лепешки. Немного погодя она разбудила дочерей и велела им толочь в ступке жареный кофе.

— Я сто раз уже говорила твоему отцу, — сказала она дочери, — чтобы он привез мне из Литл Джена кофемолку, но он все забывает, думая только о своих охотничьих снастях; вот теперь и возись со ступкой. Небось, виски не забыл привезти!

— Перестань ворчать, моя милая! — отозвался с кровати уже проснувшийся Баренс, услышав женины слова. — Будет сердиться.

— Тебе хорошо толковать! Разве я не права?

— Конечно, не права. Посмотри-ка там, налево вон от того ящика. Это что там за штука?

— Боже мой, да это кофемолка! — всплеснула руками обрадованная миссис Баренс. — Что ж ты раньше-то ничего не сказал, а заставил нас толочь кофе в ступке?

— Разве я видел, что вы там делаете?

— Эй, послушайте, Робертс! — закричал в это время Гарпер. — Оставьте мне хоть кусочек одеяла! Право, бесовестно стаскивать его совсем!

— Уделите мне хоть половину-то постели! — спросонок пробубнил тот.

— Половину? — спросил Гарпер. — Да с величайшим удовольствием. Только отдайте другую половину мне, а то вы захватили целых три четверти!

— Ну друзья, будет спорить, пора вставать! — сказал Баренс, подходя к камину и беря бутылку с виски. — Выпьем-ка лучше нектара, улаждающего нашу жизнь. Самое лучше средство для желудка — выпить виски натошак!

Это предложение сразу подействовало на лежавших охотников, и они поднялись с постели, исключая, однако, Гарфорда, продолжавшего храпеть во всю мочь. Лежавший рядом с ним, долго тряс его за плечо, но потом плюнул и заявил, что этот проклятый янки такой длинный, что его всего сразу все равно не разбудить.

Когда взошедшее солнце осветило вершины деревьев, Баренс с гостями уже восседали за столом, наслаждаясь вкусным завтраком, а его дочери, задав корму лошадям, выпускали из хлевов на двор свиней и домашнюю птицу.

— Знаете, Баренс, — сказал, наконец, Робертс, — поиски наших пропавших свиней придется отложить, так как срочно придется заняться делом, гораздо более важным, чем наши поросята, а между тем мне не хотелось бы, чтобы миссис Баренс стала упрекать вас за нерадивость.

— Свиней можно отыскать и позже, тем более что я надеюсь найти все стадо, за исключением, конечно, съеденных медведями, милях в двух отсюда, у низовьев реки. Недавно я встретил там стадо свиней с вашим клеймом, и, кстати, Куртис, видел одну свинью вашего отца, с черным пятном на левом боку.

— А, так, значит, старая свинья жива?

— Жива, она бежала, окруженная девятью маленькими славными поросятками, вертевшимися у нее под ногами.

— Вот так штука! — обрадовался Куртис. — Только чур, Баренс, не говорите об этом ничего отцу. Вчера я сказал дома, что свинья издохла. Теперь я ее сторгую у отца, раз она считается пропавшей, и за 30 долларов приобрету свинью с поросятами.

— Удачная мысль! — смеясь, заметил Гарпер. — Вы, Куртис, ловкий, однако, парень: норовите надуть даже и отца родного.

— Как надуть? — возразил Гарфорд. — Честная торговая сделка не может быть названа надувательством. Отец Куртиса может продать свинью и за глаза.

— Ну конечно, для янки все является честной торговой сделкой, что и говорить! — сказал Баренс. — Однако, солнце поднялось уже довольно высоко, пора нам, поалуи, и отправляться. Если там действительно совершено убийство, то надо попытаться изловить и убийцу,

хотя вряд ли он нас дожидается. Вчера утром я проходил мимо тех мест и встретился там с мистером Брауном.

— Билл? — воскликнул Гарпер. — Да не может быть! За каким чертом ему понадобилось ехать той дорогой?

— Разве он не говорил вам, куда отправился?

— Говорил. Вероятно, возвращаясь из Фурш Лафава он сбился с пути. Идемте же, идемте! Сюда мы вернемся не ранее полудня.

Охотники распрощались с любезными хозяйками и отправились к реке. При переправе через нее Ассовум взобрался на лошадь позади Гарпера, не желая мочить ног и отставать от белых. Переправившись через реку, охотники рысью поехали к тому месту, где вчера видели кровавые следы.

— Стойте! — закричал Ассовум, соскакивая с лошади Гарпера. — Вот вчерашнее место, не ходите по нему, чтобы не затоптать следов!

Охотники безоговорочно приняли совет краснокожего, тотчас же слезли с лошадей и привязали их поодаль к деревьям.

Индеец пошел первым и остановился у первого найденного следа. Он внимательно разглядывал землю, не пропуская ни одного листика, ни одной травки. Затем он медленно тронулся вперед, продолжая внимательно изучать следы. Вдруг он остановился, еще раз присмотрелся к земле и знаком подозвал охотников, тесным кружком обступивших его. Несомненно было, что Ассовум нашел место, где было совершено убийство. Около ствола упавшей сосны, опутанного разросшимся вокруг него кустарником, виднелись следы лошадиных копыт. По всей вероятности, всадник был поражен пулею, но не убит, а лошадь отпрянула сторону.

— Я думаю, что пуля попала в лошадь, а иначе всадник был бы выброшен из седла! — заметил Робертс.

Краснокожий, не говоря ни слова, указал на ствол другого дерева, росшего в двух шагах от поваленного. Футах в десяти от земли на нем были ясно видны кровавые пятна.

— Боже мой! — с ужасом воскликнул Гарпер. — Этот всадник ударился головой о дерево и упал вот сюда!

В этом месте земля была истоптана следами человеческих ног. Видимо, убитый мужественно и долго защи-

щался от убийц. С некоторых ветвей были сорваны листья: раненый по всей вероятности, хватался за них руками, стараясь удержаться на ногах. Здесь-то он и упал, так как тут больше всего пролилось крови: все окружающие кусты и трава были ею забрызганы.

Судя по отпечаткам, труп лежал здесь некоторое время. Охотники молча рассматривали следы убийства.

— Смотрите, — сказал индеец, опять подзывая к себе белых, — два человека несли труп по направлению к реке.

— Да, мы это знаем из вчерашнего осмотра!

— Вот здесь они остановились, — сказал краснокожий. — Ага, вот и оружие! — радостно воскликнул он, поднимая что-то с земли.

То был небольшой окровавленный нож, не то перочинный, не то охотничий.

— Не этим же негодяи убили свою жертву! — возразил Робертс. — Но, во всяком случае, дай-ка нож сюда, быть может, я узнаю, чей он.

Гарпер также подошел посмотреть находку Ассовума, но ни тот, ни другой не могли сказать, кому он принадлежал. Нож был совсем новый и не носил на себе никаких пометок, сам же по себе он не представлял для охотников никакой ценности.

— Тем не менее, я оставляю нож у себя, — сказал Гарпер. — Мало ли что может случиться! Авось он нам поможет найти убийц. Однако прежде нужно стереть с него кровь! — сказал он, чистя лезвие о землю.

— А это что такое? — спросил Ассовум, указывая на свежевзрытую землю недалеко от сосны, под которой было совершено убийство.

— Не тут ли зарыт труп? — высказал предположение Гарфорд.

— Ну вот глупости-то! — сказал подошедший Куртис. — В такую яму и собаки-то не положишь, не только человека! Правда, землю здесь рыли, но чтобы таскать куда-то. Зачем она им могла понадобиться?

Краснокожий, все продолжавший рассматривать землю, поднялся и сказал:

— Тело утопленника обычно вскоре всплывает, и тогда его нетрудно найти где-нибудь в тростниках у берега реки, если же его набить землей, то он навсегда останется на дне.

— А, теперь я догадываюсь, что негодяи делали этим ножом! — с ужасом воскликнул Гарпер. — Они им разрезали живот убитого. Это ужасно! Друзья, неужели мы так и не узнаем, кто был этот несчастный?

— По всей вероятности, нет, — отвечал Робертс, — потому что это знает только вода, скрывающая теперь его, а впрочем... Ассовум, что это ты делаешь? Что ты надумал?

— Я плету веревку, чтобы нырнуть в реку, — скромно отвечал краснокожий, содравший с дерева кору и сплетая из ее волокон веревку.

— И ты рассчитываешь таким способом найти труп? — удивился Робертс.

— Да, — хладнокровно отвечал индеец, продолжая свою работу. — Если труп на дне, я достану его.

С этими словами он разделся и уже собирался броситься в воду, как был остановлен торговцем, все время внимательно следившим за ним.

— Постой, — сказал Гарфорд. — Обвязывать труп веревкою и затем тащить его будет трудно. Возьми-ка лучше вот это! — и он подал индейцу большой рыболовный крючок.

— Прекрасно! — кивнул Ассовум, тотчас же привязывая поданный ему крючок к веревке.

Индеец осмотрел еще раз берег, отыскивая место, где, по его мнению, был сброшен в воду труп, и, видимо, оставшись доволен осмотром, бросился в воду.

Несколько мгновений охотники молча стояли на берегу, глядя на расходящиеся по воде круги; поднимавшиеся в одном месте пузырьки показывали, что Ассовум действительно роется в тине. Еще через пару минут на поверхности показалась черная голова индейца. Он вынырнул, отдышался и поплыл к берегу, причем не выпускал из рук веревки.

Охотники с напряженным вниманием смотрели на подплывающего индейца.

— Ну, что? — не утерпел Робертс. — Нашел что-нибудь?

— Я его нашел было на дне, но тут меня стало относить течением. Принесите-ка мне камень, — сказал Ассовум, в совершенном изнеможении опускаясь на траву, — я страшно устал, и мне надо собраться с силами!

— Разве ты опять намерен отправиться на поиски утопленника? — удивленно спросил Гарпер, пораженный мужеством краснокожего.

Пока Гарфорд бегал за камнями, в изобилии валявшимися на берегу, индеец отдохнул. Вскоре торговец вернулся с громадным булыжником и передал его Куртису, крепко обвязавшему булыжник веревкой.

— Ну-с, все готово, дружище! — сказал он, передавая веревку с камнем индейцу. — Берите это в левую руку и спускайтесь на дно. Когда вам понадобится подняться, выпустите только камень из рук — и все дела.

Но Ассовуму не нужно было ничего объяснять. Он молча поднялся, передал один конец веревки Куртису, а другой, с крючком, осторожно взял в руки, спустился к реке и нырнул. На этот раз он гораздо дольше не всплывал на поверхность, так как благодаря камню мог тщательнее исследовать дно. Наконец, веревка натянулась, на воде показались пузырьки, а вскоре и голова Ассовума. Его лицо было бледно, как у мертвеца, глаза выпучились, будто хотели выскочить из орбит. По всему было видно, что индеец нашел на дне реки что-то страшное. Он с усилием переводил дыхание, медленно подплывая к берегу.

— Веревка натянулась! — закричал Куртис, державший конец ее. — Несомненно, Ассовум нашел труп!

Пока индеец, выбравшись на берег, отдыхал, охотники общими усилиями тащили веревку. Наконец, на поверхности воды показалось тело, зацепленное крючком за одежду. Индеец, не медля ни минуты, схватил его за плечи и вытащил на берег. Все бросились к ничком лежащему трупу и с замиранием сердца смотрели, пока индеец переворачивал его на спину. Едва он успел это сделать, как у всех четверых вырвался общий крик изумления:

— Гитзкот!

Несколько минут прошли в совершенном молчании. Охотники, пораженные страшным зрелищем, не трогались с места. Труп несчастного предводителя регуляторов представлял действительно жуткую картину. Живот был распорот и набит землею и камнями. На лбу зияла большая черная рана, а небольшое отверстие в груди показывало, где засела пуля.

Первым оправившись от изумления, Робертс склонился к мертвецу, осмотрел рану повнимательнее и спросил Гарпера:

— Какого калибра винтовка Брауна? — Вопрос этот он задал несколько нерешительным тоном, как бы колеблясь произнести имя племянника при дяде.

— Шестнадцатого! — ответил Гарпер, не задумываясь.

— Посмотрите, — сказал Куртис, тоже наклоняясь к трупу и, видимо, поняв подозрение Робертса. — Рана нанесена пулей шестнадцатого калибра.

— Что ж из того! Уж не предполагаете ли вы, что мой племянник виновен в этом преступлении? — возмущенно произнес Гарпер, обращаясь к окружающим.

— Виновен ли в этом преступлении Браун? — переспросил Куртис. — Конечно нет! Ни один судья во всем Арканзасе не посмеет обвинить его в убийстве. Все ведь прекрасно слышали, как Гитзкот грозился при первом удобном случае убить Брауна. Что ж мудреного, что ваш племянник позаботился отправить на тот свет его самого. Будь я на его месте, я сделал бы то же самое. Жаль только, что погиб совершенно здоровый молодой парень, который бы мог быть полезен и себе, и другим. А впрочем, не тем будь помянут покойник, он был известный негодяй, которому доставляло величайшее наслаждение ссориться, драться и грозить всем, кто ему придется не по нраву. С подобными личностями одна расправа — пуля в лоб и баста! Только одного я понять не могу, зачем понадобилось убийце распарывать Гитзкоту живот, набивать землей и бросать в воду? Не проще ли было бы оставить его на съедение хищным птицам? Смотрите, ведь орлы так и кружатся над нами, и если мы не приберем куда-нибудь труп, они мигом разделаются с ним. Как вы думаете, друзья, что нам делать с телом?

— По-моему, — отозвался Робертс, — уносить отсюда труп или вообще трогать его не следует. Пусть он останется там, где его вытащили, как улика. Завалим его ветвями и камнями, а сами отправимся заявить о нашей находке в город. Судья отправит тогда на место преступления констебля, который уж и приберет труп. Ба, Гарфорд! — закричал вдруг фермер, увидя, что торговец внимательно осматривает складки кожаной блузы, которая была надета на Гитзкоте. — Что вы там делаете?

— У этого человека, — серьезно произнес Гарфорд, покончив со своими поисками и поднимаясь с колен, — в кармане блузы находились четыреста семьдесят долларов. Я сам это видел вчера. Выпасть деньги не могли, так как карман наглухо застегивается. Смотрите, он выворочен, и денег как не бывало!

— Так вы осмеливаетесь подозревать, что мой племянник вор? — бешено закричал Гарпер, выхватывая из-за пояса нож и бросаясь на обидчика. — Посмейте еще раз повторить ваше гнусное обвинение!

Вполне допускавший возможность убийства Гитzkота племянником, Гарпер не мог позволить заподозрить его дорогого Вильяма в воровстве.

— Пойдите, — вмешался Робертс, удерживая расшвирипевшего Гарпера за руку. — Никто и не обвиняет вашего племянника в воровстве. Многие позволяют нам думать, что Браун — виновник смерти Гитzkота, но нет ни одного повода приписать ему второе преступление. К тому же, все мы воочию убедились, что здесь орудовали два человека.

— Так кто же этот второй?

— Этого мы не знаем. Мы нашли только следы двух человек, один из них был в сапогах, другой в башмаках. Весьма вероятно, что Браун отомстил Гитzkоту, убив его, а другой, воспользовавшись удобным случаем, обобрал труп.

— При Брауне этот другой не посмел бы сделать подобной вещи. Племянник не допустил бы этого! — возразил Гарпер.

— Несомненно, — подтвердил Робертс, он бы не допустил ничего подобного, если бы увидел, что хотят обобрать труп. Однако, как бы то там ни было, в кармане у Гитzkота, я знаю, находилась порядочная сумма денег, подозревать же племянника Гарпера в воровстве, повторяю еще раз, невозможно. Стало быть, ее взял тот, кто помогал ему в деле мщения. Кто он? Никто из нас сказать этого сейчас не может.

— О, как все это ужасно! — воскликнул Гарпер, отходя в сторону и садясь рядом с Ассовумом, расположившимся у подножия раскидистого дерева. Индеец, за все это время не проронивший ни слова, сидел, мрачно задумавшись, опустив голову на скрещенные руки.

— Что ж, господа, — сказал Куртис, — торчать тут, по соседству с трупом, едва ли кому-нибудь приятно. Возьмемся-ка за дело, да и домой!

С этими словами он стал собирать на земле ветви, чтобы завалить ими труп убитого.

— Вы правы, Куртис, — сказал Робертс, также принимаясь забрасывать мертвеца громадными сучьями, упавшими с стоявшего неподалеку гиганта-дерева. — Еще несколько таких ветвей, и хищным птицам не добраться к трупу; ну а волки бродят только по ночам.

Работа Робертса и Куртиса скоро была завершена. Завалив труп ветвями, они подошли к Гарперу, Ассовуму и Гарфорду, остававшимся молчаливыми и безучастными свидетелями их печальной работы. Видя, что все уже кончено, охотники направились к лошадям. Гарпер молча поплелся сзади. Он как-то осунулся, и лицо его побледнело. Правда, никто не посмел бы укорить его или его племянника в убийстве, но ведь могло возникнуть подозрение, не убил ли Браун Гитзкота внезапно из засады. Эта-то мысль и беспокоила справедливого охотника, и он, понуря голову, машинально шел за своими товарищами. Так же машинально уселся он на лошадь, предоставив ей полную свободу идти, куда хочет. Гарпер даже не заметил, что Ассовум, сидевший с ним рядом под деревом, даже не шелохнулся и не пошел вместе с белыми.

Пока охотники садились на лошадей и один за другим скрывались за деревьями, Ассовум неподвижно сидел под деревом, устремив глаза в землю, но как только замолк топот копыт лошадей белых, индеец снова поднялся и снова начал внимательно исследовать место кровавой сцены. Вытащив свой нож, он измерил им и отметил на рукоятке томагавка длину и ширину найденных следов. Наконец, убедившись, что он сделал все, что только возможно, осмотрев все до мельчайших подробностей и все запомнив, краснокожий перекинул за спину винтовку, бросил последний взгляд на труп регулятора, прикрытый ветвями, и углубился в чащу леса по направлению, совершенно противоположному тому, куда направились его белые друзья.

ВТОРОЕ СВИДАНИЕ БАНДИТОВ.
ДОСАДА РОУСОНА. МЭРИАН

В то самое утро, когда охотники, случайно натолкнувшись на следы загадочного убийства, вытащили из реки тело Гитзкота, в глубине леса, где происходило описанное в первой главе свидание четырех подозрительных личностей, мы находим опять тех же, собравшихся вместе, бандитов.

Первыми прибыли Коттон и Уэстон, а вскоре к ним присоединились и Роусон с Джонсоном. Ранее прибывшие приветствовали последних громкими, радостными восклицаниями.

— Замолчите! — закричал взбешенный этим Роусон. — Вы не на большой дороге! Нужно позаботиться о том, чтобы нас никто не услышал!

— Вот тебе и на! — беспечно отозвался Уэстон. — Да что ж тут странного, если кто-нибудь, услышав нас, и увидел бы собравшихся здесь четырех джентльменов?

— Вам-то это, может быть, и все равно, — возразил Роусон, — но моя будущая теща — женщина очень благочестивая, и ей едва ли было бы приятно узнать, что ее зять имеет какие бы то ни было сношения с такими типами, как вы, приятели!

— Так это, значит, правда, что говорят о вашем безрассудном намерении жениться на дочери Робертса? — осведомился Коттон. — Я, право, не мог поверить этим слухам.

— Не вижу ничего безрассудного в моем намерении, милейший Коттон. Задуманное нами предприятие будет последним в моей жизни, а затем я сделаюсь честным человеком!

— Давно бы пора вам стать таковым! — засмеялся конокрад. — Только, я думаю, это немножко поздно. Мне, ей-богу, от души жаль вашу будущую супругу, бедную молодую девушку.

— Коттон! — прикрикнул методист. — Я вам запрещаю отзываться так о моей невесте. Да и вообще я впредь не потерплю подобных шуток, предупреждаю вас!

— Ну, будет вам ругаться, — вмешался Джонсон, — мы собрались сюда вовсе не за этим, а для решения

серьезных вопросов. Коттон, расскажите-ка лучше, что вам удалось убить на охоте?

— Четырех оленей и одну лисицу.

— Ну что ж, совсем неплохо. А вы, Уэстон?

— Двух оленей и несколько дроф.

— Ого, значит, я проиграл, хотя мог бы в свое оправдание сослаться на несчастье, случившееся со мной вчера. Когда я взбирался на утес, у меня под ногами обрушился камень, и мне пришлось скатиться с изрядной высоты, ссадив при этом довольно сильно руку. Вследствие этого я и не мог охотиться.

— Никудышная отговорка! За минуту до скачки поздно жокею говорить, что его лошадь захромала: все равно никто не поверит.

— Однако, дружище...

— Ладно, ладно, нам дела нет до ваших отговорок!

— Пусть будет по-вашему! А позвольте узнать, где вы оставили шкуры убитых вами оленей? — спросил Джонсон, сильно раздосадованный своей неудачей.

— Они висят в хижине Коттона. Если не верите, можете отправиться туда и посмотреть. Хотя...

— Хорошо, хорошо, я верю вам на слово. Я пошутил. Итак, на долю Роусону и мне выпала самая опасная часть предприятия. Что делать! Наша задача — взбудоражить все окрестности. Лишь бы удалось выиграть двадцать четыре часа, а тогда уж ни один дьявол не сыщет лошадей. План Роусона безупречен. Главное, не забудьте назначенного места свидания. Уж если нам придется рисковать головами, то и вы должны быть аккуратны и оказаться на месте в условленное время. Не забудьте ничего, Уэстон, да оставляйте как можно меньше следов!

— А где же мне ждать вас? — спросил Коттон. — Я не хочу долго сидеть сложа руки. Вот разве что отправиться к Аткинсу и там провести несколько свободных часов.

— К чему, когда вы можете заняться в это время охотой? Кругом полно дичи, и вам нечего опасаться умереть с голода! — заметил Джонсон.

— А регуляторы?

— Пусть они катятся к черту! Следов наших им ни в коем случае не найти, да и поздно будет. Несмотря на всю их ловкость, они ничего не в состоянии с нами сделать. Я уверен, что после нашего отъезда тут поднимется такая суматоха, что просто прелесть!

— Если мой план удастся, — сказал Роусон, — регуляторы, действительно, будут не в состоянии повредить нам. Главное, они не найдут наших настоящих следов. А ведь вы прекрасно знаете, что стоит одной собаке броситься по неверному следу, как и вся остальная свора, ничего ни разбирая, сломя голову, бросится за нею. То-то я посмеюсь от души над всеми этими регуляторами, а особенно над проклятым Гитзкотом.

— Прекрасно! Каждый из нас постарается возможно лучше исполнить возложенное на него поручение. А когда же мы расстанемся?

— Да хоть сейчас! — воскликнул Джонсон. — Чем скорее мы совершим задуманное нами, тем лучше. А то непоседа Гитзкот снова соберет своих головорезов и не даст местному населению успокоиться. Если же ему удастся заручиться полным содействием всех окрестных фермеров, наше дело проиграно.

— Что касается лично меня, то я до отъезда непременно должен побывать у Робертсов, и отправлюсь к ним немедля, — сказал Роусон. — Тем более, что мне это по пути. Тем временем вы, Джонсон, отправитесь напрямик через лес к истоку Ципретса. Сойдемся у того места, где растет бук с красными листьями.

— Значит, мы начинаем работу?

— Конечно! — отвечал Роусон. — Вы непременно должны первым прибыть к назначенному месту, а возвращаться нам никому не придется.

— Будем надеяться, что все сойдет благополучно, — прибавил Коттон. — А теперь прощайте, товарищи, я принимаюсь за дело!

— А когда вы, Роусон, рассчитываете попасть к назначенному месту свидания? — спросил Уэстон. — А то, знаете ли, мне не хотелось бы долго торчать на одном месте с несколькими лошадьми.

— Раньше пятницы мне ни в каком случае туда не попасть, — сказал Роусон, — да и то только в случае, если ничто вам не помешает. Вы же, как выходит по моим расчетам, попадете туда в четверг вечером и тоже только при самых благоприятных условиях. Следовательно, я полагаю, нам удастся встретиться только в субботу, или в лучшем случае в пятницу вечером. А теперь пора. Прощайте, друзья мои! До скорого свидания!

— Прощайте! — отозвались Коттон с Уэстоном, исчезая в кустах.

Роусон проводил глазами скрывшихся в чаще сообщников и обратился к Джонсону:

— Знаете, Джонсон, я последний раз участвую в предприятии заодно с Коттоном, — сказал он. — Островитяне передавали мне, что не хотят с ним вести дел. По их словам, он только и делает, что пьянствует да ссорится со всеми. А кроме того, не умеет язык держать за зубами.

— Да и этот мальчишка Уэстон кажется мне ненадежным, — подхватил Джонсон. — Я убежден, что в первый же раз, как попадется, он выдаст нас. Он не внушает мне ни малейшего доверия.

— Будем, однако, надеяться, что он не попадется, — сказал Роусон. — Кто знает, что сделал бы каждый из нас, попав в руки регуляторов?! Своя рубашка ближе к телу. Весьма соблазнительно даже твердому человеку спасти собственную шкуру, пожертвовав чужою. Мы-то с вами доверяем друг другу, но думаю, что кое-кто не питает к нам подобного доверия, а потому...

— Чем меньше мы будем говорить об этом, тем лучше! — проговорил наставительно Джонсон, опуская глаза и внимательно рассматривая ствол своего ружья. — Где мы найдем лошадей?

— В Фельуэле. Уэстон прекрасно знает это место и приведет их прямо туда.

— Тогда сделаем следующим образом. Вы отправитесь по большой дороге, а я проберусь лесом. Я думаю, что будет гораздо лучше, если нас не увидят вместе.

— До свиданья, желаю вам всего лучшего!

— Прощайте, друг мой, желаю вам того же!

Расставшись таким дружеским образом со своим собеседником, Роусон направился к дереву, у которого была привязана его лошадь, отвязал ее и, вскочив в седло, мелкой рысцой направился к большой дороге. Выехав на нее, он опустил поводья, предоставив животному, вскоре сменившему рысь на галоп, свободно мчать себя к жилищу своей будущей жены. Едва перед ним среди деревьев мелькнула крыша фермы Робертсов, методист сдержал лошадь и медленно подъехал к дому. Проповедник был приветливо встречен обеими женщинами, но не собирався у них оставаться надолго, сказав, что его ждут неотложные дела, которые сулят ему порядочные выгоды.

— Дорогая Мэриан, — сказал он, ласково беря за руку молодую девушку, которая при этом почему-то сильно побледнела, — скоро у нас будет свой уютный уголок, в котором мы славно заживем. Да и мне пора бросить ту бродячую жизнь, которую я вел до сих пор. Объезжая окрестные фермы верхом, я часто рискую своим здоровьем и, кроме того, даже своей доброй репутацией, так как иногда, за неимением ничего более подходящего, мне приходится ночевать у людей, знакомство с которыми может сильно скомпрометировать меня.

— А отчего вы в таких случаях, подобно другим фермерам Арканзаса, не останавливаетесь на ночлег под открытым небом? — спросила Мэриан. — Неужели вы боитесь?

— Не боюсь, милое дитя, но не хочу рисковать своим здоровьем. Во-первых, я уже не так молод, чтобы безнаказанно подвергаться действию ночных туманов и росы, во-вторых, мне вообще советовали избегать беспокойства и неудобств. Теперь мне все-таки приходится покинуть ваш гостеприимный кров. Прощай, дитя мое, но прежде давай помолимся вместе Богу, чтобы он помог нашим начинаниям и благословил наши намерения.

С этими словами пастор вынул маленький в черном переплете молитвенник, который постоянно носил с собою, и громким, внятным голосом стал читать молитвы.

Обе женщины при первых же словах опустились на колени, но мысли Мэриан, напрасно старавшейся сосредоточить их на произносимых ее женихом словах, были далеко. Бедная девушка своей бесхитростной душой лучше самых искусных молитв ханжи-методиста умела беседовать с Творцом, к которому теперь летели ее пламенные мольбы. Глаза ее наполнились слезами; думы, одна другой печальнее, проносились в голове.

— Возьми лошадей, да оботри их хорошенько соломой! — раздался вдруг со двора зычный голос хозяина, отдававший приказания негру-слуге. — Через полчаса они должны быть опять готовы в путь, мы снова поедem. Гарпер, войдите в дом, отдохнем немного, — продолжал он, — сегодня у нас дел по горло, так что некогда заниматься китайскими церемониями... А это что? — спросил он, услышав голос Роусона. — Никак опять Роусон у меня в доме жужжит, как надоедливая муха! Вот ханжа-

то! Когда только он начнет заниматься более серьезным делом, чем дурачить глупых женщин? Мне теперь нужно бы отдохнуть, а этот занудливый святоша способен отравить мне всякий отдых своим бормотаньем. Том! Принеси-ка лучше нам из дому два стула на двор, да поживее! — закричал он негру, уже снимавшему седла с лошадей.

Роусон, тотчас узнав по голосу, что вернулся хозяин, поспешил закончить молитву, и когда в комнату вошел за стульями негр, он пробормотал «аминь» и поднялся с колен, поспешно пряча в карман молитвенник и тем давая понять своим слушательницам, что церемония окончена.

Тогда Робертс и Гарпер вошли в дом.

— Здравствуйте, миссис и мисс Робертс! — сказал Гарпер, подходя к женщинам, бледный, как полотно. Осунувшееся лицо и глубоко ввалившиеся глаза свидетельствовали о пережитых им волнениях. Вдруг он не выдержал и почти без чувств свалился на стул.

— Боже! Мистер Гарпер, что с вами? — бросилась к нему Мэриан.

— Ничего, ничего, не беспокойтесь! Это сейчас пройдет, дайте только, пожалуйста, стакан воды.

Мэриан подбежала к кадке с водой, зачерпнула из нее тыквенной бутылкой и подала гостю.

— Неподалеку от нас недавно совершено убийство, — сказал Робертс, присаживаясь на стул к камину. — Убит командир регуляторов Гитзкот!

— Гитзкот убит? — переспросила миссис Робертс. — Да не может быть! Откуда ты это знаешь?

— Я своими глазами видел его труп, — отвечал фермер, — очевидно, его убил Браун... Но что это значит? Мэриан, что за глупость падать в обморок при известии об убийстве малознакомого человека! Разве ты впервые слышишь об убийстве?

При последних словах Робертса Гарпер, преодолевая слабость, быстро подошел к нему и прошептал на ухо:

— Не говорите ничего об украденных у Гитзкота деньгах. Быть может, нам удастся найти в скором времени и настоящего их похитителя!

— Ладно, не скажу, — также шепотом ответил Робертс. — Тем более, что вашего племянника ни в коем случае нельзя подозревать в подобном преступлении.

Роусон, все время стоявший в стороне и как будто отдавшийся каким-то размышлениям, бросил подозрительный взгляд в сторону шептавшихся и произнес:

— Печально, весьма печально, говорю я, слышать, что приличный молодой человек опозорил себя сразу двумя преступлениями: убийством и воровством.

— Воровством? — вздрогнул Гарпер, как от укуса ядовитой змеи. — Откуда вы это знаете?

— Конечно, воровством. Помните, тогда Гитзкот сам говорил нам при Брауне, что с ним находится порядочная сумма денег. Я не думаю, чтобы убийца, бросив труп убитого, оставил при нем и деньги.

При этих словах Роусона Мэриан вопросительно взглянула на отца, как бы ожидая, что тот немедленно опровергнет подобное недостойное обвинение, но фермер молча сидел у камина, уставившись на огонь.

— Я нахожу смерть этого нечестивца Гитзкота тем более ужасной, — продолжал Роусон, — что он умер без покаяния. Какую, значит, страшную ответственность взял на свою душу его убийца, совершая это преступление! А где произошло убийство, мистер Робертс?

— Проходя по берегу Литл Джен, мы наткнулись на кровавые следы. Ассовум нырнул в воду и вытащил оттуда труп.

Роусон немного помолчал, как бы размышляя о чем-то. Потом он поднял голову и спросил Робертса, на каком основании тот подозревает в убийстве Брауна.

— Во-первых, в день убийства Брауна видели в тех местах, где оно было совершено, — отвечал печальным тоном фермер, — хотя не нужно опускать из виду, что убийца Гитзкота был не один: мы нашли там отпечатки следов двух человек. Во-вторых, накануне предводитель регуляторов поссорился с Брауном и грозился его убить. Весьма вероятно, что молодой человек предпочел предупредить своего врага.

— Это возмутительно! Гнусно! — вскричал Роусон. — Я сам отправлюсь на место преступления. Быть может, еще не поздно поймать убийцу!

— Мистер Роусон, не забывайте, что вы менее других должны быть строги к этому храброму молодому человеку, обвиняемому в преступлении. Он поссорился с Гитзкотом, защищая вас от его оскорблений! — смело глядя в глаза своему жениху, сказала Мэриан.

— Мэриан! — накинулась на нее миссис Робертс, возмущенная смелостью молодой девушки, дерзнувшей упрекать почтенного проповедника. — Как ты смеешь так разговаривать с мистером Роусоном? Кто тебе дал право...

— Оставьте, миссис Робертс! — смиренно сказал опомнившийся методист. — Мисс Мэриан говорит так вовсе не из дерзости. Господь видит, что сердце ее чисто от всякой злобы и неприязни даже к этому молодому человеку, решившемуся на преступление.

— Ловить моего племянника бессмысленно! — серьезно вмешался Гарпер. — Во-первых, это не возвратит жизнь умершему, а во-вторых, судья должен будет признать Брауна невиновным, так как мы все подтвердим, что Гитзкот еще раньше грозил убить его. К тому же Вильям вернется сюда на будущей неделе и тогда будет сам защищаться от выдвигаемых против него обвинений.

— Так он еще вернется сюда? — сухо спросил Роусон.

— О, слава Богу, значит, он невинен! — радостно воскликнула Мэриан.

— Послушайте, мисс Мэриан, мне кажется, что вы принимаете в этом молодом человеке слишком большое и горячее участие и сильно сомневаетесь в его невиновности? — подозрительно сказал Роусон, пытливо глядя в глаза молодой девушки.

— Что ж в том дурного? Я с одинаковой горячностью готова защищать всякого невиновного! — ответила Мэриан, краснея, однако, от мысли, что она слишком уж энергично вступилась за Брауна, как если бы он для нее был не совершенно посторонним человеком.

— Это прекрасно, дитя мое! — ласково сказал Роусон. — Бог не оставит вас за такое великодушие. О, как бы я хотел, чтобы вы навсегда сохранили такую непоколебимую веру в людскую честность! Не дай Бог, чтобы вам когда-нибудь пришлось извериться в людях!

После таких наставительных слов, Роусон подошел к миссис Робертс, пошептался с ней о чем-то, поцеловал свою невесту и вышел вслед за Робертсом и Гарпером, которые уже садились на лошадей.

Методист в свою очередь вскочил на лошадь — маленького пони и медленно поехал по дороге между засеянными майсом полями, которая вскоре превращалась в тропинку и шла по направлению к северо-западу от реки Арканзас.

Едва женщины остались одни, Мэриан бросилась к матери:

— Матушка, милая матушка! Я не могу любить этого человека, в моем сердце нет той привязанности к нему, какую нужно иметь к мужу и в какой, однако, мне придется клясться перед алтарем!

— Что за ребяческие глупости! — вскричала изумленная и недовольная фермерша, хватая свою дочь за руку. — Молись сейчас же! Ничто так не помогает избавиться от искушений, как молитва. Ты прекрасно знаешь, что я и твой отец обещали мистеру Роусону отдать тебя ему в жены, а кроме того, ты знаешь, что он очень любит тебя. Выходя замуж за такого благочестивого человека, ты многое приобретаешь. Мистер Роусон сказал мне, что, по всей вероятности, ему удастся уладить свои дела гораздо скорее, чем он предполагал. Поэтому он рассчитывает сыграть свадьбу раньше назначенного срока, недели через две. Исполняй свои обязанности, как ты делала и до сих пор, и будешь также счастлива.

Однако эти слова мало порадовали Мэриан, и она, заливаясь горькими слезами, бросилась в объятия матери.

Глава X

ВЫБОРЫ В ПТИВИЛЕ

В Птивиле должны были состояться выборы городского шерифа и его помощника. Первую должность явились оспаривать три претендента, а вторую — два. Первым кандидатом в шерифы выступил некий Коулер, богатый местный землевладелец, страстно желавший попасть на эту почетную должность. Для этого он даже неоднократно угощал своих избирателей. Его неизменными спутниками были бутылка виски и жевательный табак. Всякий раз, как этому фермеру удавалось завербовать себе нового избирателя, он неуклонно прикладывался к горлышку бутылки, а затем, отрезав порцию табаку, с наслаждением отправлял ее за щеку, не преминув угостить и избирателя.

Вторым кандидатом был давно уже поселившийся в Арканзасе немец, имевший в городе небольшой магазинчик

Третьим и наиболее опасным для первых двух конкурентом был Ватель, тоже местный житель, слывший не-

пробудным пьяницей. Он уже однажды избирался, но его непомерная страсть к бутылочке лишила его возможности прошлый раз быть избранным на столь почетную должность вторично. Граждане Птивилия говорили: — «Ну напейся два-три раза в неделю, — это ничего; дрыхнуть же без задних ног ежедневно без просыпа — просто неприлично». Но теперь прошел слух, что Ватель начал разбавлять вино водой и уж не хлещет его напропалую. Пример такой трогательной воздержанности пленил горожан, и многие избиратели говорили, что подадут голос за него. К тому же Ватель был очень веселый человек, не обижавшийся на шутки, но при отправлении своих почетных обязанностей умевший надеть маску величия и серьезности.

Выборы должны были начаться вскоре после полудня. У маленькой избушки, или вернее барака, перед столом, на котором разложили бумагу, перья и чернила, толпились уже окрестные фермеры и охотники. Внутри избушка была обставлена кроватью, приткнутой к стене, столом, да двумя-тремя стульями.

По стенам висели несколько ружей, пороховых мешков с пулями и дробью. Несколько пионеров, проживавших целый год среди лесов, лежали на полу, кто завернувшись в шкуры, кто просто на куче стружек. Они разговаривали о своих домашних делах, расчистке земель, охоте, находках золота в горах Фурш Лафава и о многом другом.

Характернее иных, находившихся в хижине, была группа мужчин, прислонившихся к постели, стоявшей у стены. На этом прямо-таки первобытном ложе, с ногами, свешивающимися на пол, лежал очень высокий худой мужчина, одетый в светло-серое пальто из мохнатой материи. Сукно на спине этой одежды цветом своим совершенно отличалось от цвета на рукавах и воротнике. Голова была прикрыта широкой суконной шляпой, в нескольких местах продранной, вероятно, для того, чтобы поддерживать вентиляцию. Башмаки столь странно одетого джентльмена прочностью своей напоминали шляпу, только дыры их имели несколько иное назначение: не вентиляцию, а возможность мозолям не тереться о кожу. Что касается его панталон, обвязанных ремешками под коленями, то они состояли из такого множества различных кусков и заплат, что их можно было принять за какую-то фантастическую пестро разрисованную геогра-

фическую карту. Робин, так звали заплатанного человека, как он сам говорил, являлся американцем по происхождению. На нем была старая охотничья сумка, а за поясом, несколько дополняя непрезентабельный костюм, торчал большой нож с деревянной ручкой.

Несмотря на то, что этот бедняк был весь обмотан самой невозможной одеждой и, кроме того, лежал на страшно жесткой постели, он, по-видимому, находился в самом благодушном настроении и с наслаждением перебирал струны скрипки, держа ее в руках. Звуки, извлекаемые им из этого инструмента, были так резки и дики, что собаки, лежавшие возле хижины, с беспокойством вскакивали с своих пригретых солнцем мест, чтобы посмотреть, кому это понадобилось нарушать их спокойствие.

Присутствующие в хижине рисковали оглохнуть или сойти с ума от дикой музыки, однако, относились к ней гораздо хладнокровнее, вернее, совершенно не обращали на нее внимания, разговаривали между собой, шутили, смеялись, продолжая третировать музыканта, несмотря на все его старания обратить на себя внимание такой чудной игрой на не менее чудном инструменте.

Однако, как и всегда, из общего правила нашлось исключение. Один из находившихся в хижине, растянувшись на полу во весь рост на звериных шкурах, видимо, с наслаждением насвистывал довольно верно, хотя и в другой тональности, мотив, который играл верзила на скрипке. Скрипач невозмутимо, по меньшей мере в пятьдесят первый раз начал ту же песенку сначала. Тогда даже самый терпеливый поклонник его таланта почувствовал, вероятно, скуку. Дав виртуозу легкий толчок ногой в локоть, дабы обратить на себя его внимание, он громко закричал:

— Послушайте, дружище, вот уже целых полчаса я вынужден насвистывать одну и ту же песню, неужели вы, черт вас подери, не знаете ничего другого? Хотя, признаться, и я всему предпочитаю «Янки Дулл»!

Окончив свое увещевание, любитель «Янки Дулла» снова улегся на полу, начав опять чуть не с остервенением, гораздо громче прежнего насвистывать тот же мотив.

— Не узнали ли, господа, чего-нибудь нового об убийстве Гитзкота? — спросил фермер, живший непода-

леку от Фурш Лафава. — Я, по крайней мере, не слышал никаких подробностей.

— Да и я ничего не слышал, — ответил тот, к кому он обратился. — Наши товарищи, разыскав тело и прикрыв его ветвями, отправились по следам, чтобы разыскать, если возможно, или, по крайней мере, узнать, кто был соучастником убийства. К несчастью, полил проливной дождь, уничтоживший следы и лишивший наших друзей возможности что-либо установить.

— Как бы то там ни было, это, несомненно, дело рук Брауна.

— В этом нельзя даже и сомневаться, — вмешался подоспевший к беседовавшим местный судья. — Все доказывает вину этого молодого человека. Не может быть, чтобы он забыл или простил смертельные угрозы, сделанные ему Гитзкотом. Но меня занимает вопрос, кто помог ему совершить убийство? Ведь оскорбленным был один Браун, а больше, кажется, никто не мог пожаловаться на грубость регулятора.

— Вот кому я поистине удивляюсь, так это индейцу, вытащившему труп Гитзкота! Давайте мне какую угодно сумму, а я не стану нырять за мертвецом!

— Да, краснокожий — молодец! Не будь его, мы так и не узнали бы, кто стал жертвой убийства. Разве мы могли бы подозревать, что кому-то понадобится убивать Гитзкота?

— Не соверши своего геройского поступка Ассовум, — сказал судья, — я был бы в состоянии заподозрить его в сообществе с Брауном, так как они закадычные друзья, их и водой не разольешь. Теперь же ясно, что Ассовум ни при чем в этом деле. Если бы он был соучастником в деле убийства, то, конечно, не стал бы нырять и вытаскивать трупа. Таким образом, ведь он оказал бы медвежьей услугою своему другу, вытаскивая тело Гитзкота и тем прямо обличая его и себя.

— А вы не знаете, выбрали ли регуляторы себе другого командира?

— Они хотели собраться для этого еще на прошлой неделе у фермера Бурта, но отложили собрание еще на несколько дней, так как поговаривают, что найдены какие-то новые доказательства.

— Теперь с достоверностью утверждают, что будто убийцы ограбили несчастного Гитзкота.

— Мне действительно рассказывали, — подтвердил Кук, как звали человека, лежавшего у постели, — что у Гитzkота была при себе изрядная сумма денег.

— Я сам видел и знаю, что он носил свои деньги всегда при себе в красном сафьяновом бумажнике, который прятал в карман своей охотничьей кожаной блузы. Этого бумажника на теле не нашли, следовательно, его украли убийцы.

— Я поклянусь, джентльмены, чем угодно, — возразил судья, — что Браун не являлся участником грабежа и не мог участвовать в подобном воровском деле, так как он честный и вполне порядочный малый. Удивляюсь только, зачем это ему, такому храброму и ловкому человеку, понадобился помощник, чтобы отделаться от этого хвастуна Гитzkота?

— Теперь, джентльмены, — сказал, помолчав, судья, — пора перейти к нашим текущим делам. Два часа уже пробило. Начнем с выборов секретаря. Я подаю голос за Кука. Согласны, господа? Так по рукам. Кук, ведь вы умеете писать?

— Да, конечно, имя-то свое подписать сумею, но дело в том, что я не записан кандидатом, — следовательно, о выборе меня и речи быть не может.

— В таком случае я предлагаю Гукера, Смита или Мура... Что? Вы отказываетесь? Неужели, черт вас подери, ни один из вас не умеет писать?

— Вон у входа немец Геккер, он страсть какой ученый! — сказал Робин, указывая кончиком своего смычка на дверь.

— Геккер, подите сюда! — закричал судья. — Располагаете ли вы свободным часом, чтобы составить список избирателей?

— О, конечно! Даже двумя или тремя, если вам это требуется. Мне только к сумеркам необходимо освободиться, чтобы быть у соленых болот, на склоне горы. Мне достаточно уйти отсюда в пять часов, чтобы вовремя придти на место

— Так ставьте свое оружие в угол и принимайтесь за дело. Ваша винтовка заряжена, Геккер?

— Конечно! Неужели вы думаете, что я стал бы таскать на плече ненужную пустую камышовку?

— Я этого не думаю, но осторожность в обращении с заряженным огнестрельным оружием не бывает излишней.

Геккер, молодой блондин, подобно большинству своих соотечественников, с открытой румяной физиономией, жил на средства, доставляемые ему охотой. Вынув из-за пояса широкий нож, мешавший ему усесться поудобнее, он положил его на стол возле себя.

— Теперь, господа, — обратился он к окружающим, — нельзя ли уговорить Робина и Кука прекратить их дьявольский концерт? Он, как видите, даже собак выводит из себя.

— Думаю, что это нам едва ли удастся, — рассмеялся Смит, — они убеждены, что оба прекрасные музыканты и доставляют нам несравненное удовольствие своей чудной игрой. А, вот и Вельс! Зачем только он притащился сюда в день выборов? Мне всегда казалось, что его они нисколько не интересуют.

— Всем известно, что он предпочитает им более практичное занятие — убивать волков, — возразил судья. — Мы должны быть вам за это очень благодарны, Вельс, тем более что эти проклятые звери приносят нашей стране немало вреда.

— Доброго здоровья всей почтенной компании! — приветствовал находившихся в хижине охотников вошедший Вельс, подходя к столу и бросая на него волчьи головы. — Здравствуйте, господин судья! Вот плоды моей недавней охоты! Пожалуйте-ка мне за это обычную награду.

Вновь прибывший, несмотря на некоторую худощавость, казался прекрасно сложенным мужчиной. С виду он скорее походил на одного из диких сынов прерий, чем на белого охотника, да и многие из знавших его уверяли, что в его жилах течет больше индейской крови, чем крови белого. Одеждою он также скорее походил на краснокожих обитателей прерий. Подобно им, Вельс ходил всегда с непокрытой головою, а его густые вьющиеся волосы красиво рассыпались по плечам. По Арканзасу среди его знакомых фермеров и охотников ходило немало самых разноречивых слухов об образе его теперешней жизни, а еще больше фантастического рассказывали о его прежней жизни в Техасе. Теперь он жил на собственной ферме, стоявшей среди прекрасно обработанных им самими и его двумя сыновьями полей. Сыновья Вельса, несмотря на молодость, немало помогали отцу по хозяйству.

Однако земледелием Вельс занимался только летом во время жатв и посевов, а весь остальной досуг посвя-

шал охоте, главным образом на волков. Несмотря на кажущуюся грубость внешности и манер, он пользовался всеобщим уважением и любовью за свой мирный и веселый нрав и безграничную любезность и гостеприимство, с какими он встречал всякого, кому случалось посетить его ферму.

— Послушайте, дорогой Вельс, — сказал Геккер, старательно вытирая рукавом с бумаги кровавые брызги от брошенных охотником на стол волчьих голов. Вы сделали бы мне громадное одолжение, если бы отправили трофеи вашей охоты прямо под стол, а то они окончательно перепачкают мне бумагу!

— Ну, ну, не сердитесь, дружище! — добродушно отозвался охотник, отодвигая головы. — Ваша бумага еще годится для писания, она запачкана только в одном углу. Итак, господин судья, мне причитается получить с вас в виде премии за убитых волков по три доллара за штуку. Здесь три головы, — следовательно, трижды три — девять!

— Совершенно верно. За три головы по три доллара за каждую — всего девять долларов. Недурной гешефт. Однако прежде вы должны присягнуть, что эти животные были убиты лично вами и непременно в нашем округе.

— Ну, такой клятвы я вам дать не могу, потому что этих бестий убил не собственноручно, а они, попавшись в расставленные мною капканы, были загрызены моими собаками.

— Все равно! — возразил судья. — Вы только подтвердите, что и ловушки были ваши, и собаки тоже ваши, а до остального мне дела нет: не все ли равно, ружьем, собакой или капканом вы истребляете опасных для наших окрестностей зверей.

— А, в таком случае, клянусь, и пусть меня повесят, если я лгу!

— Вот, Робин, — услышав клятву Вельса, вскричал Кук, толкая ногой скрипача, — теперь самое время сыграть «Янки Дулл!»

— Такая клятва не соответствует требованиям, дорогой Вельс, — сказал судья, — мы-то вам верим, но нужно соблюсти известные формальности. Мой секретарь расскажет вам, как это нужно сделать, а теперь нам пора перейти к более важным делам, для которых мы и собрались сегодня сюда. Геккер, приступайте к исполне-

нию своих обязанностей. Теперь, джентльмены, кого вы желаете выбрать в члены комитета?.. Так, Смита и Гова! Прекрасно. Садитесь, господа, и приступим.

— Какое сегодня число? — осведомился Геккер.

— Двадцать седьмое!

— А какой день?

— Да неужели же вы не знаете, Геккер? Как не стыдно. Сегодня пятница!

— Не нахожу ничего удивительного — не знать какой нынче день. Живя среди лесов легко и сбиться со счета. Мне, например, казалось, что сегодня воскресенье! — сказал Геккер.

Вслед за ним один из находившихся здесь фермеров подошел к столу, и Геккер занес его имя в список.

— Здравствуйте, Гэсло, — обратился он к подошедшему. — Господа, я полагаю, вам не нужно требовать от этого господина каких-либо удостоверений в верности его показаний, ведь мы все его прекрасно знаем.

— Ну конечно! — отозвалось несколько голосов.

— За кого вы желаете подать свой голос? Кто, по-вашему, достоин занять почетную должность шерифа нашего округа?

— Ватель!

— А должность его помощника?

— Гопер!

— Робин! — закричал наконец выведенный из терпения невозможной какофонией судья. — Ради Бога, прекратите вы вашу игру, она положительно мешает нам заниматься делом! Вы нам просто уши раздираете такой визготней.

— А это все оттого, что у меня нет под рукой канифоли, — спокойно отозвался скрипач, ни на секунду не прерывая своего пиликанья. — Смит, будьте добры, загляните-ка под стол. Там лежит кожаный мешок, в котором должен найтись хоть маленький кусочек канифоли.

— Нет, уж лучше вы вообще прекратите игру и спрячьте под стол поближе к канифоли и скрипку!

— Черт знает, что такое! — возмутился Робин. — Затыкайте уши, если они такие нежные и не могут переносить моей музыки! — С этими словами недовольный своими неблагоприятными слушателями Робин вышел из помещения.

подача голосов пошла затем опять обычным порядком.

— Ваше имя? — спросил Геккер у подошедшего к столу вслед за Гэсло фермера, чтобы подать свой голос.

— Катлин.

— Сколько времени живете вы в нашем штате?

— Семь месяцев.

— А в нашем округе?

— Восемь недель.

— Так как вы почти никому неизвестны, то должны принять присягу в верности ваших сведений. Согласны?

— Конечно!

— Секретарь! — сказал судья. — Примите его присягу тотчас же.

Секретарь судьи быстро пробормотал установленную форму присяги и поднес фермеру, назвавшему себя Катлином, Библию, чтобы тот в подтверждение своих слов поцеловал ее. Затем вся эта процедура закончилась словами принявшему присягу: «Да поможет мне Бог!»

— Это ему дьявольски необходимо! — сострил Кук, зевая и потягиваясь на кровати.

Таким образом выборы продолжались еще два часа. Наконец, все пришедшие избиратели подали свои голоса. Оба секретаря уже собирались закончить список и закрепить его своими подписями, как несколько голосов, находившихся в это время на дворе, закричали, чтобы они подождали, так как приехал еще старый Баренс.

— Как я рад, что поспел как раз вовремя, господа! — радостно воскликнул он, входя в хижину. — Все-таки один лишний голос в пользу Вателя не помешает. Правда, он иногда перехватывает лишнее, но это не особенно большой недостаток, если пить с умом. Ватель скоро справляется с хмелем, и тогда он именно такой человек, какой нам нужен. Пишите, Геккер, что я подаю голос за Вателя.

— Готово, дружище! Хорошо, что вы поторопились, а то мне сейчас нужно уже отправляться. Иначе я не успею попасть к назначенному часу в одно место.

— Это что еще за место?

— Мне нужно отправиться в ближайшее соленое болото, не хотите ли составить мне компанию?

— Ну уж это дудки! Вы сегодня никуда не пойдете, а останетесь вместе с нами. Мы будем пить, есть, веселиться, а завтра все отправимся по делам. Сегодняшний день должен быть отпразднован надлежащим образом, а то не

стоит стольким почтенным людям тащиться за несколько миль только для того, чтобы записать свое имя на бумаге. Ведь мы спрыснем наши выборы, ребята, не так ли?

— Что дело, то дело, Баренс! — весело отозвался Кук, подходя к столу. — Уж таков у нас обычай, чтобы изрядно промочить горло на выборах. Я принес с собой две оленьих шкуры и променяю их на вино. Вот вам и начало! А какова у вас охота, Баренс? Убили сегодня что-нибудь?

— К сожалению — ничего, но зато я был свидетелем такой охоты, что, право, про нее следует послушать. Погодите же, Геккер, вы всегда успеете отправиться на свои соленые болота. Торопиться вам некуда, все равно вы сегодня ничего не убьете!

— Ну, ну, рассказывайте, в чем дело!

— О, это было что-то невероятное. Слушайте. С часу тому назад я ехал из Фурш Лафава. Недалеко от больших утесов, которые всем вам, друзья мои, прекрасно известны, я заметил громадного орла, который, распустив крылья, большими кругами парил над водой. Я как вкопанный остановился, готовясь тотчас же спустить курок, лишь только он приблизится ко мне на расстояние выстрела. Вы, конечно, знаете, что нет более удобной цели, как парящий в воздухе орел. В тот момент, когда я совершенно спокойно выжидал, орел как камень ринулся в реку и почти тотчас же поднялся, унося в клюве большого угря.

— Только и всего? Да что ж тут удивительного? Мне не однажды приходилось наблюдать подобную охоту орлов за рыбой!

— Э, почтенный джентльмен, хладнокровно наблюдавший охоту орла за рыбой, будьте потерпеливее. Дайте мне время сначала рассказать по порядку все как было, а затем уже беритесь решать вопрос о том, удивительна моя история или нет. Совершенно с вами согласен, что в такой охоте нет ничего необычного, и что всякий охотник, хоть немного постранствовавший по обширным полям, рекам и скалам нашей благодатной родины, мог наблюдать подобное зрелище, но дело вовсе не в том. Слушайте. Орел, поднимаясь все выше и выше, продолжал держать в клюве угря, которого наконец и проглотил. Теперь, подумал я, орел утолил голод, и ему больше незачем спускаться на землю, и следовательно, нечего и мне торчать здесь с наведенным ружьем. После этого решения я опустил курки, взбросил ружье на пле-

чо и собрался было идти далее, как вдруг увидел, — клянусь, что все рассказываемое мною чистейшая правда, — что угорь стал выползать из глотки орла. Орел сначала не обратил было внимания на это обстоятельство, но когда заметил, что его добыча целиком выскользнула из клюва, бросился в погоню и, — да не будьте так недоверчивы к старому Баренсу, выдавшему на своем веку вещи и поудивительнее, — настигнув ее в воздухе, проглотил снова, прежде чем хитрый угорь успел коснуться поверхности воды.

— Баренс, Баренс, — укоризненно произнес судья, — если у вас хватает духа рассказывать нам подобные небывальщины...

— Да вы, быть может, думаете, что дело тем и кончилось? Как бы не так! — продолжал старик, не смущаясь перерывом своего рассказа. — Орел и угорь вовсе не собирались уступать друг другу. Едва птица успела вторично проглотить рыбу, как последняя опять стала вылезать у нее из глотки и...

— Да чем же это все кончилось? — нетерпеливо перебил неумолимого рассказчика Геккер.

— Чем кончилось? Неужели вы думаете, что у меня только и дела было, что смотреть за состязанием хитрости и изобретательности птицы и рыбы? Почему я знаю, кто из них перехитрил другого? Я оставил их воевать между собою, а сам отправился своей дорогой.

— Теперь и я, пожалуй, могу идти своей дорогой? — спросил Геккер, улыбаясь.

— Конечно, раз у вас возникло такое непреодолимое желание покинуть нашу компанию. Перестаньте лучше подсмеиваться над почтенным человеком и отправляйтесь скорее восвояси. А вы, друзья мои, отправьтесь за виски. Вы знаете, что я терпеть не могу толкаться в лавке, где его продают. Это занятие наводит на меня ужасную тоску. Геккер, подождите хоть минутку и хватайте добрый стакан этого чудного напитка, что будет лучшим предохранительным средством против возможности заполучить лихорадку, охотясь в болотах. Мне лично скоро вовсе придется отказаться от этого прелестного занятия, так как я больше не могу охотиться при дневном свете на оленей. Что же касается ночной охоты, то я также не люблю проводить ночь в лесу в ожидании зверя. В таких случаях приходится следить с головней в руках, а жар ее

слишком недостаточен, чтобы согреть меня. Кроме того, я боюсь задремать во время столь продолжительного ожидания, и, пожалуй, выроню смоляной факел как раз в ту минуту, когда появится олень. Судите сами, что будет за картина, когда олень с удивлением уставится на меня и услышит храп когда-то неутомимого охотника, спящего среди соленых болот! Впрочем, вы не думайте, что я собираюсь вас уговаривать. Всякий волен поступать, как ему вздумается. Тем более что я вовсе не обязан ухаживать за вами, когда вы заболеете от вашей безрассудности. Но прежде дайте мне рассказать о том, что случилось со мною, когда я жил еще в Техасе.

— Ладно, рассказывайте, только постарайтесь покороче, — согласился Геккер, перекладывая винтовку с одного плеча на другое. — У меня и так осталось немного времени.

— Хорошо! Поверьте, у меня вовсе нет желания помешать вам как следует промокнуть под надвигающимся ливнем. Если вы мне не верите, то посмотрите над собою и вокруг, какие собираются на небе тучи. Ну да все равно. Я начинаю. Слушайте! Однажды ночью, — нужно вам заметить, что в те времена я был таким же сумасбродом, как и наш милейший Геккер сейчас, и постоянно проводил время с ружьем в руках, под открытым небом, — я вышел из дому и остановился на берегу небольшого соляного озера. Дичи, должен я вам сказать, водилось там великое множество. Я засел в засаде, давая себе слово не уходить, не настреляв изрядного количества добычи. Всю ночь напролет, до зари, просидел я, скорчившись за сосновым пнем в наскоро построенном шалаше, как вдруг неподалеку услышал невероятный рев, будто сотня пум собиралась броситься на меня. Точно десятки ружей стреляли зараз. Словом, я был совершенно оглушен и просто не знал куда деваться. Долго я не мог понять, в чем дело, как вдруг заметил, что с соседнего хлопкового поля на берег несется несметная стая диких гусей. Никогда в жизни я еще не видал и, наверное, уже не увижу подобного количества пернатых. Они летели прямо на сосну и, достигнув места, где стоял мой шалаш, стали спускаться на землю. Теперь угадайте-ка, что было дальше?

— Черт возьми! Угадать довольно легко: гуси посидели и улетели, а вам не удалось убить ни одного! — со смехом сказал судья, чтобы подзадорить Баренса.

— Вовсе нет! Гусей были тысячи. Когда они опустились на землю, то такой массой навалились на мой шалаш, что разрушили его совершенно, загасили зажженный мною огонь и чуть не задавили меня самого. Не имея возможности схватить ружье, я вытащил из-за пояса нож и стал наносить им удары направо и налево. Птицы сообразили, что попали в довольно скверное положение, но было уже поздно. Я успел переколоть всех, находившихся поблизости, раньше, чем они успели опомниться и криком предупредить товарищей о грозящей опасности. Когда наконец остальная стая поднялась на воздух, вокруг меня валялся на земле пятьдесят один гусь и пятьдесят восемь голов!

— Это каким же образом? Ведь получается, что оказалось на семь голов больше, чем тел. Куда же девались тела птиц от семи лишних голов?

— Я отыскал их чуть позже. Представьте себе, стая была так велика и летела так плотно, что на своих крыльях живые гуси на довольно порядочное расстояние, шагов за сто, отнесли мертвых в сторону. Теперь, Геккер, история кончена, и вы можете топтать на свое соленое болото!

— А вы мастер рассказывать небылицы, Баренс, — сказал судья, — право, виртуоз!

— Небылицы? Да какого же черта вы всегда слушаете их с разинутыми от удивления ртами, если знаете, что я рассказываю неправду?! Нет, ей-богу, не стоит больше вам ничего рассказывать. Так где наш виски?

— Его только что принесли и как раз во время. Оно поможет нам проглотить рассказанную вами историю, Баренс! — сказал Куртис. — Теперь я в свою очередь расскажу, что случилось со мной прошлой ночью. Предупреждаю, что это будет чистейшая правда! Чего вы ухмыляетесь, Баренс?

— Да знаете ли, я никогда ни начинаю рассказов с такими предисловиями и никогда заранее не стараюсь уверять слушателей, что мой рассказ чистейшая правда. Делать так, значит наверняка возбуждать ненужные сомнения у своих слушателей. Возьмите себе это за правило, Куртис! — наставительно сказал тот.

— О, вам-то это, действительно, ни к чему, — с улыбкой сказал судья, — потому что все ваши истории, с предисловием ли они, или без, имеют одну и ту же оценку у слушателей. Рассказывайте, Куртис, не сму-

щайтесь. Да не забудьте оставить немного виски, чтобы промочить горло во время рассказа.

— Вчера вечером, — начал Куртис, — я шел по берегу Литл Джена, отыскивая свиней, которые, по словам Баренса бродили в этих местах, тех самых свиней, при поисках которых мы наткнулись на труп Гитзкота. Несколько раз, бродя по лесу, я встречал кабаньи норы, но ни разу не видел их обитателей. Наконец, когда совершенно стемнело, я заметил, что в чаще деревьев что-то шевелится и, представьте мою радость, увидел там старую свинью с десятью поросятами. Одиннадцатого, вероятно, съели хищники. Как только я заметил, что свинья носит метку своего хозяина — отверстие на правом ухе и рассеченное левое, — я высыпал перед ней из захваченного предварительно мешка маис и постарался отыскать на ночь удобное местечко, так как знал, что теперь, в такую темень, ничего нельзя больше предпринять. Признаться, я не очень-то люблю болота возле Литл Джена. Они и сыры, и неудобны, не говоря уже о тучах всяких жужжащих и кусающихся, и жалящих насекомых, висящих над болотом. После долгих тщетных поисков местечка посуше, я нашел наконец таковое. Там я развел костерок и улегся на землю. Собак со мной не было, поскольку я боялся испугать свиней и не собирался охотиться. Усталость была так велика, что я почти тотчас же заснул. Сколько времени я спал, не знаю, так как чаща была настолько густа, что невозможно было разглядеть звезд. Вдруг я проснулся от какого-то странного предчувствия. Мне казалось, что кто-то приближается к тому месту, где я лежал. Я тотчас же приподнялся и насторожился, потом, тихонько зарядив ружье, навел ствол в сторону, откуда мне слышался шум, и стал ждать. Все было тихо; я решил, что все это мне пригрезилось во сне, и опять улегся на землю. Признаюсь, я чувствовал себя неважно. Неужели, думал я, мне придется иметь дело с пумой? Это ведь вполне могло случиться, а в такую темень да без собак трудно было что-нибудь поделаться с хищным зверем. Несколько мгновений я колебался, потом как будто опять услышал неясный шум. Сдернув платок, которым прикрыл лицо от комаров, я почувствовал, что около меня стоит какое-то живое существо, теплое дыхание которого я ясно ощущал на лице. Сквозь легкий ночной полумрак, окутывавший меня, я различал

какой-то темный силуэт, склонившийся надо мной. К моему великому удивлению и страху, наклонившееся надо мною существо оставалось неподвижным. Я прислушивался теперь несколько успокоенный тем, что это не могла быть пантера, так как в противном случае я был бы уже мертв. В то же время я терялся в догадках, что это было за существо. К несчастью, мне нельзя было даже вытащить нож, заткнутый у меня за поясом, чтобы защищаться от врага, сражаясь с ним, как подобает порядочному охотнику, грудь с грудью. Итак, я неподвижно, как труп, лежал без движения на земле, пристально вглядываясь в наклонившуюся ко мне черную фигуру, глаза которой так и светились в темноте. Вы знаете, я не из трусливого десятка, но, признаюсь, в эту минуту дрожал как лист, до такой степени был напуган, и любое животное могло бы безнаказанно напасть на меня.

— Да говорите же скорей, что это было! — одновременно раздалось несколько голосов.

— Что было? — продолжал Куртис. — Я увидел над своей головой сияние звезд, и вдруг дыхание подозрительного существа перестало согревать мне лицо. Через минуту мой таинственный посетитель удалился, и только легкий треск ломавшихся под его ногами сухих ветвей указывал, что он мне не приснился. Я облегченно вздохнул, как чудом избежавший смертельной опасности человек.

— А костер? — спросил кто-то.

— Он едва тлел. Вероятно оттого, что я выбрал все-таки недостаточно сухое место.

— Что же вы потом сделали? — любопытно спросил судья.

— Подробностей приключения я припомнить не могу. Знаю только, что я или собирался вытащить нож и положить его возле себя, или держать в руке наготове, потом хотел прислониться к дереву и стоять таким образом до конца ночи, но странно, что ничего этого я не сделал, а преспокойно лег на землю и заснул. Когда я открыл глаза, был уже день.

— Весьма странно, — заметил судья. — Что это за животное посетило вас?

— Вы находите это странным? — вмешался возмущенный Баренс. — Да если бы я стал вам рассказывать такой случай, вы, наверное, не дослушав и половины, расхохотались бы мне в лицо и назвали лгуном, а тут

человек сочиняет такие фантастические рассказы, а вы находите это только странным!

— Я начал отыскивать следы, — продолжал Куртис, не смущенный репликой Баренса, — но долго не мог ничего найти; земля была суха и покрыта такой уймой листьев, что положительно нельзя было различить никаких следов. Наконец, после долгих поисков невдалеке от места моего ночлега, я увидел берлогу старого медведя и убедился, что именно он так напугал меня ночью.

— О, это нисколько не удивительно, это даже входит в привычку у медведей, — сказал Смит. — Несколько лет тому назад у меня жил ручной медведь. Так он по ночам часто вставал, подходил к моей постели и смотрел на меня в упор, когда я спал. Неправда ли, какая странная повадка?

— Ваш рассказ, дорогой Куртис, — сказал судья, — напомнил мне о вашем обещании добыть мне медвежонка. Жене давно хочется иметь его. Теперь весна, — пожалуй, лучшее время для выполнения вашего обещания.

— Ну, я начинаю опасаться, что не сдержу своего обещания, потому что теперь эти маленькие негодники бегают быстрее лошади. Вот уже с месяц я мотаюсь по округе, рассчитывая поймать его для вас. Я успел побывать даже в горах, заглядывал во все пещеры, но так-таки не нашел ничего. Я бы и сам не прочь завести одного медвежонка у себя на дворе. Право, эти маленькие животные бывают порой так забавны.

— Вот глупости, — опять вмешался Баренс, — эти проклятые медвежата скоро становятся поистине невыносимыми. В первый же год они начинают бедокурить, бьют посуду, переворачивают кастрюли, сдергивают со стола скатерти и все, что на них находится, кусают свиней, обижают собак и обдирают деревья. Я, признаться, терпеть не могу этих беспокойных животных; есть много других, гораздо более безопасных и интересных. Во время моего пребывания в Северной Каролине я держал у себя ручную селедку, которая везде следовала за мною, куда бы я ни пошел. Она ходила за мной по пятам по всему дому.

— Погодите, Баренс, помолчите хотя бы минутку, дайте опомниться! — воскликнул судья. — Ваша фантазия не знает никакого удержу. Селедка, ходящая по суше! Да как же она могла жить?

— Как? — возмутился охотник. — Как она могла жить, спрашиваете вы? Да очень просто! Вы ведь сами прекрасно знаете, что любое животное может приучиться жить, где только придется. Ну вот и эта селедка так же привыкла. Ее поймали очень молодой на песчаной отмели, и с тех пор она не видала соленой воды. Нужно было только раз в день подержать ее немного в мокром песке. У меня теперь живет дома поросенок, — продолжал Баренс, не давая возможности слушателям что-нибудь возразить ему, — который — вот поистине удивительная штука — покрыт пятнами, как молодая лань, а хвостик его до того завернут кверху, что несчастное животное вот уже три недели, как не может коснуться земли задними ногами.

— Да здравствует старый Баренс! — воскликнул Куртис.

— Несколько дней тому назад я чуть-чуть не раздобыл вам медвежонка, господин судья, — сказал Кук, придвигаясь к столу. — Истлей, принесите-ка, пожалуйста, сосновых сучьев или хоть стружек. Здесь так стало темно, что я даже не вижу, остался ли виски в моем стакане или нет.

— Каким же образом медвежонок увернулся от вас? — спросил судья.

— Я ехал в Ливисбург и уже в семи-восьми милях от цели своего путешествия, при переезде через поляну, заметил в высохшем русле ручья медведицу и медвежонка, искавших себе пищу. Со мной, правда, было ружье, но, к несчастью, неисправное, так как я и направлялся в город именно затем, чтобы отдать его в починку. Остановив лошадь, я не знал, на что решиться. Что мне было делать? Возвращаться домой за другим ружьем? Но я успел отъехать от дому уже очень далеко. Забежать к знакомому за ружьем? Но ближайшая ферма находилась милях в четырех от этого места. Пока я скакал бы туда за оружием да возвращался обратно, медведица с маленьким тем временем несомненно ушла бы в чащу, где ее ни за что потом нельзя было не найти. Я решил сделать так. Прислонил ружье к дереву, рассчитывая позабавиться испугом зверя в ту минуту, когда он заметит меня, затем, не слезая лошади, пробрался сквозь кустарник, который, по счастью, оказался не слишком густ, потом поехал напролом вперед, и так как толстый слой листьев заглушал шаги, а животные были увлечены поисками пищи, то не замечали моего приближения до

того момента, когда, подойдя к медведям шагов на десять, мой пони заржал, почуяв зверей. Медведица тотчас же пустилась наутек. Я поскакал вслед за нею, а в тот момент, когда она остановилась, мой пони, легко перескочив через сосновый пенек, чуть не коснулся ее своей мордой. Старая шельма в ужасе пустилась бежать без оглядки. Мой охотничий клич до того испугал ее, что она мчалась от меня, как паровоз на всех парах.

— А что же случилось с медвежонком? — спросил судья.

— Погодите. Сейчас расскажу и о нем. Я подумал, что раз матерая медведица так позорно покинула своего детеныша, то мне уже не трудно будет завладеть им, так как он еще был очень молод, — дело, надо вам сказать, происходило в начале марта. Я тотчас же и повернул назад, потому что и пони мой чувствовал себя не особенно приятно на такой опасной охоте, и возвратился на то место, где оставил медвежонка. Бедный малыш уселся спокойно за дерево и продолжал рыть землю, отыскивая червяков. Завидев меня, он спрятался было за ствол, но испугался и попытался спастись бегством. Разумеется, лошадь моя скакала быстрее маленького животного, и я скоро настиг его. Тогда проклятый медвежонок запрятался между корнями гигантской сосны и жалобно завыл. Только что собрался я спешиться и овладеть так легко доставшейся добычей, как услышал позади страшный рев; повернув голову, я заметил, что мать вовсе и не думала бросать своего детеныша на произвол судьбы, а лезла прямо на меня. Ее лапы были подняты, а пасть с огромными зубами была оскалена, точно медведица собиралась проглотить меня. Тут уж следовало подумать о спасении собственной шкуры, а не о поимке медвежонка. Сделав поворот налево, я поскакал в чащу, преследуемый по пятам разъяренной медведицей. Бороться с ней было бы бессмысленно, у меня был с собой только нож, следовательно, ни о чем другом, кроме самого постыдного бегства, думать не приходилось. К счастью еще, медведица не долго преследовала меня и вскоре возвратилась к своему детенышу.

— Такой случай, как с вами, может случиться со всяким, кто рискнет ездить по здешним местам без оружия, или если и с таковым, но незаряженным, — сказал Смит. — Вот однажды со мной... Но что это такое? Никак ружейный выстрел?

— Да, выстрел. Наверное, Геккеру посчастливилось напасть на дичь, в чем нет ничего невероятного: никто уже давно не охотился на соляных болотах. Ну, вот нашему соседу и выпала сегодня удача.

— Так я говорил, — сказал Смит, продолжая прерванный рассказ, — что со мной произошел случай, подобный вашему, в одном фруктовом саду; вы хорошо знаете это место, Кук...

— Эй! Выйдите-ка сюда кто-нибудь! — раздался зычный голос перед дверьми хижины.

При этом возгласе собаки принялись отчаянно лаять.

— Нас зовет кто-то из соседей! — сказал судья, вставая из-за стола.

— Эй, кто-нибудь! — снова раздался тот же голос, заглушивший даже лай собак.

— Кто тут? Что нужно? — спросил громко судья.

— Давайте скорее огня!

— Да кто тут?

— Гарфильд с друзьями. Нет ли у вас сосновых факелов или нескольких фунтов смолы, чтобы сделать их?

— Смоляных факелов у нас в избытке, а вот смолы нет ни фунта! — отвечал Истлей. — Слезайте-ка пока с лошадей, да входите сюда. Цыц! — прикрикнул он на собак.

— Гарфильд, какой дьявол носит вас по полям в такую ночь? — воскликнул судья, вместе с Куком подошедший к дверям, чтобы встретить прибывших. — Кто это с вами?

— Соседи из Спринг Крика, — отвечал фермер.

Всадники спешили и вошли в хижину.

— Здравствуйте, джентльмены. Не знает ли кто-нибудь из вас брода через Фурш Лафав и не укажет ли нам его?

— А зачем он вам понадобился? Преследуете вы кого-нибудь, что ли?

— Да! В ночь со среды на четверг какие-то мерзавцы увели у меня шесть лошадей. К счастью, я еще до рассвета заметил пропажу. Лошади, испугавшись чужих людей, метнулись к дому, что они всегда делают при нападении хищников. Разбуженный этим шумом, я вышел на двор и заметил пропажу, но было так темно, что броситься тотчас в погоню за похитителями не представлялось возможным. Зато едва рассвело, я собрал соседей и мы организовали погоню. Сначала следы ясно виднелись на

дороге, но вскоре разделились: трех лошадей погнали вправо, а остальных — влево. Ну да мы тоже стрелянные воробьи, понимаем, что к чему. Нас было пятеро, тогда мы разделились и объехали горную цепь к северу от Литл Джен. Дорога там ужасная, и нужно удивляться, как это наши лошади не переломали себе ног. У поворота одного из притоков Литл Джен конокрады соединились и направились в лес. Там мы нашли место их привала. Где они раздобыли корм для лошадей, один дьявол знает, вероятно, тоже украли. Чтобы окончательно не измучить лошадей, мы тоже остановились на отдых, а затем продолжили преследование, но ехали не особенно скоро, не желая потерять следы, которые разбойники всячески старались запутать. Так мы ехали и ночью, освещая дорогу факелами, пока не добрались сюда и не увидели, что лошади переведены через реку. Будьте же любезны, покажите брод, иначе мы рискуем заблудиться.

— Да, да, не теряйте времени! — воскликнул Кук. — Я уверен, что завтра пойдет дождь; солнце сидело сегодня в тучи.

— Вот это-то и заставляет меня спешить — ответил Гарфильд. — Теперь, благодаря вам, у нас достаточно факелов, и если разбойники продолжают ехать по большой дороге, мы к рассвету непременно догоним их.

— А вы уверены что они все еще едут по большой дороге? — спросил Кук. — Слишком уж, по-моему, это для них рискованно. Чтобы избежать преследования, им, пожалуй, было бы сподручнее переправиться через Арканзас. Весьма вероятно, что у них выработан определенный план.

— Благодарю вас за совет и приму его к сведению. На другом берегу Фурш Лафава я повнимательнее рассмотрю следы.

— Жаль, что с вами нет Ассовума, — заметил судья. — Он порядочный парень, большой мастер разгадывать следы. Он был бы вам безусловно полезен.

— Вблизи соляных болот мы видели какого-то человека, плохо говорившего по-английски, — ответил Гарфильд, — это не он?

— Нет, это немец Геккер. Скажите, пожалуйста, далеко отсюда проходят следы конокрадов?

— О нет, всего шагах в четырехстах. Немец сказал, что видел наших воров, когда устраивался на отдых и раз-

водил костер. Он не мог, конечно, различить их лиц, но один из конокрадов показался ему знакомым. Их было только двое с шестью лошадьми. Не правда ли, эти проклятые разбойники превосходно управляются с лошадьми!

— А каким образом вы отыскали Геккера?

— Да просто: мы заметили среди леса разведенный огонь и направились к нему. Не желая, однако, своим присутствием пугать дичь, мы предпочли, поговорив с ним немного, тотчас же удалиться и не мешать его охоте.

— Желал бы я знать, что это за негодяи украли ваших лошадей! — сказал судья. — Я ничуть бы не удивился, если бы узнал, что всем этим делом заправляет Коттон. Мною недавно был получен приказ арестовать его, но мошенник, последнее время вертевшийся поблизости, будто пронюхал об этом, куда-то запропастился и больше не показывается.

— Да, тюрьма ждет не дождется этого негодяя! — воскликнул Смит. — Все равно, рано или поздно, но ее не минует.

— Тюрьма, говорите вы? Как бы не так! — возмутился хозяин украденных лошадей. — Неужели вы думаете, что я не расправлюсь с ним по-свойски, если он попадетсЯ мне в руки с поличным? Видите вот это? — спросил он, показывая судье веревку из тонких кожаных ремешков. — Не будь я Гарфильд, если я не повешу его при случае на первом же дереве. Надо проучить этих разбойников и отбить навсегда у них охоту красть наших лошадей!

— Не лучше ли прибегнуть в таком случае к закону? — спросил судья, неодобрительно покачивая головою при последних словах рассерженного беззастенчивой кражей фермера.

— Закон!.. Закон хорош там, где он действует! В городах, а не в наших лесах! Не можем же мы пользоваться законом, написанным людьми, совершенно не знающими условий нашей жизни и не могущими оказать нам надлежащей защиты! Что бы сказали, например, граждане Нью-Йорка, если бы их заставили руководствоваться правилами, пригодными для нашей местности? Там большинство статей, крайне необходимых для нас, оказались бы совершенно излишними для них. Пока же мы сами должны защищать свою честь и имущество, не ожидая поддержки правительства, мы вправе творить суд и расправу тоже по нашему усмотрению. Если меня ли-

шат этого права, то мне придется выселиться отсюда и отправиться далее на запад. А теперь скажите, кто укажет нам дорогу и брод?

Куртис, Смит, Кук и еще несколько фермеров и охотников выразили свое согласие сопровождать Гарфильду. Выбор пал на Куртиса, как на самого опытного старожилу, прекрасно знающего округу вдоль и поперек. Вскоре он вывел преследователей на дорогу, ведущую к броду через реку. Не проехав и сотни шагов, Гарфильд увидал конские следы. По его уверению, то были следы его лошадей. Не было основания не верить ему, так как кто же лучше мог определить это, как не сам хозяин?

Небо все более и более заволакивалось тучами. Пошел мелкий, но частый дождь. Хотя он насквозь промочил одежду преследователей, но за такой короткий срок не мог смыть лошадиных следов.

Глава XI

АССОВУМ И АЛАПАГА

В полдень того же дня, когда происходили выборы шерифа в Птивиле, по лесу вдоль берега реки шел вместе с женой Ассовум, завернувшись в одеяло и неся на плече ружье. По обычаю краснокожих, индианка несла хозяйственные принадлежности, употребляемые неприхотливыми сынами прерий. Вместе с ними она тащила еще свое одеяло и две высушенных оленьих шкуры. Нагруженная такой тяжелой ношей, Алапага еле поспевала за мужем, молча, не обращая на жену внимания шагавшим вдоль берега реки и, видимо, старательно изучавшим его. Индеец как будто искал какой-то предмет, которого никак не мог найти.

Пройдя вверх по реке столько, сколько ему показалось достаточным, краснокожий вернулся назад, продолжая так же внимательно и все так же, однако, безуспешно разыскивать что-то.

— Мне думается, это и есть то самое дерево, к которому была привязана лодка! — сказал, наконец, он Алапаге, указывая на опрокинутый бурею громадный ствол старого дуба, иссохшие ветви которого, точно руки сказочного существа, протягивались к поверхности воды.

— Ассовум может удостовериться в этом, если посмотрит сюда, — ответила Алапага, подводя мужа к корням дерева, которое было опутано кусками лыка.

— Лодки нет, — сказал Ассовум, — значит, нам придется переправляться вплавь, если мы хотим устроить привал на том берегу.

Индианка, не вымолвив ни слова, сложила свою ношу на землю, сбросила в воду две толстых ветки, валявшиеся тут же, и устроила из них примитивный плот для поклажи; вошла вместе с мужем в воду и поплыла, толкая перед собой импровизированный плот. Несколько минут спустя краснокожие оказались на другом берегу.

— Куда теперь думает пойти Алапага? — спросил Ассовум, обращаясь к жене.

— Ферма Бария всего в полумиле отсюда. Стоит только перейти большую дорогу. Завтра в этом доме мистер Роусон собирается читать проповедь. Отчего Ассовум так упорно отказывается послушать божественные слова бледного человека? Проповедник говорит так складно, речь его сладка, как мед, и сердце его не злобиво и чисто, как ясное весеннее небо.

— Алапага, ты лучше сделаешь, если... Тише!

В кустах в это время произошло легкое движение, и из них внезапно показался рослый олень, с красивыми развесистыми рогами, смотревший только вперед, очевидно, не подозревая грозившей опасности. Едва слышав шорох, Ассовум сразу догадался, в чем дело, и вскинул ружье. Раздался выстрел, и олень, пораженный пулей индейца, сделав последний скачок, повалился на землю.

— Вот это прекрасно! — обрадовался краснокожий, снова поспешно заряжая ружье. — У Гарпера теперь недостаток дичи, а сам он слишком нездоров, чтобы охотиться. Алапага отнесет дичины нашему белому другу.

— Разве Ассовум уже забыл, что Алапаге нужно отправиться на проповедь Роусона? — спросила индианка, опечаленная перспективой пропустить богослужение.

— Прежде, — начал Ассовум, печально потупив взор, — Алапага во всем повиновалась Ассовуму; тогда она ни на что больше не обращала внимания. Когда-то было счастливое время, и Алапага, не зная бога белых,

молилась Маниту, плела священный вампум¹, умела уми-
лостивить Маниту, и охота ее мужа была всегда счастли-
вой. Теперь то счастливое время миновало. Алапаги
больше нет, а есть женщина-христианка, по имени Мери.
А она еще носит те самые мокасины, в которых покинула
свое племя, чтобы следовать за мужем в изгнание; ее
кожу прикрывают те самые одежды, которые сорвал Ас-
совум с плеч вождя племени сиу, чтобы прикрыть ими
обнаженное тело жены; у нее надето еще на шее оже-
релье из хвостов священных змей, и треск их чешуй дол-
жен бы напоминать ей ту землю, где ее родители дали ей
жизнь. Но увы! Ее уши закрыты, она ничего больше не
слышит. Ее сердце не бьется как прежде, это все проис-
ходит от того, что она ныне ничего не чувствует.

— Ассовум, не сердись на меня, — с мягким трепе-
том возразила Алапага. — Не забудь, что жизнь очень
коротка и что самое счастливое, самое радостное буду-
щее ожидает меня. Ты ведь не знаешь, мой дорогой суп-
руг, до какой степени прекрасно и величественно небо,
по рассказам бледного человека. Неужели ты захочешь
лишить меня этой прекрасной жизни, которая ожидает
меня? Ведь моя вера в эту святую блаженную жизнь
нисколько не препятствует мне оказывать должный по-
чет тебе, моему супругу и повелителю, зачем же ты
хочешь лишить меня ее?

— Я, конечно, не стану мешать, — печально сказал
Ассовум. — Пусть Алапага поклоняется богу белых, если
ей это более приятно!

— А разве ты окончательно отказываешься послу-
шать того бледного человека? Ведь его устами говорит
сам Бог!

Ассовум хотел было что-то возразить на это, но раз-
думал и лишь сказал:

— Алапага должна не только молиться, но и есть.
Недалеко отсюда, на берегу реки, стоит заброшенная
хижина. Мы снесем туда оленя, и Алапага приготовит
его нам на ужин. Там изгнанник вождь укроется с ней
от дождя, ветра и ночных туманов, и утром Алапага
будет недалеко от фермы, где бледнолицый проповедник
обещал говорить ей о боге белых.

¹ Вампум (индейск.) — ожерелья, пояса и различные украшения
из раковин и трав.

— А что намерен делать Ассовум?

— Ассовум обещал больному другу отыскать его племянника, и сдержит свое слово. Белые распускают теперь оскорбительные слухи про своего брата и делают это потому, что не слышат шума его шагов около себя. Обвиняемый в гнусных преступлениях теперь далеко отсюда. Лишь только он возвратится, его клеветники должны будут замолчать и даже не осмелятся смотреть ему в глаза!

— Но ведь этот человек виноват!

— О, я знаю, кто отравил этим ядом твою душу! Проповедник наговорил Алапаге глупостей, и она верит ему.

— Благочестивый Роусон действительно уверял Алапагу, что белый человек убил и ограбил своего белого собрата.

— Бледнолицый нечестивец лжет! — с гневом воскликнул Ассовум, причем глаза его метнули молнию, лицо искривилось от злобы и кровь прилила к вискам. — Говорю тебе еще раз, что бледный человек врет, и сам прекрасно знает это.

— Ассовум ненавидит бледного проповедника за то, что он отвратил Алапагу от веры ее отцов и склонил к вере белых, но он не должен напрасно позорить человека только за то, что тот думает иначе.

— Пусть будет так! — сдержал себя Ассовум, решив преградить нежелательный ему разговор. — Теперь пора, однако, подумать о пище и ночлеге. Уже поздно. Нужно поскорее перенести оленью тушу в заброшенную хижину. До наступления ночи вождь должен оказаться далеко от этих мест.

Сказав это, краснокожий принялся за разделку оленьей туши на части для более удобной переноски ее. Оставив голову и шею на съеденье волкам и коршунам, остальную часть Ассовум продел на палку и поднял за один конец, положив его себе на плечо. Алапага взялась за другой, и супруги молча двинулись вперед, не обменявшись более ни словом. Четверть часа спустя они достигли назначенного места.

УЭСТОН И КОТТОН

Незатейливое строение, к которому подошли Ассовум с женой, было построено каким-то переселенцем, остановившимся здесь на некоторое время. Затем ему пришлось покинуть это жилище из опасения, что его хижину затопит первым же наводнением, которые так часты в этой местности. Стены хижины и потолок, подпертый толстым центральным столбом, были довольно прочны. Печь, хотя и без трубы, была также в порядке. Недостаток же дымоотводной трубы восполнялся обилием щелей и отверстий в стенах, так что свободно разгуливавший по помещению сквозной ветер мог прекрасно выдувать через них дым, скоплавшийся в помещении.

Ассовум, прибыв к хижине, поторопился перенести убитого оленя во внутрь ее. Поправив сорванную ветром с петель дверь и еще раз внимательно осмотрев всю хижину, вождь сказал жене:

— Помещение еще очень хорошо. Пусть Алапага ждет здесь возвращения мужа! Когда она вернется с проповеди, то пусть снесет моему белому больному другу оленины. Ассовум вернется, вероятно, раньше, чем начнут петь птицы.

Краснокожий, сделав это распоряжение, не промолвил более ни слова, также молча направился к лесу и исчез в чаще деревьев. Проводив мужа, Алапага тотчас же принялась за работу. Срубив несколько гибких ветвей своим острым, красивым томагавком, висевшим у нее на кушаке, она развесила на них куски оленины; потом индианка набрала в лесу сухих листьев и сучьев и развела огонь. Когда он достаточно прогорел и образовались уголья, Алапага, нарезав мясо на тонкие ломотки, стала их жарить.

Между тем погода становилась все хуже и хуже. Пошел мелкий дождь, задул довольно сильный ветер. Усевшись перед огнем и наблюдая за жарившимся на угольях мясом, Алапага запела священный псалом, которому научилась у своих белых друзей, не предполагая, что ее может кто-либо услышать.

Однако окрестности оказались вовсе не так безлюдны, как полагала Алапага. Пока индианка занималась своими хозяйственными делами, невдалеке от хижины

вышел из лесу на дорогу молодой человек, внимательно осматриваясь по сторонам. Он все время старался идти по колеям дороги, видимо, заботясь, чтобы не оставить на сырой земле следов. Временами он отходил от обочины дороги к лесу и шел там по опавшим листьям, внимательно рассматривая, не оставляет ли за собой слишком заметных следов. Становилось холодно. Прозябший незнакомец потирал руки, хлопал себя по бедрам, но не мог согреться. В то же время он тревожно поглядывал в одну сторону, точно поджидая оттуда кого-то. Нетерпение его возрастало.

Наконец к нему подошел давно ожидаемый спутник, плотно закутанный в плащ. Старая шляпа с широкими полями была надвинута на самые глаза. Подойдя к ожидавшему его юноше, он дружески хлопнул его по плечу.

— Послушайте, Уэстон, — сказал он, — вам, по-видимому, чертовски холодно. Но почему вы не запаслись плащом, как я? Ведь я говорил вам, что плащ необходим в дороге. Вот не послушались, теперь и мерзнете. Вы ничего не слышали?

— Нет! — сердито отвечал тот. — Они, пожалуй, и сегодня не придут. Скверно же мне придется без одеяла и огня провести ночь под открытым небом! Этак можно и издохнуть!

— А что сказал бы на это шериф, теряющий с вашей смертью двадцать долларов награды за поимку? — насмешливо спросил Коттон. — Полно, дружище, не унывайте! Теперь нам уже недолго осталось ждать. Роусон знает эту местность как свои пять пальцев, да и Джонсон — парень не промах. Они выпутаются из любой передраги. Насколько мне помнится, Роусон хотел завтра утром читать проповедь на одной из ближайших ферм, а раз он это действительно хотел, то поставит на своем и будет там к назначенному времени, иначе подобное опоздание может возбудить нежелательные для него толки. Я, собственно говоря, терпеть не могу этого пройдохиста, но следует ему отдать справедливость, он прекрасно умеет обделывать свои делишки.

— Знаете, убийство Гитzkота сильно взволновало местное население. В нем подозревают Брауна, но поговаривают и о вас, дружище!

— Обо мне? Да я-то тут при чем? Ведь мне даже ни разу не приходилось встречаться с Брауном! Кажется,

теперь все преступления, совершающиеся в штате, приписывают мне. Много чести!

— Не злитесь, дорогой мой, — успокоительно сказал Уэстон. — Вас вовсе и не думают обвинять в убийстве, говорят только о краже.

— Да при чем же тут кража?

— Говорят, будто у убитого Гитzkота была с собой изрядная сумма — долларов четыреста, — вырученная за только что проданных лошадей. Так вот этих-то денег и не нашли при убитом.

— Это действительно паршиво, черт побери! Убить самого свирепого регулятора и подцепить вдобавок кругленькую сумму — вот что я называю одним выстрелом убить двух зайцев. Молодчина, Браун! Только объясните мне, пожалуйста, с чего это ему вздумалось убивать Гитzkота, ведь, кажется, они никогда не были врагами?

— Разное говорят. Одни, например, утверждают, что Гитzkот и Браун ухаживали за одной и той же женщиной, а потому и терпеть не могли друг друга. Впрочем, нам-то что за дело до них?! Нам важен случай, благодаря которому мы избавились от Гитzkота. А кто это сделал и зачем — не все ли нам равно?

— Так-то так. Теперь, знаете ли, пора подумать о том, как бы вывернуться из лап Гарфильда. Он шутить не любит, и если нападет на наш след, то нам несдобровать. Мне кажется, по крайней мере, я бы сумел поймать всякого, догнав его по следам.

— Ну, это мы бы еще посмотрели! — насмешливо воскликнул Уэстон. — В данном же случае нам нечего бояться. Роусон, говорю вам, сумеет выпутаться. Они намерены идти по большой дороге.

— Как? По большой дороге? — с удивлением переспросил своего товарища Коттон.

— Ну да! Дорога существует для всех. Пусть на ней и останутся их следы. А затем они спустятся к реке и останутся там.

— Что за чушь вы несете, Уэстон! Как они могут остаться в реке?

— Ну да, они поплывут вниз по реке, куда вздумают, например, до назначенного Роусоном места.

— Но ведь лошади со всадниками далеко уплыть не смогут, как вам отлично известно!

— Им и не придется так далеко плыть. Я успел стащить у Госвила челнок, — вон он спрятан в тростнике, а дальше стоит еще другой челнок, угнанный мною у другого фермера. Оба владельца решат, конечно, что их челноки унесло течением в Арканзас, и не подумают справляться об их участи. Затем уже будете показывать дорогу вы, как более знакомый с тамошними местами и островом, на котором, по вашим рассказам, сбудут наших лошадок. За это время Джонсон постарается каким-то образом обратить на себя внимание преследователей и навести их на ложный след. Если ему повезет, наше дело выгорит. К тому же, как я сильно рассчитываю, завтра должен пойти дождь. Мы поведем нашу добычу в лес, и если нам удастся добраться до Миссисипи, то мы от души посмеемся над преследователями. Джонсон уверяет, что там мы запросто сможем найти людей, которые охотно помогут нам, поскольку местные фермеры не слишком охотно решаются связываться с нашим братом.

— Великолепно! Только куда же денутся наши преследователи, ведь не хотите же вы меня уверить, что они способны допустить наше бесследное исчезновение?!

— А знаете, дружище, тут нам добрую услугу окажет ваша лошадь.

— Как моя лошадь?

— Да, ваша и Джонсона. Как только мы с вами уедем на украденных лошадях, этих двух лошадей Джонсон поведет вверх по реке, большой дорогой к Гот Спрингу. Эта предосторожность окажется излишней только в том случае, если погоня выберется на эту большую дорогу слишком поздно и если все это время будет идти дождь. Если же, как мы предполагаем, фермеры гонятся за нами по пятам, то, конечно, собьются с истинного пути и поскачут за Джонсоном. Пускай себе они догонят его, у него не найдут своих лошадей, да и он едва ли станет им указывать, каким образом можно поймать нас. Если же они не успеют догнать Джонсона, что, конечно, будет самое лучшее, то он раньше нас приедет к острову, объявит о прибытии лошадей и продаст их там.

— Вы говорите глупости Уэстон! Как же продать мою лошадь?

— Ну так что же? — рассмеялся его спутник. — Деньги, вырученные от продажи вашей лошади, вы и получите!

— Получить-то получу, но не больше половины настоящей ее стоимости!

— Я полагаю, — сказал Уэстон, не обращая внимания на последние слова Коттона, — что при сложившихся обстоятельствах вам ни в каком случае нельзя оставаться в здешних местах, и посоветовал бы вам немедленно покинуть их.

— Но я не вижу связи между необходимостью моего отъезда и продажей моей лошади.

— В таком случае, или я в вас ошибаюсь, или вы почему-нибудь не хотите покидать здешних мест.

— Пожалуй, вы правы, — громко ответил Коттон, — знаете ли...

— Не кричите! Ведь нас может подслушать кто-нибудь из врагов! Еще днем я слышал здесь выстрелы.

— Знаете ли, Уэстон, — невозмутимо продолжал Коттон, — я наконец подыскал себе лошадь, которой во что бы то ни стало я должен завладеть.

— Ого! А кто же этот человек, обладающий таким прекрасным конем?

— Робертс! У него в конюшне стоит жеребец, равного которому нет в здешних краях!

— Вы, кажется, с ума сошли, Коттон! Правда, вы, да еще на великолепной лошади, представили бы очень живописную фигуру, что и говорить, но выкрасть такую лошадь, значит поднять на ноги всю округу, даже наиболее спокойных фермеров.

— Во всяком случае, мне это должно удасться. План у меня превосходный, — возразил Коттон. — Да и Роусон по-приятельски поможет мне. Он ведь такой ловкий. Поверьте, он очаровал всех женщин штата и, должно быть, теперь посмеивается над их уважением к себе, скача по лесу с ворованными лошадьми. Чтобы сказали они, если бы увидали его за таким занятием? Представляете его положение?

— Ну, мне мало дела до его положения! — отозвался Уэстон. — Скажите-ка лучше, что это за остров, о котором так часто упоминаете вы и Роусон? Правда ли, что это настоящий остров? Где он находится?

— На этот вопрос подробно я не могу вам ответить, — таинственно произнес Коттон, — так как связан клятвой о неразглашении тайны. В противном случае мне угрожает масса неприятностей. Сообщу вам только,

что остров этот расположен на Миссисипи, и его обитатели — наши друзья. Впрочем, большего я и не могу сказать, я и сам-то бывал на нем только до известной ограды. Вот и все!

— Островов на Миссисипи много. Мне ничего не объясняет то, что там живут наши друзья. Назовите-ка лучше номер острова. Ведь там каждому острову присвоен номер!

— Я это и без вас прекрасно знаю! — насмешливо отвечал Коттон. — Но теперь ничего вам больше сказать не могу. Подождите до нашего прибытия туда, тогда и узнаете. Что за любопытство такое, точно у женщины... Помолчите-ка немного! Слышите?

— Это крик птицы, — отвечал Уэстон, — я думаю, что Роусон подает условный сигнал. Вот я ему сейчас отвечу, тогда и узнаем. Ведь опасности пока не предвидится — кругом все совершенно спокойно. — С этими словами молодой человек издал крик, искусно подражая птице, которая только что прокричала.

В тот же момент невдалеке послышался ответный крик, и несколько минут спустя из-за деревьев показались Роусон и Джонсон. Заметив поджидавших их товарищей, они радостно замахали им своими шляпами, как бы давая понять, что часть предприятия, возложенная на них, выполнена удачно.

Глава XIII

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

— Bravo! — воскликнул Уэстон при виде пригнанных его товарищами лошадей, спускавшихся к реке. — Bravo! — громко повторил он еще раз, не обращая внимания на предостережения своего спутника. — Честь вам и хвала, друзья мои! Что за великолепные лошади — один восторг!

— Перестаньте глупить! — осадил его Роусон, недовольный таким шумным проявлением восторга. — Погдите торжествовать, а выполните лучше свою часть предприятия так же удачно. Тогда можете хоть горло надорвать от радости! Где ваши лошади?

— Неподалеку, — отвечал, несколько успокоившись, Уэстон.

— Так отправляйтесь за ними сейчас же, да постарайтесь, заводя их в воду, не оставить на грязи слишком много заметных следов!

— Что вы меня учите? — недовольно произнес тот. — Слава Богу, я не идиот какой-нибудь!

Затем Уэстон быстро направился к лошадям и через несколько минут уже двигался с ними по самой середине реки, где глубина воды не превышала трех футов.

— А где же лодки? Теперь, по-моему, лошадей спокойно можно пустить покормиться травой. Погоня, которая, несомненно, скачет по нашим следам, непременно подумает, что мы здесь переправились через реку.

Уэстон с Коттоном снова исчезли на несколько минут, а затем подплыли к берегу уже на лодках.

— Довольно! — крикнул Джонсон сидевшим в лодках. — Ближе подъезжать не надо, а то днища могут оставить след. Роусон, ведите наших лошадей в воду. Двух из них мы поместим у большой лодки, а двух — у маленькой... Теперь до свиданья! Я только пересяду на собственную лошадь, к ней я больше привык.

— Смотрите, Джонсон, скачите хорошенько, — наставительно сказал ему Роусон. — Не забудьте, что эти лошади долго отдыхали, и вы можете гнать их вовсю. На то у вас и кнут, и шпоры. Каждая лишняя миля — лишний шанс в удаче дела.

— Э, — беззаботно отозвался конокрад, — проклятым регуляторам придется лететь за мной на всех парах. Да и что они выиграют, догнав меня? Ведь эти лошади принадлежат не им! К тому же я нарочно недавно распустил слух, что поведу в южные штаты нескольких лошадей на продажу.

— Пора, джентльмены, каждому выполнить возложенную на него задачу, — сказал Роусон, — кто может знать, как скоро прискачут сюда наши преследователи. А если они нас застукают, то, поверьте, повесят без лишних церемоний!

— Вы захватили с собой что-нибудь из съестного? — спросил Коттон Джонсона.

— О, пока я обойдусь и без пищи! — отозвался тот. — А когда нужно будет дать роздых лошадям, позабочусь и о себе.

— Но вы не должны останавливаться сегодня ночью. В наши расчеты вовсе не входит, чтобы регуляторы догнали вас так скоро!

— Об этом не беспокойтесь, я остановлюсь во всяком случае не раньше завтрашнего полудня; до того времени и лошади могут обойтись без корма.

Затем Джонсон, пришпорив лошадь, скрылся почти моментально из глаз своих спутников.

— Пока все обошлось благополучно, — заметил методист. — Теперь, Коттон, ваша очередь. Чтобы не подвергаться опасности быть замеченным первым прохожим, нам нужно убраться по крайней мере на милю отсюда. Мы надежно привяжем лошадей к лодкам на отмели. А здесь, того и гляди, попадешь в лапы регуляторов.

Предложение предусмотрительного товарища с полным одобрением было принято его спутниками, которые немедленно принялись приводить его в исполнение, так что через несколько минут обе лодки с привязанными к ним кое-как лошадьми поплыли вниз по реке. Теперь не было никакой опасности быть замеченными кем-либо случайно, проходящим или проезжающим по берегу.

— Только теперь я начинаю чувствовать себя совершенно спокойно, — бормотал Роусон, помогая товарищам управляться с лодками. — Благодаря ночной темноте и нашей хитрой уловке, нам не трудно будет провести скачущих за нами регуляторов. Я представляю себе теперь эту разъяренную толпу обозленных фермеров, изо всех сил погоняющих своих лошадей, чтобы скорее догнать и поймать нас. Не так-то это легко, друзья мои! Роусон знает, как надо обделывать свои делишки. Воображаю себе постную рожу Джонсона, когда регуляторы нагонят его. То-то он будет уверять их в своем страшном сожалении, что послужил причиной их досадной ошибки и тем дал возможность скрыться «проклятым конокрадам»!

— Вот и мель! — сказал Коттон, прерывая бормотанье своего спутника. — Теперь лошади уже свободно ступают по дну. Давайте хорошенько привязывать их, а то вскоре река станет глубже, а затем начнутся извилины, так что лошадям все время придется плыть за лодками. Я достаточно ознакомился с теми препятствиями, которые она представляет, когда поднимался вверх... Здесь где-то поблизости, — продолжал он, когда лодки окончательно остановились на мели, — должна нахо-

даться заброшенная хижина. Я припоминаю, что останавливался именно в ней как раз в то время, когда нам с Джонсоном пришлось скрываться от местных властей и удирать к ирокезам. Да, именно здесь! Вот и дуб, поваленный бурей как раз в ту ночь, которую мы провели в этой хижине. Он упал в другую сторону, а то насмерть придавил бы нас обоих.

— Вот была бы невосполнимая потеря для Арканзаса, который в одну ночь рисковал лишиться двух самых лучших, самых благородных и полезных своих граждан!

— Перестаньте подтрунивать! Что это вы делаете?

— Я сталкиваю лодки, — ответил Роусон, — мы устроимся следующим образом: справа и слева привяжем по две лошади, а двух остальных привяжем сзади. Боковые лошади не могут нам помешать, так как грести не придется: течение здесь достаточно быстрое, обойдемся без весел. Один из вас будет править рулем, а двое других присматривать, чтобы не случилось чего-нибудь с лошадьми. Приблизительно в полночь мы достигнем того места, где я расстанусь с вами, и вы отправитесь дальше уже вдвоем. Не бойтесь ничего, а только по возможности избегайте проезжих дорог и скачите полным галопом. Предполагать, что ваши преследователи настигнут вас, нет оснований, так как вы опередите их по крайней мере часов на двенадцать. Да и едва ли они сумеют найти ваш след. Заботьтесь, главным образом, об одном: не сбиться с дороги. Коттон, хорошо ли вы, в самом деле, знакомы с ней?

— Ну вот еще! Да я по ней столько раз ездил, а один раз даже удрал от пятерых преследователей, гнавшихся за мной по пятам. Только бы нам добраться до болот Миссисипи, а уж там — ищи ветра в поле! Верите ли, Роусон, есть одно местечко, где стоит только повалить дерево через тропинку, чтобы задать погоне работы на целый день. Со мной раз сыграли такую штуку, так что я знаю об этом по собственному опыту.

— Чтобы рубить деревья, нужно иметь топор. А откуда вы его там возьмете?

— На то существует моя предусмотрительность! На всякий случай около того места, о котором я вам говорил, я несколько месяцев тому назад спрятал в дупле дерева большой, хороший топор, точно предвидя, что он может мне понадобиться.

— И прекрасно сделали: он действительно может пригодиться! — похвалил его Роусон. — Теперь, кажется, все готово. Вы, Уэстон, ведь знаете, где нужно будет высадиться. Впрочем, это место трудно не узнать: оно покрыто крупной галькой, что придает ему в моих глазах большие преимущества, так как там совершенно не останется никаких следов. В сотне шагов от него под поваленной ветром сосной Аткинс обещался припрятать кое-что из съестного.

— А почему вы сами не проводите нас до того места?

— Это будет неудобно, и может, пожалуй, навести наших неприятелей на следы, — отвечал Роусон. — Если же я расстанусь у того места, про которое говорил, то мне стоит только обогнуть цепь холмов, чтобы попасть как раз к той ферме, на которой завтра я обещался читать проповедь. Не следует пренебрегать никакими предосторожностями, так как с преследующими нас фермерами может оказаться и этот проклятый краснокожий, а вы знаете, что с ним шутки плохи. Его не обманешь каким-нибудь замысловатым маневром, как белых... Жаль, Коттон, что вы не захватили чего-нибудь пожевать. Я зверски проголодался. Еще проходя по лесу, я как будто почувал запах жарящегося на углях мяса, вот до чего разыгрался мой аппетит; иначе, чем бы можно объяснить присутствие такого запаха в лесу, где поблизости нет ни одной живой души? Я дорого бы дал теперь за добрый кусочек мяса. Право, друзья мои, очень легкомысленно пускаться в путь совершенно без запасов. Вы, Коттон, очевидно, прямо голову потеряли, рассчитывая предстоящие выгоды!

— Вот жалость-то, — сказал Коттон, — я в тростниках, где были привязаны мои лошади, забыл узелок, в котором были завязаны маисовый хлеб и оленина. Теперь, пожалуй, слишком поздно возвращаться за провизией.

— Черт возьми! Ваша рассеянность выходит из границ! Так может быть, хоть на обратном пути мне удастся найти ваш узелок?

— Да вы его, пожалуй, не найдете. Я его так ловко спрятал. Однако дело сделано и его не воротишь. Пора в путь!

— Подождите, пока Коттон кончит плести длинную веревку, иначе, если первая лопнет, могут выйти большие неприятности. В темноте ведь и не исправишь.

— В таком случае, Роусон, расскажите нам, как вам удалось похитить лошадей? — спросил Коттон, усердно сплетавший веревку. — Теперь самое время послушать

ваш рассказ, потому что в пути болтать будет уже некогда, а позже, быть может, нам и свидеться-то больше не доведется.

— О, это очень простая история! — ответил весело Роусон, запихивая за щеку изрядную порцию табака. — Не встретив никого по дороге, к закату солнца мы прибыли к Спринг Крику. Мы осторожно пробрались мимо мельницы и подкрались к изгороди, за которой всегда ходили кобылы, но на сей раз их не оказалось. Следовало хорошенько осмотреться, и мы взлезли на дерево. Это оказалось как нельзя кстати: едва мы на него взобрались, как сам Гарфильд... Вы что-то сказали, Коттон?

— Нет, это вам послышалось!

— Должно быть так... итак, я говорю, что мимо прошел сам Гарфильд, возвращавшийся с охоты. Ищейки чуть было не почуяли нас, они даже подняли кверху носы, но все обошлось благополучно. Вскоре наступила ночь, но не особенно темная, так что мы прекрасно могли выбирать из всего табуна лошадей, которые нам больше понравятся. Затем мы осторожно подкрались к ним, взнуздали, уселись верхом и сломя голову поскакали в лес. Право, я думал, что переломаю себе все кости, до того это была бешеная скачка. Чтобы сбить наших преследователей, мы несколько раз разъезжались, потом снова съезжались, скакали извилистой дорогой, делали петли, словом, позаботились запутать следы.

— Вам, должно быть, не легко было справляться с этими лошадьми? — спросил Коттон.

— Да, нам порядочно-таки пришлось повозиться с ними сначала! — сказал Роусон. — Но затем они присмирели.

— Вот, я думаю, взбесился Гарфильд! — радостно воскликнул Коттон. — Такой массовой кражи лошадей еще ни у кого не было!

— И вдобавок главой всего предприятия был благочестивый отец Роусон! — подхватил Уэстон.

— Кстати, Роусон, о чем вы думаете читать завтра проповедь? Я бы многим рискнул, чтобы послушать ваши завтрашние слезоточивые речи!

— Черт меня дернул назначить проповедь на завтра! — сердито воскликнул Роусон. — Отложить ее нельзя, а я чувствую, что не в состоянии завтра сохранить личину благочестия, я все время буду думать и тревожиться насчет...

— Украденных лошадей?

— Ну конечно! А тут изволь говорить своим слушателям разные поучения!

— Вернее, своим слушательницам, которых вы приводите в трепет своим благочестием! — насмешливо сказал Уэстон.

— Да, у Роусона вкус недурной! — согласился Коттон. — Завтра прелестная Алапага тоже придет восхищаться мудростью своего крестного отца.

— Однако, друзья мои, пора в путь. Мне становится очень холодно, да и лошади, пожалуй, могут захворать, стоя так долго без движения в холодной воде.

— Все готово! — отозвался Коттон, закидывая веревку на лошадь. — Идемте!.. Впрочем, нет... посмотрите... что это такое? В лесу свет! Откуда он там взялся?

— Где? — испуганно спросил Роусон.

— Там, вон, правее, вероятно, в покинутой хижине!

— Ба, да в лесу что-то шевелится! — воскликнул Уэстон, своими зоркими глазами увидевший какое-то существо, притаившееся в кустах.

— Черт возьми! — воскликнул Коттон. — Нас выследили!

Негодяй, в сопровождении Роусона, ринулся на берег. Минуту спустя оба они достигли леса, где притаилась жена Ассовума, следившая за всеми их движениями и слышавшая весь их разговор.

— Алапага! — с нескрываемым волнением воскликнул Роусон, очутившись лицом к лицу с ней.

— Индианка! — прибавил пораженный ужасом и остолбеневший Коттон.

— Ты одна здесь? — поспешно спросил прерывающимся от волнения голосом методист. — Ты одна? А где Ассовум?

Алапага, пораженная слышанным, не могла произнести ни слова. Так этот человек, проносилось у нее в голове, отвративший ее от веры отцов, почти лишивший любви и уважения мужа, человек, которого она уважала больше всех, перед которым она благоговела, оказался самым гнусным, самым презренным вором и грабителем! И такому человеку она вверила свое чистое сердце и свои лучшие мечты!

Алапага не вынесла потрясения: крупные слезы градом полились у нее из глаз.

— Лошади беспокойно топчутся, — сказал, наконец, Коттон. — Какого черта вам нужно от этой индианки?

— Оставьте меня с нею наедине! — прошипел Роусон, и дьявольская улыбка промелькнула у него на губах.

— С удовольствием! — отозвался Коттон. — Только не задерживайтесь долго.

— Отправляйтесь по реке до ее изгиба, там я вас встречу. Она делает, благодаря этой излучине, три мили крюку. По суше я раньше вас приду к концу изгиба. Идите скорее и помогите Уэстону справиться с лошадьми.

— А что вы собираетесь сделать с женщиной?

— Что это вас так беспокоит ее судьба? — пробормотал Роусон. — Если она расскажет, что слышала сегодня, меня повесят, так же как и...

— Делайте с ней что хотите! — догадался Коттон. — Только поторопитесь!

— Отправляйтесь, я догоню вас!

— Смотрите, вы будете отвечать, если благодаря ее языку мы влипнем!

— Уезжайте и оставьте меня одного! — нетерпеливо закричал Роусон.

Коттон повиновался и стал спускаться с крутого берега к реке, а через несколько секунд слышался плеск воды: лодки и лошади тронулись вперед, постепенно исчезая в ночном мраке.

Глава XIV

БЕГСТВО

— Где твой муж? — тихо спросил методист, наклоняясь к индианке.

Та ничего не отвечала, все еще как громом пораженная своим неожиданным открытием.

— Где Ассовум? — настойчиво переспросил Роусон, хватая ее за руку.

Точно от укуса ядовитой змеи, вздрогнула Алапага и отпрыгнула назад. Она не могла больше сдерживаться и закричала, вне себя от негодования:

— Не смей прикасаться ко мне! Ты — жалкий лжец, а не слугитель великого Бога. Сам сатана забрался в твое сердце и говорит твоими устами. От твоего нечести-

вого дыхания вянут цветы и птицы прекращают свое пение. Оставь же меня, сатана!

— Скажешь ты, где Ассовум? — со злостью прошипел Роусон. — Мне некогда ждать! Говори!

— О, зачем здесь нет его! — с тоской воскликнула индианка. — Он сумел бы наказать тебя по заслугам! Пусть Великий Дух приведет его сейчас же, тогда Ассовум отомстит за такое обращение со своей женой. Берегись встречи с ним! Только едва ли ты ее избежешь! Как только он возвратится...

— А когда он хотел вернуться? — спросил Роусон, хватаясь за револьвер.

— Он вернется очень скоро! — радостно воскликнула индианка. — Беда тебе, если ты встретишь его!

— Где он теперь?

— Ага, презренный трус дрожит! Ты боишься этой встречи.

— Где он в настоящее время, говори! — проговорил Роусон, все еще опасаясь близкого соседства с индейцем.

— Мой муж пошел за своим молодым белым другом, убившим оскорбившего тебя человека! — с презрением отвечала неосторожная Алапага. — Что, опять задрожал, несчастный лжец!

— Ага! — радостно воскликнул Роусон, сверкнув глазами. — Значит, Ассовум отправился за своим другом! Значит, ты в моих руках!

— Прочь! — закричала Алапага, отпрянув от проповедника. — Не подходи!

— Ну, не так сердито! Теперь даже краснокожий не может помешать мне. Я позабочусь о том, чтобы ты нас не выдала.

— Бог моего народа, Маниту, поможет мне отделаться от тебя! — воскликнула Алапага, вырываясь из его рук и выхватывая томагавк. — Я убью подлого человека!

С этими словами индианка бросилась на Роусона. Тот, изумленный такой переменной в своей кроткой ученице, с ужасом отпрянул назад, но все-таки не избежал бы смерти, если бы нога индианки не скользнула, попав на кучу сырых листьев. Падая на землю, Алапага попала прямо в руки своего врага...

— Что там так долго возится Роусон? — нетерпеливо спрашивал между тем Коттон у своего спутника. — Ведь

если он будет так громко ругаться с индианкой, то его услышат охотники, которых теперь, думаю, немало в лесу!

— Он должен скоро вернуться, — ответил Уэстон, утомленный трудной работой, — грести и тащить лошадей, проявлявших сильное беспокойство в холодной воде.

Оба стали внимательно прислушиваться. Вдруг среди ночной тиши резко раздался крик индианки.

— О, черт бы побрал этого Роусона! — разразился Коттон. — Если Алапаге удастся удрать от него, то через несколько часов за нами ринется в погоню весь округ!

— Но все-таки я не думаю, что он решится прикончить ее, — сказал Уэстон, несколько встревоженный наступившей после крика тишиной. — Мистер Коттон, как вы думаете, неужели он отважится на убийство?

— Перестаньте молоть чушь! — сердито сказал Коттон. — Неужели вам хочется самому сунуть голову в петлю, приготовленную регуляторами?! Роусон прекрасно знает, что ему следует делать. Однако довольно распускать слюни из-за убийства какой-то индианки! Вон, наконец, место, куда хотел прийти Роусон.

Через минуту раздался условный сигнал и к лодке подошел по воде сам Роусон.

— Вот вам и ужин! — сказал он, бросая в лодку кусок жареной оленины.

— Что вы сделали с индианкой? — с тревогой спросил Уэстон.

— Не беспокойтесь, она теперь в надежном месте, а до остального вам нет никакого дела! Давайте сюда поводья лошадей, а сами держитесь за руль. Течение здесь быстрое, и надо быть готовым ко всему. Нет ли только у вас какой-нибудь тряпицы? — спросил Роусон, передавая опять поводья Уэстону.

— Что это у вас с плечом? — спросил Коттон, увидя кровь на рубашке Роусона.

— О, это пустяки, — хладнокровно отвечал тот. — Индианка ткнула меня своим томагавком, я вырвался и... ну, да остальное уже несущественно.

В это время лодки приближались к тому месту реки, где к ней вплотную подходили отроги гор, сплошь покрытые густыми лесами из сосен, елей, лиственниц и орешника.

— Сейчас мы приедем к месту, где я должен покинуть вас. Осторожнее! Не забрызгайте меня водой! Про-

щайте, друзья мои, не забудьте место, где вам самим нужно высадиться!

Роусон выскочил из лодки и скрылся в лесу, а Коттон и Уэстон продолжали свое путешествие, затрудненное сильным в этом месте течением реки и постоянными водоворотами. Только благодаря опытности и уменью Коттона, удалось удачно справиться с лодками и лошадьми. Наконец, они достигли указанного Роусоном места.

— Ну, теперь лошади могут топтать ногами сколько угодно. Скоро им придется проскакать изрядное расстояние. Подержите-ка, Уэстон, поводья, я только опрокину одну лодку и спрячу в кустах, а другую пущу вниз по течению!.. Теперь в путь! — сказал Коттон, выходя на берег. — Нам следует поторопиться!

— А вы не собьетесь с дороги?

— Нам бы только выбраться из густых зарослей тростника, повыше в горы, а там-то пойдет уже ровная дорога, по которой я неоднократно ездил. Ну, садитесь-ка верхом, да и в путь!

Уэстон набросил на спину одной из лошадей бизонью шкуру, подтянул ее подпругой, сел верхом и последовал за товарищем, ведя, как и тот, двух лошадей в поводу. Какое-то время слышался только треск ломаемого лошадьми тростника. Наконец, затих и этот треск и водворилась полная тишина.

Через час после того, как четверо конокрадов расстались у реки, причем Джонсон поскакал дальше, а другие поплыли в лодках, к тому же месту подскакал Гарфильд с товарищами, освещая дорогу смоляными факелами.

— Они проезжали здесь! — воскликнул Гарфильд. — Вот их следы! Эти наглецы отважились ехать по большой дороге. Чудесно! Скоро мы догоним их и заставим дорого заплатить за причиненное беспокойство.

— Не думаю, — вмешался Кук, — чтобы они стали поджидать нас. Ясность самих следов указывает на то, что разбойники скакали во весь опор. Нам нужно гнать что есть мочи, если мы хотим догнать их.

— Я согласен загнать своих лошадей, лишь бы схватить проклятых конокрадов и повесить их немедленно!

— Конечно, надо раз и навсегда избавить наш округ от этих подлых разбойников!

— Нет ли на реке где-нибудь поблизости опасных мест? — спросил Гарфильд, подъезжая к реке.

— Не беспокойтесь, — отвечал Куртис. — Реку я здесь знаю, как землю собственной фермы. Поезжайте следом за мной.

Он поехал вперед и скоро спустился к самой воде. Всадники, один за другим, длинной цепью тянулись за ним.

— Есть ли тут следы? — спросил Гарфильд.

— Совершенно ясные, — ответил Куртис. — Но бандиты и не могли выбрать другого места для переправы. На том берегу мы тоже найдем следы.

Выбравшись на другой берег, Куртис предложил спутникам бросить факелы, теперь, по его мнению, уже больше не нужные, из опасения, чтобы конокрады не заметили преследователей по свету. Все последовали этому совету. Гарфильд, осветив еще раз дорогу и заметив на ней ясные отпечатки лошадиных копыт, бросил и свой факел со словами:

— Теперь я не думаю, чтобы мы могли сбиться с пути: потерять столь четкие следы невозможно!

— Конечно, — отозвался Куртис. — Теперь рассветает рано, и более твердого грунта, на котором не так заметны следы, мы достигнем тогда, когда будет уже совершенно светло.

— Вперед! — закричал Гарфильд, дав шпоры лошади. — Первому, кто заметит бандитов, обещаю в награду бочонок виски.

Громкое «ура!» встретило это предложение, и всадники с удвоенной энергией понеслись по следам Джонсона.

Глава XV

ПОКИНУТАЯ ХИЖИНА

Под вечер того же дня, в который произошли столь знаменательные события, через реку Арканзас переезжал большой паром, с двумя гребцами гигантами-неграми, направляясь из Питсбурга на другой, южный берег реки. На пароме, кроме гребцов, находился только один белый человек с лошадыю. Расплатившись с неграми, он пустил свою лошадь на берег, предоставив ей полную свободу, которой она тотчас же и воспользовалась, принявшись щипать свежую, сочную траву, росшую на берегу.

— А что, маса, — спросил белого всадника один из негров-перевозчиков, родом с берегов Конго, имевший, благодаря сильно выдавшимся скулам, толстым губам и приплюснутому носу, довольно свирепый вид, — ведь здесь нет поблизости никакого жилья. Где же вы остановитесь?

С этими словами он стал тщательно укладывать в свой кожаный кошель плату за перевоз.

— На семь миль в окружности, — продолжал он, — нет ни одного домика, где бы вы могли провести ночь. А ведь скоро, пожалуй, и дождь соберется.

— Я это прекрасно знаю, — отвечал всадник. — Но ведь недалеко отсюда должна находиться хижина в которой жил фермер, переселившийся из Иллинойса. Разве он там уже не живет?

— О, маса, эта хижина давно пустует! — отвечал негр. — Его жена и двое детей померли, а сам он уехал отсюда.

— Но хижина-то, значит, стоит по-прежнему?

— Так-то так, но, маса...

— Что ж, крыша обрушилась, что ли?

— Нет, маса, и крыша цела, но только... там, говорят, происходят дела... которые...

— Дела? Что вы этим хотите сказать? Какие дела?

— Говорят, что жена фермера, похороненная в саду... говорят, она...

— Говорят, что она приходит в дом? Так, что ли? — спросил незнакомец.

— Да, да! — боязливо зашептали оба негра, многозначительно покачивая головами, причем взоры их выражали самый непритворный страх.

— Что за дураки рассказывают подобные небылицы? — изумился всадник, готовясь сесть на лошадь. — Ведь до сих пор, кажется, никто не видал этого привидения!

Негры отрицательно замотали головами, давая тем понять, что были свидетели появления ужасной женщины. Старший из них даже сообщил предположение окрестных жителей, что фермер, должно быть, сам убил свою жену, а затем и обоих детей, чтобы те не могли рассказать об убийстве. Потом, говорил негр, фермер уехал на пароходе, продав землю одному из жителей Питсбурга. После извлечения из могилы оказалось, что труп женщины сплошь покрыт ранами, а на другой день пропали трупы детей...

Рассказав столько ужасных вещей, негр испугался темноты и надвигавшегося с берега тумана; в котором ему, вероятно, померещилась убитая женщина; без оглядки он вскочил обратно на паром и, не дожидаясь ответа путешественника, с помощью товарища живо погнал паром обратно.

Браун, а это был он, некоторое время смотрел вслед удалявшемуся парому, скоро исчезнувшему в тумане, сел на лошадь и направился к скалистому подъему, ведущему от берега реки к гористой части Арканзаса.

Достигнув конца подъема, Браун замедлил ход лошади, давая ей возможность передохнуть. Перед молодым человеком открывался довольно печальный вид: вся равнина была усеяна сплошным слоем песка и только в одном месте зеленел небольшой участок зелени, остаток поля, некогда возделываемого ирокезами — прежними обитателями этих мест, которые вынуждены были уступить свои владения белым пришельцам с востока.

Возле поля виднелась неказистая хижина, о которой наговорил так много страшного негр-перевозчик. Браун поехал прямо к этому жилищу, так как наступила темнота.

Хижина, к которой он приблизился, ничем не отличалась от многих подобных же построек, столь часто встречающихся в Северной Америке. Это был скорее временно построенный барак или сарай. Забор, окружавший сад, частью сгнил, частью был сожжен. Рядом с хижинкой стояло другое полуразвалившееся здание, вероятно, кухня или кладовая. Все ясно говорило, что жилище давно покинуто.

Картина печального запустения неприятно подействовала на Брауна, и он уже подумывал, не провести ли ночь на свежем воздухе под открытым небом. Вдруг налетел порыв западного ветра, обдавший путника туманом, холодным и пронизывающим до костей, как зимний дождь. Колебаться не приходилось. Браун, скрепя сердце, спешил и стал устраивать для своего верного скакуна навес, затем вытащил торбу с маисом и, всыпав в валявшееся на дворе корыто, подставил лошади.

Позабывшись о лошади, Браун вошел в хижину и был приятно изумлен, найдя в камине оставленные кем-то недавно побывавшим здесь горячие еще уголья и золу. Живо собрав охапку хвороста, он кинул его в камин, и скоро в нем запылал приятный огонек.

Браун сходил за своим плащом и седлом, которые и разложил перед камином, намереваясь здесь устроить себе постель на ночь. Поужинав куском дичи и маисовой лепешкой, молодой человек с наслаждением растянулся на своем жестком ложе, как будто это была самая мягкая и покойная кровать.

Греясь перед ярко пылавшим огнем камина и наслаждаясь ощущением покоя после долгой езды, Браун предался невеселым размышлениям, в которых главное место занимала, конечно, Мэриан. Мало-помалу грезы стали расплываться, мысли туманились, и он заснул, шепча имя любимой девушки.

Браун проснулся около полуночи от порывов холодного ветра, врывавшегося в каминную трубу, так как огонь уже погас. Он перенес постель в противоположный угол, собираясь проспать еще несколько часов. Но едва он успел улечься в темноте, как снаружи раздались чьи-то голоса. Браун не верил, конечно, рассказам негров, но все-таки приготовился к всевозможным случайностям, зарядив ружье и вынув нож. Затаив дыхание, он минуту-другую прислушивался, но все было тихо.

Вдруг дверь в хижину распахнулась, и кто-то произнес:

— Черт бы побрал эту проклятую развалюху я никак не мог найти ее в темноте! Что за убийственная, однако, погода! Вот самое подходящее время для наших предприятий.

— Да, — отозвался другой голос, — благодаря этому дождю, наши следы окончательно исчезнут.

— Тем не менее этот чертов дождь промочил меня до нитки. Не развести ли огонь?

— Это будет трудно сделать, за неимением сухого хвороста и топора. Днем, уходя отсюда, я оставил под золою горячие уголья, а теперь они также сыры, как и земля. Однако нам нельзя долго оставаться здесь, я должен к утру быть на своей ферме.

— А вы не думаете, что было бы лучше привести наших лошадей сюда? — спросил опять тот же голос.

— Нет, мне бы не хотелось оставлять здесь лошадиных следов!

Браун, несмотря на подозрительные слова о дожде, как о благоприятной погоде для каких-то «предприятий», хотел выйти из своего убежища, но последние слова за-

ставили его изменить решение. У него зародилось подозрение, не конокрады ли это, против которых выступили регуляторы.

Это предположение не замедлило подтвердиться дальнейшим разговором незнакомцев. Браун приготовил нож, так как знал, что если бандиты обнаружат его, ни в каком случае не станут церемониться.

— Когда вы собираетесь вернуться? — спросил тем временем один из незнакомцев другого.

— А право, не могу сказать точно. Вероятно, недели через три! Я отправляюсь довольно далеко.

— Не забудьте сделать то, о чем я вас просил, когда будете у маленького ручейка, протекающего около моего дома. Если регуляторы найдут около моей фермы следы, они будут производить тщательный обыск, а это крайне неприятно будет и вам, и мне.

— А мне-то почему?

— Ну, если они что-нибудь найдут, тогда прощай наши лошади, а следовательно, и ваши барыши, да заодно, пожалуй, и наши головы!

— А, ну то-то, я было подумал о чем-то другом. Полно, не бойтесь! Все предосторожности будут, конечно, соблюдены. Когда я отведу в нужное место лошадей, вернусь, и тогда мы сочтемся. Хотя вы должны оказать полное доверие незнакомцу, который придет к вам от меня за лошадьми, однако денег ему не давайте, я лучше после сам их получу.

— Хорошо. А что, этот человек знает дорогу, по которой ему придется идти к моему дому?

— Конечно. Он же мне и указал ее!

— Но как же я узнаю, что это именно тот человек, которого вы ко мне прислали?

— Когда он подойдет к вам, то спросит: «Далеко отсюда до Фурш Лафава?», а вы ему отвечайте: «Очень близко, мой дом стоит на берегу реки». Затем он спросит: «Хороши ли окрестные пастбища?» Наконец, когда он попросит у вас дать стакан воды, вы можете больше не сомневаться, что это и есть тот самый человек.

— Вот и прекрасно! Лишние предосторожности не помешают. Ведь у меня могут в это время быть не только соседи, но и моя воспитанница, которая не должна ничего знать. О наших тайнах знает лишь моя жена, да и то я нахожу это опасным. Итак, прощайте, дружище,

спокойной ночи. Мне пора. Как это вы рискуете оставаться в доме, про который рассказывают...

— О, это детские сказки, не больше!..

— Но что с вами? Чего вы насторожились?

— Мне послышался топот лошади.

— Этого не может быть! Наши лошади привязаны дальше чем за четверть мили отсюда. Ну, теперь, кажется, дождь перестал, идем!

В хижине опять воцарилась мертвая тишина. Браун, лежа на своей постели, ломал голову над вопросом, что это были за люди и какие они обсуждали дела. Наконец, он решил лучше воспользоваться оставшимся временем, накрылся с головой одеялом и заснул. Ему опять приснилась Мэриан. Она, казалось, избегала объятий своего жениха, а тот прилагал все усилия, чтобы поймать ее. Наконец он схватил молодую девушку, которая, придя от этого в ужас, кричала о помощи среди темной ночи и бури.

Браун, полуочнувшись от этого страшного сна, сбросил с себя одеяло и встал. Он все еще недоумевал, действительно ли он слышал крик, или это ему приснилось.

Начинало рассветать.

Браун вышел из хижины, оседлал лошадь и немедленно тронулся в путь.

Первые признаки утра, бодрящий предрассветный ветерок и быстрота езды вернули всаднику прежнее приятное расположение духа.

Вдруг из-за поворота тропинки Браун лицом к лицу столкнулся с каким-то человеком.

— Ассовум! — воскликнул он, узнав в этом человеке своего друга краснокожего. — Как я рад тебя видеть! Куда идешь?

— Я уже пришел! — ответил индеец, пожимая руку Брауну.

— Так, значит, ты шел ко мне навстречу? Что случилось?

— О! Очень много! Разве брат мой ничего не слышал?

— Нет, нет, говори скорее!

— Неужели ты не знаешь ничего?

— Клянусь тебе, ничего! — весело воскликнул Браун. — Ведь я находился по ту сторону Арканзаса, откуда же мне знать, что здесь случилось?

— Но ведь это случилось до твоего отъезда!

— А, так ты говоришь о моей ссоре с Гитзкотом?

— Гитзкот убит! — строго произнес Ассовум, пристально глядя в глаза Брауну.

— Неужели? — искренне удивился тот. — Это ужасно!

— Еще ужаснее то, — подхватил индеец, — что виновником убийства считают моего белого друга. Конечно, никто не думает обвинять тебя за это, находя, что ты был вправе убить регулятора после его угроз...

— Ассовум! — решительно возразил молодой человек. — Ассовум, клянусь честью, я не виновен в этом! С тех пор, как я расстался с Гитзкотом у Робертсов, я больше его не встречал! Неужели и ты считаешь меня убийцей?

Индеец только улыбнулся на эти слова возмущенного молодого человека.

— Ассовум, — сказал он, — не имел бы своим другом убийцу и грабителя!

— Что? Так, значит, меня еще и в грабеже обвиняют?

— Да, некоторые злые люди говорят так. Но Гарпер и Робертс не допускают и мысли об этом.

— Дай Бог, чтобы все разъяснилось! — воскликнул Браун.

— Я сейчас осмотрю твою ногу, — сказал индеец, вытаскивая томагавк.

— Зачем? — удивился Браун. — А, ты измерил следы убийцы?

— Да, — ответил краснокожий, прикладывая рукоятку томагавка к подошве сапога Брауна. — Так и есть! — радостно воскликнул он. — Твоя подошва на три четверти дюйма длиннее!

— Но не забудь, Ассовум, — сказал Браун, — что во время отъезда на мне были мокасины, а не эти сапоги. Там, на месте убийства, значит, были только следы сапог?

— Да, да, — отвечал Ассовум; лоб его наморщился от раздумья, и он некоторое время молча стоял около своего белого друга, что-то соображая.

— Ну ладно, — сказал он. — Теперь тебе пора возвращаться домой. Твой дядя от пережитого волнения захворал. Брату моему нужно поскорее оправдаться от возводимого на него обвинения.

— Так идем скорее, дорогой Ассовум! — отозвался Браун.

Индеец молча кивнул и пошел обратно по той же дороге, откуда пришел навстречу молодому человеку. Брауну

чуть не рысью пришлось ехать, чтобы не отстать от быстро шагавшего Ассовума, который на ходу рассказал своему спутнику все подробности находки и убийства Гитзкота.

Краснокожий сообщил еще, что утром того же дня встретил какого-то всадника на высокой лошади, но не мог разглядеть его лица, скрытого под полями сомбреро.

— Вероятно, это был один из тех людей, — сказал Браун, — разговор которых я слышал в хижине.

По дороге путники завернули на ферму Сингера, чтобы захватить у него лодку, так как река сильно вздулась и бурлила, и вброд через нее переправиться было бы затруднительно. Фермер с готовностью предложил им свою лодку, обещая на следующий день прислать лошадь Брауна со своим сыном прямо на ферму Гарпера, куда направились молодой человек с индейцем.

— Будьте поосторожнее, — предупреждал фермер, — река сегодня очень беспокойна, а моя ореховая скорлупка легко может перевернуться.

— О, вам на этот счет нечего беспокоиться: я сам недурной пловец, а Ассовум лучше всех здесь в окрестностях умеет управляться с лодкой.

— Ну хорошо, а лошадь вашу я завтра пришлю к мистеру Гарперу. Вас также зовут Гарпером?

— Нет, я — Браун.

— Браун? — удивился фермер. — Надеюсь, не тот Браун, который, как говорят...

— Про которого рассказывают, что он убийца Гитзкота, хотите вы сказать? — спросил Браун — Да, это я! Но это говорили за время моего отсутствия. Теперь я возвратился, и сумею доказать свою невиновность.

— О, я из без того готов вам поверить, видя ваше открытое и честное лицо! — отозвался фермер.

— Ассовум, нам пора! — сказал Браун, прощаясь с фермером.

— Я готов! — отозвался стоявший у дверей индеец.

Путники дошли до берега и уселись в лодку. Ассовум сел за руль, а Браун на весла. Вскоре легкая лодка, управляемая ловкой рукой краснокожего, скрылась за поворотом реки. К концу дня путники достигли более широкого и безопасного места реки, благополучно миновав все опасные места. Браун бросил весла, а Ассовум продолжал править. Начало темнеть.

Вдруг Ассовум заметил на берегу реки какой-то огонь, мелькавший между кустами.

— Странно, — сказал Браун, также заметивший этот огонь. — Кто это мог его развести здесь? Нет ли тут поблизости какого-нибудь дома?

— Есть, — отозвался индеец, — заброшенная хижина, в которой Алапага должна была заночевать. В ней мы и остановимся.

Через минуту лодка была привязана к ветвям нависшей над водой ивы, и оба путника выскочили на берег.

Глава XVI

ПРОПОВЕДЬ. СТРАШНАЯ ВЕСТЬ

К заходу солнца на ферму Мулинса, сравнительно недавно поселившегося в этих местах, стали собираться с разных сторон всадники. То были фермеры методисты, прибывшие с женами и дочерьми на проповедь, которую хотел прочесть здесь мистер Роусон. Женщины, собравшись в кружок на дворе перед домом, болтали, поджидая приезда обожаемого пастора.

— Странно, что такой аккуратный человек, как мистер Роусон, сегодня запоздал! — сказала одна из женщин.

— Он, вероятно, приедет вместе с Робертсами. — Нет ничего удивительного, что он считает необходимым сопровождать свою невесту! — ответила миссис Мулинс.

— Так значит, эта свадьба решена? — спросил кто-то.

— Да, мне об этом говорила сама миссис Робертс.

— Я думаю, что мистер Роусон сегодня не может поспеть сюда вовремя, — вмешался какой-то фермер. — Проповедник поехал по своим делам в Арканзас.

В это время подъехали Робертсы. Дамы бросились к ним навстречу, и среди расспросов, взаимного разглядывания туалетов и разговоров не заметили, как прибыл и сам Роусон.

Проповедник был очень бледен, и вымученная улыбка, которую он старался изобразить на своем лице, не могла скрыть его взволнованного состояния. Одна его рука висела, как плеть.

— Мистер Роусон! — обрадовались увидавшие его дамы. — Что с вами? Вы страшно бледны, уже не больны ли вы?

— О, не беспокойтесь, не беспокойтесь! Я просто устал после длинного переезда, который мне пришлось совершить.

С этими словами Роусон подошел к Мэриан, чтобы поздороваться с нею, и та заметила его повисшую руку.

— Не ранены ли вы, мистер Роусон? — спросила она.

— О нет! — ответил проповедник. — Это ушиб, который я получил вчера, упав с лошади. Она споткнулась о дерево, лежавшее поперек дороги, и сбросила меня на камень, о который я ссадил себе руку. Это была незначительная рана, но из-за ночного холода и сырости рука так распухла, что мне трудно ею владеть.

Дамы обступили проповедника, высказывая ему свои соболезнования, кто предлагая перевязать руку, кто обещая дать какую-то особенную мазь.

— Благодарю вас, дорогие мои, — отвечал Роусон, — за ваши заботы, но, право, это и так пройдет. А теперь пора приступить к молитве: это самое лучшее лекарство от всех болезней.

— Не лучше ли совершить богослужение в комнатах? — спросила миссис Мулинс. — Здесь, пожалуй, будет очень холодно.

— Нет, — ответил Роусон. — Слушателей слишком много, все там ее поместимся.

При этих словах он покосился в сторону отдельной группы, расположившейся под деревом. Она состояла из мужчин-фермеров, среди которых находились наши старые знакомые: Куртис, Баренс, Робертс, Гарфорд и некоторые другие.

Как бы поняв его намерение заставить мужчин хоть невольно послушать проповедь, дамы тотчас же согласились.

В это время в группе мужчин раздались крики изумления. Они относились к выскочившему из-за кустов молодому человеку с бледным, расстроенным лицом.

— Гольвей, что с вами? Вы бледны, как полотно. Что случилось?

— О! — воскликнул перепуганный юноша. — Я видел страшные вещи. В старой хижине, там, на берегу реки...

— Ну, что же? Что там такое? — посыпались на него вопросы.

— Подождите, дайте немножко вздохнуть, я совсем запыхался от бега. Там... в покинутой хижине... я видел... О, даже при одном воспоминании я содрогаюсь от страха... я видел труп индианки...

— Как? Что? — раздались возгласы. — Алапаги, жены Ассовума? Не может быть! Это ужасно!

Все были поражены этим страшным известием. У всякого невольно являлся вопрос, кому и зачем понадобилось убивать ни в чем неповинную женщину.

— Да рассказывайте же скорее, в каком положении вы ее нашли? Кто ее убийца? Как это все случилось?

— Я ничего не знаю, — отвечал Гольвей, — я бежал сюда, как сумасшедший, затратив на дорогу каких-нибудь полчаса. От страха у меня точно крылья выросли.

— Ну, ну, передохните и рассказывайте.

— Так слушайте, — сказал, отдышавшись немного Гольвей. — Вчера я охотился в лесу недалеко от реки, но замешкался и остановился на ночлег в камышах, у берега. Вы знаете, что я не из трусливого десятка, и не раз проводил ночь под открытым небом. Вчера же мною овладел какой-то непонятный страх, я развел большой костер. Однако все было спокойно, лишь собака принималась несколько раз лаять. Что касается меня, то мне только однажды слышалось фыркание лошади. Под утро я отправился отыскивать челнок, который мне обещал дать Госвел. Но долго не мог его найти. Напрасно я осматривал все заливчики и бухты реки, — так и не нашел ничего, кроме повешенного на суку дерева платка, в котором была завязана провизия, забытая, вероятно, каким-нибудь охотником. После тщетных поисков я решил подняться по реке мили на две, где, как я знал, находилась другая лодка. После получаса ходьбы я заметил большую стаю коршунов, сидевших на деревьях. Заинтересованный, я остановился, высматривая, зачем они здесь расселись. По моим предположениям, неподалеку где-нибудь медведь растерзал пеккари, так как я встретил поблизости медвежьих следы. Подойдя ближе, я увидел хижину и вошел нее. Великий Боже, что за картина представилась моим глазам! Как одержимый, я бросился на ближайшую ферму, узнал, что все собрались здесь на проповедь.

— Но где же Ассовум? — спросил Робертс. — Быть может, он напал на следы убийцы и...

— И бросил свою жену без погребения? — перебил его Баренс. — Не может быть!

— Не сам ли Ассовум убийца? — спросил Смит, один из более ревностных слушателей Роусона. — Краснокожему не нравилось, что его жена посещает наши собрания!

— Я готов голову отдать на отсечение, что он этого не мог сделать! — возмутился Робертс. — Я знаю, как он любил ее. Однако медлить не резон: время идет, а до хижины не близко. У вас есть факелы, Мулинс?

— Сколько угодно! — ответил фермер. — Я их наготовил, собираясь на будущей неделе на охоту. Ну что ж, мы воспользуемся ими сегодня. А где Роусон?

— Я здесь, — отозвался проповедник, до того времени молча стоявший у дерева. — Ехать, действительно, пора. Идемте же и постараемся найти виновника преступления!

— Боже мой! Неужели вы, мистер Роусон, тоже собираетесь ехать туда? Но ведь вы совершенно больны!

— Я не могу остаться. Мой долг призывает меня ехать с ними! — решительно отозвался проповедник. — Правда, рука сильно болит, но...

— О, мы ни в коем случае не отпустим вас! — также решительно заявила Мулинс. — Вид трупа сильно повлияет на ваши и без того слабые сегодня нервы.

— Но ведь есть обстоятельства, когда...

— Конечно, останьтесь здесь, — вмешался Робертс, — ваше присутствие там сегодня вряд ли необходимо. Вот завтра на похоронах — другое дело, попросим вас присутствовать, если вы хоть немного оправитесь.

Роусон кивнул головою в знак согласия и направился к дому. Тут ему преградила дорогу Мэриан, сильно взволнованная известием об убийстве. Все поведение ее жениха, его волнение, его решимость ехать, несмотря на усталость и боль, пробудили в девушке искреннее сочувствие к проповеднику, и она впервые почувствовала, что жизнь с ним будет, пожалуй, совсем не так тяжела, как это ей казалось.

Двигимая таким чувством, она остановила Роусона и ласково, хотя и застенчиво сказала ему:

— Добрый вечер, мистер Роусон! Постарайтесь заснуть сегодня пораньше и спите спокойно, чтобы завтра быть совершенно бодрым и здоровым. От души желаю вам этого!

Смущенный неожиданной приветливостью, Роусон потерял было на секунду свое обычное самообладание. Вид этой невинной девушки, своими чистыми глазами с преданностью смотревшей на него, еще не смывшего кровь своей последней жертвы, действительно подействовал на проповедника. Но Роусон сдержался, склонился к Мэриан, поцеловал ее в лоб и, не говоря ни слова, направился уже твердыми шагами к дому, где намеревался хоть не надолго передохнуть от усталости и волнения прошедшего дня.

— Что за дивной души человек! — набожно сложив руки, прошептала миссис Смит.

— Поистине святой! — отозвалась миссис Шлатер, слышавшая это восклицание своей подруги. — Как побледнела бедная Мэриан, услышав об убийстве: у нее тоже нежное сердце!

— Все-таки Мэриан должна благодарить Бога, что будет иметь такого мужа, как достопочтенный мистер Роусон!

— А когда должно совершиться их бракосочетание? — спросила одна из женщин.

— Кажется, через месяц, когда мистер Роусон окончательно приведет свои дела в порядок и как следует устроится в своем новом помещении. Но смотрите, наши мужчины уже собираются уезжать, а о нас и не думают. Значит, нам опять придется ехать домой одним, как и сюда!

— Да, мой муж, например, очень не любит, когда ему приходится ехать вместе со мной, — сказала миссис Баренс. — Тем не менее и нам пора отправляться.

С этими словами она подвела лошадь к стволу дерева, чтобы поудобнее усесться в седло, и тронулась вперед.

Большинство ее собеседниц последовали ее примеру и, также усевшись на лошадей, поехали вслед за удаляющимися мужчинами, не преминув, однако, неоднократно посоветовать хозяйке дома хорошенько заботиться и беречь оставшегося на ее попечении больного и утомленного проповедника — кумира их всех. Та в свою очередь заверяла приятельниц, что будет заботиться о нем больше, чем о собственном ребенке.

Глава XVII

У ТЕЛА АЛАПАГИ

Четыре мили, отделявшие ферму Мулинса от заброшенной хижины на берегу реки, фермеры проскакали очень быстро.

Достигнув крайних деревьев около хижины, все спешили, привязали лошадей к ветвям и молча остановились. Ни одним словом не была нарушена таинственная тишина, царившая над покинутым жилищем, хотя приехавших было около пятнадцати человек. Некоторые из них, также молча, будто по какому-то предварительному сговору, стали разводить костер. Затем все осторожно подошли к самому порогу хижины, и глазам всех представилось ужасающее зрелище.

Перед ними лежал труп Алапаги, носивший несомненные следы насильственной смерти. Охотники в изумлении столпились вокруг неподвижного тела, освещая помещение пылающими факелами.

— Несомненно, она кем-то убита, друзья мои! — печально сказал Робертс.

— Конечно! Это сразу видно! — отозвались несколько человек.

Действительно, на груди женщины зияла широкая рана, нанесенная каким-то режущим орудием. Две такие же раны, на которых также запеклась кровь, были нанесены, очевидно, тем же орудием. Судя по истоптанному земляному полу, индианка отчаянно сопротивлялась.

— Господа! — обратился к присутствующим Робертс. — Не может ли кто-нибудь из вас высказать свои соображения? Я, по крайней мере, решительно не могу никого заподозрить в этом гнусном преступлении.

— Да и мы тоже не можем ничего сказать! — отозвались некоторые из собравшихся.

— А кто из вас видел ее за последнее время? — спросил один фермер.

— Я, — сообщил Вильсон, — видел ее вчера днем. Она шла с Ассовумом, мирно беседуя, по берегу реки. Впрочем, кто может заглянуть в душу краснокожего?!

— О, за Ассовума я готов поручиться собственной головой! — вмешался Робертс. — Я клянусь, что он не виновен в этом преступлении!

— Что за преступление, в котором подозревают Ассовума? — внезапно произнес сам индеец, незаметно подошедший вместе с Брауном.

Ассовум быстро вошел в хижину. Охотники молча расступились, давая ему дорогу. Никто не решился предупредить краснокожего, что ждет его. Вдруг он чуть не наткнулся на распростертый на земле труп жены.

— Ох! — простонал он, замирая на месте от ужаса. — Не может быть!

— Боже мой! — воскликнул вошедший за ним Браун. — Алапага убита!

Ассовум вдруг как-то сразу сник, только глаза его, горевшие мрачным огнем, сурово оглядывали лица окружающих, как бы отыскивая убийцу. Рука судорожно сжимала рукоятку томагавка.

Браун, не менее своего друга индейца пораженный представшим зрелищем, тихо выступил вперед и произнес:

— Друзья! Это уже второе убийство, совершающееся у нас. В одном из них обвиняют меня, и для этого-то я и приехал, чтобы оправдаться перед вами. Кого же вы назовете убийцей второй жертвы? Ведь не меня же опять? Друзья! Я собирался надолго покинуть нашу страну и отправиться в Техас, но теперь меняю свое решение. Я остаюсь и, клянусь вам, добьюсь правды! Эта бедная индианка вверилась нам, белым, жила среди нас, была приятна и общительна. Муж ее также дорожил дружбой белых. Так неужели мы лишь сочувствием заплатим двум честным людям за их доверие? Нет! До сих пор я осуждал регуляторов за их беспощадность и своеволие, а теперь вижу, что они правы: иначе поступать и нельзя. Отныне я присоединяюсь к их обществу и здесь, над телом убитой жены моего лучшего друга, клянусь не успокоиться до тех пор, пока не разыщу и должным образом не отомщу гнусным убийцам Алапаги и Гитзкота! Товарищи! Кто хочет действовать со мной заодно и помочь мне своей храбростью и силой?

— Все мы готовы! — разом воскликнули собравшиеся охотники. — Руководи и распоряжайся нами, как сочтешь нужным!

Затем по предложению Брауна часть охотников стала нарезать ветви, чтобы устроить носилки для переноса убитой индианки в ближайшее жилое помещение, но Ас-

совум отстранил всех рукою, сделав знак, как бы прося их удалиться отсюда.

— Что ты хочешь делать, Ассовум? — спросил Браун.

— Я останусь здесь один... пробуду всю ночь над трупом Алапаги! — печально сказал индеец.

Никто не решился противоречить убитому горем индейцу, и фермеры, один за другим, тихонько покинули хижину. Столпившись поодаль, они стали совещаться, что делать дальше.

— По-моему, — сказал Баренс, — нам следует остаться на ночь здесь. Завтра, по крайней мере не придется терять времени на лишний переезд.

— Нет, — отвечал Браун, — я не могу остаться здесь, потому что дядя мой, как передавал Ассовум, болен, и Алапага хотели снести ему дичи. К сожалению, теперь она этого сделать не может, и о нем должен позаботиться я. Отправимся обратно к Мулинсу, а завтра я с Вильсоном навещу дядю, да кстати захвачу с собою и лодку для перевозки тела, так как, вероятно, Ассовум захочет похоронить жену около своего жилища по ту сторону реки. У Мулинса мы поговорим и с Роусоном относительно похорон.

— Так-то так, — согласился Баренс, — но не думаете ли вы, что следовало бы поискать следы убийцы здесь, на берегу? Быть может, мы что-нибудь и обнаружим.

— Это совершенно бесполезно! — возразил Браун. — Дождь шел всю ночь и наверняка смыл все следы.

Фермеры согласились с молодым человеком и, не беспокоя больше краснокожего, отправились обратно к Мулинсу.

Долго сидел индеец в полутемной покинутой хижине, вперив взор на бездыханное тело любимой жены. Огонь костра мало-помалу угасал, чуть освещая бронзовое лицо Ассовума, с напряжением обдумывавшего что-то.

Вдруг он внезапно вскочил, раздул уголья потухшего было огня, подбросив в него несколько сухих ветвей, и снова уселся против тела, не сводя с него глаз. Ему показалось, что любимая подруга шевельнулась, что грудь ее чуть колыхнулась от дыхания, что губы полуоткрылись. Но нет! Она оставалась неподвижна. Тяжелый вздох разочарования вырвался из груди Ассовума.

Просидев в таком положении около часа, Ассовум опять поднялся. Он, конечно же, не оставил надежды обнаружить следы убийцы и внимательно стал исследовать внутренность хижины. К сожалению, земляной пол был весь истоптан. Это, однако, не обескуражило индейца, и он по-прежнему упорно и методично продолжал свои поиски, не упуская из виду ни одного клочка земли, ни одной соломинки, ни одного сколько-нибудь подозрительного предмета.

Наконец, он облегченно вздохнул: поиски увенчались успехом. Около оленьего мяса он обнаружил ясный отпечаток башмаков, которые носил обыкновенно Браун, но следы которых были найдены на месте убийства Гитzkота.

«Кому же принадлежит этот след? — спросил себя индеец. — Брауну ли, недавно стоявшему здесь со мной, или убийце Гитzkота, из-за которого пало подозрение на Брауна?»

И краснокожий продолжил осмотр. Вот он радостно воскликнул, и в глазах его сверкнуло удовлетворение: у стены валялся окровавленный томагавк Алапаги. Видимо, он уже после был вырван и отброшен в сторону. Выходит, сопротивляясь, Алапага ранила своего убийцу! Эта мысль хоть немного успокоила мстительность Ассовума. Не даром отдала свою жизнь его любимая жена. Больше он ничего не нашел в хижине.

После тщательного обследования помещения индеец вышел из хижины и стал рассматривать и исследовать ее снаружи. Тут уже не было ни малейших следов чьего-либо пребывания. Проливной дождь смыл и уничтожил буквально все. Правда, у самого берега реки Ассовум обратил внимание на обломанные нижние ветви дерева, но под ним не осталось никаких следов.

Тогда Ассовум решил заняться приготовлением тела к предстоящему завтра погребению. Он положил Алапагу на разостланный на полу свой плащ, тщательно обмыл тело и волосы, затем сложил ее руки на груди. Правая была крепко сжата, и он уже хотел было так и оставить ее, как ему почудился зажатый в этом кулаке какой-то предмет. С усилием разжал он заочневшие пальцы жены и увидел большую роговую пуговицу, оторванную, по-видимому, во время борьбы от одежды убийцы.

Несмотря на кажущуюся важность такого открытия, Ассовум только печально покачал головой и спрятал ее

в карман; он не надеялся по этой примете найти убийцу: такие пуговицы были у многих.

Потом он опять тихонько уселся у тела Алапаги и оставался в таком положении всю ночь. Огонь давно угас, а Ассовум все сидел, бесцельно вперив взор в бездыханный труп той, которая была для него дороже всех на свете...

Только когда утренний легкий ветерок зашелестел в вершинах деревьев, снаружи послышался какой-то шум, а затем на пороге хижины показались Браун с Вильсоном.

Не обращая внимания на вошедших, Ассовум оставался все в том же застывшем положении. Наконец Браун тихонько дотронулся до плеча своего друга. Только тогда индеец очнулся от своего оцепенения.

— Вставай, Ассовум! — сказал молодой охотник. — Пора приготовиться к похоронам. После погребения мы хорошенько подумаем и о мести убийце!

Индеец машинально повиновался, точно еще не понимая, что ему говорят, и также машинально произнес:

— Да, да, отомстить за нее! Идем, белый друг!

С этими словами краснокожий засунул за пояс маленький томагавк жены и помог белым перенести труп Алапаги в пригнанную ими лодку.

Вильсон предложил было Ассовуму подкрепиться стаканом виски, но тот только махнул рукой: теперь ему не нужно было ни подкрепления, ни тепла. К усталости и к холоду он был совершенно нечувствителен.

Повинуясь мощным ударам весел, лодка быстро поплыла вверх по реке к расположенной милях в десяти отсюда ферме Гарпера.

Глава XVIII

ПОХОРОНЫ

Ферма Гарпера стояла в пятистах футах от берега. Несмотря на то, что она была приобретена владельцем совсем недавно, земля ее была уже почти полностью расчищена и кое-где засеяна маисом. Повсюду валялись срубленные стволы деревьев, свидетельствуя об интенсивной деятельности, проявленной хозяином до болезни.

Сам дом был устроен так удобно и прочно, как немногие из жилищ здешних неприхотливых и нетребовательных жителей. Все носило отпечаток прочности и солидности. Двойные рамы окон, отлично пригнанные двери, добротная крыша и толстые стены говорили о том, что строитель заботился о своих удобствах и ставил дом на долгие годы. Не довольствуясь близостью реки, он выкопал еще для питьевой воды на дворе фермы колодец. Вокруг жилища были разбросаны несколько сараев и кладовых. Все дышало достатком и трудолюбием. По двору бродили куры, с кудахтаньем отыскивая корм, а к забору были привязаны две прекрасных лошади северной породы, которые сильными ударами копыт о землю выражали свое нетерпение и требовали сытной утренней порции маиса.

На площадку перед этим-то домом и приехали фермеры, предоставившие Ассовуму и Брауну заняться перевозкой убитой Алапаги. Приехавший вместе с остальными Робертс крайне удивился полному безлюдью, царившему на дворе и вообще вокруг фермы. Когда же он, приотворив дверь, вошел внутрь жилища своего доброго знакомого, ему стала понятна причина запустения: Гарпер лежал, разметавшись на кровати в лихорадочном бреду. Это-то и помешало ему, обыкновенно такому гостеприимному хозяину, встретить своих гостей как подобает.

Странным казалось то обстоятельство, что Гарпер, не имевший ни одного врага, а много друзей и пользовавшийся симпатиями всех людей, знавших его, валялся теперь без всякой помощи и участия, и около него не было ни одного живого существа, которое могло хотя бы подать ему стакан воды.

Робертс и Баренс, наиболее симпатизировавшие старику, почувствовали некоторые угрызения совести и, подойдя к больному, взяли его за руки. Гарпер бредил и не узнавал их. Он говорил что-то об охоте, о своих приключениях, о племяннике, убившем своего противника, который теперь, как ему казалось, стоял перед ним с обгаженными кровью врага руками, протягивая их к постели.

Как раз в это время вошел приехавший для совершения погребения Роусон.

— Назад! Прочь! — закричал ему прямо в лицо метавшийся на постели Гарнер. — Твои руки еще в крови,

несчастный убийца! Умой их поскорее, а то они выдадут тебя! Да спрячь нож. О, ты меткий стрелок: таких ран не залечишь!

Методист, не поняв, в чем дело, страшно побледнел, отступил назад и взглянул на Робертса, склонившегося над больным, как бы требуя ответа.

— Мой друг болен, — ответил тот. — Он бредит об убийстве Гитzkота Брауном и не может успокоиться.

— Станный, однако, бред! — сказал Роусон, еле справляясь со своим волнением и подходя к кровати.

— Гарпер, — обратился он к больному, — полно, успокойтесь! Здесь ваши друзья.

С этими словами методист положил свою холодную руку на пылавший лоб больного. Гарпер, не дав еще тому времени договорить последних слов, закричал:

— О, как мне тяжело! Дайте мне хоть каплю воды! Я вам все скажу... это не я убил его... нет... Да! Я все знаю, я все вам расскажу. Да, это я убил его! Я сделал тот выстрел, который стал для него смертельным!

Старик больше не мог ничего произнести: он окончательно обессилел и беспомощно упал на подушку.

— Роусон, — сказал проповеднику Роберт. — Побудьте с больным, пока я сбегаю за водой. Он очень страдает, его мучит жажда. Кстати, я позабочусь и о корме для наших лошадей.

До прибытия Ассовума и Брауна с телом индианки Баренс и без Робертса уже позаботился о лошадях и стал приводить в порядок дом Гарпера, запущенный во время болезни хозяина и отсутствия его племянника. Затем он помог Робертсу смочить голову больного водою и дать ему напиток.

Благодаря такому уходу, больной несколько успокоился и заснул глубоким сном.

Приблизительно через четверть часа после этого давно ожидаемая лодка пристала к берегу. Браун и Вильсон при помощи Ассовума перенесли оттуда тело Алапаги на берег и положили его около громадного дуба.

— А где вы собираетесь рыть могилу? — спросил Мулинс, подходя к вновь прибывшим.

Ассовум, услышав это, отвел Брауна за руку в сторону шагов на сто, поближе к своему вигваму, построенному по индейскому обычаю из кусков древесной коры и крытому звериными шкурами.

Неподалеку находился индейский могильный курган, каких много встречается в наиболее отдаленных частях Северной Америки и в наше время¹.

— Пусть нежный цветок лугов, — сказал он, указывая на курган, — покоится здесь. В этом кургане погребено немало моих братьев краснокожих. Среди них найдет себе приют и Алапага. Они умерли, наказанные Великим Духом за междуусобную распрю, и их пепел зарыт под этим холмом.

Белые, конечно, не стали препятствовать желанию Ассовума, и Браун с Вильсоном тотчас же принялись копать на указанном месте глубокую яму — последнее прибежище Алапаги. Затем они принесли заготовленный еще вчера гроб и собирались положить туда тело, Ассовум, однако, не согласился на подобное погребение. Он поспешил принести из вигвама несколько высушенных шкур, бережно обвязал ими Алапагу и тогда только, с помощью Брауна, уложил тело жены в гроб.

Тем временем другие фермеры, также желая чем-нибудь помочь при похоронах, сбегали в дом за гвоздями и молотком и хотели заколотить крышку гроба, но краснокожий опять воспротивился, сам обвязал гроб и крышку крепким лассо и сам спустил гроб в могилу.

Тогда из дому вышел Роусон и стал готовиться к исполнению своих обязанностей священника. Ассовум и тут хотел было воспротивиться желанию белого, но, вспомнив, вероятно, о том, что жена его при жизни приняла христианскую религию, только безнадежно махнул рукой и, отходя к стороне, опустился у края могилы, закрыл лицо руками и зарыдал.

До сих пор Ассовум, занятый хоть чем-нибудь, боролся со своим горем, считая недостойным мужчины плакать и поддаваться печали, но теперь, когда все было кончено, когда труп его верной Алапаги находился в могиле, этот крепкий, мужественный сын прерий не выдержал и разразился такими рыданиями, что белым стало вчуже² жаль его. Привычный к невзгодам и заслуживавший уважение и восхищение своим мужеством, он

¹ Следует помнить, что роман опубликован впервые более ста лет назад.

² Вчуже — со стороны, не будучи близким, связанным родственными отношениями.

не меньше заслуживал и сочувствия в своем горе. Плечи его вздрагивали от сдерживаемых рыданий, а горячие слезы, пробиваясь сквозь пальцы, катились по его пылающим щекам и орошали землю, готовившуюся навеки поглотить его обожаемую подругу. Теперь только краснокожий с грустью понял, что он потерял со смертью этого дорогого ему существа, скрасившего своею любовью всю его печальную, полную опасности и лишений жизнь.

Методист с неподражаемым спокойствием начал надгробную речь по женщине, которую недавно убил собственными руками. Он восхвалял добродетели умершей, от тьмы языческой религии обратившейся к свету христианства; напомнил слушателям о ее почтительности и уважении к мужу, о ее добром, незлобивом отношении к окружающим и ее трудолюбии, набожности и просил Бога простить грешницу, кровь которой в минуту гнева он допустил пролиться за что-то; просил и забвения убийце.

Роусон только что кончил свое надгробное слово, как с ужасом попятился перед выросшей перед ним фигурой краснокожего, который, одной рукой сжимая томагавк жены, а другой указывая на него, произнес:

— Белый! Зачем ты просишь Алапаге помилования у своего бога? Алапага отреклась от веры предков и за то наказана Великим Духом!

Роусон хотел было возражать, но краснокожий одним взглядом охладил его порыв.

— Ты еще просишь о прощении убийцы. Так знай, я всю жизнь свою отдам на его розыск. Я не успокоюсь до тех пор, пока он не будет достойно наказан. Великий Дух слышал мою клятву мщения у тела жены и поможет мне. Если я умру, не исполнив ее, он не примет меня к себе, как честного мужа. Нет пощады гнусному убийце, отнявшему у Ассовума его сокровище!

Роусон, все время пытавшийся что-то сказать, воздел руки к небу, произнося:

— Боже, прости необдуманное слово мщения, произнесенные этим человеком в порыве гнева и отчаяния!

Присутствующие молча слушали речь проповедника, спор его с краснокожим и заключительные слова.

Ассовум не сказал более ни слова и опустился перед могилой на колени, предоставив белым завершить церемонию похорон и засыпать могилу.

После этого большинство фермеров разъехались по домам, у дома Гарпера остались только Вильсон и Баренс, решившие помочь Брауну в уходе за дядей. Роусон также собирался уехать, когда Браун подошел к нему, поблагодарил за погребение индианки и просил остаться, но методист отговорился тем, что у него много хлопот перед свадьбой. Затем он смиренно поклонился и с напускным благочестием, преклонив колена перед могилой убитой им женщины, отправился в путь.

Браун, невольно вернувшись к печальным воспоминаниям, под влиянием слов Роусона о свадьбе грустно смотрел вслед человеку, похитившему его счастье. Любимая девушка, жизнь с которой рисовалась ему прежде в радужных красках, принадлежала теперь другому, с которым будет связана в скором времени неразрывными узами. Только смерть могла порвать эти узы, скрепленные перед алтарем. Он терял любимую навсегда.

Браун молча пожал руку Ассовуму, затем направился к постели больного дяди, а краснокожий остался у могилы жены сооружать над ней навес из древесной коры для защиты от непогоды.

Солнце уже спускалось к горизонту, когда индеец окончил свое занятие. Окинув еще раз взглядом сооружение, он наклонился к могиле и концом томагавка сделал отверстие в земле, как раз против того места, где находилась голова умершей.

— Зачем ты переделываешь могилу? — спросил Браун, вернувшись сюда, чтобы предложить своему другу, не принимавшему пищи уже более суток, хоть немного подкрепить свои силы.

— Я ничего не переделываю! — отозвался индеец. — А только проделал отверстие, через которое душа Алапаги могла бы беспрепятственно вылетать из могилы и опять возвращаться туда, когда ей вздумается.

— Душа никогда не может возвратиться, дорогой друг! — печально сказал Браун. — Она улетела на небо и никогда не спустится больше на землю.

— О, мой друг ошибается! — возразил индеец. — Ведь у человека две души. Да, две! — сказал он, видя изумление Брауна. — Когда Ассовуму становится грустно по прежним местам и людям, его душа отравляется туда, к ним, как бы велико это расстояние ни было. Его душа уносится иногда к дверям вигвама, где он когда-то

играл ребенком. Она видит там и своего любимого отца, который учит маленького Ассовума стрелять из лука, и ласковую мать, вскормившую его. Ассовум же в это время находится здесь, в своем вигваме, среди белых, далеко от тех мест, и дышит, и живет. Как бы он мог жить, если бы у него была только одна душа? Нет, у краснокожего две души!

Браун не стал возражать, а принес индейцу съестного. Тот сложил это у могилы, а сам уселся тут же. Он развел огонь и всю ночь заботливо поддерживал его.

Белые, спавшие в хижине, слышали доносившиеся к ним жалобные стоны и мрачные песни молившегося на могиле жены краснокожего вождя.

Часть II

Суд Линча

Глава I

ОХОТА НА ПУМУ

Со времени убийства Алапаги прошло около двух недель, а ее гнусный убийца оставался еще неразысканным, несмотря на все старания Брауна, который после выздоровления дяди посвящал розыскам все свое время. Ассо-вум почти не помогал своему другу, дни и ночи проводя на могиле жены. Однако в одно прекрасное утро его не нашли на обычном месте: индеец скрылся, не предупредив никого, даже Брауна. Куда он отправился, никто не знал.

Окрестные фермеры, взволнованные двумя недавними убийствами и видя бессилие местных властей в деле розыска и наказания убийц, решили, несмотря на первые неудачи, сами приняться за это и хоть как-нибудь обезопасить свою жизнь и жизнь своих близких. Они почти все сочли за лучшее вступить в небольшой сначала отряд регуляторов и на ближайшую из суббот назначили общее собрание для обсуждения некоторых мер, в число которых входил допрос подозрительных личностей округа. Допросом регуляторы рассчитывали выяснить кое-что и, быть может, напасть на следы убийц.

Помимо розыска убийц Гитзкота и Алапаги, фермеры также надеялись, что при допросах подозреваемых может выясниться и виновник или виновники постоянных за последнее время краж лошадей, — обстоятельства, крайне беспокоившего колонистов, высоко ценивших своих действительно прекрасных и добытых путем тяжким трудом и забот лошадей. Многие высказывали предположение, что виновники конокрадств и убийств одни и те же лица, от которых нужно, стало быть, избавиться, и чем скорее, тем лучше.

На берегах Фурш Лафава, поросших густым тростником, обычное безмолвие векового леса и прерий в сол-

нечный день, вскоре после описанных трагических событий, было нарушено звуком рогов и собачьим лаем, раздававшимся в чаще. Здесь происходила охота на зверей.

По широкой прогалине болота на взмыленной лошади полным галопом скакал наш знакомец Робертс, криком и свистом подбадрывая своих собак, мчавшихся по следам зверя.

Другие охотники также старались не отставать от несшихся впереди собак, которые то показывались между кустами, то снова скрывались в чаще. Препятствия, встречавшиеся на пути, не смущали привычных к такого рода скачке всадников.

Впереди скакал Робертс, заметивший, что собаки уже учуяли зверя и бегут по верному следу. Чтобы не терять времени на объезд препятствий и задержки перед густой сетью лиан, переплетавших стволы деревьев, он держал в правой руке охотничий нож, успешно работая им на всем скаку и прочищая себе путь. В левой руке у него была наготове заряженная винтовка. Вдруг, огибая одно дерево, стоявшее на пути, всадник не успел разглядеть другого, и его лошадь со всего маху налетела на какой-то куст, поскользнулась, упала, а за ней покатился на землю и сам хозяин.

Животное, освободясь так внезапно от седока и почувяв свободу, снова ринулось вслед за гончими, оставив Робертса барахтаться в грязи. Тот собрался было кликнуть лошадь обратно, но только безнадежно махнул рукой, увидев, что она бесследно скрылась в чаще деревьев.

Постояв немного, охотник решил, что лучше хоть как-нибудь продвигаться вперед, чем оставаться на месте, и, вытерев нож о землю, бегом поспешил по тому направлению, куда умчались и собаки, и лошадь. Но вскоре его остановило новое препятствие: перед ним протекала в довольно крутых берегах река, через которую необходимо было переправиться. Робертс остановился, обдумывая способ переправы. Неподалеку он заметил на берегу полусгнивший ствол дерева, около которого виднелись подозрительные следы какого-то хищника.

Несколько дней назад пума утащила из его табуна одного жеребчика, а на следующий день — прекрасную молодую лошадь. Охотник предполагал, что зверь должен был после такой лакомой добычи отправиться отды-

хоть в свое логовище, находившееся по ту сторону реки. Следовательно, нужно было предупредить хищника и самому направиться туда же.

Сбросив с большим трудом ствол в реку, Робертс поместился на нем и оттолкнулся от берега, старательно оберегая винтовку от брызг. В этот момент отчаянный лай и визг собак показал ему, что преследуемый ими враг недалеко. Не успел он опомниться, как на берегу, между кустами, мелькнул силуэт зверя.

То была пума, спасавшаяся от преследования собак. Не долго думая, она ринулась в воду, и так близко от охотника, что обдала его каскадом брызг, и быстро поплыла на противоположный берег.

Робертс на минуту остолбенел от неожиданности, но потом опомнился и схватил свой, к счастью, не замоченный карабин. Лишь только голова вынырнувшего зверя показалась над водой, он прицелился и выстрелил. Раненая пума высоко выпрыгнула из воды и снова поплыла к берегу. Ободренный более или менее удачным выстрелом, охотник испустил торжествующий возглас, но в ту секунду ствол под ним повернулся от неосторожного движения, и он свалился в воду. Собаки, появившиеся в это время у воды, разъяренные долгим безуспешным преследованием, приняли скрывшегося под водою, вместе с ружьем, охотника за зверя, и бросились в воду. Тут вынырнувший Робертс осознал всю опасность для себя такой ошибки собак и поспешил к противоположному берегу.

Едва он успел туда выбраться, как следом за ним там очутились и собаки, бросившиеся прямо на него. Робертс стал отбиваться от них ружейным прикладом, крича:

— Назад, проклятые собаки! Назад, Полли! Как тебе не стыдно бросаться на хозяина! Назад!

Стая гончих Робертса наконец узнала хозяйина и обступила его, радостно виляя хвостами. Уклоняясь от умеренной ласки своих собак, Робертс отступил назад, поскользнулся и опять рухнул в воду.

Как раз в этот момент на другом берегу показался Баренс и впал в ту же ошибку, что и собаки: он принял Робертса за упавшую в воду пуму. Прицелившись, Баренс уже готовился спустить курок, но собаки плотно окружили упавшего хозяина. Не желая подстрелить в этой свалке собаку, Баренс подождал с минуту, и велико

было его удивление, когда он узнал в поднявшемся на ноги существе своего приятеля!

Пока все это происходило, собаки, почуяв след зверя по оставленной им кровавой дорожке, бросились снова вперед и настигли пантеру в лощине.

— Эй, Робертс! — закричал Баренс. — Какого дьявола вы залезли в реку? Что вы там забыли?

— Раков ловлю! — сердито отозвался охотник, безуспешно стараясь вылезти на крутой берег.

Несколько раз он обрывался, но наконец вылез и, не обращая внимания на оклики Баренса, скрылся в кустах. Тот поспешил обратно к лошади, которую оставил неподалеку, и поскакал вверх по реке к находившемуся немного выше броду. Переправляясь через реку, Баренс услышал ружейный выстрел и ожесточенный лай собак. Подъехав к собравшимся охотникам, он увидел на дереве судорожно вцепившуюся в кору пуму. Однако раны, полученные ею, были, очевидно, довольно тяжелы, так как зверь вскоре ослабел и упал на землю в гущу окружавших ее собак, успев все-таки вцепиться в горло одной из них. Долго охотники не могли отнять у собак еще трепетавший труп пумы, который они остервенело рвали. Кук — владелец раненой пумой собаки, видя, что та все равно не выживет, пристрелил ее на месте, избавив от мучений.

— Это уже седьмая по счету собака, — сердито сказал Баренс, — которую приходится убивать. Глупые животные в пылу преследования нисколько не берегутся, и вот результаты!

— Да, — отозвался дрожавший после невольной ванны Робертс, — собаки вообще очень неосторожны; в прошлом году медведь на моих глазах искалечил сразу трех!

— Ба, Робертс! — рассмеялся Баренс. — Разведите-ка лучше костер, чтобы погреться. Кук, а вы откуда явились? Здравствуйте! Это вы убили пуму?

— Да, — отвечал Кук. — Я был у Гарпера, услышал лай собак и присоединился к вам!

— А, так, значит, мы неподалеку от фермы Гарпера? — спросил Робертс.

— Всего в какой-нибудь четверти мили, — ответил Кук. — Пойдемте к нему сушиться, Робертс!

— Сначала мне бы хотелось отыскать мою лошадь!

— Да вон ее ведет Мулинс. Эй, Мулинс, где вы ее поймали?

— Возле брода. Лошадь стояла совершенно спокойно, несмотря на близость хищника, и мне не стоило большого труда поймать ее. Получайте!

Решив отдохнуть у Гарпера, охотники стали собираться в путь, созывая собак. Матерую пуму Кук предложил положить на спину его лошади, уверяя, что она — воплощение кротости, послушания и храбрости. Однако «воплощенная кротость» моментально взвилась на дыбы, едва лишь подтащили к ней хищника. Пришлось положить пуму на другую лошадь, которая тоже, чуя на своей спине страшного врага, дрожала, храпела и встряхивалась, как бы желая поскорее освободиться от почетного, но неприятного трофея сегодняшней охоты.

Через несколько минут охотники подъехали к дому Гарпера.

Глава II

РАССКАЗ КУКА. ГАРПЕР И БАРЕНС

Дом Гарпера пребывал все в том же беспорядке, как и в день смерти Алапаги. Со смертью индианки, приходившей прибирать внутренность жилища, некому было позаботиться о приведении в порядок запущенного хозяйства. Соседи жили далеко, а Браун был целыми днями занят розысками убийц и конокрадов. Сам Гарпер, хотя уже и начавший поправляться после болезни, выглядел еще скверно. Из цветущего, румяного, пышущего здоровьем мужчины он превратился в сгорбленного старика, с ввалившимися глазами, выдавшимися скулами и пепельно-серым цветом лица. Вообще он производил удручающее впечатление на прямо-таки не узнававших его соседей, которые, с тех пор как ему стало полегче, частенько стали заглядывать к нему на ферму скоротать с одиноким стариком вечерок. Наиболее частым гостем Гарпера стал Баренс, быстро подружившийся с ним.

Появление неожиданных гостей, да еще в таком большом количестве, произвело самое отрадное впечатление на фермера, в этот момент лежавшего на постели. Он сразу оживился, повеселел, глаза прояснились. Ра-

душно протянул Гаспер свои исхудавшие руки к гостям и произнес:

— Какой приятный сюрприз, джентльмены! Робертс, это вы, наверное, догадались завернуть с охоты ко мне и пригласить с собой и друзей, благодарю вас! Ба, да вы точно из воды только что вылезли: платье совершенно мокрехонько. Билл, дай мистеру Робертсу переодеться!

— Нет, нет, не нужно, не беспокойтесь! — ответил Робертс, отказываясь от принесенной Брауном одежды. — Что за телячьи нежности! Вот лучше скажите, молодой человек, отчего вы так долго не заглядывали к нам? Жена очень обижается на вас. Помните случай с пумой, когда вы последний были у нас и ходили гулять с Мэриан? Так можете себя поздравить: Кук нашел ее через два дня, то есть не ее, а только шкуру да кости, остальное расклевали коршуны!

Браун молча слушал напоминание о своем последнем свидании с Мэриан, ни одним жестом не выдав своего волнения.

— Полно болтать, Робертс, — сказал Кук, — вы действительно рискуете простудиться. Садитесь-ка лучше к огоньку! Да и вам, Гарпер, не мешает лечь и укрыться как следует одеялом; мы столько холодного воздуха напустили в комнату, что и вам нетрудно простудиться.

— Сначала мне не мешало бы помыться, — сказал Робертс, — а то в этой проклятой речонке столько всякой грязи, что я больше похож на свинью, чем на человека. Нет ли у вас какой-нибудь посуды, Гарпер?

— Вон там в углу стоит ведро с водой. Мойтесь на здоровье!

Пока остальные охотники рассаживались вокруг приятно засветившегося в камине огонька, Робертс, точно утка, полоскался в воде.

— Дайте уж и полотенце, добрейший хозяин! — сказал он, подходя к камину.

— Вот еще! — отозвался за Гарпера Кук. — Можете вытереться и своим носовым платком. Нечего беспокоить больного человека!

— Вытереться моим платком? Да им можно только мыться, а не вытираться, дружище. Все на мне мокро насквозь, а следовательно и платок.

— Ну, Бог с вами, возьмите мой!

— Теперь расскажите мне о вашей охоте, господа, — сказал хозяин. — Этакая, в самом деле, чудесная шкура, просто прелесть! Вы, Кук, повесьте ее, пожалуйста, повыше, а то собаки разорвут, как это они сделали уже со шкурой убитого мною оленя.

Робертс стал рассказывать самым подробным образом все перипетии охоты, вплоть до своего курьезного купанья в реке. Слушатели с нетерпением ожидали конца этого обстоятельного и мало интересного для них, как для участников, рассказа. Наконец Кук, не выдержав, спросил Робертса:

— Скажите, Робертс, вы всегда так подробно рассказываете? Вот я думаю, вы надоели своей супруге такими скучными и длинными повествованиями. Неужели вы не могли сказать все поскорее?

— Расскажите-ка лучше вы покороче о том, — рассердился фермер, — как вы по ложному следу гнались за конокрадами, а мы послушаем!

— Да, да, Кук, — подхватил Гарпер. — Я давно просил вас рассказать об этом. Отчего вы не хотите этого сделать?

— Раньше я не хотел вас утомлять своим длинным рассказом, — сказал Кук, — а теперь, если хотите, передам вам все, как было. Заметив, что следы идут к реке, мы переправились через нее и, найдя их опять на другом берегу, направились по ним, думая, что это и есть следы конокрадов, так как других не попадалось. Гарфильд, хозяин украденных лошадей, уверял нас, что это именно и есть настоящие следы, мы и скакали по ним. Потом ему показалось, что он ошибся. Однако встретившийся по дороге фермер сказал нам, что недавно видел какого-то человека с несколькими лошадьми, сильно спешившего куда-то. Масти лошадей и других примет, по которым можно было бы признать лошадей, он сообщить не мог, так как встретился с тем человеком в темноте и не сумел ничего толком разглядеть. Он прибавил только, что догнать его нетрудно, они расстались всего лишь за полчаса до встречи с нами. Мы прибавили ходу и скакали всю ночь, остановившись только на несколько минут покормить лошадей и дать им немного отдохнуть. По мере приближения к преследуемому Гарфильд становился все нетерпеливее, грозя всеми карами, земными и небесными, проклятому конокраду. Он даже

веревку захватил с собой и заранее наслаждался картиною повешенного на первом суку грабителя. Только к рассвету мы приблизились к какому-то молодому человеку, сидевшему под деревом, к которому было привязано несколько лошадей. Как ни странно нам показалось с первого взгляда, этот нахал даже не пошевелился при нашем приближении, а не только не думал удирать. Велико было разочарование Гарфильда, когда, приглядевшись внимательнее, он заметил, что лошади были не его. Действительно, к ветвям деревьев были привязаны две лошади, совершенно неизвестные нам, и третья — самого всадника. Гарфильд, да и все мы узнали в молодом человеке некоего Джонсона, недавно появившегося в наших краях, жившего исключительно охотой и пользовавшегося не особенно лестной репутацией. Однако придраться было не к чему, и нам, несолоно хлебавши, приходилось убираться восвояси. На все вопросы Джонсон отвечал уклончиво и довольно грубо. Кому, мол, какое дело до того, откуда эти лошади? Ведь никто не скажет, что он их украл! Никому также нет дела куда он их ведет и что намерен с ними делать. Обозленный неудачей Гарфильд, подозревая, что этот молодой человек причастен к краже его лошадей, стал намеренно искать с ним ссоры, но мы сочли за лучшее удержать расходившегося спутника, понимая, что таким способом ничего нельзя добиться. Так как наступившая темнота и пошедший дождь делали невозможным дальнейшее преследование, мы решили возвратиться обратно, обыскав, по просьбе Гарфильда, окрестности. Все оказалось бесполезно: лошади исчезли, как привидение. Как они могли исчезнуть, я до сих пор понять не могу!

— А как вы предполагаете, куда их могли угнать? — спросил Баренс.

— По всей вероятности в Техас. Это такая подозрительная сторона, что просто не дай Бог! Там из всех лошадей, наверное, половина краденых, если не больше!

— В ночь преследования вами конокрадов было совершено еще другое, более гнусное преступление: была убита жена Ассовума. Вы ведь, кажется, уже знаете об этом? — спросил Робертс. — Кстати, вы не слышали чего-либо подозрительного, когда переправлялись через реку?

— Как же. Я припоминаю теперь, что именно в этот момент нам послышался какой-то крик. То, вероятно,

был крик индианки: ведь хижина, в которой она была убита, находится недалеко от места нашей переправы. Кстати, Браун, не знаете ли, что теперь поделявает краснокожий?

— Решительно ничего не знаю! — отозвался молодой человек. — С тех пор как он похоронил Алапагу, о нем нет ни слуху, ни духу, хотя, конечно, он бродит где-нибудь поблизости, отыскивая следы убийцы. Едва ли краснокожий успокоится, не отомстив за гибель жены. Только удастся ли ему это, вот вопрос. Во всяком случае, регуляторам он мог бы принести неоценимую пользу. Никто лучше его не сумеет отыскать самые незаметные следы.

— Говорят, Браун, регуляторы выбрали вас своим предводителем, вместо убитого Гитzkота, правда это? — спросил Робертс.

— Да, — сказал Браун. — Меня они выбрали своим командиром в округе Фурш Лафав, Гарфильда — в Литл Джен. Я с готовностью принял на себя это поручение, но откажусь от почетной должности предводителя тотчас же после отыскания убийц Гитzkота и Алапаги. Больше мне ничего не надо. Скажите-ка, кстати, Робертс, мне передавали, что Роусон в своих проповедях сильно осуждает действия регуляторов, называя их чуть не язычниками!

— Роусона теперь нет здесь, — ответил Робертс. — Он уже с неделю уехал в город устраивать свои дела. Вот везет человеку: он за бесценок покупает ферму и земли Аткинса, а ведь это прекрасное имение!

— Да разве Аткинс продает землю? Вот неожиданное известие! Что это он вздумал покинуть наш округ?

— Не знаю, но только слышал, что он продает все Роусону, — ответил Робертс. — Что ж, я ничего не имею против. По крайней мере Мэриан поселится недалеко от нас и...

— Господа, пожалуйста к столу! — перебил его Браун. — Пора немного и перекусить чего-нибудь.

— Не хотите ли, я угощу вас куском жареной пумы? — со смехом спросил Робертс.

— Нет, уж увольте, — отозвался Баренс. — Это вовсе не лакомое блюдо. Я раз попробовал его и с тех пор закаялся когда-нибудь даже прикасаться к такому противному жаркому!

— А где же это вам довелось насладиться столь чудным блюдом? — осведомился, изумленный ответом Баренса, Робертс.

— Где же, как не в лесах! Там только и можно натолкнуться на такие неожиданные сюрпризы. Как-то во время охоты я подошел к приятелям, когда те уже успели развести костер и закусить. На ближайшем кусте лежала какая-то туша. На мой вопрос они отвечали, что это молодой олень, ноги которого они съели, а голову и внутренности отдали собакам. Ничего не подозревая, я отрезал себе изрядный ломоть предполагаемой оленины и стал жарить на углях. Когда мясо достаточно прожарилось, я отрезал кусок и отправил было в рот, как прибежавшая откуда-то собака уронила перед костром принесенный во рту предмет, оказавшийся попросту головой пумы. Тут я понял гримасы товарищей, едва удерживавшихся от смеха, и кусок остановился у меня в горле. Постой, однако, подумал я, не дам я вам посмеяться надо мной, и, ничтоже сумняшеся, стал быстро прожевывать положенное в рот. Компаньоны мои готовы были лопнуть от смеха. Тогда я быстро проглотил кусок, отрезал еще, запихнул в рот и спросил, почему они прямо не сказали мне, что это мясо пумы. Тогда, сказал я, мне вдвое было бы приятнее есть такое отменное жаркое. Затем, я уверил их, что раньше целый месяц питался мясом пумы. Приятели прямо рты разинули от удивления, не смея не верить, раз я на их глазах с наслаждением жевал мясо хищника. К счастью, в это время все отошли от костра, и я смог избавиться от второго куска, который положительно не лез мне в горло.

— А не приходилось вам есть мясо гремучей змеи? — спросил один из охотников. — Говорят, что хвост их очень лакомое блюдо?

— Значит, нечего бояться действия яда? — спросил Баренс.

— О, несколько. Не надо только жевать его. Глотайте, как сморчок, и баста. Я знаю одного охотника, съевшего большой кусок змеи без всякого вреда для здоровья.

— Но ведь мясо их страшно ядовито! — сказал Гарпер. — Как-то раз в лесу я увидал гревшуюся на солнце змею и тронул ее концом ружья. Она так рассвирепела, что впилась зубами в древесный сук. Тут я разможил ей голову, однако через несколько времени все дерево

засохло, завяли даже находившиеся поблизости кустарники.

— Это пустяки в сравнении с тем, что я вам расскажу! — воскликнул Баренс, не желая отдать пальму первенства в рассказах о необычайных приключениях кому-нибудь другому. — Когда я жил около Миссисипи, неподалеку от меня поселился один фермер с женой и двумя сыновьями. У фермера был работник, носивший по воскресеньям синий камзол с большими оттопыренными карманами, куда окрестные мальчишки кидали всякую дрянь. Камзол этот был очень длинный, доходивший работнику чуть не до пят, и...

— Нас вовсе не интересует камзол! — воскликнул Кук. — Рассказывайте лучше свою историю дальше!

— О, камзол играет большую роль в моем рассказе! — невозмутимо продолжал Баренс — Работник, о котором я говорю, надевал всегда поверх него белый отложной воротничок, а на камзоле было нашито множество больших металлических пуговиц, которые...

— Да какое нам дело до пуговиц? — нетерпеливо перебил рассказчика кто-то. — Переходите скорее к делу!

— Доберемся в до дела, не торопитесь! Однажды этот молодой человек в синем кафтане с металлическими пуговицами и оттопыренными карманами отправился в церковь. Проходя по лесу, он заметил на земле какой-то зеленый клубок, который принял за свалившегося с дерева маленького попугая. Наклонившись, он было хотел поднять его, как клубочек развернулся, обвил его руку и ужалил — то была змея. Проходившие спустя некоторое время соседи нашли на тропинке лежавшего без чувств юношу и отнесли его домой. По дороге молодой человек, не приходя в себя, умер. Сняв с него праздничный наряд, хозяин похоронил его, а камзол аккуратно повесил на гвоздь.

— Ну, и что же случилось дальше?

— Встав на следующее утро, хозяева заметили, что прокушенный змеею рукав весь покрылся какими-то полосами. После полудня с камзола начали отпадать пуговицы, карманы окончательно разбухли, подкладка расползлась, а к вечеру от камзола стало распространяться нестерпимое зловоние...

— Ой, Баренс, пощадите! — рассмеялся даже больной Гарпер.

— Да, говорю вам, кафтан распространял такое зловоние, что его пришлось вынести на двор и сжечь.

— Как же это могло случиться?

— Очень просто! — важно ответил Баренс. — Камзол пропитался ядом!

— Жаль, мне необходимо отправляться домой! — сказал Робертс, вставая из-за стола. — А то бы с удовольствием наслушался необыкновенных историй!

Баренс, обиженный всеобщим недоверием, смолк и не обратил даже внимания на слова Робертса. Тот, видя, что, кроме Мулинса, никто не собирается отправляться вместе с ним, обратился к Брауну:

— Послушайте, Билл, отчего бы вам не поехать ко мне? Я готовлюсь к предстоящей свадьбе, и вы могли бы помочь записать кое-что, так как хоть я учился когда-то, но совершенно перезабыл все, и мне легче застрелить оленя или медведя, чем написать строчку. Будьте добры, поедemте!

— К сожалению, не могу исполнить вашей просьбы, так как завтра должен быть на собрании регуляторов Фурш Лафава. Оно состоится у Бариля.

— Но ведь говорили, что собрание назначено у Смита?

— Да, так предполагалось раньше, но Роусон сумел убедить этого фермера отказаться от участия в союзе регуляторов, поэтому и пришлось переменить место, — ответил Браун. — Впрочем, это несколько не повредит нашему делу, так как ферма Бариля расположена как раз в центре нашего округа, и всем очень удобно собраться там!

— Скажите, Браун, вам удалось напасть на след убийц Гитzkота?

— Пока — нет. Все первоначальные подозрения пали лишь на меня, и я чуть не был арестован. Однако с помощью Госвела, с которым я ехал в тот день, мне удалось доказать, что на мне были одеты мокасины. Тогда, конечно, подозрения относительно меня рассеялись. Единственная пара башмаков, подходящая к следам убийцы, нашлась у Роусона. Но кто же решится обвинить проповедник в убийстве? — с убеждением сказал Браун.

— Ну... это не так уж невероятно, — подозрительно сказал Робертс. — Весьма возможно, что Гитzkот, давно придиравшийся к Роусону, опять затеял с ним ссору и...

— К несчастью, — заметил Браун, — дождь смыл все следы, и больше нам не удалось ничего отыскать.

Остается еще один подозрительный предмет, это — маленький нож, найденный возле места убийства. Никто, однако, не может сказать, кому он принадлежит.

— То был, кажется, простой перочинный нож? — заметил Робертс. — По такому ножу, действительно, трудно найти убийцу!

— Однако мы не теряем надежды, — сказал Браун. — У нас уже возникли подозрения относительно некоторых лиц, которых трудно считать способными на подобные преступления.

— А куда девался тот подозрительный молодой человек с лошадьми, с которым вы встретились во время погони за конокрадами?

— Джонсон? — переспросил Кук. — Да он все время болтается тут, а где живет — право, не знаю!

— Надеюсь, Браун, что вы хоть проводите меня немного? — спросил Робертс. — Когда вы думаете тронуться отсюда?

— Через полчаса. Я думаю заночевать у Вильсона!

— Так как завтра вы будете проезжать мимо Аткинса, то будьте добры сказать ему, чтобы он в будущий понедельник был дома. Мы с Роусоном собираемся побывать в этот день у него, чтобы окончательно сговориться относительно продажи фермы. Не забудете, а?

— С удовольствием исполню ваше поручение! — ответил Браун.

Затем Робертс почистил свое высохшее уже платье, сел на лошадь и вместе с Мулинсом отправился домой.

Глава III

РОБЕРТС И РОУСОН. ИНДЕЕЦ

Уже несколько недель прошло со времени последнего свидания Брауна с Мэриан, и молодой человек твердо держал свое слово: он ни разу не был с тех пор у Робертсов. Тяжелое чувство разлуки с любимой девушкой смягчалось несколько теми заботами и трудами, которые выпали на его долю, как командира регуляторов. Поэтому он не особенно торопился с отъездом в Техас, решив предварительно во что бы то ни стало отыскать убийцу Алапаги и Гитзкота и тем избавиться от нежелательного

для него всеобщего мнения, что убийцей регулятора является именно он, и никто иной.

Действительно, почти все фермеры считали вопрос об убийстве совершенно выясненным и не думали даже обвинять Брауна в этом преступлений, находя его совершенно естественным и вызванным прямой необходимостью.

Что касается Мэриан, то она решилась поскорей выполнить свое обещание, данное Роусону, и когда последний недавно сказал ей, что все его счастье зависит от нее, что с потерей ее согласия он готов пустить себе пулю в лоб, девушка уже твердо считала жестоким и несправедливым разбить жизнь этого благородного человека, чтобы доставить счастье другому. Она окончательно примирилась с мыслью, что станет женою Роусона, и в один прекрасный день без прежних колебаний и слез твердо высказала отцу и матери свое согласие на брак с проповедником.

Мать радостно обняла дочь, хваля за послушание родительской воле и разумный выбор, а отец только промолвил:

— Если думаешь быть с ним счастлива — выходи. Дай только Бог, чтобы тебе не пришлось раскаиваться в своем выборе!

Роусон, уехавший несколько дней тому назад, еще не возвращался, и Робертс с нетерпением ожидал его, чтобы окончательно скрепить брачный договор.

Стоял чудный вечер, когда вся семья вышла во двор, чтобы заняться обычными домашними работами. Мэриан, с корзиною корма в руках, стояла, окруженная тучей домашней птицы, и мать невольно залюбовалась этой мирной сценой. Вдруг Мэриан вздрогнула и от неожиданности выронила из рук корзину. У забора, отделявшего двор, стоял Роусон.

— Чего ты испугалась, дочурка? — спросила миссис Робертс, не заметив подошедшего проповедника.

— Мама, мистер Роусон вернулся! — ответила молодая девушка, оправившись от смущения и подходя к проповеднику.

— Добро пожаловать, любезный мистер Роусон! Очень рада вас видеть. А мы, признаться, уже соскучились по вас! — сказала старушка.

— И мисс Мэриан тоже? — спросил Роусон, здороваясь с хозяйкой.

— Вы прекрасно знаете, мистер Роусон, что я очень рада вас видеть! — смущенно произнесла молодая девушка. — Вы всегда — дорогой гость в нашем доме!

— Мэриан, — сказал методист серьезным тоном, — мне удалось наконец справиться с делами. Теперь у меня собственный дом. Желаете войти туда хозяйкой? Желаете ли стать моей женой?

— О, конечно, конечно! — ответила за дочь миссис Робертс. — Мэриан уже призналась мне, что любит вас. Теперь ее счастье в ваших руках!

— О, что касается меня, несчастного грешника, — смиренно сказал Роусон, — то я, насколько позволят мне мои слабые силы, постараюсь сделать мисс Мэриан счастливой, как она заслуживает того!

Девушка молча протянула Роусону руку, которую тот нежно поцеловал.

— Вот, Роусон, вот это я называю держать слово! — воскликнул Робертс, показываясь на крыльце. — Как дела?

— Прекрасно, мистер Робертс! Даже лучше, чем я предполагал. Теперь остановка только за вашим согласием. Благословите нас с Мэриан, и на будущей неделе в воскресенье можно бы совершить и брачный обряд!

— А не слишком ли скоро? — осведомился Робертс.

— Отчего же скоро? — вмешалась мать. — Ведь Мэриан согласна, а наши приготовления почти совсем окончены. А как дела с домом, мистер Роусон?

— Я уже почти договорился с Аткинсом. Если хотите, завтра мы вместе съездим посмотреть ферму. В случае благоприятного исхода покупки у меня с женой будет прекрасная ферма на очень недурной земле.

— Так не лучше ли подождать со свадьбой до окончательной покупки фермы? — спросил Робертс.

— О, мистер Робертс! — возразил Роусон. — Мне столько пришлось перенести всякого рода затруднений и хлопот, что вы должны понять мое самое горячее желание поскорее устроить свою судьбу!

— Ну, как хотите! — согласился хозяин. — Берите Мэриан и будьте счастливы!

— О, как я вам благодарен, мистер Робертс! Поверьте, я постараюсь, чтобы Мэриан никогда не пришлось раскаяться в своем выборе! А теперь позвольте попро-

щаться с вами, дорогие родители! Надеюсь, вы разрешите мне теперь так называть вас?

— А я думала, что вы проведете вечерок с невестой! — сказала миссис Робертс.

— Страстно бы желал этого, — ответил Роусон, — но дела требуют моего немедленного возвращения в город!

— Мы отправимся к Аткинсу в понедельник, — заметил Робертс. — Не забудьте этого, Роусон! Я уже просил Брауна предупредить Аткинса о нашем приезде. Браун поедет мимо Аткинса на собрание регуляторов у Бариля и скажет ему об этом.

— А мне говорили, что общество регуляторов распадается, — оживленно заметил Роусон. — Разве это неправда?

— Конечно неправда! Они, напротив, еще теснее сплотились и завтра обсудят свои дальнейшие действия.

— А нельзя ли и мне присутствовать на их собрании?

— Сколько угодно! — расхохотался Робертс. — Да не хотите ли сами вступить в число членов их общества? Впрочем, я и забыл, что вы не одобряете их образ действий!

— Я не одобряю их поступков, поскольку они безрассудны и бесчеловечны, — ответил Роусон, — но цель самого общества кажется мне почтенной, и я не прочь присоединиться к ним!

— Как? — изумился, не веря своим ушам, Робертс. — Да ведь еще недавно вы осуждали их и говорили...

— Я и теперь нахожу их собрания противозаконными, — перебил его Роусон, — но тем не менее...

— Что ж тут удивительного? — вмешалась миссис Робертс. — мистер Роусон своим вмешательством хочет предохранить их от всякого рода заблуждений, которые позволяют себе эти молодые повесы, собственно говоря, желающие принести стране посильную пользу.

— Не забудьте, Роусон, — сказал Робертс, — что регуляторы принимают в свое общество только людей, поклявшихся всегда и во всем повиноваться их постановлениям. Не думаю, чтобы они охотно приняли в свои ряды вас, постоянно читающего им нотации и во всеуслышание заявляющего, что они не правы, поступая по-своему.

— Тем не менее я попытаюсь сделать это, — невозмутимо продолжал Роусон, — и если завтра у меня ос-

танется свободное время, я отправлюсь на собрание и не откажусь от своей цели до тех пор, пока мне прямо не скажут, что не желают иметь меня своим членом.

— Вот и прекрасно! — подхватил Робертс.

— А кто теперь командир регуляторов в нашем округе? — спросил Роусон.

— Браун!

— Как так? Ведь всего несколько недель назад в этой комнате он порицал действия регуляторов и...

— У Брауна есть основательная причина поступать так. После того, как подозрение в убийстве Гитзкота пало на него, ему больше ничего не оставалось, как присоединиться к регуляторам и всеми силами стараться разыскать настоящих убийц.

— Но ведь главной задачей регуляторов является поимка конокрадов! — воскликнул сильно взволнованный последними словами собеседника Роусон.

— Да, розыск конокрадов тоже входит в круг действий этого общества, — ответил Робертс. — Впрочем, вы скоро сами познакомитесь с их планами и намерениями. Теперь они предполагают допросить наиболее подозрительных людей!

— Дай Бог, чтобы им удалось найти и убийцу Алапаги! — сказала миссис Робертс. — Знаете, мистер Роусон, я несколько раз молилась Богу, прося его указать этим людям убийцу бедной индианки, этой ревностной христианки и наиболее внимательной вашей слушательницы. Убить такое чистое, невинное создание! О, это ужасно!

— Да, ужасно! — ответил все еще не оправившийся от волнения Роусон. — А теперь я должен проститься с вами, дорогие родители, мне пора ехать. Передайте Мэриан мой сердечный привет и скажите, что я уехал, не прощаясь с нею, так как не желал беспокоить ее. Она, кажется, отправилась помолиться Богу. Прощайте!

С этими словами Роусон сел на лошадь и отправился в путь.

— Бетси, ты не находишь, что с нашей дочерью творится что-то странное? — спросил Робертс жену после отъезда будущего зятя.

— Вот глупости! — отозвалась та. — Что с ней может твориться?

— Не оказываешь ли ты слишком сильного влияния на ее выбор мужа?

— Какой ты странный человек! Конечно нет! Она грустна немного, это правда, но только потому, что ей придется расстаться с нами. Что же касается мужа, то лучше Роусона ей не найти!

— Ну, положим, я совершенно иного мнения. По моему, она свободно могла бы найти какого-нибудь молодого человека, более подходящего ей, чем этот проповедник. Но раз ты и Мэриан желаете этого, я препятствовать не буду, тем более что Роусон обзаводится своим хозяйством и, как человек деловой, поведет его недурно.

Хотя у старого фермера раньше были кое-какие подозрения относительно методиста, однако последний сумел вкратиться к нему в доверие, да и могла ли существовать вообще, при всеобщем уважении и почтении к проповеднику, хотя бы тень недоверия к нему?!

Отъехав от фермы настолько, что деревья совершенно скрыли его из виду, Роусон сменил галоп на шаг, а вскоре и совсем остановился, бормоча себе под нос странные слова:

— Черт возьми! Арканзас действительно становится для меня опасным. Малейшая оплошность, какой-нибудь пустяк, и все полетит вверх дном: и мое благополучие, и предстоящая свадьба, и даже сама жизнь. Как бы то ни было, нужно вовремя убраться из этих мест, как сделали мои товарищи. Хорошо еще, что этот проклятый Ассовум куда-то запропастился, а то бы мне пришлось совсем скверно. Особенно меня беспокоит мой перочинный ножик...

В это время лошадь проповедника наострила уши, и почти тотчас же, точно из-под земли, вырос Ассовум.

— Здравствуйте, мистер Роусон, — пробормотал он, проходя мимо пораженного проповедника.

— Ассовум! — с ужасом воскликнул Роусон, бледнея, как полотно. — Ассовум! — несколько оправившись, сказал он. — Где ты пропадал? Мы очень беспокоились о тебе.

— Но ведь и бледного человека тоже все время не было здесь! — загадочно произнес индеец. — Ассовум направляется теперь к могиле своей жены!

— Тебе не удалось еще отыскать следы ее убийцы?

— Нет еще! — тихо прошептал краснокожий. — Великий Дух не хочет сказать своему сыну его имени, хотя

Ассовум беседовал с Великим Духом в священном месте, еще не оскверненном ногою белого. Теперь бедный краснокожий будет просить Маниту помочь ему!

— Да поможет он тебе! — воскликнул Роусон, забывая и свой сан, и свое презрение к суеверию индейца.

Ассовум поклонился, благодаря за такое пожелание, и скрылся за деревьями.

Методист сел на лошадь, дал ей шпоры и, быстро доскакав до лесной дороги, полным галопом пустил своего, не привыкшего к такой скачке, коня по ухабам и рытвинам размытой последними дождями дороги.

Глава IV

ВИЛЬСОН. ПРЕЛЕСТНАЯ СЛУЖАНКА

Вскоре после отъезда Робертса от Гарпера Браун тоже собрался в дорогу, направляясь к Барилю, где должно было состояться собрание регуляторов. Кук тоже поехал с ним до развилки дорог, а Баренс остался у больного, хотя последний упрямо заявил, что в последний раз остается дома, точно собака на привязи.

— Право, мне нужно выбраться на свежий воздух да погулять как следует. Иначе мне никогда окончательно не выздороветь!

Чтобы успокоить больного, товарищи его обещали отвезти его к Баренсу на недельку, а так как подобное путешествие за один прием могло вредно отразиться на здоровье неокрепшего больного, то решено было, что он на полпути заночует у Робертсов.

Расставшись у поворота дороги с Куком, Браун пришпорил свою лошадь и быстро достиг фермы Вильсона. Велико было его удивление, когда он застал этого молодого человека готовившимся сесть на лошадь.

— Эй, Вильсон, неужели вы так рано собрались на сходку регуляторов?

— Да, да, — пролепетал в смущении Вильсон, почему-то сильно краснея.

— Вильсон! — рассмеялся Браун, видя, что тот без всякой надобности безжалостно затягивает подпругу. — Ведь так вы зарежете лошадь! Что вы, на скачку с препятствиями собираетесь, что ли?

— О, это пустяки, — пробормотал Вильсон. — А по какой дороге вы поедете к Барилю?

— Я было приехал к вам, но раз вы уже уезжаете...

— Я... я хотел поехать к Аткинсу!

— Ну и прекрасно! — отозвался Браун. — К вам я заеду в другой раз, а теперь отправлюсь вместе с вами к Аткинсу. Меня, кстати, Робертс просил передать ему кое-что.

Вильсон хотел было что-то сказать, но Браун, не обратив на это внимания, жестом пригласил молодого человека следовать за ним и тронулся вперед. Вскоре Вильсон нагнал своего спутника и некоторое время ехал молча.

— Не поручил ли вам Робертс передать что-нибудь Роусону? — спросил, наконец, Вильсон, прерывая молчание. — Он ведет переговоры с Аткинсом относительно покупки фермы, на случай, если последний уедет отсюда.

— Как на случай? Разве это дело не решенное?

— Кажется, нет еще. Впрочем, наверное сказать не могу. За последнее время Аткинс мрачен и озабочен и не поверяет мне своих соображений!

— Да с какой же стати он с вами будет откровенничать больше, чем со всяким другим? — изумился Браун.

Вильсон ничего не ответил, начав насвистывать какую-то мелодию и похлопывая хлыстом по сапогу. Тогда, заинтересованный последними словами, Браун повторил свой вопрос. Вынужденный отвечать, Вильсон сдержал лошадь и, приблизившись к спутнику, тихо сказал:

— Я знаю, Браун, что вы — хороший человек. Я вам все расскажу. Быть может, вы даже подадите дельный совет!

— С удовольствием! — отозвался тот. — Рассказывайте, в чем дело? Хотя, — добавил он, — как я догадываюсь, в подобных делах я плохой советчик.

— Я знаю, что под «подобными» вы называете сердечные дела, — проговорил в смущении Вильсон. — Да, дело идет действительно о любви! — Вы знаете все семейство Аткинсов?

— Нет, я у них никогда не бывал!

— У Аткинса есть воспитанница — сирота. Я питаю к ней самые нежные, самые искренние чувства. С первого взгляда я почувствовал, что эта девушка стала для

меня дороже жизни. Вот уже больше года, как я томлюсь от безнадежной любви к ней, так как Аткикс упорно отказывается выдать ее за меня замуж. Несмотря на все неприятности, которые ей пришлось и приходится переносить от хозяев фермы, они все-таки ее приемные родители. Теперь ее вздумали отдать замуж за совершенно нелюбимого ее человека. Но этой свадьбе не бывать! Пусть Аткинс хоть надорвется, уговаривая ее выйти замуж за выбранного им человека, я этому помешаю!

— Очень печальная история! — сочувственно произнес Браун. — А сколько лет этой девушке?

— К сожалению, только семнадцать! — грустно произнес Вильсон. — Будь ей двадцать один, тогда, по нашим законам, она могла бы сама распоряжаться собой, и мы были бы счастливы!

— А, так, значит, она вас тоже любит?

— Она мне это говорила чуть не тысячу раз!

— Ну, так чего же вы отчаиваетесь? Подождите немного, быть может, родители смиростивятся, и согласие будет получено вами! — стал утешать его Браун.

— О, я бы сумел тут что-нибудь устроить! — горестно воскликнул Вильсон. — Да времени-то остается очень мало! После продажи фермы Роусону, свадьба которого назначена на послезавтра...

— Как? Роусон женится послезавтра? — перебил его, бледнея от волнения, Браун.

— Да, — ответил молодой человек, ничего не подозревая. — Тогда Аткинс покинет Арканзас, и Эллен уедет вместе с ним!

— Отправляйтесь и вы за ними туда же, куда они переселятся!

— Но они предполагают переселиться в Техас, а у меня здесь живет больная старушка мать, которую я не вправе покинуть!

— Ну, тогда не представляю, как и помочь вам, — сказал Браун. — Хотя я мало знаю Аткинса, но мне кажется, что он не такой человек, чтобы не прислушаться, если я начну ходатайствовать за вас.

— О, это будет совершенно напрасно!

— Так кого же просить в таком случае?

— Будущую миссис Роусон! Я знаю, что мисс Мэриан относится к вам с большим уважением, и если бы вы попросили ее...

— Но при чем же тут мисс Мэриан? — изумился Браун.

— О, Аткинс очень любит ее. Когда его жена была больна, мисс Мэриан целые ночи проводила у ее постели. Я уверен, что Аткинс не откажет в просьбе мисс Мэриан!

— Тут, дорогой мой, я при всем желании ничего не могу сделать. Вы лучше обратитесь прямо к самому Роусону!

— Я сам думал об этом, но чувствую, что не отважусь на это. Роусона, любимого и уважаемого всеми, я почему-то терпеть не могу. В силу какого-то непонятного чувства, я питаю к нему мало уважения и доверия. Мне кажется даже, что и теперешнее его благополучие достигнуто каким-то нечестным путем. Посудите сами, он появился у нас сравнительно недавно и тогда сам говорил, что не имеет гроша за душою. Теперь он занимается только проповедями, а это занятие не приносит ему никакого дохода. Откуда же у него деньги? Нет! Если бы вопрос шел даже о моей жизни, а не обратился бы к нему за помощью!

— Вы напрасно печалитесь, друг мой! — успокоительно сказал Браун. — Вы молоды, энергичны, у вас много друзей, молодая девушка, предмет вашей страсти, любит вас. Чего же вам не хватает?

— Ах, Браун, да ведь Аткинсы скоро уедут, а тогда все потеряно! — горестно воскликнул Вильсон. — Я не могу больше выносить такого положения. Если Аткинс не хочет отдать мне ее добром, и если Эллен согласится, я хитростью или силой вырву ее из этого дома!

— А вы говорили с самим Аткинсом?

— Да, и совершенно безуспешно! Его жена, злее которой, пожалуй, нет на всем свете ни одной женщины, заявила мне прямо, чтобы я не смел и носа показывать к ним на ферму!

— И вы все-таки едете туда?

— О, я не пойду к самому дому! — рассмеялся Вильсон. — Эллен придет сегодня к ручью полоскать белье, там мы и свидимся. Затем я отправлюсь прямо к Барилю на собрание. Если хотите, поедemте вместе, я вас познакомлю с моей дорогой Эллен.

Молодые люди ехали еще некоторое время, затем остановились, привязали лошадей к дереву и, перейдя глу-

бокую трясину по переброшенному стволу дерева, вышли к ручью.

У берега ручья на ветвях дерева была повешена люлька, а у воды стояла красивая молодая девушка, полоскавшая белье. В это время ребенок в люльке закричал, и молоденькая прачка, оставив на время свою работу, стала его укачивать, напевая какую-то песенку. Вильсон внезапно подошел к ней и обнял за талию. Молодая девушка вскрикнула от неожиданности и обернулась.

— Боже мой! Это вы, Вильсон? Зачем же было так пугать меня!

— Полно, не сердитесь, дорогая моя! — сказал он, целуя ее. — Посмотрите, я пришел не один, а с другом!

Молодая девушка быстро обернулась и, увидев постороннего человека, бывшего, очевидно, свидетелем поцелуя, так смутилась, что хотела было бежать прочь, но Вильсон удержал ее и сказал:

— Элен, этот молодой человек, как я уже сказал, мой друг, и все знает. Не можете ли вы на минуту бросить вашу работу и поговорить с нами?

— Вы прекрасно знаете, что я не могу этого сделать и не сделаю!

— Ого, как решительно! — воскликнул Вильсон. — Даже регуляторы не могут решительнее вынести приговор!

— Не говорите, пожалуйста, об этих мерзких регуляторах! — сказала Элен с пренебрежением.

— Мерзких? Но мы оба принадлежим к их обществу!

— Неужели вы вздумали вступить в общество этих...

— Тс! — произнес Вильсон. — Мой друг — предводитель регуляторов!

— Не может быть! — сказала Элен. — Я никогда не поверю, чтобы вы решились присоединиться к этой шайке!

— Почему вы питаете такое отвращение к регуляторам? — спросил Браун.

— О, они внушают мне прямо ужас. Отец рассказывал про них много страшных вещей. Они нападают на всякого, кто им не понравится, без разбору. Они не щадят никого. Бьют, привязав к дереву, до смерти, а потом бросают на съедение хищным птицам. Отец поклялся убить первого регулятора, который только осмелится войти к нему в дом.

— Отец ваш сильно ошибается в своем предубеждении против регуляторов, — сказал Браун. — Они вовсе не так гадки, как...

— Однако довольно! — перебил его Вильсон. — Времени немного, а мне нужно серьезно переговорить с вами, Эллен. Говорили вы со своей матушкой?

— Да, — отвечала она, печально опустив голову, — но все напрасно. Скоро я должна буду стать женою Коттона!

— Коттона! — с изумлением воскликнул Браун.

— Да! — сказала молодая девушка. — Родители сказали, что не изменят своего решения, но я скорее умру, чем пойду за этого человека!

— И вы не пойдете за него! — решительно сказал Вильсон. — Я прибегну к исключительным мерам, и как только мне удастся справиться с поимкой конокрадов, похищу вас из этого жилища!

— О, какой вы решительный, мистер Вильсон! — удивилась Эллен порыву возлюбленного.

— Поверьте, я не шучу! — отозвался тот.

— Скажите, — обратилась молодая девушка к Брауну, — вы, кажется, знаете Коттона? Давно вы его не видели?

— Кажется, я с ним как-то встречался в прошлом году. Но... что это с Вильсоном? — спросил он, видя, что молодой человек, как пума, одним прыжком скрылся в кустах.

Причина столь внезапного исчезновения скоро выяснилась. Из-за кустов показалась молодая женщина, жена Аткинса. Ее белое платье, за несколько мгновений раньше мелькнувшее среди зелени, предупредило молодого влюбленного.

— Что это значит, Эллен? — спросила сердито миссис Аткинс. — Ты изволишь беседовать с этим джентльменом, а не работать. Я давно уже перестала слышать удары валька. Или ты думаешь, что белье само вымоется?

— Я качала ребенка! — отозвалась Эллен.

— Качала ребенка? Но он спит как сурок! Ты говоришь неправду!

— Простите, сударыня, — вмешался Браун, видя смущение молодой девушки, — это я помешал мисс заниматься своей работой. У меня есть к мистеру Аткинсу

поручение от мистера Робертса, и я надеюсь, что вы позволите мне переночевать у вас.

— Но вы выбрали не совсем верную дорогу к нашей ферме! — отвечала несколько смягчившаяся миссис Аткинс.

— Теперь я это и сам вижу! — отвечал Браун. — Поэтому-то я и стал расспрашивать мисс о дороге, тем более что через эту трясину трудно будет перевести мою лошадь, оставленную мною там, в лесу!

— Мой муж дома, будьте добры пройти туда. А где ваша лошадь? Я пошлю за ней слугу!

— Тут, в лесу, около горы!

— Ну, так идемте! — пригласила его миссис Аткинс. — А вы, Эллен, продолжайте работу да постарайтесь закончить ее быстрее!

Затем миссис Аткинс склонилась над колыбелью, где лежал мирно спавший ребенок, тихонько поцеловала его и получше прикрыла покрывалом от комаров и мух.

— Эллен, — сказала она, обращаясь к девушке, — присматривай, кстати, и за ребенком!

С этими словами миссис Аткинс пригласила Брауна следовать за собой, и вскоре оба приблизились к ферме.

Глава V

ФЕРМА АТКИНСА. НОЧНОЙ ГОСТЬ. ПАРОЛЬ

Жилище Аткинса было построено гораздо лучше домов всех окрестных фермеров. Дом состоял из двух двухэтажных флигелей, соединенных между собой особой пристройкой. Внутренность дома также несколько отличалась своим убранством от других домов. По стенам были развешаны картины, хотя и довольно неважного качества, и какие-то странные афиши с намалеванными на них не менее странными фигурами. В правом флигеле находились спальни, а в левом прочие комнаты.

Жена Аткинса провела Брауна в комнату, где молодой человек увидел сидевшего в кресле хозяина. Подняв голову при звуке шагов входившего, Аткинс, узнав Брауна, страшно побледнел и схватил рукою карабин. Лишь увидев, что Браун один, он несколько успокоился. Бра-

ун, несколько удивленный необычной встречей, раскланялся с хозяином и сказал, протягивая ему руку:

— Простите, мистер Аткинс, что я беспокою вас!

— О, пожалуйста, пожалуйста! — возразил фермер. — Я только... я полагал...

— Вы, вероятно, полагали, что я не приеду сегодня? Я, разумеется, не решился бы вас беспокоить, но мое непрошеное появление вызвано особыми обстоятельствами!

— Помилуйте, мистер Браун, я очень рад видеть вас у себя. Надеюсь, этот ваш визит не будет последним!

— Весьма вероятно, хотя мне кажется, наше знакомство продолжится в другой стране. Вы ведь, как мне говорили, собираетесь уехать в Техас?

— Да, я думаю уехать туда. Но как же мы там с вами будем встречаться? По рассказам соседей, вы присоединились к регуляторам и даже выбраны их командиром

— Совершенно верно! Однако это занятие отнимет у меня не больше двух-трех месяцев. Как только нам удастся найти и должным образом наказать гнусную шайку убийц и конокрадов, я переселюсь из Арканзаса в Техас!

— Кстати, что слышно о конокрадах? — с беспокойством спросил Аткинс.

— Пока мало. Эти негодяи так ловко сумели замести следы, что поймать их будет, вероятно, не так легко. Впрочем, они меня мало занимают. Мне важно только найти убийц Гитzkота и Алапаги. Не поздоровится им, если они попадутся в наши руки!

— Да, негодяи ловко скрыли свои следы, — заметил Аткинс. — Насколько мне помнится, сначала в первом убийстве заподозрили вас самих. Однако у вас нашлось много защитников, да и самая ваша ссора о Гитzkоте ясно показала, что вы не из тех людей, которые способны на предательское убийство из засады. По всей вероятности, бедняга был убит каким-нибудь мошенником, польстившимся на изрядную сумму денег, бывшую при убитом, о чем, кстати, знали все окрестные жители.

— Следовательно, вы думаете, что убийство совершено кем-нибудь из местных жителей?

— О нет! Хотя между нами и найдутся люди сомнительной нравственности, однако не думаю, чтобы кто-нибудь из них решился на убийство из-за денег.

— Совершенно согласен с вами, — ответил Браун. — Теперь я поджидаю со дня на день возвращения Ассовума. Краснокожий очень хитер и ловок; быть может, он сообщит мне что-нибудь очень важное относительно убийц.

— Ловок-то он ловок, — иронически заметил Аткинс, — но ведь не мог найти следы конокрадов!

— О, я приписываю это скорее небрежности индейца в этом деле, чем неловкости. Теперь же, когда дело идет о розыске убийцы его жены, он, несомненно, приложит все старания. К несчастью, в ночь убийства шел сильный дождь, смывший следы и убийц, и конокрадов!

— Да, в ту ночь была преотвратительная погода! — произнес Аткинс, радостно потирая руки, на что Браун не обратил внимания. — Благодаря ей, вора́м удалось скрыться. Вероятно, это те же самые, что в прошлом году украли у меня двух прекрасных лошадей!

— Нам давно нужно было повнимательнее следить за тем, что творится в округе. Поговаривают, что по берегам реки у конокрадов есть среди фермеров приятели, скрывающие у себя краденых лошадей.

— Откуда вы это узнали? — взволнованно спросил Аткинс.

— Так говорили на последнем собрании регуляторов! — отозвался Браун. — Ввиду этого мы вскоре собираемся произвести повальный обыск у всех окрестных фермеров!

— Ну, это вам едва ли удастся! — резко возразил Аткинс! — Кто же позволит вам так своевольничать? Я, по крайней мере, прямо попрошу вас убраться куда подальше, а в случае несогласия возьмусь за оружие! Мы живем в свободной стране, и никто не смеет вмешиваться в нашу частную жизнь!

— Но позвольте! — возразил Браун. — Что же делать, если законным способом ничего нельзя добиться? — Попробуйте обратиться к властям с требованием отыскать конокрадов и возвратить вам украденных ими ваших лошадей, вам ответят, что этого они не в силах сделать. При таком положении остается только заботиться самим о себе, иначе ничего не выйдет!

— Так к чему же нам тогда законы? — спросил Аткинс. — Раз они не достигают своей цели...

— Они достигают своей цели, — перебил его Браун, — но, при теперешнем положении нашего округа, крайне трудно что-либо изменить законным порядком. Представьте себе, что преступники даже пойманы шерифом и посажены в городскую тюрьму. Да ведь эта тюрьма — обычный блокгауз, а кругом бродят друзья заключенных. Одно усилие, и преступники освобождены, и ищи опять ветра в поле!

Аткинс не смог удержаться от улыбки при последних словах Брауна.

— Да, — сказал он, — мне не раз приходилось слышать о подобных побегах. Говорили даже, что преступникам часто удавалось убежать и из городской тюрьмы в Литл Роке!

— Вот видите! — подхватил Браун. — Что же за охота тратить уйму времени и труда на поиски преступников, раз они через неделю-другую опять окажутся на свободе, да еще посмеются над нами!

— Я, конечно, понимаю ваше недовольство! — сказал Аткинс. — Я знаю некоего Коттона...

— Где он теперь? — внезапно спросил Браун.

— Да я-то почему знаю! — отозвался Аткинс, озадаченный неожиданным вопросом гостя. — Разве я обязан знать место, где скрывается личность, за которой по пятам гонится шериф? Это едва ли и вообще-то кто-нибудь знает!

— Мне говорили, что он шатается где-то поблизости! — сказал уклончиво Браун, догадавшийся скрыть от хозяина рассказанное Эллен: увертки и отрицание Аткинса возбудили в молодом командире регуляторов кое-какие смутные подозрения.

Подождав немного, Браун прибавил, пристально всматриваясь в лицо Аткинса:

— Говорили еще, что его видели по дороге к вашей ферме!

— Весьма возможно! — ответил Аткинс. — Мало ли народу шляется по этой дороге, да и мало ли что люди болтают!

— Да, я чуть не забыл передать вам, — переменял начинавший обостряться разговор Браун, — я ведь приехал к вам по поручению Робертса и Роусона. Они просили меня... а вот и моя лошадь! — сказал он, увидя коня, которого вел по двору слуга.

— Полно, куда вы торопитесь! — поспешил сказать Аткинс. — Слуга позаботится о ней. Дан! — крикнул он конюху в окно. — Позаботься хорошенько о лошади мистера! Когда ты...

Последних слов Браун не расслышал, так как они были произнесены хозяином уже за дверями комнаты. Поговорив немного с слугою, Аткинс вернулся обратно.

— Так вы говорите, что у вас есть ко мне поручение? — спросил он, усаживаясь на прежнее место.

— Да, — ответил Браун. — Они просили передать вам, что приедут сюда в понедельник. Вы будете любезны подождать их?

— Конечно! — ответил довольным тоном хозяин. — Мы, надеюсь, скоро столкнемся с Робертсом и Роусоном. Они оба прекрасные, честнейшие люди! Кстати, когда назначена свадьба прелестной дочери Робертса? Кажется, на послезавтра?

— Кажется, так! — сдержанно ответил Браун.

— Вы будете на самом бракосочетании и пиршестве? — спросил Аткинс.

— Нет, не буду! — резко ответил Браун. — Наше завтрашнее собрание может затянуться, и мне не хватит времени на переезд!

— Какое совещание? — изумился Аткинс. — Что вы говорите?

— Я говорю о собрании регуляторов, назначенном на завтра у Бариля!

— На завтра? Почему же я ничего не знал? Неужели это такая тайна, что вы считаете нужным скрывать это даже от окрестных фермеров?

— О нем было сообщено только членам общества. Но я удивляюсь, как это Вильсон, — сказал Браун, желая прозондировать почву в пользу своего нового друга, — не сказал вам об этом!

— Он давно не был у меня, — холодно ответил Аткинс, — оттого я ничего и не знаю. Впрочем, я не принадлежу к обществу регуляторов, и мне все равно, когда состоится их собрание!

— Вильсон ведь, — прибавил раздосадованный такой хладнокровностью Браун, видя, что Аткинс старается увильнуть от подобного разговора, — собирается обзавестись хозяйством неподалеку от вас. По-моему, он станет приятным соседом.

— Но я собираюсь скоро покинуть эти края, так что мне это все равно, — ответил Аткинс. — Кстати, как поживает ваш дядюшка? Он, кажется, недавно болел? В Арканзасе, право же, легко получить какую-нибудь болезнь, которая сразу может свалить с ног самого здорового человека.

Браун замолчал, видя полную невозможность сделать что-нибудь для своего друга.

В это время в комнату вошла с ребенком на руках Эллен, взглядом поблагодарившая молодого человека за избавление ее от выговора миссис Аткинс. Вслед за девушкой появилась и сама хозяйка, и завязался общий разговор о семейных нуждах и заботах. Говорили о скоте, пастбищах, посевах, жатвах и прочем. Во время разговора спавший до сих пор совершенно спокойно ребенок внезапно раскричался и заплакал. Эллен пыталась было успокоить его, взяв на руки и нося по комнате, но малютка закричал еще пронзительнее. Очевидно, ребенок заболел. Испробовали сначала какие знали домашние средства, но так как ничто не помогало, то миссис Аткинс решила послать слугу за соседками фермершами, прося их придти помочь.

Встревоженная мать посчитала причиной болезни ребенка небрежность и невнимательность Эллен и, несмотря на самые очевидные оправдания молодой девушки, так рассердилась на нее, что приказала ей вовсе замолчать.

Браун, ставший свидетелем явно несправедливых нападков на беззащитную девушку, решил приложить все усилия, чтобы выручить ее из затруднительного положения и вместе с тем услужить новому другу.

Несмотря на то, что был уже двенадцатый час ночи, в доме Аткинса царили шум и суета. Эллен носилась с ребенком, на разные лады стараясь его успокоить, а миссис Аткинс не могла найти себе места, бегая по комнатам, ломая руки и причитая, что это Бог наказывает за грехи и преступления, отнимая у нее единственного сына.

Вдруг на дворе раздался чей-то голос, спрашивающий разрешения войти. Собаки, лежавшие у дома, лаяли и визжали. Ветер, до того времени бывший довольно слабым, переменил направление и задул такими порывами и с такой силой, что вековые деревья, росшие около дома,гнулись под ним, как тростник. Как только хозяин приот-

ворил на голос дверь, ветер ворвался в комнату и потушил огонь. Все помещение сразу погрузилось в полный мрак.

— Эй, послушайте! — раздался на дворе тот же голос. — Нельзя ли у вас остановиться на ночь? Черт бы побрал этих проклятых собак! Цыц, негодные!

— Гектор, Джек, молчать! — закричал на них хозяин, выходя на двор. — Входите, пожалуйста! — сказал он, обращаясь к стоявшему там человеку. — О лошади вам нечего беспокоиться: о ней позаботится мой слуга.

— Что, ваши собаки очень свирепые? — спросил незнакомец, входя по приглашению хозяина в комнату.

— О, не бойтесь, при мне они никого не тронут! Входите; только осторожнее, ветер задул лампу. Эллен, да зажги же скорее огонь! — крикнул Аткинс, обращаясь к девушке, уже раздувавшей огонь в камине.

Вошедший в комнату медленно снял с себя плащ и шапку из шкуры выдры и, подойдя к запылавшему камину, раскланялся с находившимися в комнате. Он был небольшого роста, коренастый, плотного сложения, с большими серыми глазами и лицом, усыпанным веснушками. Под плащом у него был надет длинный коричневый охотничий камзол, а на ногах — башмаки такого же цвета. В руке он сжимал мешок, в котором находились, вероятно, провизия и другие предметы, необходимые в путешествии по малонаселенным местностям. Подойдя к свету, он пристально стал вглядываться в обоих мужчин, желая, по всей вероятности, угадать, кто из них, собственно, хозяин этого дома.

Миссис Аткинс, обеспокоенная болезнью ребенка и хлопотавшая около него, осталась не слишком довольна новым посетителем. Она взяла ребенка на руки и велела Эллен светить ей.

— Как, однако, силен ветер, — начал разговор незнакомец, все еще безуспешно стараясь разгадать, кто хозяин. — Скоро, пожалуй, он начнет вырывать деревья с корнем!

— Да, ветер очень силен! — отозвался Аткинс, пристально вглядываясь в говорившего. — Издалека едете?

— О нет, я из Миссисипи и отправляюсь в один из пограничных фортов. Далек ли отсюда до Фурш Лафава?

— Очень близко. Мой дом стоит на берегу реки! — ответил Аткинс, в то время как Браун ворошил кочергой уголья в камине. — Вы, вероятно, потому только не за-

метили воды, что река на большом пространстве поросла тростником!

— Я так и думал, — отозвался незнакомец, — что река недалеко. Тростник здесь действительно густ. Хороши ли окрестные пастбища?

— Прекрасные! — ответил Аткинс, бросая еще раз испытующий взгляд на незнакомца.

Браун перестал ворошить уголья и начал прислушиваться к разговору, показавшемуся ему почему-то знакомым.

— Я проехал сегодня большое расстояние, — сказал спокойно вновь прибывший. — От этого у меня что-то пересохло в горле. Не будете ли добры дать стакан воды?

— Сию минуту! — быстро ответил хозяин, вставая, чтобы зачерпнуть воды в стоявшей здесь же кадке.

Браун, моментально вспомнив что-то, подозрительно уставился на незнакомца, а тот, бросив притворно любезный взгляд на него, тотчас же отвернулся к подошедшему Аткинсу и, взяв от него воду, залпом выпил стакан.

— При взгляде на вас, с таким наслаждением пьющего воду, мне самому захотелось попить! — сказал Браун, скрывая свои подозрения и желая оправдать свой внимательный осмотр. Молодой человек припомнил теперь весь разговор незнакомцев, слышанный им в заброшенной хижине.

— Ну, господа, — вмешался Аткинс, — кто же пьет в ненастную и холодную погоду такой, собственно говоря, противный напиток, как вода? Не хотите ли лучше разбавить ею изрядную порцию виски? Получится значительно вкуснее.

— Думаю, что вряд ли кто-нибудь откажется от вашего предложения! — довольным тоном ответил незнакомец.

Тогда Аткинс направился к шкафу, вынул оттуда бутылку и три небольших стаканчика и поставил их на стол.

— Ну-с, в таком случае прошу попробовать! — сказал он, подавая виски Брауну. — О, джентльмен, что вы делаете?! Вы не виски разбавляете водой, а воду — виски! Полно, наливайте-ка побольше! Знаете, чем хуже погода, тем больше надо пить. А теперь, мистер, будьте добры назвать свое имя. Меня зовут Аткинс, а этого джентльмена — Браун!

— А меня зовут Джонс! Не правда ли, очень легкое для запоминания имя? Так пью за ваше здоровье, мистер Аткинс и мистер Браун!

С этими словами он поднес стакан ко рту. Аткинса как-то странно передернуло, когда человек, назвавшийся Джонсоном, стал пить за здоровье его и начальника регуляторов. Однако, не желая выдавать своего волнения, он сдержался, и лицо его приняло обычное холодное выражение. Он налил еще по стаканчику и произнес, чокаясь с гостями:

— Пью за наше знакомство! Думаю, что оно продолжится.

В это время вошла Эллен с тюфяками и одеялами и стала расстилать их на полу. На вопрос Аткинса о здоровье ребенка, она отвечала, что малютка очень страдает.

— Но у тебя все-таки найдется время, чтобы сострять нам ужин?

— Не знаю, если миссис...

— Ну ладно, иди на кухню, — сказал Аткинс, — и готовь ужин гостям, а я пойду сам посмотрю, что с ребенком!

Аткинс вышел, а молодая девушка стала накрывать на стол и готовить ужин. В комнатах воцарилось молчание. Браун следил за ловкими и грациозными движениями девушки, накрывавшей на стол, и думал о Вильсоне; а Джонс сидел у камина, ворочая уголья и прерывая свое занятие только для того, чтобы по временам нетерпеливо взглянуть на часы и дверь, за которой скрылся хозяин.

Как раз, когда ужин был готов, пришел Аткинс. Вдруг внезапно на дворе послышался топот лошадей и какой-то шум, неясно доносившийся до слуха сидевших в комнате. В этом шуме можно было различить только пронзительный голос хозяйки, отдававшей какие-то приказания.

Закусив немного, Браун опять подсел к камину и удобно расположился там, когда хозяин, взяв свечу, вежливо сказал ему:

— Мистер Браун, думаю, пора бы и на покой! Пойдемте, я провожу вас в вашу комнату!

— О, пожалуйста, не беспокойтесь! — ответил молодой человек, заметив, что Эллен приготовила в одной комнате две кровати. — Я вовсе не устал!

— Наверху найдется прекрасное помещение, где вас никто не потревожит, — заметил хозяин, — а завтра утром вы можете отправиться к Барилю. Сейчас у нас собралось очень много соседок, и здесь спать не придется. Боюсь, однако, что и они не помогут ребенку!

— А, так у вас полно гостей! — сказал Браун. — Ну, в таком случае, я немедленно отправляюсь в отведенное мне помещение. Надеюсь, мистер Джонс тоже скоро присоединится ко мне?

— К сожалению, наверху только одна кровать, и Джонса придется уложить где-нибудь внизу!

— О, не беспокойтесь, ради Бога, обо мне! — воскликнул Джонс, передавая Эллен стакан чтобы она опять наполнила его виски. — Спокойной ночи, мистер Браун! Если вы поедете не рано, то я с удовольствием поехал бы с вами, если нам по дороге!

— Мне нужно будет отправиться вверх по реке и, чтобы поспеть в одно место к назначенному сроку, придется выехать рано утром! — сказал Браун. — Спокойной ночи!

Молодой человек раскланялся с Эллен и Джонсом и в сопровождении хозяина отправился в отведенную ему комнату.

Проводив нежелательного собеседника, Аткинс вскоре вернулся, но разговора все-таки не начинал: Эллен, убравшая комнату, мешала хозяину по душам поговорить со своим таинственным гостем. Мужчины молча сидели у камина, пока девушка прибирала посуду после ужина в шкаф, отодвигала стол и приготавливала постели. Наконец, исполнив всю необходимую работу, она пожелала сидевшим спокойной ночи и удалилась.

Хозяин тотчас же встал, плотно прикрыл за ушедшей дверь и погасил свечу. Комната погрузилась в полумрак. Лишь догоравшие в камине угли бросали слабый красноватый отблеск на серьезные лица сидевших. Аткинс первый нарушил молчание, тихо предложив гостю:

— Выйдемте-ка на свежий воздух!

Догадавшись, что хозяин намерен продолжить разговор вдали от нескромных ушей, Джонс молча поклонился и вслед за хозяином вышел во двор. Когда они отошли на порядочное расстояние от дома, Аткинс обратился к спутнику:

— Мистер Джонс, вас, конечно, прислал кто-нибудь?

— Совершенно верно, я привел лошадей!

— Где же они сейчас находятся, в воде?

— Да, там!

— Скажите, пожалуйста, откуда вы так прекрасно знаете наши места? Я, по крайней мере, ни разу не встречался с вами!

— О, я в Арканзасе прожил много лет, когда был еще юношей! Эта самая ферма принадлежала раньше мне, а затем я продал ее одному лицу, у которого в свою очередь ее приобрели вы!

— Так, значит, это вы...

— Тс! Не нужно высказывать догадок, даже если они и справедливы! — остановил его незнакомец. — Такие вещи говорить здесь не следует: мало ли кто может случайно услышать наш разговор! Осторожность никогда не мешает. Скажите-ка лучше, вход — у угла изгороди?

— Да, у самой реки!

— Вот и прекрасно! Я думаю тотчас же отправиться за лошадьми и спрятать их.

— Не помочь ли вам?

— О, не беспокойтесь, я и один управлюсь!

С этими словами незнакомец исчез в темноте. Аткинс же вернулся обратно, обошел весь дом, затем, пройдя через двор, направился к сараю, около которого на свободе бродило несколько лошадей. Войдя за изгородь, он тоже скрылся во мраке.

Браун, не забывший подозрительного разговора своих собеседников, внимательно смотрел в щели кровли отведенного ему на ночь помещения. При виде вышедших из дому мужчин, он еще более укрепился в своих подозрениях. Некоторое время он находился в нерешимости. «Как поступить?» — размышлял он. — Решиться ли немедленно попробовать накрыть их с поличным, или выждать дальнейших событий? Однако, благоразумие взяло верх, и, несмотря на сильное искушение, Браун остался на своем наблюдательном посту. Что мог предпринять он один, без оружия против двух сильных мужчин, находившихся, конечно, на чеку и готовых при первой необходимости дать отпор? В тоже время Браун решил, что Эллен не могла быть соучастницей тайнственных операций ее приемного отца, иначе она не стала бы так откровенно рассказывать про посещения Коттона, которые хозяин

тщательно скрывал от всех. По всей вероятности, негодяй скрывается где-нибудь поблизости в какой-нибудь заброшенной хижине.

Перебирая в уме всех окрестных фермеров, где бы мог затаиться Коттон, Браун становился в тупик: никто из них не мог оказывать гостеприимства этому мошеннику. Вильсон, живший неподалеку отсюда, уж ни в каком случае не мог быть их сообщником. Пельтер? Но тот тоже входил в отряд регуляторов. Джонсон? Может быть! Чем больше думал Браун, тем больше склонялся к мысли, что это — именно Джонсон. Тем более что во время преследования конокрадов фермеры встретили по дороге Джонсона с какими-то лошадьми. Станным казалось еще и то, что, по словам Гарфильда, на северном берегу реки тоже обнаружены следы его лошадей, а на южном — других. Следовательно, раз других следов больше не было, между Коттоном и Джонсоном существует какая-то связь. Сомневаться в этом больше не приходилось.

Ожидание и напряженное внимание утомили Брауна, к тому же уставшего накануне. Он сначала пытался бороться с дремотой, рассчитывая узнать еще что-нибудь, но сон все более и более овладевал им, — и молодой человек, не выдержав наконец, склонился на постель и крепко заснул.

Глава VI

НЕОЖИДАННЫЕ ПОСЕТИТЕЛИ. НОВЫЙ ПЛАН

Джонсон жил в маленькой, наскоро построенной, но уютной хижине, совершенно затерявшейся в самой чаще большого леса. Она стояла одиноко, и к ней не вела ни одна тропинка. Авантюрист купил ее за бесценок у какого-то охотника, прельщенный ее удобствами, уединенностью и красотой окружающей местности, поселился здесь, сначала намереваясь заняться возделыванием земли. Он было уже приступил к работе, но вскоре тяжелый труд ему опостылел, и Джонсон ограничился тем, что отгородил только небольшой участок земли забором. Кроме того, он устроил еще небольшую конюшню для лошади. С тех пор в хижине из посторонних почти никто

не бывал, так как сам хозяин постоянно находился в разъездах, и хижина стояла наглухо запертой. Лишь изредка сюда забредали какие-нибудь заплутавшие в лесу охотники. Все это пришлось по душе любившему уединение владельцу, и он очень был доволен своим выбором местожительства.

Постоянную связь он поддерживал только с Аткинсом, слуга-мулат которого, посвященный во все тайные делишки своего хозяина, частенько ходил с различными поручения с фермы в хижину и обратно.

Вечером того дня, когда происходили описанные выше события на ферме Аткинса, хижина не была, вопреки обыкновению, заперта. Напротив, внутри горел яркий огонь, над которым висел чугунный котелок, а около сидели, мирно беседуя между собою, Коттон и Джонсон. Изредка кто-нибудь из них поднимался, чтобы взглянуть, как варится пунш.

— Ну, кажется, готово! — сказал Коттон. — Попробуйте, Джонсон, а то я опоздаю к Аткинсу!

— Не торопитесь-ка лучше, приятель! Если не дать воде как следует прокипеть, то получится такая бурда, которую и в рот-то противно взять... Вот теперь готово. Давайте кружку.

— Ой, как горячо! — воскликнул нетерпеливый Коттон, обжигая губы об оловянную кружку. — Из этой посуды невозможно пить. Губы обожжешь!

— Что делать! — хладнокровно ответил Джонсон. — Приходится довольствоваться тем, что есть. Откуда я вам наберу стеклянных стаканов или фарфоровых чашек? Э, да кого это Бог несет?

— Что? Кто-нибудь едет? — встревожился Коттон, моментально вскакивая на лесенку, соединяющую верхний этаж с нижним.

— Полно, дружище, — успокоил его Джонсон, — прятаться вовсе нет надобности. Идет Дан, слуга Аткинса!

— Какого черта ему понадобилось? — сердито проворчал, возвращаясь на прежнее место, Коттон. — Надеюсь, не случилось ничего дурного?

— А вот сейчас узнаем! — произнес Джонсон, отворяя дверь мулату. — Что скажешь, Дан?

— Хозяин велел передать, что маса Коттон должен остаться здесь, — сказал, кланяясь сидевшим, мулат. — К хозяину приехал маса Браун и остался у нас ночевать!

— Что за дьявол! — рассердился Коттон. — Что понадобилось Брауну от Аткинса? Чертовски некстати, так как мне нужно многое бы передать нашему общему приятелю!

— Маса Браун остановился у нас по дороге к Барилю, у которого на завтра назначено собрание регуляторов! — ответил мулат, выплевывая, без всяких церемоний, прямо на пол жвачку табаку.

— Собрание регуляторов, говоришь? — переспросил Коттон. — О, чума побери всех этих мерзавцев! Я дорого бы дал, если бы мне представилась возможность передушить их всех до единого своими руками. Ну, да ладно! Настанет и на нашей улице праздник! Уж покажу же я им тогда!

— Не велел ли тебе хозяин передать еще что-нибудь? — спросил Джонсон.

— Нет, больше ничего, маса! Я думаю, впрочем, что завтра он сам сюда придет!

— Ну так передай ему, что мы его ждем. Ступай! Ну, чего вытаращил свои бельма? Не понимаешь, что ли?

— Маса, — сказал мулат, заискивающе улыбаясь и показывая свои ослепительно белые зубы. — Вон там кружка...

— Что, выпить захотелось? — догадался хозяин. — Ну что ж, держи кружку, плесну тебе джина. Пей и живо проваливай обратно!

Одним духом проглотив джин, Дан отер губы, щелкнул от удовольствия языком, поклонился хозяину и гостю, сбежал с крыльца и исчез в чаще. Джонсон затворил дверь.

— Ну, так мне здесь больше делать нечего, — сказал Коттон, поднимаясь, — я отправлюсь домой. Черт бы взял этого проклятого Брауна, совсем некстати его принесла нелегкая, а я то...

Он не успел договорить, услышав топот скачущей лошади. Не медля ни минуты, он опять быстро взобрался вверх по лестнице, не желая попадаться на глаза постороннему человеку. Но, как и раньше, его предосторожность оказалась излишней: подойдя к окну, Джонсон воскликнул:

— Ба, да это Роусон!

Не успели оба приятеля опомниться от изумления, как раздался нетерпеливый стук в дверь.

— Чего вы так долго не отпирали, черт вас подери?! — нетерпеливо произнес проповедник, входя в хижину.

— Советовал бы вам быть поосторожнее! — насмешливо произнес Коттон. — Ну что бы было, если бы здесь оказался посторонний и услышал, как ругается уважаемый патер Роусон?

— Да ну вас к дьяволу! — окончательно разозлился Роусон. — Есть мне время думать о мнении каких-то дураков, когда мне все равно приходится удирать отсюда!

— Что? — испуганно вскричал Джонсон, вскакивая с места. — Неужели уже все открыто? Неужели узнали, что...

— Полно пороть горячку! — оборвал его методист. — Пока еще ничего не узнали, но с минуты на минуту нужно ожидать этого: Ассовум вернулся!

— О, лучше бы он остался там, где был! — заметил с неудовольствием Коттон. — Этот чертов индеец постоянно становится нам поперек дороги!

— Да полноте, господа! — рассмеялся Джонсон. — Я уж не весть что подумал! Поверьте, что, несмотря на всю проницательность, краснокожий ничего не может с вами поделаться.

С этими словами он налил себе и Роусону по кружке пунша.

— Следы наши исчезли давно, — продолжал он, прихлебывая из кружки, — теперь и черт ничего не отыщет, а краснокожий и подавно!

— Дело вовсе не в том! — возразил Роусон. — Регуляторы настолько вошли в силу, что каждый считает за честь попасть в их отряд. Благодаря этому, они сделались настолько решительными, что на завтрашнем собрании окончательно будут утверждать решение произвести обыск у всех более или менее подозрительных людей нашего округа и подвергнуть их строгому допросу! Как это вам нравится?

— Ого, дело скверно! — воскликнул Джонсон при таком неприятном известии. — Я вижу, что мне полезно поскорее переменить климат! Нет сомнения, что их первый визит будет ко мне. Но вам-то, мне кажется, решительно нечего бояться. Не могут же они заподозрить в чем-либо предосудительном и вас?!

— Так-то так, если бы не Ассовум! — ответил Роусон. — Право, он что-то нюхом чует! Неужели нет средства избавиться от него?

— Средство-то есть, — ответил Коттон. — Но это будет чертовски трудно!

— Ну, то средство, о котором вы говорите, применить, пожалуй, не стоит, — ответил проповедник, — и так уж слишком много пролито крови. Нет, следует поискать другое средство, да поскорее, а то будет поздно!

— Да, мое средство верное, но опасное, — ответил, не обращая внимания на возражение методиста, Коттон. — Но у меня созрел хитроумный план. Вы ведь знаете, что Ассовум прибыл в Арканзас после изгнания родным племенем за убийство верховного вождя. Никто не удивится, что какой-нибудь родственник убитого вздумал отплатить Ассовуму! Чтобы все выглядело правдоподобно, краснокожего нужно прикончить отравленной стрелой. Мы-то, слава Богу, за столько лет пребывания в Арканзасе и Техасе научились пользоваться ядом.

— А вы сумеете приготовить сильный яд? — спросил Роусон.

— Э, господа, полноте! — вмешался Джонсон. — Ну к чему тут яд? Дело вовсе не в этом паршивом индейском псе. Один он все равно ничего не сделает. А вот обезопасить себя от регуляторов необходимо! По-моему, Роусон прав, собираясь уносить ноги отсюда. Важно только сделать это вовремя. Пускай те из нас, кто пока совершенно вне всяких подозрений, отправятся на завтрашнее собрание регуляторов, хотя бы вы, Роусон, и Аткинс. Там вы все услышите и разузнаете, и если положение наше окажется более чем двусмысленным, садимся на коней, и поминай как звали! Поверьте, мы сумеем найти край и побогаче вашего хваленого Арканзаса.

— Хорошо вам рассуждать! — возразил Роусон. — Вы люди свободные, холостые, вскочил на коня, да и был таков. Ну, а я...

— А вы что? Не то же самое? — спросил Джонсон.

— Сегодня то же, что и вы, ну а завтра — другое дело!

— По-моему, вам лично и удирать-то вовсе не придется. Вы совершенно напрасно волнуетесь. Да будь я на

вашем месте и пользуйся таким же уважением, и в ус бы себе не дул! Ну а уж если вы так боитесь, то какого рожна вы женитесь, скажите на милость?

— Отступать слишком поздно! — ответил проповедник. — Если бы я все это мог предвидеть, то, конечно, отложил бы свадьбу. Теперь же подобная оторочка может возбудить подозрения. Впрочем, жена волей-неволей должна последовать за мной. Что мешает мне написать самому себе письмо из какого угодно города?! Пусть, например, мне напишет моя мифическая старушка-тетка, которая перед смертью желала бы в последний раз повидаться со мной. Тогда я собираюсь и вместе с женой улечучиваюсь из пределов Арканзаса. А потом-то пускай обо мне думают и говорят, что хотят: тогда-то уж меня не достанешь — руки коротки! Но пока проклятый индеец не дает мне покоя!

— Прекрасно! — гневно воскликнул Коттон. — Если Ассовум окажется нам опасным, мы его живо спровадим на тот свет. Правда, подобное событие окончательно взбудоражит весь Арканзас, так что лучше постараться как-нибудь избежать убийства...

— Вот дался вам этот краснокожий! — с досадой воскликнул Джонсон. — Говорю вам, что опасность грозит нам вовсе не со стороны этого бродяги: нам опасны регуляторы, и больше никто. Так или иначе, от них необходимо скрыться. Роусон, постарайтесь завтра попасть на их собрание.

— Обязательно постараюсь. Думаю, что у них не найдется достаточно серьезных причин, чтобы помешать мне присутствовать на их сборе. Ну, да как бы там ни было, приложу все старания.

— В таком случае, пока не стоит и загадывать наперед. Будут намечены какие-нибудь опасные меры, мы узнаем их, постараемся нейтрализовать или попросту смоемся. Врасплох-то уж они нас в любом случае не застанут ни при каких обстоятельствах.

— Теперь мне, собственно говоря, довольно глупо покупать у Аткинса его ферму, — решил Роусон, — а вдруг и в самом деле нам придется бежать отсюда, тогда ведь это чистый убыток. Ну да будь что будет! Попробую начать жизнь честного человека, пора мне и отдохнуть!

— Так не желаете ли отправиться с молодой женой на остров? — спросил Коттон. — Там, я думаю, найдет-

ся немало заблудших овец, которых полезно было бы вернуть на путь истинный! Что вы можете возразить против такого предложения?

Роусон ничего не ответил.

— Да, кстати об острове! — подхватил Джонон. — Пора бы рассказать мне, что это за место и где оно находится. Я уже два раза водил туда лошадей, но ничего не мог узнать от тамошних обитателей. Больно уж они скрытничают. Я ведь знаю только, что остров расположен на Миссисипи.

— Да и я точно в таком же неведении! — проговорил Коттон. — Если бы в прошлый раз за нами гнались регуляторы, они наверняка сцапали бы нас с Уэстоном, как цыплят. Представьте только, островитяне не пустили нас к себе, а забрав лошадей на барку, отплыли, оставив нас на берегу. Через некоторое время они вернулись и привезли нам деньги.

— Подождите-ка, — перебил его Роусон, всюду чуя измену и шпионов, — нас не могут подслушать со двора?

— Конечно нет! — ответил Джонсон. — И чего только вы беспокоитесь, Роусон? Положим, у страха глаза велики!

— Ну, лишняя предосторожность никогда не мешает!

— Ладно, ладно, Роусон, рассказывайте про остров!

— Странно, — сказал Роусон, — вы хотите знать, где находится остров? Да ведь вам известна дорога туда. Это и есть главный остров. Ниже его находится другой, меньший, совершенно почти неприступный. Туда-то в случае крайней опасности и переберутся обитатели главного острова. Их предводитель ловкий и умный человек. Имени его я вам назвать не могу, так как связан клятвой молчания.

— Так, значит, это большая банда? — спросил Коттон.

— Ну да, и банда, заметьте, прекрасно организованная. Это, пожалуй, самое, опытное войско, но о нем никто не знает, так как состоящие в сношениях с бандитами никогда их не выдадут ради собственных выгод.

— Так каким же образом они наживают деньги, если не трогают соседей, а те вследствие этого не выдают их?

— Очень просто! Они действуют по мудрому принципу: не грабь того, с кем живешь.

— Ну, ну, так рассказывайте дальше! — нетерпеливо перебил его Коттон, стораая от любопытства.

— Видите ли, — продолжал Роусон, — обитатели острова не трогают жителей своего штата. Обыкновенно их жертвами становятся чужаки. У островитян имеется много специально нанятых агентов, весьма энергичных и ловких людей, которые, путешествуя по реке, разузнают подробности о проплывающих судах и их ценности, и если среди перевозимых грузов имеются предметы, годные им самим или удобные для сбыта в южные штаты, то агенты стараются наняться на них лоцманами или рулевыми. Если такому парню удастся его затея, он ведет судно прямо на мель у острова, где его выкидывает на берег и разбивает волнами. Обыкновенно это происходит ночью, когда на палубе остается как правило один дежурный матрос. Ну, конечно, на острове не зевают и, завидев поданный лжелоцманом сигнал, выскакивают на берег и расправляются по-свойски с экипажем.

— Так вот чем объясняется множество трупов, плавающих по Миссисипи! Однажды я ночью насчитал семь трупов, пливших подряд. Однако ни на одном из них не было признаков насильственной смерти, мы подумали, что это — утонувшие матросы с какой-нибудь разбитой бурей барки.

— О, в этом отношении наши приятели о острова дьявольски ловки, — сказал с некоторым содроганием Роусон. — Настоящие виртуозы. Признаюсь, подобные делишки мне не по душе: слишком уж много крови проливается!

— Да, промысел грязный, что и говорить, — поддержал его Коттон. — Прямо бойня какая-то!

— Зато они также дороги для своих друзей, как грозны для врагов. Поверьте, если человек будет нуждаться в помощи, поддержке и убежище, они сумеют оказать ему это в полной мере!

— Ну, не думаю! По крайней мере, пока я дожидался их возвращения с деньгами, я чуть не умер с голода, а никто и не подумал дать мне поесть. Кроме того, я видел, что если мне будет угрожать какая-нибудь опасность, то ни один из них и пальцем не шевельнет, чтобы помочь мне!

— А это все оттого, что вы не знали условного знака! — сказал Роусон. — Не могут же они довериться всякому!

— А какой же у них условный знак?

— Если вам понадобится когда-нибудь помощь от них, отыщите большое дерево, зажгите головешку и перебежите с ней четыре раза от дерева к дереву. Тотчас же к этому месту подплывет барка с вооруженными людьми.

— Благодарю за информацию! — задумчиво сказал Коттон. — Как знать, может, вскоре нам придется ею воспользоваться и просить помощи у этих милых островитян.

— Не забудьте еще одного: как только вы попадете на остров, вы превращаетесь в их соучастника и должны навсегда отказаться от намерения вернуться обратно.

— А вы сами там были? — спросил его собеседник.

— Не довелось, — ответил методист. — А где Уэстон? Его тоже нужно было бы уведомить об угрожающей опасности.

— Он по поручению Аткинса отправился в горы, — сказал Джонсон. — Вернется завтра, тогда мы с ним и потолкуем.

— Мне что-то захотелось спать, — заметил, зевая, Коттон. — Джонсон, не осталось ли чего-нибудь в котелке?

— Вот чудак, да вы сами вылили оттуда остатки!

— В таком случае, спокойной ночи! Кто проснется раньше, пусть разбудит остальных!

Коттон взял несколько оленьих шкур, уложил их на пол и, завернувшись в старый плащ, несмотря на жесткость постели, почти тотчас же крепко уснул.

Оставшись сидеть у огня, Джонсон и Роусон молча смотрели на догоравшие уголья. По-видимому, и тот и другой хотели заговорить о чем-то, но ни один из них не решался нарушить молчание. Наконец, Джонсон спросил:

— Неужели вы в самом деле предполагаете, что вас могут выследить?

— Ну, сейчас-то это им не удастся, но я не исключаяю возможность, что рано или поздно они застанут меня врасплох.

— Каким образом?

— Очень просто! Меня удивляет не это, а то, что мы до сих пор так долго оставались безнаказанными.

— Э, да вы начинаете трусить, приятель!

— Не трушу — опасаясь. И мои опасения относительно индейца вполне основательны. Сегодня, по крайней мере, он бросил на меня такой взгляд, что готов побиться об заклад, он наверняка что-то раскопал!

— Да, в отношении вас у Ассовума должно быть имеются веские подозрения!

— Да вы-то откуда это знаете?

— Не горячитесь, друг мой! Вас выдает собственный голос. Впрочем, я нахожу, что вы поступили совершенно резонно. На вашем месте всякий сделал бы то же самое. Хорошо ли только вы замели следы?

— Неуместный вопрос! Конечно, я принял все предосторожности. Несмотря на боль в раненой руке, я тщательно отмыл одежду от крови, заштопал прорванный томагавком Алапаги рукав и даже закопал в землю свой нож. Тем не менее меня продолжает преследовать предчувствие чего-то недоброго. Я боюсь, и сам не знаю чего, но...

— Полноте, дружище! — успокоил его Джонсон. — Предоставьте бабам бояться и верить в непонятные предчувствия. А как другое дело? Следов не осталось? Перочинный нож вы тоже зарыли?

— То-то и есть, что нож попал к Робертсу, я сам видел его у него. Он мне показывал и спрашивал, не знаю ли я, кому он принадлежит. Как я тогда не выдал себя каким-нибудь неосторожным движением, один Бог знает!

— Мне недавно рассказывали про покушение на жизнь одного богатого фермера с берега Арканзаса. Передают, что грабителям удалось похитить у него около десяти тысяч долларов, — сказал авантюрист, пристально вглядываясь в лицо собеседника. — Скажите, ведь вы в то время обитали как раз в тех местах, нет ли у вас каких-нибудь более подробных сведений об этом деле?

— Да я-то откуда это могу знать! — рассердился Русон. — Кажется, вы готовы подозревать меня во всех убийствах, совершающихся в нашем округе! Обращайте лучше побольше внимания на свои собственные дела! Как вы думаете, предаст нас Уэстон или нет? Мне он

кажется почему-то очень ненадежным, и я уже начинаю раскаиваться, что послал его к острову.

— Полагаю, ему можно доверять, а впрочем, черт его знает, в душу человеку не влезешь!.. Итак, завтра ваша свадьба?

— Непременно завтра! Быть может, я допускаю ошибку, связывая себя брачными узами, которые, впрочем, в случае крайней необходимости нетрудно и разорвать. Попросту махну на все рукой, брошу жену на произвол судьбы и смоюсь. Мне ведь не привыкать: проделывал и не такие фокусы!

— Да, при таких взглядах на вещи можно спокойно жениться при любых обстоятельствах и на ком угодно! — засмеялся Джонсон. — Мне кажется, что вы не особенно увлечены девушкой, не понимаю, зачем только вы это делаете!

— Я не увлечен ею? Да зачем же я стал бы подвергаться таким лишениям и опасностям, если бы не любил ее?! Я питаю к ней самые страстные, самые нежные чувства, и эта страсть по отношению к такой чистой и непорочной, как ангел, девушке кажется мне самым большим преступлением в моей жизни!

— И, несмотря на все, вы все-таки решитесь ее бросить?!

— А что делать, если она откажется последовать за мною? Мне больше ничего не остается в таком случае. О, если б я мог вернуть былые годы!.. Как бы то там ни было, но я не разлучусь с Мэриан до самой последней, самой страшной своей минуты!

— Надеюсь, вы приняли все меры на случай, если вас накроют в собственном доме?

— Конечно! В тростниках у меня запрятана лодка, в ней в плотно закупоренном ящике уложены съестные припасы. Оружие же у меня всегда под рукой. Вы знакомы с моим подземным ходом?

— Да. Сколько людей поместится в вашей лодке?

— Пять-шесть, она легка на ходу, и на ней за шесть часов можно добраться аж до Арканзаса!

— Прекрасно придумано, только я уверен, что нам не придется ею воспользоваться. Повторяю вам, вряд ли регуляторы сумеют обнаружить давно потерянный след. А теперь ложитесь-ка спать, вот на тюфяк, а я пойду взгляну на вашу лошадь!

Измученный физически и нравственно, Роусон быстро заснул. Вскоре к нему присоединился и вернувшийся со двора Джонсон, и в хижине раздался храп спящих крепким сном трех негодяев.

Но как ни крепко спали авантюристы, громкий крик филина, несколько раз подряд раздавшийся неподалеку от хижины, тотчас же разбудил Джонсона. Он миглом вскочил, осторожно обошел спящих Коттона и Роусона и направился к двери.

— Что за шум? Кто здесь? — раздался сердитый голос тоже проснувшегося и схватившегося за ружье Роусона.

— Неподалеку прокричал филин! — шепотом сказал Джонсон.

— А нам-то какое до этого дело? Вы что, охотиться на него вздумали? Чего вы всполошились?

— Погодите! Вот снова он кричит! — прервал его Джонсон. — Несомненно, явился Аткинс. Странно только, что ему понадобилось от меня ночью, да еще в такую погоду? Входите! — крикнул он в темноту, отворив дверь. — Здесь посторонних нет, все свои!

— Здорово, приятель! — воскликнул Аткинс, перепрыгивая через невысокую ограду и подходя к крыльцу. — Что, небось удивился нашему позднему приезду?

— Что значит «нашему»? Разве вы не один?

— Да, я прибыл с одним приятелем, у которого есть кое-какой товар для продажи. А кто у вас?

— Коттон и Роусон.

— Роусон? — удивился незнакомец, плотно закутанный в широкий плащ. — Неужели? Вот не ожидал встретить старинного знакомого!

— Знакомого? — переспросил поднявшийся Роусон, разгребая золу в очаге. — Разве вы знакомы с Роусоном?

— Черт возьми! — воскликнул незнакомец. — Неужели знакомство с ним такая редкость? Что, он по-прежнему проповедует?

— На это я сам вам отвечу! — недовольно пробурчал Роусон. Раздув головешку, он приблизился к говорившему. — А, это вы, Гаккер! — изумился он, увидев при свете огня лицо незнакомца. — Какой черт занес вас в Арканзас? Кажется, вам раньше не особенно нравился наш климат? Здорово, старый друг! Руку! Входите же и затворите дверь!

— Долго мы у вас все равно не останемся, — сказал Аткинс. — Мы ушли, никого не предупредив, ничего не сказав, поэтому...

— Во всяком случае, — перебил его Роусон, — если вы желаете разговаривать с нами, а не с запертой дверью, то входите в дом: холодный ветер так выстудит комнату, что потом в ней и не заснешь! Пожалейте хоть нас-то!

После такого заявления ничего не оставалось делать, как последовать приглашению Роусона. Аткинс, заметив при свете факела расставленные на столе стаканы и котелок, быстро подошел к нему и схватил посуду, намереваясь подкрепиться глотком горячего виски. Но его ждало полное разочарование: котелок был холоден и совершенно пуст.

— Черт бы подрал ваши ненасытные глотки! — выругался он. — Нет бы оставить глоток-другой своим приятелям!

— Да почем же мы знали, что вы придете сегодня, да еще ночью? — возразил Джонсон. — Впрочем, если вы повремените четверть часика, я приготовлю вам свежую порцию!

— Нет, спасибо! — отказался Аткинс. — Нам непременно надо...

— Ну ладно, ладно, — перебил хозяин, — рассказывайте пока, зачем вас сюда принесло, а тем временем, быть может, на ваше счастье, вскипит вода!

— А вы, Гаккер, — обратился к незнакомцу Роусон, — расскажите, что делается на Миссури и как идут ваши дела?

— Во-первых, — возразил тот, — я вовсе не Гаккер, а Джонс. Меня зовут Джон Джонс, зарубите себе на носу!

— Постойте-ка, Джонс, если это имя вам так нравится, не хотите ли принять участие в комическом розыгрыше? — спросил Роусон.

— Что ж, мне не привыкать стать к такого рода спектаклям! Я прекрасно играю комические роли и всегда не прочь одурачить какого-нибудь честного простофилю. Если вы думаете, что я могу быть вам полезен, рассказывайте, в чем дело. Коли игра стоит свеч — я весь к вашим услугам. Ну-с, что такое затевается?

— Готов посвятить вас во все подробности, — сказал весело Роусон, усаживаясь поудобнее, со стаканом уже

поспевшего виски в руке. — Завтра назначено собрание местных регуляторов!

— Ну, если вы будете сообщать все такие же приятные новости, то я предпочитаю вас вовсе не слушать! — также весело отозвался Джонс. — Из-за них мне зачастую приходится ездить гораздо быстрее, чем хотелось бы! Я здесь не задержусь.

— И совершенно напрасно! — заметил Роусон. — Напротив, вам следует присутствовать на их собрании!

— Мне? Да вы в своем уме, дружище? — изумился Джонс.

— Да, вам, потому что вас здесь никто не знает. Я было собрался присутствовать там сам, но, к сожалению, это не совсем удобно; да мне и нельзя. Заранее я познакомлю вас с Брауном и даже рекомендую вас ему, как регулятора с Миссури, и сообщу, что вы прибыли в Арканзас со специальной целью завязать непосредственные сношения со здешними регуляторами, так как, мол, это, по-вашему, единственный способ удачно справиться с многочисленными и дерзкими разбойниками обоих штатов.

— Блестящая мысль! — воскликнул Аткинс, сообразив, к чему клонит проповедник. — Bravo, Роусон!

— Тут, видите ли, есть одна загвоздка... я не могу ручаться, что у меня хватит времени, чтобы присутствовать там! — нерешительно сказал Джонс, видимо, желая уклониться от столь «лестного» поручения.

— Советую вам хорошенько обдумать мое предложение, — сказал Роусон, поняв, конечно, колебания своего сотоварища. — Дело в том, что если регуляторы выработают какие-нибудь решительные меры против нас, и мы не сумеем вовремя нейтрализовать их планы, вам и вашим друзьям в Миссури нечего будет и рассчитывать на какие бы то ни было сношения с нами. Тогда нам самим придется улепетывать как можно скорее, а не думать о прибылях!

— Я прекрасно понимаю всю справедливость и необходимость предложенного вами, — горячился Джонс, — но каким способом мне удастся убедить Брауна в верности моих заявлений? К сожалению, я сегодня уже познакомился с ним, но даже не заикнулся о намерениях регуляторов Миссури.

— Это ничего не значит! — нетерпеливо возразил Роусон. — Не могли же вы с первого раза разоткровенничаться с незнакомым человеком!

— Пусть так! А как же быть с другими регуляторами?

— Ваше предложение придется как раз кстати, так как точно известно, что регуляторы Арканзаса сами намерены войти в контакт с такими же обществами других штатов. На первое время, следовательно, они, во всяком случае, поверят вам!

— А ведь совсем неплохо придумано! — не мог не признать Джонс. — Пусть следят за действиями регуляторов те самые люди, которых они собираются ловить! Ловко!

— Так что же? Согласны?

— Теперь, конечно, колебаний больше и быть не может! — воскликнул Джонс. — Поверьте, я сумею заставить этих щенков взять ложный след. Часть я направлю вверх по реке, часть — вниз, вообще размещу их в петлях нашей сети небольшими группами, а затем — трах! И атмосфера сразу очистится от их зловредного дыхания!

— Следовательно, Роусон, вы не поедете на собрание? — спросил Коттон.

— Теперь в этом нет никакой надобности, — ответил проповедник.

А как же мы узнаем о результатах?

— Если возникнет что-нибудь непредвиденное, — сказал Роусон, — Джонс сообщит Аткинсу, у которого должен непременно быть завтра вечером, и тот в свою очередь известит нас через слугу. Завтра я буду разъезжать по делам, а заночую у Робертсов. В воскресенье, рано утром, я буду поджидать вашего мулата, Аткинс, у известного и ему и вам дуба. Быть может, и у меня найдется, что сообщить вам.

— Итак, все решено. Прекрасно! — сказал Аткинс, поднимаясь с места. — Едемте, Джонс, меня особенно беспокоит, что делается с моим сыном, хотя там и ухаживают за ним три соседки, которые, вероятно, останутся у нас до утра.

— До моего возвращения не отпускайте Брауна! — сказал Роусон.

— Не беспокойтесь, но приезжайте поскорее. До завтрака-то я его во всяком случае задержу, ну а уж после — как получится!

Бандиты распрощались друг с другом. Аткинс и Джонс прежним путем, через забор, ушли в лес и растворились в темноте, а остальные снова улеглись и опять крепко заснули.

ВСТРЕЧА С ПИОНЕРОМ. МНИМЫЙ РЕГУЛЯТОР

Едва начало рассветать, как порывистый холодный ветер, дувший всю ночь не переставая, быстро стих, перейдя в легкое приятное дуновение. Петухи радостно-задорным криком приветствовали занимавшийся день и призывали своих подруг вместе наслаждаться прекрасной погодой. Хохлатые наседки оживленно сновали по двору фермы, тщательно отыскивая зерна или другую пищу для своих многочисленных прожорливых цыплят, стаями бегавших за ними. Лошади, продрогшие за ночь, бодро постукивали копытами о твердую землю. Раздавалось откуда-то гоготанье гусей и уток. Из труб поднимался уже голубоватый дымок, прихотливо извивавшийся на фоне светлеющего неба-склона.

Отличная погода не могла не повлиять благоприятно на настроение одинокого всадника, рысившего по лесной тропинке. Всадник, весело насвистывая, прищпоривал по временам своего коня. То был Кук, торопившийся на собрание регуляторов.

Вдруг он внезапно осадил своего коня. Животное от неожиданности встало на дыбы и волчком завертелось на месте. Потом оно, как и сам хозяин, успокоилось и продолжило путь прежним аллюром, но и лошадь, и всадник стали теперь гораздо внимательнее вслушиваться в окружающую лесную тишь.

Неподалеку раздавался какой-то странный шум.

Кук прекрасно знал эти места и был уверен, что на три мили в окружности не было ни одной фермы, а между тем из чащи доносилось кудахтанье куриц и петушиное пение.

Озадаченный всадник остановился и стал пристально оглядываться по сторонам, недоумевая, откуда могли доноситься эти звуки.

«Что за чудеса! — подумал он. — Уверен, что я не сбился с дороги. Когда же тут успел поселиться кто-нибудь? Место уж больно пустынно и дико, чтобы какой-нибудь, даже самый отважный, пионер рискнул поселиться здесь. Ого, да вот и следы колес! Вон и кора сорвана с дерева, несомненно, здесь недавно проезжал чуть не це-

лый обоз! Вероятно, какие-нибудь переселенцы. От них я и узнаю, что все это значит!»

С этими мысли Кук поехал вдоль колеи. Вскоре он достиг одного из тех биваков эмигрантов, какие часто встречаются в Арканзасе на дорогах к Дальнему Западу и к Техасу. Два больших фургона, крытые парусиной, стояли в центре небольшой лужайки; к ним было привязано несколько пар упряжных волов. Мальчик восьми-десяти лет, с белыми, как лен, волосенками, важно кормил животных колосьями маиса. Добродушные волы смиренно брали корм из рук ребенка и медленно жевали колосья.

Пять лошадей паслись на лужайке с сочной травой. Их шеи были украшены несколькими бубенчиками, а ноги спутаны веревками. Переселенцы ночевали, очевидно, под открытым небом, так как поблизости не было никакого навеса или прикрытия, под которым можно было бы укрыться от дождя.

Все семейство пионеров в это время сидело около наскоро сколоченного из досок стола, поджав ноги. Оно состояло из мужа, жены, двух дочерей и трех сыновей.

— Бен, поди сюда! — закричал отец. — Волы уже достаточно нащипались травы за ночь и вовсе не нуждаются в твоих колосьях! Но отчего это собаки забеспокоились? Неужто поблизости какой-то хищник? Да угомонитесь наконец! — прикрикнул мужчина на собак.

Однако, несмотря на окрики, собаки не успокаивались и даже начали лаять, повернувшись в ту сторону, откуда показался Кук.

— Здравствуйте! — приветливо сказал подъехавший Кук, слезая с лошади. — Приятного аппетита!

— А, вот на кого лаяли собаки! — воскликнул хозяин, увидя подъехавшего и отвечая на его приветствие. — Будьте здоровы и вы! Кстати, мы только что собирались сесть за стол, не хотите ли позавтракать с нами?

— Благодарю за вашу любезность! — ответил Кук, с удовольствием принимая приглашение. — Вот уж никак не ожидал встретить здесь кого-нибудь, а тем более таких приятных и гостеприимных людей и славный завтрак!

При этих словах Кук покосился на свою лошадь, щипавшую траву, и на маленького Бена, развалившегося на снопе маиса.

— Бен! — закричал отец, сразу поняв многозначительный взгляд гостя. — Тащи-ка скорее сюда котел да положи в него маиса и покорми лошадь нашего гостя!

Мальчик с готовностью исполнил требование; снял еще с лошади седло и уздечку, и животное с жадностью принялось за маис.

— Откуда путь держите? — осведомился Кук, утолив немного голод.

— Из штата Теннесси.

— А куда?

— К западу, к подножью Форкских гор!

— О, вы недурную местность выбрали. Земли там замечательные!

— Насколько мне известно, не все. Ну, да я надеюсь выбрать себе подходящий участок. В этом мне поспособствует брат.

— Зачем только вам ехать так далеко, если здесь есть много хорошей земли?

— Видел; но, к сожалению, жители Фурш Лафава славятся своим пристрастием к лошадиному мясу!

— О, это, вероятно, жители берегов Арканзаса рассказали вам такую чушь, не правда ли? Хотя, должен признаться, в этом есть доля правды. Сейчас я отправляюсь на собрание регуляторов и думаю, что нам наконец удастся положить предел пагубной привычке некоторых любителей красть лошадей. Ручаюсь, что в скором времени Арканзас будет очищен от этих негодяев!

— Прекрасная задача! — отозвался пионер.

— Знаете что, — сказал Кук, — вы человек, по-видимому, бывалый, и ваш совет мог бы принести нам пользу. Отчего бы вам тоже не отправиться на наше собрание? Ведь до завтра вы, наверное, не пуститесь еще в дорогу?

— Положим, завтра воскресенье, — сказал переселенец, — но я нахожусь в таких обстоятельствах, что приходится и в праздники работать. Нужно пользоваться хорошей погодой, поскорее добраться до места назначения и хоть как-нибудь устроиться там. Видите, времени у меня в обрез.

— Да, вам не мешает поторопиться. Ну, в таком случае я вас хотя бы ознакомлю с целями нашего общества и его планами.

— Это очень интересно! — сказал переселенец. — Но скажите, неужели правда, что вы прибегаете к линчеванию? Ведь это ужасно!

— Что делать! Положение нашего края таково, что волей-неволей приходится прибегать к жестокости. Наши законные власти совершенно бессильны в борьбе с конокрадами и другими грабителями. Что же прикажете делать? Не сидеть же сложа руки, когда у вас под носом расхищают ваше добро!

— Я немного знаком с образом действий регуляторов, — сказал пионер. — У нас в штате Теннесси, тоже образовалось подобное общество. При помощи веревки и упорного преследования мы скоро избавились от мошеннической шайки, появившейся было у нас. Впрочем, и по ту сторону Арканзаса еще далеко не все благополучно. Так, когда мы поднимались вверх по реке на прошлой неделе, убили одного фермера, когда тот возвращался домой от индейцев после продажи им большого стада скота.

— Да, я уже слышал об этом, — сказал Кук. — Что же, нашли убийцу?

— Нет еще! — сердито воскликнул пионер, с такою силою ударив кулаком по столу, что посуда заплясала. — Но, клянусь, этому бледнолицему мерзавцу не сдобровать, если он попадет под дуло моего карабина!

— Так вы его знаете?

— Нет, хотя и предполагаю, что это именно он. Пока наши повозки ехали по дороге, я со старшим сыном отправился на охоту и вышел на берег какого-то озера. Мы стали оглядывать его, когда услышали какой-то шум. Я с сыном, предполагая, что это какой-нибудь зверь, спрятались за дерево. В это время из-за кустов показались два всадника. Старший был одет обыкновенно, как и все фермеры, а младший носил широкополое сомбреро. Я хотел было окликнуть их, но потом раздумал, и всадники скрылись за поворотом дороги. Спустя какое-то время раздался выстрел. Так как в лесу мог стрелять какой-нибудь охотник, вроде меня, я совершенно не обратил на это внимания и спокойно продолжал путь. К вечеру, однако, мы встретили каких-то людей, рассказавших нам, что поблизости совершено убийство. Осведомившись у своих, я узнал, что виденные мною утром всадники не перегоняли повозки. Я тотчас же вскочил на

лошадь и поскакал на ту ферму, где лежал убитый. Мои подозрения оправдались: убитый оказался некем иным, как тем старшим всадником. Следовательно, убийцей мог оказаться его спутник в сомбреро. Я сообщил окрестным жителям точные приметы этого мерзавца, но никто не знал его. Пробыв несколько дней в тех местах, я внимательно посматривал, не встречу ли его ненароком, но напрасно. Говорили, что при убийстве было не меньше тысячи долларов, которых, конечно, не оказалось.

— Какое гнусное преступление! — гневно воскликнул Кук. — Ну да будем надеяться, что нам удастся положить этому конец. Кстати, вы по какой дороге отправитесь дальше?

— Точно не знаю, но, наверно, поеду к реке, и затем уже прямо на восток.

— И по этой, и по другой стороне реки есть дороги, но та, что на противоположном берегу, будет для вас удобнее, тем более что переправа фургонов в верховьях очень затруднительна!

— А как мне легче здесь перебраться? Далеко отсюда ближайшая ферма?

— Ближе всех отсюда ферма Вильсона, а затем — Аткинса. Около первой есть удобный паром, на котором вы спокойно можете переправиться, а затем пойдет хорошая, широкая дорога!

— Паром тоже принадлежит Вильсону?

— Нет, им владеет некий Кернильс.

— Чрезвычайно признателен вам за важные для меня сведения. Если вам когда-нибудь придется быть неподалеку от старика Стефенсона, заезжайте, всегда буду рад вас видеть.

— Благодарю вас! — отозвался Кук. — Пора и в путь. До свидания!

Они дружески пожали друг другу руки, Кук вскочил на коня и вскоре скрылся из вида. Через час скорой езды он прибыл на ферму Аткинса, где, к великому своему изумлению, застал Роусона. Тут же, возле своей уже оседланной лошади, стоял Браун, дружески беседуя с незнакомцем, прибывшим к Аткинсу накануне. Роусон представил Брауну этого незнакомца, как своего хорошего приятеля.

— Ба, Кук! — обрадовался Браун приехавшему. — Вот и прекрасно, поедем теперь вместе!

— А я думал, что вы уже давно удрали! — сказал Кук, здороваясь с ним.

— Это вина не мистера Брауна, а моей жены, невероятно долго прокопавшейся с завтраком! — ответил за него Аткинс.

— Я в самом деле уже собирался уехать, но меня удержала миссис Аткинс!

— Не мог же я отпустить вас без завтрака, — заметил хозяин, — а теперь еще меньше оснований сетовать на задержку: благодаря ей вы поедете на собрание с хорошим приятелем!

— Пожалуй, я все-таки не опоздаю, — сказал Браун, пожимая руку Кука. — А вы, мистер Роусон, тоже едете с нами? Кажется, вы выразили желание побывать на нашем сегодняшнем собрании?

— Да, я предполагал так, но непредвиденные обстоятельства несколько изменяют мой план. Сами понимаете, накануне свадьбы как обычно масса хлопот!

— Да, конечно! — согласился Браун прерывающимся от волнения голосом. — Оказывается, этот джентльмен тоже регулятор. Почему же он вчера ничего не сказал об этом?

— Посудите сами, мистер Браун, — добродушно произнес Джонс, — не мог же я откровенничать с совершенно незнакомыми людьми!

— О, в таком случае вполне одобряю ваше молчание. Скажите, вы, кажется, отправляетесь к пограничным фортам?

— Да, и по дороге решил, по предварительному соглашению с товарищами, переговорить и, если окажется возможным, войти в непосредственный контакт со здешними регуляторами. Таким способом, мы полагаем, скорее можно достичь нашей общей цели. Сообща мы многое можем сделать, порознь же — довольно трудно добиться сколько-нибудь ощутимых результатов.

— Истинная правда! — согласился Браун, тем не менее подозрительно поглядывая на говорившего. — Так вы желаете, чтобы я отвел вас к регуляторам?

— Да, мне бы очень хотелось этого, и я буду вам искренне благодарен...

— Со своей стороны, — вмешался Роусон, — я присоединяюсь к просьбе моего друга, безусловно ручаясь за правдивость его сообщений. Только благодаря тому, что

хозяйство мое еще не устроено, я позволю себе надеяться, что мистер Аткинс не откажет моему другу в гостеприимстве на время его пребывания здесь.

— Об этом, мне кажется, не стоит и беспокоиться, — с иронической улыбкой произнес Браун, — мистер Джонс, так или иначе, проведет у нас несколько дней. Вот только понравится ли ему это — не знаю!

— Я человек нетребовательный и довольствуюсь малым, — ответил Джонс, — однако, я думаю, нам пора и в путь?

— Отправляйтесь с Богом! — напутствовал отъезжающих хозяин. — Вон ваша лошадь, мистер Джонс!

Тем временем Кук отвел своего приятеля в сторону и прошептал ему на ухо:

— Послушайте, Браун, не нравится мне физиономия этого типа!

— Потерпите немного, — ответил также шепотом тот. — Когда мы приедем к Барилю, я вам сообщу по секрету кое-что!

— Следовательно, и у вас возникли подозрения?

— Молчите пока, вот приедем, тогда и расскажу!

Всадники уже садились на лошадей, когда мулат слуга вывел из конюшни еще двух оседланных лошадей, причем одна была под дамским седлом.

— Ого, — сказал Кук, — да у вас, Аткинс, большое сегодня сборище! Даже дамы присутствуют!

— Это — лошадь одной из соседок, приехавших помочь моей жене ухаживать за заболевшим ребенком. Впрочем, на ней сейчас поедет не она, а Эллен, собравшаяся навестить Робертсов.

Действительно, в эту минуту на пороге показалась Эллен, одетая по-дорожному, с каким-то свертком в руках. Несмотря на то, что она быстро отвернулась, садясь на лошадь, Браун все-таки заметил заплаканные глаза девушки и обратился к хозяину фермы, спокойно пережевывавшему табак, осведомляясь, что так огорчило молодую девушку. Роусон, тоже заметивший это, сочувственно сказал:

— Бедная мисс Эллен! Отчего она плакала?

— Кто разберет девушек, отчего они плачут! — хладнокровно промолвил Аткинс. — Может быть, ее огорчила разлука с братом, который уехал далеко, а может быть, ей за что-нибудь попало от моей жены. Она,

знаете, женщина, в сущности, добрая, но вспыльчивая, а Эллен иногда перечит ей. Впрочем, на эту девушку грех жаловаться, со временем из нее выйдет прекрасная жена и хозяйка.

— Браун, поторопитесь! — нетерпеливо закричал сидевший уже в седле Кук.

— Сейчас, сейчас! Экий вы нетерпеливый!

Браун сел на лошадь и вместе с Куком и Джонсом тронулся в путь. Вскоре крайние деревья леса заслонили всадников от глаз оставшихся.

Глава VIII

МЭРИАН И ГАРПЕР. ПРИЕЗД ЭЛЛЕН

День разгорался. Яркое солнце нестерпимо палящими лучами обливало дом Робертса. В густых ветвях деревьев и в чашечках цветов, подобно бриллиантам, искрились последние капли испарявшейся под жгучими потоками света росы.

По двору с громким кудахтаньем бродили дикие черные индейки, вылупившиеся из яиц найденных в лесу птиц. Мэриан, кормившая их с крыльца маисовым зерном, невольно залюбовалась красивыми птицами, веером развернувшими свои радужные хвосты и с нетерпением толпившимися у ее ног в ожидании обычной порции пищи, от которой они не отказывались, несмотря на всю свою дикость. В густых кустах орешника оживленно копошилась масса различных мелких пташек, перепархивавших с ветки на ветку, оглашая воздух немолчными криками и пением. Серебристо-серые белки, с умными остренькими мордочками и на диво пушистыми хвостами, то и дело перелетали, точно брошенные кем-то с ветки на ветку, испугнутые каким-нибудь подозрительным шумом.

И дочь, и мать сильно были заняты приготовлениями к свадьбе. С засученными рукавами, подвязав передники, они с раннего утра хлопотали над различными соленьями и вареньями, не желая ударить лицом в грязь перед многочисленными гостями, приглашенными на свадебный пир. Старания их не пропадали даром, и домовитая миссис Робертс с гордостью любовалась тесными

рядами разновеликих блюд, горшков, тарелок, бутылок и банок с различной снедью, загромаждавшими столы. Женщины торопились покончить с своими занятиями, пользуясь полнейшей свободой, так как сам Робертс уехал еще с утра, и они оставались дома одни.

Скромно одетая и причесанная Мэриан, скрасившая свой будничный наряд только воткнутой в волосы розой, решила отдохнуть немного и вышла на порог дома вздохнуть свежим воздухом. Невольно она замечталась о чем-то и грустно поникла головой. Глаза ее безучастно глядели на дорогу, а думы были далеко-далеко, вовсе не с тем, кому она готовилась вручить свое будущее.

— Что, он все еще не идет? — прервала ее размышления миссис Робертс, возившаяся с каким-то таинственным блюдом.

— Кто он? О ком вы говорите, мама? — рассеянно спросила девушка.

— Как о ком? Да все о нем же, о Сэме, которого я послала с приглашением к мистеру Гарперу. Мне кажется, ему нечего гордиться, и раз мы удостоиваем его своим приглашением, то он давно должен был придти!

— Кто, матушка? Сэм?

— Да не Сэм вовсе, а мистер Гарпер! Что за непонятливая девчонка!

— Но ведь он болен!

— Ну, так вместо него мог придти его племянник, новый командир регуляторов! Ты тоже была больна, и деликатность требует, чтобы он навестил тебя. Все равно ему нечего делать!

— Что вы, мама, он ведь должен ухаживать за больным дядей!

— Ну да, я знаю, что ты всегда готова его защищать, особенно после того происшествия с пумой. Но любой на его месте сделал бы то же самое. Положим, он спас тебе жизнь, я не отрицаю этого и очень благодарна ему, однако после этой истории с Гитзкотом...

— Ну так что ж? — с упреком произнесла Мэриан.

— Я знаю, что ты опять готова заступиться за него! — отвечала мать. — Но скажи, пожалуйста, отчего же, если совесть его чиста, он не кажет глаз?! По крайней мере мистер Роусон в этом отношении одного сомной мнения!

— А между тем он должен был бы больше всех защищать его! — горячо произнесла молодая девушка. — Это именно мне и не нравится в мистере Роусоне!

— Он это и делал! Даже очень горячо защищал! Что же, однако, он может поделать и как поступить, если сам Браун не в состоянии оправдаться?

На последний довод матери девушка не решилась возражать и отвернулась в сторону, чтобы потихоньку смахнуть горячую слезу, набежавшую при воспоминании о любимом, огульно обвиняемом в нечестном поступке. В это время за деревьями слышались голоса, по которым стало ясно, что приближаются Баренс, Гарпер и негр, посланный за ними.

— Ах, Боже мой, гости уже пришли, а у меня ничего еще не готово! — засуетилась миссис Робертс. Тем не менее она вышла им навстречу и приветствовала их, как и подобает образцовой хозяйке.

— Простите, миссис Робертс, — сказал, учтиво раскланиваясь, Баренс, — что я решился прибыть без приглашения. Но узнав о том, что у вас соберутся мои друзья, я осмелился...

— Полно, мистер Баренс, я всегда рада вас видеть. Приглашения же не послала потому, что думала, что вы уедете на собрание регуляторов. Будьте добры джентльмены, войдите, пожалуйста, в комнаты! Муж скоро придет и очень обрадуется, увидев вас уже здесь!

Потом у гостей с хозяйкой завязался общий разговор о различных домашних делах, о хозяйстве, продуктах и прочем, причем Баренс не упустил случая рассказать несколько необычайных случаев о виденной им колоссальной величины спарже, о гигантских кочнах капусты и вызвался затем помочь хозяйке справиться с нарезанием салата в огороде. После их ухода, Гарпер и Мэриан остались одни.

Давно уж мечтала молодая девушка потолковать по душам с симпатичным дядюшкой Брауна об их общем дорогом «друге» и узнав, что Гарпер придет раньше других, прямо сгорала от нетерпения поскорее увидеть его, и теперь, когда он оказался рядом, когда наступила минута начать желанный, мучительно-приятный для нее разговор, волнение охватило ее. Мэриан чувствовала, как сердце ее сжимается от тревоги, и давно обдуманное слово не идет с уст, еще более смущалась и молча стояла

перед Гарпером, тоже не решавшимся затронуть щекотливую тему.

Однако, чувствуя настоятельную необходимость так или иначе заговорить о Брауне и полагая, что разговор о пустяках и невозможен, и неуместен, Гарпер поборол чувство неловкости и в замешательстве начал довольно бессвязно.

— Итак, мисс Мэриан, вы выходите замуж! Ваши родители выбрали вам хорошего жениха, простите, вы выбрали... нет, я хотел сказать, что мистер Роусон очень почтеннейший джентльмен. Итак, мисс Мэриан, вы выходите замуж, и я уверен, что составите счастье вашего будущего мужа... Я очень огорчен... простите, я не то хотел оказать... да, я очень рад, что вы выходите замуж. Браун лучше пускай утешится как-нибудь! Это не беда... он еще очень молод. Ну, да пусть все будет так, как желают ваши родители. У Брауна теперь на руках серьезное дело: он командир регуляторов. Знаете, он поклялся во что бы то ни стало отыскать убийц Алапаги и Гитзкота. Если ему удастся это, мы, да и вся округа должны будем сказать ему большое спасибо. Не легко поймать этих мерзавцев!

— Сам мистер Браун не виновен ни в чем, не правда ли? — с тревогою в голосе спросила Мэриан.

— Он виновен? — весь вздрогнув, переспросил Гарпер. — Надеюсь, что вы не думаете так? Да скоро и все убедятся в его правоте. Я мог бы еще допустить, что мой племянник при своем вспыльчивом характере пошел на убийство, но раз дело коснулось кражи, то я сразу и бесповоротно решил, что он, мой дорогой Билл не мог ее совершить. Нет, нет, Браун невиновен и в убийстве! Скоро, к счастью, все выяснится!

— Регуляторы сегодня для этого и собираются?

— Да, но усилий одних белых оказывается недостаточно. Тут нужен человек похитрее и поопытнее их. Ассовум, так долго вертевшийся у нас на глазах, вдруг куда-то исчез, и о нем нет ни слуху ни духу. А именно такой человек и нужен теперь регуляторам. Будь краснокожий здесь, все пошло бы удачнее!

— Недавно мистер Роусон говорил нам, что поспешное исчезновение индейца наводит невольно на некоторые подозрения!

— Ого, как он скор на подозрения! — недружелюбно произнес старик. — Лучше бы, в таком случае, он их не

высказывал. Даже индейца нельзя заподозрить в этом гнусном преступлении без основательных причин. Знаете ли, мисс Мэриан, я готов дать голову на отсечение, что краснокожий тут ни при чем!

— А что, мистер Браун не отказался от намерения отправиться в Техас? — спросила Мэриан, не желая отвлекаться от интересовавшей ее темы разговора.

— К сожалению, нет! — с печальным вздохом ответил Гарпер. — Несмотря на все мои уговоры, он отвечает упорным отказом, и теперь мне придется в одиночестве коротать остаток жизни!

— О, мистер Гарпер! — с сочувствием воскликнула молодая девушка, хватая его за руку. — Простите мне, что я стала невольной причиной этой разлуки!

В голосе Мэриан слышались слезы, выражение ее лица было так печально, что старик не решился ни в чем упрекнуть ее, несчастную жертву долга и чужих расчетов. Он привлек ее к себе, нежно поцеловал в лоб и произнес:

— Полно, дитя мое! Никто не думает упрекать вас. Я знаю, как тяжела вам эта разлука. Но что делать! Пожалуй, и лучше, что дело приняло такой оборот. Не падайте только духом, дорогое дитя!

Много усилий потребовалось Гарперу, много горя и бедствий хлебнувшему на своем веку, чтобы удержаться от слез при виде неумемной печали прекрасной девушки которая, при иных обстоятельствах, могла бы осчастливить его Вильяма!

К счастью, в эту минуту в комнату вошли возвратившиеся с огорода миссис Робертс и Баренс. Гарпер усилием воли взял себя в руки и встретил их уже совершенно спокойно. Миссис Робертс смеялась над рассказами о невероятных происшествиях, которыми так и сыпал Баренс, однако было заметно, что она смеется больше из вежливости, на самом деле находя подобное бесстыдное вранье даже грехом.

Тем временем под окнами раздавался топот лошадей, и к дому подъехала Эллен в сопровождении слуги мулата.

Обе девушки, давно уже подружившиеся между собою, радостно бросились друг другу в объятия. Миссис Робертс тоже приветливо встретила Эллен, тем более что знала, со слов Роусона, об отвратительном отношении жены Аткинска к очаровательной девушке.

Баренс хорошо знал вновь прибывшую, Гарпер же даже никогда не видал ее.

Эллен, поздоровавшись с гостями, осведомилась у своей подруги, не опоздала ли она, и просила извинения за поздний приезд, объясняя его задержкой дома.

— Все равно, дорогая моя, — успокоила ее хозяйка, — часом раньше, часом позже — разница не велика. Спасибо за то, что не забыли нас! Завтра мы вместе отправимся в дом, где будут жить молодые. Там, вероятно, многого не хватает, и нам изрядно придется похлопотать. Да оно иначе и быть не может: бывший хозяин этого дома — холостяк, где же ему было содержать его, как следует. Потом мы поедem к судье, где мистер Роусон произнесет проповедь, а потом состоится и обряд венчания. По окончании церемонии мы все отправимся в дом молодых, где вы, моя милая, надеюсь, проведете недельку-другую, не так ли?

После сообщения о важнейших событиях хозяйка перевела разговор, не менее важный для нее и интересный для слушательниц, о предстоящем торжестве, о приглашенных гостях и угощении. Миссис Робертс пока была недовольна только тем, что так долго не возвращаются мистер Роусон с ее мужем. По ее просьбе Баренс взял рог и трижды протрубил. Вскоре в лесу раздался протяжный ответный звук, а затем донесся крик самого Робертса.

Спустя несколько минут показались и оба всадника, галопом скакавшие к дому, в сопровождении целой своры радостно визжавших и лаявших собак.

Глава IX

СОБРАНИЕ РЕГУЛЯТОРОВ. ХИТРОСТЬ ПРОТИВ ХИТРОСТИ

Приезжие наполнили дом Баренса, выбранный местом собрания регуляторов. Их собралось так много, что все не могли поместиться внутри, и часть расположилась на лужайке под открытым небом. В самом доме царил невообразимый хаос и суета. Две здоровые негритянки-служанки еле успевали справляться, готовя и подавая кушанья проголодавшимся фермерам, с раннего утра со-

бравшимся сюда. Посередине комнаты на толстой палке висел над огнем большой котел с ключом кипевшей водой, а кругом были расставлены бутылки с виски и ромом для приготовления кулиса — любимого местного напитка.

Несмотря на обильные, по-видимому, возлияния, совершаемые собравшимися, отдававшими должное запасливости хозяина, на всех лицах была видна серьезная решимость и сознание ответственности за взятые на себя обязанности. Пока большинство хранило молчание или разговаривало вполголоса. Собрание должно было происходить на лужайке под громадным вековым дубом, широко раскинувшим узловатые ветви мощной кроны.

Вскоре отдельные группы фермеров стали сливаться в одну, общую, обступившую оратора, говорившего убедительно и горячо. Оратор, канадец по происхождению, сделал сенсационное сообщение о своих исследованиях, по которым оказалось, что следы лошадей шли по направлению к ферме Бариля и исчезли мили за три до его дома.

К концу речи прибыл Браун с Куком и Джонсом. Тут же находился и Гарфильд, со вниманием прислушивающийся к речи, как человек, наиболее заинтересованный в установлении истины. Джонс, послушав немного, вдруг спросил оратора:

— Скажите, пожалуйста, не было ли между украденными белой лошади с одной черной ногой?

Канадец утвердительно кивнул головой.

— Черт возьми! — закричал Джонс. — Да ведь тогда выходит, что я видел ваших лошадей! Разрази меня гром, если я лгу!

— Где вы их видели? — заинтересовался канадец.

— Милях в пятнадцати отсюда, близ того места, где сливаются Мамель и Фурш Лафав. Они попались мне навстречу прошлой ночью.

— В каком направлении их вели? — с беспокойством спросил канадец. — По большой дороге или...

— Их гнали по большой дороге. Они спускались по склону горы, а я поднимался на него! — быстро отвечал Джонс.

— Сколько при них было людей? — следовал вопрос за вопросом без перерыва.

— При табуне, насколько позволяла мне различить темнота, был всего один человек. Так, по крайней мере, мне показалось!

— Чудесно! — воскликнул живо канадец. — Это были мои лошади. Один из пограничных фермеров также видел их, но так как они были далеко от него, то он не мог разобрать, сколько там было людей! Не можете ли вы указать мне, где я могу найти следы их?

— О, это будет очень трудно! Пожалуй, дождь и ветер уже изгладили их! — нерешительно сказал Джонс. — Во всяком случае, посмотрите на этом берегу реки, около холмов...

— Прекрасно! Благодарю за указания. Немедленно же примусь за розыск. Пока до свидания, друзья мои!

С этими словами канадец быстро подошел к своей лошади и уже занес ногу в стремя, когда Браун дернул его за рукав:

— Не торопитесь, пожалуйста, мой друг! Мне кажется, что полученные вами сведения довольно неточны и сбивчивы. К тому же лошадь ваша выглядит такой истомленной, что все равно скоро не поскачет. Через час, если вы все-таки захотите ехать, я обязуюсь дать вам свою лошадь, которая поможет вам наверстать потерянное время. Оставайтесь, прошу вас!

— Но если за это время воры успеют переправиться через Арканзас?

— Полноте! Через Арканзас ходят всего два парома, да и то редко!

Бариль слышал, как Браун уговаривает канадца остаться, и по выражению лица понял, что делает это далеко неспроста. Он тут же присоединился к уговорам и предложил канадцу подкрепиться завтраком перед дорогой

Предложение Бариля более убедило канадца, чем уговоры Брауна, и он, заявив, что с утра ничего не ел, с такой жадностью набросился на завтрак и виски, что негритянки только диву давались.

— Джентльмены! — громко произнес Браун, обращаясь к присутствующим. — Позвольте вам представить этого господина, — указал он на Джонса, — рекомендованного мне мистером Роусоном как его друга и тоже регулятора штата Миссури. Мистер Джонс выразил желание ознакомиться с деятельностью регуляторов нашего округа и, если окажется возможным, завязать постоян-

ные сношения между нами и ими для пользы общего дела! Мне кажется, что он уже достаточно зарекомендовал себя с хорошей стороны, сделав важные указания относительно кражи лошадей. Согласны ли вы принять его в свою среду?

— Да, да, согласны! — раздалось со всех сторон.

Воспользовавшись тем, что вокруг нового регулятора образовалась толпа знакомившихся с ним, Браун отвел Кука в сторону и сказал:

— Хорошенько наблюдайте за этим, господином! Он — один из грабителей. Тс! Не подавайте вида, что знаете об этом. Сообщите об этом незаметно Вильсону. Держите наготове револьвер. Необходимо постараться удалить отсюда негров: некоторые из них кажутся мне подозрительными!

— Выходит, он врал, что видел лошадей?

— Тс! Он смотрит сюда! Скоро все выяснится, предупредите поскорее Вильсона и постарайтесь удалить негров!

Тем временем регуляторы опять распались на отдельные группы. Джонс беседовал с канадцем об украденных лошадях, сидя под деревом. Вскоре Кук подошел к Брауну и шепнул:

— Негров никак не удастся удалить. Ну да я позабочусь, чтобы они нам не помешали!

— Говорили вы с Вильсоном?

— Да, все исполнено. Вот получится неожиданный эффект!

В это время к Брауну подошел Гарфильд с просьбой начать совещание и поспешить с решением намеченных вопросов. Молодой командир и ему сообщил свои подозрения относительно Джонса.

— Что же вы намерены предпринять? — спросил тот.

— Скоро узнаете. Я боюсь только присутствующих здесь негров. Мне кажется, что некоторые из них подкуплены конокрадами!

— Действительно, — кивнул Гарфильд, — мне и самому показалось, что этот хитрец делает какие-то знаки одному из них. Приготовьтесь связать этого негодяя по сигналу, когда я подойду к вам и сниму шляпу. А теперь, чтобы не возбуждать подозрений, разойдемся!

После этого Браун, как командир местных регуляторов, открыл совещание. Стоя на пне, он сказал речь, в которой определил главную цель сегодняшнего собрания. В заключение он поставил на голосование вопрос о том, применять ли закон Линча и предавать ли смертной казни любого виновного, решив его судьбу большинством голосов.

Единодушное «да» было ответом.

Между тем Браун заметил, что Бариль, поговорив с двумя молодыми людьми о чем-то, отошел, причем один из них сел на поваленный ствол дерева и взял винтовку, как бы проверяя курок, а другой взял под уздцы лошадь, точно собираясь сесть на нее.

— Отчего это, маса, — обратилась к первому негр-тянка, — вы не слушаете, о чем говорят другие белые господа?

— Но, милая моя, этого нельзя делать всем. Кто-нибудь да должен стоять на карауле!

— Так маса караулит двери кухни? — рассмеялась негр-тянка. — А что делает ваш товарищ?

— Ах, какая ты любопытная! Неужели тебе нет другого дела, как ухаживать за моим приятелем?

— Что вы, маса! Вы гораздо красивее его! — сказала со смехом негр-тянка, бросая кокетливый взгляд на молодого человека.

Исполняя возложенное на него поручение — отвлечь внимание негров, регулятор принялся развлекать их.

Тем временем Браун вновь обратился к регуляторам с речью, в которой еще раз подчеркнул настоятельную необходимость тем или иным путем избавить страну от убийц и грабителей, из-за которых ни один фермер не может спокойно лечь спать, не тревожась за сохранность своего имущества и даже за собственную жизнь. Молодой предводитель убеждал своих товарищей не падать духом вследствие первоначальных неудач розысков, говоря, что правое дело всегда найдет себе поддержку у Небесного Судьи, и что злодеяниям, как бы они ловки и хитры ни были, будет положен конец. Стоит только неустанно, все с той же энергией идти по намеченному пути.

В этот момент к Брауну приблизился Гарфильд и, сняв шляпу, стал вытирать пот со лба. Браун, поняв, что настало время действовать, сказал:

— Так, друзья, благодаря помощи Всевышнего мне удалось раскрыть важную тайну. Мы теперь на верном пути! Пришло время сорвать с волка овечью шкуру. Мужайтесь, друзья мои!

— Что, что такое? — раздалось со всех сторон. — Что вы узнали, Браун? Где волк, с которого нужно сорвать личину?

Джонс, стоявший неподалеку, прислонясь к дереву, встревожился, хотя в душе еще надеялся, что его план удался. На всякий случай он бросил проницательный взгляд в направлении дома, подыскивая путь к бегству, как вдруг встретился с пристальным взглядом Кука. Тот подошел к нему и негромко спросил:

— Ну, что, как вы находите речь нашего предводителя? Думаю, что вам будет что рассказать своим товарищам в Миссури. Не правда ли?

— Да, речь превосходна! — ответил тот с некоторым замешательством. — Только... на кого это намекает мистер Браун? Хотел бы я знать...

В это время он повернулся в другую сторону и увидел стоявшего невдалеке Вильсона. Это окончательно смутило разбойника.

— Так я хотел бы знать... кого конкретно имеет в виду мистер Браун... к сожалению, я плохо знаком с здешними фермерами...

— О, вы очень скоро перезнакомитесь со всеми! — воскликнул Кук. — Но послушаем, о чем будут говорить дальше!

— Сейчас узнаете, господа, что мне удалось выяснить! — говорил тем временем Браун. — Я случайно узнал, что существует одно милое общество, члены которого, даже не будучи знакомы друг с другом, узнают, что они сообщники одного и того же дела...

— Вам чего-нибудь угодно? — спросил Кук Джонса, собиравшегося пробраться подальше отсюда к дому.

— О, не беспокойтесь, пожалуйста! — пролепетал Джонс. — Мне просто хочется пить. Я тотчас вернусь!

— Эй! — крикнул Кук так громко, что все присутствующие обернулись в его сторону. — Стакан воды мистеру Джонсу!

Браун также посмотрел в их сторону и заметил, как смертельно побледнел попавшийся разбойник. Тем не менее он хладнокровно продолжал:

— Господа, вот пароль, по которому узнают друг друга эти мерзавцы: «Далеко ли находится Фурш Лафав?», «Хороши ли окрестные пастбища?», «Дайте мне стакан воды»!

Осушив залпом поданный негритянкой стакан воды, Джонс пролепетал ей на ухо несколько слов, и та, скрывшись на минуту в доме, вышла оттуда с корзинкой маиса. Она подошла к лошади Джонса, закинула ей поводья на шею и стала кормить. Сам Джонс, видя себя окончательно изобличенным, сунул руку за жилет, нащупал рукоять ножа и приготовился к бегству. Кук и Вильсон внимательно наблюдали за ним и за негритянкой.

— Слушайте, — продолжал Браун. — Вчера я провел ночь у Аткинса и убедился, что он тоже член этой шайки.

Глухой ропот пронесся в толпе регуляторов.

— Но это не все! — гремел Браун. — Подлый грабитель, прикрывшийся честным именем регулятора, проник в наше собрание — вот он!

Регуляторы обернулись в сторону Джонса. Тот выхватил нож и ринулся сквозь толпу, размахивая им. Испуганные дерзким неожиданным нападением, регуляторы попятились, но Вильсон не дремал. Железной рукой схватил он Джонса за кисть, а другой хватил его кулаком по голове. Мошенник покатился по земле, извиваясь от боли и стараясь вырваться из рук Вильсона, но тот держал его, как в тисках.

— Ловите вон того негра! — закричал Браун, увидя, как белая куртка мелькнула меж кустов.

По-видимому, один из негров решил поскорее улизнуть отсюда и предупредить соучастников о случившемся. Однако скрыться ему не удалось. Какой-то фермер мигом вскочил на лошадь и поймал его прежде, чем он успел добежать до леса. Обе негритянки после этого и не думали сопротивляться. Всех троих немедленно заперли в хижине и приставили к ней часовых.

Регуляторы, поняв всю серьезность положения, быстро и сноровисто выполняли приказания командира. Джонса с крепко завязанными назади руками привели в круг и поставили к дереву. Раздавались уже голоса, требовавшие немедленного повешения негодяя, но Браун воспротивился:

— Подождите, джентльмены, повесить его мы всегда успеем. Сначала нужно изловить более виновных, например Аткинса!

— Выходит, негодяй лгал, утверждая, что видел моих лошадей! — закричал разъяренный канадец.

— Напротив, — возразил Браун, — он их видел, так как сам же их и украл; лошади ваши сейчас у Аткинса!

— Так идем туда немедленно, — предложил Гарфильд, — и накроем подлеца с поличным! Быть может, и мои лошади там!

— Сейчас отправляться туда не стоит, — возразил Браун. — За время своего пребывания на ферме Аткинса, я узнал, что у него существует какой-то тайник, куда он и прячет на время украденных лошадей, и поверьте, мы не найдем его!

— Найдем! Обшарим все окрестности!

— Ну, и что выйdet? Вы найдете лошадей, а доказательств виновности Аткинса не будет! Мало ли куда могут забрести заблудившиеся лошади?! Хозяин фермы, около которой они будут найдены, не виновен: они ведь у него не в конюшне и не во дворе!

— Все равно! Раз мы найдем лошадей около фермы Аткинса, это нам послужит явным доказательством его виновности. Тогда вздернем его на первом суку, и делу конец!

— Не забывайте, что Аткинс редко, или почти никогда, не выходит из дому, следовательно, у него должны быть помощники. Их-то нам тогда уж наверняка не поймать!

— Так что же делать? — раздались вопросы.

— Господа, — сказал Гарфильд, — у меня возникло еще подозрение относительно Джонсона. Основанием к тому является его появление с неизвестными нам лошадьми во время погони за конокрадами и близкое соседство с Аткинсом. Впрочем, наш командир, с таким искусством проникший в хитрости мошенника, несомненно составил уже какой-нибудь план поимки их, пусть он поделится с нами, а мы послушаем. Не так ли, Билл?

— Я готов сообщить вам свой план, — согласился Браун, влезая на пень, чтобы его могли услышать все. — Вот как я намереваюсь поступить. Кто-либо, совершенно неизвестный Аткинсу, явится к нему, назовет пароль и предложит спрятать лошадей. Заручившись согласием,

он приведет лошадей в тайник Аткинса и подаст нам сигнал. Дальше все просто!

— Но где мы возьмем человека, которого бы не знал Аткинс? — спросил Вильсон.

— А канадец, например? — предложил Браун.

— Что вы, да я вчера был у него! — ответил тот.

— А зачем вы туда пошли?

— Я справлялся у него, не видел ли он моих лошадей!

— И что же он вам ответил?

— Ответил, что и в глаза не видал!

— Солгал, негодяй: лошади у него! Однако это не меняет дела, вам к нему идти нельзя! Кирнер, видел вас когда-нибудь Аткинс?

— Эк спохватились, — ответил тот, — да я с ним знаком чуть не пять лет!

— А вас, Джонкинс?

— Ну, моя физиономия ему больше чем знакома!

— А вас, Вильямс?

— Он меня знает так же хорошо, как и вас, мистер Браун!

— Вот беда! — огорчился Браун. — Про остальных и говорить не приходится: он всех прекрасно знает. Нужно, волей неволей, изменить первоначальный план!

— Погодите-ка! — радостно воскликнул Кук. — Решение найдено! Задержка на два-три дня не принесет старику особенных убытков, а семью мы возьмемся кормить на свой счет!

— О ком вы говорите? — заинтересовались регуляторы.

— Заметили ли вы, Вильсон, повозку, проезжавшую утром мимо вашей фермы? — спросил Кук.

— Я со вчерашнего вечера не был дома! — ответил тот.

— Видите ли какая штука, — сказал Кук, — здесь недавно проезжал переселенец из штата Теннесси, с женой, двумя дочерьми и тремя сыновьями. Он или его старший сын с успехом могут выполнить наше поручение: ни того, ни другого Аткинс конечно не видал. Чего же лучше?

— Вот и прекрасно! — подхватил Вильсон. — Садитесь-ка на лошадь, Кук, и скачите за переселенцами. Надеюсь, они не откажутся помочь нам!

— Значит, дело слажено! — воскликнул Куртис, удовлетворенно потирая руки. — А что делать с негра-

ми? Один уже пытался удрать из хижины. Если ему это удастся, он немедленно же донесет обо всем Аткинсу!

— Конечно, они способны на это! — сказал Браун. — Связать их тотчас же и запереть в дом, а вокруг расставить часовых!

— А негритянок тоже связать?

— Ну, их можно и не связывать, а просто держать под присмотром!

— У меня для негра найдется прекрасная веревка под кроватью, — сказал Бариль. — А хорошо ли стерегут Джонса?

Он отправился к тому дереву, под которым поставили пленника, как вдруг связанный, каким-то способом освободившись от веревок, вскочил и бросился в лес. Пораженный такой неожиданностью, Бариль остановился в замешательстве. Однако Вильсон, продолжавший присматривать за разбойником, бросился за ним в погоню и, догнав через несколько секунд, свалил на землю ловким ударом кулака по затылку и, несмотря на то, что Джонс оборонялся и ногтями, и зубами, снова крепко связал его.

Тем временем Кук оседлал свою отдохнувшую лошадь и, распрощавшись с товарищами, отправился вдогонку за переселенцами.

Ферму Баренса и все шедшие от нее дороги и тропинки были взяты под наблюдение часовыми с заряженными ружьями, чтобы никто не смог выбраться отсюда и сообщить кому бы то ни было планов регуляторов. Часть регуляторов прилегла вздремнуть на траве, часть уселась в кружок, беседуя о событиях настоящего дня и ближайшего будущего, а некоторые отправились присматривать за освобожденными негритянками, которых заставили готовить обед оставшимся.

Х

ВОЗВРАЩЕНИЕ С СОБРАНИЯ

В пустынных лесах и прериях Дикого Запада, где недавно появившиеся белые переселенцы строят свои фермы нередко на громадных расстояниях друг от друга, выбирая наиболее удобные и легкие для обработки уча-

стки, соседская помощь и участие служат как правило единственным средством борьбы пионеров с различными невзгодами и бедствиями, как стихийными, так и частными. Лишенному физической и нравственной поддержки фермеру в одиночку попросту не выжить. Поэтому-то все окрестные жители, при малейшей надобности, стараются оказать посильную помощь своему попавшему в беду соседу, зная наперед, что не сегодня-завтра им самим потребуется такая же помощь, и что нравственно обязанный сосед не задумываясь, в свою очередь поможет по мере сил и возможностей.

Этим только и можно объяснить, что переселенцам, живущим от соседей на расстоянии нескольких километров, удавалась расчистка под пашню девственной почвы, очистка ее от лесных великанов и пней, постройка жилища из гигантских толстых бревен, несмотря на то, что рабочую силу вся семья такого переселенца представляла прямо микроскопическую по сравнению с объемом работ. Все делалось руками соседей, собиравшихся сюда за десятки верст, и притом совершенно безвозмездно.

По мере того как хозяйства налаживались, переселенцы начинали заводить слуг — надобность в таких размерах помощи все уменьшалась и требовалась разве что при совместной охоте да при случаях массовых конокрадств и убийств, с которыми фермеру в одиночку тоже справиться не удавалось.

Теперь основным связующим звеном между фермами становились женщины, знания которых по домоводству и скотоводству частенько нуждались в подкреплении опытом со стороны соседок. Беспрестанно жены фермеров верхом преодолевали быстрым галопом, не хуже мужей и братьев, большие расстояния за какой-нибудь справкой. Был и еще один повод не разобщаться. В этих пустынных местах, где не только докторов, но и коновалов-то нельзя было сыскать ни за какие деньги, врачебная помощь и хоть кое-какие познания ценились на вес золота. Правда, взрослое население Запада редко нуждалось в медицинской помощи, но дети частенько страдали и от нечистоплотности, и недостаточного ухода. В таких-то случаях болезни ребенка и собирался целый консилиум соседок, являвшихся к матери больного дитяти каждая с каким-нибудь советом и рецептом.

Такой именно случай произошел в семье Аткинсов. Хотя миссис Аткинс за свой сварливый нрав и нелюдность и не пользовалась особыми симпатиями, однако жены окрестных фермеров, узнав, что ее ребенок тяжело захворал, оставили личные счета в стороне и явились с различными мазями, солями и порошками.

Было уже около полудня, маленький страдалец заливался криком, а дамский консилиум все совещался, не приходя ни к каким результатам. Кто советовал накладывать компрессы, кто — пустить кровь, и так далее. Давали ребенку каломель¹, излюбленное их средство, и еще какие-то сиропы в таком количестве, что и взрослый бы не мог проглотить.

Как раз в это время по дороге от фермы Бариля к Аткинсу ехали три всадника, внимательно изучавшие каждую извилину дороги, каждый холмик, каждую тропинку.

Когда они поднялись на вершину холма, впереди на пригорке показался четвертый верховой и, размахивая шляпой, поскакал им навстречу.

— Эй! — закричал он еще издали. — Чего вы тащитесь, как на похоронах? Я загнал свою лошадь, рассчитывал переменить ее на другую у Бариля и поехать с вами. Неужели не могли меня дождаться? Ведь переселенец не стал бы ждать меня на оседланной лошади на большой дороге, чтобы по первому знаку скакать за мной!

— Конечно, он не ждал вас, но говорите скорее, догнали вы его? Соглашается ли он на ваше предложение?

— Неужели вы думаете, что он мог бы отказаться? — спросил Кук, равняясь с встретившимися товарищами. — Это дало бы повод подумать о нем не слишком хорошо!

— Так он едет за вами, что ли?

— О, господа, — сказал Вильсон, — неужели вы сразу не видите по физиономии Кука, что ему удалось выполнить поручение как нельзя лучше?

— Совершенно верно! — отозвался тот с довольной улыбкой. — Мистер Стефенсон со своим старшим сыном и тремя лошадьми скоро будет здесь!

¹ Каломель — хлорид ртути; применяется в медицине как противомикробное средство и как слабительное.

— С тремя? Надеюсь, не считая той, на которой сам сидит?

— Конечно! Какой же конокрад поедет на краденой лошади? — изумился Кук. — Да вы, Браун, оказывается новичок в этом деле! Конокрад никогда не ездит на одной и той же лошади больше недели и в большинстве случаев предпочитает ходить пешком. Собственная лошадь — слишком большая роскошь для конокрада! Однако что же мы предпримем дальше? Каков ваш план?

— А разве Гарфильд ничего не рассказывал вам?

— Нет, он, вероятно, предоставил вам сделать это. Лентяй попросту валялся под деревом и не проронил ни слова!

— Но он сообщил по крайней мере, что Куртис и вы проведете сегодняшнюю ночь у Аткинса?

— Это-то он сказал, а еще что?

— А где переселенец?

— Направился к Барилю. Сначала Стефенсон с восторгом принял наше предложение: ведь он, кстати, оказывается, и сам был регулятором у себя в Теннесси. Однако нам немало пришлось повоевать с его женщинами, пока те согласились его отпустить со мной. Раз в округе такая уйма грабителей, говорили они, то мужчины должны оставаться дома и стеречь имущество. Порешили на том, что мы оставим им двух младших мальчишек, вооруженных ножами и пистолетами. Затем мы во весь опор поскакали к Барилю. Ну, так каков же ваш план?

— План самый простой! — ответил Браун. — Как зовут теннессийца?

— Стефенсон.

— Ну, так пусть Стефенсон останется у Бариля до ночи, а вы с Куртисом отправитесь к Аткинсу и под каким-нибудь предлогом останетесь у него до ночи. Я же с Вильсоном только проеду мимо.

— Так какого рожна вы подались сюда? Сидели бы себе у Бариля!

— Это мы сделали для отвлечения подозрения у Аткинса. Пусть он думает, что мы, вполне мирно настроенные, разъезжаем по домам! — сказал Вильсон. — Увидя же Брауна в Фурш Лафаве, возвращающегося прямо домой, он подумает, что собрание кончилось ничем.

— А потом куда вы денетесь?

— Заедем к Вильсону, оставим там лошадей и вернемся сюда уже пешком.

— Особенно остерегайтесь шпионов! — наставительно сказал Кук. — Я своим соседям, например, не поверил бы ни на грош. Смотрите, не возбудите подозрений.

— О, для отвода глаз мы захватим карабины и отправимся к Соленой луже, которая находится недалеко от моего дома!

— Так, так! Ну а что будут делать остальные?

— Вильсон, прекрасно изучивший ферму Аткинсов, кажется, догадался, где находится тайник. Тростниковая заросль, тянущаяся от дома до Фурш Лафава, очевидно, служит прикрытием этого убежища, куда проникнуть прямо-таки невозможно. По крайней мере Геккер, охотившийся в этих местах, по его словам, не сумел достать убитую им утку, упавшую, как он сам видел, неподалеку. Там нагромождено множество выкорчеванных пней.

— А сколько нас будет всего?

— Восемнадцать человек. Вполне достаточно!

— Что же мы скажем Аткинсу, когда он спросит нас о Джонсе?

— Куртис уже придумал ответ. Не сбейтесь, смотрите! Вы скажете, что Джонс уехал с Гарфильдом на собрание регуляторов в Литл Джен.

— И вы думаете, что он поверит этому?

— Почему же нет? Он подумает, что Джонс сделал это нарочно, чтобы отвлечь подозрения от этих мест и увести подальше регуляторов нашего округа. Когда услышите резкий свист, знайте — это наш сигнал. Тогда сразу же постарайтесь овладеть всем оружием Аткинса: нужно во что бы то ни стало избежать лишнего кровопролития!

— А что нам делать с соседками, приехавшими к Аткинсу на ферму? Ведь они и теперь еще торчат там.

— Конечно, они — порядочная помеха. Но не обращайтесь на них никакого внимания. Они, вероятно, расположились в левой пристройке дома, следовательно, особенно помешать нам не смогут.

— Не лучше ли будет свисток заменить ружейным выстрелом?

— Выстрел среди ночи? Да вы с ума сошли! Этим мы всех поднимем на ноги!

— А вы не забыли о мулате Аткинса? Он кажется мне очень подозрительным и безусловно посвящен во все делишки своего хозяина. Если ему удастся бежать и если в окрестностях скрываются другие члены банды, то он как пить дать призовет их на помощь к своему хозяину!

— О, об этом не беспокойтесь, мы расставим часовых на всех тропинках, — заметил Куртис, — так что ему вряд ли удастся проскользнуть незамеченным.

— Ну а вдруг он побежит лесом? Что вы тогда с ним сделаете?

— В таком случае нам, конечно, не удастся поймать его, хотя, я думаю, едва ли он изберет этот путь, да еще в глухую ночь, к тому же, раз главный виновник будет у нас в руках, мы сумеем заставить его назвать своих сообщников.

— Итак, за дело! — воскликнул Кук. — Нам нет резона торчать здесь, на холме, на виду у всех, не то нас выследят, и все пойдет прахом. Как жаль, что Ассовума нет, он был бы в данное время просто незаменим. Вероятно, его задерживают какие-нибудь очень важные дела. Что за причина, что он исчез так неожиданно, не сказав никому ни слова?

— Мулинс уверял, что видел его вчера вечером в лесу! — сказал Куртис. — Индеец тотчас же скрылся, и хотя Мулинс во все горло кричал и звал его, он не появился.

— Я так и предполагал, — сказал Браун, — что Ассовум бродит где-нибудь поблизости. Он ведь взял с меня слово, что я не покину этих мест, пока Алапага не будет отомщена. Впрочем, я думаю, что он сам снимет с меня заботу о наказании ее убийцы.

— Вскоре это все выяснится. Во всяком случае, мы не должны медлить из-за краснокожего. Он, если хочет, в любой момент может присоединиться к нам.

После этого всадники прищипорили своих отдохнувших лошадей и поскакали к ферме Аткинса. Хозяин стоял около забора, видимо, поджидая их. При приближении их он вышел навстречу и приветливо поздоровался.

— Как здоровье сынишки, Аткинс? — спросил Браун.

— Очень плохо, — печально отвечал тот, — не пришлось бы мне его вовсе лишиться! А что, разве ваше собрание уже окончилось?

— Да, мы его уже прекратили. Скажите, соседки все еще у вас?

— Почти все остались! — отвечал с неохотой Аткинс, заинтересованный скорее результатами собрания, чем судьбою сына. — Расскажите-ка, к каким выводам пришли вы на собрании? Решили предпринять что-нибудь важное? Однако что же это я! — спохватился он. — Слезайте же с лошадей, джентльмены, и пожалуйста в дом! Быть может, у вас достаточно времени, и вы останетесь у меня ночевать?

— Благодарю вас, мистер Аткинс! — отозвался Браун. — Так как мой дядя гостит у Робертсов, то мне необходимо взглянуть, что делается у него на ферме, и позаботиться о скоте и лошадях. Простите, что я вынужден отказаться от вашего радушного гостеприимства!

— Ну, Браун как хочет, — заметил Куртис, — а я заночую здесь! Дома мне все равно нечего делать!

— В таком случае я составлю вам компанию, — подхватил Кук. — Конечно, в том только случае, если любезный хозяин разрешит мне это. У него и так хватает гостей...

— У меня найдется места для всех, не беспокойтесь пожалуйста! — любезно произнес хозяин. — Заходите, джентльмены, я сгораю от нетерпения послушать ваши новости. А куда девался мой вчерашний гость?

— Он с Гарфильдом поехал в Литл Джен. Ну, да об этом мы после расскажем вам, — заметил Куртис, — теперь самое лучшее, действительно, размять ноги!

С этими словами он расседлал свою лошадь, повесил седло на забор и распрощался с Брауном и Вильсоном, которые тотчас же поскакали дальше.

Войдя, по приглашению хозяина, в комнату, они увидели у камина какого-то молодого человека, которого хозяин представил им как своего двоюродного брата.

— Его зовут Уэстон, — сказал Аткинс. — Этот молодой человек прибыл в Фурш Лафав с намерением поселиться здесь, но предварительно думает пожить у меня несколько деньков, чтобы хорошенько осмотреться и выбрать подходящее место.

— Если я не ошибаюсь, — заметил Кук, обращаясь к Уэстону, — я уже имел удовольствие встречаться с вами!

— Кажется так, — смущенно отозвался тот. — Мне помнится, мы встречались с вами где-то на охоте!

— Да, да, я припоминаю! Возле хижины у верховьев реки.

— Вы сказали, что мистер Джонс поехал в Литл Джен, — сказал с тревогою в голосе Аткинс. — Не знаете, случайно, долго он там пробудет?

— Нет, — отвечал Кук, — он просил нас передать вам, если мы заедем сюда, что он приедет во всяком случае не позже послезавтрашнего утра.

— А разве там также устраивается собрание регуляторов?

— Да, на завтра там назначено собрание, и Гарфильд уговорил нескольких человек нашего округа отправиться туда вместе с ним.

— Но ведь, насколько мне помнится, вы собирались захватить несколько подозрительных человек и представить их суду! — сказал Аткинс. — Разве вы изменили свой план?

— Так, действительно, предполагалось раньше, — заметил Кук, садясь около камина и ставя на его решетку ноги, чтобы обсушить сапоги, — но среди нас возникли по этому поводу несогласия. Одни предлагали это, а другие не согласились, так что план наш, отвергнутый большинством голосов, пришлось отложить. На собрании было решено, что нельзя задерживать кого бы то ни было, не имея достаточно веских улик. Джонсу и Брауну очень не понравилось предложение некоторых членов, рекомендовавших подвергнуть строгому наказанию подозрительных личностей!

— Как, и Браун выступил против этого? — удивился Аткинс.

— Да. Тем не менее на будущей неделе мы соберемся снова, и тогда уже будут выработаны окончательные планы, иначе воры поднимут нас на смех! — простодушно заметил Кук.

— Уэстон, будьте добры позаботиться о лошадях господ, — сказал Аткинс, обращаясь к своему мнимому родственнику, — да не забудьте снять с забора седло. Затем зайдите к моей жене, она хотела о чем-то поговорить с вами.

Уэстон молча кивнул головой и вышел из комнаты. Сняв седло, он внес его обратно, затем обошел вокруг дома, но вместо того чтобы войти в конюшню, где стояли лошади, тихонько перескочил через забор и скрылся в лесу.

Глава XI

АССОВУМ И ДЖОНСОН. ПОКУШЕНИЕ

— Почему Уэстон так долго не идет? Куда он запропал там? — нетерпеливо говорил Коттон, большими шагами ходя по земляному полу хижины Джонсона. — Еще сегодня утром он должен был придти и рассказать, что решили проклятые регуляторы. Нет сомнения, что собрание уже давно кончилось, так чего же он не идет, черт бы его побрал! Право, такая жизнь мне становится невыносимой. Каждый день, каждый час дрожать за собственную шкуру, быть готовым ежеминутно попасться в ловушку, а затем подвергнуться суду Линча с его приятными последствиями! Нет, пора кончать с такой жизнью!

— Покончить с ней мы всегда успеем, — нехотя отозвался Джонсон, развалившийся на соломе в углу хижины, — но меня дьявольски прельщает предприятие, предложенное Джонсом. Оно завершится не позже будущей недели. Подумайте, ведь это даст нам не менее семнадцати лошадей! Право, из-за такой знатной добычи стоит рискнуть кое-чем!

— Но как же мы справимся с таким громадным количеством лошадей? — спросил Коттон. — Особенно, если к этому времени пригонит своих Уэстон. Нужно, чтобы все окрестные жители ослепли и оглохли, если вы хотите незаметно для них прогнать целый табун.

— Мы их поведем, конечно, не лесом! — отозвался Джонсон. — Уэстон уже сговорился с капитаном одного парохода, тот согласен принять на борт лошадей недалеко от форта Джибсона.

— Вот это великолепно! — возмутился его собеседник. — Да ведь этак мы сами отдадим себя в лапы регуляторов!

— Вы говорите глупости, почтеннейший! — захохотал Джонсон. — Регуляторы не решатся напасть на па-

роход, а где они возьмут для преследования другой? Ведь мимо форта пароходы не пропускают. Если же им и удастся достать какой-нибудь пароходишко, то мы во всяком случае раньше них доберемся до болот Миссисипи, а следовательно, и до острова. А затем поминай как звали!

— Хорошо, если все выйдет так, как вы говорите! — неуверенно произнес Коттон. — Но вот идет Уэстон. Послушаем, что он скажет?

В это время молодой человек перепрыгнул через забор и, войдя в хижину, плотно прикрыл дверь.

— Что случилось, Уэстон? — спросил тревожно Джонсон, приподнимаясь со своего ложа при виде бледности, покрывшей лицо авантюриста. — Говорите скорее! Неужели регуляторы...

— Нет, нет, — откликнулся тот, — их-то пока нам нечего бояться.

— Так в чем же дело? Чего вы перетрусили?

— Ассовум вернулся! — произнес Уэстон, в изнеможении опускаясь на стул.

— И больше ничего? — насмешливо спросил Джонсон, снова спокойно укладываясь на солому. — Если у вас нет более важных сообщений, то лучше совсем молчите, чем пугать людей всякими глупостями. Право, можно подумать, что за вами гонится отряд регуляторов! Ну, что произошло у них на собрании? Где Джонс?

— Джонс с Гарфильдом поехал в Литл Джен на собрание тамошних регуляторов. От приехавших к Аткинсу Кука и Куртиса я узнал, что регуляторы сегодня не приняли никаких решительных мер, так что в этом отношении все идет прекрасно. Что же касается краснокожего, то именно вам-то, Джонсон, и не следует относиться к этому столь легкомысленно. Вы прекрасно знаете, что между вами существуют личные счеты и что индеец с особенным старанием отыскивает вас.

— Меня? — с беспокойством спросил Джонсон. — Каким образом он мог отыскать мои следы, когда Гарфильд, со всеми своими приятелями гнавшийся за мною, не мог ничего найти?

— А вы проходили сегодня по тропинке, которая идет от хижины к ферме Аткинса? — спросил Уэстон.

— Да, и всего с полчаса назад. Но зачем же вам понадобилось это знать?

— Сейчас я шел по той же тропинке. Огибая какое-то свалившееся дерево, я услышал подозрительный шум. Сначала я подумал, что это медведь или какое-нибудь другое животное, но, к изумлению своему, увидел впереди себя индейца, нагнувшегося к земле и тщательно рассматривавшего дорогу. Избегнуть встречи было нельзя. Я пошел вперед, не думая скрываться от него. Тут я заметил, что индеец, находившийся всего шагах в пятнадцати от меня, прикладывал к ясным отпечаткам чьих-то ног рукоятку своего томагавка, очевидно, сверяя с чем-то. Наконец, он поднялся с колен, сделал угрожающий жест в направлении этой хижины и скрылся в лесу.

— Чьи же это были следы? — быстро спросил Джонсон.

— Ваши, — отвечал авантюрист, — по уходе краснокожего я рассмотрел их и убедился, что это точные отпечатки ваших ног!

— Отчего же вы не проследили индейца дальше? — спросил Коттон, тогда как Джонсон, пораженный сообщением товарища, стиснув зубы, в волнении заходил по хижине.

— Да, куда он направился? — спросил он, останавливаясь перед Уэстоном.

— Сначала я подумал, что выслеживать его опасно! — отвечал тот. — Но все таки решился, взобравшись на холм, узнать хотя бы направление, по которому он пошел. Вскоре я увидел, что за оврагом блеснул огонек. Очевидно, индеец разложил костер и расположился там на ночлег.

— А где это? — отрывисто спросил Джонсон.

— У подошвы холма, там, где последнею бурей вырвано много деревьев и повалено вдоль его склонов.

— Значит, там, где мы недавно убили дикую кошку?

— Да, там. Я заметил, что Ассовум расположился под выдавшейся вперед скалой, где, очевидно, рассчитывает укрыться от дождя!

— Ну, ему не долго придется укрываться там! — злобно прошептал Джонсон. С этими словами он схватил винтовку и начал заряжать ее.

— Что это вы собираетесь делать? — удивился Коттон.

— Раз навсегда свести счеты с краснокожим дьяволом! — гневно произнес Джонсон.

— По-моему, это и неосторожно, и бессмысленно! — возразил Коттон.

— Вы можете думать все, что вам заблагорассудится, но я не успокоюсь до тех пор, пока этот несчастный шпион не очутится на том свете!

— Во всяком случае, — попытался уговорить Джонсона Коттон, — не пускайте в дело винтовку! Выстрел ночью привлечет всеобщее внимание, а это нам повредит. Возьмите лучше стрелы, которые я обещался вам приготовить. Умеете стрелять из лука?

— Не хуже любого индейца! — с гордостью отвечал Джонсон.

— Ну-ка, попробуйте! — сказал Коттон. Он быстро взобрался по лестнице на чердак и принес прекрасный лук с несколькими стрелами. — Стреляйте вон в ту картофелину, что лежит на очаге!

Джонсон взял лук и отошел в противоположный угол хижины. Внимательно прицелившись, он спустил тетиву. Стрела, свистнув в воздухе, пронзила картофелину как раз в середине.

— Bravo! — в один голос воскликнули сообщники.

— Постарайтесь также удачно попасть в сердце краснокожего! — добавил Коттон.

— Я все-таки боюсь, что этим оружием можно только ранить человека, но не убить его, — в раздумье произнес Джонсон.

— Что вы плетете! — обиделся за свое оружие Коттон. — Достаточно ничтожной царапины, чтобы раненый в руку или хотя бы в палец, через пять минут превратился в безжизненный труп!

— Неужели этот яд так смертоносен?

— Я уверен в этом, как в самом себе!

— Господа, прошу вас, пощадите этого краснокожего! — с жаром воскликнул Уэстон. — Зачем проливать кровь совершенно безвинного человека? Нет, как хотите, но я вам больше не товарищ: пролить кровь человека — для вас все равно что убить оленя или медведя!

— Что за глупости! — иронически произнес Джонсон, рассматривая стрелы, которые держал в руке. — Вы рассуждаете как баба. Какое вам дело до того, что я намерен делать? Индеец должен умереть, и умрет, что бы вы там ни болтали!

— В таком случае это мое последнее свидание с вами! — решительно произнес Уэстон. — Пусть вы одни будете виновны в этом убийстве! Завтра же я воз-

вращаюсь в Миссури. Я сговаривался с вами воровать лошадей, но становиться участником убийств не намерен. Прощайте!

С этими словами Уэстон встал и собрался выйти из хижины.

— Стойте! — закричал Джонсон, загоразивая ему дорогу. При этом он, как бы нечаянно, направил концы отравленных стрел прямо ему к груди. — Вы, кажется, собираетесь нас предать?

— Караул! — в ужасе закричал Уэстон, отступая перед страшным оружием. — Помогите!

— О, черт бы вас подрал! — с досадою воскликнул Коттон, отталкивая в сторону Уэстона и становясь между ними. — Чего разорались? Вас режут, что ли?

— Ага, я понимаю, чего он кричит! — догадался Джонсон. — Он струсил отравленных стрел! Полно, Уэстон, зачем вы хотите покинуть нас?

— Во-первых, меня давно уже ждет Аткинс, а во-вторых, я не хочу стать свидетелем нового убийства. Но с чего вы взяли, что я хочу вас предать? Я просторываю с вами всякие сношения, но не намерен нарушать своей клятвы. В этом отношении вы можете быть совершенно спокойны!

— Тогда пожалуйста, дорога свободна! — произнес Джонсон, отходя от двери. — Но не думайте, что в случае предательства вам удастся укрыться от моей мести. Прощайте!

Молодой человек поклонился, быстро вышел из хижины, перескочил через изгородь и скрылся в густых кустах, окружавших дом.

— Нам, пожалуй, не следовало его отпускать, — заметил Джонсон, запоздало раскаиваясь в своей слабости, — я не доверяю ему. Что будет, если он предаст нас?

— По-моему, нам нечего бояться его, — возразил Коттон, — он слишком даже честен для наших предприятий!

— Ну, да черт с ним, мне пора идти: ночь уже наступает. Как хотите, но я захвачу с собой и винтовку. Не подействует яд, прибегну к свинцу! Если мне удастся застрелить Ассовума из карабина, и окрестные жители услышат выстрел, то пока они соберутся что-либо предпринять, я буду уже далеко.

— Делайте, как знаете; смотрите только не промахнитесь!

— О, не беспокойтесь! Только бы мне подойти к нему поближе, а уж там-то он от меня не увернется! А вы что намерены делать тем временем?

— Займусь приготовлением пунша, изрядная порция которого покажется вам довольно приятной после опасного похождения. Кончайте скорее с индейцем и немедленно возвращайтесь обратно!

— Да уж времени понапрасну терять не намерен! — ответил Джонсон, выходя из хижины и затворяя за собой дверь.

Ночь выдалась темной. Черное небо, покрытое низкими тучами, производило подавляющее впечатление. Поднявшийся ветер раскачивал вершины деревьев и с минуты на минуту грозил превратиться в настоящую бурю. Где-то в лесу завывали волки; филин, забравшись на густую ель, вторил этому зловещему завыванию. Все живое старалось укрыться, где могло.

Однако вышедший на свое страшное дело Джонсон остался доволен погодой. Чем сильнее завывала буря, чем непрогляднее была ночь, тем больше у него было шансов удачно выполнить задуманное. Сжимая винтовку, он внимательно вглядывался в окружающую тьму, не опасаясь, что шум его шагов может привлечь чье-нибудь внимание. Свист ветра, вой волков, шелест деревьев совершенно заглушали шаги, и Джонсон неслышно, точно тень, скользил меж стволов, больше не сомневаясь, что незаметно подберется к Ассовуму.

Вместо того чтобы идти кратчайшим путем, он решил спуститься в извилистое ущелье, так как в такую темень даже человек, с детства привыкший к лесу, не рискнул бы пробираться напрямик. Бандит, во избежание пореза концом отравленных стрел, обмотал их куском материи и подвигался вперед с величайшей осторожностью. Наконец он остановился, решив, что уже достиг своей цели.

В этом месте ущелье делало изгиб, а в нескольких шагах от поворота возвышалась скала, под уступом которой должен был находиться индеец. Джонсон, в полной уверенности, что его невозможно заметить, решил произвести разведку. Он стал неслышно карабкаться по древесным пням и камням спрятав винтовку в такое место, откуда ее легко можно будет достать в нужный мо-

мент. Приняв все меры предосторожности, негодяй, как змея, полз к скале, под которой укрылась его жертва.

Вдруг облегченный вздох вырвался из его груди: прямо перед ним у костра растянулся на земле Ассовум, не подозревая о грозившей ему опасности. Подперев голову рукою, индеец задумчиво смотрел на огонь.

Джонсон судорожно стиснул лук, наложил на него стрелу и стал выискивать на теле лежавшего удобное место для прицела. Между Джонсоном и Ассовумом было не более десяти шагов. Однако такого места, рана в которое была бы смертельна, не находилось.

Индеец, завернутый с ног до головы одеялом от дождя и росы, был защищен им, как броней. Толстая шерстяная ткань покрывала его всего, за исключением лба и части правой руки.

Разбойник решил было стрелять в лоб, и, будь у него в руках винтовка, он, не долго задумываясь, пустил бы пулю, но теперь он боялся, что стрела, задев за материю, потеряет силу, и яд не попадет в рану. Он колебался. Могучая фигура индейца внушала ему какой-то суеверный ужас, даже оставаясь беззащитной. Джонсон боялся, что индеец, даже раненный, вскочит и пустится за ним в погоню, и тогда ему крышка. Ассовум был таким образом завернут в одеяло, что стоило Джонсону отползти шагов на шесть вправо, и перед ним была бы открытая грудь ненавистного врага. Тогда, конечно, стрела прекрасно выполнила бы свое предназначение.

Внезапно сверкнула молния и ярко озарила всю местность. Деревья сильно закачались под напором налетевшего ветра и зашумели вершинами. Вслед затем снова все погрузилось во мрак.

Джонсон осторожно приподнялся и стал перемещаться правее. Но в эту минуту из-под его руки вырвался камень и скатился на дно ущелья. Разбойник так и замер на месте, припав к земле, чтобы не обнаружить своего присутствия. Прошло несколько минут. Он осторожно приподнял голову, желая узнать, услышал ли краснокожий неожиданный шум.

Падение камня действительно не ускользнуло от чуткого уха Ассовума. Он стал внимательно прислушиваться и, прикрываясь краем одеяла, окинул взглядом ближайшие окрестности, освещенные слабым светом костра. Од-

нако он не заметил Джонсона, скрытого тенью мощного дуба.

Новая молния привела убийцу в неописанный ужас, он заметил, что индеец прикрыл глаза рукою. Однако тотчас же краснокожий принял прежнюю позу, и Джонсон объяснил его жест инстинктивным желанием защитить глаза от яркого блеска. Подождав еще чуть-чуть, бандит отполз немного назад и остановился. Прямо перед ним лежал Ассовум, справа возвышалась скала, а вокруг была такая масса травы и кустов, что даже днем его невозможно было бы разглядеть.

Джонсон натянул лук и прицелился. Вдруг невольный крик ужаса вырвался из его груди: Ассовума не оказалось перед костром! Прежде чем разбойник успел опомниться от изумления, железная рука до боли сдавила ему плечо.

Джонсон так и присел на месте. Сердце его замерло от ужаса, когда он увидел свирепую физиономию своего врага с занесенным над его головою томагавком, блестящее лезвие которого отражало красноватый отблеск костра и казалось обогранным кровью.

Как громом пораженный ударом смертоносного оружия, рухнул негодяй на землю, не испустив ни звука.

Спустя несколько минут он очнулся, но горько было это пробуждение! Молния по-прежнему бороздила небо, удары грома не смолкали, деревья с треском ломались под напором бури, а он беспомощно валялся на земле, связанный по рукам и ногам, с заткнутым тряпкой ртом. Негодяй попался в западню, которую расставлял для другого.

Тщетно старался он освободить руки, тщетно со злобою бился в своих путах: он был связан умелой рукой, и все его усилия не привели ни к чему. Измучившись от бесполезных стараний освободиться, Джонсон с отчаянием снова опустился на землю и затих.

Весь ужас положения сразу стал ему ясен. Брошенный на произвол судьбы в таком безлюдном, глухом месте, да еще лишенный возможности позвать на помощь, он рисковал умереть с голоду или быть растерзанным волками, вой которых становился все ближе и ближе.

Джонсон глухо застонал, и в ответ ему послышался какой-то звук, как будто крик человека. Сначала он принял его за галлюцинацию, но крик повторился.

Кто бы мог кричать в этих местах? Конечно, не Ас-совум, бесследно исчезнувший. Так кто же? Быть может, Аткинс или Коттон, не дождавшись его возвращения и обеспокоенные его долгим отсутствием, отправились к нему на помощь и зовут его? Теперь он уже прекрасно различил крик филина — их обычный условный сигнал. Да, несомненно, это был кто-нибудь из них. Наконец-то! Однако радость его сменилась вдруг еще большим отчаянием. Как же он подаст им ответный сигнал, если не в состоянии не только крикнуть, но и пошевелиться? Холодный пот выступил у него на лбу. А голоса становились все яснее и яснее. Он теперь отчетливо слышал свое имя.

Вскоре на краю ущелья показалась человеческая фигура. Джонсон хорошо мог различить контуры знакомой физиономии на светлом фоне песчаного грунта. Крик филина повторился еще три или четыре раза. Пленник извивался на месте, как ящерица, не имея возможности освободиться от пут. Шаги приблизились. Тот, кто искал его, перебрался через ущелье и обошел кругом то место, на котором он лежал, но не заметил его. Филин крикнул снова, и Джонсон видел, как человек наклонился к земле, вслушиваясь в малейший звук, доносившийся из чащи. Джонсон, с отчаянием в душе, попробовал пошелестить ногою в листве, упавшей на землю, или потрясти молоденькое деревцо — все напрасно.

Но вот его избавитель прошел совсем близко. Это был Коттон. Джонсон явственно слышал его шаги, видел шляпу на голове. Огонь костра на минуту даже осветил его бледное лицо, он шел прямо на него. Еще двадцать шагов, и — Коттон наткнулся бы на неподвижное тело своего приятеля! Но он остановился, начал прислушиваться и повторил сигнал. По временам он бросал тревожные взгляды в ущелье, где, по его мнению, должен был скраться индеец. Послушав еще с минуту, он скрылся в чаще кустарников.

С Коттоном исчез последний шанс на спасение. Джонсон даже перестал обращать внимание на завывание хищных зверей. Он сделался равнодушным к смерти, или лучше сказать, желал ее. Бросив взгляд, полный бессилия и злобы, на звездное теперь небо, он закрыл глаза. Это было последнее прощание Джонсона с жизнью и надеждами.

У РОБЕРТСОВ. ОХОТА НА ИНДЕЕК. ПОДРУГИ

После обеда, когда все оставшиеся кушанья и опустевшие приборы убрали со стола, гости Робертсов вместе с хозяевами вышли на крыльцо и уселись перед входной дверью, беседуя о различных домашних делах.

Роусон, на правах жениха, уселся рядом с Мэриан, руку которой он держал в своей, между тем как Гарпер разговаривал с Эллен, а Баренс — с Робертсом.

Каких бы вопросов ни касался разговор, он, в конце концов, сводился все к одному и том же — предстоящей свадьбе. Кто-то спросил у Гарпера, почему он не женился?

— То есть лишил себя возможности наслаждаться прелестями семейной жизни, так что ли? — спросил тот с усмешкой.

— Разумеется! — кивнул Робертс.

— Видите ли, мне рассказывали в штате Теннесси одну историю, случившуюся там. Но так как я не могу ручаться за достоверность передаваемого факта, то думаю о ней умолчать.

— Отчего же? Рассказывайте! — воскликнул Баренс. — Здесь всего две девицы и обе готовятся стать женами. Им, пожалуй, будет очень полезно выслушать вашу историю!

— Ну, полагаю, их будущие мужья останутся не особенно довольны этой историей! — скептически сказал Гарпер.

— Вы так заинтересовали меня, мистер Гарпер, что я готова попросить девушек уйти на время, лишь бы услышать вашу историю! — заявила миссис Робертс.

— О, этого не потребуется! Моя история вполне прилична! Главное лицо в ней — рандольфский судья!

— Так, значит, это истинная история, а не выдумка?

— Конечно, истинная! Слушайте. Бедный судья заболел. Его начали пичкать разными снадобьями, но он слабел и слабел и, наконец, наши врачи, или вернее наши шарлатаны, отчаялись в его спасении и отказались от мысли его вылечить. Тогда жена стала его уговаривать исповедаться в своих грехах, но судья отказался да так и умер без покаяния. Жена тотчас же собрала соседей, и на следующее утро было совершено погребение.

Дело происходило летом в изнуряющую жару. Одна из соседок, сжалившись над ее страданиями, стала ее утешать и расспрашивать о последних минутах покойного. «Ах, дорогая моя, — рассказала та со слезами на глазах, — если б вы видели, как он страдал! Он страшно мучился, бился в судорогах на постели и ужасно кричал. Тогда я, сжалившись над ним, осторожно положила левую руку на рот, а правой крепко зажала ноздри. И он тихо, как настоящий праведник, отошел в вечность. Как я была рада, что доставила ему спокойную смерть, избавив от ужасных страданий!..»

— О Боже! Да ведь она задушила его! — воскликнула миссис Робертс, в ужасе вскакивая со стула.

— Вовсе нет, — улыбнулся Гарпер, — она только помогла ему умереть!

— Как можете вы передавать подобные кошмарные вещи с улыбкой на устах? — изумилась Мэриан.

— Что же тут такого?! — пожал плечами Гарпер. — Я вижу тут лишь комическую сторону: по-моему, это один из видов супружеской нежности!

— Немудрено, что с такими взглядами на супружескую нежность вы и не женились!

Роусон во время этого разговора не проронил ни слова. Он сидел со скучающим видом около Мэриан и отмахивал от нее высушенным крылом индейки москитов, мириадами вившихся над двором.

— Сегодня, должно быть, будет гроза — заметил Робертс, снимая куртку, — парит невероятно, пойду, посмотрю, сколько градусов, — сказал он, вставая со стула. — Знаете ли, Роусон, что это были за люди, ехавшие мимо нас на телеге, когда мы были у соленого озера? Это были мои бывшие соседи по Теннесси; я был искренне рад их встретить. Посмотрела бы ты Мэриан, как выросли их девочки, просто не узнать!

— Почему же они не заехали к нам? — спросила миссис Робертс. — Мы всегда рады повидаться со старыми друзьями. Мистер Роусон, вы не знакомы со Стефенсонами?

— Не помню, хотя мне достаточно раз видеть человека, чтобы узнать его через сколько угодно времени. Быть может, я и знаю его, но не припоминаю!

— Стефенсон находился как раз в том месте Арканзаса, где было совершено убийство, породившее столько

толков, — вставил хозяин, возвращаясь из комнаты, — он даже видел самого убийцу... Тридцать пять градусов жары! Вот так погодка!

— Не может быть! — неосторожно воскликнул Роусон.

— Посмотрите сами, если не верите! — повторил Робертс, подумавший, что восклицание Роусона относится к температуре воздуха.

— Я не понимаю только, — произнес, овладевая собою, Роусон, — как это он мог видеть...

— Что мог? Кто?

— Да Стефенсон, как он мог видеть убийцу, когда говорят, что старик сам лишил себя жизни? Ведь около него не нашли никаких следов!

— Это ерунда! — возразил Робертс, качая головой. — Стефенсон спрятался за деревом и видел, как мимо него за пять минут до злодеяния проехали два человека, из которых один оказался убитым. Он мне поклялся, что узнает другого, даже в толпе. Как жаль, что мы не свернули тогда с дороги и не зашли к переселенцам! Старик Стефенсон — славный человек и безусловно понравился бы вам!

— А ваш приятель долго намерен прожить здесь? — с беспокойством спросил Роусон, делая вид, что спрашивает об этом из простого любопытства.

— Ну, нет! Он торопится добраться до места своего постоянного жительства. Хотя ему и понравилось в Фурш Лафаве, но ему наговорили столько ужасов про здешнее конокрадство, что он как можно скорее торопится уехать отсюда!

— И совершенно напрасно! — воскликнул Баренс. — Слава Богу, мы скоро избавимся от этой напасти.

— О, конечно! — подхватил с улыбкой Роусон. — Хотя в рассказах о злодеяниях конокрадов много преувеличений!

— Смотрите, как разлаялись собаки! — с живостью воскликнул Робертс. — Что это значит? Поппи чуть не целый час обнюхивает воздух и носится по полю, как паровик!

— А, это он гоняется, вероятно, за дикими индейками, — заметила Мэриан, — мы с Эллен ходили гулять перед обедом, и видели по ту сторону ручья целый выводок.

— И ты молчала?! — встрепенулся Робертс. — Уже неделя, как я не добыл ни одной птицы. Пойдемте-ка, Баренс!

— С удовольствием! — отвечал тот, отыскивая винтовку. — Сдается мне, собаки и в самом деле почуяли птиц!

— Идемте скорее, а не то они, испугавшись собак, разбегутся, и тогда не так-то легко будет их настрелять!

Пройдя по пролежавшей около маисового поля тропке, охотники вскоре достигли леса. Разгоряченные отыскиванием дичи, собаки метались здесь из стороны в сторону. Однако охотники так и не смогли увидеть птиц, так как листва была очень густа, а осторожные создания запрятались так далеко на сучьях деревьев, что самый опытный глаз не мог бы отыскать их.

— Что за проклятые собаки! — досадливо воскликнул Баренс. — Из-за них нам не удастся ничего! Оставайтесь здесь, а я взберусь на холмик. Если вам удастся усмирить собак, индейки тотчас же выползут на свет Божий: они никогда долго не сидят на одном месте.

Робертс послушался своего приятеля и стал понуждать собак лечь у своих ног. С четверть часа сидели охотники молча. Наконец, Баренс так искусно заклохтал по-индюшечьи, что сейчас же ему в ответ раздался настоящий крик индейки с дерева, под которым сидел Робертс. Собаки порывались было вскочить, но хозяин удержал их.

Баренс повторил крик. Собаки опять заволновались, но Робертс оставался неподвижным, дожидаясь, пока его приятель убьет первую индейку. Вдруг со всех сторон раздалось многочисленное клохтанье, и Баренс, схватив ружье, выстрелил.

В ту же минуту крупная индейка высунулась из-за листвы, и раздался второй выстрел. Обе птицы грузно упали на землю. Собаки бросились к ним.

Пока Баренс с Робертсом преследовали птиц, миссис Робертс и Гарпер безуспешно пытались поддерживать беседу с проповедником, все время молчавшим или отделявшимся уклончивыми односложными ответами: сегодня Роусон был как-то странно молчалив и задумчив.

Тем временем девушки прогуливались по двору, вспоминая прежних друзей, детские игры, удовольствия, развлечения, — словом, все дорогое для них прошлое.

— Скажи, Мэриан, почему ты грустна? — участливо спросила молодая девушка свою подругу. — Ты, кажется, должна быть счастлива. Вот-вот твоя свадьба с любимым человеком, какие же тут могут быть мрачные мысли? Конечно, замужество — серьезный шаг... но... нет ли у тебя какого-нибудь тайного горя?

— О нет, нет! — поспешно отвечала молодая девушка, отворачиваясь в сторону. — Конечно, не следовало бы так волноваться... но, что это, два выстрела, не так ли? А-а! Верно, отец с Баренсоном стреляют! Я и забыла, что они пошли поохотиться.

Тут Мэриан заметила, что у Эллен на глазах стоят слезы, сдерживаемые с трудом, и в порыве нежного участия воскликнула:

— Прости, милая Эллен, что я не обратила внимания на твои страдания. Я думала только о себе, не замечая, что ты с некоторых пор становишься все печальнее и печальнее. Скажи, что с тобою?

— Хорошо, — улыбаясь сквозь слезы, произнесла Эллен, — но с условием, что ты, в свою очередь, будешь со мной также откровенна.

— О, для меня будет большим облегчением раскрыть перед тобой мою душу! Извини, кажется, матушка зовет меня!

С этими словами Мэриан убежала в дом, хотя прекрасно знала, что миссис Робертс и не думала звать ее. Девушка ощутила потребность остаться наедине со своим горем, со своею еще не зажившею раной. Она считала грехом думать теперь о том человеке, которого должна была забыть навсегда...

В это время вернулись охотники с дичью, и женщины занялись приготовлением ужина, после которого все отправились на покой.

На следующее утро стали рассуждать о предстоящей свадьбе и пиршестве. Миссис Робертс предложила немедленно всем поехать в дом к зятю, где заранее следовало приготовить вкусный обед, а затем всем отправиться к судье. Роусон согласился на это и попросил лишь отложить его около часа, так как ему нужно было отлучиться.

Глава XIII

ЗАСАДА

После ухода Уэстона оба гостя Аткинса вольготно расположились возле камина, наслаждаясь теплом и уютom. Куртис на минуту встал и подошел к двери, рассматривая небо, по которому проносились обрывки желтовато-грязных туч, гонимые сильным ветром. Тучи с минуты на минуту становились все гуще и чернее.

— Пожалуй, ко всем сегодняшним нашим затруднениям присоединится еще и буря, — сказал он, выглядывая на двор. — Погода окончательно портится!

— Да, — подтвердил Аткинс — когда я лет шесть назад жил в Уйат Ривере, памятный ураган, причинивший массу бедствий краю, начинался именно так!

— А разве шесть лет назад вы обитали в Уайт Ривере? — спросил Кук.

— Да, я жил там, милях в двух от большой дороги!

— Значит, как раз в то время, когда повесили отцеубийцу Уотлея?

— Нет, я прибыл туда через месяц после его казни, — ответил Аткинс.

— Должно быть, регуляторы Уайт Ривера шутить не любят! — заметил Куртис. — А как звали того знаменитого конокрада, которого повесили эти джентльмены?

— Не знаю, — отвечал Кук. — Во всяком случае, я не порицаю их за слишком суровые меры. Ни один порядочный человек не может и не должен питать ни капли жалости к гнусным конокрадам. Не так ли, Аткинс?

— Ну, на этот счет я несколько иного мнения! — возразил тот. — Однако, соловья баснями не кормят; не хотите ли закусить, джентльмены? Я сейчас пойду и...

— Не беспокойтесь, ради Бога! — удержал его за руку Куртис. — Мы плотно пообедали и можем спокойно подождать ужина. Не церемоньтесь с нами, мистер Аткинс, я думаю, вам вовсе теперь не до угощений!

— Действительно, в доме такая суматоха, что можно голову потерять от беспокойства и забот!

— Что же, вашему сыну не легче?

— Нисколько. Да и странно было бы ожидать иного. Когда у крошки целых одиннадцать докторов, да еще в юбках, толку ждать не приходится. Если сынишка после

такой переделки останется живым, ему всю жизнь больше нечего будет бояться никаких бедствий и болезней. Выйти невредимым из рук таких врачей — это чего-нибудь да стоит. Схожу-ка я за свечкой, а то скоро совершенно стемнеет. Ишь, ветер как завывает!

С этими словами Аткинс вышел из комнаты, а регуляторы остались одни и могли без помехи поговорить.

— Право, мне жаль, что Аткинс связался с конокрадами! — заговорил первым Кук.

— Тс! Нас могут услышать! — заметил Куртис почти шепотом. — Мне и самому досадно. В сущности, Аткинс вовсе не злой человек и, сказать по правде, всегда был мне симпатичен, хотя у него скверная привычка смотреть на всех каким-то подозрительным взглядом, исподлобья, что по временам производит крайне неприятное впечатление. Точно он постоянно боится разоблачения!

— Но как решат его судьбу регуляторы? — задумчиво произнес Кук. — Мне лично не хотелось бы увидеть его на виселице. Конечно Аткинс заслуживает сурового возмездия за свои подлые делишки, но его следовало бы пощадить, хотя бы из сострадания к жене и ребенку!

— Ну, это слабый аргумент защиты! — рассмеялся Куртис. — Тогда любому негодяю, чтобы избежать наказания, стоит только жениться. От петли-то он, пожалуй, отвертится, но все-таки...

— Тс! Он возвращается! — прошептал Кук.

В комнату действительно вошел ничего не подозревавший Аткинс со свечою. Ею он зажег дрова в камине.

— Мерзкая погода! Так и жди, что ветер снесет крышу! — сказал он, поправляя начавшие разгораться поленья. — Если ветер не разгонит тучи, через несколько минут разразится гроза. Что, много регуляторов отправилось на собрание в Литл Джен? — спросил он, усаживаясь в кресло.

— Не очень, — спокойно отвечал Кук. — К нам приехал один иностранец, жаловавшийся, что у него украли лошадей!

— Уж не канадец ли? Он был у меня недавно и расспрашивал о своих лошадях, но что я ему мог сообщить? — пожал плечами Аткинс.

— Конечно! Вы ведь этих лошадей и в глаза не видели, не так ли? — спросил Куртис, пристально глядя хозяину в лицо.

— Ну разумеется! Как я мог их видеть, когда уже несколько дней не выхожу из дому! — ответил Аткинс, удивленный вопросом. — Конокрады не имеют к тому же привычки показывать всякому украденных лошадей!

— Само собою разумеется! — улыбнулся Кук. — Отчего это так разлаялись ваши собаки?

— Может, кто-нибудь из регуляторов завернул к вам укрыться от грозы? — высказал предположение Куртис.

— Весьма вероятно! — отозвался Аткинс, подходя к дверям. — Цыц, проклятые, марш на место! — прикрикнул он на собак и вышел на двор.

— Должно быть, пришел Стефенсон! — шепнул Кук на ухо своему товарищу. — Неудачно он выбрал время. Тем не менее нам нужно оставаться, пока пройдет гроза. Каково-то сейчас нашим друзьям в такую непогоду торчать в камышах!

— Далеко ли отсюда до Фурш Лафава? — спросил со двора чей-то голос.

«Что за дьявол! — подумал встревожившийся Аткинс. — Неужели второй табун? Странно, ведь Джонс говорил, что его пригонят лишь на будущей неделе!»

Тем не менее он вышел на двор и поспешно приблизился к изгороди, у которой увидел закутанного в плащ всадника на белой лошади.

— Фурш Лафав протекает недалеко отсюда! — ответил он. — Как вас зовут, джентльмен? Я — Аткинс.

— Хороши ли окрестные пастбища? — спросил, понизив голос, незнакомец.

— Откуда вы? — в свою очередь спросил шепотом Аткинс, все более тревожась.

— Я хотел бы выпить стакан воды!

— Черт возьми! Джонс уверил меня, что вы не успеете приехать ранее будущей недели. Почему же вы прибыли так рано?

— Послушайте, — зашептал незнакомец, нагибаясь через изгородь. — Загоним поскорее лошадей, со мной прибыл еще конюх. Скоро разразится гроза!

— Дождь ничего не сделает вашим лошадям, а у меня сидят два гостя, которых я не могу оставить!

— Так-то так, но если мы немедля спрячем лошадей, то дождь окончательно смоем все следы!

— Правда. А сколько с вами лошадей?

— Три.

— Джонс уверял, что будет семь!

— Остальных пригонят завтра вечером. Я не повел всех сразу из опасения оставить слишком много следов!

— А нельзя ли отправить лошадей раньше с вашим конюхом?

— Конечно! Он все знает...

— И дорогу к Миссисипи?

— Да, мы только что...

Всадник чуть-чуть не проговорился, но вовремя спохватился и продолжал:

— Мы только что прибыли с запада, но этот малый бывал и на Миссисипи. Поспешим, дождь уже накрапывает!

— Подождите минутку, я только предупрежу, что вы просите у меня приюта на ночь. Эй, кто там? — кричал Аткинс, увидя какого-то человека, подходившего к изгороди. — А, это вы Уэстон! Тут прибыли лошади. Понимаете?.. Так отведите их в надежное место, а потом приходите в дом. Я не могу сам идти и заставлять регуляторов так долго ждать себя.

— У вас в гостях регуляторы? — встревожился незнакомец.

— Да, они попросились переночевать у меня на ферме, — успокоил его опасения Аткинс. — Нужно переждать грозу. Даже если вашим лошадям придется стоять по брюхо в воде, так будет лучше, к тому же тем незаметнее следы!

— Да разве вы думаете, что они стоят в реке? — спросил незнакомец. — Я оставил их на окраине поля.

— О, черт бы вас побрал! Отчего же вы не поставили их в обычное место, известное всякому, кто здесь бывает?

— Не забудьте, что я впервые еду по этой дороге!

— Ну, делать нечего! — с досадой произнес Аткинс. — Придется загнать их сейчас же, а то следы останутся вблизи моей изгороди. Уэстон, проведите джентльмена к задней калитке. Я всего на минутку загляну в дом и сейчас же вернусь!

Входя в комнату, он сказал сидевшим у камина регуляторам: — Простите меня, что я покинул вас! Там

какой-то незнакомец верхом и просит у меня приюта вместе с лошадью. Он сейчас придет сюда. Буря разгрызается не на шутку...

— Действительно! — отозвался Куртис, подходя к окну. — Как красиво освещает молния все окрестности.

— Джентльмены, пожалуйста сюда, к огоньку! — засуетился с каким-то странным беспокойством Аткинс. — Что вы стоите на сквозняке? У камина гораздо приятнее.

— Да, да! — согласился Кук, с удовольствием греясь у огня. — Идите-ка, Куртис, сюда, пусть буря воет, сколько угодно, нам она нипочем!

— Нам действительно приходится только благодарить судьбу за то, что мы оказались в теплой комнате, вместо того чтобы мокнуть под дождем! — сказал Куртис, отходя от окна и беря со стола бутылку с виски. — Эй, Аткинс, куда вы опять уходите?

— Я уйду всего на несколько минут проведать жену. Вы же знаете женщин, они страшно боятся грозы. Я скоро вернусь!

Сказав это, хозяин вышел из дому, закрыв дверь на задвижку, и поспешил к задней калитке.

Регуляторы переглянулись. Кук быстро вскочил и шепотом сказал:

— Куртис, смутное предчувствие не дает мне покоя. Эта ужасная ночь нагоняет на меня страх. Воображаю, как перемокнут наши приятели в камышах!

— Ничего не поделаешь! — отозвался Куртис, внимательно осматривая комнату. — Посмотрите, над каждой дверью висит по винтовке. Какая предусмотрительность! Приняты все меры предосторожности. По-моему, следует сделать так, чтобы наш почтенный хозяин не использовал их против нас самих!

Говоря это, Куртис влез на стул и снял обе винтовки.

— Ого, обе заряжены! Нет ли еще какого-нибудь оружия в комнате?

— Не видно! — ответил Кук. — Разве запрятано где-нибудь?

— Поройтесь-ка в кровати, под подушками!

— Ничего нет! Ага! Вот пара пистолетов, прекрасно!

— Поосторожнее с ними! Быть может, курки ослабли, и тогда они могут выстрелить сами, от малейшего сотрясения!

— Не беспокойтесь. Я на все четыре полки и у винтовок, и у пистолетов напустил слюны. Теперь ни те, ни другие уже не выстрелят!

— Пожалуй, ветер и впрямь сорвет крышу. Меня не на шутку начинает беспокоить проклятая непогода! — сказал Куртис. — Не лучше ли было бы отложить наше предприятие до другого раза?

— Черт возьми мне тоже не по себе! — отозвался, шагая по комнате, Кук. — Из-за воя ветра можно и не слышать условленного свиста.

— Отступить поздно. Придется до конца выполнить возложенное на нас поручение. Ничего нет тревожнее неизвестности! Хоть бы начать действовать поскорее! Тс! Вы ничего не слышали?

— Нет, а что? В такую бурю трудно что-нибудь слышать! Мне от души жаль старика Стефенсона и его сына, которым приходится возиться под ливнем с лошадьми! Бедняги долго не забудут нашего Арканзаса!

— А где канадец? Он тоже вместе с ними в тростниках?

— Нет, он остался с нашими товарищами и исполнит свой долг, когда понадобится. Слышите?

— Ничего не слышу. Что-то скажут женщины?

— Что нам за дело до них! Жаль только, что мальчик Аткинса заболел именно теперь.

— Мы-то тут ни при чем. Боже мой! Свист! Внимание, Кук!.. Развязка приближается; это начало конца.

— В то самое время Аткинс прошептал человеку, стоявшему с Уэстоном возле задней калитки: — Пошли скорее! Вот перегоним лошадей и будем совершенно спокойны: буря уничтожит все следы...

— Перестаньте, успеете наговориться, когда окажемся под крышей, — проворчал сердито незнакомец, — теперь не время болтать; если бы я предвидел, что разразится гроза, то предоставил бы это дело другому. Того и гляди, схватишь воспаление легких!

— Где же лошади?

— Там, у изгороди, под присмотром моего сына, если только не унес их ливень.

В то же мгновение Стефенсон (он и был старик-незнакомец) приложил два пальца к губам и тихо, но резко свистнул.

— Что это вы делаете? — спросил с удивлением Аткинс.

— Что? Зову! Разве не слышите? Он мне ответил с той стороны; значит, жив. Где вход в тайник?

— Немного повыше, мы теперь недалеко от него. В другой раз, когда вас пришлют с лошадьми, поднимитесь шагов на сто вверх и войдите в ручей. Заметьте это место.

— Какого дьявола заметишь тут, когда света Божьего не видать! Я и руку-то свою вижу только при свете молнии. А-а, вот и сын! Иди сюда, Нед! Очень рад, что ты цел и невредим.

— К счастью, отец! Но в такую погоду немудрено отправиться на тот свет. Я весь закоченел.

— Ну, полно, не велика беда, скоро обогреемся. Ступай за нами. Что, лошади не очень бились?

— Нет, только вороной все пугался молнии.

— В такую погоду и человек чувствует себя не особенно спокойно, не то что животное!

— Проходите за мной, господа! — сказал Аткинс.

— А далеко ли до тайника?

— Осталось шагов сто, не более!

Новая молния ярко осветила окрестность. При ее свете Стефенсон успел разглядеть внутреннюю, вторую изгородь, обвешанную связками тростника.

— Осторожнее, здесь навалены пни! — предупредил хозяин. — Сейчас я отворю калитку, ступайте за лошадьми!.. Что вы делаете?.. Измена!

Аткинс совершенно растерялся. Стефенсон, не дослушав его последних слов, громко свистнул, и при свете новой молнии перепуганный конокрад увидел толпу людей, бежавших к нему. Вдруг он почувствовал, что чья-то сильная рука хватает его за ворот. Однако сознание страшной опасности придало разбойнику новые силы и помогло ему опомниться от остоленения. Он резким движением вырвался из рук Стефенсона и бросился бежать.

Уэстон, сразу поняв, что они попались в ловушку, бросился вслед за Аткинсом по той же тропинке. Надеясь на знание местности, беглецы рассчитывали скрыться, благодаря ночной темноте, но при блеске почти непрерывно сверкающих молний увидели, что все пути впереди охраняются часовыми. Тогда оба повернули назад и, преследуемые по пятам регуляторами, помчались к дому, решив проскользнуть между строениями и скрыться в лесу с противоположной стороны.

Пробегая уже между пристройками, Уэстон услышал вправо от себя какие-то крики и возню, а впереди так отчетливо раздавалось эхо криков преследующих, что он принял их за новую засаду и вне себя от отчаяния бросился в первую попавшуюся дверь, ведущую, как оказалось, в помещение, где находились женщины с больным малышом.

При виде внезапно появившегося мужчины, женщины повскакали со своих мест, напуганные не столько внезапностью появления, сколько ужасом, написанном на лице молодого конокрада.

— Спасите, спрячьте меня куда-нибудь! — пролепетал он чтобы перевести дух.

— Что случилось, Уэстон? — спросила, вся дрожа, миссис Аткинс.

Уэстон не успел ответить, как послышались чьи-то быстрые шаги. Разбойник моментально скрылся под кроватью, и как раз вовремя: на пороге показался разгоряченный преследованием канадец.

— Где он? Куда он скрылся? Я видел, что он вбежал сюда!

— Кого вам надо? Чего вы врываетесь ночью в чужой дом, да еще командуете? — спросила негодующим тоном одна из женщин, знавшая, с кем ведет дружбу хозяин дома. Не дав ошеломленному внезапным исчезновением беглеца канадцу опомниться, она бесцеремонно вытолкала его за дверь и заперла ее на задвижку.

Затем в комнате поднялась невообразимая суматоха, женщины все разом заговорили, задавая друг другу всевозможные вопросы и строя всякие предположения по поводу только что произошедшей сцены.

В это время в дверь громко постучали.

— Простите, сударыня, что я беспокою вас! — раздался за дверью голос, по которому миссис Аткинс с ужасом узнала Брауна. — Не приходил ли сюда к вам молодой человек?

Тут та же соседка поспешила на помощь хозяйке, почти потерявшей сознание от ужаса. По странной логике, свойственной женщинам, ей почему-то не захотелось сказать правду, и в то же время, не желая лгать, она отделалась уклончивым ответом.

— Удивляюсь, как это вы решаетесь ночью беспокоить дам и больного ребенка расспросами о каком-то молодом человеке!

Браун, удовольствовавшись таким ответом, отошел, а миссис Аткинс, с отчаянием ломая руки, бегала по комнате. Она прекрасно поняла, что недаром явился в такой неурочный час этот Браун, недаром так перепугался Уэстон. Очевидно, темные делишки ее супруга стали известны регуляторам, и ему уже нечего ждать пощады.

Между тем оба регулятора, сидевшие в комнате, приготовились к появлению хозяина, слышав голоса и шум на дворе. Действительно, Аткинс не замедлил появиться. Он решил захватить на всякий случай свое оружие и не даваться без сопротивления в руки ожесточенных регуляторов. Но, вбежав, Аткинс увидел, что обе винтовки находятся в руках его врагов. Тогда он оттолкнул Кука и бросился к постели, где лежали пистолеты. Кук тем временем загородил дверь.

В бешенстве Аткинс взвел курок, прицелился и нажал спуск. Увы! Курок щелкнул, но выстрела не последовало. Тогда Куртис и Кук бросились на него и крепко связали веревками.

— Оцепите дом и не впускайте никого. Второй разбойник может удрать отсюда и предупредить сообщников! — скомандовал Браун товарищам, входя в комнату.

Браун, прошептав несколько слов вошедшему с ним Стефенсону, собирался уже выйти из комнаты, как перед ним, точно из-под земли, вырос какой-то человек, с горящими страшным внутренним огнем глазами, до ужаса грозно сверкнувшими в полутьме.

— Ассовум! — в изумлении отступил Браун. — Откуда ты?

— Я привел с собой друга вон этого! — указал индеец на связанного Аткинса.

— Кого именно?

— Джонсона! Трусливая собака, боясь Ассовума, хотел убить его исподтишка. Вот отравленные стрелы, которыми он намеревался гнусно подстрелить краснокожего во время отдыха!

— Мерзавец будет наказан по заслугам! — ответил Браун. — Но где ты пропадал до сих пор, друг мой!

— Белый брат, конечно, не думает, как другие, что Ассовум бездействовал? Я знаю убийцу Гитзкота!

— Bravo, мой друг! — радостно воскликнул Браун. — Кто же они?

— Джонсон и Роусон!

Если бы в эту минуту в дом ударила молния, регуляторы не были бы так поражены этим, как сообщением индейца.

— Не может быть! — воскликнул Браун.

— Краснокожий никогда не лжет! — с достоинством произнес Ассовум. — Его язык скорее отвалится, чем изречет неправду! Кроме того, бледный человек — сообщник конокрадов!

— Ты уверен, Ассовум? Отчего же ты раньше не сказал нам об этом?

— Я полагаю, Роусон причастен и к смерти Алапаги и хочу окончательно убедиться в этом. Если бы Ассовум сказал раньше белым о преступлении проповедника, они попросту повесили бы его, не заботясь о втором преступлении. Ассовум — мужчина и вождь! Он сам хочет отомстить за смерть жены!

В это время в лесу раздался крик совы, повторившийся три раза через определенные промежутки времени.

— Что это? — спросил Браун. — Сигнал чей-нибудь или действительно крик совы?

— Вот этот знает лучше! — ответил Ассовум, указывая на затрепетавшего при сигнале Аткинса, и сам повторил тот же крик. Однако ответа не последовало, и Аткинс, улыбнувшись, повернулся спиной к Брауну.

Вскоре вновь раздался пронзительный крик: Вильсон и Бариль схватили Уэстона принявшего наступившую тишину за отъезд регуляторов и намеревавшегося скрыться в лесу.

Через несколько минут снова показался Ассовум с двумя регуляторами, несшими связанного Джонсона. Вся почтенная компания, за исключением Коттона и Роусона, таким образом, оказалась налицо.

— Теперь дело за бледнолицым! — сказал Ассовум.

— О ком еще говорит индеец? — поинтересовался Стефенсон.

— Завтра вы увидите его! — ответил Браун. — Надеюсь, вы погостите у нас денек-другой. Нам очень бы хотелось, чтобы вы присутствовали и на суде арканзасских регуляторов!

— Благодарю вас! А когда вы думаете произвести суд?

— В понедельник утром!

— Где?

— На лужайке, в лесу, неподалеку от мельницы. Там есть, кстати, и пещеры, куда мы посадим пока этих, а позже и других пленников!

— А разве вы хотите захватить еще кого-нибудь?

— Да, Коттона и Роусона!

— Как! — вскричали с изумлением все присутствующие, не слыхавшие еще сообщений Ассовума. — Методистского проповедника?

— Его самого! — хладнокровно отозвался их командир.

— Кто же его обвиняет?

— Ассовум! — коротко сказал Браун, указывая на подошедшего индейца.

— Да, руки бледнолицего святоши обагрены кровью. Все воды Фурш Лафава не могли смыть этих кровавых пятен!

— И этот негодяй завтра женится на дочери нашего почтенного Робертса! — с ужасом заметил Кук. — Как хотите, но этому трудно поверить!

— Не может быть, чтобы этот праведный человек, — заметил Мулинс, — решился на такое гнусное преступление — убивать себе подобных!

— Теперь, господа, не время препираться о том, мог или не мог совершить Роусон преступление! — твердо сказал Браун. — Если он невиновен, ему нетрудно будет оправдаться. Теперь же поспешим к дому Джонсона, захватить его приятеля, Коттона. Ассовум укажет дорогу. Рано утром мы должны быть у Робертсов, чтобы взять Роусона и помешать его свадьбе с Мэриан!

По распоряжению Брауна, отряд разделился на три части. Шесть всадников конвоировала пленников, которых повели сначала на ферму Вильсона. Двое остались на всякий случай на ферме Аткинса, а остальные во главе с Ассовумом отправились к дому Джонсона.

Наступила полночь. Из двери хижины Джонсона поспешно вышел Коттон с узелком необходимых вещей и оружием. После исчезновения Джонсона он догадался, что дело неладно, и спешил скрыться из опасного места. Запрятав лишние вещи в дупло дерева, конокрад раздул факел, поджег хижину и поспешно удалился, мысленно проклиная регуляторов.

СВИДАНИЕ НЕГОДЯЕВ. РАЗОБЛАЧЕНИЕ

Стоявший неподалеку от берега Фурш Лафава на краю большого болота дуб с двумя скрещенными нижними ветвями, часто служил местом свидания членов шайки конокрадов. Неподалеку от него находилась полуобгорелая хижина, сожженная одним неосторожным охотником.

Не раз Роусон, давно познакомившийся с этим местом, желая поразить суеверных, малообразованных слушателей крестообразной формой ветвей, читал здесь свои проповеди и устраивал молитвенные собрания.

Покинув хижину Джонсона, Коттон пришел несколько раньше к назначенному месту свидания и решил остаток времени посвятить охоте. Поиски дичи оказались бесполезными, а Роусон все не приходил. Нетерпение разбойника возрастало, а вместе с ним росла в душе Коттона и тревога. После подозрительных происшествий прошедшей ночи конокрад все время находился под постоянным страхом, и каждый упавший лист, каждая хрустнувшая поблизости веточка заставляли его настороженно озираться по сторонам.

Вдруг в лесу раздался громкий треск валежника. Перепугавшийся Коттон припал к земле, пополз, как змея, и скрылся за огромным пнем. Здесь он замер в такой позе, выжидая, что будет. Вскоре его опасения рассеялись — то шел его долгожданный Роусон. Тогда он вскочил и сердито произнес:

— Давно было пора придти! Вы заставили меня промучиться здесь битый час, показавшийся мне чуть не вечностью!

— Я не опоздал. Сейчас всего половина девятого, а я обещался придти в девять. Чего же вы горячитесь?

— Ну, значит, я ошибся во времени. Однако к делу, так как это наше свидание будет последним!

— Это почему? — удивился Роусон. — Да что с вами, Коттон? — спросил он, заметив состояние своего собеседника. — Что означает и эта бледность, и этот необъяснимый страх? Неужели...

— Я сообщу вам ужасные подробности! Кто навел регуляторов на след — не знаю, только Джонсон, ушед-

ший ночью, долго не возвращался, и я, желая отыскать его, пошел на разведку и убедился, что регуляторы вломались в дом Аткинса и схватили его!

— О, проклятие! — вскричал, бледнея, Роусон. — Неужели Аткинс проболтался?

— Почем я знаю! Я уверен только, что они захватили Уэстона и Джонсона. Когда я убедился, что Джонсон пропал, то пошел к ферме Аткинса. Приближаясь к ней, я еще издали услышал какой-то подозрительный шум. Вскоре до моего слуха донесся топот скачущих лошадей. Я дополз до нашего тайника и увидел, что ворота его отворены настежь. Понятно, что я с большой осторожностью уполз обратно в лес и издал наш условленный сигнал — крик совы. Ответа не последовало. Тогда я повторил крик во второй раз, в третий...

— И что же?

— Только через долгий промежуток времени раздался ответный крик, но совсем не столько раз и не с такими промежутками, как у нас было условлено. Я понял, что дело дрянь, и начал осторожно пробираться к лесу. В это время при свете молнии я разглядел, что регуляторы вяжут какого-то человека, и по голосу догадался, что то был Уэстон. Медлить более было нельзя. Я быстро бросился к нашей хижине, забрал все необходимое, спрятал в дупле, а хижину поджег. Даже идя сюда, на свидание с вами, я не был уверен, придете ли вы, не схватили ли регуляторы и вас!

— Положение чертовски затруднительное! Как вы думаете, где сейчас Джонсон?

— По-моему, тоже в руках регуляторов! Иначе он давно был бы здесь!

— Единственное, что нам теперь остается — бежать, и как можно скорее.

— Если мы этого теперь не сделаем, нас поймают!

— Нам необходимо постараться тем или иным путем скрыться во что бы то ни стало!

— И мы покинем в несчастье наших друзей? — спросил Коттон.

— Нашел о ком заботиться! Да что, им легче что ли будет, если нас повесят рядом с ними? Не время думать о других, нужно позаботиться о собственной шкуре... О, проклятье! Я и забыл, что сегодня у меня должны собратиться гости, черт бы их побрал!.. Вот что: направляйтесь к моему дому и спрячьтесь на чердаке, а я поспешу

к Робертсам, постараюсь оттянуть их приезд и скоро вернусь к себе! — И методист поскакал к дому своей невесты, где шли спешные приготовления к брачной церемонии и где его с нетерпением ожидали.

Гарпер и Баренс уже находились тут. Хлопотливая миссис Робертс носилась по всему дому, укладывая и снова разбирая по десяти раз сложенные сундуки.

— Ты бы шла одеваться, Мэриан, — сказала она. — Эллен тебе поможет. Поспеши; как только приедет мистер Роусон, я с Самуилом уложу вещи на лошадей и отправлюсь вперед.

Девушки отправились к себе в комнату, а миссис Робертс снова принялась за свои хлопоты. Наконец она решила, что все сделано, приготовлено, вещи уложены, и она может немного отдохнуть. Только она подняла голову от последнего завязанного сундука, как увидела перед собой Ассовума. Лицо его, полускрытое густыми волосами, имело такое дикое выражение, появление его было так неожиданно, что миссис Робертс вскрикнула от страха и изумления.

— Господи, да это ты, Ассовум! Как ты меня напугал! Где это ты пропадал столько времени, скажи на милость?

— Состоялась ли уже свадьба бледнолицего человека с вашей дочерью? — ответил Ассовум вопросом на вопрос. — Не опоздал ли Ассовум?

— Что вы говорите? Не случилось ли чего-нибудь с мистером Роусоном? Вы ведь его кажется, называете бледнолицым человеком?

— О, с ним ничего не случится! О нем теперь позаботятся регуляторы!

— Какое дело мистеру Роусону до регуляторов? Он ничего общего не имеет с ними и даже не одобряет их действий!

— О, без сомнения, не одобряет! — иронически произнес Ассовум, улыбаясь. Его улыбка вышла такой свирепой, лицо индейца так исказилось, что миссис Робертс, слышавшая, будто Ассовум после гибели жены стал несколько ненормальным, сочла его вконец помешавшимся.

Ассовум прекрасно понял, что подумала про него хозяйка дома, и сказал более мягким, но все же твердым тоном:

— Ассовум совершенно здоров и пришел спасти вашу дочь. Неужели ваш друг, краснокожий, опоздал?

— Спасти мою дочь? От кого?

— Ваша дочь стала уже женой бледнолицего человека?

— Нет еще! Но что же тебе нужно от мистера Роусона?

— Его ищут регуляторы! Он — убийца Гитzkота!

— О, Боже мой! — воскликнула миссис Робертс, в совершенном изнеможении опускаясь на ближайший стул. — Нет, не может быть! Ты лжешь! Кто посмеет обвинить этого человека в таком ужасном преступлении?

— Я! — спокойно ответил индеец. — Он, конечно, будет иметь возможность защищаться, но у меня в руках неопровержимые доказательства. Я даже подозреваю, что он — убийца и моей дорогой Алапаги!

— Да не может же этого быть, говорю тебе! — с отчаянием в голосе воскликнула миссис Робертс. — Я никогда этому не поверю! Это просто какая-нибудь ошибка. Я уверена, что мистер Роусон будет оправдан каким угодно судом!

— Ну, я так не думаю! Где ваш муж? Где ваша дочь? Где, наконец, сам бледнолицый человек?

— Мистер Роусон вот-вот должен приехать и тогда сам опровергнет ложное обвинение против него!

— Ложное обвинение? Припомните, миссис, с каким жаром он схватился за мысль, что убийца Гитzkота — Браун; припомните, что на другой день после убийства Алапаги он был ранен, а вот томагавк, которым защищалась моя жена; наконец, вот пуговица, найденная мною в зажатом кулаке моей жены; многие, хорошо знавшие Роусона, утверждают, что она сорвана с его охотничьей куртки...

Слова индейца были прерваны топотом лошади. Приехал Роусон.

— Да вот и он сам! — торжественно произнес краснокожий, поспешно убирая со стола томагавк. — Если этот бледнолицый задрожит, когда старая женщина скажет ему в глаза, что он убийца, что, она и тогда тоже не поверит Ассовуму?

С этими словами Ассовум скрылся за альковом кровати, и почти тотчас же вошел Роусон. Не будь он так озабочен собственными проблемами, ему сразу бы бросилась в глаза неестественная бледность хозяйки. Но, не обратив на это внимания, он спросил, где его невеста и готова ли она.

Та отвечала, что все уже отправились к нему домой. Злобное проклятие чуть не сорвалось с губ проповедника. Однако, рассчитывая на быстроту своего коня, Роусон решил, что ему удастся догнать их раньше, а уж там поступать, как укажут обстоятельства. Он уже собирался выйти, но миссис Робертс остановила его.

— Мистер Роусон, мне нужно поговорить с вами. Обещайте быть со мною совершенно откровенным!

— Но разве я был когда-нибудь с вами неоткровенным? — спросил он, опуская глаза под пытливым взором хозяйки: негодяй точно чувствовал какую-то беду.

— Мистер Роусон, сегодня мне передали такие слухи относительно вас, что я попросту отказываюсь им верить!

— Относительно меня? — с содроганием произнес Роусон. — Кто же принес вам это сообщение?

— Я, конечно, не верю им и не сомневаюсь, что вы окончательно опровергнете подобные обвинения, но...

— О чем вы говорите? Решительно отказываюсь понимать вас! — пробормотал Роусон, искоса поглядывая на всякий случай на дверь и опираясь руками на стол, на краю которого лежала оставленная Ассовумом, нарочно или нечаянно, пуговица.

— Бога ради, не дотрагивайтесь до этой пуговицы! — в ужасе воскликнула миссис Робертс. — Это...

— Это пуговица от моей охотничьей куртки. Чего вы испугались, миссис Робертс? Вероятно, она случайно оторвалась...

— Так это ваша пуговица? — перебила его миссис Робертс.

— Ну да! Что ж тут удивительного или ужасного?

— Эта пуговица найдена в кулаке убитой Алапаги! — произнесла миссис Робертс, поднимаясь со стула. — Потерять ее мог только убийца индианки!

Роусон быстро схватился за пистолет, спрятанный в кармане. В эту минуту из-за занавески показался Ассовум с наведенной на него винтовкой и произнес:

— Если двинешься с места, я тебя прикончу!

Миссис Робертс, думая, что Ассовум на самом деле убьет Роусона сейчас, бросилась между ними и отвела рукой ствол винтовки.

— Ради Создателя, не убивайте его хоть при мне!

Роусон мгновенно воспользовался моментом — выскочил в окно, вскочил на лошадь и помчался в лес.

Ассовум, осторожно отстранив обессиленную от пережитых волнений хозяйку, выскочил вслед за ним, вырвал у негра, водившего лошадь, приготовленную для миссис Робертс, повод, сбросил женское седло, вскочил на нее и поскакал вслед за удиравшим негодяем.

Глава XV

ОСАДА

— Вот и дом Роусона! — сказал Робертс, указывая на уютный домик, стоявший почти на самом берегу реки.

— А я не знал, что он находится так близко от моей фермы. Значит, мы теперь будем соседями, мисс Мэриан!

— Ну, Мэриан, нравится тебе твое новое жилище? — спросил отец. — По-моему, здесь немного пустынно. Впрочем, густые вековые деревья несколько скрадывают пустынность и оживляют картину!

— Да, здесь как-то одиноко и жутко! — ответила Мэриан дрожащим голосом. — Я думаю, что здесь жить не слишком весело!

— О, все это скоро примет более оживленный вид, стоит только пустить на лужайку скот с бубенчиками на шее, а во двор — домашнюю птицу!

— Да зачем же мистеру Роусону обзаводиться хозяйством, если через несколько дней он переселится на ферму Аткинса? — спросил Гарпер.

— Все равно, — сказал Баренс. — Семейному человеку и дня не прожить без привычной домашней обстановки...

— Что с тобою? — спросила вдруг Мэриан у Эллен. — Отчего ты вздрогнула?

— Мне показалось, что кто-то смотрел вон в то чердачное окно! Впрочем, я, вероятно, ошиблась!

— Конечно, ошиблись! — засмеялся Робертс. — Если и предположить, что какой-нибудь гость забрался в дом спозаранок, то зачем ему торчать на чердаке, когда в доме несколько удобных комнат!

Тем временем гости спешили и подошли к крыльцу.

— Какая крепкая дверь! — сказал Гарпер, входя в сени. — Таковую не скоро сломаешь. Право, здесь вовсе не

дурно! Как жаль, что мой дом, особенно после смерти Алапаги, не сравнить с этим!

— Полно, Гарпер, вскоре, может, и у вас заведется хозяйство. Брауну давно пора жениться, думаю, он приведет в ваш дом хозяйку, а она живо все устроит как следует!

— Эй, Мэриан, иди сюда, принимай гостей: теперь ведь это твои владения! А мы, господа, пока наберем дров да растопим камин, так что к приезду моей жены все будет готово. Где топор у хозяина? Должно быть, во дворе! Пойдемте, друзья мои!

Мужчины вышли во двор, а девушки остались одни в комнатах.

— Отчего ты все плачешь, Мэриан? — участливо спросила Эллен. — Какое горе тебя удручает? Ты не поделишься с подругой?

— Да, я все скажу! — всхлипнула девушка, горячо обнимая подругу. — Все равно, теперь ничего не вернешь! Но что ты увидела в окне?

— Мэриан, смотри, кажется, твой жених. Его понесла лошадь!

— Стойте, Роусон, стойте! — кричал тем временем на дворе Баренс. — Чего вы скачете, как безумный!

— О, дьявол! — воскликнул Гарпер, чуть не сшибленный лошадью, отскакивая в сторону. — Что с ним стряслось?

Роусон не удостоил их ответом, даже не взглянул на них. Быстро соскочив с лошади, он вбежал в дом, запер дверь на задвижку и оглянулся вокруг. Видя, что в доме нет никого, кроме девушек, он схватил со стены винтовку и, сверкая глазами, громко крикнул:

— Коттон, вы здесь?

— Здесь, — раздался голос сверху, — я вижу индейца. Он вероятно, преследует вас, будьте внимательнее!

— Живо спускайтесь! — продолжал Роусон. — Сколько там наших врагов? Нам придется выдержать неравную борьбу!

Коттон спустился вниз. Эллен, увидя человека, которого боялась больше всего на свете, зашаталась от волнения.

— Мистер Роусон, что все это значит? — спросила Мэриан. — Пустите меня к отцу. Еще раз спрашиваю вас, что это значит?

— Скоро вы все узнаете! — иронически произнес Коттон, беря вторую, стоявшую в углу винтовку. — А вас, Роусон, я не поблагодарю! Зачем вы заставили меня целый час сидеть на чердаке? Чтобы попасться в западню? Да будь я теперь в лодке, не дожидаясь вас, уплыл бы себе преспокойно!

— Убирайтесь к черту! — закричал кому-то через дверь Роусон. — Если вы еще сунетесь сюда, я пушу вам пулю в лоб!

В подтверждение своих слов, он выстрелил и, бросив карабин на пол, быстро достал из-под матраца кровати еще четыре ружья.

— Ну, теперь проклятый краснокожий не так-то легко отделается от меня!

— А что будем делать с этими девчонками? — спросил Коттон.

— Оставим здесь, как заложниц: их жизнь служит обеспечением нашей собственной. Только бы продержаться до вечера, а там мы спасены!

— Все-таки не понимаю, на кой дьявол они нам сдались? Все равно эти негодяи подожгут дом!

— В том-то и штука, что не посмеют! Девчонки поумерят их прыть. Вон подходит старик Робертс, без оружия. Должно быть, ему хочется повидаться с дочерью, но я ему этого не позволю.

Когда ошеломленные охотники расступились перед быстро скакавшим Роусоном, тотчас же скрывшимся в доме, из лесу показался гнавшийся за ним Ассовум, с винтовкой в руке.

— Ассовум! — закричал Баренс. — Почему ты преследуешь Роусона? Что ты от него хочешь?

— Я разорву его на части, вырву сердце и выпущу кровь! — яростно проревел краснокожий, соскакивая с лошади и влезая на изгородь.

В этот-то момент и раздался выстрел Роусона. Индеец свалился с забора, но через секунду вскочил и укрылся за большим деревом, откуда мог удобно наблюдать за домом, и, следовательно, воспрепятствовать бегству Роусона.

Баренс и Гарпер поспешили присоединиться к индейцу, а Робертс направился к дому, чтобы вырвать из рук Роусона свою дочь. Он еще не знал, что именно совершил Роусон, но уже был уверен, что тот сотворил что-то недоброе.

— Назад! — закричал ему через дверь Роусон, не подпуская близко к дому. — Назад, говорю вам, если жизнь вам дорога!

— Выпустите мою дочь! — крикнул Робертс. — Что вы имеете против нас? Отпустите ее ко мне!

— Назад! — закричал Роусон, вскидывая винтовку. Мэриан, увидев опасность, грозившую ее отцу, бросилась к своему жениху и помешала ему выстрелить.

— Коттон! — крикнул взбешенный таким вмешательством методист. — Да уберите от меня эту несчастную девчонку!

— Так давайте свяжем обеих!

Негодяи набросились на беззащитных пленниц и стали их связывать.

— На помощь! На помощь! — закричали девушки, пытаясь вырваться.

— Мерзавец, негодяй, разбойник! — гремел за дверью Робертс, налегая на нее плечом; она не поддавалась. Баренс и Гарпер, еще не совсем оправившийся от болезни, бросились на помощь своему другу, но было уже поздно: девушек связали и оба разбойника приготовились к защите с винтовками в руках.

— Первому, кто приблизится к дому, всажу пулю в лоб!.. — громко заявил Роусон, переходя затем к устроенной им из досок бойнице, откуда он намеревался высмотреть индейца. Однако Ассовум предвидел это и спрятался за дерево, лишь по временам посматривая назад: регуляторы вскоре должны были приехать к дому Роусона.

После отступления огорченный Робертс предложил своим приятелям остаться за оградой, а сам, один, без оружия подошел снова к дому. Но не успел он начать переговоры, как Роусон прервал его:

— Пожалуйста, без долгих рассуждений! Что вам надо? Возвратить вам дочь? На каких условиях?

— Я согласен на любые ваши условия. Берите мою лошадь и спокойно уезжайте, куда хотите! — отвечал вне себя от горя несчастный отец. — Возвратите нам мою дочь и Эллен, и никто не подумает преследовать вас!

— Роусон, соглашайтесь скорее! — прошептал Коттон. — Конечно, в случае, если мне будут предложены такие же условия.

— Что я, дурак, чтобы поверить болтовне старого черта? Да Ассовум тотчас же угрожает нас на месте, едва

мы высунем нос! Неужели вы думаете, что он добровольно согласится отпустить того, кого он ненавидит больше всего? Подождем до ночи, тогда и постараемся спастись!

— Отчего бы не попробовать сделать это сейчас? Наши враги немногочисленны и почти безоружны!

— Они-то нам не страшны, а вот краснокожий портит все дело!

— А что будем делать, когда придут регуляторы?

— Поджечь дом они все равно не решатся, так как им придется проходить под нашими пулями, если же мы продержимся здесь до ночи...

— И тогда?..

— Тогда мы спасены: под полом подземный ход, вырытый мною и Джонсоном; он ведет к реке, туда, где спрятана лодка!

— Так отчего же мы не пользуемся этим прекрасным средством спасения до прибытия регуляторов?

— Вы совсем перестали что-нибудь соображать! Ассовум засел у реки совсем недалеко от того места, где укрыта лодка. Если бы даже нам и удалось незаметно от него спустить ее в воду, он по шуму догадается, что происходит.

— А регуляторы?

— Черт бы их побрал! Во всяком случае, пока девочки в наших руках, мы в относительной безопасности.

— Что же вы не отвечаете? — раздался у дверей голос Робертса. — Согласны на мое предложение? Быть может, вы не одни в доме, так мы согласны отпустить и ваших сообщников. Отдайте девушек и проваливайте!

— Ассовум грозился убить меня и непременно исполнит свою угрозу. Постарайтесь уговорить индейца подтвердить ваше условие, тогда я соглашусь. В противном же случае, при первой попытке взять дом штурмом я убью девочек!

— О, конечно, Ассовум согласится! — радостно воскликнул в ответ на это предложение Робертс. — Он подтвердит мое обещание!.. Но, Боже мой, уже поздно, подъезжают регуляторы!

Робертс сказал правду: это были они. Обрадованный этим, Ассовум поспешил к ним навстречу, испустив полный торжества воинственный клич своего племени.

Роусон сразу понял, какой смертельной опасности он подвергнется, если попадет в руки своего непримиримого врага и мстителя. Однако ужас не помешал ему восполь-

зоваться неосторожностью Ассовума, покинувшего свое укрытие. Разбойник быстро прицелился и выстрелил, на этот раз удачнее: кровь индейца из задетого пулей предплечья брызнула на землю. К счастью, рана оказалась пустяковой, и индеец возвратился на прежнюю позицию.

Возмущенные регуляторы быстро спешили и бросились к дому, но вернувшийся в это время Робертс предупредил их об опасности, которой они подвергают девушек своим нападением.

— О, неужели Мэриан во власти этого негодяя? — с ужасом воскликнул Браун. — Что же теперь делать?

— Выломаем дверь и ворвемся в дом, — предложил Гарфильд, — а если негодяи попробуют причинить хоть малейший вред девушкам, мы сожжем их заживо. В противном же случае, мы готовы удовольствоваться повешением! Вот и веревки!

— Нет, это вряд ли нам не удастся! — отвечал Браун. — Разбойники, доведенные до крайности, готовы на все. Нужно придумать что-то другое. Где Ассовум?

— Господа! — вмешался Стефенсон — Пока мы здесь будем совещаться, негодяи могут удрать. Нужно расставить вокруг дома часовых!

— Дом оцеплен! — ответил Браун. — У самого опасного места — у реки стоит Ассовум, он-то уж не упустит их!

— По-моему, — продолжал Стефенсон, — следует хорошенько стеречь их — вот и все. К вечеру нужно будет разложить костры, чтобы негодяи не воспользовались темнотою. Я полагаю, что ночью они непременно попытаются бежать к реке, через которую рассчитывают перебраться вплавь или на лодке, если таковая имеется у них! Но вон подходит Ассовум, послушаем, что он окажет.

Браун поспешил перевязать своему другу руку и спросил:

— Отчего вас так боится Роусон?

— Потому что чувствует, что я узнал, кто убийца Алапаги!

— Кто же?

— Он сам!

— Как! Убийца Алапаги — Роусон? — воскликнули окружающие.

— Алапага убита им. Его кровь запеклась на рукоятке ее томагавка.

— Вот так праведник! — с иронией воскликнул Гарфильд.

— Не вздумайте нападать на дом, — продолжал Ассовум, — так как во всяком случае Роусон умрет и умрет мужественно, даже с удовольствием. Но он принадлежит одному мне, прекрасно это знает и потому не дастся живым в руки. Подождите, пока стемнеет. Тогда Ассовум берется провести вас к такому месту, где можно захватить негодяев живыми!

В это время подъехал негр, слуга Робертсов, посланный своей госпожой с поручением узнать, как обстоят дела. Ей решили пока ничего не говорить об опасности, которой подвергается ее дочь.

— Когда мы проезжали мимо их дома, — сказал Кук, — миссис Робертс кричала нам, чтобы мы спасли ее дочь от негодяя Роусона. Откуда она могла узнать о его преступлении?

— Он сам выдал себя! — ответил Ассовум. — Ну, да об этом я расскажу позже.

Глава XVI

ПЛАН АССОВУМА

— Смотрите, — сказал Коттон, — Ассовум покинул свой пост. Не воспользоваться ли удобным моментом и ускользнуть на лодке?

— Вы с ума сошли! Если теперь заметят лодку, мы лишимся последней надежды на спасение. Дождемся ночи!

— Ну, а если регуляторы оцепят дом так, что нам не удастся прорваться? Ведь в таком случае мы рискуем умереть с голода!

— Ладно, — усмехнулся Роусон. — Девчонки скорее подохнут, чем мы!

— Так-то так, но...

— Постойте, — перебил его методист, — есть еще одно соображение, подойдите-ка поближе, чтобы нас не услышали пленницы. Регуляторы, конечно, уверены, что мы в темноте попытаемся пробраться к берегу, и совсем не догадаются поставить часового в густых камышах, куда выходит подземный ход.

— А что мы будем делать с девушками? Возьмем с собой?

— Конечно, черт возьми! Они послужат нам на всякий случай, прикрытием от пуль.

— А если они поднимут крик и выдадут нас?

— Заткнем им рты, а кроме того, придумаем какую-нибудь уловку, чтобы обмануть их. Послушайте, — сказал он подходя к связанным девушкам, — обещайте, что будете молчать по крайней мере час после нашего ухода отсюда! Тогда мы оставим вас здесь!

— О, с удовольствием, — радостно воскликнула Элен. — Только, будьте добры, развяжите веревки!

— Ну уж нет! — отрубил Роусон. — Будьте довольны, что вам предоставили возможность действовать языком!

— Но веревки нестерпимо режут мне руки!

— Пожалуй, я ослаблю веревки, — сказал Роусон, подходя к кровати, к которой были привязаны девушки.

— Роусон, смотрите, вон ползет проклятый Ассовум! К сожалению, он так припал к земле, что нет ни малейшей возможности прицелиться в него, он извивается как уж!

— Вот вам прекрасный случай доказать свою меткость, которой вы не устаете хвастаться! — насмешливо отвечал Роусон. — Попробуйте попасть в краснокожего. Плачу за удачный выстрел сотню долларов!

— Ого! — воскликнул Коттон, внимательно следя за то исчезающим, то снова показывающимся индейцем. — Значит, вы немало заработали вашим прибыльным занятием!

С этими словами он вскинул винтовку, прицелился, но принужден был снова опустить его.

— Черт возьми! — пробормотал он. — Сотня долларов за выстрел... стоит постараться! Ну-ка, еще разок!

Разбойник медленно стал наводить дуло, и, наконец, улучив удачный момент, приготовился спустить курок. Как раз в этот момент краснокожий сделал еще одно ловкое движение и скрылся совершенно.

— Проклятый! — выругался одураченный Коттон. — Легче поймать молнию, чем его! Однако, смотрите, Роусон, как бы он не добрался до лодки!

Собственно говоря, у Ассовума не было никакого определенного плана. Он даже не подозревал о существо-

вании лодки и хотел только отвлечь внимание осажденных. Он решил во что бы то ни стало овладеть своим врагом до восхода солнца, не обращая внимания даже на его угрозы убить девушек. Разве его возлюбленная Алапага не была убита тем же Роусоном и также предательски? Ассовум предпочел рискнуть жизнью Мэриан и Эллен и попытаться осуществить свою месть.

Меж тем, как ни долго казались и осажденным, и осаждающим часы томительного ожидания, начинало смеркаться. Приближалось время, когда предстояло решиться на что-то и действовать энергичнее, не довольствуясь пассивным поддержанием статус-кво.

— Лишь только совершенно стемнеет, — сказал Роусон своему товарищу, — я спущусь к реке и посмотрю, как обстоят дела с лодкой. А затем перенесем туда наших пленниц!

— Если они будут сопротивляться, я без церемоний угощу их ударом кулака. По крайней мере они тогда очнутся не раньше, чем мы успеем уплыть миль за пять отсюда!

— Говорите тише, а то ваша будущая супруга что-то внимательно прислушивается к нашему разговору. Если они догадаются о наших планах, то поднимут такой крик, что регуляторы бросятся им на выручку, несмотря на наши угрозы. Будьте внимательнее! — предупредил его Роусон, поднимая половицу, скрывавшую ход в подземелье. — Я сейчас вернусь!

— Мэриан, — тихо произнесла Эллен, — не теряй надежды. Я сумела освободить одну руку. Сейчас развяжу и другую!

— Ради Бога, — взмолилась Мэриан, — развяжи руки и мне! Я изнемогаю от боли!

Освободясь от веревок, Эллен внимательно окинула взглядом помещение, отыскивая какое-нибудь оружие. К счастью, как раз у кровати, на стуле, лежал пистолет, а на стене висели две винтовки. Стоило только протянуть руку, чтобы достать и то и другое.

Только Эллен потянулась к Мэриан, чтобы освободиться от веревок, как половица приподнялась, и из-под нее показалась голова Роусона.

— Вы ничего не слышали, Коттон? — прошептал он подошедшему товарищу.

— Нет!

— Мне слышался звук ломаемых досок. Неужели кто-нибудь успел пробраться к дому?

— Не может быть. Вы, должно быть, ослышались! Лодка в порядке?

— Все готово к бегству. Нужно немедленно же воспользоваться тем, что почти все регуляторы собрались перед фасадом дома, и темнота совершенно скроет нас от преследователей.

— А как быть с пленницами?

— Заставим молчать и потащим с собою!

— Каким образом мы вдвоем потащим оружие, чемодан с провизией да еще этих проклятых девчонок?

— Берите оружие и отправляйтесь. Через десять минут вы уже вернетесь, я вас подожду здесь. Провизия в лодке.

— Ну и прекрасно! Я постараюсь вернуться как можно скорее!

Коттон исчез в подземелье, а Роусон тревожно принялся ходить взад и вперед по комнатам. Все было тихо. Эллен осторожно приподнялась, схватила со стула пистолет и приняла прежнее положение.

Роусону, наконец, стало надоедать тоскливое ожидание. Он нетерпеливо прошелся еще раз и быстро спустился в подземелье послушать, не идет ли Коттон.

— Как жаль, что под руками нет ножа, чтобы перерезать путы! — прошептала Эллен дрожащей от волнения подруге.

— У меня под ногою шевелится доска, — сказала Мэриан. — Что это значит?

— Неужели? Тебе это не кажется? — радостно спросила Эллен. — Ведь это наши спасители... Река находится с противоположной стороны дома, следовательно, подземный ход не может проходить здесь.

— О, если бы можно было развязать мои руки! — простонала Мэриан.

— Черт побери этого Коттона! — проворчал Роусон, возвращаясь в комнату. — Ничего не видно и не слышно. Уж не вздумал ли он удрать один? Приходится идти одному. Во всяком случае — вперед!

В этот момент доска возле Мэриан приподнялась, и показалась голова краснокожего.

Роусон, схвативший ружье, приготовился уже спуститься в подземелье, когда доска, приподнятая Ассовумом, отлетела в сторону. Методист быстро обернулся на

стук и увидел, при слабом свете сумерек, голову своего заклятого врага, готового воспользоваться замешательством Роусона, чтобы выскочить из-под пола.

Роусон, действительно, был страшно поражен, но ментально оправился и ринулся на индейца, находившегося в крайне невыгодном для борьбы положении. Методист уже замахнулся, готовясь нанести смертельный удар краснокожему прикладом, как Эллен вскинула пистолет и выстрелила. Все это она проделала так быстро, что негодяй не успел ни броситься на нее, ни ударить Ассовума.

С проклятием Роусон рухнул на пол, а краснокожий, воспользовавшись этим, вскочил в комнату, как ягуар, прыгнул на него, и придавил его грудь коленом.

Вслед за Ассовумом из отверстия показался Куртис, и в то же время из подземелья высунулась голова Коттона. Увидев опасность, угрожавшую его товарищу, он отважно бросился ему на помощь. Тем временем Куртис влез в комнату, а Эллен бросилась отодвигать засовы двери, в которую уже ломились регуляторы.

Коттон понял, что борьба проиграна; шмыгнул в подземный ход и, пользуясь темнотою, добежал до реки. Куртис, бросившийся за ним, споткнулся и упал головою вниз.

— Скорее давайте факелы! — крикнул ворвавшийся в комнату Гарфильд. — Один из негодяев скрылся под полом!

— Тут подземный ход! — закричал снизу Куртис. — Разбойник, наверное, уже бежал! Проход тянется до самой реки!

— Нет ли у кого-нибудь платка? — спросил Ассовум, связывая Роусона по рукам и ногам ремнями.

— Зачем он тебе, друг?

— Бледнолицый ранен!

— Индеец чувствует сострадание к своему врагу! — изумился Стефенсон. — Это что-то новенькое!

— Какое тут сострадание! — сурово произнес краснокожий. — Кто смеет утверждать, что Ассовум питает сострадание к убийце Алапаги? Этот негодяй не умрет от пули девушки! Месть принадлежит Ассовуму!

— Вот платок! — сказал Стефенсон, подавая фуляровый платок Ассовуму и наклоняясь над раненым. — Ба, да эта противная рожа кажется мне знакомой!

Роусон с удивлением посмотрел на говорившего.

— Ого, — продолжал тот, — да это убийца ското-промышленника!

— Проклятье! — прошипел раненый.

— Где Браун? — спросили несколько человек.

— Я здесь, господа! — отозвался командир. — Нет ли у кого-нибудь уксуса?! Мисс Мэриан в обмороке!

— Уксуса нет, а вот виски и вода! — сказал молодой Стефенсон, подавая две жестяные фляжки.

— Поймали кого-нибудь? — спросил Гарфильд, увидя группу возвратившихся регуляторов.

— Нет, — отвечал один из них. — Когда мы подбежали к реке, то вдалеке заметили лодку. Мы выстрелили; через минуту слышался шум, точно от падения тела в воду. Не могу утверждать точно, но думаю, что один из беглецов непременно убит!

— С Роусоном здесь был только Коттон! — заметила Эллен.

— Жаль, что нам не удалось захватить и этого мерзавца! — сказал Вильсон. — А что станется с Роусоном?

— Завтра его и остальных пойманных разбойников будут судить! — ответил Браун. — Мистер Робертс, надеюсь, что вы также придете на суд. Кто на карауле у входа?

— Канадец, — отвечал Кук. — Двое наших пустились в погоню за беглецом. Я полагаю, что в окрестностях никого из шайки этих негодяев не осталось, раз в доме были только Роусон и Коттон!

— Не напали ли на след мулата?

— Нет, — ответил подошедший в это время Ассо-вум. — Его след идет по направлению к горам, так что за ним теперь гнаться бесполезно!

— Не забудьте осмотреть завтра утром весь дом! Я попрошу об этом вас, Гарфильд!

— А как мы перевезем нашего пленника? — спросил Куртис. — Ведь у нас нет лодки!

— Вы можете быть совершенно спокойны! Ассо-вум о нем позаботится. Смотрите, он сидит около Роусона, как нянька у постели больного ребенка. Не желал бы я теперь быть на месте почтенного проповедника!

— Пожалуй, — подхватил Куртис, — если бы мы вздумали освободить его, Ассо-вум непременно прирезал бы несчастного и снял с него скальп!

— Рана не позволит ему ехать верхом! — заметил Стефенсон, осматривая руку раненого, — у него совершенно раздроблен локоть!

— Так рана опасна? — с тревожным беспокойством спросил Ассовум, только при последних словах вышедший из состояния какой-то мрачной озабоченности.

— Конечно! — ответил переселенец. — Особенно, если он простудится при переезде на сыром ночном воздухе!

— В таком случае, я понесу его на руках! — воскликнул индеец.

— Кого? Роусона? — не поверил своим ушам Баренс.

— Да, его! — отвечал спокойно краснокожий, принимаясь заботливо укутывать пленника в шерстяное одеяло.

— Господа! — громко заявил Робертс, обращаясь ко всем присутствующим. — Надеюсь, завтра вы все соберетесь у меня? А теперь пора! Неужто краснокожий в самом деле потащит Роусона на себе?

Не отвечая ни слова, Ассовум взвалил тяжеловесную ношу на плечи и тронулся в путь.

— Он убьет его? — со страхом спросила Мэриан у стоявшего рядом с ней Брауна.

— Сегодня, по крайней мере, нет! — отвечал тот. — Но завтра суд регуляторов вынесет приговор негодяю, запятнавшему себя тройным убийством. Пойдемте, Мэриан! Ваш батюшка с моим дядей и Баренсом уже на лошадях. Нужно скорее вернуться к вам домой и успокоить миссис Робертс.

Вся компания помчалась вскачь. Обгоняя индейца, они увидели, что Ассовум озабоченно, почти с тоскою, вглядывается в лицо своей жертвы. Вдруг на лице его мелькнуло выражение успокоения: дикарь убедился, что Роусон еще жив.

Глава XVII

СУД ЛИНЧА

Собрание регуляторов, решивших судить пойманных бандитов, было назначено неподалеку от Фурш Лафава на вершине высокого холма. В полумиле отсюда находи-

лась заброшенная хижина, где была убита Роусоном Алапага, а несколько дальше вниз по течению река пересекала дорогу, на которой сбились с верного пути преследователи конокрадов, благодаря хитрости того же Роусона.

Обыкновенно вся эта местность и сам холм бывали совершенно пустынно и безлюдны. Теперь же на холме царило необычайное оживление. Под густыми кронами деревьев пылали несколько больших костров, вокруг которых расположились около двадцати окрестных фермеров и охотников.

Несколько подалее от них находилась другая группа, относившаяся, по-видимому, совершенно безучастно ко всему происходившему. Она состояла из Аткинса, Джонсона, Уэстона и Джонса под охраною двух регуляторов с заряженными ружьями в руках. Еще далее помещалась третья, самая малочисленная группа: Роусон и Ассовум.

Вскоре на холме показались Браун, Робертс и Гарпер с каким-то незнакомым субъектом, которого командир регуляторов представил, как адвоката из областного города, и открыл заседание.

Из отряда регуляторов избрали двенадцать человек в качестве присяжных, причем каждому из подсудимых предоставлено было право отвода двух из них и просить о замене их другими. Но никто не воспользовался этим правом.

— Господа! — обратился к присутствующим Браун. — Кто возьмет на себя роль защитника обвиняемых?

— Я, если позволите! — сказал приехавший с ним незнакомец. — Меня зовут Уартон, я — адвокат по профессии!

— Вот и прекрасно! — ответил Браун. — Если вам удастся поспособствовать хоть малейшему смягчению их наказания, это будет большой заслугой и великодушным поступком. Но предупреждаю вас, наше собрание намерено руководиться только законом¹ Линча, и никаких

¹ «Закона Линча», как такового, в США не существует. Суд Линча — точнее самосуд — народная расправа сначала над беглыми неграми рабами, а затем над всеми злостными преступниками применялся с середины XVIII столетия в глухих уголках, далеко удаленных от центров, где имелись судебные органы. Вероятно, название дано по фамилии жившего в XVIII веке полковника-расиста Чарльза Линча.

уступок не допустит. Решение большинства обязательно в любом случае, каков бы ни был приговор! Итак, заседание открыто!

Сначала заслушали обвинения против Аткинса и Уэстона как укрывателей, и против Джонсона как пособника в конокрадстве.

Так как потайная конюшня для ворованных лошадей на ферме Аткинса была детально обследована, то факт преступления не подлежал сомнению. Так же обстояло дело и с Уэстоном, хотя он сначала и заперся, что особенно раздражило регуляторов, возмущенных его явной ложью.

— Повесить этого негодяя и лжеца сейчас же на первом суку! — требовали почти все регуляторы.

Однако Браун умерил их пыл заявив, что прерогатива произнесения приговора принадлежит присяжным, причем преступник в любом случае имеет право защищаться. Участие Джонса тоже настолько было очевидным, что все единогласно решили считать его уличенным в конокрадстве. Даже адвокат Уартон не нашел никаких мотивов к его оправданию.

Затем перешли к разбирательству дела об убийстве Гитzkота. Тут обвинителями Джонсона и Роусона выступили Куртис и Гарфорд. Их обвинения были поддержаны Ассовумом, измерившим следы, и заявлением Брауна, напомнившим о покушении Джонсона на индейца. Уартон хотел что-то сказать, но связанный разбойник выступил вперед и перебил его:

— Полно, не нужно оправданий! Я знаю прекрасно, что эти молодцы решили меня повесить и повесят. Но я не хочу унижаться и оправдываться. Я убил Гитzkота и очень жалею, что не могу сделать этого и со всеми остальными!

— На сук его, на сук негодяя! — закричали обозленные слушатели, готовые уже ринуться на связанного преступника.

— Пойдите, друзья мои! — вмешался Браун. — Сначала выслушаем методиста и тогда уже приступим к произнесению приговора. Иначе присяжные не смогут ничего уяснить себе!

— Ну, ладно! — согласились некоторые. — Выведите сюда Роусона! Пусть проклятый святоша даст нам отчет в своих злодеяниях!

Роусон задрожал при звуке раздавшихся по его адресу угроз и проклятий, поняв, что пощады не будет. Он хотел было подняться, но ноги отказывались служить ему. Несчастный преступник опустился на землю и впал в бессознательное состояние. Тогда к нему поспешил на помощь Ассовум, привел его в чувство и почти на руках донес до собрания.

— Роусон! — обратился к нему предводитель. — Вас обвиняют...

— Постоите, — взмолился самым смиренным голосом струсивший негодяй. — Я все скажу сам, надеюсь, что вы примете во внимание мое искреннее признание в преступлениях и смягчите смертную казнь, совершив ее без мучений. Я хочу...

— О, подлец! — вскричал Джонсон. — Так позорно дрожать перед лицом этих мерзавцев!

— Если вы произнесете еще хоть слово, — обратился к нему председатель, — я раздроблю вам череп!

Затем обвинитель перечислил совершенные Роусоном преступления и предательства.

— Господа! — заявил вне себя от ужаса перед столь явными уликами Роусон. — Послушайте меня, ради Бога, я готов признаться...

— Я протестую против теперешнего суда над этим субъектом! — вмешался Уартон. — Если он чистосердечно сознается во всех преступлениях, вы должны передать его правительственному суду!

— Я вас предупреждал, — возразил Браун, — что этого не будет и что постановление нашего суда обжалованию не подлежит!

— Отпустите меня на свободу! — кричал окончательно отчаявшийся Роусон. — Я расскажу, что делается на Миссисипи. Я открою вам...

— Замолчите, и я спасу вас! — прошептал ему на ухо Уартон.

Роусон с удивлением посмотрел в глаза своему защитнику, но лицо того оставалось бесстрастным и сдержанным.

Вместо того чтобы сделать преступнику какой-нибудь одобрительный знак, тот стал внимательно прислушиваться к начавшимся уже дебатам присяжных, отошедших в сторону.

Через несколько минут присяжные вернулись. Первым огласили определение относительно Аткинса.

— Единогласно признан виновным!

Услышав роковое решение, несчастный упал на землю и закрыл лицо руками.

— Уэстон? — спросил Браун.

— Виновен!

— Джонс?

— Виновен!

— Джонсон?

— Виновен!

— Роусон?

— Виновен!

Таков был единогласный приговор присяжных. Преступники поникли головами в ожидании наказания. Уэстон принялся было плакать и жаловаться, а Джонсон лишь скрипнул зубами.

Тем временен Роусон, не обращая внимания на происходившее, следил только за движениями Уартона, обещавшего выручить его. Для преступника это был последний луч надежды, блеснувший в самый последний, критический момент.

— Судом Линча вы все признаны виновными и приговариваетесь к повешению! — громко заявил Браун.

— Повесить их немедленно же! — крикнули несколько голосов из толпы. — Нечего с ними церемониться! На веревку их!

— Пойдите! — выступил навстречу бросившейся было на преступников толпе Браун. — Они все, правда, приговорены к смертной казни, но вина их неодинакова, поэтому и наказание должно быть неодинаковым. Не найдется ли среди вас кого-нибудь, кто сказал бы в их оправдание, хоть слово!

— Я! — отозвался Вильсон, выступая вперед. — Сын Аткинса сегодня ночью скончался, а жена сильно больна. Кроме того, Аткинс собирался уехать в Техас, не отпустить ли его?

Аткинс с затаенной надеждой обвел глазами собрание. Молчание, почти гробовое, было ему ответом.

— Я подаю голос за помилование! — нарушил, наконец, это молчание Браун.

— Я тоже! — присоединился Гарфильд. — По-моему, следует помиловать и Уэстона, ввиду его чистосердечного признания. Нежелание же его выдать сообщников только

заслуживает уважения. Он и так, пожалуй, достаточно наказан!

— Да! — согласились присяжные. — Пусть только он даст обещание исправиться!

— Пощадите и меня! — завопил Джонс, желая воспользоваться общим добродушным настроением. — Ведь я совершил преступление впервые, к тому же житель другого округа!

— Прекрасно! — сказал Браун. — Вас, как гражданина другого округа, передадут в руки тамошних властей. Снять с вас обвинение совершенно — нельзя!

— Отослать его в Литл-Рок¹, и баста! — постановило собрание большинством голосов.

— Так-то так, — заметил Куртис. — Но ведь он моментально сбежит из кутузки местного шерифа, и наказание, таким образом, сведется к нулю. Лучше всыпем-ка ему на дорогу несколько десятков розог!

Собрание пришло в восторг от такой меры, и Джонса немедленно потащили к дереву.

— А как порешить относительно Джонсона и Роусона? — спросил Гарфильд.

— Смертная казнь! — был единодушный ответ.

— Послушайте, — пролепетал методист Уартону. — Если вы действительно хотите спасти меня, поторопитесь! Регуляторы не замедлят привести в исполнение приговор!

— Молчите и ждите! — отозвался тот.

Роусона только покорило от такого наставления.

Тем временем Вильсон, подойдя к связанному Аткинсу, перерезал на нем веревки. Фермер поднялся, отвесил глубокий поклон и, сев на лошадь, любезно предоставленную ему тем же Вильсоном, умчался прочь.

— Спасите же меня, а то будет поздно! — снова прошептал, дрожа от страха Роусон. — Вы обещали мне это, и вам следует исполнить свое слово.

— Ведите осужденных на казнь! — твердо и спокойно распорядился Браун.

— Подождите! — вскричал адвокат. — Преступники заслужили смерть, я не спорю, но нужно отдать их в

¹ Литл-Рок — административный центр штата Арканзас.

руки правительства, а то ваш приговор является таким же жестоким убийством, как и те, за которые вы их приговорили к смертной казни.

— Исполняйте мое приказание! — тем же тоном произнес Браун, не обратив внимания на заявление Уартона. — Осужденные, кажется, ничего больше не скажут в свое оправдание!

— Я открою вам многие тайны! Я должен...

— Вы приговорены к смерти и умрете! — оборвал методиста Браун.

— Нет, бледный человек принадлежит мне! — вмешался Ассовум.

— Ни за что! — заревел Роусон. — Лучше повесьте меня, но не отдавайте в лапы краснокожего дьявола!

Ассовум, не дожидаясь ответа, связал ремнем руки Роусона, взвалил его на плечи и стал спускаться с холма. Несмотря на протесты Уартона, никто ему не препятствовал.

Тем временем регуляторы подвели Джосона к дереву. Исполнявший обязанности палача негр влез на сук и привязал веревку. Джонсона поставили на спину лошади и накинули на шею петлю. Стоило лошади стронуться с места, и осужденный тут же повис бы. Но лошадь почему-то не трогалась, и все молча ждали неизбежного конца.

Наконец, Браун решил прекратить эту тягостную сцену, вскочил на лошадь и пустился вскачь с холма. Все остальные последовали за ним.

Через пару минут на холме не осталось никого, кроме Джонсона, неподвижно стоявшего, со связанными руками и ногами и с веревкою на шее, на собственной лошади, вот-вот готового повиснуть...

Глава XVIII

МЕСТЬ ИНДЕЙЦА

По широкой, прозрачной реке, осененной густыми деревьями, скользил челнок. Стояла тишь, лишь олень, пришедший к воде напиться, испугавшись человека, бросился обратно в чащу, ломая на пути засохшие ветки.

На носу челнока лежал связанный бесчувственный Роусон.

Вскоре челнок повернул, пересек реку поперек и врезался носом в песок небольшой, усеянной камнями отмели. Методист очнулся, но снова готов был лишиться чувств, увидев место, где он совершил преступление, а перед собою грозное лицо мужа убитой им жертвы. Он понял теперь, что его ожидает ужасная казнь и что спасения ждать неоткуда. Ассовум выпрыгнул на берег и привязал челнок, притянув его к самому берегу, бережно поднял своего связанного пленника.

— Что ты хочешь со мной делать? — прохрипел обессиленный Роусон.

Краснокожий не удостоил его ответом.

— Да говори же, дьявол! — с энергией отчаяния настаивал несчастный методист.

Ассовум, все также молча, направился со своей ношей в хижину, где было совершено убийство. И без того измученный страхом, Роусон не мог без содрогания взглянуть на место гнусного преступления. Индеец выволок его на середину хижины и положил на землю. Он все еще не произносил ни слова, а мрачная, зловещая тишина нарушалась лишь прерывистым дыханием методиста.

Роусон, желая скорее убедиться, какая участь ждет его, приподнялся на локтях и обвел хижину взглядом.

Около него на корточках сидел Ассовум, внимательно следивший за своим пленником, но, по-видимому, погруженный в глубокое раздумье. В глазах его светилось чувство полной удовлетворенности и даже торжества. Он, точно ягуар, сторожил свою добычу.

Наконец индеец встал, отвязал от пояса ремень и прикрутил методиста к центральному столбу. Напрасно Роусон сулил ему золотые горы, напрасно обещал открыть какие-то сказочные сокровища и поделиться сокровенными тайнами, Ассовум оставался неумолим, не соглашаясь даже прекратить его мучения ударом томагавка.

Индеец на минуту вышел и вскоре он вернулся с большой охапкой сухих ветвей, листьев и хвороста.

Теперь Роусон, знакомый с обычаем индейцев Дальнего Запада, понял, какую казнь готовит ему краснокожий. Судорожно забился он на земле, стараясь освободиться от пут. Бессильная злоба и ужас исторгли у него из уст проповедника жуткий крик, но индеец и

не думал унимать его, хотя легко мог сделать это, за-
ткнув ему рот какой-нибудь тряпицей.

Напротив, стоны пленника звучали в ушах Ассовума как самая приятная музыка. Теперь только он мог вполне удовлетвориться мщением и с каким-то дьявольским наслаждением упивался стонами своей жертвы.

Затем краснокожий зажег огонь, и через несколько минут яркое пламя большими языками стало лизать стены хижины, окружив ее каким-то грозным сверкающим кругом. Вопли ужаса несчастного Роусона раздавались все сильнее и сильнее среди лесной чащи, но Ассовум по-прежнему спокойно относился к ним и только старательно поддерживал огонь, скоро окончательно охвативший всю хижину и находившегося в ней Роусона.

Когда жар стал нестерпимым, индеец вышел из хижины и, размахивая томагавком, запел победную торжествующую песнь, все время держась около входа. Отчаянные вопли Роусона, доносившиеся из хижины, сливались с треском пылавшего строения и песнью дикаря в дикую душераздирающую какофонию.

Густыми клубами поднимался дым среди весело зеленевших древесных крон, но, теряясь в них и не находя выхода вверх, медленно расплывался по лесу.

Вопли Роусона стали еще пронзительнее, но победная песнь краснокожего заглушала их и звучала все громче и громче. Такой хаос диких звуков напугал даже лесных обитателей, и белка, притаившаяся в ветвях, почувствовала ужас и стала искать себе более спокойного пристанища.

Наконец, громкий треск возвестил о падении кровли; искры взлетели снопом, облако дыма закружилось над пламенеющим костром; раздался еще один отчаянный вопль и замер в воздухе...

Мщение совершилось.

В этот момент солнце исчезло за горизонтом, окрашивая багровым отблеском отдаленные вершины гор. День сменился ночью, но Ассовум все еще бродил вокруг догоравших остатков хижины. Размахивая томагавком, он повторял дикий я однообразный напев, который выражал всю душевную радость, испытываемую дикарем при сознании о достойном возмездии за смерть возлюбленной Алапаги.

БРАУН И РОБЕРТСЫ

Пока Ассовум упивался долгожданной местью, в доме Робертсов царили мир и тишина. Успокоенная миссис Робертс хлопотала по хозяйству, угощая прибывших вместе с ее мужем и дочерью Баренса и Гарпера.

Против обыкновения, последние не старались перещеголять друг друга рассказыванием различных необыкновенных историй и приключений, а наперерыв старались успокоить и утешить взволнованную, еще неоправившуюся от волнений предыдущих дней Мэриан. Однако счастливый исход всей истории, полная свобода, полученная благодаря стараниям и отваге ее дорогого Брауна, сделали свое дело лучше всяких искусственных мер. Мэриан чувствовала себя все лучше и лучше, только по временам с нетерпением поглядывала на дорогу, дожидаясь приезда любимого, с которым ее не разлучало теперь данное другому обещание.

— Как вы думаете, чем окончится суд? — спросил Гарпер. — Пожалуй, регуляторы вздернут на веревку не одного молодца из шайки!

— Конечно! — отозвался Робертс. — Да и поделом! Впрочем, Браун собирался тотчас же после окончания суда приехать ко мне и рассказать все, как было, а кстати, и навестить наших дам! — прибавил старик, лукаво посмотрев на зардевшуюся при упоминании о Брауне дочь.

— Ба, да это не он ли и скачет? — произнес Гарпер, высовываясь в окошко. — Так и есть — он! Ишь, как несется!

Действительно, спустя некоторое время к ферме подскакал на взмыленной лошади командир регуляторов и, соскочив с лошади, вошел в дом, дружески здороваясь с находившимися там.

— Мистер Робертс, у меня к вам очень серьезное дело! — сразу начал Браун. — Раньше я не считал ни нужным, ни возможным говорить об этом, но теперь пользуюсь первой подходящей минутой, чтобы сказать вам то, что считаю необходимым! Мистер Робертс, я давно люблю вашу дочь и прошу у вас ее руки!

— Отчего же вы раньше ничего не говорили, если давно ее любите? — степенно осведомился Робертс. — Поверьте, я очень рад вашему предложению и думаю, что дочь тоже не опечалится. Я давно замечал вашу взаимную симпатию. Очень рад, повторяю, но что бы вам сказать об этом пораньше?

Браун, взволнованный торжественной минутой, с чувством пожал протянутую ему руку.

— К чему повели бы слова? — откровенно сказал он. — Я опоздал и не имел права ни становиться другому поперек дороги, ни жаловаться!

— А в то время этот прохвост, этот негодяй... чуть было не стал мужем моей чудной Мэриан!

— Не вспоминайте больше о нем, он понес уже заслуженное наказание! — возразил Браун. — Мне довольно вашего согласия на мой брак с Мэриан, а все остальное я готов навсегда забыть!

— Да, вот вы теперь спрашиваете моего согласия, а когда дело шло с Роусоном, у меня никто не потрудился спросить! — с укоризной сказал старик, искоса взглянув на жену.

— Робертс, как тебе не стыдно! — только и могла сказать хозяйка, чувствовавшая, конечно, свою неправоту.

— Ну, ладно, ладно! Следует теперь узнать, что скажет Мэриан! — ответил Робертс, покачав головою. — Какого она мнения относительно тех планов, которые вы строите о своей и ее будущности? Как ни толкуй, а все-таки это ближе всех касается ее!

— Батюшка! — воскликнула молодая девушка, обвивая шею отца руками и скрывая у него на плече свое зардевшееся личико.

— А, вот оно что! — весело произнес старик. — Здесь, значит, дует благоприятный ветер. Мне на самом деле кажется, что вы не сегодня успели потолковать об этом вопросе!

— А что скажет миссис Робертс? — спросил молодой человек, подходя к хозяйке дома.

— Берите ее, я вам смело вручаю судьбу Мэриан. Она вас любит, а я уже потеряла право выбирать ей мужа!

— Матушка, ради Бога, не думайте так! — с укоризной воскликнула Мэриан. — Предлагая мне брак с Роусоном, вы, конечно, были уверены, что я буду счастлива!

— Бог свидетель тому, что я именно так и думала. Кто же мог предполагать, что он окажется таким мерзавцем? Один Господь может знать душу человека!

— Благодарю вас за все, дорогие мистер и миссис Робертс. Поверьте, я постараюсь сделать вашу дочь счастливой, и вам никогда не придется раскаиваться в том, что доверили ее мне!

— Послушай, дружище! — вмешался Гарпер. — Кажется, ты должен был бы спросить разрешения у своего дяди! Право, можно подумать, что у тебя вовсе и нет старого родственника!

— О, дорогой дядя, я знаю вашу снисходительность и надеюсь на нее! — воскликнул Браун, обнимая растроганного до слез Гарпера. — Теперь у нас будет приятный и уютный уголок, где вы отдохнете, наконец, от неудобств холостой, бивачной жизни.

— Да, да, — согласился тот, переходя из объятий племянника в объятия будущей племянницы. — Мне давно пора переменить образ жизни. Такой, какой я вел до сих пор, вести больше невозможны. Мы с Баренсом порешили...

— Вы хотели куда-нибудь отправиться? — с удивлением спросила миссис Робертс. — Куда же?

— Куда? — переспросил Гарпер. — Да прямо в плен супружества, и мы устроились бы здесь же. Но мой племянник корчит гримасу, точно хочет сказать, что я очень стар для женитьбы. Нет, ты послушай...

— Сюда скачут верховые! — закричал Баренс, указывая на дорогу, которая вела к реке.

— Правда! Кто бы это мог быть? — удивился Робертс.

Через несколько минут перед крыльцом остановились Стефенсон, Кук и Куртис. Стефенсон раскланялся с женщинами, как со старыми знакомыми, и не мог удержаться от улыбки при вопросе, почему не приехали его жена и дочери.

— Впрочем, мы вскоре соберемся к вам, в лагерь! — сказал Робертс.

— Это, по-моему, будет совершенно излишним, так как мои женщины и без того скоро надоедят вам!

— Что вы хотите сказать этим? — спросил Робертс с радостным удивлением. — Неужели вы решили поселиться в нашей округе?

— Совершенно верно! — отвечал теннессиец. — Я купил ферму Аткинса. Бедняга так торопился убраться отсюда, что отдал ее за бесценок.

— Да вы хорошо ли осмотрели местность?

— О, это пустяки! — спокойно отвечал Стефенсон. — Если место мне не понравится, то я всегда найду обратную дорогу. Если же оно так хорошо в действительности, как уверяют Куртис и Кук, то я далеко не в убытке. Фермеры здешние мне нравятся, в особенности с тех пор, как мы избавились от неприятного соседства конокрадов. Мне начинает казаться, что Фурш Лафав вовсе не такое дурное место, как о нем говорят!

— Прекрасно, прекрасно, мистер Стефенсон! — воскликнул Робертс, пожимая руку своего нового соседа. — Мне сегодня особенно весело, чего уж давно не бывало со мной. Но, господа, а где же Эллен? Эта прекрасная и мужественная девушка должна провести с нами вечерок!

— Она здесь, в доме! — отвечал Браун.

— Так чего же она сидит одна?

— Я полагаю, что она не совсем одна. Ее усиленно развлекает Вильсон и, кажется, не без успеха!

— А! — произнес Робертс. — Стало быть, и здесь затевается свадьба?! Вот и прекрасно!

— Не сделает ли вам губернатор выговор за ваши действия? — спросила у Брауна Мэриан.

— Я думаю, что он так же, как и другие, поймет мотивы, которыми мы руководствовались. Общество регуляторов, благодаря своей сплоченности и энергии, сумело очистить округу от преступников. Теперь мы складываем оружие и можем спокойно работать топором и плугом, корчевать леса и пахать поля!

В заключение остается сказать несколько слов о дальнейшей судьбе героев нашего повествования.

Вскоре состоялись обе намеченные свадьбы, и молодые люди, забыв перенесенные лишения и невзгоды, обрели свое счастье.

Розыски Коттона оказались тщетными. Только через несколько дней в реке была найдена лодка, пробитая пулей. Также осталась неизвестной участь мулата, слуги

Аткинса, а сам Аткинс через несколько дней покинул Арканзас.

Ассовум в продолжение десяти дней оставался у могилы жены и только по истечении этого срока, с винтовкой и небольшой котомкой за плечами, пришел проститься со своими былыми друзьями. Несмотря на все уговоры, он отказался остаться с ними, обещав когда-нибудь навестить их.

— Ассовум перенес слишком много бедствий и горя в этой стране! — печально сказал краснокожий. — Могила Алапаги, хотя и достойно отомщенной, постоянно будет навевать грусть на вождя. Великий Дух говорит Ассовуму, что он наказал его за разлуку со своими соплеменниками, а Алапагу за вероотступничество. Легкий воздух дремучих лесов и необозримых полей развеет грусть. Соседство с белыми не пойдет на пользу краснокожему!

— Но, надеюсь, ты не забудешь нас? — спросила с участием Мэриан. — Я ведь тебе обязана жизнью и счастьем и по мере сил хотела бы отблагодарить...

— О, вождь исполнил только свою обязанность! Его не нужно благодарить за это!

— Друг мой! — сказал Браун, дружески пожимая его руку. — Мы вместе мстили нашим врагам, вместе охотились и жили, неужели ты решил навсегда разлучиться со мной?

— Нет, краснокожий не забывает своих друзей, хотя бы они были и белыми! Я отдохну немного, подышу родным воздухом и снова вернусь, хоть на короткое время пожить с вами и полюбоваться вашим счастьем. Теперь мне нужно исполнить еще один долг!

— Какой?

— Проститься с мисс Эллен!

— Вот и прекрасно! Она сама хотела видеть вас и отблагодарить за освобождение от ненавистного Коттона!

— Напротив, смелости этой отважной девушки Ассовум обязан жизнью. Если бы она не выстрелила в проклятого бледнолицего, Ассовум лежал бы теперь с раздробленным черепом!

— О, не вспоминайте об этих ужасах! — побледнев, воскликнула Мэриан. — Не тревожьте печального прошлого. Слава Богу, что все кончилось благополучно!

— Ну, теперь я отправлюсь! — сказал Ассовум, окидывая пристальным взглядом окрестность и останавливая его на лицах своих верных друзей. — Прощайте! Ассовум не долго будет оставаться в пустыне и хоть на минутку да заглянет на ферму своих друзей! Прощайте!

— До свиданья! До скорого свиданья, храбрый и честный человек! — ответил ему Браун.

Индеец дружески пожал руку своего друга и его молодой жены. Затем он вышел из дому, кивнул еще раз головой и перескочил через забор. Через минуту густая листва поглотила его. Ассовум исчез в дремучем лесу, в котором так привольно когда-то дышалось его предкам.

МИССИПСКИЕ ПИРАТЫ

роман

Глава I

МОГИЛА В ЛЕСНОЙ ГЛУШИ

Весной 18... года на склоне лесного холма неподалеку от реки Уабаш, катившей свои прозрачные воды в реку Огайо, отдыхали два человека. Младший выглядел лет на двадцать пять и, судя по одежде, походил более на моряка, нежели на охотника. На его светлых, курчавых волосах довольно лихо сидела низкая шляпа с широкой лентой. Под синей матросской курткой рельефно обрисовывались плечи, которыми мог бы гордиться сам Геркулес; панталоны из белого холста поддерживал пояс, за которым торчал нож в широких кожаных ножнах. Красная фланелевая рубашка и черный шелковый галстук дополняли этот костюм. Только шитые высокие сапоги — так называемые мокасины — указывали на то, что молодой человек был более знаком с лесной жизнью, нежели с жизнью моряка.

Рядом с ним лежал убитый медвежонок, на которого со злобой, тяжело переводя дыхание и зализывая раны, поглядывала превосходная бурая собака. Раны явно свидетельствовали о том, что победа над зверем досталась ей не даром.

Второму охотнику было, по-видимому, лет шестьдесят. Он был пониже ростом и не так крепко сложен, как его товарищ, но в нем не было еще ничего стариковского. Глаза светились юношеским задором, щеки горели здоровым румянцем. На нем была охотничья бумажная блуза, но вместо короткого матросского ножа на боку висел длинный и широкий тесак.

— Том, — сказал он товарищу, — слишком запаздывать здесь не годится. Солнце скоро зайдет, а нам еще далеко до реки.

— Всего три четверти мили, никак не более, — ответил молодой человек. — Но, Эджворт, как ни старались бы нанятые нами люди, им не донести нашей лодки сюда к вечеру. Они должны будут остановиться, когда смеркнется, чтобы не наткнуться на какой-нибудь подводный камень или затонувший пень. Плыть по Уабашу ночью небезопасно.

— Вы, по-видимому, хорошо знакомы со здешней местностью?

— Еще бы! Я охотился здесь в продолжение двух лет и знаю каждый ручеек, каждое дерево. Это было еще до того, как я познакомился с Диксоном и отправился на его шхуне в Бразилию. Бедняга! Не думал он тогда, что его ждет такой конец.

— Вы не рассказывали мне подробно об этом грустном событии, Том.

— Расскажу хоть сегодня, если хотите, но прежде разведем костер и перекусим, чтобы потом хорошенько выспаться до рассвета и тогда уже пойти на берег ждать нашу барку.

— Вы уверены, что они не пройдут мимо нас?

— Будьте спокойны! Билл знает, где надо пристать.

— Если так, примемся за дело, — сказал Эджворт, начиная сооружать костер из валежника, находившегося близ соседнего ручейка. Скоро пламя охватило сухие сучья, и старик, нарезав несколько ломтей из медвежьей туши, принялся поджаривать их на углях.

Оба спутника поджидали плоскодонное судно, перевозившее товар в Новый Орлеан из поместья в Индиане, принадлежавшего старому Эджворту. В этот раз на плоскодонке был груз виски, лука, яблок, окороков, копченой дичи сушеных персиков и кукурузы. Сверх того, Эджворт имел с собою изрядную сумму денег для закупки товаров, которых не найти в краях, где он проживал.

Том был сиротой и приходился дальним родственником Эджворту. Раньше он тоже намеревался обзавестись фермой на берегах Уабаша, но увлекся рассказами Диксона, старого приятеля его покойного отца, и отправился с ним в Новый Орлеан. Сбыв там выгодно свои товары, Диксон и Том посетили Гавану, а затем Бразилию, где Диксон был вероломно убит. Том возвратился домой, но не захотел жить в своей усадьбе и стал просить Эджворта позволить ему плавать с ним по Миссисипи. Старый

фермер был недоволен просьбой родственника, ему казалось, что молодому человеку следовало бросить бродячий образ жизни, заняться хозяйством и стать, наконец, степенным, достойным уважения фермером. Но Том настоял на своем и теперь, отдыхая со своим спутником в лесу, не переставал восхищаться прелестями вольной жизни.

— Чертовски здорово здесь, — весело говорил он, — когда погода хороша и попадетя на зуб такое вкусное кушанье, как медвежье мясо.

— Вы обещали рассказать мне о Диксоне, Том, — заметил старик.

— Если вы настаиваете, пожалуйста, но это не очень веселая история. Мы вошли в русло Сан-Хосе, надеясь сбыть пшеницу, лук, виски и жечь местным плантаторам, но пришлось заночевать в пустынном месте, прежде чем мы успели добраться до какого-то поселка. Привязав наше суденышко к стволу пальмы, мы улеглись спать на берегу, не приняв никаких мер предосторожности. Я почти мгновенно заснул, однако Диксон вскоре разбудил меня, услышав подозрительный шорох, и только тут я сообразил, что на нас могли напасть врасплох краснокожие. Диксон бросился к лодке с криком: «Вставайте! Грабят!» — но споткнулся и упал, едва успев вскочить на палубу судна. Экипаж наш состоял всего из трех матросов и одного юнги; пока они проснулись и поняли в чем дело, я, схватив попавшуюся под руку острогу, стал наносить ею удары грабителям. Они попрыгали или попадали в воду, а юнга, по счастью, догадался перерубить канат, прикреплявший лодку к пальме, и нас тотчас отнесло на середину реки. Двое из наших матросов, Мелерс и Гевитс, говорили, что отбили пятерых индейцев, ухватившихся за борт лодки. Так ли это было, не знаю, но наш бедный капитан лежал мертвый на палубе, грудь ему пробило насквозь копьем, а голова была раздроблена палицей.

— Что же вы сделали с грузом?

— Я продал его, накупил другого товара, имеющего у нас хороший сбыт и потом, месяца через четыре, прибыл в Чарльстон, где жила вдова Диксона. Она горевала о муже, но, по правде сказать, деньги, которые я ей привез, помогли ей быстро утешиться. Всего через два

месяца она была уже замужем за соседним плантатором. Так всегда происходит в жизни.

— По крайней мере, она наверняка знала, что ее мужа нет более в живых, — задумчиво проговорил старик. — А какво оставаться в неизвестности об участи своих близких — ждать ежедневно их возвращения и приходить наконец к мысли, что любимого существа уже нет, что даже прах его развеян, может быть, ветром пустыни!

— О, здесь такая неизвестность насчет судьбы близких нам людей дело самое обыкновенное, — сказал Том. — Сколько людей исчезает бесследно каждый день.

— Случается, однако, что и возвращаются неожиданно, — возразил Эджворт. — Как же здесь неловко лежать, должно быть, я постелил одеяло на кочках.

Он привстал, чтобы перенести свою подстилку на другое место, а Том, решивший ему помочь, внезапно воскликнул:

— Немудрено, что вам было неудобно лежать! Это не кочки, а кости оленя!

Эджворт поднес одну из костей ближе к огню, чтобы рассмотреть ее.

— Том, — проговорил он, — это не кости оленя!

— Ну, может быть, волка или медведя, — проворчал молодой человек, уже успевший задремать.

— Мне кажется, что эта человеческая кость... — продолжал Эджворт. — И именно берцовая кость.

— Так не давайте дотрагиваться до нее собаке, — проговорил Том с неожиданным оживлением, поднимаясь и оглядываясь кругом.

— Что за дьявол? — спросил старик, озадаченный его очевидным волнением. — Кость действительно человеческая.

— Если так, — сказал Том, — то я узнаю это место. — Когда мы нашли труп, то забросали его хворостом. Вот почему здесь такая куча сухих ветвей. Да, это именно то место. Вот и дуб, на котором я вырезал крест.

— Но что это был за человек? Как он умер? — спросил Эджворт.

— Я не могу точно ответить на эти вопросы, знаю только, что убил несчастного один лодочник, с целью поживиться несколькими долларами. Это Билл.

— Кто, лодочник?

— Нет, тот, убитый. Он служил на нашей шхуне; нанялся к нам всего дня за четыре до отплытия, так что я ничего еще не знал о нем. Кажется, он был из Огайо. Ну, этот Билл имел неосторожность показать тому негодяю свои деньги, и, когда мы сошли на берег и уселись у огня, лодочник стал уговаривать его сыграть в карты, но Билл отказался, чем обозлил мошенника. Тот не выдал, однако, своей досады и пригласил Билла заночевать с ним на шхуне. Мы остались на берегу, но утром, возвратясь на судно, не нашли обоих. Прождав бесполезно до вечера, мы заметили стаю коршунов, круживших над одним местом. «Чуют труп», — сказал один из наших товарищей, старый охотник. — Нет сомнения, что этот злодей убил Колченогого.

— Колченогого! — повторил Эджворт с ужасом. — Почему вы прозвали так Билла?

— У него правая нога была чуть короче левой и он прихрамывал на ходу. Мы пошли искать труп, и я никогда не забуду того зрелища, которое представилось нам. Мы увидели несчастного и коршунов. Но что с вами, Эджворт? Вы бледнеете, вы...

— Скажите, у этого Билла, или Колченогого, как вы его называете, был шрам на лбу?

— Да, широкий багровый рубец. Вы знали этого человека?

Вместо ответа старик заломил руки над головой и опрокинулся навзничь с громким стоном.

— Что с вами, Эджворт? — воскликнул испуганный Том. — Говорите, ради Бога! Вы знали бедного малого?

— Это мой сын! — прошептал старик, закрывая лицо руками.

— Бедный отец! Да помилует вас Господь!

Наступило молчание. Старик первым прервал его вопросом:

— И вы не зарыли покойного?

— Мы сделали что могли, — ответил Том, подавляя волнение. — С нами не было других орудий, кроме индейских кистеней, а земля была сухая и твердая. Но к чему эти подробности, которые только расстраивают вас?

— Нет, нет, говорите! — попросил Эджворт умоляющим голосом. — Я хочу знать все.

— Мы навалили на него такую гору валежника, что ее не могли разгрести хищные звери, — продолжал Том, — а затем я вырезал ножом небольшой крест на стволе этого вот дерева.

Старик посидел еще некоторое время молча, потом печально посмотрел кругом и произнес срывающимся голосом:

— Так мы отдыхали на твоей могиле, милый мой Уильям! Какой конец, Боже мой! Но я не хочу, чтобы останки твои остались без погребения. Вы поможете мне похоронить их, Том?

— Охотно, но у нас нет ничего, кроме ножей.

— В лодке найдутся ломы и заступы, мои люди помогут. Не оставлю же я сына без погребения! Это все, что я могу для него сделать. Боже мой! Я так надеялся обнять его еще раз, а пришлось вот только увидеть его кости в этих дебрях! Спице, Том, вам необходим отдых после тяжелого дня. Я постараюсь тоже заснуть.

Он прилег, чтобы заставить и молодого человека сделать то же, но не сомкнул глаз под наплывом скорбных мыслей. Едва потянуло утренним ветерком, он встал, подложил хвороста в костер и начал собирать при его свете в одну кучу все кости. Проснувшийся Том молча помогал ему, но, приблизившись к кусту, у которого лежала собака, остановился с удивлением.

— Что с тобою, Волчок? — спросил он. — Что тебе вздумалось рычать на меня? Не узнаешь, что ли? Не стыдно скалить зубы на меня?

Но собака продолжала ворчать, помахивая в то же время хвостом и как бы желая этим сказать: «Я знаю, что ты друг, но все же не подпущу тебя к этому месту».

— Посмотрите, что это с псом? — сказал Том, обращаясь к Эджворту.

Старик подошел к собаке и увидел у нее между лап череп своего сына. Верное животное понимало, что охраняет драгоценные останки.

— Неужели ты понял, что это принадлежит твоему хозяину, Волчок? Помнишь ли ты его, добрый мой пес? — сказал старик дрогнувшим голосом.

Волчок припал к земле, пристально глядя на Эджворта, и испустил тихий, жалобный вой. Убитый горем отец не выдержал более, он опустился на траву, обвил шею собаки руками и зарыдал. Волчок лизал ему лицо, стараясь положить лапу на его плечо.

— Удивительно! — пробормотал Том, тронутый поведением собаки.

— Узнал своего хозяина... вспомнил... — говорил Эджворт, лаская животное. — Мне это отрадно, добрый мой Волчок.

Он с трудом поднялся на ноги, продолжая гладить собаку. В эту минуту со стороны реки раздался выстрел.

— Это наши! — сказал Эджворт. — Окажите мне услугу, Том, приведите их сюда.

Молодой человек пошел к реке. Старик, оставшись один, опустился на колени перед дубом, столько лет осенявшим останки его сына. Он молился усердно перед вырезанным на дереве крестом, но лишь только слышал шаги приближавшихся людей, поднялся на ноги и твердой поступью пошел им навстречу, сохраняя спокойный вид.

Том рассказал матросам о том, что случилось, и они молча принялись рыть яму для погребения костей. Завалив останки землей, насыпали над могилой небольшой холмик и также молча воротились к лодке, унося с собой медведя, убитого Томом и Эджвортом.

— Эй! Никак свежее жаркое? — крикнул оставшийся на вахте матрос, человек самой отталкивающей внешности, рябой, с жесткими всклокоченными черными волосами. — Вот спасибо капитану! Самое лучшее, что он сделал до сих пор. Но что ж, плывем дальше? Медлить нечего, вода спадает.

— Еще дело есть, — ответил один матрос.

— Что еще за дело?

— Надо отнести туда кирпичей, чтобы сложить хоть какой-нибудь памятник.

— Вот дураки! Хотят разобрать печку! На чем же мы будем пищу готовить?

— Найдем кирпичи в Винсене, — сказал Том. — Помоги нам.

— Вот еще! Я нанялся быть лоцманом, а не кирпичи таскать! — ответил тот грубо и растянулся на палубе. —

Придумали тоже! Хоронить кости, которые сгнили бы и без вас!

Никто из матросов не ответил на непристойную выходку. Каждый из них взвалил себе на плечи сколько мог кирпичей, и через полчаса над могилой убитого охотника поднялся маленький памятник. Потом люди счистили мох, начавший покрывать крест, вырезанный на стволе дерева, и пошли обратно к реке со своим хозяином, который пожал им всем руки, когда они кончили работу, и шел к берегу впереди всех твердой походкой, закинув карабин за спину.

Громадные весла грузного судна пришли в движение, направляя его на середину реки. Когда оно попало «в струю» и плавно тронулось вниз по течению, матросы позволили себе отдохнуть, улеглись на палубе, не жась под лучами солнца, золотившего верхушки деревьев окрест. Эджворт, сидя на корме вместе с Волчком, не сводил грустного взгляда с величественной чащи, закрывавшей могилу его сына, но скоро, на одной из извилин реки, крутой утес заслонил горизонт, и характер пейзажа совершенно изменился: река катила свои стремительные воды уже меж каменистыми, высокими берегами.

Глава II

УЛИЧНЫЕ СЦЕНЫ

Елена, крупный город штата Арканзас, расположенный на правом берегу Миссисипи, походил на театр перед большой премьерой. По случаю выборов здесь наблюдался большой наплыв народа, встречались люди из различных провинций, некоторые в замшевых блузах с разноцветной бахромой, как степные пионеры, другие в менее оригинальных костюмах, но все были возбуждены, что подтверждалось порывистыми жестами и общим неумолчным галдением.

Основная толпа стояла перед отелем «Юнион», лучшим в городе, и хозяин его, мужчина очень высокий и сухопарый, с всклокоченными волосами, выдающимися скулами, длинным носом и добродушными голубыми глазами, с видимым удовольствием прислушивался к тому,

что говорилось перед его крыльцом. В доме у него кипела работа, заботливая хозяйка суежилась, исполняя требования многочисленных посетителей и готовя комнаты для ночлега тем из них, которые жили слишком далеко от города, чтобы успеть воротиться к себе домой в тот же вечер. Ей помогали слуга негр и несколько женщин. Между тем уличные ораторы, под влиянием частой выпивки, приходили во все большее и большее возбуждение, со всех сторон сыпались ругательства и угрозы и, наконец, колебания толпы из стороны в сторону доказали трактирщику, что его надежды сбываются и разговоры вот-вот перейдут в драку.

Прислонившись к косяку двери и засунув руки в карманы, он поглядывал с наслаждением на эту сцену, которую предвидел и которой сердечно желал.

Первый удар был нанесен одним ирландцем, низким, но коренастым малым с рыжими волосами и бородой еще более яркого оттенка. На нем был какой-то смешной нанковый балахон с расстегнутым воротником и засученными рукавами. Но если наружность Патрика О'Тулла была поистине карикатурна, то сам он, по-видимому, совсем не любил шутить. Ему стоило проглотить несколько капель виски, чтобы почувствовать влечение к тому, что он называл «разумным диспутом», и хотя он был вовсе не задиристого нрава, но, тем не менее, никогда не уходил с места, если предвиделась хотя малейшая возможность пустить в ход кулаки.

В этот раз ему, однако, не поздоровилось: едва он сбил с ног своего противника, большинство из не принимавших участия в схватке, набросились на него, видимо, желая отомстить за упавшего.

— Прочь, негодяи, волчьи дети! — кричал Патрик, раздавая во все стороны полновесные удары. — Это что же? Драться, так честным манером, как следует порядочным людям. Один на один, или хотя бы двое против одного, или даже трое, если на то пошло! Но не накидывайтесь же дюжиной на одного!

— Ну ладно! — закричали в толпе, как бы соглашаясь с ним, но человек, которого Патрик сбил с ног, поднялся с земли, прикрывая левой рукой вспухший глаз, правой вытащил из кармана нож и с бешеным криком ринулся на ирландца. Тот успел принять оборо-

нительную стойку и вовремя схватил противника за руку, встряхнув при этом так, что тот снова рухнул на землю. Патрик обратился тогда ко всем присутствующим, надеясь, что они примут его сторону при виде такого предательского нападения, но толпа была настроена против него. В ответ раздались крики:

— Смерть ирландской собаке! Он осмелился тронуть гражданина Северо-Американских Штатов! Зачем его принесло сюда? Смерть ему, смерть! Бей!

— В воду его! — крикнул великан с бледным лицом, пересеченным большим шрамом, который тянулся наискось ото рта далеко за левое ухо, придавая его физиономии отвратительное выражение.

— В реку его, в реку! Эти подлецы немцы и ирландцы только хлеб отбивают у честных трудяг! Пусть послужит ужином ракам Миссисипи.

— В реку! В реку! — подтвердил другой. — Да свяжите ему руки за спиной! Пусть так и плывет обратно к себе в Ирландию!

Лица более миролюбивые, не желавшие гибели человека, постарались заступиться за несчастного, но были оттиснуты разъяренной толпой, и положение Патрика казалось безнадежным. Он знал, что его ненавидят, что ему нечего ждать пощады. И вдобавок, река была у них под боком. Однако один человек бросился вперед и ухватил ирландца за руку. Был это не кто иной, как почтенный трактирщик Ионафан Смарт.

— Будет! — произнес он повелительно, с достоинством и твердостью настоящего судьи.

Но толпа не была расположена подчиняться и раздались грозные голоса:

— Смарт, не суйся в это дело! Прочь! Отпусти этого человека!

Трактирщик стоял, однако, на своем, крича в свою очередь, что не позволит вырвать ни одного волоса с головы бедняги.

— В таком случае, сам напрашиваешься! — выкрикнул один из державших Патрика, выхватывая из кармана пистолет и прицеливаясь в Смарту.

По счастью для великодушного янки, оружие дало осечку, он успел выхватить из-за пояса длинный нож и кинулся на пытавшегося выстрелить. Тот успел укло-

ниться от удара, который пробил бы ему череп, и лезвие только скользнуло по руке, разорвав рукав сверху донизу. Но намерения Смарта были столь очевидны и взгляд так выразителен, что державшие Патрика отступили. Лишь только ирландец почувствовал себя на свободе, как тотчас же поднялся на ноги, заклохтал, как сердитый петух, и был готов снова кинуться в драку, но Смарт, не давая ему опомниться, схватил его за шиворот, притащил к своему крыльцу, впихнул в дом и запер дверь прежде, нежели ошеломленная толпа успела прийти в себя от неожиданного поворота дела.

Человек со шрамом первым нарушил молчание.

— Неужели мы спустим такое оскорбление? — крикнул он. — Что это за долговязый янки, который смеет диктовать свои законы честным гражданам Арканзаса? Подождем его! Пусть изжарится со своей женой и всей прислугой!

— Отлично! Поджечь трактир! — загалдели в толпе. — И угли возьмем с его же собственной кухни!

Толпа всегда предрасположена к преступлению. Вся масса народа, собравшаяся у гостиницы, хлынула к дому, как лавина, и предалась бы дальнейшим неистовствам, если бы перед ней не появилось новое лицо. Человек этот был настроен, по-видимому, самым миролюбивым образом и, подняв руки вверх, попросил позволения сказать несколько слов.

Он был высок и строен, высокий лоб, глаза и волосы каштанового цвета, рот самой изящной формы. По тонкому сукну одежды и снежной белизне рубашки можно было тотчас догадаться о принадлежности его к высшему обществу. Действительно, то был врач и юрист, прибывший с год назад из Северных Штатов. Глубокие познания во врачебной науке и доброжелательность при общении быстро обеспечили ему обширную практику и, кроме того, он был избран на должность городского и областного судьи.

— Джентльмены, — сказал он, обращаясь к толпе, — подумайте хорошенько о том, что вы хотите делать. Мы все подчинены законоположениям Союза, и суды наши также готовы защищать нас от насилия, как и карать за насилие над слабейшими. Мистер Смарт на оскорблял вас, а, напротив, удержал от преступления, которое навлекло бы на вас очень печальные последст-

вия. Именно он оказал вам услугу, и я полагаю, что вы могли бы выразить ему признательность иным способом. Кроме того, мистер Смарт вообще человек достойный.

— Достойный! И мы обязаны ему признательностью! — воскликнул тот, который хотел выстрелить в Смарта. — Вот так сказано! Он меня чуть пополам не разрезал, как яблоко. Сжечь его харчевню, и дело с концом.

— Джентльмены, — сказал судья, — если мистер Смарт вас обидел, то я уверен, он принесет вам извинения. Пойдемте к нему, потолкуем по-приятельски и он согласится, я знаю, если мы наложим на него контрибуцию в виде виски. Дело уладится к обоюдному удовольствию. Как вы полагаете? Идет?

— Да, — согласился человек со шрамом, — пусть он нас угостит, но попадись он мне еще раз, я его тоже угощу девятью дюймами стали. Ребята, в трактир!

Толпа с диким воем кинулась к гостинице, и миролюбивое посредничество судьи могло бы иметь роковой исход, но Смарт знал, с кем имел дело. Если бы он впустил этих людей в том возбужденном состоянии, в котором они находились, то был бы вынужден подчиниться им полностью и исполнять все их безумные требования. Поэтому, видя, что толпа ринулась к его дому, он подошел к окну с карабином в руках и объявил клятвенно, что уложит первого, кто переступит порог.

Он был известен как меткий стрелок, и угроза не могла быть принята в шутку. Судья снова выступил посредником, он заявил Смарту, что эти люди уже отказались от своих враждебных намерений и, поэтому, он просит его отложить в сторону ружье, чтобы не выказывать враждебности и со своей стороны.

— Поставьте им четверть или полбочонка виски, — сказал судья, — и они выпьют за ваше здоровье. Не лучше ли жить в добром согласии с соседями, нежели находиться вечно на военном положении?

— Вы очень добры, мистер Дейтон, предотвращая кровопролитие. Мало кто из ваших собратьев принял бы на себя такой труд. Желая доказать этим добрым людям, что не сержусь и хочу жить с ними в мире, я пожертвую им целый бочонок, только прикажу вынести его на ули-

цу. У меня женщины в доме, и я думаю, что самым этим джентльменам будет удобнее пить виски на чистом воздухе, нежели стесняться присутствием дам.

— Прах побери! Виски! — проговорил человек со шрамом. — И вы дадите нам, в самом деле, целый бочонок? И согласитесь признать, что сожалеете о случившемся?

— С удовольствием, — ответил Смарт, хотя на губах его играла презрительная усмешка. — И я даже предоставлю вам бочонок самого лучшего виски из моего погреба. Все ли джентльмены довольны?

— Довольны! Довольны! — закричала толпа. — И вправду, подавайте виски сюда! Где женщины, там пьется не так свободно. Только не мешкайте, Смарт. Пользуйтесь тем, что мы в добром настроении!

Через несколько минут плечистый негр с курчавыми волосами вынес громадный глиняный кувшин с виски и несколько жестяных стаканов. Толпа расположилась для выпивки подальше, на откосе реки, и шумела там до поздней ночи. Смарт, оставшись с Дейтоном, поблагодарил его за оказанную помощь.

— Я только исполнил свой гражданский долг, — возразил судья. — Одно гневное слово порождает часто большие несчастья, а решительный человек, если только умно возьмется за дело, может всегда руководить толпой.

— Не знаю, так ли это, — сказал Смарт, покачивая головой и глядя на речной откос. — Людей, подобных этим, трудно направлять оружием или добрыми речами. Это скоты, которым нечего терять, кроме жизни, они ничем не дорожат и даже ею готовы пожертвовать из-за сущего пустяка. Во всяком случае, я рад, что все так обошлось, не люблю проливать кровь, да еще ради пустяков! Вы зайдете, доктор, ко мне?

— Нет, Смарт, мне некогда, но я попрошу вас к себе. Приходите, мне надо поговорить кое о чем с вами.

— А если эти люди вернуться?

— Не думаю. Они грубы, дерзки, скоры на руку, но я не считаю их способными на умышленное злодейство. Они хотели поджечь ваш дом в минуту раздражения, но теперь злоба их улеглась, и они не захотят вредить вам.

— Тем лучше! Но мой негр все же посторожит здесь без меня, и где бы я ни был в городе, всегда услышу его рожок в случае тревоги. Я приду к вам через полчаса.

Дейтон ушел, а Смарт возвратился в гостиницу, где его ожидал неприятный прием. Миссис Смарт находилась в самом отвратительном расположении духа, вследствие сцены, произошедшей перед гостиницей, а также и потому, что ей пришлось хлопотать без отдыха целый день. Она была не из числа женщин, которые переносят неприятности молча, и чувствовала всегда потребность излить на кого-нибудь свою досаду. Заслышав шаги мужа, она сдвинула на затылок шляпу, защищавшую от огня очага, подбоченилась и встретила супруга такими словами:

— Ну, что путное изволили совершить сегодня, мистер Смарт? Ведь стоит мне только отвернуться, как случается беда! Нет на свете такой глупости, в которую не постарался бы сунуть свой нос мистер Смарт!

— Миссис Смарт, — ответил владелец гостиницы, бывший в таком отличном настроении, что тон супруги не мог нарушить его веселости, — миссис Смарт, я спас сегодня жизнь человеку и полагаю...

— Спас жизнь человеку! И к чему, позвольте узнать? О чужих жизнях заботится! Вы подумали бы лучше о жене. Вам и дела нет до того, как она работает, мучится. Вы бросаетесь бочками виски, как будто оно так и валяется на улице, а мне не приходится трудиться в поте лица для того, чтобы приобретать это самое виски!

— Я полагаю, — закончил свою фразу Смарт, совершенно спокойно и как бы вовсе не слыша гневной тирады жены, — я полагаю, что заплатил за него не слишком дорого.

— А я вам скажу, — вскричала миссис Смарт, выведенная из себя хладнокровием мужа, — я вам скажу, что вы человек бесчувственный! Вы не жалеете собственного сына! Наш Филипп уже подрастает, но вам до этого дела нет, вы ведете дела к разорению, и когда бедный мальчик достигнет совершеннолетия, ему некуда будет голову преклонить! Вы изверг, а не отец!

— Изверг, о котором вы говорите, тоже не знал куда ему голову преклонить, когда возмужал, — сказал Смарт, улыбаясь и потирая руки. — Но Смарт-отец дал

хорошее воспитание Смарту-сыну, и Смарт-сын так воспользовался его воспитанием, что сумел через несколько лет завести собственную, лучшую всей Елене гостиницу. В настоящее время старый Смарт уже умер, молодой Смарт сам стал старым Смартом, если же, согласно обычному течению жизни, молодой Смарт...

— Ах, довольно всякого вздора о старых и молодых Смартах! Займитесь делом, загляните в конюшню, пришлите ко мне негра, надо, чтобы он нарвал бобов в огороде, принес сахар со склада. О, мистер Смарт! Ваше легкомыслие сведет меня в гроб!

— Мой сын послушает советов старого Смарта, как бывший молодой Смарт слушал, во время оно, своего старика, — продолжал янки с тем же невозмутимым спокойствием. — Поэтому можно надеяться, что Смарт-сын сумеет заработать себе на хлеб не хуже своего отца и столь же честно, как отец.

— Пошлите ко мне Сципиона! — почти прорычала миссис Смарт, вне себя от бешенства и колотя чумичкой по столу. — Слышите, Ионафан? Пошлите сюда негра и уходите, если не желаете моей смерти. Если же не уйдете, я воспользуюсь кухонным правом!¹

Произнеся эту угрозу, миссис Смарт схватила половник и опустила его в кипяток.

Смарт хорошо знал, что его жена никогда не приведет подобную угрозу в исполнение, она слишком хорошо понимала характер своего мужа, для того чтобы осмелиться перейти от угроз к действиям, однако, ради прекращения спора, он встал, пошел к двери и, уже на пороге, спросил, не прикажет ли она еще чего, прежде чем он уйдет из дома?

Такое молчаливое признание за нею непререкаемого авторитета в хозяйстве тотчас же смягчило ее сердце. Она отошла от кастрюли с кипятком, вытерла передником лицо и проворчала:

— Если у вас вечно какие-то дела, то, разумеется, вам не до хозяйства! Я должна, однако, напомнить насчет лошадей.

— Им задан корм.

¹ «Кухонное право» — укоренившийся обычай плеснуть кипятком в потолок того, кого хотят выдворить из кухни. Этим «правом» пользовались обычно судовые коки.

— А бочка с сахаром?
— Ее уже доставили в контору.
— Еще бобов надо бы.
— Сципион набрал их уже с полчаса тому назад.
— Прекрасно, но те две комнаты, которые нужны только что прибывшему джентльмену?

— Они готовы, мы прибрали их вдвоем со Сципионом. Угодно ли вам приказать еще что-нибудь, миссис Смарт?

Досадуя в душе на то, что не к чему придраться, миссис Смарт принялась ворошить угли на очаге с таким ожесточением, что лицо ее совсем побагровело. Потом она попыталась приподнять тяжелый котел с водой, но не смогла даже сдвинуть его с места. Ионафан подошел к плите, подвесил котел, потом с улыбкой повернулся к сердитой жене, громко чмокнул ее в румяные щеки и вышел, засунув руки в карманы и насвистывая популярную национальную мелодию «Янки Дулл».

Глава III

БУДНИ ГОСТИНИЦЫ «ЮНИОН»

Гостиницы в Соединенных Штатах весьма своеобразны, но походят одна на другую, как станции железных дорог. На прилавке — все равно, мраморный он или окружен простой деревянной решеткой — неизменно красуются маленькие графинчики с мятными или полынными эссенциями, корзинки с апельсинами и лимонами, различные вина, настойки, ликеры и бутылки шампанского с горлышками, покрытыми свинцом.

Кроме как в частных домах, настоящего комфорта нигде в Америке нет, не ищите его ни на постоялых дворах, ни в нарядных отелях, ни в простой харчевне, ни в меблированных комнатах!¹

По большей части, в общем зале стулья стоят только возле камина. И забавно, что даже летом, когда в камине нет огня, курильщики все же садятся не иначе как здесь и поплевают в очаг. Никому не придет в

¹ Читателям следует учесть, что роман написан в 1848 году.

голову остаться на полчаса за столом со стаканом вина в руках, чтобы побеседовать с приятелем или посидеть спокойно в стороне, наблюдая за входящими. Здесь в обычае стоять группами, выпить наскоро стакан вина, пробежать мельком газету и затем поспешить прочь заниматься своими делами или удовольствиями.

Гостиница «Юнион» ни в чем не отступала от общего правила. В большом зале, прямо против двери, помещалась стойка с обычными принадлежностями, по середине стоял квадратный стол с лежащими на нем газетами, и все убранство комнаты довершалось дюжиной стульев, стенными часами с гирями и маленьким зеркалом.

Состав посетителей был несколько разнообразнее обыкновенного. Лишь двое из них сидели, и так неподвижно, что их можно было тоже принять за предметы украшения зала; сидели они у камина, спиной к остальной публике, положив ноги на каминную доску.

Основная группа состояла из молодого местного адвоката по фамилии Робиас, фермера, приземистого человека, которого нельзя было не признать за моряка, несмотря на его потертый черный цилиндр и светло-голубую блузу, и почтальона, развозившего письма и посылки между Еленой и почтовой станцией Стронг на реке Сент-Френсис.

Предметом разговора служило только что случившееся происшествие. Почтальон, маленький, худенький человек, двадцати пяти лет, очень дивился тому, что целая толпа сильных и смелых людей дала провести себя и упустила из рук свою жертву.

— Джентльмены! — восклицал он, повторяя беспрестанно это слово, как бы для того, чтобы убедить всех и в своей принадлежности к джентльменству. — Джентльмены! Вырождается род людской в Арканзасе! Демократический принцип утрачен и монархические идеи набирают силу! Джентльмены! Я убежден, что в Вашингтоне скоро изберут короля, и королем этим будет генерал Скотт.

— Скотт? Какой вздор! — перебил фермер. — Но, во всяком случае, если его «там» выберут, пусть и держат его у себя. Перейти Миссисипи мы ему не позволим. Наши деды, проливавшие свою кровь за не-

зависимость, восстали бы из гробов, чтобы покарать нас за подобный позор! Это все европейские выходцы сеют здесь рабские идеи. Собаками бы их затравить, негодяев!

— Зачем? — возразил адвокат. — Нас защитит наша конституция.

— Конституция? Да она сама не устоит, если мы ее не защитим! От вас, адвокатов, толку немного. Фермер — вот сила, это настоящая опора государства! Он землю возделывает, дает ход промышленности, своим потом удобряет почву Америки и никогда не жалуется на тяжелый труд! Конституция! Что в ней проку, если народ слаб и никуда не годится?

— Верно, — подтвердил почтальон, хотя вовсе не понял основной мысли фермера. — И вот почему меня удивляет, что целая сотня людей послушалась одного человека. Случись все это при мне, я показал бы им, — он оглянулся, чтобы удостовериться в отсутствии трактирщика, — показал бы как проучить этого янки, вмешивающегося не в свои дела!

— Что до меня, — возразил хладнокровно фермер, — то я, напротив, очень доволен тем, что народ дал себя образумить. Видно, что здесь, в городе, все же меньше негодяев, чем говорят, и встречаются люди, способные навести порядок. Но что еще нового?

— Продали с торгов дом и земли Голка, — ответил человек в голубой блузе.

— Голка? Богача Голка? — с изумлением воскликнул фермер. — Быть не может! Я приезжал сюда на прошлой неделе и ничего не слышал...

— С тех пор много чего произошло! Голк, как вам известно, отправился с товаром в Новый Орлеан. Барка его затонула, весь экипаж, наверное погиб, потому что молодой Голк возвратился один.

— Как, разве у старика имеется сын? Голк не был женат.

— Был, когда-то прежде женат. Молодой Голк очень желал остаться здесь, но с ним случались приступы лихорадки, и место ему опротивело так, что на третий же день по возвращении он решил все продать. Сегодня и состоялись торги.

— Видно, малый не любит терять времени! — заметил почтарь. — И задешево пошел дом?

— Нет, — сказал Робиас. — Ведь это самое красивое здание во всем городе! Охотников купить нашлось много, в том числе я сам и мистер Дейтон. Но здешний хозяин перебил у всех нас кусок, набавил цену, да еще заплатил наличными немедленно. О, мистер Смарт славно обделывает свои дела!

— Все это странно, — проговорил фермер. — Голк говорил мне, что у него нет ни детей, ни родственников в Америке, и что он собирается продать здесь все и вернуться в Германию.

— Он любил молодиться и поэтому выдавал себя за холостяка, — заметил блузник. — Вы знаете, может быть, молодую вдовушку, что живет рядом с Дейтонами?

Говоря это, он скривил рот в язвительной усмешке.

— Да, жаль бедную женщину! — сказал молодой торговец, подошедший к группе при последних словах говорившего. — Ведь они были помолвлены, как говорят. Она убита горем, а бедный Голк, вместо брачного ложа, покоится на дне Миссисипи!

— Однако что-то очень уж много судов погибает на этой реке, — заметил фермер. — Правительство должно бы позаботиться об очистке русла. Сколько тут схоронено человеческих жизней, да и ценнейших грузов.

— Сами хозяева часто виноваты, — живо возразил блузник. — Сидит себе человек на земле, никогда на воде не бывал, но вдруг построит плоскодонную лодку или купит старую, никуда не годную, нагрузит ее и сам у руля станет. Что же мудреного, если невзначай наткнется на что-нибудь? С Миссисипи шутки плохи! Жалеют заплатить сорок или пятьдесят долларов хорошему лоцману, вот в чем вся беда!

— Это не совсем справедливо, — заметил фермер. — Дело в том, что зачастую в лоцманы нанимаются люди, вовсе не знакомые с рекой. Они клянутся, что изучили ее фарватер в тонкости, а в сущности, пускаются на удачу. Пронесет Бог — хорошо, получай большие деньги, не посчастливилось — что ж, плавать мы, разумеется, можем, до берега доберемся, а остальные пусть пропадают!

— Всякое бывает, конечно, — произнес блузник с презрительной усмешкой, — но...

— Вы говорите о лоцманах? — вмешался в разговор маленький, сухощавый, седой человечек, со странно бегающими серыми глазками. — Не о том ли именно лоцмане, который побывал у меня в руках и мог бы служить образцом для врача-специалиста, интересующегося переломами? У него было сломано четыре ребра, рука пополам, затылок раздроблен, но человек все же оставался живым! Я старался поддерживать в нем жизнь целый час, но он так и скончался в мучениях.

— Я думаю, что было бы человечнее дать ему скорее умереть, — перебил фермер.

— Этот несчастный пострадал при взрыве котла на пароходе «Генерал Браун», — сказал адвокат. — Около пятнадцати человек погибли при этой катастрофе.

— Были и еще интереснейшие раненые, — перебил опять маленький человечек. — У одного негра голова висела на лоскутке кожи, а у одной женщины...

— Избавьте нас от подробностей, — прервал его фермер, морщась. — Они отобьют весь аппетит.

— Извините, но они имеют неоценимое значение в научном отношении, и, смею вас уверить, что берега Миссисипи просто кладезь для изучения трупов и ран! Так, например, близ Виктории на слиянии двух рек ежедневно находят тела. У одного из них на бедре...

— Да замолчите, черт вас возьми! — с бешенством крикнул человек в блузе. — Я часто видел кровь и сам не какой-нибудь неженка, но терпеть не могу хладнокровных рассуждений о страданиях человеческих! Душу воротит от ваших речей!

— Ладно, ладно! Не стоит и слов терять с подобными людьми! — закричал в ответ странный человечек, нахлобучивая шляпу и выбегая за дверь. — Понятия ни о чем не имеете!

— Это кто, доктор? И практикует он? — с любопытством спросил фермер.

— Собственно, он вовсе не врач, — отвечал адвокат. — Но все зовут его доктором потому, что у него страсть говорить о ранах, трупах, хирургических операциях. Обращаются же к нему, как к врачу, изредка разве только эмигранты, да и то по ошибке. Он живо отправляет их на тот свет и сохраняет трупы в спирту или иным способом, составляя, таким образом, то, что он

называет своим музеем. Он даже ворует с кладбищ головы покойников с этой целью.

— Можно ли поверить, что человек находит удовольствие в подобном занятии! — воскликнул фермер.

— Это у него своего рода мания, — продолжал Роббас. — Живет он одиноко в лесу, неподалеку от города. Навещают его там разве только волки и коршуны.

— Скажите, кстати, правда ли все, что рассказывают о линчистах? — спросил фермер недоверчиво. — В газетах было описание их расправы с методистским проповедником, которого они будто бы сожгли заживо¹. Не верится что-то. Неужели законные власти оставили безнаказанным этот варварский акт?

— О! — Воскликнул человек в блузе. — Что ваши суды против людей, которые берут на себя исполнение правосудия? Законы хороши для старух и детей, которые верят канцелярским писакам, а остальным надо уметь самим постоять за себя в такой стране, где суд плохая защита! Суд Линча — действенный суд!

— Нет, я другого мнения, — возразил фермер. — Наше законодательство возвело Соединенные Штаты на ту высоту, которую они занимают, и долг каждого гражданина уважать однажды признанную власть. Я не спорю, что совершается много преступлений, избегающих законного возмездия, но, тем не менее, всякий американец должен свято чтить законы, потому что они обеспечивают нашу свободу. Однако становится поздно, мне надо торопиться, чтобы поспеть до ночи в Кильон.

Он простился со своими собеседниками, сел на лошадь, привязал к седлу два мешка с деньгами и поехал рысью из города, направляясь к лесу, расстилавшемуся к северу от Елены.

Глава IV

ВЕЧЕР У ДЕЙТОНА

Веселое общество сидело за чайным столом в гостиной прелестного коттеджа. Дейтону пришлось позвонить два раза, потому что громкий говор, смех и

¹ См. роман «Луговые разбойники».

мелодичные звуки вальса заглушили первый звонок хозяина дома.

— Наконец-то! — воскликнула молодая девушка, вскакивая из-за рояля и бросаясь навстречу Дейтону. — Самый строгий и точный из судей заставил сегодня ждать себя самым непростительным образом!

— Неужели шалунья Адель ожидала меня? Неужели она заметила хоть раз мое отсутствие?

— Заметила, как и всегда замечаю, но сегодня была особенная причина для этого. Мистер Лейвли ждет вас уже целый час, господин доктор, и намерен сообщить вам что-то очень важное и ужасное, судя по тому, что он не произнес еще ни одного слова с тех пор, как прибыл сюда. Миссис Бредфорд тоже здесь.

— Позвольте вставить слово, моя милая! — перебила девушку названная ею гостья. — Я знаю, что я не молчалива, и сознаю эту слабость, а как говорит почтенный мистер Лоторг, «сознающий свой грех уже на пути к совершенству». Мой дорогой покойник — ангел кротости и терпения! — не хотел признавать этого. Поверите ли, мистер Дейтон, что он все время упрекал меня в том, будто я много говорю? «Друг мой, — говорила я, — сознаю, что я болтлива, но если сознаю, то и исправлюсь!»

— Не хотите ли еще чашку чая, миссис Бредфорд? — предложила миссис Дейтон, в надежде остановить неиссякаемый поток слов, а Адель воспользовалась минутой, чтобы снова заиграть вальс, звуки которого остановили автобиографические излияния гостьи.

— Почту принесли, Адель? — спросил Дейтон у девушки.

— Нет еще, но мистер Лейвли вполне способен ее заменить, — ответила шалунья, поглядывая искоса на молодого человека, которому, очевидно, было не по себе. Он решительно не знал, как себя держать. Сначала закинул правую ногу на левую, потом вытянул обе чуть ли не до середины комнаты. Точно также ему мешали руки, и вообще, он напоминал рыбу, выброшенную на берег. Особенно смущал его насмешливый взгляд Адели. Он уже порывался уйти, но его шляпу далеко запрятали.

Между тем Джеймс Лейвли был вовсе не из робких или простоватых. Он считался очень толковым фермером

и смелым охотником, но вырос среди лесов и потому умел проявлять свои таланты только там, а в женском обществе совершенно терялся. В этот вечер его окончательно доконали шутливые выходки Адели.

Желая ободрить молодого гостя, Дейтон стал расспрашивать его о домашних делах, о здоровье родителей, о хозяйстве. Юноша тотчас оживился.

— Благодарю вас, — заговорил он. — У нас все обстоит хорошо, только черная корова вчера захворала, вот почему и здесь. По крайней мере, это одна из причин моего приезда. Но я хотел бы...

Он заикнулся, покраснел до ушей и бросил взгляд на дам, сидевших в стороне.

— Я хотел бы... мне было бы желательно...

— Не стесняйтесь, мистер Лейвли! — вскричала миссис Бредфорд. — Забудьте о нас! И не думайте, что мы, как женщины, не сумеем сохранить вашей тайны. Мы болтаем, но не проболтаемся! Мой покойник говаривал: «Ты даже слишком сдержанна, Луиза! Ты не выдашь, чего не захочешь, хотя бы тебя пытали десять инквизиторов! Ты...»

Новое шумное аллегро Адели прервало и на этот раз словоизлияния миссис Бредфорд, и мистер Дейтон спросил у молодого человека, в чем заключается дело, о котором он хотел ему сообщить.

— Никакого дела нет, сэр... — Произнеся это, мистер Лейвли с каким-то отчаянным порывом сунул обе руки себе в карман и тотчас выдернул их обратно, точно натолкнулся на горячие уголья. — Никакого, сэр... Но матушка полагала... то есть, отец говорил... что если вам будет угодно... то есть, если ваши дамы пожелают... приехать к нам... то есть, если вам это приятно... и погостить... сколько будет угодно, то есть подолее... Матушка надеется...

Приглашение, очевидно, нисколько не касалось миссис Бредфорд, но она сочла необходимым откликнуться на него прежде всех.

— Миссис Лейвли, право, слишком любезна! — воскликнула она. — Правда, вода в Миссисипи прибыла, и вся река запружена судами, но все же перебраться можно, и хотя теперь самый разгар торговли, всегда есть возможность найти недельку-другую, чтобы погостить у добрых соседей. Мой покойник неустанно твердил: «Лу-

иза, ты не знаешь, что значит доброе соседство!» Поблагодарите вашу матушку, мистер Лейвли... На будущей неделе непременно приеду.

Сказав это, она принялась пить чай, а Джеймс окаменел от ужаса. Мысли его так спутались, что он задал себе вопрос, не пригласил ли он и в самом деле эту ужасную болтуню, которую не терпели в его семье? И только ласковый тон миссис Дейтон привел его в чувство.

— Мы будем у вас непременно, — проговорила она. — Но садитесь ко мне поближе, расскажите о себе... Поправился ли ваш отец?

— Ему гораздо лучше, миссис Дейтон, недавно мы с ним охотились на медведя, уже по этому вы можете судить о состоянии его здоровья.

— И он по-прежнему ходит босиком? — спросила Адель.

— Это у него дурная привычка, — заметил Дейтон. — В ней причина его лихорадок. Скажите вашей матери, что она напрасно не настаивает на том, чтобы он носил обувь.

— Да что может сделать матушка? — возразил молодой человек. — Разве он послушается? Вы не знаете, до чего он упрям.

— Точно, как и мой покойник... — начала миссис Бредфорд, но речь ее была прервана таким громким звоном дверного колокольчика, что все вздрогнули. Один Дейтон остался спокойным.

— Пришел Смарт, — сказал он. — Я пригласил его на сегодня.

Ионафан Смарт вошел в комнату в шляпе, но снял ее тотчас и дружески пожал руки всем, за исключением миссис Бредфорд, которую удостоил кивком головы.

— Вижу и очень рад, что вы все в добром здравии, — сказал он, садясь. — Это мне чай, мисс Адель? Благодарю вас. Сливок не надо... а вот капельку рома, если позволите... Но я, кажется, прервал разговор? Извините, я знаю, что немного опоздал, но...

— О, вы всегда кстати, почтеннейший мистер Смарт! — воскликнула миссис Бредфорд. — Я рассказывала... Позвольте, о чем это я рассказывала? Ох и память у меня!.. Да, именно...

— Но доктор просил меня непременно прийти, во всяком случае, — продолжал свою речь мистер Смарт, как бы вовсе не замечая слов этой дамы. — И я не мог отказаться, особенно после того, что произошло...

— Что произошло? Мы ничего не знаем, — спросила Адель.

— Доктор ничего не рассказывал вам? — спросил Смарт.

— Решительно ничего! — воскликнули разом все женщины.

— Он оказал мне неоценимую услугу...

— Дорогой мой Смарт, я только выполнил свой долг как должностное лицо города, — возразил Дейтон.

— Он спас мне жизнь, рискуя своей собственной.

— Никакого риска не было, вы напрасно восхваляете меня, Смарт. Эти негодяи не посмели бы...

— Как бы не так! Они способны на все. Но вы удержали их и не дали убить меня и сжечь дом.

И Смарт рассказал в подробностях о происшествии.

— Вы упустили один эпизод, Смарт, — сказал доктор, — и именно то, что вы спасли ирландца, действительно рискуя жизнью. Один из этих мерзавцев уже прицелился в вас.

— Что за ужасы происходят в Елене, однако! — заметила с тревогой хозяйка дома.

— То же, что и прежде не раз случалось, — возразил Смарт, пожимая плечами. — Но, правду сказать, городок наш славится происшествиями!

— Вот именно, как говорил мой покойник, — подхватила миссис Бредфорд. — Он не переставал меня убеждать: «Когда я умру, не оставайся в Елене, Луиза! Ты женщина робкая. Куда тебе!» И я утешала его: «Будь спокоен, уеду, лишь только ты глаза закроешь». Но как мне сдержать слово? Я одинока, в чужой стороне мне будет еще более жутко, чем здесь.

— У вас остался кто-нибудь в доме, сударыня, я надеюсь? — неожиданно перебил ее Смарт.

— Как? Что? Почему вы об этом спрашиваете? — вскрикнула она, быстро поднимаясь с места. — Никого у меня в доме нет. Я прогнала сегодня немца, которого наняла для поденной работы. Он так грубил! Но что с вами, мистер Смарт? У вас такое лицо...

— Не тревожьтесь, — спокойно ответил трактирщик, — может быть, то, что я видел, не имеет никакого значения.

— Что вы видели? Говорите!

— Ничего особенного, правду сказать... Какая-то женщина стучала в ставень окна вашей кухни.

— Женщина... в ставень...

— Да. Так как ей не отворяли, то она обошла кругом, постучала и, разумеется, напрасно. Тогда она вынула связку и стала подбирать ключ.

— Подбирать ключи к замку! И вы ее не остановили? Не велели арестовать? — в бешенстве завопила миссис Бредфорд, надевая наскоро шляпу и накидывая на плечи мантилью. — И она вошла в дом? Говорите же! О, мистер Смарт!

— Я не могу ответить с точностью на ваш последний вопрос, миссис Бредфорд, потому что я посмотрел на часы, увидел, что и без того запоздал, и поспешил сюда.

— Оставив ее там! Это неслыханно!

— Что вы ищете, миссис Бредфорд? — спросила Адель.

— Шляпу, мою шляпу!

— Она у вас на голове, — вежливо произнес Смарт.

— Прощайте, миссис Дейтон... Адель... мистер Лейвли. Доктор, не пойдете ли вы со мной?

Дейтон поднялся с места, но Смарт незаметно ему подмигнул. Доктор по выражению лица трактирщика понял, в чем дело, и сказал миссис Бредфорд:

— Я охотно пошел бы с вами, дорогая моя соседка, но мне необходимо закончить кое-какие расчеты с мистером Лейвли. Мой слуга вас проводит и пригласит констебля, если вы сочтете нужным, а потом вы можете прислать за мной.

— Мистер Смарт, — сказала миссис Дейтон с некоторой тревогой, когда испуганная гостья удалилась, — в самом деле, почему вы не задержали эту женщину?

Смарт весело расхохотался.

— Никакой женщины не было, дорогая миссис Дейтон! Дайте-ка мне еще чашечку чая. Просто, я сказал первое, что взбрело в голову, чтобы спровадить эту особу. Иначе она занимала бы нас весь вечер воспоминаниями о своем «дорогом покойнике».

Если бы миссис Бредфорд могла услышать единодушный взрыв смеха, который последовал за признанием Смарта, она не на шутку обиделась бы, но почтенная дама была уже далеко. Между тем весь этот эпизод так оживил общество, что даже бедный Лейвли сделался немного раскованнее и признался, что намерения этой дамы испугали его до крайности.

— Занудливая особа, — сказала миссис Дейтон, — и я не знаю, как от нее отделаться. Я ее не приглашаю, а она всегда приходит.

— Она вообще пользуется здесь незавидной славой, — заметил Смарт.

— Я не люблю ее, но думаю, что слухи все же преувеличены, — возразил Дейтон. — Ее обвиняют в тайном сбыте водки неграм, и я установил за ней надзор, но пока ничего еще не выяснил. Разумеется, если она окажется виновной, я, в качестве судьи, не пощажу ее, несмотря на близкое знакомство, но отказывать ей от дома так, без видимой причины, не могу. Вы знаете здешнее общественное мнение: все стали бы тотчас кричать, что я-де зазнался, возгордился. Поэтому лучше уж терпеть ее несносную болтовню, нежели навлечь на себя общее нерасположение.

— Письмо мистеру Дейтону, — сказала служанка, отворяя дверь и держа в руках поднос с запечатанным конвертом.

— Кто подал, Нэнси?

— Почтарь, который разъезжает с мальпостом¹. И он уверял, что спешное.

— Милая моя, — обратился Дейтон к жене, прочитав письмо, — меня спешно вызывают к опасно больному.

— Здесь, в городе? — спросила она с беспокойством.

— Нет, к сожалению, это в десяти милях отсюда, так что я вернусь только завтра утром. Нэнси, велите седлать лошадь.

— Джордж, — сказала миссис Дейтон со вздохом, — мне очень лестно, что здесь так ценят твои знания, но

¹ Мальпост — ящик для писем позади почтовой кареты, перевозящей легкую почту.

право, я была бы более счастливой, если бы ты оставался дома. Эти постоянные ночные поездки расстроят вконец твое здоровье.

— Ничего, — ответил Дейтон, надевая толстый плащ с рукавами. — Ты тревожишься совершенно напрасно. Ночная свежесть не повредит мне. Признаюсь, мне самому было бы приятнее скоротать вечер с вами, но что же делать? Могу ли я, ради своего удобства, оставить без помощи страдальцев, надеющихся получить от меня облегчение? И к тому же, когда мне известно, сколько здесь шарлатанов.

— Вы совершенно правы, — сказал Смарт, — но я не желал бы заниматься профессией, которая не дает покоя ни днем ни ночью. Кто тревожит вас на этот раз?

— Недавно прибывший сюда немец, некто Брандер. Заболел, вероятно, перемежающейся лихорадкой. Лошадь уже у крыльца. Прощайте... Вы тоже собираетесь ехать, Лейвли?

— Да, но по дороге ли мне с вами, мистер Дейтон?

— Не думаю, я поеду проселком, на Байлей. Тут короче.

— Без сомнения, но вам придется пересечь болото, — сказал Джеймс, — а это опасно даже днем.

— Дорога мне знакома, как здешняя главная улица! — возразил доктор. — У меня там свои отметины, я срубил несколько сучьев, мешавших проезду. До свидания, мои милые! Надеюсь возвратиться к завтраку.

Лейвли тоже почтительно раскланялся с дамами, не осмеливаясь, однако, взглянуть на Адель, и прошептал только:

— Могу ли я сказать матушке, что вы приедете завтра?

— Можете, — отвечала миссис Дейтон, протягивая ему руку, которую он удержал в своей, размышляя о том, можно ли и должно ли ему сказать что-нибудь и мисс Адель. Добрая хозяйка, понимая, что происходит в душе молодого человека, спросила его ласково: — И привезти мне с собой нашу молодую гостью?

Джеймс вздрогнул и так сжал ее пальцы, что они чуть не хрустнули.

— О, — проговорил он, краснея, — мисс Адель найдет, может быть, что у нас очень скучно.

— Так не остаться ли мне здесь с миссис Бредфорд? — проговорила девушка.

— О, мисс Адель... вы осчастливите нас.

— Ждите нас, Джеймс, — решительно сказала миссис Дейтон, между тем как ее муж кричал с улицы:

— Что же вы, Лейвли? Выходите вы или нет?

Молодой человек опрометью бросился из комнаты и вскочил в седло. Они выехали из города вместе, но через несколько минут дороги их разошлись.

Смарт тоже простился с дамами и вышел, посвистывая, заложив руки в карманы, но направился на домой, а к реке, у берега которой были причалены плоскодонные барки и другие суденышки столь же примитивной конструкции.

Глава V

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ

Вид Миссисипи был великолепен при свете луны, которая то ярко отражалась в серебристых волнах, то проглядывала сквозь облака, гонимые порывистым ветром. На самой реке было тихо, слышался только плеск волн, ударявшихся о бока барок и лодок, да голоса пировавших в прибрежных кабаках матросов.

Смарт медленно шел по берегу, поглядывая на воду. Неожиданно внимание его привлек человек, в котором он узнал спасенного им ирландца.

— Эй, любезный! — крикнул ему Смарт. — Видно, нос у тебя очень чешется или ты любишь холодные ванны. С какой стати ты толчешься по соседству с теми, кто хотел тебя погубить? Мне не удастся спасти тебя во второй раз, может быть!

О'Тул, не узнав сразу трактирщика, схватился было за нож, но сразу успокоился и отвечал шепотом:

— Эти люди еще хуже, нежели вы воображаете, мистер Смарт! Они члены настоящей шайки.

— Я думаю, они просто лентяи и пьяницы, — презрительно возразил Смарт.

— Нет, нет, у них есть особые сигналы. Заметили вы, что этот негодяй, которого я сбил с ног, свистнул как-то особенно, и тогда вся эта ватага кинулась на меня. О, у них свои знаки. Но я за ними слежу.

— А я советую вам, Патрик, держаться от них по-
дальше, не то не миновать вам реки. Ну, прощайте!

Во время этого разговора одна шлюпка отделилась от берега, направляясь к середине реки, и потом повернула по течению. Рулевым на ней был тот самый человек со шрамом, который набросился на Патрика. Из девяти человек, находившихся с ним лодке, четверо гребли, остальные лежали на дне. Все эти люди участвовали в схватке перед трактиром Смарта.

— Не взять ли нам ближе к берегу? — спросил один из гребцов.

— Это зачем? Чтобы сесть на мель или обратить на себя внимание жителей? — возразил рулевой. — И то и другое вовсе нежелательно. Бросьте-ка весла, надо плыть как можно тише, пока не минуем город.

Шлюпка двигалась бесшумно и скоро оставила за собой городские предместья. По знаку рулевого, гребцы снова заработали веслами, и легкое суденышко быстро понеслось в такой близости от берега, что они могли различать светляков, копошившихся в кустах и траве.

В одной миле далее лодке пришлось плыть мимо деревни. Чтобы избежать малейшего шума, люди обмотали весла холстом, но одно из них задело за пень, торчавший из воды, и выпало из рук гребца. Рулевой успел его подхватить, но это не могло не вызвать некоторого шума, и две большие собаки выскочили тотчас с лаем из ближайшего домика, а какой-то человек влез на ствол смоковницы, опрокинутой в воду, и стал размахивать платком, чтобы заставить плывших остановиться.

Спрятаться было нельзя, и рулевой спросил спокойно: — Что вам угодно, мистер?

Говоря это, он повернул лодку против течения и громко приказал одному из гребцов ухватиться за сучья лежавшего в воде дерева, чтобы удержаться на месте.

— Берегись, Нил! Что ты делаешь? Лезешь волку в пасть! — шепнул один из гребцов с тревогой.

— Молчи! Я знаю, что делаю. Не следует возбуждать подозрений.

— Куда держите путь? — раздался вопрос с берега.

— К мысу Монтгомери.

— Есть у вас место? Можете принять одного пассажира?

— Добыча сама в руки лезет! — шепнул сосед рулевому. — Соглашайся, Нил, у этого малого наверняка есть поклажа, от которой его можно избавить.

— Нет! — крикнул рулевой, не обращая внимания на советы товарища. — Нас здесь уже вдоволь, и если встретимся с пароходом, то, пожалуй, и подвернемся под него... Отпускай! — приказал он державшемуся за дерево. — Ну, вперед!

— Отчего бы не принять пассажира? — заворчал говоривший. — Ты лишил нас верной добычи по своей прихоти, и атаман не похвалит тебя за это.

— Не болтай о том, чего не понимаешь! — резко возразил Нил. — Забыл, верно, каких хлопот нам стоила недавняя история с дрянным чемоданишком? Не стоит руки марать из-за мелочи. Худо только, что нас видели, Ну, да ничего! Работайте дружно. Атаман ждет нас, он решит в эту же ночь насчет нашего ближайшего дела.

Гребцы налегли на весла, и скоро показался покрытый богатой растительностью островок.

Он состоял из наносной почвы, как и все острова на Миссисипи, и берега его защищались громадными камышовыми порослями, ивняком и исполинскими деревьями. Когда-то, по-видимому, здесь была пристань, но в то время, к которому относится наш рассказ, суда старались обходить этот островок, опасаясь окружавших его подводных камней. Он был известен под номером 61. Избегавшие его судовладельцы не знали, что в чаще, притаясь, следили за ними какие-то люди, говорившие угрюмо:

— Счастье ваше, что вы не пристали сюда!

Остров лежал близ левого берега Миссисипи и имел в длину около трех миль; он расширялся к одной стороне, покрытой густой чащей, между тем как противоположная его сторона заканчивалась мысом, от которого тянулась отмель, позволявшая доходить, при спаде воды, до другого островка, находившегося в полумиле далее. Второй островок считался принадлежащим к номеру 61, потому что вода, покрывавшая временами отмель, была все же недостаточно глубока даже для плоскодонных судов, хотя в июле, когда на Скалистых горах под жгучими лучами солнца таяли снега, сам островок покрывался водой. Справа номер 61 был защищен высокой грядой песчанниковых скал, которая тянулась в двухстах метрах

от острова, заканчиваясь узкой полосой земли, покрытой деревьями.

Таким образом, скрывавшиеся на острове были вполне обезопасены от внезапного нападения на них с тех двух сторон, которые представляли собой какой-либо доступ с реки.

Фарватер, которым ходили по Миссисипи суда и пароходы, лежал к западу от номера 61. Ширина реки от вышеупомянутой лесистой косы к берегу штата Арканзас равнялась одной миле, а к берегу штата Миссисипи только полумиле. На обоих берегах, в виду острова номер 61, стояли лишь две полуразрушенные постройки.

Остров казался необитаемым, да и вовсе непригодным для жилья, судя по тому, что изложено выше, и путешественник, все же вздумавший пристать к нему, не скоро отыскал бы тропинку, по которой можно было проникнуть от берега вглубь. Поваленные громадные деревья заграждали всюду проход, и прорубиться сквозь них было не под силу человеку, по крайней мере на первый взгляд. Между тем на этом острове, имелся целый поселок. Он состоял из девяти домиков, большого амбара-склада и пяти конюшен. Все постройки находились в связи между собой и располагались по подобию индейских крепостей, то есть представляли наилучший способ для обороны против превосходящих сил. Склад и один домик помещались в центре общего двора, прочие окружали двор, а конюшни, расположенные полукругом на восточной стороне, обращенной к штату Миссисипи, составляли уже сами по себе отличный блокгауз с бойницами. С западной стороны, наименее уязвимой при нападении, домики связывались между собой крепкими палисадами, а на крыше склада был установлен на турели фальконет¹, служивший осажденным надежным средством защиты.

Между складом и соседним домиком, занимаемым предводителем шайки, находилась площадка, над которой раскидывался летом полосатый навес. Женатые люди размещались в отдельных домиках, для холостых был построен один, пообширнее, называвшийся «Bachelor's Halle»². Он же служил местом общих собраний.

¹ Фальконет — старинная мелкокалиберная чугунная или медная пушка; устанавливалась на мелких судах.

² «Bachelor's Halle» (англ.) — «Зал холостяков».

Таково было убежище «Речных акул», хозяйничавших на широкой Миссисипи. Атаманом их являлся человек, которому они беспрекословно повиновались, а его непререкаемый авторитет основывался на редком уме и беззаветной храбрости. Звался он капитан Келли, и головорезы, бывшие под его командой, страшно его боялись, но и преданы были ему безгранично.

От берега к поселку вели всего две тропинки и обе были искусно замаскированы как бы естественными заграждениями. Человек, незнакомый с ними, неминуемо угодил бы в болото или в непролазную чащу. Лодки пиратов были тоже укрыты от всякого постороннего глаза, но главной защитой злоумышленников была та полная тайна, которой они умели себя окружить. И для соблюдения этой тайны пираты выработали особую систему. Участники шайки связывались кровавыми клятвами, а разветвления ее среди населения штатов были так велики, обороты так обширны и скрытны, что желавший выдать своих, не знал бы кому довериться, потому что адвокат или судья, к которому он вздумал бы обратиться, вполне мог сам оказаться членом шайки и погубить его.

Вследствие всего этого остров номер 61 сделался надежным убежищем для всех, не ладивших с правосудием. Преступник укрывался на острове, а новые товарищи его искусно распускали слух о том, что он бежал в Техас. Атаман определил награду тому, кто предотвратит предательство, заколов вздумавшего изменить. Такая благоразумная мера, сулившая тысячу долларов чистогоаном лицу, сохранившему общую безопасность, представляла столько соблазнов, что каждый ревниво следил за другим, равно как и за самим собой, удерживаясь от малейшей неосторожности.

В первую субботу каждого месяца происходило общее собрание членов под председательством Келли.

Пираты грабили чаще штат Миссисипи, нежели Арканзас. Один из них, затаившись на вершине дерева, как вахтенный на мачте, наблюдал за обоими берегами, подавая осторожные сигналы. Для бегства атамана от опасности на юго-западной оконечности острова за песчаной отмелью стояла всегда готовой лодка с притаившимися близ нее четверьмя гребцами. Тропинка, которая вела к ней, была известна лишь посвященным. Эта лодка нахо-

дилась на виду, но окружавшее ее мелководье не допускало к ней большие суда, и все считали ее просто брошенной.

Глава VI

ПИРАТЫ И ИХ АТАМАН

В «Зале холостяков» царило веселье. В большом камине, несмотря на летний день, горел огонь, и двадцать рослых молодцов расположились возле него с трубками в руках.

Одеты, как обыкновенные судовые рабочие, они не носили при себе оружия, но стены зала были увешаны длинными американскими карабинами, французскими охотничьими ружьями, немецкими штуцерами, испанскими стилетами, всяческими ножами, топорами, аншпугами¹ и другим боевым снаряжением. Одни из присутствующих напевали вполголоса грубые застольные или любовные песни, другие поджаривали на вертелах ломти дичи. Некоторые отбивали ногами такт песенки, которую громадный негр довольно верно наигрывал на плохонькой скрипке.

Вдруг дверь отворилась, и в зал вошел высокий и статный человек в черной суконной шляпе, надвинутой на глаза, широких матросских шароварах и лоцманской куртке.

Это был капитан Ричард Келли, предводитель шайки пиратов.

Несмотря на грубость и дерзость, находившиеся в зале тотчас же поднялись и удовольствовались легким кивком, которым Келли ответил на их глубокие поклоны. Все молчали и почтительно смотрели на своего босса. Он подошел, так же молча, к камину, а некоторое время глядел на огонь и потом принялся быстро ходить взад и вперед по залу, заложив руки за спину.

— Вернулась лодка из Елены? — спросил он у человека, появившегося в дверях.

¹ Аншпуг — деревянный или металлический рычаг с заостренным концом, употребляемый обычно для подъема и кантовки тяжестей на судах.

— Нет еще, ваша милость, но, стоя сейчас очередным на вахте, я слышал вдали плеск весел. Прикажете что-нибудь?

— Пусть барка будет наготове, — распорядился Келли, опускаясь на стул, поставленный для него у камина. — Лошади должны прибыть из Арканзаса нынче ночью. Джонс обещал это наверняка, и их нельзя оставить здесь. Трое из вас переправят их в Уиксбург. Дальнейшие мои распоряжения получите там от констебля Брума.

— Замечательно, как нам сочувствуют административные лица! — со смехом воскликнул один из пиратов, по имени Блэкфут. — Вряд ли найдется город, в котором у нас не было бы сообщника между констеблями, сторожами, даже адвокатами, судьями или почтмейстерами! Поэтому, когда сажают в тюрьму кого-нибудь из числа наших в Арканзасе или в Миссисипи, это равносильно его оправданию. Поверите ли, капитан, что граждане Пинквилья выбрали на прошлой неделе в прокуроры нашего Тоби Кривого! Будь я проклят, если не послушаю хотя бы одну из его речей!

Келли усмехнулся, но ничего не ответил и встал, говоря:

— Блэкфут, мне надо сообщить тебе кое-что.

Он вышел, не дожидаясь ответа, и Блэкфут последовал за ним на открытую площадку перед домом, ярко освещенную луной.

— Блэкфут, — сказал Келли своему подручному, — наши дела идут неплохо, но мы не вполне обеспечиваем свою безопасность. Наша тайна известна слишком многим, и если измена грозит смертью всякому, кто решился бы на нее, все же нельзя исключить невозможность предательства.

— Так что же? Допустим, что наше убежище будет открыто, какое свиное рыло возьмет нас здесь живьем?

— Но нам могут грозить опасности, которые трудно предвидеть. И если мы будем вынуждены бежать отсюда, где мы найдем другое, подобное этому, безопасное убежище?

— А маленький островок, заливаемый водой? А хижинки среди болот? Мало ли у нас нор!

— Да, но всего этого далеко недостаточно, — проговорил Келли, снимая шляпу и встряхивая волосами, мокрыми от росы.

Он был очень красив собой. Лоб его окружали волнистые пряди волос, в темных глазах читалась молодецкая удаль, рот оживлялся самонадеянной улыбкой. Глядя на него, Блэкфут спросил с недоумением:

— Чего же вы опасаетесь, капитан? Подозреваете кого-нибудь из наших? Назовите имя подлеца, и мы...

— Нет, — сказал Келли. — Была подобная опасность, но миновала. Тебе известно, что наш Роусон, будучи пойман, едва не выдал нас, стараясь спасти свою жизнь. Если он не успел этого сделать, то лишь потому, что регуляторы сами оплошали и дали возможность индейцу Ассовуму спалить его заживо. Но подобный случай может повториться, наш остров могут превратить в груды развалин, мы останемся без приюта, и потому нам надо заблаговременно принять меры против подобной беды.

— Но что же мы можем сделать?

— Очень многое, и все это в наших силах. Начиная с завтрашнего дня, всю добычу из Нового Орлеана мы станем отправлять уже не сюда, потому что было бы глупостью копить здесь богатства на пользу тех, кто рано или поздно разорит наше гнездо. У нас есть немало сообщников в Техасе, и мы начнем переправлять все к ним. Не посчастливится нам здесь, — что же! Там будут у нас капиталы, с которыми мы сможем начать новые операции. Сверх того, несмотря на всю надежность нашей позиции здесь, на все предусмотренные нами меры по общей эвакуации, нас все же могут захватить превосходящие силы.

— Совершенно верно, но что же мы можем поделать, спрошу я опять? И потом, рассудите сами, мы держимся здесь уже три года, и ни в штате Миссисипи, ни в Арканзасе, никто не подозревает о существовании нашего убежища!

— Именно эта трехлетняя безопасность обязывает нас не пренебрегать предосторожностями. Подумай, в течение последних десяти месяце сообщество наше так увеличилось, что сохранение тайны становится почти невозможной. Нас могут выдать, это почти неизбежно, и потому нам следует думать только о надежных сред-

ствах к обеспечению отступления отсюда в случае нужды.

— Какие еще средства? — спросил Блэкфут с недоумением.

— Нам необходимо завести свой собственный пароход.

— Пароход! Свой собственный! Великолепная идея! Мы можем отправиться на нем прямо в Техас. Но как вы рассчитываете добыть пароход? Купить или иным способом? А потом, и это главное, где мы его будем держать, так, чтобы он был всегда под руками? И выходит, что мысль прекрасная, но не неосуществимая.

— Вполне осуществимая, Блэкфут. И именно ты станешь капитаном парохода, развозящего грузы между Мемфисом и Напомоном. Это даст нам возможность связываться с сообщниками, и пароход будет всегда под рукой. Он может даже стоять здесь подолгу на якоре. Проезжающие суда будут думать, что он принадлежит лицам, которые захотели пробраться восточным рукавом реки, чтобы объехать номер 61 вокруг.

— Но покупка обойдется нам недешево.

— О, за деньгами дело не станет. Сэвидж Билл извещает меня, что ведет сюда с берегов Уабаша барку с богатым грузом и что у владельца ее мы найдем порядочную сумму наличными. Пишут мне также из Питсбурга, Цинциннати, Луисвилла и других мест, что к нам в руки направляется немало роскошной добычи. Удвой сторожевые посты, чтобы не пропустить ни одного груза. Ночи теперь коротки, и надо успеть убрать захваченное до рассвета, иначе всякий проезжий судовщик выдаст нас.

— Кому вы поручите покупку парохода?

— Я отправился бы сам для этого в северные штаты, но у меня сейчас есть дела здесь. Что пишет оттуда Симпсон?

— От него никаких известий, и это очень даже странно. Он все еще в Джорджии, и последние донесения о нем говорят в его пользу.

— Мне кажется, что он действует слишком самостоятельно и намеревается пользоваться нашей поддержкой только покуда это приносит ему личную выгоду. Но его нетрудно осадить. Мы напустим на него нашего адвоката Брума.

— Но Брум уже выехал оттуда, он здесь.

— Что ж, отправим его обратно. Он может взять одну из тех лошадей, которых сюда приведут, и продаст ее там. Приготовили настилку, чтобы перевести их с парома?

— Все готово, капитан. Но позвольте мне спросить: как прошла эта продажа с аукциона в Елене? Наш самозванный наследник не попался? Признали его права?

— Как же! — ответил Келли, смеясь. — Штука отличная, ее можно и повторить при случае. Сумма выручки получилась порядочная.

— И неужели никаких подозрений? Эти простаки поверили тому, что Голк со всем экипажем погиб в Миссисипи? И смерть его приписали гибели лодки у наших подводных камней? Забавно! Любопытно мне также знать, как были проданы три последние наши барки в Новом Орлеане. Их перекрасили?

— Нет, но в будущем придется это делать обязательно. Я распорядился привезти краску, и первое же захваченное судно мы сначала перекрасим и уже в таком виде отправим в Новый Орлеан, — разумеется, если груз будет того стоить. Мне сообщили адрес негоцианта, который будет забирать от нас весь товар. Да, вот еще что, Блэкфут: вчера прибыл в Елену один человек, который едет в Литл-Рок для покупки там земель, соседних с нашими в Арканзасе. Выедет из Елены он завтра рано утром на серой лошади.

— Один?

— Нет, его провожают почтарь, который состоит при мальпосте и знает в чем дело. Он подготовит все: они придут вместе к почтовой конторе в поселке Стронг, но приезжий не желает ночевать там, опасаясь, что с него возьму чересчур дорого, а остановится в доме, удаленном на три мили от Стронга. Дом на правой стороне дороги, на окне будет стоять зажженная свеча. Понимаешь?

— Как не понять! И эта экспедиция не потребует большого труда, разумеется. Но что прикажете делать с девушкой, которую привели сюда вчера наши люди? Мне кажется, она помешанная.

— Как же ты допустил ее сюда на остров? — крикнул Келли, топнув ногой. Я же приказал кентуккийцу покончить с ней, но он так упрям.

— Я не очень доверяю этому человеку, ваша милость. Боливар открыл мне на многое глаза.

— Этот негр — хитрая голова, поручи ему следить за кентуккийцем. Затопили обе барки, с которых сняли груз?

— Да, ваша милость, в двух милях отсюда, подальше от острова.

— Прекрасно. Не худо бы тоже бросить одну или две затонувших лодки на берегу, чтобы отбить охоту у всех приставать сюда.

— Как же вы решаете насчет парохода?

— Скрывать это от товарищей нельзя, потому что деньги будут взяты из общей кассы, — ответил Келли после некоторого раздумья. — Я поговорю об этом на собрании. Где же сейчас девушка?

— Я запер ее в номере 2, но миссис Келли сжалилась над бедняжкой и взяла ее к себе.

— Вот хорошо! Джорджина прекрасно знает, что такое мне может не понравиться. Надо спровадить эту дурочку, Блэкфут, и как можно скорее. Пошли ко мне Боливара. Здесь и без того слишком много женщин, что тоже это заставляет меня опасаться за нашу безопасность. По уставу, нам можно держать здесь лишь двадцать женщин, а Блэкфут уже восемнадцатая!

Говоря это, капитан ходил взад и вперед в большом волнении, но внимание его было отвлечено прибытием людей из Елены. Они шли гуськом по узкой тропинке и раскланивались с атаманом. Тот даже не ответил на их приветствие и сухо спросил:

— Письма где?

— Одно только, ваша милость, — сказал человек со шрамом на лице, — и почтмейстер передал мне его за несколько минут до нашего отъезда.

Келли поспешно взял письмо и направился к дому, но остановился у входа и сказал Блэкфуту:

— Пошли же ко мне негра, и если лошади придут ночью, дай им отдохнуть несколько часов, но на рассвете выкупайте их и отправьте тотчас же в глубь страны. Сандерс вернулся?

В ответ на это, вперед выдвинулся молодой человек, который мог бы назваться красавцем, благодаря своему стройному стану, голубым глазам и длинным белокурым волосам, но он был так пьян, что вся его привлекатель-

ность исчезала. Он сделал несколько шагов, пошатываясь и бормоча:

— Капитан Келли... имею честь.

— Довольно Сандерс, проспите! Я потребую вас к себе завтра утром. Идите к себе.

Сказав это, Келли вошел в свой домик и запер дверь на замок. Сандерс поплелся назад, продолжая бормотать:

— Скажите, как бесцеремонно! Потребую вас утром к себе. Спрашивается, зачем? Чтобы свернуть голову еще какой-нибудь несчастной девчонке? Разбить ей сердце? Ну, пусть он меня представит... пусть его... Товарищи мои! Порою мне так...

— Ну, ну, полно! — перебил его Блэкфут, хватая под руку. — Мы устали, спать хотим. И тебе тоже надо выспаться, а то глаза будут красные, перестанешь нравиться женщинам.

— Правда твоя... правда, Блэкфут! Идем спать! Мы что, ворует сердца! Слава купидону и всем смазливим рожицам! Ты не сердись на меня, Блэкфут? Не сердись. Но хотя бы мне миллионы давали, не променяю я своей наружности... на твою... или на такую, как у того... со шрамом.

— Ладно, ладно! Где уж нам равняться с тобой! — отвечал Блэкфут со смехом. — А все же ложись. Завтра у нас много работы.

Он уложил его и не уходил, пока тот окончательно не заснул, иначе Сандерс мог подняться снова и напиться уже так, что никуда не годился бы на другой день.

Глава VII

КРАСАВИЦА ДЖОРДЖИНА

Маленькая комнатка среднего домика, убранная с баснословной роскошью, была до того переполнена вещами, — десятой доли которых вполне хватило бы для ее украшения, — что походила более на магазин, нежели на будуар.

Три стены этого покоя были затянуты драгоценнейшими шелковыми материями, затканными серебром, но и эта чудная обивка почти полностью закрывалась зеркалами, картинами, статуэтками из бронзы, слоновой

кости, великолепными канделябрами и роскошным оружием. Четвертая стена была тоже разукрашена всевозможными дорогими вещами, но сама она представляла собой подобие стенки в корабельной каюте. Такое сходство придавали ей крошечные оконца со ставнями из деревянных пластинок. Простенки между оконцами были полузакрыты тропическими растениями, вползавшими до потолка, одеждами из индийских тканей и оружием тоже индийского производства.

Все это убранство производило впечатление излишества, неумеренного, не смягченного вкусом великолепия, и скорее неприятно поражало взор, нежели очаровывало его.

Посередине роскошного будуара стоял диван, на котором лежала молодая женщина в белом платье, опираясь на мягкие подушки.

Рядом с ней, на низеньком табурете, сидела другая женщина, закрывавшая лицо руками и, казалось, впавшая в глубокое отчаяние.

— Он не умер, дитя мое! — говорила женщина в белом, ласково поглаживая ей волосы. — Верьте мне, он жив и уже ищет вас, может быть. Но как ему узнать, где вы находитесь?

— Нет, — отвечала та, поворачивая к ней мокрое от слез лицо, — он не вернется никогда, он на дне реки. Разве я не видела, как его поразила пуля, как он упал? Я услышала плеск воды при падении тела и после этого лишилась чувств.

— Слушайте, Мария, я все же не знаю ничего до конца. Если вы рассчитываете на мою помощь, то должны рассказать мне все подробно.

— Вы хотите, чтобы я еще более растравила свои раны? Но не сердитесь, слушайте. Шесть месяцев назад, тот, кого я позже полюбила, появился у нас в доме в первый раз. Он был так добр, благороден, благочестив. Родители мои не отвергли его любовь ко мне и благословили наш союз. Я стала женой моего Эдуарда, но он все время восхищался югом, на котором бывал прежде, и уговорил моего отца переселиться из Арканзаса туда. Отец продал свое поместье, получил за него хорошие деньги, и мы отправились в Луизиану, погрузив все наше имущество на плоскодонную барку. Эдуард взялся править сам, без помощи лоцмана, пото-

му что отлично знал наши реки. Действительно, мы благополучно прошли Уабаш, Огайо и вышли в Миссисипи. Но третьего дня, по ошибке Эдуарда, быть может, мы наткнулись на островок... О, я не могу больше, я схожу с ума!

— Что случилось с Эдуардом? С вашим отцом, матерью?

— Они все погибли.

— А вы?

— О, пожалейте меня! Не спрашивайте более. О, Боже! Эдуард, мой Эдуард не смог даже защитить свою жену, не мог избавить ее от этих отвратительных воспоминаний.

Она замолчала, беспомощно опустив голову на грудь.

— Вы останетесь со мной, Мария, — произнесла слушавшая ее женщина. — Вас не заберут от меня. Он не посмеет! — прибавила она, как бы говоря с собою. — Я приложу все усилия. А сейчас отдохните.

Она встала и отвела несчастную в небольшую комнату, примыкавшую к будуару. Едва успела она затворить дверь, как слышались шаги, вошел Келли и спросил с заметным раздражением:

— Где женщина?

— Так-то здороваается теперь Ричард со своей Джорджиной? — проговорила красавица шутливо. — Ему нужно видеть чужую женщину, а не меня!

— Нет, Джорджина, — сказал он ласковее. — Ты знаешь, что я вижу только тебя среди всех.

Он нежно обнял ее, но продолжал:

— Мне все же нужно знать, где она. Ты поступила нехорошо, взяв ее сюда.

— Слушай, Ричард. — сказала Джорджина, обвивая своими прелестными руками его шею, — я попрошу тебя оставить ее при мне. Ты сам знаешь, до чего грубы, невоспитанны здешние женщины, и они ненавидят меня, за то что я не разделяю их циничных удовольствий. Мария дочь простого фермера, но такая милая, и, видимо, образованная. Она станет моей подругой, и это утешит ее в собственном горе.

— Дорогая моя, ты знаешь наш устав, — возразил Келли, усаживаясь на оттоманку. — Женщины не должны вмешиваться в распоряжения, касающиеся общей безопасности.

— Я замечу тебе, Ричард, что ты никогда не делаешь ничего для меня. Что бы я не попросила, у тебя всегда найдется причина мне отказать. Вот, к примеру, ты ни разу не брал меня с собой в Елену.

— Я уже говорил тебе, что и сам не смею туда показываться.

— Так оставь мне хотя бы Марию, единственную, на которую я могу здесь смотреть без отвращения.

— Это очень лестно для меня.

— Ты несносен сегодня, Ричард!

— Будь благоразумна. Оставаясь здесь, эта женщина неизбежно увидит Сандерса.

— Так это он, негодяй!?

— Не осуждай его, он нам очень полезен. Но мне надо поговорить с тобой о деле. Наше положение здесь становится слишком опасным, нам необходимо скрыться отсюда вглубь Техаса. Будь готова на всякий случай.

— А твои товарищи?

— Они выберут себе нового атамана.

— А если они не захотят тебя отпустить?

— В таком случае, они последуют за мной, — ответил Келли с видимым смущением. — Но, как бы то ни было, Марию нельзя здесь оставлять. Надо опасаться всего, что может выдать наши намерения.

— Но что станется с ней, если я соглашусь с твоим требованием? — с тревогой спросила Джорджина.

— Боливар отвезет ее в Натшец. Ты довольна?

— Мне приходится всегда только повиноваться тебе, — проговорила она, хмуря брови. — О, прошло то время, когда мое желание было законом для тебя!

— Но рассуди же, пойми, что мы не можем жертвовать нашей безопасностью, нашей жизнью, ради какой-то полупомешанной! — сказал Келли, обнимая жену. — Если бы я оставался постоянно здесь, мне было бы легче исполнять твои прихоти. Я сам охранял бы тебя.

— Ты опять уезжаешь?

— Необходимо, друг мой.

— Слушай, Ричард, — начала она, глядя пристально ему в глаза, — если я только узнаю, что ты мне не верен... что ты обманываешь меня... тогда как я пожертвовала ради тебя не только своей жизнью, но и жизнью

родителей моих... если бы я уверилась в твоей измене... о клянусь тебе духом тьмы, я отомстила бы тебе так, как не мстила еще никому ни одна женщина!

— Ты так ревнива, Джорджина? — сказал он, снова обнимая ее. — Но для кого же я тружусь? Ради кого стал вне закона, пролил первую кровь? О, твоя ревность не сердит меня, она свидетельствует о твоей любви, но все же ты несправедлива. Я знаю, что ты не равняешь меня с другими, что ты уважаешь меня, что ты и не полюбила бы меня, если бы я был обыкновенным человеком. Имей же доверие ко мне.

— Хорошо! — воскликнула она. — Я буду доверять тебе во всем, но не отчуждай же и ты меня совершенно от света, познакомь со своими друзьями.

— Исполнить твою просьбу гораздо труднее, нежели ты думаешь.

— Следовательно, ты мне отказываешь?

— Кто же говорит это? О, как ты стала недоверчива, Джорджина! Скажи, кстати, зачем был послан на берег твой метис? Присматривать за мной?

— Если бы и так? Что из того?

— Я так и подумал. Ты совершенно перестала доверять мне, бедняжка? Ну, хорошо, посылай своего соглядатая, я не буду его прогонять, пусть следит за мной повсюду и доносит тебе обо всем, что увидит. Довольна?

— Но как решишь ты насчет несчастной Марии?

— Пусть она остается пока при тебе, потому что я увожу с собой Сандерса. Но когда Блэкфут вернется сюда, ты не станешь противиться, я надеюсь, исполнению тех правил, которые установлены для безопасности не только прочих, но и для тебя лично? Ты все еще сердисься на меня?

— Могу ли я сердиться, когда ты такой добрый? — проговорила она, обнимая его.

— Так похороним же все наши споры и недоверия в этом поцелуе. У нас столько внешних опасностей, что не стоит создавать себе еще и внутренних бурь. Будем жить в мире, сохраняя силы наши на тот решительный шаг, который упрочит наше счастье.

Пока Келли говорил со своей женой, Блэкфут и негр тоже беседовали кое о чем.

— Что-то он затевает, — говорил Блэкфут. — Хотелось бы знать его настоящие намерения.

— О, он не высказывается никогда откровенно, только я умею угадывать! — отвечал негр. — Если он говорит, что пойдет вверх по реке, это значит, что по течению. Если скажет, что едет в Арканзас, то, поверь, Арканзас последнее место, о котором он думает.

Блэкфут, посмотрев на негра, принялся прохаживаться возле него, потом неожиданно спросил:

— Ты сопровождал его когда-нибудь в Елену?

Негр пристально взглянул на собеседника и только через минуту утвердительно кивнул головой.

— И тебе известно... — продолжал Блэкфут.

— Молчи! — шепнул Боливар, поглядывая с испугом на дом атамана. — Я не пророню ни слова о его делах, я поклялся молчать, да и хорошо помню, как он обошелся с тем испанцем: отрезал ему нос, уши, руки... и потом кинул издыхать в болото. О, белые свирепее черных!

С вершины соседнего дерева раздался свист.

— Вот и еще какая-нибудь работенка привалила! — проворчал негр. — Вроде у нас и так ее мало. Всех лошадей за раз перевезут?

— Нет, регуляторы настороже и сразу же заметят наши следы. Тех двух коней, которых мы ждем из-за реки, проведут через болото, это поручено Бойсу, а прочих доставят водой. Но пойдём-ка на пристань, надо помочь вывести лошадей.

Приведенные животные были вконец измучены, они даже отказывались есть превосходный корм, который им засыпали в ясли на конюшне. Джонс Бойс рассказывал, что загнал коней так, потому что за ним гнались по пятам регуляторы. Речь его была прервана появлением Келли, который, видимо, озабоченный чем то, не стал даже спрашивать Бойса, а отвел Блэкфута в сторону и сказал:

— Джорджина настаивает на том, чтобы послать метиса на тот берег. В первый раз его пусть перевезет Боливар... но чтобы тот до берега не доехал. Ты меня понимаешь?

— Не доехал... то есть, вы имеете в виду метиса Олио?

Келли утвердительно кивнул и продолжал, подавая конверт:

— Приказания Сандерсу в этом конверте. Все остальное тебе известно.

— Когда вы ожидаете Сэвэджа?

— Очень скоро. Согласно его расчетам, он должен был прибыть со своими пассажирами в Елену еще вчера. Вы условились насчет сигнала?

— Как же, ваша милость. Он пройдет близехонько от острова, выстрелит у подводных камней и потом выбросит судно на берег немного пониже.

— Отлично. Лошадь моя отдохнула?

— Совершенно, ваша милость. А как же насчет молодой женщины?

— Ты передашь ее негру, которому я сам отдам приказания. А тебе надо присмотреть за этим молодцом.

— За кем еще? За Джонсоном?

— Да! Не выпускай его с острова, пока я не прикажу.

— Он кажется таким преданным.

— Тем лучше для него. Прощай. Ложись спать.

Глава VIII

БЕСЕДА НА БОЛОТЕ

Солнце уже часа два стояло над горизонтом, когда на полузатопленной пойме, окаймляющей Миссисипи на протяжении нескольких миль, напротив таинственного острова показались два всадника на превосходных конях.

Среди этого громадного болота не было видно ни одной тропинки, не было никаких следов, указывающих на присутствие человеческого жилья. Всюду виднелись лишь камыши и стволы подмытых водой деревьев, над которыми носились тучи москитов.

Но всадники знали, по-видимому, дорогу. Они ехали уверенно, петляя среди грязных луж. Тот из двоих, который был постарше, внешностью полностью соответствовал дикой природе, среди которой находился, но младший уже решительно не гармонировал с ней. Он не походил на местного охотника или пионера, а казался щеголем, выехавшим прогуляться на чистокровном скакуне. На нем был светло-коричневый редингот¹, сшитый по последней французской моде, шелковый жилет и

¹ Редингот — удлиненный сюртук.

цветные панталоны, и только ноги его были в красных фланелевых гетрах, подобных тем, которые носят западные фермеры. Но эта обувь была надета, очевидно, лишь для предохранения ног от грязных болотных брызг. Он был красив собой и если бы на верхней губе не пробивались усы, то его миловидное лицо с голубыми глазами, выглядывавшими из-под черной шляпы самого изящного фасона, могло заставить кого угодно принять его за переодетую девушку. Но никогда красота не была столь обманчивым признаком душевной чистоты, как в данном случае.

Этот юноша явился на остров под именем Эдуарда Сандерса, и его испорченность и способность к лицемерию принесли большие выгоды пиратам. Никто не знал о его прошлом, но так как он сам о нем не рассказывал, а прочие разбойники тоже не могли сообщить о себе ничего похвального, то никто и не старался его расспрашивать. Сандерс говорил только, что он из Джорджии, сын плантатора, и все вынуждены были удовлетвориться этим объяснением.

Он появлялся, притом очень редко, на острове и не сходилась близко ни с кем, кроме самого Келли и его жены. Такая сдержанность объяснялась тем, что он стоял, по воспитанию, несравненно выше своих товарищей. Единственный, с кем он еще беседовал временами, был Блэкфут, уверявший, что «грабеж такое же занятие, как и прочие», и пристрастившийся к этому занятию как индеец к охоте за бизонами.

Блэкфут был на этот раз в костюме фермера, но с карабином за плечами и ножом за поясом. В дороге он выдавал себя за колониста, снявшего недавно ферму на берегах Миссисипи и желающего поместить свой капитал в какое-нибудь выгодное предприятие. Оба они направлялись к Елене, где у Сандерса было тайное и ответственное поручение.

— Ну и дорога! — воскликнул Сандерс. — Здесь кости переломаешь и, что еще хуже, выпачкаешься с ног до головы. Хорош я буду по приезде в Елену! Не заблудились ли мы?

— Нет, не бойтесь, прямая дорога на Елену уже в какой-нибудь миле от нас. Ой, ой! Вы и впрямь изрядно выпачкались. Почему вы не захотели завернуться в одеяло, как я вам советовал?

— Потому, что потом я не очистил бы мое платье от пуха в течение целой недели. Высохшая грязь скорее отстанет. Но расскажи-ка мне, с какой целью мы покупаем пароход?

— Я говорил уже вам, что мы надуем тех, кто выследит нас. Удерем с нашими капиталами на паровом судне! Мысль недурна, а?

— Да, пароход позволит расширить наши предприятия и заняться настоящим корсарским делом еще по дороге в Мексику, Нам легко будет перехватывать небольшие шхуны и другие мелкие суда. А почему знать, со временем не наложим ли мы лапу и на какой-нибудь пароходик дяди Сэма? Вот была бы уже заправская добыча! Но прежде чем воспользоваться пароходом, следует его купить.

— Дело будет обсуждаться на общем собрании, а купить — много времени не займет! Снарядить и вооружить можно тоже за двое суток.

— А много у нас денег в кассе, Блэкфут? — спросил Сандерс после некоторого размышления. — В последнее время у нас было много добычи.

— Денег? Право, не знаю. В субботу атаман, видимо, представит расчет. Мне известно только, что он пересылал большие суммы в Мексику, для покупки земель.

— Общество давало ему согласие на это? — с живостью спросил Сандерс, поворачиваясь к своему спутнику.

— Не думаю, — ответил Блэкфут. — Да к чему ему спрашивать разрешения? Все, что он делает, должно быть хорошо. Нам здесь вскоре несдобровать, я уверен в этом, атаман того же мнения, по-видимому. Я полагаю поэтому, что приобретение земель и парохода — дело разумное.

— Да, при условии, что покупки совершались как текущие расходы, не затрагивая наших частных сумм. Если же мы пожертвуем ими, то останемся полностью во власти шайки и атамана, который, по правде сказать, обращается с нами уж слишком деспотически. У меня нет ни родни, ни друзей, и я не нуждаюсь в пароходах, чтобы перевезти свое имущество. Поэтому заявляю прямо, что не пожертвую и шестью пенсами для этой покупки. А вы поступайте как знаете.

— Что же вы намереваетесь делать? Вы не сообщили мне даже, зачем едете сейчас в Елену.

— Спросите лучше, зачем меня туда гонять. Я хотел отдохнуть несколько дней на острове после перенесенных трудов. Ведь это не шутка, провести барку по Уабашу, Огайо и Миссисипи до нашего острова, не говоря уже о заключительной комедии! И мне не дают даже выспаться, посылают на эти дьявольские дороги.

— Но зачем?

— Затем, чтобы похитить хорошенькую девушку.

— Похитить девушку! И ради этого любовного похождения...

— Тут в перспективе наследство, Блэкфут!

— Наследство! Чье?

— Не спрашивайте. Я сам ничего не понимаю, как не знаю и того, где атаман пропал последнее время.

— Я знаю: он находился в Джорджии. Но разве есть связь между этой поездкой и наследством?

— Почему же нет? Ведь Симпсон в Джорджии, и постоянно переписывается с Келли.

— Это правда, но атаман ничего не сообщал мне, — сказал Блэкфут, потупив глаза и, видимо, озадаченный. — А вы знаете ту особу, к которой едете в Елену?

— Я знавал ее в Индиане. У меня рекомендательное письмо к одному ее родственнику, у которого она гостит, мистеру Дейтону.

— Дейтон ее родственник? — воскликнул Блэкфут, в изумлении так натягивая поводья, что лошадь поднялась на дыбы.

— Да, письмо к нему, но сама она сельская жительница... впрочем, образованная и развитая. Так как она знает меня, то мне не трудно будет уладить дело.

— Но что за цель у атамана?

— Не знаю, а мне-то что? Приказ состоит только в том, чтобы заманить ее, самое позднее в субботу, в назначенное место. Действовать я буду самым деликатным образом, если возможно. Остальное касается Келли. Он выплачивает мне за эту проделку тысячу долларов из своего собственного кошелька. Но вы, Блэкфут, зачем вы-то едете в Елену? Не с амурными ли целями? Вы что-то принарядились, я гляжу!

— Если угодно, мне тоже надо посетить одну даму.

— Великолепно! Блэкфут на любовном свидании. Вот потеха!

— Смешного тут ничего нет, если бы я и в самом деле шел на свидание, но вы перестанете смеяться, когда я скажу, что особа, к которой я отправляюсь, миссис Луиза Бредфорд.

— Она! — воскликнул Сандерс, почти ужаснувшись при этом имени. — Так эта ведьма еще жива? И она в Елене? О, если она только меня увидит, то погонится за мной. Правда, однажды, в Циксбурге она помогла мне совершить один фокус, но я очень не хотел бы, чтобы об этом зашла речь в городе, во время моего пребывания там. В Циксбурге я жил под чужим именем.

— Не бойтесь ничего, она не станет вспоминать о вашем прошлом, потому что ей более чем кому-либо, требуется сохранить тайну своего. Но в случае, если бы она вздумала вам грозить с целью шантажа, спросите ее просто, не осталось ли у нее еще больших гвоздей, из тех, которые доставил ей мистер Даулинг несколько лет тому назад. Не забудьте фамилию Даулинг. Не забудете?

Сандерс из предосторожности записал.

— Даулинг, — повторил он в раздумье. — Даулинг, я слышал уже эту фамилию, как будто. Но какое это имеет отношение к гвоздям?

— Какое вам дело? — возразил Блэкфут. — Я снабжаю вас только средством, употребите его при надобности, не доискиваясь происхождения. Ну, вот мы и на большой дороге.

Он пустил свою лошадь в галоп. Сандерс последовал за ним, стараясь, несмотря на скачку, очистить ручной щеткой свой костюм и пригладить карманной гребенкой растрепавшиеся волосы.

Глава IX

ДВОЙНАЯ ЗАПАДНЯ

Миссис Дейтон твердо решила сдержать слово, данное накануне молодому Лейвли, и занималась приготовлениями к отъезду. Было решено выехать к вечеру, потому

что сам Дейтон вернулся из поездки к больному поздно, очень устал, и жена не хотела оставлять его одного.

Когда семья, пообедав, еще находилась в столовой, на дворе раздался стук копыт. Адель подбежала к окну и вскрикнула:

— Мистер Гэвс! Вот неожиданность!

— Что это за мистер Гэвс? — шутливо спросил Дейтон. — У меня в доме такой не бывал, и если он явился теперь, то это, верно, к вам, мисс.

— Весьма вероятно, — ответила Адель, не смущаясь. — Я была так дружна с его женой в Индиане. Мария Морисс, дочь богача Морисса. Но зачем Гэвс оказался в Арканзасе? Я думала, что он на своих новых плантациях в Луизиане.

— Он сам объяснит вам эту загадку, мисс Адель. Я слышу его шаги. Вот и он.

Действительно, дверь отворилась и в комнату вошел молодой человек, которого читатель уже знает под именем Сандерса.

— Здравствуйте, мисс Адель, — сказал он протягивая руку молодой девушке. — Счастлив видеть вас в добром здравии. Я имею честь приветствовать мистера и миссис Дейтон, без сомнения?

Муж и жена поклонились, а Дейтон произнес радушно:

— Наша милая мисс уже представила нам вас, вы с нею старые знакомые, как оказывается.

— В таком случае рекомендательное письмо, данное мне, будет уже бесполезным. Меня снабдил им Порель, который стал прокурором в Синквилле.

— Порель! Вы виделись с ним на днях? Столько лет прошло, как мы не встречались друг с другом! — воскликнул Дейтон.

— Он вспоминает о вас всегда с любовью и уважением, — ответил Сандерс. — Должность, на которую он теперь назначен, так почетна и выгодна, что вы, верно, порадуетесь за него.

— Но Мария, расскажите же о Марии! Где она теперь? — перебила Адель. — Что ее родители? Я думала, что вы все проживаете в Луизиане на купленных вами плантациях.

— Нет, по счастью, мы вовремя узнали о невыгодности такого приобретения и купили другое поместье, в штате Миссисипи, а точнее в Синквилле.

— В Синквилле! — воскликнула Адель радостно, — Ах, как это хорошо! Синквилл всего в шести милях отсюда, и я непременно приеду к вам в гости.

— Я и прибыл сегодня именно с тем, чтобы передать вам приглашение от Марии, но вы должны распорядиться своим временем так, чтобы погостить у нас подольше. Она надеялась даже, что вы поедете со мной сегодня же. С этой целью я приехал в кабриолете, только оставил его за рекой, а сюда явился верхом, не зная, где именно вы живете, в городе или на даче.

— Но как же распорядиться тогда с поездкой к Лейвли? Или вы ее отложите? — спросил Дейтон.

— О, нет, это невозможно, — возразила ему жена. — Мы же дали вчера слово молодому Лейвли, и его мать ожидает нас сегодня. Она обидится, если мы не приедем. Пусть лучше мистер Гэвс поедет сейчас с нами, а Адель отправится с ним в Синквилл завтра. Таким образом, все уладится.

— И как нельзя лучше, — прибавил Дейтон — потому что и меня задерживают дела, а вы будете, без сомнения, лучшим проводником для моих дам, нежели наш старый Цезарь, мистер Гэвс!

— Я очень горжусь вашим доверием, но, к сожалению, не знаю дороги.

— О, я стану вашим проводником! — воскликнула Адель.

— За таким проводником я пойду куда угодно, даже на смерть! — любезно заметил гость.

— О, мистер Гэвс, — сказал Дейтон, — вот выражение, немного странное в устах молодого мужа, слышала бы вас сейчас ваша жена.

— Мария и я, обе мы хорошо понимаем, что значат такие слова, — перебила Адель. — Мистер Гэвс иногда пишет стихи, а поэты склонны к преувеличению. Наши лошади уже выказывают нетерпение, едем!

Девушка, а за нею и остальные, вышла во двор, ловко вскочила в седло без помощи Сандерса, который успел только помочь ей поставить ножку в бархатное стремя, и маленькая кавалькада выехала из города по дороге к ферме старого Лейвли.

Почти одновременно с этим к городу по реке спустилась большая плоскодонная барка, на которой, кроме гребцов, находились еще два человека, уже

знакомые читателям, старый Эджворт и молодой приятель его, Том Барнвель. Волчок сидел у ног хозяина и смотрел на работу матросов. Он понимал собачьим инстинктом, что после такого долгого плаванья ему скоро предоставится возможность выскочить на сушу. Но рулевой был не так доволен. Он придумывал разные предлоги, чтобы избежать остановки в Елене, но Эджворт настоял на своем.

— Это безумие приставать здесь, — ворчал Сэвэдж. — Чтобы выплыть отсюда, нам придется выбиваться из сил, кроме того, товар лучше бы продать в Циксбурге или в Монтгомери-Пойнт.

— Что это за местечко? Я не слышал такого названия, хотя спускался по Миссисипи не раз, — спросил Том.

— Может быть, вы и других новых мест не знаете, — возразил Билл Сэвэдж. — Тут за какой-нибудь год страна так меняется, что и глазам не веришь. Вот, взять хотя бы и Елену. Когда я начал плавать, здесь стояло всего несколько домиков, а теперь это целый город. То же самое и повсюду. Четыре года назад, некто Монтгомери построил хижину на мысу, а нынче это ключ ко всей западной окраине. Все, спускающиеся по Уайт-Ривер до Арканзаса, проходят через этот пункт, потому что путь короче, и не пройдут мимо Монтгомери-Пойнт, чтобы не остановиться. Один торговец, поселившийся там недавно, закупил целую барку с пшеницей, а он далеко не из самых богатых в местечке.

— Хорошо, если не продадим всего здесь, зайдем и туда, — согласился Эджворт.

Когда барка пристала к берегу, старик оставил на ней двух человек для охраны, отпустив других погулять, а сам пошел с Томом узнать в городе о ценах.

Билл Сэвэдж не последовал за звавшими его с собой товарищами, он остался на берегу. Когда же они скрылись из виду, он поспешил к отдельно стоявшему домику и стукнул в дверь два раза.

Миссис Бредфорд, выглянув из окна верхнего этажа, тотчас же очень быстро спустилась вниз.

— О, Билл! — воскликнула она. — Как я рада тебя видеть! Жду целых три дня. Мой покойник недаром говорил: «Луиза...»

— Нельзя ли без ваших дурацких рассказов? — бесцеремонно перебил ее Сэвэдж. — Какие вести с острова? Есть кто-нибудь из наших в Елене? Вот о чем надо говорить.

— Все такой же медведь! Я думала, что вы хоть немного пообтесались. Видно, что нет! Даже поздороваться для вас лишнее. Но я не позволю всякому собой помыкать. Мой покойник говорил: «Луиза...»

— Прекрасная, славная женщина, — договорил Билл, протягивая ей руку, видя, что она разгневалась уже не на шутку. — Пора вам привыкнуть ко мне! Знаю, что я невоспитан, но все же я и не зол. Ну, милая моя, сообщайте, что новенького? Если случится, что мне потребуется помощь, найду ли я здесь кого-нибудь из наших?

— Добрый десяток! — крикнул кто-то сверху, с лестницы. — Как поживаешь, дружище? Приволок нам чем поживиться?

— Это ты, Блэкфут? — радостно воскликнул Билл, пускаясь бегом вверх. — Вот кстати! Ты сможешь мне выпроводить из Елены одного упрямца, который вбил себе в голову, что продаст товар здесь. Груз не из особенно важных, но скряга везет при себе десять тысяч долларов наличными. Если, на беду, он продаст свой товар, то сядет на первый попавшийся пароход и ускользнет от нас.

— Нельзя допускать этого! Сговоримся, как поступить.

— Хорошо. Но только можно ли положиться на скромность нашей любезной хозяйки?

— Я уйду в кухню, мистер Билл, — сказала она обиженно. — Блэкфут, вы здесь дома. Распорядитесь угощением.

— Прежде всего, — спросил Билл, проглотив рюмку рома, — скажи мне, все ли благополучно на острове?

— Все отлично, но хорошо, что ты прибыл, потому что завтра у нас большое собрание и будут решаться важные дела. Келли подозревает, что нам грозит опасность, и считает необходимым купить пароход. Будут рассуждать еще о многом. Но нам то надо решить насчет хозяина твоей барки. Купить мне его груз?

— Что за вздор! Покупатели у него найдутся и без тебя, все дело в том, чтобы удержать его от продажи здесь, в Елене.

— Ты меня не понял, если я закуплю у него товар тут, то лишь с условием доставить мне его на место, в Монтгомери-Пойнт.

— Вот это дело! Знаешь что? Устроим еще лучше: скажи, что ты из Виктории, это даст нам предлог идти, оставляя номер 61 справа, а не слева, как сказано в «Речном указателе». Ты будешь всячески поносить Монтгомери-Пойнт, это понравится старику, он подумает, что я его хотел надуть, и уж никак не догадается, что мы с тобой заодно. Он меня уже и так ненавидит, без всякой видимой причины, инстинктивно. Есть за что, это правда, а скоро и еще повод появится!

— Есть за что, говоришь?

— Есть, да что рассказывать? Подержать язык за зубами никогда не вредно, а болтовня часто выходит боком. Скажу только, что я благодарен теперь этому шраму, который меня не красит. Благодаря ему, мистер Том меня не узнает... Но вот и красавица наша! Вы все еще сердиты? Я был зол, когда пришел, но Блэкфут вернул мне хорошее расположение духа.

Миссис Бредфорд долго не сердилась на тех, кто мог быть ей полезен, она ответила очень приветливо:

— Чего сердиться попусту! Вы были невежливы, но это не от злости. А не мешало бы вам побриться, что за бородища у вас! В самом деле, Билл, ты и так-то не слишком красив, чтобы приходилось палкой девушек отгонять, а теперь на кого ты похож? Мой покойник всегда говорил: «Луиза, бывают такие лица...»

— Дорогая миссис Бредфорд, — прервал ее Блэкфут, — нельзя ли закончить наше дело. Я жду уже целый час, мне пора, Биллу тоже некогда. Давайте скорее.

— Какой торопливый! — проворчала она, выдвигая ящик комода и роясь под кучей белья. — Вот, получайте... Берите, кровопийца, ненасытный человек, забирайте последнее у бедной вдовы!

С этими словами она вытащила из тайного хранилища несколько банковских билетов и бросила их Блэкфуту.

— Неутомимый вы сборщик податей, не пропустите месяца, чтобы меня не обобрать!

— Знаю, — смеясь, ответил Блэкфут, — знаю, что вам было бы приятнее сбывать наши товары, не давая никакого отчета! Между тем все выгоды на вашей стороне, вы живете себе спокойно в городе, в полной безопасности, между тем как мы трудимся день и ночь, с риском для жизни.

— Спокойно и в безопасности! Тоже сказали! Не далее как на днях кто-то хотел забраться ко мне.

— Может быть, просто вор.

— Конечно вор. Но ваше выражение «просто» совсем неуместно! Зачем воры являются? Полагаю, чтобы обокрасть. Мой покойник говорил: «Луиза берегись. Ты слишком добра. Занимайся своими делами и не суйся в чужие. Так спокойнее».

— Нам пора, Блэкфут, — сказал Билл товарищу, который старательно пересчитывал деньги, не слушая излияний миссис Бредфорд. — Надо завершить дело со стариком сегодня же вечером. Только знаешь что? Не пуститься ли нам в путь завтра днем? Если поведем барку между островом и левым берегом, то нам ничто не помешает расправиться с ней и засветло, а то этот сигнальный выстрел среди ночи мне вовсе не нравится. Он способен привлечь к себе общее внимание, между тем как днем никто не удивится. Пойдем же уговаривать старика, пока он не нашел других охотников на свой товар.

— Иду, — сказал Блэкфут, вставая. — До свидания, миссис Бредфорд! Помните, у судна, о котором я вам говорил, будет на корме зеленый с красным флаг. Остальное вы знаете. Прощайте!

Эджворт и Том ходили между тем по городу, наводя справки о ценах, но не узнали ничего утешительного. Местные торговцы давали слишком низкие цены, видимо, не желая вступать в сделку и уверяя, что могут получать все дешевле через миссис Бредфорд. Они даже дали старику адрес этой особы, говоря, что он может сбывать ей весь свой груз.

— Нет, Том, — говорил Эджворт, — я вижу, что мне ничего не продать в Елене. Рулевой, Сэвэдж, все толкует о Монтгомери-Пойнт. Может быть, у него свой расчет, какие-нибудь родственники или знакомые, которым он хочет услужить. Но не лежит у меня сердце к этому человеку. Не замышляет ли он чего дурного?

Я попросил бы тебя взять шлюпку и поехать сейчас же вперед, вниз по течению реки много городов, и ты наведешь везде справки о ценах, а я выйду на барке завтра, и ты встретишь меня в Монтгомери-Пойнт. Так будет вернее. Возьми одного или двух из наших людей с собой.

— Никого мне не надо, пришлите только Боба, чтобы помочь снарядиться в дорогу. Да, кстати, когда прибудете к острову номер 61, не доезжая Монтгомери-Пойнт, подайте какой-нибудь сигнал, чтобы мне не ехать понапрасну далее, выстрелите из карабина или привяжите одну из ваших цветных рубах к шесту так, чтобы я увидел.

— Мне надо еще отдать в починку карабин, — сказал Эджворт. — Но здесь есть оружейники, успеют исправить до завтра.

— Что же с ним случилось?

— Не знаю, пружина испорчена. Странно...

Том простился со стариком, тот остался на берегу, глядя, как молодой человек отвязывал шлюпку от барки с помощью Боба, который принес ему все необходимое в дорогу, и, между прочими вещами, бочонок виски. Когда все было готово, Том взмахнул рукой в знак прощания и сел за весла.

Эджворт некоторое время смотрел ему вслед, потом обернулся и чуть не столкнулся с Сэвэджем.

— Это ваш родственник, мистер Том? — спросил рулевой, указывая на лодку. — Да, я не ошибся, это он!

— Он самый, — ответил старик.

— Зачем же он отправился без нас? И шлюпку забрал. А если она нам понадобится?

— Обойдемся без нее, — спокойно сказал старик. — Том отправился вперед, чтобы узнать рыночные цены на разный товар, а мы выступим завтра и догоним его.

Билл Сэвэдж едва скрыл удовольствие от такого решения насчет времени отъезда, и проговорил:

— А я встретился тут, в трактире, с одним из Виктории. Он прослышал о вашем грузе и спрашивал меня, где бы с вами повидаться. По-видимому, хочет приторговать ваш товар.

— Где это, Виктория?

— Она немного пониже устья Уайт-Ривер, по ту сторону Миссисипи. Из Монтгомери-Пойнт ее видно.

— А как зовут торговца?

— Не спросил я. Скажу только, что наружность у него как будто не купеческая. Да вы сами лучше обсудите, когда с ним увидите. Он остановился в гостинице «Юнион».

Эджворт пошел по указанному адресу, а Билл смотрел ему вслед со злобной усмешкой.

«Иди, старый глупец! — говорил он про себя. — Мы посмотрим, сохранятся ли так хорошо твои кости на дне Миссисипи, как кости твоего сына на берегу Уабаша. Иди, заключай торговую сделку, она последняя в твоей жизни!»

Глава X

ФЕРМА ЛЕЙВЛИ

Принадлежащая семье Лейвли ферма находилась в восьми милях от Елены, среди девственного леса, в котором было вырублено лишь пространство, нужное для расположения построек и для добычи бревен и досок, для возведения просторного, удобного и красивого жилища.

На стволе дерева, вырубленного в виде скамьи, возле дома сидел совершенно седой, но бодрый, пышущий здоровьем старик, щеки которого горели румянцем, а глаза блестели добродушием и отвагой. Голова его была непокрыта, и белые кудри падали волнами на загорелую шею. Одежда его состояла из серого суконного длинного сюртука, таких же панталон, синего жилета и рубашки ослепительной белизны, но одно казалось странным: он был бос. Поодаль от него сидел молодой человек, сдиравший шкуру с убитого молодого оленя. Большая ньюфаундленская собака следила за его работой.

Молодой человек — зять старика — приехал к нему недавно из западных штатов, с целью поселиться на соседнем участке, но дом его был еще не достроен, и пока он жил с женой и тремя детьми на ферме у тестя.

— Доброго оленя убил ты, Уильям, — говорил старик Лейвли. — Окорока из него выйдут отличные. Славное дело охота, занятное. Но настоящее дело все же не

в этом. Мы должны возделывать землю. Как и сказано: «В поте лица своего будешь есть хлеб свой!»

Старик хотел еще что-то сказать, но речь его была прервана лаем водолаза¹, которому стали тотчас же вторить и другие собаки. К этому хору присоединилось радостное восклицание Джеймса, который бросился отворять ворота приближавшимся гостям. Адель подняла свою лошадь и заставила ее перескочить во двор через невысокую изгородь, но миссис Дейтон и ее спутник степенно въехали через ворота.

Скоро все общество уселось под тенью раскидистого орешника, и старая миссис Лейвли, несмотря на возраст, не уступила никому чести прислуживать гостям. Она угощала их кофе, разнося чашки.

— Кто это с дамами? — спросил, сидя в стороне, зять Лейвли, Уильям Кук, у Джеймса, указывая на Сандерса. — Я вроде бы видел его где-то.

— Я его вовсе не знаю, и он здесь не по моему приглашению, — тихо отвечал молодой Лейвли, недружелюбно поглядывая на приезжего. — Он так фамильярно говорит с мисс Адель, как будто вырос с ней, обходится точно брат.

— Красивые у него волосы, — заметил Уильям.

— Нечего сказать, точно мочала! — проворчал Джеймс.

Угадать причину такого критического отношения к красоте гостя было нетрудно, и сама Адель замечала неудовольствие своего молодого поклонника. Чтобы утешить, она любезно обратилась к нему:

— Мистер Джеймс, вы обещали мне в прошлый раз рассказать подробно о вашей схватке с пумой, вероятно той самой, шкура которой висит здесь на дереве. Мистер Гэвс говорит, что невозможно одолеть пуму, имея при себе только нож.

Джеймс, находивший неприличным хвастаться перед молодой особой своими охотничьими подвигами, проговорил с замешательством:

— Да что... мистер Гэвс... я не знаю, право...

— Верно, легче одолеть пуму, чем рассказывать об этом? — заметил Сандерс насмешливо. — Насколько из-

¹ Водолаз — собака особой породы, хорошо плавающая и приученная вытаскивать из воды утопающих.

вестно, все охотники, рассказывая о своих успехах, забывают упоминать о собаках, на долю которых и приходится, собственно, вся опасность. Охотник стреляет в зверя с почтительного отдаления, а потом, когда животное уже издохло, вонзает в него нож раза два или три, стараясь не повредить шкуры, для доказательства опасности схватки.

— Если я говорю, что убил пуму ножом, — произнес Джеймс с сдержанным бешенством, — то это значит, что со мной не было собаки, и я не пользовался карабином. Может быть, вам и приходилось слушать хвастливые и лживые рассказы, но в наших лесах они не в ходу. И в нашей семье лжецов не водится.

— Позвольте, — сказал Сандерс, понимая, что всякая ссора помешает возложенному на него делу, — позвольте, мистер Лейвли! Я вовсе не хотел сказать, что принимаю все охотничьи рассказы за ложь. Охотнику позволительно увлекаться. Это ему даже прощают.

— Этого я не понимаю. Могу только сказать, что пользуюсь на охоте ножом лишь в случае самой последней крайности. Что же до этой пумы, то Кук был свидетелем, пусть он и рассказывает.

Но старая миссис Лейвли перебила разговор, принимавший неприятный оборот.

— Не пора ли нам в комнаты? — сказала она. — Солнце уже зашло, а городские жительницы простуживаются легко. Джеймс, помоги мне убрать со стола.

Общество послушалось хозяйку, и скоро большая и уютная гостиная огласилась веселым говором. Старый Лейвли рассказывал про былое, жена его хлопотала, стараясь всячески обласкать миссис Дейтон и Адель. Она говорила, что ни за что не отпустит молодую девушку завтра от себя, пусть мистер Гэвс и не думает ее похищать! Он такой любезный, не захочет огорчать всех.

Слушая речи матери, Джеймс мог только спросить молодую девушку подавленным голосом:

— И вы, в самом деле, хотите покинуть нас завтра, мисс Адель?

— Да, мистер Лейвли, — ответила она задорно, — мистер Гэвс увозит меня к своей сестре.

Эти слова так поразили бедного юношу, что он встал, чтобы выйти из комнаты.

— Куда ты, Джеймс? — крикнул ему отец.

— Надо припрятать остатки оленя от собак и хищных зверей, — сказал он первое, что пришло ему на ум.

— Верно, верно, иди. А я расскажу о презабавном происшествии.

Он принялся за рассказ, который Сандерс слушал с притворным любопытством, в то время как все его внимание было поглощено оживленной беседой между старухой Лейвли и миссис Дейтон. Речь шла об одной семье, жившей в Джорджии и состоявшей в родстве с миссис Дейтон и Аделью.

— Да, миссис Дейтон, — говорила старушка, — это достоверно. Моему мужу писали оттуда. Старый Бервик только на три дня пережил свою жену, и завещание его хотели вскрыть в среду. Вы получите уведомление на днях.

— Мой муж получил какие-то два письма сегодня поутру, но ничего мне не говорил, вероятно, это не то, иначе он сообщил бы мне.

— Несомненно. Но такого рода дела обычно затягиваются, нотариусы и другие законники никогда не торопятся, если дело идет о выплате денег.

Адель разговаривала с миссис Кук, потом пошла помогать ей укладывать спать детей и выказала при этом такую милую заботливость, что молодая фермерша сказала, нежно пожимая ей руку:

— О, дорогая моя, как бы я была счастлива, если бы вы вышли замуж за какого-нибудь фермера по соседству с нами!

— Я очень люблю сельскую жизнь, — ответила девушка, краснея, — но как знать будущее? Хорошо, если судьба свяжет меня с тем, к кому лежит сердце.

— О да, это самое великое счастье! Муж, которого любишь, дети...

— Вам было хорошо там, где вы жили прежде? Вы не жалеете о тех местах? — перебила Адель.

— Видите ли, и там было очень хорошо, но здесь мои родители и брат Джеймс, а я их так люблю! Следовательно, здесь еще лучше. Может быть, и Джеймс встретит девушку, которую полюбит, женится, и тогда у нас будет тут целая колония. Мисс Адель, мне очень хотелось бы, чтобы вы жили поближе к нам.

— Ну, пора и на покой, дети! — громко провозгласил Лейвли, любивший соблюдать порядок, однажды заведенный в доме.

Из-за недостатка места, решили, что все дамы будут ночевать в доме Лейвли, а мужчины во флигеле, который занимал Кук.

Адель, уходя, заметила волнение Джеймса. Она шепнула ему на прощание:

— Вы сердитесь, мистер Лейвли. Вы думаете, что я не ценю приглашение ваших родителей? Но, право, мне хочется только навестить подругу, которую я так давно не видела, я скоро вернусь, и тогда, если ваша матушка позволит, прогощу у вас долго, потому что дикая местность нравится мне более нашего города.

— Вы слишком добры, мисс, — проговорил он. — Разве я могу сердиться на вас? Я...

— Покойной ночи, мисс Адель! — сказал, подходя, Сандерс. — Желаю вам выспаться хорошенько, чтобы собраться с силами для завтрашней поездки.

Он взял руку молодой девушки и поднес ее к своим губам, после чего вышел из комнаты.

Джеймс оставался последним, но видел, что дамы ждут и его ухода. Он наскоро простился со всеми и пошел во флигель, захватив карабин и пороховницу.

Глава XI

ЗАСАДА

Вся долина Миссисипи, и в особенности пространство к западу от реки, представляет собой громадную болотистую равнину, пересекаемую густыми камышовыми порослями и тощим кустарником. Во многих местах равнина завершается озерами или непроходимыми болотами. Почва весьма плодородна, но разлив Миссисипи и ее притоков, усиливаемый дождями, позволяет ей высыхать лишь в августе-сентябре под палящими солнечными лучами. Вследствие этого, тысячи квадратных миль земли восемь или девять месяцев в году остаются под водой, а в течение трех остальных месяцев из высыхающих болот и стоячей воды озер поднимаются миазмы, разносящие по окрестности губительную желтую лихорадку.

Только баснословное плодородие высыхающей почвы заставляет колонистов жить в этой зараженной местности. Они строят свои жилища на сравнительно возвышенных площадях, обрабатывают лишь небольшие участки и занимаются главным образом скотоводством.

Город Елена находился на наиболее возвышенном пункте между Сент-Луисом и Мексиканским заливом, но на расстоянии тысячи трехсот миль от последнего. Первые пионеры построили здесь несколько хижин, но постепенно город разросся и приобрел большое значение.

Ферма Лейвли была расположена в восьми милях к северу от Елены на склоне горы. Постройки отделялись от леса, окружавшего усадьбу с востока, лишь небольшим расчищенным пространством, огороженным высоким забором. Маленькая речка, вытекающая из-за соседних холмов, огибала усадьбу с запада и впадала в Миссисипи. По ту сторону речки, прямо напротив дома, возвышался старинный индейский могильный курган, на котором старик Лейвли собирался устроить беседку. С этой целью курган был очищен от кустарника и валежника, около него были уже сложены бревна и доски.

Когда в доме все стихло, у реки, среди кустов, слышался шепот. Кто-то ворчал:

— Наконец-то улеглись! А только знаешь, Дан, мне сдается, что нам здесь не поздоровится. Так и кажется, что мы напрасно подвергаем себя риску. Собак здесь пропасть, разом почуют.

— Напрасно трусишь, Коттон! — отвечал другой голос. — Река под боком, прыгнем в нее, и след простыл, особенно при таком ветре. Не бойся же, увидишь, тебе достанется ружье. Вот только мне страшно хочется есть.

— Опять есть? Ты только и думаешь, что о еде.

— Хорошо тебе говорить! — возразил тот, которого Коттон называл Даном. — Когда я ел? Украл горсть кукурузы в амбаре и за это получил заряд дроби в икру. И что за жизнь мы ведем! Травят нас, как хищных зверей. Жили бы по-прежнему, не гоняясь за каждым пинком. Но ты задумал ограбить человека на большой дороге, и теперь вся полиция против нас. Тебе еще хорошо, ты белый, — можешь всюду зайти, тебя накормят без разговоров, а я мулат, у меня тотчас потребуют вид

на жительство. Нет, такая жизнь мне нелегко, и я вздохну свободно, лишь когда доберусь до благословенной Канады!

— Друг ты мой, до нее далеко, а в Иллинойсе и Миссисипи власти очень строги к беглым рабам. За ними охотятся.

— Знаю, поэтому я и думаю часто, не вернуться ли на остров, с которого мы бежали? Там даже собакам жить лучше, нежели теперь нам с тобой.

— Как хочешь, Дан, но я туда не вернусь. Видишь ли, там слишком хорошо награждают того, кто донесет, что ты произнес какое-нибудь лишнее слово. Это меня удерживает. Притом рано или поздно, но остров будет обнаружен, а я давно уже извлек из своего опыта истину, что платит за музыку больше всего тот, кто меньше всех плясал. Из всего этого следует, что нам надо выбираться из штата, а для этого нужны деньги, а для того чтобы достать их, нужно ружье. Надеюсь, что мы добудем его в этом доме.

— Не забудь и пороховницу.

— Разумеется, не дурак же я. Но странно, что собаки вовсе не лают.

— Они собрались все там, у дерева, на котором висит оленина. Эти псы слишком хорошо дрессированы, чтобы ее тронуть, но каждая наблюдает за другой. Я уверен, что они не обратят внимания на меня, когда я проскользну в дом.

— Ну а если они все-таки залают?

— Тогда прыгнем в реку, а потом сойдемся «Под тремя кипарисами».

— А если там будет занято?

— Тогда в тот домик, который мы ограбили прошлой ночью. Оттуда недалеко и до Миссисипи.

— О, Коттон, если бы ты не зарезал того человека понапрасну, мы были бы уже в Канаде.

— Ну, полно канючить! Думай лучше о том, как добыть ружье. Я надеюсь, что они уже все в постелях.

— Да, только дай им уснуть хорошенько.

Во флигеле, занимаемом Куком, было всего две кровати. Одну предоставили старому Лейвли, на другой Уильям Кук поместился вместе с Сандерсом, а Джеймс и старший сын Уильяма, девятилетний маль-

чик, легли на полу, подложив под себя медвежью шкуру.

— Запер ли ты дверь? — спросил Уильям у сына.

— Нет, — ответил ребенок, — но ведь собаки на дворе.

— Они все там, но собрались за домом, где висит оленина, — возразил ему отец.

— Чего же вы боитесь? — заметил Сандерс, смеясь. — Нас здесь много, и мы с оружием.

— Осторожность никогда не помешает, — возразил старый Лейвли, потягиваясь на кровати. — Воровства много. На днях чуть было не украли ружье у нашего соседа, Бойлса. Ты рассказывал, Джеймс?

— Да, только Бойлс возвратился вовремя, чтобы прогнать грабителей, а они в ту же ночь забрались к старому Гасвелу и тяжело ранили его, унесли, впрочем, только пистолет, кое-что из одежды и другие незначительные вещи.

— И портфель Гасвела, — прибавил Кук. — Денег в нем не было, но зато находились очень важные для Гасвела бумаги. Так рассказывает Драпер, по крайней мере.

— Где ты видел Драпера? — спросил Джеймс.

— В лесу. Он помог мне взвалить убитого оленя на лошадь.

— Кто разбойники? Неизвестно? — спросил Сандерс.

— Подозревают одного белого по имени Коттон, и мулата, принадлежавшего Аткинсу¹, — отвечал Уильям. — Коттон зарезал одного человека в графстве Пойнсет. Шериф устроил за ним погоню.

— И напал на след?

— Известно только, что они пробрались к северу. Убийство совершено между Мемфисом и Бэтсвилем. Но как только местные колонисты и охотники приступили к облаве на них, злодеи вынуждены были повернуть назад. Мы все решились положить конец подвигам этих двуногих акул, хотя и не знаем, принадлежат ли они к особой шайке или они из тех молодцов, которые приходят из-за Миссисипи.

— Вот и у старого Гейнце украли... — проговорил, уже засыпая, старик Лейвли. — Пару туфель... и он...

¹ См. роман «Луговые разбойники».

— Что же он? — спросил Уильям.

Но старик уже спал. Скоро примеру его последовали и другие, а не более как через полчаса в дверь, незапертую по оплошности хозяев, бесшумно юркнула человеческая фигура.

Глава XII

ПОГОНЯ ЗА ГРАБИТЕЛЯМИ

Пробравшийся так незаметно во флигель Дан неподвижно остановился у дверей, чтобы удостовериться в своей безопасности. Но никто не сторожил, спали решительно все. Тишина нарушалась только дыханием спящих и биением сердца самого Дана. Он стоял, как пригвожденный к месту, и лишь сжимал рукой левую сторону груди.

Но скоро мулат пришел в себя, видя, что ему не угрожает непосредственная опасность, и протянул руку к дверной притолоке, зная, что охотники обычно вешают свои ружья на этом месте. К великой радости, он нащупал ружье, но пороховницы при нем не оказалось, хотя эти два предмета хранятся обыкновенно рядом. Где ее искать? Малейшее неловкое движение могло выдать его, и тогда ему не жди пощады, но дело было начато и его следовало закончить. Он решился, по крайней мере, дорого продать свою жизнь и стал тихонько шарить по стенам и стульям, в надежде найти то, что ему требовалось.

Дан нащупал дверь, ведущую в чуланчик, отворил ее и, к своей радости, разглядел на столе кувшин с молоком. Он припал к нему с жадностью, в горле у него давно пересохло, от голода сводило все внутренности. Молоко освежило и подкрепило его, он не мог оторвать запекшихся губ от края кувшина.

— Оставьте и мне немного, — произнес кто-то в темноте возле него.

Он так и замер на месте, едва не выронив посуды из рук, но у него достало присутствия духа не выдать себя ни одним звуком.

— Это вы, мистер Кук? — продолжал тот же голос. — Мне пить захотелось. Вы вставали напиться?

Кук, проснувшись наполовину, ответил:

— Вода за дверью... в ведре... А в чулане молоко... пейте... Это вы, мистер Гэвс?

Мулат стоял, притаившись за открытой дверью чулана. Он знал, что пропадет, если его обнаружат, и держал нож наготове.

— Я предпочел бы воду, — отвечал мнимый Гэвс, выбираясь из чулана. — Но в этой темноте ничего не найдешь, можно только шею сломать.

— Разгребите пепел в очаге, а там, сбоку, спички.

Сандерс занялся поисками спичек, но скоро объявил, что они куда-то запропалились. Он раздувал тлеющие уголья, но тоже напрасно.

— Да зачем вы трудитесь? — проговорил Уильям. — Выйдите за кухонную дверь, ведро стоит там снаружи.

— Хорошо, — сказал Сандерс, направляясь ощупью в кухню. — Ай, что это? Я наткнулся на ружье. Зачем оно стоит здесь в углу, а не висит?

— Вам почудилось.

— Как почудилось? Я сильно ударился ногой о приклад. Кто же снял ружье со стены?

— Может быть мой сын, — сказал Уильям. — Эй, Билл!

— Не будите его, он спит так сладко, — перебил Сандерс, ощупью вешая оружие на прежнее место и пробираясь в кухню к дверям. Он нашел ведро и с жадностью напился.

Уильям тоже встал, чтобы попить и подозвал собак.

— Ник!.. Эли!.. Уатис! — крикнул он. — Что вы там крутитесь за домом? По местам!

Собаки, поласкавшись к хозяину, норовили забежать в дом.

— Это куда! Прочь! — пригрозил им Уильям. — Чего вы лезете? Взвизгивают, точно дикую кошку почуяли! Ну, прочь же, говорю! И ты, Красавчик! Убирайтесь же!

Он силой отогнал собак и захлопнул дверь, но они продолжали визжать и ворчать у порога. Сандерс лег и скоро заснул, но возня собак не давала покоя Уильяму. Он вскочил снова, выбежал за двери и принялся разгонять верных животных, награждая их пинками. Они подчинились неохотно, и Кук вторично затворил дверь.

Мулат все еще стоял, притаясь у косяка чулана и держа наготове свой нож. Но скоро все опять стихло, и

слышался только храп спавших. Тогда он стал осторожно пробираться к выходу из кухни, не забыв допить остатки молока. Двигаясь ощупью, он задел стул, и под руку попался какой-то ремень. К его радости, это оказалась перевязь от кисета с порохом и зарядами. Рядом лежал и другой кисет. Который полезнее? Чтобы разрешить вопрос, Дан надел оба себе на шею, взял ружье, повешенное Сандерсом снова на стену, и отодвинул тихонько засов у двери из кухни.

«Если собаки еще здесь, я пропал, — подумал он. — Такая свора разорвет в клочки».

Но счастье ему благоприятствовало, собаки опять возвратились к дереву и были с заветренной стороны. Он благополучно добрался до забора, но наткнулся на стоявшую у него лопату, и она упала, громко стукнув о что-то твердое.

Красавчик залаял, Уатис поддержал его, и все собаки бросились на поиски. Не выпуская своей добычи из рук, Дан помчался во весь дух к реке, успев только крикнуть наугад, потому что не видел своего товарища: «В воду! В воду!»

Собаки уже нагоняли его, но одна из них, еще молодая и неопытная, напала на след какой-то дичи и подала голос прочим, которые и ринулись за ней.

Дан плыл по течению. «Ошиблись, сторожевые псы!» — подумал он и спросил вполголоса:

— Коттон! Ты здесь!

— Здесь, — ответил тот тихо, подплывая к нему. — Ну, я думал, тебе крышка! Достал ружье?

— Достал... Бери его... Вот и два охотничьих кисета. Поторопимся, до сих пор мы были под ветром, но он скоро повернет.

— Нам надо выбраться к холмам, но, чтобы сбить со следа собак, проплывем еще немного против течения.

Они продержались на воде еще с полчаса и потом вскарабкались на холмистый берег. Им требовалось покинуть территорию Арканзаса. С этой целью они пошли к Елене, в этом городе их не знали, и здесь было легче переправиться на левый берег Миссисипи.

Между тем на ферме все проснулись от лая собак. К общему удивлению, дверь кухни оказалась открытой.

— И моего ружья нет! — воскликнул Кук.

— Можно было открыть дверь снаружи? — спросил Сандерс.

— Нельзя! — сказал Уильям. — Я сам запер ее на засов. Ружье могло быть украдено уже пробравшимся в дом. Я понимаю теперь, почему собаки рвались сюда. А я-то по глупости их отогнал!

Джеймс тем временем отыскал спички и осветил комнату.

— И моего кисета с зарядами нет! — воскликнул Уильям.

— Да и моего тоже... — сказал Джеймс. — Нечего сомневаться, вор был здесь и теперь посмеивается над нами.

Общая досада усилилась еще более, когда оказалось, что кувшин с молоком целиком опорожнен.

— Теперь только второй час, и трудно нагнать воров в темноте, — сказал Уильям, — а откладывать погоню до утра и вовсе неблагоприятно.

— Но собак не слышать, а что мы сделаем без них? — возразил Джеймс. — Где они? Может быть, впрочем, напали на настоящий след и держат грабителей в осаде.

— Не попытаться ли созвать их охотничьим рогом? — предложил Уильям.

Он стал громко трубить, но долго ни одна собака не откликнулась на его зов. Наконец, появился Красавчик, виляя хвостом и визжа потихоньку, как бы прося извинить его за оплошность.

— Вот и хорошо! — воскликнул Уильям. — Нам одного Красавчика довольно! Лишь только рассветет немного, мы найдем следы вора. Не улетел же он!

— Надо полагать, — заметил старый Лейвли, — что мошенник спасся вплавь, а ветер дует к реке, это и сбило с толку собак.

— Если он действительно бросился в реку, то, верно, нашел какую-нибудь лодку и плывет теперь уже по Миссисипи, — предположил Джеймс.

— Никакой лодки в окрестностях нет, за это я ручаюсь, — уверенно возразил Кук. — Мы ударили с Генером рыбу в разных местах на реке и ни одной лодки не видели.

— Но она могла быть запрятана в кустах.

— Мы обшарили все кусты, потому что искали устриц, и не заметили ни лодки, ни каких-либо следов.

— В таком случае, вора надо искать среди прибрежных холмов, — сказал Лейвли. — И не теряя времени.

— Не лучше ли заявить местному судье? — заметил Сандерс, стоявший в каком-то раздумье.

— Для какой пользы? — презрительно спросил старик. — Нет, Джеймс, право, надо пуститься в погоню, не медля ни минуты! Вы с нами, мистер Гэвс?

— Охотно... Хотя я и не особенно уверен в своих силах, но все же, может быть, пригожусь вам на что-нибудь.

Прочие собаки тоже прибежали, но фермеры, боясь, что они опять нападут на ложный след, решили взять с собой только самую толковую из них — Красавчика. Понятливая собака довела их тотчас до реки, но далее, как было очевидно, потеряла след. Было также ясно, что здесь не приставала никакая лодка.

— Нам надо переправиться на ту сторону, — сказал Кук. — Беглецы могли оставить там свои следы. И подняться на ноги всех соседей. Войти в чей-нибудь дом и похитить оружие — слишком большая дерзость, точнее, преступление, которое требует строгой кары!

Поднявшаяся суматоха раздражала Сердерса, к тому же его щегольской костюм вовсе не годился для поездок по лесам. Но он опасался, что вором может оказаться кто-то из членов пиратской шайки и, в случае поимки, выдаст многое... Сандерс надеялся придать делу другой оборот, а при удобном случае и поспособствовать бегству грабителя. Совет его обратиться в суд был дан именно затем, что в таком случае вору была бы, почти наверняка, обеспечена безопасность.

Глава XIII

ПОИМКА МУЛАТА

Охотники разделились: старый Лейвли и Кук вместе с Красавчиком шли по одному берегу протекавшей неподалеку от фермы речки, Джеймс и Сандерс по другому. Собака плелась равнодушно, вяло обнюхивая землю.

— Мало толку от вашего Красавчика! — сказал Сандерс. — Он какой-то сонный.

— Подождите! Едва нападет на след, совершенно преобразится.

— Здесь вообще мудрено что-либо подметить... сплошь камень. Целая армия пройдет, не оставив следов...

— Вы полагаете? — спросил Джеймс самодовольно. — Не зря уверяют, что городские джентльмены совершенно теряются среди лесов.

— Как лесные джентльмены в городах, — парировал Сандерс с язвительной усмешкой.

Джеймс невольно покраснел, потому что мнимый мистер Гэвс в общем был прав. Но он тотчас же приободрился, указывая своему спутнику на несколько лежавших на дороге камешков.

— Вам это ни о чем не говорит? — спросил он.

— Что? — спросил тот. — Ничего особенного не вижу.

— А я вам скажу, что здесь с четверть часа тому назад пробежал олень.

— Откуда вы узнали?

— Смотрите! Один камешек стронут с места. Та сторона его, которая отсырела от прикосновения с землей, теперь обращена вверх. Камешек стронут пробежавшим животным. А что это был олень, можно судить по следам копыт на мху, покрывающем землю... Но что это?

— Где? — спросил Сандерс раздраженно.

— Идите сюда! — крикнул Джеймс отцу и Уильяму, не отвечая на вопрос гостя. — Я нашел кое-что, требующее внимания.

Старик и его зять переправились вброд, и Джеймс спросил у них:

— Когда шел дождь в последний раз?

— Третьего дня вечером, — ответил Лейвли.

— Как вы думаете, мог камень оставаться мокрым с того времени? — продолжал Джеймс, указывая на влажную поверхность плоского прибрежного камня. — Не должен ли был высушить его ветер?

— Разумеется! — подтвердил Лейвли. — Значит, мы попали на свежий след.

— Без всякого сомнения! — весело воскликнул Уильям. — Разбойник вылез из воды у этого плоского камня. Сюда, Красавчик! Докажи свое искусство!

Собака обнюхала место, не выказывая сначала никакого особенного оживления, но скоро выпрямила уши,

осмотрелась вправо и влево, взглянула пристально на своего хозяина, замахала хвостом и завыла.

— Ну, чует волка! — сказал с неудовольствием Джеймс.

— Волка или негра, — ответил Уильям. — У Красавчика на них одинаковая реакция.

Он протрубил в рог, и по этому условленному сигналу с фермы им подали лошадей. Лишь только Красавчик увидел, что все готовы к отъезду, он глухо пролаял, помчался прыжками вперед, но тотчас же снова побежал рысью, не поднимая морды от земли.

Лес здесь был редкий, и лошади могли следовать за собакой, которая, взбежав на возвышенность, стала спускаться по окраине оврага, тянувшегося к Миссисипи. Охотники, от внимания которых ничто не ускользало, вскоре заметили отпечатки ступней на болотистой почве. Красавчик остановился, поджидая своего хозяина. Подскакав ближе, Уильям увидел явные следы привала: земля была истоптана и покрыта золой и угольями, вперемешку с костями и перьями, по которым можно было заключить, что кто-то жарил и ел дрофу.

— Ну, — сказал Уильям товарищам, — этот молодец позавтракал лучше нас! Но как мы не слышали выстрела, которым он убил птицу?

— Он успел уйти слишком далеко от фермы, — отвечал Джеймс, — но зато потерял много времени потом, благодаря своей жадности. Но позвольте! Вот новый факт: негодяев было двое. На земле отпечатки двух видов обуви: обыкновенных башмаков и других, более легких и закругленных, какими бывают мокасины. Башмаки с высокими каблуками. Вперед! Мы вот-вот нагоним беглецов, следуя по этим следам!

Он поскакал во весь опор. Красавчик несся за ним, наконец, Уильям крикнул:

— Видите? Вон они бегут! Вперед же, скорее, надо взять их живыми.

Коттон и Дан не замечали преследования, пока поворот дороги скрывал от них окраину оврага, но мулат вдруг остановился, испуганно спросив:

— Слышишь, Коттон?

— Что тебе еще пригрезилось, трус?

— Конский топот.

— Вздор! — возразил Коттон, побледнев, однако, немного. — Где ты слышишь? С какой стороны?

Мулат припал ухом к земле, но тотчас же поднялся, лепеча с ужасом: «Бежим! Бежим!..» — и бросился со всех ног вперед.

Коттон теперь уже и сам слышал лошадиный топот и бежал вслед за товарищем, думая в то же время, что единственным средством к спасению была возможность заставить охотников гнаться по двум направлениям. Он заботился только о том, чтобы уйти самому, предоставляя мулата его собственной участи. С этой мыслью в ту минуту, когда Дан опередил его на несколько шагов, он прыгнул с крутого обрыва вниз, прямо в густую чащу каштанового кустарника. Может быть, ему и удалось бы спастись таким способом, потому что никакой всадник не мог последовать за ним туда, но Уильям признал свое ружье, а в человеке, уносившем его, известного грабителя Коттона. Молодому фермеру были хорошо известны все окрестные тропинки, и он повернул лошадь назад, чтобы спуститься с обрыва и перерезать путь беглецу.

Сандерс, которого также интересовал более белый, нежели негр, последовал за Уильямом.

Дорога, выбранная Коттоном, была почти недоступна для верховых, но всадник был до того приучен к преодолению всяких препятствий, что не сдерживал лошади. Сандерс, несмотря на то, что был вовсе не таким лихим наездником, был вынужден следовать за ним по пятам, потому что его лошадь рвалась за той, которая мчалась впереди.

Уильям уже настигал беглеца, а Красавчик почти хватал его за ноги, но Коттон остановился и выстрелил. Он был великолепным стрелком, но крупные капли пота падали со лба на глаза, и это помешало верности прицела, пуля только слегка задела висок Уильяму и пробила насквозь шляпу Сандерса.

Решительная минута наступила. Кук понимал, что стрелять на скаку бесполезно, и решил свалить разбойника ударом приклада по голове. Он поднял уже свое ружье за ствол, но в эту самую минуту лошадь его споткнулась, и Уильям покатился к ногам своего врага. Котто решил воспользоваться удачей, и гибель молодого фермера была бы неизбежна, несмотря на то что Красав-

чик с бешенством бросился на защиту своего хозяина, однако к месту схватки поспешно приближался Сандерс, и это изменило положение дел.

Коттон не подозревал, конечно, что Сандерс не имел против него никаких враждебных намерений, поэтому, повинувшись только чувству самосохранения, он швырнул разряженную винтовку в Красавчика, который отскочил с жалобным воем, подхватил ружье, выпавшее из руки Уильяма, спустился в глубину оврага и побежал по болотистой равнине. К его удивлению, второй всадник его не преследовал.

Между тем Джеймс продолжал преследовать мулата, и старик Лейвли не отставал от него. Видя их уже в двадцати шагах от себя, Дан остановился, встал за торчавший ствол дерева и крикнул, направляя в противников свой пистолет:

— Прочь! Размозжу голову первому, кто подступит!

Но молодой человек и его отец имели опыт схваток с индейцами и усвоили их тактику. Они мгновенно спешили и спрятались за деревьями. Дан увидел среди листьев дуло охотничьего ружья старого Лейвли, уставившееся на него, и бросился плашмя в траву.

— Джеймс! — крикнул старик сыну. — Он долго пролежит так, притаясь, я не могу попасть в него, мне видно лишь дуло его пистолета. Попробуй подстрелить его в ногу! Только чтобы он тебя не задел!

В это время раздался топот лошади. Сандерс скакал в их сторону, и это погубило мулата. При движении, которое он сделал, чтобы взглянуть на нового противника, Джеймс выстрелил, и пуля пронзила ногу мулата. Сандерс ударом приклада раздробил ему руку и добил бы вора, если бы старик Лейвли не удержал его

— Лежачего не бьют, — сказал он, — притом этот человек — наш пленник!

— Но его товарищ убил вашего зятя! — возразил Сандерс. Известие было не совсем точным, Уильям уже подъезжал к группе, держа в руках свою дорогую винтовку. Он спросил мнимого мистера Гэвса, почему он его покинул или не выстрелил в убежавшего Коттона? Сандерс отвечал, что не сумел бы попасть в беглеца. К тому же он считал Уильяма смертельно раненным.

— И поэтому вы оставили меня на произвол судьбы? — насмешливо спросил молодой человек.

Он рассказал обо всем, что случилось, и советовал не преследовать более Коттона, потому что Красавчик не пошел бы на охоту за белым. Притом бедная собака была сильно ушиблена брошенным в нее ружьем, и теперь с трудом ступала на одну ногу. Поэтому решили перенести мулата на ферму. Он терял много крови из-за раны, перелом руки тоже грозил опасностью для его жизни. Старик Лейвли как умел сделал ему перевязку, но раненый слабел и лишился чувств. Фермеры устроили носилки из конских попон, и маленький караван отправился обратно к ферме. Но Джеймс заявил отцу, что не может оставить Коттона безнаказанным, он просил старика извиниться за него перед дамами. Сам он считал необходимым немедленно продолжить погоню. Сказав это, он закинул ружье на плечо, снова вскочил на лошадь и помчался по прежней дороге. Охотничья сметка помогла ему найти след, видневшиеся кое-где на траве капли крови показывали, что Коттон ранен и что он делал себе перевязку на том камне, далее которого крови не было видно. Молодой человек понял, что ему придется употребить всю свою ловкость и смекалку, чтобы настичь беглеца.

Глава XIV

НА ОСТРОВЕ

Почти одновременно с тем, как Том Барнвель отплыл из Елены по направлению к Монтгомери-Пойнт с целью осведомиться о ценах на товар, другая шлюпка отчалила от таинственного острова, пересекая реку к берегу штата Арканзас.

В этой лодке сидели двое: негр Боливар и молодой метис Олио. Негр усиленно работал веслами, товарищ его лениво правил рулем. Метис был в нарядной ливрее из серого сукна с красной канвой по всем швам, такая же серая фуражка лежала возле него, но он прикрывал голову от жары широкополой шляпой. Спутники никогда не водили дружбы между собой, они не разговаривали и теперь. Боливар смотрел вниз, усиленно налегая на весла, а Олио небрежно насвистывал какую-то песенку. Метисы, происходящие от смешения испанской и индейской крови, считают, что стоят на ступень выше негритянской

рассы. При этом жена Келли очень любила и баловала молоденького метиса, так что он позволял себе обращаться заносчиво даже с белыми пиратами. Боливару, единственному негру во всей шайке, особенно доставалось от выходок этого юноши, и он ненавидел его всей душой, но в эту минуту он казался всем довольным и лишь иногда бросал на метиса взгляды, не предвещавшие ничего хорошего.

— Правь хорошенько! — произнес он в сердцах. — Из-за твоего неумения мне приходится вдвое труднее, а это не особенно приятно при таком зное.

— Ну, ты не загорись, как бы не пекло солнце. Сам ты что делаешь? Табань правым, неужели не видишь? Как же мы пристанем?

— Знаю как, пристань ваша ближе, чем ты думаешь... Видишь это место, где камыши? Туда и надо править... А не можешь — вовсе бросай руль!

— Ах ты, медведь неотесанный! Когда я уже выйду на берег, чтобы отвязаться от тебя? А где я найду лошадь?

— Я покажу, когда выйдем на берег.

— Дорогу знаешь?

— Знаю, не собьюсь...

— Но куда же ты гонишь лодку? — вскричал Олио. — Разве можно лезть под эти нависшие ветви? С них на меня стекает вода.

— Подожди, — прошептал негр сквозь зубы, — скоро и не так вымокнешь.

Через минуту среди густой, непроницаемой для глаз листвы раздался пронзительный крик и всплеск воды, как от взмахов хвоста исполинской рыбы. Потом все смолкло, камыши и ветви деревьев перестали колыхаться, волнение на воде стихло. Лодка выплыла вновь, в ней сидел один лишь Боливар.

Он с трудом перевел дух и направил лодку к срубленному дереву, лежавшему вершиной в воде. Привязав к сучьям лодку, он надел на себя рубашку и куртку, снятые прежде под каким-то предлогом, и при этом выронил из кармана два письма. Он не умел читать, однако долго рассматривал адреса на конвертах. На одном из них было кровавое пятно, он хотел стереть его мокрым пальцем, но только размазал. Тогда он подумал, не бросить ли его в воду? Однако не решился и снова спрятал письма в карман.

Фуражка метиса оставалась в лодке. «Вот ее надо потопить», — сказал он себе. Он вынул из другого кармана складной нож с толстой деревянной ручкой, воткнул лезвие в фуражку и бросил ее в воду, проворно бормоча:

— Дома найдутся ножи и получше. Так-то вернее.

Сделав все это, он направил лодку к острову номер 61.

На острове шел пир. Накануне пиратам досталась богатая добыча, впереди ждала другая, еще лучшая, к тому же ни Келли, ни его ближайших подручных не было в лагере, поэтому можно было разгуляться на славу. Один из пиратов, по имени Питер, более воздержанный, чем другие, тщетно пытался обуздать своих товарищей. Он старался внушить им, что крик и пение могут быть услышаны с проходящих судов, подвергая опасности всю шайку. Но разбойники не желали ничего слушать, они уверяли, что веселятся так уже не в первый раз и это никогда не приводило к беде.

Когда Боливар появился среди пирующих, его приняли с шумными восклицаниями. Он, большею частью молчаливый и угрюмый, был на этот раз тоже в возбужденном состоянии, и охотно согласился петь и плясать по просьбе своих товарищей.

— Bravo! Ура! — кричали они, угощая его виски, но матрос Корни из Иллинойса отнял у него бутылку, говоря:

— Нет, пусть заслужит ее сперва. Покажи нам силу своей башки, Боливар. Я только что рассказывал товарищам, что ты можешь пробить круг сыра головой. Они не верят, а я побился об заклад на двадцать долларов, что ты можешь это сделать. Хочешь помочь мне выиграть заклад, милый мой беленький цветочек? Мы разделим доллары пополам.

— Не желаю. Что мне твои двадцать долларов! Я заработал сегодня их целую кучу! Двадцать долларов! Нашел чем удивить!

Он отвернулся, но Корни вытащил из кармана великолепный кинжал:

— А такую вещицу хочешь получить, белая сахарная головка, прелестная белая роза?

Присутствующие окружили Корни и негра. Одни подзадоривали Болиvara, другие уверяли, что предложенная сделка решительно невозможна.

Негр, не обращая внимания ни на чьи слова, с жадностью смотрел только на кинжал. Лезвие было из дамасской стали, рукоятка украшена золотом и серебром. Сам султан не отказался бы от такого оружия.

Если бы Боливар соображал получше, он догадался бы, что Корни подзадоривает его, обещая подобную драгоценность за пустое пари. Но выпитое им виски произвело свое действие, к тому же ему необходимо было приобрести оружие, вместо ножа, брошенного в воду вместе с фуражкой метиса. Он сдернул с головы старую соломенную шляпу и крикнул:

— Идет! Подавайте круг сыра!

Но прежде чем принесли сыр, он начал плясать с кинжалом в руке, распевая во все горло негритянскую песню. Питер тщетно просил его угомониться, уверяя, что его слышно на обеих берегах Миссисипи, но негр не унимался, а товарищи вторили ему, и гвалт становился оглушительным. Он стих, лишь когда внесли один из тех сыров, которые изготавливаются в Огайо и Пенсильвании. Такой круг сыра, диаметром в два фута, при толщине в четыре или пять дюймов, бывает всегда покрыт темно-желтой упругой и твердой корочкой, но, как известно, черепа негров отличаются упругостью и твердостью одновременно, позволяющей им переносить удары, от которых голова белого человека разлетелась бы вдребезги, как яичная скорлупа. Когда двое негров дерутся, головы служат им таким же оружием, как и кулаки. Боливар уже не раз пробивал круг сыра лбом, но Корни намеревался сыграть с ним злую шутку.

По его распоряжению круг сыра прислонили к бочке с сахаром, и негр, откинув сначала голову назад, разбежался, ударил лбом об сыр и разделил его пополам.

Со всех сторон раздались шумные рукоплескания, а Боливар, швырнув разбитый сыр на пол, крикнул с торжеством:

— Подбирайте свою творожную лепешку! Я ее просто носом могу проткнуть!

— Правда, что это не более чем творожная лепешка, — заметил один из пиратов, уроженец Индианы, — а вот попробовал бы кто сделать такую штуку с нашими сырами!

— Что такого особенного в ваших сырах? — закричал Корни. — Вы что, всерьез думаете, что Боливар тут

спасует? Эй, подайте сюда круг индианского сыра! Я плачу за него пять долларов. Возьмите самый твердый, и я ручаюсь, что выиграю пари! Не так ли, Боливар?

— Так, так! — пробормотал негр, который успел еще несколько раз приложиться к бутылке и смотрел на всех осоловелыми глазами. — Ура!.. Где ваш сыр?.. Подавайте его...

— Вот, готово! — сказал индианец.

Негр хотел уже повторить свой опыт, но Корни остановил его:

— Постой, дружище, я заплатил за этот сыр наличными и потому не желаю, чтобы на нем остались клочья шерсти, что растет у тебя на голове, это будет не очень вкусно, если она попадет мне в рот. Поэтому позволь прикрыть сыр платком.

— Хоть одеялом... Мне все равно, — ответил негр, которого, чтобы отвлечь его внимание, обступили пираты, между тем как Корни быстро подменил круг сыра небольшим жерновом, прикрыв платком. Потом все раступились, и Боливар, закрыв глаза и откинув назад голову, снова бросился с разбегу вперед...

Удар был так силен, что уложил бы на месте быка. Негр упал навзничь и пролежал несколько минут неподвижно, лишившись чувств. Потом он медленно поднялся, повел вокруг бессмысленным взглядом и сжал себе виски. Голова у него так болела, что он снова едва не потерял сознание, но хохот товарищей привел его в чувство. Он увидел камень, с которого свалился платок, и все понял, и угадал, кто был зачинщиком жестокого обмана, когда Корни подошел к нему и насмешливо спросил, не находит ли он, что сыр слишком уж пересох на солнце?

Прежде чем кто-либо сообразил его удержать, негр кинулся на своего врага, ударил его изо всей силы кулаком и вцепился зубами в горло. Присутствующие бросились на помощь товарищу и с трудом оттащили Боливара от жертвы. Он бился так, что потребовалось усилие десятка человек, чтобы связать ему руки. Гвалт поднялся страшный, и Питер, не видя возможности унять разбушевавшуюся толпу, кинулся к Джорджине, прося ее восстановить порядок. Он говорил ей, что Келли требовал спокойствия именно теперь, когда остров не был в безопасности и дело шло о переселении в другие места. Но Джорджина не решалась покинуть Марию. Бедная плен-

ница уже не раз порывалась бежать, а в этот день, с самого утра, сидела безмолвно и неподвижно в углу, как потерявшая рассудок.

— Не бойтесь, она просидит спокойно до вашего возвращения, — сказал Питер, гневно поглядывая на Марию. — Недоставало еще этих хлопот, женщина, да еще помешанная!

Усиливающийся шум заставил Джорджину принять решение. Она накинула на себя шаль и пошла за Питером.

Появление Джорджины произвело магическое действие. Даже наиболее бушевавшие притихли при виде красавицы. Ее стройный, величественный стан, прелестное лицо с чудными черными глазами, обрамленное прядями темных волос, ниспадавших на белоснежную шею, не могли не произвести впечатления на толпу, подавленную смелостью, с которой молодая женщина бросала ей вызов.

— В чем виновен этот человек? — спросила она, указывая на негра, отбивавшегося от своих преследователей.

Снова поднялся шум, все кричали разом. Наконец, Питер наскоро рассказал все, что произошло. Когда он объяснил, что Боливар едва не убил Корни, многие закричали:

— Смерть черномазому скоту! Кидается на людей, как пантера!

— Разве вы люди? — резко спросила Джорджина. — О чем вы думаете? Об удовлетворении личной мести, когда враги окружают нас со всех сторон? И разве вы не сами возбудили ярость этого негра? На что вы жалуетесь? Разве змея не жалит, когда на нее наступают? Идите все на места! Атаман может вернуться в любую минуту, и вы знаете хорошо, что ожидало бы вас, если бы здесь стоял сейчас он, а не я. Идите и проспите! И знайте, что нарушение правил не сойдет вам так легко в другой раз. Если негр виноват, атаман решит, что с ним делать. Я вовсе не защищаю виновного, сам Келли разберет дело, но до тех пор сидите тихо!

Эта твердая речь возымела действие. Зачинщики ссоры, хотя и ворча, но отпустили негра. В эту минуту из дома Келли скользнула тень, раздался странный

смех и видение исчезло между пятым и шестым домиками.

— Это она! — воскликнула Джорджина, заметив край платья Марии. — Питер, Боливар, за ней!

Питер бросился исполнять приказание, несколько человек последовали за ним, но связанный негр поневоле оставался на месте. Джорджина поспешила разрезать на нем веревки, но хмель с него еще не сошел, да и удар о камень давал себя чувствовать, силы изменяли Боливару после неистовой борьбы, и он, сделав лишь два-три шага, упал как подкошенный.

Джорджина была уверена, впрочем, что беглянку тотчас же поймут. Но полупьяные пираты бесполезно совались из стороны в сторону, только сбивая с толку Питера. Они возвратились ни с чем. Питер был убежден, что помешанная утонула, но Джорджина не примирилась с этой мыслью и приказала возобновить розыски на рассвете.

Глава XV

ВНИЗ ПО МИССИСИПИ

Величественная река берет начало в Скалистых горах¹, постепенно расширяясь, она сносит все, что встречает на своем пути, и ее ежегодные разливы грозят плотинам, плантациям, поселкам, мелким и крупным судам. И желтая лихорадка, эта страшная американская чума, довершает дело гибели, начатое великой «матерью рек».

Том Барнвель, простясь с Эджвортом, плыл по реке, то работая веслами, то предоставляя шлюпку течению. В десяти милях от Елены ему повстречался небольшой зеленый островок, к которому он решил ненадолго пристать. Место казалось необитаемым, но, пока он привязывал лодку к дереву, невдалеке раздались звуки скрипки. Неизвестный виртуоз играл что-то очень веселое с замечательной беглостью и искусством.

¹ Имеется в виду исток реки Миссури, которая вместе с Миссисипи является крупнейшей водной артерией США. Протяженность системы — 6240 км. Река Миссисипи (собственная длина 3950 км) вытекает из небольшого озера в штате Миннесота.

Изумленный Том вышел на берег и пробился сквозь чащу кустарника в ту сторону, откуда слышалась музыка. Он увидел молодого человека, лет двадцати пяти, с темными волнистыми волосами, осенявшими загорелую шею. Одет он был в серые штаны и синюю рубашку, большая соломенная шляпа его висела на ближайшей ветке. Он стоял спиной к Тому, опершись о дерево, и водил смычком с таким усердием, как будто хотел пленить многочисленных слушателей.

Том невольно расхохотался. Незнакомец оборотился к нему и спросил спокойно, как будто ждал появления именно этого гостя:

— Как поживаете, сэр?

— Bravo! — крикнул Том. — Вы играете с таким задором, что всякому плясать захочется. Но что занесло вас сюда, да еще со скрипкой? Кого вы здесь развлекаете?

— Самого себя, — ответил незнакомец. — Я очень люблю наигрывать «Янки Дуль», «Рожок лорда Гоу», «Марш Вашингтона» и тому подобные национальные мотивы.

— И вы живете здесь? — спросил Том. — У вас здесь дом?

— Да, — отвечал скрипач, глядя пристально на него большими глазами. — Живу здесь, есть у меня и дом... или подобие дома... Питаюсь я тем, что покупаю у проходящих пароходов. Милости прошу ко мне, если желаете. Но, кстати, вы откуда явились? Я сначала подумал, что вы упали с неба.

— Моя лодка тут, на реке...

— Где именно? У моего дома?

— Дома я не видел никакого и пробрался сюда напрямик, сквозь кустарник.

— Вы шли не той дорогой. Жилище мое немного в стороне. Пойдемте, я могу вас накормить. Не отпускать же вас голодным!

Он повел своего гостя чуть далее в глубь островка, и Том увидел небольшую хижину, сложенную из стволов деревьев. Дверь в нее была так низка, что приходилось нагибаться, чтобы войти.

Обитатель этого скита был родом из Кентукки и жил тут в сообществе лишь двух больших собак. Он занимался рубкой леса и охотой на пум и медведей и сообщил

Тому, что надеется сколотить вскоре порядочный капитал, который позволит ему переселиться в места более цивилизованные.

— Но только, — прибавил незнакомец, — все же с условием, чтобы мой ближайший сосед находился от меня не менее чем в пяти милях.

Обстановка жилища оказалась простой, столом служила бочка, опрокинутая вверх дном, стульями — два обрубка дерева. «Нельзя же, в самом деле, сажать гостей на пол!» — пояснил чужак. Вся домашняя посуда его состояла из чугунного котла без ручек и без крышки и одной ложки. Но охотничьи принадлежности хозяина производили более благоприятное впечатление, над дверью висело превосходное ружье, а в углу, на гвозде, большой охотничий нож.

Кровати не было видно, но на полу у стенки лежали несколько медвежьих шкур с раскинутым над ними пологом, что указывало на место ночлега отшельника. В продовольственных запасах не было недостатка: с потолка свисали подвешенные куски сырого и копченого мяса. Видно было, что хозяин запасся с лихвой на тот случай, когда приходится спешить с рубкой деревьев, а охота неудачна.

— Садитесь и почувствуйте себя как дома, — сказал кентуккиец, ставя перед Томом деревянное блюдо с аппетитными на вид ломтями копченой дичи и кусками жареной индейки. — Вот и лепешки из кукурузы, они весьма недурны. Жаль, что не могу ко всему этому подать вам еще стаканчик виски.

— О, если у вас нет виски, — сказал Том, — то позвольте мне услужить вам. Я захватил с собой из Елены целый бочонок, и мне его не выпить дорогой. Он в лодке, и я схожу за ним сквозь вашу чашу.

— Нет, зачем вам туда лазить! Лучше я сяду в свою лодку и притащу сюда вашу. То-то мне все казалось, что в воздухе пахнет спиртом. У меня чудо что за чутье!

Он вышел и вскоре подъехал с лодкой Тома, который помог ему втащить бочонок в хижину. Хозяин тотчас принялся готовить грог.

— А теперь, мой дорогой гость, — начал он, — не расскажете ли вы мне, куда вы едете, вдвоем с бочонком виски? Не до Нового Орлеана, надеюсь?

— Нет, только до Монтгомери-Пойнт и с целью навести справки о ценах на разные припасы. У нас барка с товаром в Елене, и наш рулевой расхваливает Монтгомери, как лучший рынок для сбыта.

— Монтгомери? Ну, нашел что хвалить! Вам выгоднее было бы остановиться выше, в Мемфисе. Вы приставали там?

— Нет, рулевой отговорил. Он уверял, что все тамошние торговцы делают свои закупки в Кентукки, получая их по реке Огайо. Правду сказать, я подозреваю, что у него есть какой-нибудь приятель в этом Монтгомери, и он старается сбыть ему наш товар.

— Весьма вероятно. Все судовщики на Миссисипи пользуются недоброй славой. И еще скажу я вам одну вещь, к моему изумлению, здесь проходит очень много судов по ночам. Если бы они шли вниз, нечему было бы удивляться, но все они идут вверх и именно перед рассветом. Не странно ли, что они не дожидаются утра и идут не на буксире у пароходов, а на веслах, в таком месте, где встречное течение столь стремительно?

— В самом деле странно, — сказал Том. — Но, дорогой хозяин, мне уже пора. Счастливо оставаться!

— Куда вы торопитесь? Вы успеете прибыть еще за светом в Монтгомери.

— Но мне нужно потом опять подняться вверх по реке, навстречу нашей барке. Вы позволите оставить вам бочонок с виски?

— О, принимаю с удовольствием часть того, что в нем заключается. Отлейте сюда, в эту кружку.

— А как вы думаете, когда я прибуду в Монтгомери?

— Завтра к утру, по всей вероятности. Отсюда до него около сорока пяти миль.

— Так я возьму кружку, а вам оставляю весь бочонок. Я могу там вновь запастись, а кружки мне за глаза хватит покуда. Берите, берите без церемоний. Я знаю, что значит сидеть вовсе без виски. Прощайте! Кстати, как вас звать?

— Роберт Брэдшоу. А вас?

— Том Барнвель.

Новые знакомые расстались, но Том слишком засиделся на острове, и солнце стояло уже высоко, когда он снова уселся за весла. Сумерки очень коротки в жарких

странах, и Тому пришлось грести очень усердно, чтобы воспользоваться с максимальной пользой оставшейся частью дня. Течение несло его к острову номер 61, который делил Миссисипи на два рукава; главнейший из них пролегал у правого западного берега реки.

В то время, к которому относится наш рассказ, все суда, идущие вниз, оставляли слева номер 61 и шли правым проходом, между номерами 62 и 63. Лишь при крайне высокой воде решаются они сокращать путь, избирая другой рукав.

Том, не изучавший фарватера, думал только о сокращении пути и направил лодку именно в этот узкий проход. Ее осадка была небольшой, и он не боялся подводных камней. Высоко над ним, на темно-синем небе блистали мириады звезд. Том залюбовался красотой южной ночи и тяжело вздохнул. Но тотчас же спохватился, стыдясь своей невольной грусти.

— Сумерки навевают меланхолию. Будят воспоминания... — произнес он вполголоса. — Засмотрелся на звезды, но и на земле какое сверкание! Эти светящиеся червячки прелестны.

Он подъехал ближе к берегу и вдруг услышал звонкий женский смех.

«Это что?» — спросил себя Том в изумлении и направляясь ближе к острову. С берега продолжал раздаваться смех и странная речь:

— Рыщут лисицы... да все напрасно! Не поймать птички, вылетевшей из клетки! Сюда, сюда, лодочник... ночной ветер свеж, и холодно мне.

Изумленный Том подогнал лодку еще ближе. Она оказалась в эту минуту у южной оконечности таинственного острова. Здесь, среди густой поросли, пираты прятали свои лодки и постороннему не пришло бы в голову сунуться в эту густую, совершенно непроходимую на вид чащу. Том, вглядываясь в кусты, не видел никого, но вдруг, подняв глаза, окаменел от ужаса. На ветвях смоковницы, вытянувшихся над водой, сидела какая-то женщина в белом. Несмотря на опасность своего положения, она нагибалась все ниже к реке, повторяя:

— Лодочник, ближе, скорее. Не то луна обожжет тебе лицо и к утру оно покроется веснушками. Скорее сюда, осторожнее.

И прежде, нежели Том успел причалить лодку, женщина сделала движение и упала к нему на руки. Лодка колыхнулась и понеслась, подхваченная быстрым течением.

Молодая женщина, придерживаемая Томом, оставалась неподвижной несколько минут и молчала, глядя на остров, исчезавший в отдалении. Потом она стала пристально вглядываться в молодого человека и проговорила печально:

— Том Барнвель... Том Барнвель... перевези меня на другой берег... волны отнесли туда труп моего Эдуарда...

— Мария! — вскрикнул молодой человек. — Мария, вы здесь, и в таком положении!

— Том, друг мой! Я знаю, что ты любил меня, но я не могла ответить тебе. Но что это на волнах? Труп моего отца! Мать тоже там...

— Что с вами, Мария? Что случилось? — вопрошал Том, усаживая ее бережно на корму. — Где ваши родители? Муж?

Мария как бы не поняла сначала, потом вздрогнула и заговорила прерывающимся голосом:

— Нет никого! Все там... в воде! А когда мой Эдуард вынырнул из волн, он был так прекрасен. И на нем не было ран... И он смеялся... О, этот смех!

Она зарыдала, и слезы как бы успокоили ее. Том ничего не понимал, и ему казалось, что он сделался жертвой тяжелого сна. Он любил эту несчастную с самой юности, потерял ее... и теперь она вдруг оказалась с ним, одна... но в каком состоянии! Боже мой!

Что произошло? Вероятнее всего, она находилась со своими родителями и мужем на каком-нибудь судне, погибшем близ острова. Все утонули, она случайно спаслась. Но забота о ее дальнейшей участи ложилась теперь на Тома. Раздумывая, что предпринять, он решил, что разумнее всего было бы продержаться на реке до прихода какого-нибудь парового судна, идущего вверх к Елене, и прибыть туда с Марией до отъезда Эджворта из города. Старик хорошо знал бедняжку и лучше Тома знал, как ей помочь.

Вдали показался пароход. То был «Ван-Борен», занимавшийся перевозкой строительных материалов. Шкипер согласился принять пассажиров, и Том, устроив Марию поудобнее на палубе, поплыл с ней обратно в Елену.

ДОКТОР МОНРО

Старик Лейвли и его спутники доставили пленника на ферму. Раненый почти не подавал признаков жизни, он лежал неподвижно и только изредка стонал, когда носилки, привязанные к лошадям, встряхивало сильнее на неровностях почвы.

Оставшиеся на ферме женщины находились в крайней тревоге. Они знали, что преступники, которых преследовали фермеры, были вооружены и не сдались бы без отчаянного сопротивления. Увидев издали всадника, приближавшегося во весь опор, они бросились к нему навстречу.

Это был старый Лейвли, поехавший вперед, чтобы предупредить женщин и не испугать их видом носилок. Его засыпали вопросами.

— Где Джеймс? — спрашивала миссис Лейвли, едва держась на ногах от волнения.

— Где мой муж? — кричала молодая женщина. — Что произошло? Батюшка, говорите... Боже мой! У вас кровь на руке... на платье... Где Уильям?

Миссис Дейтон и Адель также расспрашивали старика, перебивая друг друга. Он так оторопел, что совершенно забыл о подготовленной версии рассказа о всем происшедшем и пробормотал только:

— Он жив... Его несут сюда.

— Несут? Кого? — спросили побледневшие женщины. — Кто ранен? Джеймс?... Уильям?..

— Да нет же, глупые вы! — крикнул старик, рассердившись. — Дайте мне рассказать... Несут мулата, который ранен, а все прочие живы и здоровы, как вы сами!

— О, Боже мой! — простонала миссис Лейвли. — Зачем же ты перепугал нас до такой степени!

— Да, батюшка, не скоро оправлюсь я от подобного испуга! — произнесла миссис Кук.

— Вот ваша благодарность, за то что я скакал сюда, сломя голову, чтобы вас успокоить! — с досадой воскликнул старик. — Вспыхивают, точно бочонок с порохом! Слушайте лучше, я расскажу все по порядку.

Он принялся за подробное изложение случившегося, не замечая еще одного постороннего слушателя. В столо-

вой, куда они вошли, сидел в стороне человек, доедавший завтрак, поданный ему перед тем, как женщины побежали навстречу старому Лейвли. Это был доктор Монро, или «мертвецкий доктор», как его прозвали в окрестности.

— Здравствуйте, мистер Лейвли! — сказал он, воспринимая, по-видимому, с большим удовольствием весть о том, что кого-то ранили.

— Ах, доктор Монро! — сказал старик с явным неудовольствием, при виде человека, про которого говорили, что он чует труп, как ворон падаль. — Но вот и наши! Жена, где положить нам раненого?

— Разве его внесут к нам? Впрочем, ты прав, хотя это и преступник, но все же наш ближний, и Господь его уже наказал. Я думаю, лучше всего поместить его во флигеле, а Уильям и прочие перейдут сюда, О, миссис Дейтон, не на веселое зрелище приехали вы к нам!

Доктор Монро толковал между тем без умолку о всяких ранах и повреждениях, повторяя, что его занес сюда счастливый случай.

— Надо ему сделать трепанацію, — бормотал он, — потом ампутировать руку и ногу.

— Что это вы! — перебил его старый Лейвли.

— О, все будет сделано отлично, не беспокойтесь! — возразил доктор, потирая руки. — Ручаюсь, что он проживет еще после этого два или три дня. А за труды я не возьму ничего, кроме его тела. Попрошу у вас только лошадь, чтобы довести его до Елены.

Раненого уложили между тем у огня. Старик Лейвли и Уильям вышли на время для некоторых распоряжений по дому, попросив Сандерса побыть пока с доктором у постели мулата. Уильям обещал тотчас же возвратиться, намереваясь допросить Дана, лишь только тот очнется.

Но Сандерсу самому хотелось выведать многое от мулата, бежавшего от своего хозяина в шайку и теперь, как оказалось, покинувшего ее вместе с Коттоном. Из отрывочного разговора миссис Лейвли и миссис Дейтон, он узнал о смерти Бенвиков, которые любили Адель как свою дочь. Они, без всякого сомнения, оставили ей богатое наследство. Замысел Келли начинал для него проясняться. Не говорил ли Блэкфут, что атаман получил известия из Джорджии, где у него находится доверенный человек?

Келли обещал хорошую сумму за похищение Адели, но Сандерсу было еще выгоднее заманить девушку. Каким способом — он сам не знал толком, но решил, во всяком случае, помедлить с исполнением приказа атамана, перед которым он мог всегда потом оправдаться необходимостью оставаться при раненом, чтобы не допустить лишних разговоров с посторонними, потому что самому Сандерсу следовало выведать от него все и потом сделать его безвредным — то есть «устранить навсегда», как говорили в шайке. Сандерс не задумывался над жестокостью этой меры, видя в ней не только исполнение клятвы товариществу, но и обеспечение своей личной безопасности, что имело для него первостепенное значение.

Присутствие доктора очень стесняло Сандерса, но выдворить его из комнаты не было возможности. Монро тщательно осматривал раненого, не смущаясь нимало его мучениями. Он вытащил и разложил весь свой арсенал хирургических инструментов, продолжая уверять в то же время, что пациент ни в коем случае не останется в живых.

Возвратившийся в это время Джеймс сообщил, что по достоверным данным Коттон направился к югу. Было необходимо устроить на него облаву, так как стало известно, что недавнее убийство в Арканзасе было совершено им же. При этом от него приходилось ждать новых преступлений, потому что в своем отчаянном положении он мог промышлять лишь грабежом и убийствами. Вследствие этого, на семейном совете у Лейвли решили, что Джеймс отправится оповестить всех фермеров в окрестностях Елены, а отец его поднимет тревогу в другой стороне, выше по течению Миссисипи. На время их отсутствия попечение за раненым — уже достаточно наказанным, по мнению этих добродушных людей — возлагалось на Уильяма и доктора.

Миссис Дейтон и Адель решили ехать домой, обещав посетить своих друзей в другое, более благоприятное время. Джеймс был уверен, что Сандерс поедет их провожать, ему же самому невозможно было это сделать. Он мог только смущенно просить Адель позволить приехать за ней и миссис Дейтон в другой раз и с тем уже, чтобы они погостили на ферме подольше.

Еще до отъезда гостей старый Лейвли стал обираться в дорогу. Он намеревался идти пешком, и миссис Дейтон вскричала с ужасом:

— Вы опять босиком! Миссис Лейвли, как вы это ему позволяете? Ведь он простудится так, что сляжет в постель на два месяца!

Старик только расхохотался при столь нелепом предположении. Два месяца! Разве можно столько болеть? Два дня из-за лихорадки, самое большее.

— Невозможно его уговорить! — вздохнула жена. — Он никого не слушает и обувается лишь по воскресеньям, когда идет со мной в церковь!

Старик направился к двери, но Адель остановила его за руку:

— Мистер Лейвли, докажите, что ваша жена не права. Вы обуетесь, не так ли? Пойдет дождь, и вы замочите ноги.

Лейвли с отчаянием взглянул на дверь, но Адель и миссис Дейтон продолжали его уговаривать, а жена побежала за башмаками и поставила их перед ним. Он поколебался с минуту, потом решился и стал обуваться.

— Вы совершили чудо, моя милая! — говорила обрадованная миссис Лейвли, провожая мужа на крыльцо. — Он очень любит меня, но ни за что не наденет обувь, как бы я его не упрашивала. Благодарю вас! Теперь я уж постараюсь его приучить не только к башмакам, но и к шерстяным чулкам.

Лейвли шел в башмаках, точно ступая по раскаленным углям, но углубившись в лес он остановился, осмотрелся кругом и юркнул в самую чащу кустарника. Прислонив ружье к дереву, он расшнуровал башмаки, снял их и повесил на сук. Потом, потирая ноги, как будто их свела судорога, поднялся с места, схватил ружье и весело зашагал вперед.

Начиная с этого дня, он обувался всякий раз, когда его просила о том жена. Замечательно было при этом только то обстоятельство, что он возвращался домой никак не иначе, как с той самой стороны, куда уходил из дому...

ПРИЗНАНИЯ МУЛАТА

Миссис Дейтон и Адель были совершенно уверены в том, что мнимый мистер Гэвс проводит их до Елены. Но Сандерсу вовсе не хотелось покинуть ферму в такое критическое время. Сослаться на то обстоятельство, что его платье было в неприличном виде, было нельзя, потому что Уильям предложил весь свой гардероб к его услугам, и он придумал другое. Попросив у миссис Дейтон позволения поговорить с ней наедине, он сказал ей, что доктор Монро страшный шарлатан, и поэтому он боится оставлять его одного с пациентом. Имея возможность изучить медицину, он, Гэвс, надеялся быть более полезным здесь.

Миссис Дейтон вполне согласилась с его доводами и даже упрашивала его не покинуть больного. Они с Аделью знали дорогу в Елену и могли доехать совершенно благополучно. Но она выразила надежду, что мистер Гэвс позже посетит их.

Мистер Гэвс рассыпался в уверениях преданности, уверяя, что не замедлит побывать у таких любезных людей, как Дейтоны, и тогда уже обязательно увезет мисс Адель с собой, чтобы она увиделась с подругой.

— Мистер Гэвс, — начал доктор Монро, взглядывая на поспешно возвратившегося молодого человека и усмехаясь, как при воспоминании о чем-то очень забавном, — мистер Гэвс, как вы полагаете, не может ли самый опытный человек совершить странную ошибку? Мои пилки, разложенные здесь, напоминают мне... Но вы, кажется, меня не слушаете?

— Слушаю, — ответил Сандерс, погруженный в свои мысли.

— В таком случае, продолжаю. Это было в 1830 году, если не ошибаюсь. Врачи, живущие в Литл-Роке, вздумали сообщить через газеты о размерах гонорара за свои консультации. Это потому, что в то время никто не заботился о науке, а только о том, как бы урвать побольше денег. Под носом у врачей хоронили самые драгоценные трупы! Никто и не думал их анатомировать! Даже трупы казненных пропадали даром, подумайте только! Лишь бы деньги загрести. А брали здорово, сто двадцать пять долларов при каком-нибудь вывихе или переломе!

В это время являюсь я в Литл-Рок и начинаю практиковать по более дешевой таксе. Понятно, что моим собратьям это пришлось не по вкусу и они восстановили против меня общественность, воспользовавшись одной маленькой ошибкой, и заставили меня покинуть неблагодарный город. Мало того, они отправили на тот свет всех моих пациентов, распуская слухи, будто их уморили прописанные мной лекарства!

— А что у вас в этих маленьких пузырьках, которые вы расставили на столе? — спросил Сандерс.

— Осторожнее с ними, прошу вас! В одном из них мышьяк, в другом — азотная кислота, а в этом, самом маленьком, синильная кислота. Пожалуйста, не уроните его! Если разобьете, я буду в отчаянии. Но послушайте дальше, в чем было дело. Одного купца в Литл-Роке подстрелили в ногу. Пуля прошла по самой странной траектории. Пробив мягкую часть правого бедра, она проскользнула в левую ногу и засела над коленом, откуда я успел, однако, ее вытащить, хотя и не без труда. Видите ли, опасаясь гангрены, я предложил пациенту отпилить ногу. Он согласился на все, желая только остаться в живых. Я принялся за дело, вдруг мой пациент кричит: «Вы не ту ногу пилите!» Действительно, я ошибся, но в таких случаях надо только не потеряться. Я говорю ему: «Что вы, пуля в этой ноге. Я знаю, что делаю». Он лишился чувств, а я закончил работу.

— Как! Вы отпилили ему не ту ногу, которую следовало?

— То есть как рассудить... у него так свело мускулы, что пуля сама выскочила из другой ноги от их напряжения. Молодой человек и не узнал бы ничего, но мои коллеги раструбили об этом по городу, стали говорить, что я ошибся. Одним словом, я был вынужден поспешно бежать из города тайком, оставляя неутешными моих многочисленных пациентов.

— А синильная кислота сильный яд? — спросил Сандерс, не слушавший вовсе его рассказа.

— Точно так, этот яд вызывает мгновенный паралич всей нервной системы. Да! С ним надо обращаться очень осторожно. Я мог бы вам рассказать многое. Мне два раза не посчастливилось с синильной кислотой. В первый раз случай этот был с моим лучшим другом. Я его очень оплакивал. Во второй просто с одним немцем. Но лучше

промолчать об иных вещах, а то опять накликаешь на себя беду. Ах, прошу вас, не трогайте эту скляночку! Профану не следует иметь дело с такими ядами.

Он встал, пощупал пульс у мулата, положил ему руку на лоб и проговорил:

— Лучше, очевидно лучше. Можно приступать к операции.

— И вы полагаете, что он ее выдержит?

— Полагаю. Разумеется, мне было бы приятней приобрести целый труп, у меня нет еще трупа этой породы, но, за неимением лучшего, могу удовольствоваться и ногой. Зато обе руки ему сохраню. Это даже прибавит ему цену в глазах его будущего хозяина. Вы подумайте, невольник, у которого две руки для работы и только одна нога для побега. Впрочем, он наверное умрет. Но лубков у меня нет. Что же, я могу устроить их из березовой коры. Пойду нарежу ее. Вы останетесь при пациенте на несколько минут, мистер Гэвс? Отлично.

Лишь только он повернулся, чтобы идти, Сандерс схватил пузырек с ядом и спрятал в карман.

— Вот и мистер Кук, — сказал доктор уже на пороге, — я попрошу его помочь мне надрать коры.

Сандерс сорвал бумажку, в которую была завернута склянка. Нельзя было терять ни мгновения, но Дан простонал жалобно:

— Воды... воды...

— Он заговорил! — воскликнул доктор, быстро возвращаясь в комнату. — Он пришел в себя... и дыхание свободно. Ничего не поделаешь, достанется мне только нога. Сейчас приступлю к ампутации.

— Воды! — продолжал стонать несчастный. — Во мне все горит. Я все расскажу... все... только дайте напиться.

Доктор, несмотря на свою манию, понимал, что разоблачения мулата могли быть весьма важны для Уильяма, уже вошедшего в комнату. Он приподнял несчастного и поднес к его губам кружку с водой.

Сандерс был вне себя от бешенства, а мулат, глядя на Уильяма, прошептал:

— Маса Кук, я вас давно знаю. Обещаете мне помилование, если я признаюсь во всем?

— Обещаю, Дан, — сказал Уильям с состраданием. — Говори, и не бойся. Ты уже достаточно наказан.

Если расскажешь все чистосердечно, ты не подвергнешься наказанию.

— Обещайте мне, маса Кук, — продолжал мулат, — что этот мертвецкий доктор не изрежет меня на куски?

Говоря это, он указывал на Монро, слишком хорошо известного в Арканзасе страстью к операциям, даже вовсе ненужным.

— Он начинает бредить! — злобно закричал доктор. — Он называл меня «мертвецким доктором»?

— Будь спокоен, Дан, даю тебе слово, что мистер Монро не дотронется до тебя ни ножом, ни пилою.

— Вы даете самое необдуманное обещание, мистер Кук, — сказал доктор. — Вы не думаете о пользе науки. Притом этот червь умрет, если я не отрежу ему ногу.

— Лучше умереть... — прошептал больной, снова закрывая глаза.

— Слушайте, доктор, — сказал Уильям, видя, что несчастному необходимо отдохнуть, прежде чем приступить к признаниям, — я прошу вас оставить его в покое. Если он очнется без меня, поберегите его и не говорите ни слова о трепанациях и ампутациях, а я приведу моих дам. Они умеют ухаживать за больными.

Лишь только он вышел, Сандерс обратился к доктору, явно взбешенному распоряжением Уильяма.

— Не удивительно, — сказал он, — что человек, ничего не смыслящий в медицине, вздумал учить вас, почтенный мистер Монро, но что мешает вам настоять на своем?

— То есть как же это? — спросил озадаченный доктор.

— Мистер Кук запрещает вам трогать живого. Но мертвого...

— Я вас не понимаю.

— В вашем распоряжении столько ядов.

— Позвольте! Я не отравляю людей, милостивый государь! — искренне возмутился доктор.

Обычно Монро радовался всякому случаю, предоставлявшему ему труп или возможность отрезать человеку руки или ноги, но он никогда не решился бы на сознательное убийство и потому смотрел на Сандерса с удивлением и ужасом. Тот понял, что допустил промах, и сказал, чтобы как-нибудь поправить дело:

— Вы меня не так поняли, доктор. Я подразумеваю не что-либо смертельное, но какой-нибудь наркотик, усыпляющий человека на время. Но так, чтобы его сочли мертвым. Мистер Кук подумает, что мулат умер, и отдаст вам его труп. А завтра, уже отрезав ногу этому субъекту, вы возвратите его к жизни, к вящей славе науки и вашего знания.

— Действительно, блестящая мысль! Можно дать ему, например...

Речь Монро была прервана появлением Кука.

— Дан, — сказал молодой фермер, подавая прохладительное питье, приготовленное миссис Лейвли, — как ты себя чувствуешь?

— Лучше, маса Кук, — проговорил больной. — О, как вы добры! Но велите уйти этим двум... я хочу сообщить вам многое... вам одному.

Уильям попросил доктора и Сандерса исполнить желание мулата, и Сандерс, несмотря на все свои опасения, должен был выйти вместе с Монро. Кук запер за ними дверь на задвижку и стал слушать страшный рассказ. Но мулат знал таинственный остров лишь понаслышке, он перевозил лошадей, угнанных его хозяином Аткинсом, лишь на берег Миссисипи в район острова и не мог определить его точного положения. Ему было известно лишь, что разбойничье гнездо находится неподалеку от Елены.

Утомленный длинным рассказом, раненый снова впал в полубессознательное состояние. Уильям позвал к нему свою жену и тещу, которые сделали несчастному перевязку. Оскорбленный доктор не удостоил их своей помощью, но дело обошлось и без него. Между тем Уильям, вполне доверяясь мнимому Гэвсу, передал ему свою беседу с мулатом.

Если бы Сандерс находился сейчас с Уильямом в какой-нибудь глуши, то он не задумался бы его убить, но здесь это было немыслимо, и потому он постарался сначала убедить молодого фермера в том, что весь рассказ Дана мог быть выдуман им с целью заслужить прощение. Кук не поддался, однако, на такие доводы, и тогда Сандерс сказал, с целью хотя бы выиграть время:

— Если вы так уверены, что этот несчастный говорит правду, то рассудите все же, что пираты не сдадутся без отчаянного сопротивления. Если вы хотите осадить остров, то сначала соберите значительные силы для это-

го. Я сам помогу вам, отправлюсь тотчас в Елену и заявлю обо всем властям, потом поспешу в Синквилл и подниму там всех соседей, а в воскресенье после полудня, самое позднее, буду опять в Елене, где встречу с вами.

Уильям нашел предложенный план совершенно разумным. Была пятница, менее чем в двое суток было невозможно набрать людей для похода. Сандерс прибавил, что не хочет терять ни минуты, сел на лошадь и помчался по направлению к городу.

Глава XVIII

ОТЪЕЗД ЭДЖВОРТА. БЕГЛЕЦЫ

Эджворт сидел в гостинице Смарта, болтая со случайно встреченным приятелем, но появившийся Блэкфут стал торопить его с отъездом, говоря, что купленный им у старика груз должен быть непременно доставлен на место не позже чем на следующее утро. Необходимо было отплыть тотчас же.

В эту минуту вошел рулевой Билл. Опорожнив стакан виски у стойки, он обратился к Эджворту, говоря, что если лодка отойдет еще не скоро, то он воспользуется этим временем, чтобы навестить своего друга.

— Нет, любезный, это нельзя, — возразил Блэкфут. — Мы тотчас пойдем, иначе я не успею доставить груз в Викторию вовремя, и сделка с тамошним торговцем расстроится.

— Ну, ладно, — проворчал Билл, опорожняя еще стакан и уходя.

— Что за неприятная личность! — произнес Блэкфут, глядя ему вслед. — Давно он у вас?

— Всего две недели. Дело свое он знает хорошо, но не лежит мое сердце к нему, сам не знаю отчего. Я буду очень рад, когда расстанусь с ним.

Смарт сидел неподалеку во время этого разговора и не сводил глаз с Блэкфута.

— Мистер Смарт, — спросил Эджворт, обращаясь к нему, — а что же мое ружье?

— Оно готово и стоит здесь, в углу, — ответил Смарт, все еще глядя на Блэкфута. — Френсис, — крикнул он од-

ному из слуг, — подай сюда то ружье, что починил ирландец. Пружина была сломана и не доставало одного винта.

— Знаю, — сказал старик, — и очень тому удивляюсь. Я сам вычистил ружье и зарядил, а после и не прикасался к нему. Теперь все исправлено? Я сделаю пробу, однако.

Он вышел в сад и прицелился в птичку, сидевшую на вершине высокого дерева. Раздался выстрел, и птица упала.

— Ружье в исправности, — сказал Эджворт. — Идите, — продолжал он, обращаясь к Блэкфуту, — я только расплачусь, снова заряджу винтовку и догоню вас.

Блэкфут кивнул головой в знак согласия и вышел, прося старика не запаздывать. Лишь только он скрылся из виду, Смарт быстро шепнул Эджворту:

— Вы давно знаете этого человека? Что за торг заключили вы с ним?

— Я встретил его в вашей гостинице. Рекомендовал мне его мой рулевой, который столкнулся с ним здесь, в городе, совершенно случайно.

— Не верьте этому, они знакомы давно.

— Почему вы так думаете? Этого не может быть. Во всяком случае, торговец обещает хорошую цену за мой товар, и я даже получил с него половину суммы в задаток.

— Я сам видел, — возразил Смарт, вставая, — как они подозрительно переглядывались между собой. Поверьте, они лучше знают друг друга, нежели вы полагаете. Можете ли вы положиться, по крайней мере, на своих людей?

— Вполне. Вот еще что, мистер Смарт. Одна молодая женщина, вдова... миссис... миссис Эверест... да, так кажется... просит меня довести ее до Виктории. Это особа порядочная?

— Весьма порядочная, ее жених погиб недавно на реке, и я купил его земли. Но я не знал, что она переселяется в Викторию. Ну, счастливого вам пути!

Эджворт застал молодую вдову уже на пристани, но тут произошло нечто неожиданное. Миссис Бредфорд, проходившая мимо, увидела вещи пассажирки на берегу и набросилась на нее, как разъяренная львица.

— Это она! Она хотела меня обворовать! — закричала миссис Бредфорд с бешенством.

— Что с вами? Вы с ума сошли! — едва смогла выговорить испуганная женщина. — Мистер Эджворт, защитите меня.

Старик оттолкнул ведьму, быстро провел миссис Эверест на барку и велел скорее отчаливать. Взбешенная Луиза осталась на берегу, крича и ругаясь, потом побежала к судье Дейтону, чтобы пожаловаться на мнимую воровку, но не застала никого дома. Прислуга объявила ей, что вся семья уехала за город. Миссис Бредфорд все же решила не оставлять этого дела так и бросилась к ближайшему полицейскому посту. Для сокращения пути она направилась через очень глухое место, поросшее кустарником. Вдруг из-за одного дерева перед ней выступил какой-то человек. Одежда на нем была в лохмотьях, волосы всклокочены, лицо и руки в поту и в крови.

Миссис Бредфорд вскрикнула от испуга и хотела пробежать дальше, но незнакомец окликнул ее:

— Миссис Даулинг!

Она так и окаменела на месте. Он продолжал:

— Спрячьте меня, за мной погоня. Я уже выбился из сил.

— Неужели это вы, Генри Коттон? Я знаю, что вас ищут по всему Арканзасу. Уходите скорее!

— Я не в состоянии более идти. Я измучен, мне необходим отдых. Я скитаюсь уже целых две недели. Вы должны принять меня к себе и дать собраться с силами, пока я не найду возможность перебраться за реку или вернуться на наш остров.

— Помилуйте! Как я вас приму! Одинокая женщина...

— Ну, не болтайте вздор... А если вы не согласитесь меня приютить и я попадусь, то уж не пеняйте на меня. Я не стану геройствовать, не пойду на виселицу один. Все расскажу на суде, и тогда... Вы сами понимаете, что тогда будет.

— Вы с ума сошли! Хотите погубить всех нас?

— Вовсе нет, но вы меня к тому принуждаете. Вы понимаете, что я не могу войти в город в таком виде, поэтому вы должны принести мне сюда приличное платье. Я обожду вас в этих кустах, но смотрите, не мешкайте, потому что если меня накроют, то вам тоже не поздоровится!

— Боже мой, да где я добуду вам платье?

— Это ваше дело. Помните о Даулинге и еще кое о ком.

— Ужасный вы человек! — проговорила она. — Но спрячьтесь скорее, я слышу чьи-то шаги.

Коттон бросился в кусты, а она побежала домой. В то время, как она отворила к себе дверь, какой-то человек в деревенском костюме и большой соломенной шляпе, нахлобученной на глаза, шагнул за ней в комнату и запер за собой дверь на замок.

Глава XIX

СЕМЕЙНЫЕ ХИТРОСТИ

Пароход «Ван-Борен», на который удалось сесть Тому и его спутнице, принадлежал к числу самых быстроходных и совершал рейс, протяженностью в тысячу триста пятьдесят миль, против течения, в шесть суток, но шкипер его, отлично знакомый с рекой Огайо, не был знатоком Миссисипи, и посадил судно на мель близ острова Роунд-Виллоу. Оно так глубоко врезалось в песчаный грунт, что стащить его не было возможности, несмотря на все усилия экипажа, и капитан решился ждать до утра, в надежде на то, что прибывающая с каждым часом вода, поможет увязнувшему пароходу сняться с места. Но наутро случилась новая беда. Несмотря на то, что судно было причалено к береговым деревьям, его снесло приливом на новую отмель. Поэтому «Ван-Борен» прибыл в Елену позднее намеченного срока.

Во время путешествия Том выдавал Марию за свою сестру, которую он, якобы больную, вез к своим родственникам. Надеясь встретить Эджворта, он тщательно всматривался во все проходившие суда, но ожидания его не сбывались. Однажды только ему показалось нечто похожее на ожидаемую барку, но на ней виднелась какая-то женщина, следовательно, он ошибся и на этот раз. Это позволяло ему надеяться, что он еще застанет Эджворта в Елене.

Однако он обманулся, ему сообщили, что старик отправился вниз по реке уже несколько часов тому назад. Что оставалось делать? Прежде всего, необходимо было поместить Марию в какое-нибудь безопасное и прилич-

ное место. Том обратился к Смарту, найдя целесообразным и тут выдать Марию за свою сестру, прибывшую из Нового Орлеана.

Мистер Смарт, видя болезненное состояние молодой женщины, объявил Тому прямо, что сам он не прочь приютить несчастную.

— Но, — сказал он, — ваша сестра в таком положении, что за ней необходим женский уход, а моя жена занята и в неприятном расположении духа. Если я попрошу ее принять больную на свое попечение, она не только откажется, но и потребует ее немедленного ухода отсюда.

Том счел за лучшее довериться Смарту и рассказал ему подробно о своей фантастической встрече с Марией.

— Куда я с ней теперь пойду? — прибавил он печально. — Эджворт уже уехал, мне надо его догнать, потому что все мое имущество, все мои деньги у него. Взять эту несчастную с собой нельзя, вы это понимаете, а бросить ее здесь без всякого покровительства тоже невозможно. Умоляю, позвольте ей остаться у вас до моего возвращения, верьте, вы будете щедро вознаграждены за это.

Речь его была прервана шумом, раздавшимся в соседней комнате. Миссис Смарт кричала гневным голосом, отвечая, очевидно, на что-то, сказанное негром Сципионом.

— Сестра! Скоро всякие оборванцы наведут сюда своих сестер! Еще и помешанная вроде бы, говоришь ты? Отлично! Видно, у меня мало работы! И хотела бы я знать, на ком лежит присмотр за жильцами? На мне или на мистере Смарте? Если на нем, то пусть он стелит им постели, смотрит за служанками...

Конца этой речи нельзя было разобрать, разгневанная хозяйка произнесла ее, вероятно, уже в коридоре.

— Я сам пойду к вашей жене, мистер Смарт, — сказал Том, беря свою шляпу, — Мне, может быть, удастся умиловить ее. Неужели она не почувствует сострадания?

— Стойте, вы испортите все дело! — возразил трактирщик. — У моей жены доброе сердце, но я сделал неосторожность, впустив вас сюда. Это превышение власти с моей стороны, и жена мне этого не простит. Теперь она вас и слушать не станет. Надо иначе поправить ошибку, у меня есть свой секрет. Только вы уходите. Вот сюда, через окно.

— Но объясните мне...

— Объяснять некогда. Уходите и не показывайтесь здесь до вечера.

— Но как же я покину Марию? Или вы надеетесь уговорить миссис Смарт?

— Уговорить? Не родился еще на свет тот человек, который сможет уговорить мою жену. Но я надеюсь уладить дело. Только прыгайте скорее из окна.

— Зачем?

— Затем, чтобы не встретиться с моей супругой. Скорее, она уже близко.

Том едва успел скрыться за окном, как дверь в комнату отворилась, и на пороге показалась трактирщица, с лицом, багровым от гнева. Смарт, как бы не замечая ее, стал ходить взад и вперед, заложив руки за спину и явно в большом раздражении.

— Где эта особа? — начала миссис Смарт вызывающим тоном, но остановилась с удивлением, при виде того, что муж ее был один. — С кем вы здесь говорили, однако? Я слышала ваш голос.

— Весьма возможно, — ответил он. — У меня есть привычка говорить с собой, когда я взволнован чем-нибудь. Но я попрошу вас, сударыня, в другой раз предупреждать меня, если вы вздумаете кого принимать... особенно больных людей!

Миссис Смарт застыла, онемев от изумления.

— Прекрасно быть сострадательной, — продолжал трактирщик, притворяясь, что не замечает впечатления, произведенного его заявлением, — но я вовсе не желаю подобных отношений с этими судовщиками. Мало мне хлопот с ними!

— Скажите на милость! — перебила она, задетая за живое. — Вы жалуетесь на хлопоты! Вы, что ли, стряпаете жильцам? Убираете их комнаты? Скажите лучше, что это за молодая особа? Откуда она?

— Я почем знаю! Привел ее один молодой человек, говорит, что это его сестра и здесь у них нет никого из знакомых. Ему надо ехать далее и она погибнет тут одна. Да мне-то какое до этого дело? У меня не больница.

— Замолчите! Это стыдно! — крикнула трактирщица. — Сердца у вас нет, у мужчин! Если эта несчастная бедна и бесприютна, так вышвырнуть ее вон? Но где же этот молодой человек, который привел ее к нам?

— То-то и есть, что удрал. Теперь поневоле оставишь ее здесь. Я стал спорить с ним, а он говорит, что это вовсе не мое дело, оно касается одной только хозяйки, а доброта ее известна. И пошел молоть всякий подобный вздор. Прекрасно распорядился, бросил ее здесь, а у его сестрицы ни рубашки, ни чулок, не во что переодеться.

— Мистер Смарт! Я попрошу вас быть поскромнее. Скажите лучше, чем вам мешает эта больная?

— А тем, что мешает! И я прикажу Сципиону...

— Ничего вы не прикажете! Мы не можем выгнать эту не частную. Вы человек бесчувственный, вы и о жене-то не заботитесь, а чужую женщину вам и подавно не жалко. Но я не позволю вам тешить свое бессердечие, эта бедняжка останется здесь!

Она выбежала из комнаты, хлопнув дверью изо всех сил, а Смарт, оставшись один, засмеялся и стал расхаживать по комнате, насвистывая «Янки Дулль».

Глава XX

ТРОЕ ПРОТИВ МНОГИХ

Дверь в комнату, в которой Ионафан праздновал свою победу над миссис Смарт, отворилась, и в нее заглянул О'Тул.

— Это ты, Патрик! — вскричал Смарт. — Где ты пропадал со вчерашнего дня? Но что у тебя с физиономией?

— Я не пропадаю, я прятался. А не выйти ли нам на свежий воздух? Когда я рассказываю интересные вещи, мне всегда кажется, что меня подслушивают из соседней комнаты.

— Стало быть, тайна?

— Я стану говорить не иначе как на берегу реки.

Смарт не противоречил и пошел вслед за ирландцем. Придя в совершенно пустынное место, О'Тул сказал:

— Помните, как-то на днях мы видели с вами большую лодку, которая пересекала реку?

— Помню. А что?

— Мы с вами думали, что она направляется от здешней харчевни к кабаку Уилтропа. А вот и нет! Эти люди не приставали у кабака.

— Удивительно! И ты привел меня сюда, чтобы сообщить такую страшную тайну? Они не приставали у кабака! Но будь уверен, что я не нарушу твоего секрета, никому не скажу ничего, если даже меня станут пытаться!

— Вы шутите, а дело серьезнее, чем вы думаете. Лодка не приставала нигде, по моим сведениям, и проскользнула незаметно. Зачем эти люди пересекли реку так, как будто они ехали к Уилтропу? Куда они исчезли потом? О, мистер Смарт, я совершенно убежден, что здесь, среди болот или на каком-нибудь островке, существует игорный дом или что-нибудь похуже. Моего бедного брата обобрали до нитки в одном из подобных притонов, а потом вытолкали в шею. Кстати, еще я заходил между прочим к немцу Брандеру, про него говорили, что он так захворал, что послал за доктором. Оказывается, он был здоровехонек все это время. Но кто-то идет сюда.

Смарт оглянулся и увидел Тома.

— Ну что, мистер Смарт, чем кончилось дело? Уговорили вы вашу супругу? — спросил Барнвель.

— Да, то есть она сама заставила меня принять вашу сестру. Но об этом не стоит больше толковать, а я прошу вас повторить приятелю моему, О'Тулу, то, что вы мне рассказали о месте, в котором вы нашли эту бедняжку.

Том описал подробно все обстоятельства, прибавив:

— Но я не знаю решительно ничего о том, как она попала на этот остров. К тому же она так расстроена, что полагаться вполне на ее слова невозможно. Я могу только догадываться, что с ней и ее близкими произошло нечто ужасное.

— Но где вы ее нашли? На острове номер 61? — спросил Патрик.

— Не могу сказать вам наверное. Знаю только, что там два островка, лежащие вместе. Далее, тоже на маленьком острове, я нашел одного чудака, по имени Брэдшоу.

— Брэдшоу! — повторил Патрик. — Я его знаю, он живет милях в шести ниже.

— Именно так. Он рассказывал мне, что ему кажутся очень подозрительными суда, проходящие мимо него, точно крадучись, каждую ночь. Недавно он окликнул одну такую лодку, но ему ничего не ответили.

— Смарт, — сказал О'Тул, — я поклянусь, что та лодка в числе этих таинственных судов! Я переговорю с Брэдшоу и постараюсь многое разузнать. Сейчас же пускаюсь в дорогу. Но мне нужно бы запастись провизией.

— Возьмите у нас, что хотите. Спросите у моей жены.

— О, мистер Смарт, спросить у нее! Она всегда добра ко мне и знает, что я ей безгранично предан, но сегодня она в таком расположении духа, что...

— Вы скажите, что просили у меня и я вам грубо отказал.

— Разве что так. До свидания, джентльмены!

После ухода Патрика Том спросил Смарта:

— Могу я повидать Марию?

— Не советую пока попадаться на глаза моей жене, время терпит, лодка Эджворта не сможет прибыть сегодня в Викторию, потому что ночью на Миссисипи был большой туман. Никакой шкипер не решится плыть в такую погоду, опасаясь мелей и подводных камней, и Эджворт со своей лодкой должен заночевать где-нибудь. Отложите свидание с Марией до завтра.

Том согласился с советом доброго янки и пошел на берег, в надежде встретить там какого-нибудь приятеля, но ему пришлось прогуливаться одному. Он машинально дошел почти до самого дома мистера Дейтона, и тут перед ним промелькнули две всадницы. Он не успел рассмотреть их лиц под широкими полями соломенных шляп, но, уже въезжая в ворота дома, младшая из наездниц обернулась, и Тому показалось, что он ее где-то видел. Но он был так занят своими мыслями, что не обратил особенного внимания на эту встречу.

Глава XXI

МАРИЯ И АДЕЛЬ

Возвратившись домой, Адель прошла в гостиную и села за рояль. Миссис Дейтон, сняв амазонку, явилась туда же, села в качалку возле молодой девушки и спросила ее после некоторого молчания:

— Вы что-то не в духе, Адель?

— Я? Не в духе? Напротив, Люси, мне очень весело. Вы, верно, сделали ваше заключение из того, что я играла «Разлуку»? Это мне просто пришло на ум. Но, Люси, вот что, заметили ли вы молодого человека, который повстречался нам почти у ворот? Это кто-то не здешний, но я уверена, что уже встречала его.

— Мне он вовсе незнаком, Адель. Но как меня беспокоит отсутствие мужа! О, если бы он решился уехать отсюда, как иногда говорит! Я не смогу полюбить Арканзас. Здесь все уважают Джорджа, зовут его к себе беспрестанно, так что он мало и дома бывает, но эти разъезды так утомляют его, что он хотел бы переселиться в Нью-Йорк. И климат здесь нездоровый.

— Да, — согласилась Адель, — в самой Елене нехорошо, но зато в лесах там прелестно! Взгляни, однако, в окно, этот молодой человек проходит опять. Боже мой, это же Том Барнвель!

— Какой Том Барнвель?

— Наш старый знакомый, очень влюбленный когда-то в Марию Морис, вышедшую потом за Гэвса. Эта несчастная страсть и заставила его пуститься в странствия. Я приглашу его зайти сюда, Люси. Он такой хороший человек. Мария не оценила его, но он вел себя безукоризненно и удалился без всякого ропота, когда увидел, что ему предпочли другого.

— Нэнси, — приказала миссис Дейтон служанке, — бегите скорее и скажите этому молодому человеку, который хочет повернуть за угол, что его просит зайти одна старая знакомая.

Мулатка исполнила приказание, и удивленный Том очутился перед миссис Дейтон и Аделью.

— Добро пожаловать! — сказала Адель, приветливо протягивая ему обе руки. — Очень рада тому, что вы снова в Соединенных Штатах!

— Как! Это вы, мисс Адель? — воскликнул Том. — Не во сне ли я вижу вас, здесь, в Елене! Вам известно, что Мария... но нет, вы не могли еще узнать.

— Что такое? Вы так расстроены. Где вы ее видели?

— Она здесь, — сказал Том со вздохом.

— То есть близко отсюда, в Синквилле?

— Нет, здесь, в Елене.

— Что вы говорите! А ее муж?

— О, мисс Адель, — сказал Том, не отвечая на ее вопрос, — вы всегда были другом Марии, не оставьте ее и теперь!

— Но что же случилось? — спросила испуганная Адель.

Том поведал о странной встрече с Марией и попросил миссис Дейтон и Адель принять несчастную под свое покровительство. Обе они поспешили уверить его, что он не напрасно на них надеется. Миссис Дейтон сказала, что ее дом открыт для несчастной.

— Но как сообщим мы это ужасное известие ее мужу? — спросила Адель. — И что за непонятная вещь! Вы нашли ее вчера вечером на реке, между тем как мистер Гэвс оставил ее тем же утром на своей плантации!

— Как? Он оставил ее там, говорите вы? Но он был вместе с ней на барке. Мария утверждает, что он погиб у нее на глазах вместе с ее родителями.

— Что вы! — воскликнула Адель. — Гэвс жив и в добром здравии. Все это непонятно.

— Я могу только сказать, — перебил Том, — что Мария здесь, в Елене, в гостинице Смарта. Я сам был бы рад ошибиться, но, к сожалению, это правда.

— Мы тотчас поедem за ней, — сказала миссис Дейтон, — и когда Джордж вернется, он окажет ей медицинскую помощь.

— Поспешим же, милая Люси! Не надо терять ни минуты! — воскликнула Адель, надевая шляпу и быстро спускаясь по лестнице.

Миссис Дейтон поручила служанке предупредить доктора, что она вместе с Аделью поехала навестить одну больную в гостинице Смарта.

Миссис Смарт очень разгневалась при виде входящих в комнату, в которой находилась Мария. Сципиону было строго запрещено пускать сюда кого бы то ни было, даже самого хозяина. Но узнав миссис Дейтон и Люси, суровая особа приняла их очень любезно.

Мария спала, но судорожные движения ее губ и прерывистое дыхание свидетельствовали о том, что страшные видения не оставляли ее и во сне.

— О, бедная моя Мария! — проговорила Адель.

Эти слова, хотя и произнесенные шепотом, разбудили спавшую. Она открыла глаза, огляделась и протянула руку молодой девушке, улыбаясь.

— Адель! Ты пришла ко мне! Какая ты добрая... А! Вот и Том... Бедный Том!

— Мария, — сказала нежно Адель, — объясни мне одно обстоятельство.

— Какое? — отвечала она, смеясь. — Все что хочешь!

— Когда ты отправилась из Синквилла?

— Синквилла? Это что за место? В Индиане такого нет.

— Разве Эдуард не купил там поместье?

До этой минуты Мария была совершенно спокойна, но лишь только она услышала имя мужа, все перенесенное ею воскресло в памяти, она вскочила с постели и дико закричала, указывая на окно:

— Вот... вот... смотрите... Его голова вся мокрая, но как страшно он хохочет! Эдуард! Бросайте трупы в реку! Эдуард, защити меня! А он все смеется.

Она судорожно вытянулась и упала в беспамятстве на кровать. Присутствующие женщины были поражены ужасом, сердце Тома билось так, что готово было разорваться. Миссис Смарт не растерялась, однако, она привела в чувство больную, но расспрашивать ее уже было бесполезно. Только присутствие ее мужа могло возратить ей рассудок, потому было необходимо, вызвать мистера Гэвса. Адель решилась ему написать, просто приглашая к себе, потому что было благоразумнее подготовить его понемногу к печальному известию.

Посланный, отправленный на ферму Лейвли с этим письмом, должен был, по поручению миссис Дейтон, зайти к ней в дом и велеть служанке приготовить комнату к приему больной. Сам доктор был уже у себя в это время и очень удивился такому приказанию.

— Какую это больную ждут сюда, Нэнси? — спросил он у горничной.

— Я не знаю, — отвечала она. — Негр говорит только, что ее привез к Смарту какой-то молодой человек, на пароходе, прибывшем из Нового Орлеана.

Дейтон не сказал более ничего, но отправился, видимо, встревоженный, к гостинице Смарта и вошел в комнату, в которой все находились.

— Он! — закричала Мария в ужасе. — Он! Спасите меня!

— Успокойся, моя милая! — сказала ей Адель с нежностью. — Это мистер Дейтон, муж этой доброй дамы, он хороший человек, он поможет тебе, он защитит тебя от всякой беды.

Доктор умел обходиться с больными. Взяв Марию за руку, он стал ласково уговаривать ее, и она стихла под звуки этой приветливой речи. Миссис Дейтон и Адель усадили ее с собой в экипаж и увезли, без всякого сопротивления с ее стороны.

Том, оставшись с доктором, ответил подробно на его расспросы, прибавляя, что только сам Гэвс мог разъяснить все, что было непонятного в этом происшествии.

Дейтон слушал его с большим вниманием.

— По уверениям ирландца, — продолжал Том, — островок, на котором я нашел эту несчастную, известен под номером 61.

— О каком ирландце вы говорите? Это тот, что часто бывает у Смарта?

— Не могу вам сказать. Я только разговаривал с ним и Смартom на берегу, после чего он и отправился к этому острову, на разведку.

— Как, один?

— Один. Он говорит, что его подозрения вызваны разными обстоятельствами. По его мнению, где-нибудь в окрестностях должны находиться притоны, в которых собирается разный сброд. Я сам хочу исследовать этот островок, на котором я нашел бедную Марию. Лишь только она немного оправится, я поеду в Викторию к Эджворту и тогда, по пути, загляну на этот остров номер 61.

— Не уезжайте, не простившись со мной, я дам вам письмо к судье в Синквилле. Он поможет вам, если вы действительно найдете какие-нибудь следы. Что касается этой бедняжки, то, будьте уверены, она будет окружена здесь самым заботливым уходом.

Молодой человек ушел, а Дейтон, оставшись один, долго еще стоял, задумавшись. Приход какого-то мальчика прервал его размышления. Посыльный передал ему большой пакет с несколькими печатями. Доктор прочел записку, находившуюся в конверте, положил ее в карман и пошел по главной улице, придерживаясь правой стороны.

ХАРЧЕВНЯ «СЕРЫЙ МЕДВЕДЬ»

На окраине города, на так называемой Лицевой улице, стоял одинокий домик. Соседнее с ним место было раскуплено по участкам, но спекулировавшие на этой покупке ошиблись в расчетах, вновь прибывшие колонисты предпочитали селиться не в Елене, а в Наполеонвиле, у устья Арканзаса, и потому это пространство осталось пустым.

Домик был построен первым покупателем участка, потом перешел в другие руки. Последний хозяин его выхлопотал себе патент на продажу спиртных напитков, с известным ограничением, то есть без права продавать вино индейцам, неграм и солдатам. В городе ходили слухи, что этот погребок служит и игорным притоном, но многочисленные обыски, произведенные в нем полицией, не подтвердили слухов. Притом домик стоял настолько в стороне, что многие в городе и не знали о его существовании, поэтому все толки о нем скоро совершенно прекратились.

К вечеру того дня, в который произошли рассказанные в предыдущей главе события, в подозрительном домике собралось много народа с судов, ночевавших в Елене по причине густого тумана, застилавшего реку. Эти люди пили виски и разговаривали так шумно, что почти не заметили появления одного изящно одетого джентльмена, который быстро прошел мимо них и скрылся за дверью небольшой комнатки, выходявшей окнами на берег.

Лишь только он переступил порог, другой человек, сидевший в комнатке у стола хотел прошмыгнуть в заднюю дверь. Но вошедший окликнул его, и тот остановился, как пораженный громом на месте.

— Незачем бежать, Уатерфорд! — произнес неожиданный гость. — Я не стану сейчас допрашивать тебя, почему ты покинул свой пост, об этом мы поговорим позже. В эту минуту ты нужен мне. Тоби уже здесь?

— Нет, ваша милость, — ответил смиренно человек, застигнутый врасплох, глядя на пришельца одним глазом, другой был выбит чьим-то кулаком.

— Так пошли Белью тотчас же за ним, и пусть он скачет к острову во весь опор. Когда увидите сигнальные

ракеты, то будете знать, что делать. Пошли оповестить всех, кого можно, и пусть каждый приготовится к неотложному бегству. Иди!

— Слушаю, капитан!

Уатерфорд исчез, а говоривший с ним кликнул хозяина погребка и сказал ему торопливо:

— Я жду вестей с озера, но мне надо поспешить тотчас на остров. Какой бы посланец ни явился, пошлите его вслед за мной. Вы же все оставайтесь спокойно до завтра, припрячьте только все, что может показаться подозрительным, и будьте настороже еще более, чем обычно.

На дворе раздался конский топот и голос Сандерса:

— Пошлите скорее нарочного к капитану Келли.

— Сам капитан здесь, — отвечал хозяин, пропуская прибывшего в заднюю комнату и притворяя за ним дверь.

Сандерс, видимо, вконец измученный, быстро подошел к капитану и шепнул ему:

— Мы обнаружены.

К его удивлению, Келли не смутился при таком известии, даже не сделал никакого замечания, но строго спросил:

— Почему вы не исполнили моего поручения?

Сандерс смешался в первую минуту, и Келли, хорошо изучивший людское сердце, угадал, по-видимому, тайный умысел своего подчиненного. Но тот скоро оправился, стал рассказывать о поимке мулата и о своих опасениях насчет признаний этого человека. Объяснение было довольно правдоподобно, по мнению Сандерса, но капитан слушал его, не выказывая ничем своего мнения.

— Что же вы скажете, наконец? — спросил молодой человек довольно дерзко.

— То, — отвечал Келли, медленно поворачиваясь к нему, — что настал, как вы сами видите, кризис. Можно только удивляться, что нас не открыли ранее. Но преследователи наши делают промахи и теперь они дают нам время вырваться из их когтей!

— Но мы должны торопиться, — возразил Сандерс, — и я очень прошу вас выдать мне поскорее ту сумму, которая приходится на мою долю и лежит у вас в общей кассе. Я должен признаться вам, что у меня теперь совершенно пусто в кармане, так что нечем даже заплатить за проезд до Нового Орлеана. Вы, кажется,

обращаете мало внимания на мои слова? Но я уверяю вас, что за нами уже собирается погоня. Дайте же мне сколько-нибудь денег вперед. Хоть пятьсот долларов, вы их удержите из моей доли при завтрашнем дележе кассы. Мне необходимо вновь одеться с головы до ног, я в чужом платье и похожу на разбойника, а мне надо побывать у миссис Дейтон. Я обещал навестить милых дам.

— Я посоветовал бы вам воздержаться от этого визита, хотя, как вам известно, они послали за вами нарочного. У них в гостях одна дама, которую зовут миссис Гэвс из Синквилла.

— Что за шутки! В такие минуты, когда у нас над головой висит дамоклов меч, вы потешаетесь так странно. Что до меня, то я вовсе не расположен смеяться.

— Я не смеюсь, мистер Сандерс. Миссис Гэвс в этот самый час у миссис Дейтон, которая ухаживает за ней вместе с мисс Аделью. Сегодня же ирландец О'Тул отправился исследовать остров номер 61, а через час, с той же целью, поедет еще один молодой человек. Вот мои сведения. Как вы думаете, ловки мои агенты?

— Но каким образом Мария...

— Все это не трудно угадать. Но пока еще рано называть наше положение совершенно отчаянным, и я нахожусь здесь именно для того, чтобы расстроить замыслы наших врагов. Только необходима предельная осторожность, и я настаиваю на том, чтобы вы не показывались в городе в течение дня. И даже после, когда стемнеет, старайтесь скрываться. Я же поеду на остров.

— Вы говорите, что какой-то молодой человек отправляется к нам на розыски?

— Да, — сказал Келли, усмехаясь презрительно, — он намеревается это сделать, но удержать его очень легко. Можно прибегнуть к законной власти.

— К законной власти?

— Именно. Это мое дело.

— Но ирландец?

— Справимся и с ним. Во всяком случае, мы или успеем спастись, или сумеем отбить нападение. Мы гораздо могущественнее, нежели думают наши противники!

— А как же насчет денег, капитан? — спросил Сандерс после некоторого молчания.

— Со мной нет такой суммы, — отвечал Келли, медленно направляясь к двери. — Подождите часов до вось-

ми и тогда получите деньги. Но советую вам быть как можно осторожнее и не показываться нигде до тех пор.

Сандерс угрюмо проводил его взглядом и вскочил с места, воткнув с досады свой нож в стол, за которым сидел.

— Так я и поверил! — пробурчал он. — Нет пятисот долларов для подачи тому, кто доставил вам целую груду золота в течение этого месяца! Ждать до восьми часов, и для того, чтобы получить вместо денег опять какое-нибудь скандальное поручение! Так нет же! Вы, любезный капитан, позаботились уже, по-видимому, о своей особе, позвольте и мне сделать то же для себя. Надо прижать старуху Бредфорд, она довольно загребла, благодаря мне. Пусть теперь раскошелливается!

С этими словами он вышел, пренебрегая приказанием Келли, и скрылся в густом тумане, обволакивавшем город...

Глава XXIII

АРЕСТ НЕВИНОВНОГО

Том неторопливо расхаживал по Лицевой улице. Мистер Дейтон назначил ему свидание здесь, но все не показывался. Между тем пароход «Ван-Борен», успевший уже отремонтироваться, готовился отплыть, приняв лодку Тома на буксир.

— Пройду еще раз вдоль улицы, и если доктор не подойдет, — решил Том, — я уйду без его рекомендательного письма.

Он сделал несколько шагов, как вдруг, мимо него быстро прошел какой-то человек, закрывавший платком лицо как бы от зубной боли, но, несмотря на это и на туман, Том узнал тотчас этого прохожего: белокурые, длинные, волнистые волосы выдали мнимого мистера Гэвса.

Том бросился за ним вслед. Этот человек, уже отнявший у него счастье, начинал казаться ему теперь весьма подозрительным. Был он здесь случайно или уже знал о положении Марии? Зачем он находился в этом квартале, а не там, у нее, и как будто скрывался? Но если он не знал еще ничего, то надо было ему сказать.

Сандерс остановился на повороте улицы, у какого-то дома и постучал. Ему не тотчас отворили и он нагнулся к замку, крича в замочную скважину:

— Миссис Бредфорд, это я... Сандерс, у меня к вам важное дело!

В ту же минуту, услышав за собой шаги, он оборотился и увидел перед собой Тома. По-видимому, эта встреча так испугала его, что он совершенно изменился в лице и готов был бежать, но Том, хотя и удивленный теми словами, которые расслышал, был слишком занят мыслью о Марии и приписал волнение Гэвса совершенно иной причине.

— Не думайте, что я затаил на вас зло, мистер Гэвс, — сказал он, — не бойтесь ничего. Если я и был враждебно настроен против вас, то теперь не время вспоминать прошлое. Знаете ли вы, что миссис Гэвс здесь, в Елене?

— Знаю. Как же, знаю и спешу ее увидеть, — ответил Сандерс, редко терявший присутствие духа.

— Спешите к ней, а хотите войти в этот дом?

— Здесь живет мистер Дейтон, — возразил Сандерс, вполне оправившись от смущения, но все еще не смея взглянуть в лицо молодому человеку.

— Мистер Дейтон? — повторил Том, чувствуя новый наплыв подозрений. — Мне показалось, что вы вызывали какую-то женщину, говоря, что хотите сообщить ей что-то важное.

— Вам почудилось. Я иду к мистеру Дейтону. Если я звал эту женщину, то лишь для того, чтобы пригласить ее в сиделки для моей жены. Но ее, кажется, нет дома.

— Кажется, так, — сказал Том, решив не оставлять этого человека, не выяснив его поведения. — А вы знаете, где живет мистер Дейтон?

— Разумеется, но если вы, мистер Барнвель, идете в ту сторону, то не сделаете ли мне одолжение зайти к Дейтонам и уведомить их, что я тотчас к ним приду? Надеюсь, что буду иметь удовольствие застать вас еще там?

Он сделал движение, чтобы уйти, но Том схватил его за руку.

— Стойте! — произнес он. — Я не могу отпустить вас, прежде чем вы не объяснитесь. Ваша жена здесь, больная, полупомешанная, а вы расхаживаете по городу и в такой странной одежде, очевидно, чужой.

— Я мог бы вовсе не отвечать вам, — ответил Сандерс высокомерно, — и улица, по правде говоря, не место для объяснений. Что вам за дело, почему я так одет, а не иначе? Но если эти подробности вас интересуют, то вы можете узнать их от мистера Джеймса Лейвли. Далее я вам скажу, что сознаю сам, насколько такой костюм, вдобавок изорванный, неприличен для входа в дом мистера Дейтона, и потому желаю приобрести все новое и тогда же пойти к Дейтонам. Я вам очень признателен за вашу заботу о миссис Гэвс, но так как я уже здесь, то мог взять теперь эти хлопоты на себя и снять с вас эту обязанность или это удовольствие, как вам будет угодно назвать выражение вашего сочувствия.

Несмотря на всю развязность наглеца, Том не дал себя озадачить и только выпустил его руку, потому что спор, происходивший на улице, начинал уже привлекать внимание соседей. Многие из них выглядывали из окон.

— Вы правы, мистер Гэвс, — проговорил Том, — улица не место для объяснений. Я пойду лучше с вами к мистеру Дейтону и там...

— Не знаю, какое право имеете вы следовать за мной по пятам? — гневно возразил Сандерс. — Я уже сказал вам, что иду переодеться, для того чтобы иметь возможность пойти к Дейтонам, но я вовсе не желаю, чтобы вы меня сопровождали. Кажется, это понятно?

— Даже очень, — сказал Том. — Во всем вашем поведении есть тайна, но я постараюсь ее открыть. Но вот, кстати, и сам мистер Дейтон.

Дейтон шел, действительно, к говорившим и закричал еще издали:

— А, мистер Барнвель! Очень рад вас встретить. Я был на берегу, у паровой пристани, надеясь застать вас там, но мне сказали, что вы пошли в эту сторону.

— Да, — сказал Том, — я пошел сюда и, благодаря этому, имел удовольствие нагнать мистера Гэвса.

— Удовольствие было испытано только вами, никак не мной, — перебил Сандерс.

— Господа, я не понимаю... — начал Дейтон.

Но речь его была прервана криком:

— Держите его! Вот он! — и двое людей подбежали к группе.

— Он ли это? — спросил один из них, оказавшийся констеблем.

— Он, мистер Никольтон, он самый! Берите его, арестуйте.

— Арестовываю вас, именем закона! — произнес констебль, кладя руку на плечо Тома.

Молодой человек даже не испугался, до того это показалось ему нелепым.

— Вы ошибаетесь, констебль! — сказал он, смеясь.

— Разве не вы отплыли отсюда вчера вниз по течению и не возвратились обратно на пароходе? — спросил полицейский.

— Совершенно верно, но что же из этого?

— Так и есть.

— Позвольте, констебль, — вмешался Дейтон, — нет ли тут какого недоразумения? Я знаю этого джентльмена, это мистер Том Барнвель. Моя семья познакомилась с ним недавно.

— Прекрасно, господин судья, — перебил человек, который привел с собой констебля, — дружба дружбой, но правосудие своим порядком! И разве вы сами не подписали приказ о взятии его под стражу?

— Его... то есть, того лица, которое обворовало вашу кассу, забравшись к вам в дом.

— Так это он самый и есть! Подлый грабитель, который подстерегает минуту, когда честные люди на работе, влезает к ним и забирает, что может! Он и часы мои утащил.

Сцена на улице привлекла множество народа, и Сандерс хотел воспользоваться этим, чтобы уйти незаметно, но Том, не упускавший его из виду, сказал, обращаясь к Дейтону:

— Я не могу оскорбляться обвинением этого человека, его, вероятно, обокрали и он, вследствие какой-то ошибки, подозревает меня. Но такое странное и неприятное для меня обстоятельство не должно помешать нам потребовать объяснений у мистера Гэвса, объяснений крайне необходимых. Пусть эти люди пойдут с нами, если они боятся, что я уклонюсь от суда, но одно ваше присутствие, господин судья, должно успокоить их на счет того, что я не вздумаю бежать.

— Нет, извините! — крикнул обвинитель Тома. — Я не желаю прогуливаться по городу из-за прихоти всякого арестанта! Констебль, исполняйте ваш долг! И вас, мистер Дейтон, я прошу, как судью, оказать мне содей-

ствие! Если этот человек убежит, ответственность падет на вас.

— Но можете ли вы доказать с точностью, что это именно тот, которого вы ищете?

— Не угодно ли вам пойти со мной на берег? Там найдется немало людей, готовых заявить под присягой, что это именно он.

Том видел, что дело, казавшееся ему совершенно нелепым, начинало принимать серьезный оборот. Он обратился к Дейтону с просьбой оставить его на свободе, но тот только пожал плечами, говоря, что вмешательство его будет тут неуместно и что констебль лишь исполняет свой долг. Бедный молодой человек видел, что ему приходится покориться силе, но даже в эту, столь тяжелую для него минуту, он не забыл о Марии и просил Дейтона потребовать объяснений у Гэвса.

Дейтон обещал выполнить это и ушел с Сандерсом, а констебль препроводил Тома в местную тюрьму, находившуюся тут же неподалеку.

Глава XXIV

ИСПОРЧЕННЫЙ КАРАБИН

Плоскодонные барки на реке Миссисипи, прозванные «Ноевыми ковчегами», очень тихоходны, а матросы на них очень ленивы. Они крайне не любят грести, хотя их, собственно, и нанимают для этого, и предпочитают пускать барку просто по течению, прибегая к веслам лишь при обходе подводных камней или при заходе судна в гавань. Люди, нанятые Эджвортом, были тоже недовольны тем, что он их понукал, желая скорее выбраться на простор из массы судов, загромождавших фарватер у Елены, но Билл стоял в этом случае за хозяина и покрякивал на лентяев.

— Будет уже! Выбрались! — произнес один из них, бросая весло. Другие тотчас же последовали его примеру.

— Это что? — закричал рулевой. — Боб! Джонсон! Дик! Беритесь снова за весла!

— Хозяин молчит, а этот распоряжается! — дерзко возразил первый матрос. — Мистер Эджворт говорил, что можно будет и перестать, когда выйдем на открытое

место. Мы и вышли. Если он хочет, чтобы мы снова гребли, пусть сам прикажет, а не ты!

Билл бросил руль и кинулся на обидчика с кулаками, но тот ожидал нападения и стал в позу боксера.

— Что же, почистим друг друга! — сказал он. Но Блэкфут поспешил предотвратить драку.

— Стыдитесь! — сказал он. — Разве можно ссориться так во время плавания? Беритесь за весла, делайте, что следует.

— Если мистер Эджворт прикажет, то ладно, — сказал тот же матрос. — Но нам надоело плясать под дудку этого типа. Пока еще был здесь мистер Барнвель, он не смел командовать, а теперь вон как распоясался. Да нет, полно! И я очень хотел бы рассчитаться с ним еще до того, как мы распростимся!

Билл смотрел на него с бешенством и готов был снова кинуться на дерзкого, но Блэкфут выразительно посмотрел ему в глаза, и тот воротился на свое место, сердито ворча.

Эджворт не вмешивался в ссору, но наблюдал за происходившим, и взгляд Блэкфута не ускользнул от него. Ему припомнились слова Смарта о сговоре между этим рулевым и покупателем, и он убедился теперь в этом, но отнес все к покупке товара и только решил впредь поостеречься и не дать обмануть себя при расплате.

Блэкфут, усевшись возле Билла, указывая ему рукой на берега и притворяясь, что рассказывает о чем-то, говорил между тем:

— Ты с ума сошел, Билл! Можно ли затевать ссоры в такую минуту? Тебе, напротив, нужно бы подружиться с этими людьми, привлечь их на свою сторону. Среди них, глядишь, и нашелся бы кто-нибудь, кто стал бы заодно с нами.

— Как же, ищи! Они все возненавидели меня. Собака и та ворчит, лишь только я подойду. Давно уже собираюсь ее утопить, да она не отходит от старика. Но обойдемся и без этих подлецов. Лишь бы ты успел заклепать его карабин. Вот тебе несколько гвоздиков, этого вполне довольно. Зачем нам рисковать шкурой, если можно без этого обойтись?

— Хорошо, только мудрено стянуть у него винтовку.

— Знаешь, что? Предложи ему поменяться. Твое ружье с богатой отделкой, а у него старенькое, не нарядное.

— Дельная мысль. Эти люди любят обмен. Я попрошу у него впридачу деньги, разумеется.

— И проси побольше, а то ему покажется подозрительным.

— Не бойся, сумею его обойти. А какой у нас сигнал оговорен?

— Выстрел, как всегда, хотя этот способ мне и не нравится.

— А какой же другой придумаешь при таком тумане, который позже и еще сгустится, поверь. Только бы не помешал он тебе посадить судно на мель в нужном месте.

— Не бойся! Недавно еще туман был такой, что хоть ножом его режь, а я свое дело справил.

— Хорошо, но не наделает ли нам хлопот после этот дурак, который отправился вперед. Не дождавшись барки, он поднимет шум, разумеется.

— Будь спокоен, его окружили уже так, что он не может ничего сделать. Но старик подсматривает за нами. Поди-ка, послушай, о чем толкует он с этой пассажиркой.

Миссис Эверест сидела возле своего багажа, сложенного на носу барки. Волчок свернулся у ее ног и она, все еще взволнованная нападением миссис Бредфорд и одиночеством среди грубых судовщиков, была рада видимому расположению к ней собаки.

Эджворт подошел тоже, сел на один из ее чемоданов и сказал приветливо:

— Не бойтесь ничего, сударыня. Матросы народ невоспитанный и часто ссорятся, один из них мне особенно не нравится, но нам недолго быть с ними. Если бы не этот туман, мы прибыли бы в Викторию сегодня же вечером. Когда смеркнется, я устрою вам что-то вроде палатки на палубе и вы сможете поспать спокойно до окончания нашего путешествия.

— И вы не боитесь, что мы сядем на мель при таком тумане?

— Нет, у меня хороший рулевой, да и тот человек, который купил у меня груз, тоже едет с нами, а ему река знакома хорошо.

— Не в одной реке дело, — проговорила миссис Эверест, понижая голос.

— Что вы хотите сказать?

— Вы слышали, конечно, мистер Эджворт, что тот, с кем я была обручена, погиб здесь?

— Как же, Смарт рассказывал мне. Судно затонуло. Сколько людей находят смерть таким образом!

— Не верьте этому, — прошептала она. — Я не верю.

— Не верите? Что вы говорите?

— Я не верю тому, что судно Голка погибло по естественной причине, и я еду в Викторию именно с целью передать мои подозрения брату моему, адвокату, живущему в этом городе.

— Отчего же вы не сообщили их прежде сыну этого Голка, приехавшему в Елену? Он оказал бы вам всякое содействие, разумеется.

— У Голка не было никакого сына, я убеждена, что человек, назвавшийся им, обманщик. Голка я знал, как человека в высшей степени честного и правдивого, а он всегда говорил мне, что у него нет никого, он совершенно одинок. К чему бы ему скрывать от меня своего сына?

— Тише! На нас смотрят, — шепнул ей Эджворт. — Мне очень жаль, что здесь нет Тома. Боб Рой! — крикнул он матросу, именно тому, который только что ссорился с Биллом. — Подойди-ка сюда. Что ты думаешь насчет тумана? Ты уже не в первый раз ходишь по Миссисипи.

— Я думаю, — отвечал резко матрос, — что нам надо пристать где-нибудь или хотя бы стать на якорь. Идти далее, ничего не видя перед собой, просто безумие. Если на нас натолкнется какой-нибудь пароход, мы погибем, с другой стороны, можем сами сесть на мель.

— Стало быть, следует пристать, по-твоему?

— Если вы спрашиваете мое мнение, я его высказываю откровенно. Что за удовольствие идти зря и позволяя еще распорядиться судном такому обормоту?

Он махнул рукой в сторону Билла, но в эту самую минуту к Эджворту подошел Блэкфут.

— А туман-то густеет, — сказал он, садясь. — Счастье наше, что у нас такой искусный рулевой. Притом здесь бывает часто так, что подует ветер и все это покрывало как рукой снимет. Мне думается, что так будет и в этот раз. Во всяком случае, мы можем пройти еще часа два, пока не доберемся до номера 63, у которого останавливаются обыкновенно все суда.

— А не лучше ли нам остановиться сейчас?

— Что вы! Это будет совершенно напрасно, только время потеряем. Вы понимаете, что я так же заинтересован в сохранении целостности груза, как и вы, следова-

тельно, худого не посоветую. Ах, прах побери! Славное у вас ружьецо! Что это, пенсильванская работа, или вы приобрели его в Кентукки?

— Да, — сказал Эджворт, польщенный похвалой своему оружию, как всякий охотник, и перекладывая ружье поперек себе на колени, дулом к воде, — да, ружьецо хорошее, куплено оно действительно в Кентукки и сослужило мне уже не одну службу.

— Если так, то вы вряд ли захотели бы с ним расстаться? Даже если бы вам предложили другое, порошнее? — сказал Блэкфут, подавая ему свое ружье из дамаскированной¹ стали и с особым механизмом для предохранения курка.

— Славное ружье и это... — произнес старик, рассматривая поданное оружие. — И бьет хорошо?

— Могу обещать на пари, что попаду с шестидесяти шагов в двадцатипенсовую монетку.

— Вот как! Зачем же вы хотите расстаться с таким великолепным оружием?

— По правде говоря, и жаль мне его, но я решил так. Видите ли, это ружье досталось мне от приятеля, которого уже нет, оно будит во мне грустные воспоминания. Воспользуйтесь случаем, если хотите... большой прибавки я от вас не потребую.

— Нет, — сказал Эджворт, — я свое оружие ни за что не отдам. Вам тяжело то, что напоминает умершего, а я, напротив, именно этим и дорожу. Мое ружье принадлежал прежде моему сыну, который... Но это постороннее дело, я вам скажу только, что не расстанусь с ним ни за что.

— Так не хотите? Позвольте мне хоть рассмотреть его. Выгравировано на дуле имя мастера?

— А я право, и не заметил. Да не все ли равно, кто сделал оружие, лишь бы оно великолепно било!

— Видите ли, я знаю многих мастеров в Кентукки, и мне любопытно, не знакомое ли имя.

Он взял ружье, стал рассматривать ствол и открыл полку.

— Осторожнее! — сказал Эджворт. — Вы рассыплете порох.

¹ Дамаскированная сталь — обычная сталь, которой с помощью кислотных протрав придают вид дамасской (узорчатой, травчатой).

— Да он у вас отсырел, я прибавлю нового.

Говоря так, он держал оружие в левой руке, сжимая в правой один из гвоздиков, данных ему Биллом.

— Какой у вас порох? — спросил Эджворт, следя за его движениями.

— Самый высший сорт! Посмотрите.

Он подал старику щепотку пороха, и тот стал растирать его на ладони. Пользуясь этим мгновением, Блэкфут запустил гвоздь и закрыл полку. Эджворт, ничего не подозревая, похвалил порох и поставил ружье на место. Миссис Эверест молча наблюдала за всей этой сценой.

— Но как вы побледнели! — заметил старик, взглядывая на нее. — Вам нездоровится, миссис Эверест?

— Это ничего, пройдет... — сказала она. — Я так испугалась перед нашим отъездом, а теперь эта сырость.

— Вам необходим отдых, — перебил Эджворт, — и мы тотчас устроим вам уголок. И не возражайте.

Он спустился на нижнюю палубу, принес оттуда большое одеяло и натянул его с помощью Блэкфута так, что образовался род шалаша, в котором молодая женщина могла расположиться на ночь без помех. Следует заметить, что внимание к женскому полу развито, как бы инстинктивно, между самыми грубыми жителями Америки. Женщина может странствовать совершенно безопасно по всем Соединенным Штатам, и всегда, в случае нужды, найдет себе покровителя в первом встречном.

Но миссис Эверест не воспользовалась тотчас же предложенным ей убежищем и осталась на палубе. Эджворт тоже не ложился, обращаясь по временам к Биллу с вопросом, что не лучше ли стать на якорь? Но тот находил это излишним и даже в данную минуту невозможным. Бросать якорь посередине реки нелепо, говорил он, потому что тут шли другие суда, а подойти ближе к берегу, значило сесть на мель.

— Бросьте лот, сами увидите, как здесь мелко, — сказал он, и Эджворт убедился в его правоте. Глубины оказывалось всего на восемь футов. Продвигаться далее к берегу было опасно. Но положение было все же незавидным, и старик расхаживал по палубе с большим беспокойством.

— Вы еще не ложились? — спросил он, поравнявшись с миссис Эверест. — Вам не спится, я понимаю это. Видите, я сам на вахте дежурю. Того и гляди, налетим на мель.

— Я боюсь не реки, — прошептала она, оглядываясь со страхом. — Нам грозит другое. Где ваше ружье?

— Тут же, у моей койки. Но что вас так встревожило?

— Осмотрите курок... не теряйте ни минуты.

— Что же могло с ним случиться?

— Этот человек держал его в руках. Я долго жила в лесах и сама привыкла к обращению с огнестрельным оружием. Он заклепал чем-то ваше ружье, я в этом уверена, и сделал это в ту минуту, когда вы рассматривали порох.

— Благодарю вас, миссис Эверест, — сказал старик, — я тотчас же осмотрю ружье и приведу его в порядок. Но не бойтесь ничего, я жалею, что Тома нет со мной, но надеюсь, что мы избежим опасности и без него. Матросы мои уроженцы Индианы и преданы мне. Спокойной ночи, миссис Эверест!

Глава XXV

ОСТАНОВКА

Туман все густел, и Блэкфут начинал испытывать беспокойство.

— Уверен ли ты, что найдешь остров? — говорил он Биллу. — Ветер крепчает, и нас может отнести далее, нежели нужно.

— Не бойся! — отвечал тот. — Мы услышим еще издали прибой волн об устроенное там ограждение, и тогда я легко уговорю этих болванов причалить именно там, где нам нужно. Теперь уже близко.

Блэкфут отошел от него и столкнулся с Эджвортом.

— Вы хотите провести ночь здесь, наверху? — спросил он. — Не лучше ли вам пойти на нижнюю палубу? В ваши лета простуда опасна.

— Не беспокойтесь, — перебил его старик, — я привык ко всякой погоде. — Но мне нужно и распорядиться. Боб Рой, зови всех на работу. Я хочу остановиться здесь.

— Здесь! — воскликнул Блэкфут. — Но зачем? Билл не находит никакой опасности.

— Может быть, но я не спокоен. Эй, ребята! Гребите к арканзасскому берегу.

— Что вы? — крикнул ему Билл со своего места у руля. — Хотите наскочить на подводные камни?

— Вовсе нет, — возразил Эджворт, — мы идем возле берега, я могу рассмотреть очертания его даже сквозь туман.

— Но я же вам говорю, что ниже по течению есть прекрасное место для причала! — воскликнул Билл.

— Может быть, — возразил опять старик хладнокровно, — но осторожность не мешает. Лучше обождать, пока туман не рассеется.

— Однако, мистер Эджворт, — перебил его Блэкфут с раздражением, — я полагаю, что мы только потеряем время таким образом. Я должен сдать товар завтра утром и хочу поэтому прибыть в Викторию на рассвете.

— Вы хотите! — повторил старик. — Мне кажется, что здесь могу «хотеть» один я. Дело идет не об одном грузе, но также о жизни всего моего экипажа и этой пассажирки. Если же вы боитесь, что груз прибудет в Викторию позднее назначенного часа, то я готов нарушить нашу сделку и возвратить вам задаток. Я найду и другого покупателя на свой товар.

Блэкфут скрипнул зубами в бешенстве, но Билл стал исполнять приказание Эджворта, торопя гребцов.

— Что же ты это? — шепнул ему Блэкфут, останавливаясь позади его. — Зачем слушаешься старого глупца? Если мы простоим здесь, то дело пропало. К утру туман рассеется, мимо нас будут сновать суда и мы, значит, трудились, до сих пор, понапрасну.

— Молчи! — ответил тоже шепотом Билл. — Разве можно вдвоем идти против всех? Надо стараться не возбуждать их подозрений, и так уже старик посматривает на тебя недоверчиво. Когда мы причалим, все пойдут спать и нам будет нетрудно перерезать канат.

Кругом стали показываться деревья. Вблизи торчала из воды толстая смоковница.

— Знаешь, — опять вполголоса сказал Блэкфут, — дело обстоит лучше, чем можно было ожидать. Я узнал место, наш остров уже недалеко, правь немного ниже, и мы сядем на мель на западной его стороне.

— Так, — сказал Билл, направляя судно прочь от смоковницы.

Но Боб Рой, держа уже наготове канат, крикнул ему:

— Лево руля! Лево руля! Что же это, хотите, чтобы весь наш труд пропал даром?

— Молчать! — ответил ему Билл, поворачивая судно в противоположную сторону, но Эджворт оттолкнул его

и сам положил руль налево. Боб Рой закричал: «Берегись!», закинул из всех сил канат за смоковницу и прыгнул сам в воду.

Дело ему выпало опасное: если бы он не успел укрепить канат, то его самого увлекло бы в подводные заросли, где он нашел бы верную смерть. Но матрос рассчитал верно, канат обвился вокруг дерева, и Боб привязал его к крайнему суку. Течением дернуло лодку так сильно, что казалось, смоковница выдернута с корнем, однако она устояла, и только сам отважный матрос исчез под водой.

Но он вынырнул тотчас же, товарищи помогли ему влезть на борт, и все пришло в прежний порядок. Матросы уселись за ужин. Блэкфут старался скрыть свое раздражение, а Билл шутил как ни в чем ни бывало. Сначала на палубе было довольно шумно, благодаря отчасти и выпитому виски, но потом, мало-помалу, люди начали расходиться на ночлег и все стихло. Билл улегся у руля, а Блэкфут на носу, положив голову на свернутый конец того самого каната, которым было причалено судно, Миссис Эверест ушла под свой навес, Эджворт поместился вместе с Волчком среди тюков с товарами. Он не спал, прислушиваясь к малейшему шороху. Не сомневаясь более в том, что Билл и Блэкфут замышляют что-то недоброе, он решился сторожить всю ночь.

Несколько часов прошло в полной тишине, слышался только прибой волн о бока судна, да лягушки квакали в соседних болотах. Билл тихо подполз к своему сообщнику и прошептал:

— Не пора ли?

Блэкфут продолжал лежать неподвижно, но Билл расслышал звук трения ножа о канат. Он пополз обратно и завернулся в свое одеяло.

Эджворт видел его движение и приподнялся, но успокоился снова, когда Билл вернулся на свое место, собираясь, по-видимому, заснуть. Сон одолевал и старика, мысли его путались, воспоминания прежнего смешивались с настоящим, ему причудилось, что он на берегах Уабаша, близ могилы своего сына, осененной листвой дубов и ив, поющих свою унылую песню.

А в это время нож Блэкфута проникал глубже и глубже в канат, вскоре судно дрогнуло и быстро понес-

лось по течению, оставляя далеко за собой смоковницу, которая выпрямилась и встряхнулась, как бы радуясь возвращенной свободе.

Глава XXVI

РАСПРАВА С БАНДИТАМИ

Спавшие не подозревали о грозившей им опасности. Билл шепотом переговаривался со своим сообщником.

— Мы совсем недалеко от нашего острова, — сказал он.

— Но не слишком ли сносит нас вправо? — заметил так же тихо Блэкфут. — Повернуть бы руль.

— Нельзя, скрип разбудит людей, по крайней мере, старика... Тише! Эта собака ворчит. О, как бы я хотел спустить ее в воду!

— Слушай, надо завалить чем-нибудь выход из нижней палубы, так чтобы никто не вышел оттуда. Вот, сдвинем этот тяжелый ящик. Я подам сигнал выстрелом, когда будет надо, а ты расправишься тем временем со стариком. Его ружьишко теперь не опасно. Потом встань у камбузного окна, и если кто из нижних вздумает лезть оттуда, бей его прикладом по голове. Так и справимся со всеми поодиночке. Попались они, как в мышеловку!

Но Эджворт спал некрепко. Ворчание собаки и шепот разбойников заставили его проснуться. Он приподнялся, огляделся, увидел перед собою темную полосу земли и понял тотчас, что судно несет по течению.

Он проворно схватил свое ружье, вскочил на ноги и увидел, что Билл и Блэкфут загораживают ящиком выход из нижней палубы.

— Что вы делаете! — крикнул он. — Нас уносит!

В то же время он постучал ногой в палубу, давая тем условный знак Бобу.

— Пора! — шепнул Билл Блэкфуту. — Отправляй его на тот свет!

— Что же вы не отвечаете мне, Билл? — продолжал Эджворт. — Зачем передвигаете ящик?

— Узнаешь сейчас, — проворчал Билл, между тем как Блэкфут бросился за своим ружьем, которое должен был оставить в стороне, чтобы помочь товарищу передвинуть ящик.

Между тем снизу раздавались крики: «Кто завалил выход?» — и заметны были усилия людей сдвинуть эту преграду. Билл видел, что соединенные усилия матросов достигнут цели, и закричал своему товарищу:

— Стреляй! Выстрел и будет сигналом! Нам необходима помощь.

В то же мгновение грянул выстрел, но, к изумлению Билла, Блэкфут взмахнул руками, выронил ружье и упал навзничь. Пуля Эджворта, следившего за его движениями, пробила ему голову насквозь.

— Стой, старый мошенник! — закричал в бешенстве Билл, видя, что Эджворт бросился, чтобы поднять ружье, оброненное убитым. — Стой! Я уложил твоего сына, спроважу вслед за ним и тебя!

Он вырвал ружье из рук старика с этими словами, но они произвели на несчастного отца такое страшное действие, что он, не помня себя, бросился на злодея, прежде чем тот успел опомниться, и схватил его за горло, с криком:

— Убийца!

Силы оказались слишком неравны, и Билл занес уже приклад над головой своего противника, но неожиданный союзник выручил старика. Волчок налетел с размаху на ненавистного рулевого и сбил его с ног.

Матросы, находившиеся внизу, успели тем временем выбраться из западни. Они бросились к Биллу и обезоружили его, но не могли оттащить Эджворта, который искал ощупью свой нож, чтобы заколоть разбойника. Волчок тоже не выпускал из зубов ворота его рубашки, как будто хотел его задушить.

— Тише! Я слышу плеск весел... — проговорил Боб.

— Гей! Лодка! — заревел Билл изо всей силы, стараясь поднести к губам свисток. — Гей! Сюда!

Боб зажал ему рот рукой, шепнув товарищам:

— Молчите все, если хотите остаться живы. Я начинаю смекать, в чем дело. Принесите только чем заткнуть ему глотку.

В ответ на крик Билла раздался свист, похожий на свиный.

— Не шевелитесь! — продолжал Боб тихо. — Этот негодяй заодно с пиратами, это ясно. Если мы не шелохнемся, то, может быть, и ускользнем, благодаря темноте и туману. Держите крепче этого разбойника за ноги, он

хочет поднять шум. Мистер Эджворт, ради Бога, не позволяйте вашей собаке залаять, или мы пропали!

— Гей! — кричали с лодки. — Билл! Что не отвечаешь?

Билл сделал отчаянное усилие, чтобы заявить чем-нибудь о своем присутствии, но четверо сильных парней держали его так, что он не имел возможности даже стукнуть головой о палубу.

Между тем, судя по плеску весел, лодка пиратов была в каких-нибудь двадцати шагах от судна, и находившиеся на нем испытывали смертельный страх, ожидая нападения каждую минуту. Наконец, после краткого совещания, из которого даже некоторые отдельные слова долетали до Боба и его товарищей, плеск от весел стал ослабевать и скоро совсем замер в отдалении. Один раз еще донесся совиный крик, и все стихло.

Глава XXVII

МЕСТЬ ЖЕНЩИНЫ

В тот самый вечер, когда Келли отдавал приказания в харчевне «Серый Медведь», Джорджина ходила в волнении по своему роскошному будуару. Глаза ее блестели от гнева, губы судорожно сжимались. Она была крайне раздражена всем, что произошло в последние дни. Келли не ночевал дома уже двое суток, молодой метис, ее любимец и так безгранично преданный ей, не возвращался, Мария бежала неизвестно куда, Питер, посланный разыскивать метиса, тоже не являлся с ответом.

Неизвестность томила ее, не зная, что думать, она вышла из дома, но тут увидела возвращавшегося с поисков Питера. Она сделала ему знак следовать за ней в комнату, он повиновался, но казался смущенным и молчал. Джорджина схватила его за руку, взглянула ему пытливо в лицо и спросила:

— Где Олио?

— Не знаю, — ответил он сухо.

— Где он? — повторила она повелительно. — Смотри мне прямо в лицо, Питер, и отвечай.

— Я говорю, что не знаю! Во всем лесу нет ни малейшего следа.

— В лесу? Зачем ты искал в лесу? Следы могли быть только по дороге в Елену, а не в лесу!

— Я смотрел везде и не нашел ничего.

— А в воде, Питер? — проговорила она слабым голосом.

— В воде? — повторил он, оглядываясь с ужасом. — Почему вы думаете о воде?

Джорджина заметила этот взгляд, побледнела и крикнула:

— Да, в воде, в воде! Говори, Питер!

— Но я, право, не заглядывал в реку. Только Гаррис...

— Что Гаррис? Говори!

— Он полагает, что Олио не выходил на тот берег. Гаррис хотел передать ему что-то. Завидя лодку, он стал поджидать его на тропинке, единственной, по которой можно пройти там. Но Олио не показывался. Гаррис даже окликнул его, но ответа не получил.

— Может быть, Олио спрятался, не признав его голоса. Не догадался, что его зовет кто-нибудь из наших.

— И Гаррис так же подумал, — сказал Питер, говоря уже смелее при видимом спокойствии Джорджины. — Но ему показалось странным, что негр плывет обратно уже один. Стало быть, он высадил Олио, куда же тот девался? Гаррис пошел к маленькому затону, у которого должна пристать лодка, но обошел его весь, не найдя следа ее причаливания. Между тем трава тут густая и помялась бы от ног, если бы кто вышел на берег. Словом, никакого следа.

— Что же далее? — спросила Джорджина, видя, что он снова замялся.

— На берегу никаких следов... — проговорил Питер в смущении, — но в воде...

— В воде? — повторила она.

— Гаррис мог и ошибиться. Ведь это только его предположение, — произнес Питер, останавливаясь снова. Он знал привязанность миссис Келли к молодому метису, подозревал очень многое и боялся навлечь на себя неукротимый гнев атамана за вмешательство во всю эту историю.

— В чем же состояло предположение Гарриса? — продолжала Джорджина с прежним притворным спокойствием. — Не бойся, Питер, рассказывай все.

— Если вы хотите уж все знать, — начал он, теребя свою шляпу в смущении, — то Гаррис видел как бы кровь на поверхности воды. Но ему могло и почудиться.

— Он не нашел трупа? — спросила Джорджина так тихо, что Питер не сразу расслышал ее вопрос.

— Трупа? Нет. Ведь он ничего не знает наверное, только предполагает. Может быть, Олио вернется еще сегодня или завтра, и вы только напрасно тревожитесь.

— Питер, — сказала Джорджина, держась обеими руками за спинку кресла, — я хочу знать всю правду об Олио.

— Так пусть рассказывает сам Боливар! — ответил Питер уже резко. — Я вам признаюсь, что очень желал бы вовсе не вмешиваться в это дело. Капитан может прогневаться.

— Ты так предполагаешь?

— Видите ли, он не жаловал этого метиса и знал, что он ваш шпион.

— Следовательно, ты думаешь, что ему было бы приятно избавиться от этого мальчика, и он мог приказать убить его.

— О, миссис Джорджина, позвольте! — перебил Питер с испугом. — Я еще не потерял здравого смысла и потому не позволю себе подобных догадок! Притом, все это никак меня не касается, я не суюсь в чужие дела, желаю быть в стороне, знать лишь свои обязанности.

— Ты совершенно прав, Питер. Но если я попрошу тебя оказать мне услугу, за которую пообещаю заплатить по-королевски, ты не откажешь мне?

— Отчего же нет, если только я в силах.

— Дай мне свою правую руку в знак клятвы.

Питер поколебался: дело принимало слишком серьезный оборот; но в глазах молодой женщины было столько мольбы, что он не выдержал и сжал ее нежные пальчики своей мозолистой рукой.

— Хорошо. Ты дал мне слово, — сказала она. — Сдержи же его! Возьми багры и веревки, обыщи тот маленький залив и найди труп.

Она опустила в кресло и закрыла лицо руками.

— Когда найдешь, принеси сюда. Надо похоронить Олио по-христиански. Ты исполнишь все?

— Исполню. Но если капитан вернется в это время? Если он хватится меня?

— Я найду предлог для объяснения твоей отлучки. Иди же, я надеюсь на тебя.

— Залив не глубокий, найти будет можно. Но когда я найду тело, куда его положить?

— Принеси сюда, в комнату за моей спальней. Остальное уже мое дело. Но где негр?

— Мы его связали и заперли, потому что Корни умер от его укуса. Этот негодяй перекусил ему вену, которую никто не сумел перевязать. Мы ждем капитана, который рассудит бы дело. Если бы Боливар был не негр, то мы все как один заявили бы, что поделом этому Корни, потому что он был кругом виноват, но нельзя допускать, чтобы негр поднял руку на белого. Это было бы дурным примером.

— Приведите сюда Боливара, — приказала Джорджина.

— Что вы... разве можно без капитана!

— Приведите его связанного и пришлите сюда также двух приятелей этого Корни.

— Если вы хотите вынудить у него признание насчет Олио, — сказал Питер, — то это напрасно, я думаю. Он упрям как мул. Но я исполню ваше приказание и попрошу вас только, со своей стороны, не упоминайте обо мне капитану.

Оставшись одна, Джорджина залилась слезами, но они не могли утолить ее горя. Страстная и порывистая, не знавшая границ ни в любви, ни в ненависти, она была неспособна прощать обиды и платила за них только мщением, жестоким и беспощадным. А теперь обидчиком был человек, из-за которого она пожертвовала всем, ради которого она порвала все связи со светом, переносила все опасности, а он, так безгранично любимый ею, изменял ей! Она была в этом уверена, иначе зачем ему было губить бедного, невинного мальчика? И Боливар сделался орудием его злобы.

— О, — говорила она себе, — если только я открою все, узнаю, что случилось с Олио... берегись тогда, мистер Ричард Келли!

За дверями раздались голоса, и несколько человек ввели Боливара. Голова его, ушибленная о камень, была обвязана платком, один глаз заплыл.

Джорджина достала карманный пистолет, навела его на негра и проговорила:

— Ты в моей власти, твое преступление мне известно, и ничто не спасет тебя от кары, которую ты заслужил. Ты убил невинного юношу, моего питомца, и бросил его тело в воду. Если хочешь остаться живым, признавайся во всем. Бедный Олио не сделал тебе ничего, шутки его были простительны, как шалости ребенка. Что же побудило тебя погубить его? По чьему наущению ты это сделал? Говори! Я знаю все, но хочу, чтобы ты подтвердил это своим признанием.

— Не знаю, кто наговорил вам всякого вздора, — отвечал Боливар. — А вот меня так действительно обидели ни за что. Если бы маса Келли был здесь.

— Он заступился бы за тебя, это весьма вероятно. Но не уклоняйся от вопроса, или я прострелю тебе голову. Ты должен знать, что я не произношу угроз понапрасну.

— Как не знать! Я вас даже очень хорошо знаю. Но что мне в том, что вы меня убьете. Моя жизнь здесь хуже собачьей. Стреляйте, не боюсь!

— Освободите его от этих веревок и привяжите к дереву! — с бешенством крикнула Джорджина. — Увидим, что он скажет под кнутом. Бейте его, пока он не признается, хотя бы на нем не осталось ни лоскута отвратительной черной кожи!

— Давно надо было погладить его так, — сказал один из разбойников, по прозвищу Клык. Кличка эта была ему дана из-за зуба, торчавшего из под верхней губы. — Посмотрим, такая ли у него черная кровь, как и шкура. Ну, приготовься, Боливар! Да не признавайся подолее, чтобы дать нам натешиться!

Страшная казнь началась, но негр молчал. Удары сыпались на него, спина его превратилась в одну кровавую рану, но он твердо смотрел в глаза Джорджины, утратившей всякую женскую мягкость в эту минуту. Она не спускала глаз со своей жертвы, произнося ругательства и проклятия, но Боливар молчал, он только заметно слабел, взгляд его становился мутным, колени подогнулись.

— Не молиться ли вздумал? — крикнул Клык. — Поднимайся! Еще успеешь.

И он размахнулся кнутом с еще большим остервенением.

— Стойте! — произнес чей-то повелительный голос, и толпа расступилась, узнав своего атамана.

Келли, закутанный в мексиканский плащ, в широкополой шляпе, закрывавшей лоб, устремил взгляд на исполнявшего приговор и произнес строго:

— Кто осмеливается наказывать здесь кого-нибудь без моего приказа?

— Я отдала этот приказ! — воскликнула Джорджина. — Этот мерзавец убил Олио, которого я воспитала и так любила! И ты не можешь противиться исполнению этого приговора. Не можешь, — прибавила она грозно, — если не хочешь оказаться его сообщником!

— Уведите этого негра, — сказал Келли, не отвечая ей. Я разберу дело.

— Оно ясно уже, — гордо заметила Джорджина. — Выступаю обвинительницей я и беру Бога в свидетели, что Боливар совершил убийство! Неужели у тебя достанет духа оправдать его, взять под свою защиту?

— Уведите этого человека! — повторил Келли грозным голосом. — А ты, Джорджина, уйди. Тебе не место здесь. Слышите все, что я приказываю?

Молодая женщина побледнела как смерть, но повинувалась и ушла. Клык не уступил так скоро. Он дерзко взглянул на Келли и крикнул:

— Этот мерзавец набросился на белого и искусал его! Он заслужил виселицу! Подчинение вещь хорошая, но и ему есть границы. Мы все американские свободные граждане и большинство из нас решило, что негра следует наказать. Поэтому я его не оставлю.

Он не успел договорить. При свете факелов, озарявших эту сцену, в руках Келли сверкнул нож, и Клык, постояв несколько секунд с вытаращенными глазами, рухнул навзничь и испустил дух. Между прочими разбойниками послышался ропот, и они двинулись к Келли. Он взглянул на них и произнес спокойно:

— Безумные! Мы окружены изменой, наше убежище открыто, нам грозит крайняя опасность, а вы сводите личные счеты, повинуетесь ревливой женщине и восстаете против того, кто один еще может вас спасти! Глупцы! Возвращайтесь на свои посты, знайте, что к нашему острову причалила лодка, и прибывший на ней скрывается здесь, шпионит за нами. Надо не выпустить его отсюда. Я переговорю с вами подробней тотчас, но прежде всего освободите негра и похороните этого негодяя. Смерть его оказалась еще слишком легка, знайте, что он

дал в Елене клятву выдать нас, и если не успел сделать этого, то потому, что надеялся выторговать себе более значительную награду. Развяжите Боливара.

Люди молча повиновались, и Келли пошел к Джорджине.

— Где Олио? — воскликнула она, завидя его. — Где ребенок, которого я воспитала, единственное существо, бескорыстно преданное мне? Он был виновен в твоих глазах лишь тем, что так любил меня, был готов для меня на все.

— Что за выходки! — проговорил он спокойно, бросая шляпу на стол. — Почему я знаю, где этот метис? Зачем ты позволяла ему отлучаться отсюда? Может быть, он еще и вернется. Верно, загулял в Елене. Скажи лучше, где молодая женщина, которая осталась у тебя?

— Олио! Ты говоришь, он еще вернется? Он там, на дне залива. О, милый мой мальчик! Умереть такой гнусной смертью! — Она закрыла лицо руками и зарыдала. Келли смотрел на нее с недоумением.

— Чем был этот Олио для тебя, Джорджина? — спросил он наконец. — Метис, на которого ты могла смотреть только как на слугу. Я никогда не спрашивал тебя о рождении этого мальчика, но теперь желал бы знать.

— В его жилах текла кровь великих вождей из рода семинолов! — произнесла она гордо. — Имя отца Олио было воинственным целого племени и имя его бессмертно в памяти народа.

— А как звали мать? — с иронией спросил Келли.

Она не ответила ничего, и он вышел из комнаты.

Негр все еще оставался под деревом.

— Боливар, — сказал ему Келли, — тебя мучили так за то, что ты предан мне? Я это знаю, и ты не можешь оставаться долее здесь. Джорджине известно все, и она не пропустит первого же случая, чтобы тебе отомстить! Слушай: собери все, что можешь захватить с собой. Мы уедем вместе.

— И не вернемся сюда вовсе? — спросил Боливар с удивлением.

— Ты ни в коем случае, мне, может быть, еще придется. Но спеши, время дорого, а плыть не близко.

— Но я не могу поднять весла, руки у меня исполосованы кнутом.

— Ты сядешь у руля. Тебе слишком часто приходилось грести за меня, сегодня ты будешь отдыхать. С этой минуты, Боливар, мы с тобой неразлучны. Останешься ли ты всегда верен мне? исполнишь любое приказание?

— Вы отомстили за мою обиду, — проговорил негр. — Кровь этого злодея, пролитая вами, брызнула на меня, и каждая ее капля стала целительным бальзамом для моих ран. Этого я никогда не забуду.

— Хорошо! — сказал Келли. — Я верю. Пойди, отдохни в лодке. Она стоит на обычном месте.

Он хотел уже уходить, но негр остановил его, говоря:

— Маса, вот два письма, которые я нашел в кармане у метиса.

— Благодарю тебя, — сказал Келли, пряча письма и удаляясь через северо-западные ворота, между тем как Боливар пробирался к своему шалашу. Он собрал свои пожитки, ни говоря ни с кем, и пошел, стараясь не сбиться в тумане с той тропинки, которая вела к месту, назначенному ему капитаном.

Глава XXVIII

ПОХОЖДЕНИЯ ИРЛАНДЦА

Патрик О'Тул благополучно добрался до острова, на котором обитал чужак Брэдшоу, и выслушал от него повторение того, что рассказал ему Том. Брэдшоу старался, однако, отговорить его от рискованного предприятия, но упрямый ирландец стоял на своем, говоря, что туманная ночь самое благоприятное условие для задуманного им дела.

Брэдшоу долго простоял на берегу, глядя вслед смельчаку, пока тот не скрылся в тумане. Но О'Тул был совершенно спокоен, ему казалось, что правое дело должно неизбежно восторжествовать.

Но если туман мог благоприятствовать высадке, то он же мог и помешать ему отыскать сам остров. До этого случая смелому ирландцу не приходилось еще плавать по Миссисипи при подобном тумане, иначе он не решился бы пуститься в путь без компаса, надеясь лишь на то, что плавающие обрубки деревьев укажут ему верное направление. Но через какой-нибудь час после разлуки с Брэд-

шоу самонадеянный ирландец понял, что сбился с дороги и что всего благоразумнее для него было пристать к арканзасскому берегу и обождать, пока не станет светлее.

По правде говоря, ему было так же трудно направить свою лодку к одному берегу реки, как и к другому. Он выбился из сил, перестал грести и прилег, надеясь на то, что снесет же его куда-нибудь или он слышит приближение какого-нибудь судна. Желание его скоро исполнилось, лодка уперлась в дерево, наклонившееся к воде. Наконец-то он встретил сушу! Но он совершенно не представлял себе, куда его прибило, к твердой земле или к острову, к штату Миссисипи или Арканзас.

Во всяком случае, ему представлялась возможность отдохнуть от трудов, надо было только привязать лодку понадежнее. Дело оказалось нелегким, но, после долгих усилий, ему удалось ввести свое суденышко в небольшой залив между высокими водяными порослями.

Сделав это, О'Тул завернулся в теплое одеяло, которым великодушно снабдил его Брэдшоу, и задремал. Но вскоре сквозь сон он услышал чей-то говор, привстал и пополз тихонько к беседовавшим. Голоса смолкли, он двинулся дальше, и вдруг неожиданно перед ним выросли какие-то фигуры. Он едва успел спрятаться от них за кусты.

— Я говорю тебе, Джонс, — шептал один из этих людей другому, — что тебе нельзя выехать с острова, не дав клятвы.

— Я и готов ее дать, — отвечал другой с досадой, — но к чему меня держать здесь, когда у меня на мази знатное дельце в штате Миссисипи.

— Ты знаешь, что клятву приносят в общем собрании, во избежание всяких недомолвок и уверток. Собрание только завтра вечером. Что ж, потерпи.

— А если вас всех здесь захватят, то и меня заодно с вами повесят, совершенно невинного! Очень приятно!

— Ты невинный? — усмехнулся собеседник Джона.

— Разумеется, по крайней мере, я не участвую в ваших делах. Слушай, Бен, одолжи мне лодку, сделай милость, а я принесу клятву тебе. Не все ли равно?

— Нет, вовсе нет. И я не желаю рисковать из-за тебя головой. Дьявольщина! Я наткнулся на что-то.

Ирландец лежал так близко от говоривших, что Бен задел его ногой. О'Тул замер от страха, не зная, на что

решиться: бежать было опасно, эти люди, отлично знакомые с местностью, нагнали бы его тотчас, сопротивляться им, хорошо вооруженным, по всей вероятности было тоже немыслимо. «Самое лучшее, — подумал он, — притвориться спящим, чтобы отнять у них всякое подозрение о том, что я слышал что-нибудь из их разговора». Но следующие слова Бена заставили его осознать опасность, которой он подвергался.

— Подумай, — сказал разбойник своему товарищу, тронув Патрика за руку, — эти ленивые собаки просто бросили здесь Клыка. Неужто нам тащить его туда, где следует хоронить? Зароем и здесь, ему все едино, где гнить.

Говоря это, Бен взял лопату и принялся копать землю.

— А пока ты работаешь, — сказал Джонс, — я пойду посмотрю, нет ли где чужой причаленной лодки. Ты знаешь, атаман велел наблюдать за этим.

— Ловкач! — возразил Бен. — Я буду вкалывать, а ты тем временем найдешь лодку и улизнешь отсюда. Нет, дружище, оставайся и рой яму вместе со мной.

О'Тул дрожал всем телом. Рядом рыли могилу для него. Но он старался не шелохнуться, зная, что малейшее движение его выдаст. Бен продолжал:

— Нас послали сперва зарыть тело, а потом отыскать лодку ирландца и поймать его, если удастся. Так и сделаем, поработаем здесь, а после поищем вместе.

«Каким образом могла уже дойти сюда весть о моем намерении? — думал Патрик. — Я говорил о нем только близким друзьям и то перед самым отъездом».

Вдали раздался чей-то крик:

— Бен! Ты здесь?

— Здесь! — отвечал тот. — Что случилось?

— Я нашел лодку. Иди сюда. Придется, может быть, зарывать и еще кое-кого вместе с Клыком.

Кровь застыла в жилах у бедного ирландца. Его лодка действительно была найдена, а с нею отнято всякое средство к бегству.

— Где же лодка? — спрашивал Бен.

— Неподалеку, у старой смоковницы.

— Хорошо, поджидай ирландца там и уложи его на месте, если он явится, только стрелять не велено.

— А что делать, когда Билл Сэвэдж подведет то судно и подаст сигнал?

— Это тебя не касается. Мы с тобой только обыщем остров и поймаем ирландца, не сквозь землю же он провалился!

Сердце Патрика билось так, что готово было разорваться в груди. Разбойники работают усердно, и яма должна быть вот-вот готова. Нельзя ли незаметно доползти до берега, броситься в воду и уплыть? По реке несло столько пней и целых деревьев, что опасность утонуть ему не угрожала.

Он пополз в сторону, но задел за сухой сук, и тот переломился с легким треском. Бен вздрогнул и спросил у товарища:

— Ты слышал, Джонс? Что то хрустнуло... точно кто идет.

— Почудилось тебе. Ну, довольно копать! — проговорил Джонс, вылезая из ямы. — Достаточно глубоко. Да и что я, могильщик, что ли? Право, не для такой работы явился. Что ж, спустить туда эту падаль, и конец! Очень весело, рыть могилы ночью в темень.

— Да ладно, помолчи! Где же труп? Вот он. Мне казалось, он ближе лежал. Бери же, тащи. Черт возьми, какой тяжелый.

— И теплый еще! — проговорил Джонс, вздрогнув. — Что, если мы живого зароем?

— Какой же живой? После ножа Келли живым не останешься. А что он теплый, так немудрено. Порешил его атаман всего час назад. Ну, спускай.

Наступила роковая минута.

Бен уже засыпал яму. Патрику осталось на выбор: быть убитым при попытке к бегству или погребенным заживо. Но слова Джонса подали ему мысль о средстве к спасению, он слабо застонал.

— Что я говорил? — воскликнул Джонс. — Мы хороним живого!

В эту минуту раздался выстрел, а вслед за ним свист, очень знакомый разбойникам.

— Это Сэвэдж! — крикнул Бен с радостью. — Ура! Новый приз. Я бегу. А ты, Джонс, вытащи Клыка из ямы, помоги ему чем можно. Я скоро вернусь.

— Послушай, однако... — начал Джонс.

— Делай, что велено! — перебил его Бен сердито. — Говорят тебе, я вернусь через несколько минут.

Он убежал, а Патрик, хватаясь за последнее средство к спасению, проговорил слабым голосом:

— Помогите, задыхаюсь.

Джонс взял его под руки и потащил вверх.

— Ну и тяжел же ты, — проговорил он. — А не можешь ли, любезный, упереться ногами хоть немножко? Вот так. Однако откуда вдруг прыть такая явилась?

Он мог удивиться, потому что человек, которого он считал смертельно раненным, вдруг выпрямился и прежде, нежели Джонс успел крикнуть, нанес ему в переносицу мощный удар кулаком; у несчастного посыпались искры из глаз, и он рухнул на землю, лишившись чувств.

Обретя свободу, О'Тул бросился через чащу к реке, в то самое время, когда Бен возвращался к могиле, крича убежавшему:

— Куда ты, Джонс? Вернись, мерзавец!

Но мнимый Джонс не слушался, и Бен сказал себе: «Не гнаться же мне за ним! Да и воротится, некуда ему деваться, все лодки заняты, а он плавать не мастер, поневоле придет».

Он наткнулся при этом на тело своего товарища, тот лежал неподвижно, не приходя в себя от глубокого обморока.

— Умер Клык, значит! Теперь уже несомненно, чего еще ждать. И то сказать, Клык, ты должен быть даже благодарен атаману за то, что он избавил тебя от виселицы.

Говоря это, Бен спихнул Джонса в яму и засыпал землей своего товарища, живого еще и только оглушенного ударом Патрика.

Глава XXIX

«ЧЕРНЫЙ СОКОЛ»

Барка Эджворта продолжала свой путь. Боб Рой стоял у руля. Связанный Билл не мог подать ни малейшего сигнала своим сообщникам, но положение пливших было еще далеко не безопасным. Туман не позволял определить место, в котором находилось судно, и экипаж мог ожидать нового нападения.

С некоторых пор Боб Рой заметил что-то как будто прицепившееся к рулю и ждал с нетерпением рассвета,

чтобы рассмотреть, что это было. Но ему послышался стон, стало ясным, что судно тащило за собой таким странным образом какого-то человека. Друга или недруга, вот вопрос! И его необходимо разрешить. Но незнакомец не ответил ничего на первый окрик Боба.

— Эй, ты! Как тебя звать? — закричал вторично Боб. — Отвечай, не то стряхну.

— Что такое? — спросил, подходя, Эджворт.

— Примите меня, — раздалось снизу.

— Примите! — передразнил Боб. — Как принять? Лодки у нас нет, карабкайся наверх сам. Хочешь, весло тебе опустим?

— Не могу... из сил выбился... где уж мне по веслу. Помогите.

— Можно бросить ему веревку, — сказал Эджворт.

— Это не поможет, — возразил Боб. — Он уже полумертвый. Придется мне лезть к нему.

— А если это один из пиратов?

— Если даже и так, то он в таком состоянии, что не в силах повредить нам. Нельзя же дать человеку погибнуть!

Говоря это, Боб разделся.

— Держите крепче веревку, — велел Боб матросам, — а я спущусь вниз и обвяжу этого беднягу.

Он спустился по веслу, вложенному в уключину, подплыл к едва державшемуся на воде человеку и крикнул: «Готово! Тяните!»

Через две минуты потерпевший лежал на палубе. Его закутали теплыми одеялами, и первое слово, которое он произнес, обогревшись немного, было:

— Виски!

Матросы, питавшие большое уважение к этой драгоценной влаге, поспешили выполнить его желание.

Читатели узнали, конечно, в спасенном Патрика О'Тула. Оправившись, он рассказал все, что успел узнать на острове, и Эджворт пришел в ужас, размышляя об опасности, которой они только что избежали, а главное, о многочисленных и великолепно налаженных связях бандитов, позволявших им передавать друг другу сведения со столь завидной оперативностью. Каким образом на него, прибывшего недавно из Индианы, было уже указано, как на жертву, и все бы заранее тщательно подготовлено для ограбления его судна? И что следовало

предпринять теперь? Огласить дело, заявить властям? Но как скоро удастся организовать облаву на разбойников, и есть ли гарантия, что их не предупредят вовремя их вездесущие агенты?

Судно продолжало идти между тем, и скоро вахтенный объявил, что справа виднеется огонь. Оказалось, что свет исходит из топки какого-то парохода, стоящего на якоре. Догадываясь, что берег близко, Эджворт велел матросам налечь дружнее на весла, и скоро тяжелое судно притянулось к выдававшемуся в реку уступу, пониже того места, у которого стоял пароход.

О'Тул, совершенно оправившись, выскочил на берег и пошел вместе с Эджвортом к капитану судна, которое, как оказалось, шло из Порт-Джонсборо в Сент-Луис и называлось «Черный Сокол». На нем находился батальон солдат, переводимый с границы индийской территории в штат Миссури.

Командир парохода капитан Колборн, старый служака, выслушав рассказ О'Тула об острове, решил отправиться туда тотчас же на рекогносцировку. Если ирландец не ошибался в своих предположениях, что именно этот остров служил гнездом разбойничьей шайки, то следовало не терять ни минуты и действовать энергично. О'Тул заметил, что не может определить в точности местонахождения острова, но Эджворт был вполне уверен, что его судно останавливалось у номера 61.

Капитан Колборн распорядился перевести Билла на пароход, но разбойник только угрюмо молчал в ответ на все расспросы и угрозы. Не добившись от него ничего, капитан решил, что отыщет остров и без помощи него. Эджворт очень хотел продолжить свой вояж, чтобы сбыть товар и доставить пассажирку на место, но Колборн требовал его присутствия, как необходимого формального предлога для нападения на остров. Все матросы тоже пожелали участвовать в экспедиции против пиратов, миссис Эверест объявила, что предпочитает вернуться в Елену на «Черном Соколе» и ждать там нового случая отправиться на каком-либо пароходе, нежели подвергаться опасности попасть в руки пиратов на беззащитном торговом суденышке. Капитан решил окончательно вопрос тем, что закупил у Эджворта весь запас виски для миссурийского гарнизона, после чего бочки с

виски и весь остальной груз были перенесены на пароход.

Прежде чем сняться с якоря, Колборн произвел смотр своим солдатам, раздал им оружие и вызвал охотников для схватки с пиратами. Пришлось кидать жребий, потому что все изъявили желание первыми пойти в дело. По принятому решению, следовало напасть прежде всего на то место, где, по предположению О'Тула, стояла флотилия разбойников, и отрезать им, таким образом, все пути к бегству.

Глава ХХХ

ВОЛКИ И ВОЛЧИЦА

Том Барнвель в тюрьме предавался не особенно веселым размышлениям. Он ходил взад и вперед по тесной камере, тщетно стараясь уяснить себе все происшедшее. Гэвс был отъявленный мошенник, в этом не было никакого сомнения, но поведение судьи казалось непонятным. Неужели арест Тома был устроен с целью помешать разоблачению какого-нибудь преступления? Эта мысль поразила молодого человека. Однако его арестовал настоящий констебль, притом в присутствии самого судьи. Но кто был обвинителем Тома? Все это выглядело загадочно, хотя, конечно, могло произойти из-за простого недоразумения. Тюрьма, в которую посадили Тома, находилась на одной улице с домиком миссис Бредфорд, и молодой человек, глядя в окошечко, видел ее крыльцо, у которого сейчас стоял тот самый тип, что незадолго перед тем стучался в ее дверь. На улице было темно и Том не мог разглядеть его лица, но рост был тот же, та же осанка, словом, опять мистер Гэвс. Неужели он покинул свою больную жену и снова пришел сюда? По какому неотложному делу?

Между тем дверь домика отворилась, пришедший вошел, и улица стала совершенно безлюдной. Мало-помалу погасли огни в соседних домах, и только у миссис Бредфорд продолжало светиться верхнее оконце.

Через некоторое время Тому послышался крик, но тотчас же все смолкло опять. Молодой человек постоял несколько минут в раздумье и потом лег на жесткую постель и забылся тяжелым сном.

А в доме миссис Бредфорд происходила весьма оживленная сцена. Том не ошибся, заподозрив в ночном посетителе мнимого Гэвса. Старуха долго не отворяла ему, но он знал ее привычки и потому, постучав напрасно в дверь несколько раз, нагнулся к замочной скважине и сказал:

— Миссис Бредфорд, я знаю, что вы лишь прикидываетесь спящей и не слышите моего стука, сами же стоите за дверью. Поэтому я буду стучать до тех пор, пока соседи не прикажут мне перестать, а они начинают уже обращать внимание на меня.

Дверь тотчас отворилась, и Сандерс вошел.

— Что за дерзость... — начала хозяйка.

— Тише, моя красавица, тише! — перебил ее Сандерс. — Очаровательная Луиза, не бойтесь, ваше целомудрие в полной безопасности.

— Чтобы вам палач шею свернул! — крикнула она в гневе. — Что вы ломитесь к беззащитной вдове? Или по глупости хотите погубить и меня и себя?

— У меня вовсе нет такого намерения, моя прелесть! — отвечал Сандерс, стараясь обнять ее за талию, но она с негодованием отвергла его фамильярное поползновение. — Я не желаю губить никого, но должен сказать вам, прекраснейшая из всех здешних лавочниц, что продрог, промок, изнемогаю от голода и жажды. Следовательно, прежде всего, подкрепите меня, а потом и поговорим.

— И я обязана впускать к себе на ночь всяких бродяг потому только, что им нужно скрываться? Мистер Сандерс, это ни на что не похоже! Мой покойник... Но что вы делаете? Зачем вы стараетесь отворить дверь в эту комнату?

— Затем, — отвечал он со смехом, — что там мне будет удобнее сидеть, чем в прихожей. И вы дадите мне чего-нибудь поужинать.

— Уходите! У меня не постоянный двор! — крикнула она.

— А мне нужен именно приют на ночь, — возразил он с невозмутимым спокойствием. — Видите, я говорю с вами по-приятельски, дорогая миссис Бредфорд, но если мои нежные мольбы не трогают вас...

— Убирайтесь со своими глупостями! — перебила она.

— В таком случае, — продолжал он, внезапно меняя тон, — я прибегну к другому средству.

— Вы мне угрожаете?

— Да... но я не желал бы называть имени человека, могущего отдать вашу шейку в руки палача. Неужели я должен буду упомянуть о гвозде, который может стать гвоздем в вашем собственном гробу?

Миссис Бредфорд побледнела и произнесла изменившимся голосом:

— Что за странные речи! Я вас не понимаю, но не хочу спорить более. Ночь такая холодная, притом здесь находится один человек, с которым мне не особенно приятно оставаться наедине.

— А кто этот человек, смею спросить? Вы понимаете, что в моем положении...

Миссис Бредфорд украдкой оглянулась и шепнула:

— Это Генри Коттон. Вы видите теперь, что я не могла впустить нового постояльца без всякого спроса.

«Как он сюда попал и именно сегодня? — подумал Сандерс, следуя за хозяйкой наверх. — Впрочем, может быть, оно и к стати».

Комната, в которую миссис Бредфорд ввела своего посетителя, освещалась ярко пылавшим камином, но окна ее были завешены плотными занавесями, не позволявшими приметить свет с улицы. Коттон сидел у огня, растянувшись в большом мягком кресле, перед столиком, на котором стояло вино, и походил скорее на хозяина дома, нежели на преступника, голова которого оценивалась в немалую сумму. Он не испугался при входе Сандерса, будучи уверен, что миссис Бредфорд не сведет его с каким-нибудь опасным человеком. Она отпустила даже свою служанку в ожидании Коттона, позволив ей воротиться лишь на следующее утро.

— Как поживаете, любезный друг? — спросил Сандерс, подходя ближе. — Принесла ли вам пользу прогулка бегом?

Коттон взгляделся в лицо подошедшего и воскликнул:

— Сандерс! Приятель! Вот неожиданность! Давно не виделись!

— Не особенно давно, — возразил Сандерс, пожимая ему руку. — Часов десять или двенадцать, не более.

— Как так? — спросил озадаченный Коттон.

Сандерс принялся со смехом рассказывать о том, как и ему пришлось принимать участие в погоне за беглецами, прибавив, что Уильям Кук избежал смерти от пули

Коттона именно благодаря его появлению на месте схватки, о чем приходится сожалеть.

— Да, — сказал Коттон, ударяя кулаком по столу, — если бы ты не подъехал, я покончил бы с ним. Но, может быть, так и лучше. Смерть этого молодца наделала бы шума, а за мною уже и так много чего числится.

Миссис Бредфорд внесла тем временем приготовленную закуску, и приятели принялись молча все уничтожать с такой жадностью, что хозяйка испугалась за участь припасов своей кладовой. Она поспешила внести большую миску с пылавшим в ней пуншем, и тогда друзья, отодвинув тарелки, взялись за стаканы, и продолжили начатую беседу.

— Я вижу, — начал Коттон, — что мне придется окончательно примкнуть к вам. У меня нет другого пристанища, меня травят, как собаку. Бери меня с собой, Сандерс, только дай мне отдохнуть денька два, я вконец измучен и не хотел бы явиться таким на остров. Но скажи мне, какие требуются условия для приема?

Сандерс молчал, раздумывая, сказать ли Коттону, что союз рушится и дело идет об общем спасении, а не о принятии новых членов? Но признаться в этом при миссис Бредфорд значило лишить себя возможности выудить у нее какую-нибудь сумму.

— Так ты решил примкнуть к нам? — спросил он громко. — Это прекрасно! Тебе известно, какую клятву мы приносим?

В эту минуту хозяйка вышла, унося тарелки, и он договорил шепотом, наклонившись к товарищу:

— Пусть старуха уснет. Мне надо многое тебе сообщить, но так, чтобы она не слыхала. Тише! Идет. Поговорим о посторонних вещах.

И он принялся рассказывать Коттону, как ловко засадил в тюрьму ни в чем не повинного человека, с целью помешать ему огласить кое-какие сведения.

— Что же вы решили? — спросила миссис Бредфорд возвращаясь. — Хотите перебраться на остров, Коттон? И хорошо делаете, на вашем месте я отправилась бы даже тотчас. Мой покойник говаривал: «Луиза, не откладывай дела на завтра».

— Скверно ему пришлось кончить, — перебил Сандерс, подмигивая Коттону.

— Скверно? — повторила миссис Бредфорд. — Что вы этим хотите сказать? Сплетни слушаете какие-нибудь.

— Сплетни, конечно, — сказал насмешливо Коттон, — и что толковать о них, дайте-ка мне добрую сигару, любезная хозяйка. Смерть курить хочется. Я был лишен этого удовольствия целых три недели.

— Вы хотите курить здесь, закоптить мою лучшую комнату? Ни за что!

— Только по одной сигаре, милейшая моя! За то я преподнесу вам целый ящик французских лент и цветов, — сказал Сандерс.

— Будто и в самом деле поднесете!

— Всенепременно.

— Господи, как эти мужчины умеют к нам подъехать! Но куда уж старухе рядиться.

— Какая вы старуха, добрейшая миссис Бредфорд? Да вы еще заткнете за пояс любую девицу!

— Лыстец! — сказала она, потрепав его ласково по щеке. — Нечего делать, дам вам по сигаре.

Лишь только она затворила за собой дверь, Сандерс сказал поспешно:

— Тебе не найти убежища на острове, Генри! Мулат, который был с тобой, попался и выдал все. Нам надо думать только о своем спасении.

— Что же делать?

— Выманить у этой ведьмы денег. Она не подозревает еще ничего, и нам не следует говорить ей.

— Но есть ли у нее наличные?

— Она толкует всегда, что ничего не имеет, но это сказки. Слишком давно занимается она укрывательством, чтобы не скопить порядочного капитала.

— И она отдаст добровольно?

— Надеюсь. А если нет... Но тише, мне кажется, она подслушивает нас...

Старуха вошла с сигарами в руках. Сандерс предложил ей отведать пунша, она отлила себе немного в стакан, выпила и села в углу комнаты. Против своего обыкновения, она не вмешивалась в разговор и скоро задремала, по-видимому, под говор приятелей. Однако она не спала, но так искусно ввела в заблуждение обоих гостей своим всхрапыванием и положением тела, что они сочли ее уснувшей и возобновили деловой разговор.

— Не пойти ли нам тотчас в харчевню, чтобы узнать новости у Келли? — спрашивал Коттон.

— Да, но только прежде мне надо побеседовать с миссис Бредфорд, — отвечал Сандерс.

— Ты все надеешься, что она даст тебе денег?

— Надеюсь, потому что знаю одно словечко.

— Не то ли, что известно и мне? Но, стой... она смотрит. Вы не спите, хозяйюшка?

Старуха, пойманная врасплох, не растерялась.

— Уф! — проговорила она, потягиваясь. — А я никак и впрямь задремала. А все вы, Коттон, с вашими рассказами. Слушала, да и клюнула носом. Рассказывали бы что веселенькое, так не наводили бы дрему на людей. Который теперь час, джентльмены?

— Уже десять, — сказал Сандерс. — Я слышал, как прокричал ночной сторож.

Миссис Бредфорд старалась казаться спокойной но думала только о том, как бы улизнуть из комнаты, где ей грозила опасность, она была убеждена в этом. Сердце у нее билось усиленно. Она взялась уже за ручку двери, еще шаг, и она переступит порог, захлопнет дверь, задвинет засов...

Но Коттон угадал ее намерение, бросился к ней и схватил за руку.

— Помогите! — крикнула миссис Бредфорд. — Помогите!

Вдова не успела произнести ничего более. Сильный удар кулаком в голову свалил ее, и она осталась недвижимой на полу у входа в спальню.

— Коттон, — прошептал Сандерс, оглядываясь со страхом, — что ты сделал? Ведь ты убил ее!

— Ну, что же, может быть! — ответил тот. — Дело теперь в деньгах, где она прятала их?

— Я не знаю, вероятно у себя в спальне.

— Пошли! Боишься перешагнуть через труп? Или никогда не видал мертвецов?

Но дверь в спальню оказалась запертой. Коттон нагнулся к трупу убитой, говоря насмешливо:

— Одолжите ваши ключи, многоуважаемая миссис Бредфорд.

Он отвязал большую связку ключей от ее пояса, бандиты вошли в спальню, однако тщетно обшарили все комоды и столы, денег не было нигде. Им попались под руку лишь дешевые золотые вещицы, которые они поспешили рассовать по карманам.

— Но где же, дьявол ее побери, запрятала она деньги? — с бешенством воскликнул Коттон.

— А все ты виноват! — вскинулся на него Сандерс. — Сразу кулаки в ход пустил. Я бы сумел выудить у нее приличную сумму.

— Да, дал бы ей время выбежать и крикнуть на всю улицу «грабят!» Пстой... это что?

Внизу раздавался стук в дверь. Преступники вздрогнули, стук все усиливался.

— Мы пропали! — прошептал Сандерс.

— Надо бежать, — ответил Коттон. — Ты выходы знаешь?

— Нет... да еще собаки нападут, если выскочим во двор.

— Эй! — раздавался голос внизу. — Миссис Бредфорд, что там у вас?

Коттон замер от страха, но Сандерс схватил один из чепцов старухи, выпавший из комода, надел его и высунулся из окна.

— Что ты делаешь? — говорил ему Коттон в испуге, но Сандерс, не отвечая ему, крикнул вниз, выставив только голову из-за занавесок и подражая голосу старухи:

— Кто там? Что вы не даете покоя бедной одинокой женщине? Какой нахал позволяет себе стучать?

— Это я, миссис Бредфорд, ночной сторож. Мне слышался крик у вас в доме, и был виден свет.

— Крик у меня? Свет? Вы, верно, загуляли и вам чудится. Убирайтесь!

С этими словами Сандерс захлопнул окно, сторож пошел прочь от дома, посмеиваясь и ворча:

— Я загулял! Сама, должно быть, хватила сегодня вечерком более обыкновенного и не помнит, как крикнула, невесть отчего.

Он прошел до перекрестка и стукнул здесь о тротуар своей палкой с железным наконечником. Такой же стук повторился по всем городским кварталам, сторожа давали таким образом знак, что бодрствуют и могут подать помощь друг другу в случае надобности.

Шаги сторожа замолкли в отдалении, Сандерс сбросил чепец и обратился к товарищу.

— Что же, поищем еще, — сказал он. — Мы теперь в безопасности, сторож уже не заглянет на эту улицу до утра.

Он взял лампу и принялся снова шарить по всем уголкам, но и на сей раз поиски оказались напрасными. Между тем начинало светать, и разбойники, проклиная старуху, поняли, что им пора уносить ноги, хотя и ни с чем. Они выбрались осторожно из дома и направились к харчевне «Серый Медведь».

Глава XXXI

ДВОЙНИК

Утренний ветер разогнал туман, и солнце поднялось над городом во всем своем блеске.

Адель стояла у окна в гостиной миссис Дейтон и смотрела на небо.

— Люси, — сказала она, — солнце рассеяло мрак и как бы радуется своей победе. Я испытываю нечто подобное, когда освобождаюсь от городской суеты и могу насладиться на воле красотами природы. Да что с тобой, Люси? Ты плачешь? Со вчерашнего вечера ты так грустна. Или тебя тревожит состояние Марии?

— Я сама не знаю, что со мной, — отвечала миссис Дейтон, — но с самого нашего возвращения с фермы меня что-то томит. Я готова плакать без всякой причины.

— Тебя очень расстроило несчастье Марии, вот и все. Успокойся, моя милая.

— Нет, Адель, не одно это. Мне становится ненавистным сам этот город. Муж никогда не бывает дома. Он так переменялся.

— Пожалуй, он бывал прежде такой веселый, шутил, а теперь стал угрюмый, задумчивый, вздрагивает при всяком движении на улице. Но он ночевал дома сегодня?

— Да, он вернулся около двух часов ночи и очень измученный. Эти вечные разъезды, в любое время, среди сырости, по болотам, окончательно расстроят его здоровье. И теперь надо пойти его разбудить, он хотел встать в восемь часов, чтобы опять ехать куда-то.

— Что это за новый негр у вас внизу? — спросила Адель. — Совершенный дикарь какой-то!

— Муж сказал мне мимоходом только, что купил его дешево у каких-то проезжих эмигрантов, — ответила

Люси. Негр заболел дорогой, и Джордж хочет отправить его для поправки на свою плантацию. Как чувствует себя Мария?

— Ей лучше, по-видимому. Она спит совершенно спокойно. А где пропадает мистер Гэвс? Миссис Лейвли сказала нашему мулату, что он уехал с фермы еще вчера после полудня. Но кто это? Не он ли? Нет, это мистер Кук.

Молодой человек, которого Адель увидела из окна, соскочил с седла и бросился в дом, даже не привязав к крыльцу свою взмыленную лошадь. Он вбежал на лестницу, спрашивая у прислуги, дома ли мистер Дейтон.

Люси отворила дверь гостиной, приглашая его войти; он повиновался, но казался очень взволнованным.

— Простите меня, — сказал он, — но я должен переговорить тотчас же с господином судьей. Могу я видеть его?

— Он спит еще и не совсем здоров, — ответила миссис Дейтон, — но я разбужу его.

— Прошу вас. Мне не хотелось бы его беспокоить, но дело такое важное и срочное. Оно касается тысяч людей. И мистер Гэвс сообщил уже, вероятно, господину судье все, что нужно?

— Мистер Гэвс? Да он не был здесь! — удивилась миссис Дейтон.

— Не был? Это очень странно... — проговорил Уильям, задумываясь. — Он не был... но, в таком случае, мне еще необходимее видеть мистера Дейтона.

— Я вызову его тотчас, — сказала Люси. — Посидите пока с мисс Адель.

Но Уильям не сел, а принялся ходить по комнате, скрестив руки на груди и не говоря ни слова.

— Вы не находите поведение мистера Гэвса очень загадочным? — спросила Адель, прерывая молчание.

Он остановился, глядя ей прямо в лицо.

— Да, мисс Адель, оно не столько загадочно, сколько подозрительно... и мне давно так кажется.

— А поправляется ли мулат? Хорошо ли лечил его мистер Гэвс?

— Мистер Гэвс? Да разве он врач?

— Он сказал нам, что способен оказывать врачебную помощь, и что останется на ферме именно ради того, чтобы наблюдать за лечением мулата.

— Вот как! Да он, напротив того, уморил бы его с величайшей радостью. Он и готов был это сделать, если бы мы не помешали ему...

Дверь отворилась, и вошел Дейтон. Он был очень бледен, глаза его запали, волосы в беспорядке ниспадали на белый как мрамор лоб, но он приветливо поклонился посетителю и протянул ему руку, говоря:

— Добро пожаловать в наш город и ко мне в дом. Вы хотите сообщить мне что-то важное, по-видимому, если пожаловали так рано.

— Мистер Дейтон! — проговорил Кук, глядя на него с изумлением. — Но я имел уже честь вас видеть. Только, как же это... Вы не мистер Уартон из Фурш-Лафава? Не присутствовали вы на собрании регуляторов две недели назад?

— Я? В Фурш-Лафаве? — возразил Дейтон, смеясь. — Между мной, лицом административным, и трибуналом регуляторов не может быть абсолютно ничего общего. Что это вам взбрело в голову?

— Но вы как две капли похожи на того человека, который был с нами в Фурш-Лафаве и назывался Уартон, — сказал Уильям, не сводя глаз с лица Дейтона. — Нельзя и представить себе подобного сходства...

— Уартон, говорите вы? — проговорил Дейтон задумчиво. — Позвольте... Уартон. Мне что-то уже говорили по этому поводу. Да, находят сходство. Бывает.

— Но это уже что-то совсем удивительное, — продолжал Кук. — Лицо того Уартона слишком врезалось мне в память, чтобы я мог ошибиться.

— Мистер Кук, — сказал Дейтон, улыбаясь, — имею честь представить вам миссис Дейтон. Надеюсь, что вы положитесь, по крайней мере, на ее свидетельство. Она скажет вам, что я не Уартон, а Джордж Дейтон, мировой судья.

Кук поклонился Люси в смущении, но не мог удержаться, чтобы не сказать с прежним недоверием:

— И даже этот небольшой шрам на лбу... слишком странно!

— Но чему же обязан я вашим посещением? — вежливо спросил Дейтон.

— Я хотел бы поговорить с вами наедине, — ответил молодой человек. — Дело очень важное.

Дамы вышли, и Кук стался наедине с хозяином.

РАССЛЕДОВАНИЕ

— Мистер Дейтон, — начал Уильям, — знайте, что Гэвс уехал вчера с нашей фермы со специальным, очень важным поручением к вам. Меж тем, как мне сообщили сейчас, он вовсе и не появлялся в Елене.

— Вы ошибаетесь, — перебил Дейтон. — Гэвс был здесь, и если вы прибыли сюда по тому же поводу, то ваше волнение мне понятно.

— Был здесь? Но как же миссис Дейтон, она...

— Я встретил его на улице и тотчас же отправил в Синквилл по неотложному делу. Он сказал мне, что вы намереваетесь поднять весь округ для нанесения решительного удара. Ведь так?

— Да, и я думаю, что мой тесть и Джеймс уже успели собрать некоторые силы.

— Прекрасно, но я полагаю, что следует отложить операцию до получения вестей из Синквилла. Мистер Гэвс совершенно прав, настаивая на необходимости держать дело в тайне, чтобы не вызвать подозрений пиратов. Именно ввиду этого фермерам не следует показываться в Елене прежде, чем все будет организовано.

— Нам требуется, однако, держать наготове свои силы, — сказал Уильям, — и мы сосредоточили их неподалеку от города. Я прибыл пока сюда один, только с Джеймсом, мы примем некоторые меры и здесь. Именно Гэвс должен был сообщить вам о бегстве Коттона из тюрьмы.

Дейтон утвердительно кивнул.

— Теперь слушайте. Меня с Джеймсом не пустили сегодня на рассвете в харчевню «Серый Медведь», когда мы хотели выпить кофе.

— И это кажется вам подозрительным?

— Да, потому что мы слышали там громкий разговор, вернее, ожесточенный спор, а при нашем появлении все стихло. Далее, с берега подавали сигналы ракетами. Мы притаились, чтобы видеть, что будет дальше. Из харчевни ответили на сигнал, и тотчас же с той стороны отделилась лодка.

— И она причалила к харчевне?

— Так точно.

Дейтон задумался, потом спросил:

— А много ли было пущено ракет? И какого цвета?

— Сколько и какого цвета? — повторил молодой фермер с удивлением. — Я не обратил внимания. Или вам известны эти сигналы?

— Лично мне нет, но я хочу этим сказать, что судовщики переговариваются часто таким способом между собой с одного берега на другой. Наконец, кто-нибудь мог пускать ракеты просто ради забавы.

— Хорошо, но отчего они потушили в харчевне огни при нашем приходе? Почему не впустили нас?

— Может быть, простая случайность?

Дверь в комнату отворилась, и вошла Адель, чтобы взять свою шляпу.

— Извините, если я помешала вашему разговору, — сказала она, — но мне надо ехать к миссис Смарт.

Она взяла шляпу и хотела уйти, но нарочно замешкалась у рабочего столика, услышав, как Кук говорил:

— Джеймс Лейвли решил присматривать за этой харчевней и дожидается теперь в рощице, неподалеку от нее.

— Прощайте, господа, — сказала девушка, уходя.

— По моему мнению, — продолжал Уильям, не обратив внимания на ее появление и уход, — нам следует тотчас же произвести обыск в этом притоне.

— Любезный мистер Кук, — произнес судья серьезно, — я не могу вторгаться в жилище свободного гражданина на основании одних только подозрений. Если бы были доказательства.

— О, если бы у нас были прямые доказательства, то мы распорядились бы сами! — презрительно ответил молодой человек. — Но именно потому, что мы имеем только подозрения, мы и прибегаем к помощи властей.

— Послушайте, мистер Кук, мы не в Фурш Лафаве, не в таких местах, где господствует суд Линча. Вы принадлежите, по-видимому, к «Союзу регуляторов»?

— Вы не ошибаетесь, — резко ответил Кук.

— Прекрасно, но позвольте вам заметить, что мы здесь в цивилизованном городе, и я, хотя и вполне сочувствуя вам в деле правосудия, все же обязан воспрепятствовать всякому проявлению насилия с вашей стороны.

— Так мы не можем на вас рассчитывать?

— никоим образом, — ответил Дейтон со смехом. — Напротив того, я не допущу ничего противозаконного. Я сам считаю харчевню «Серый Медведь» воровским приютом, но может оказаться, что это просто игорный дом, и я его закрою, отняв у хозяина патент на торговлю, лишь только добуду явные улики.

— Мы знаем, чему они служат, — перебил Кук раздражительно. — Подобное поведение правосудия и заставляет нас обращаться к суду Линча. Вы принуждаете нас прибегнуть к нему и теперь.

Шум, раздавшийся на улице, прервал его речь. Слышались крики: «Убили... Бредфорд... грабеж!»

— Что случилось? — проговорил Уильям. — Кого-то убили. Надо узнать.

Он схватил шляпу и выбежал вон, едва не сбив с ног полицейского, входившего к Дейтону. В толпе, запрудившей улицу, находилось несколько знакомых ему лиц, и он спросил:

— Ну, что, ребята? Вы пришли расправиться со злодеями, я вижу. Изловили преступников, Милз?

— Нет еще, Кук, — ответил ему высокий уроженец Виргинии, — мы решили прийти сначала к судье. Необходимо произвести обыски в городе.

Толпа продолжала волноваться. Слышались возгласы: «Убили бедную! Такая добрая была!.. Ну какая там добрая! Преехидная!.. Да что же это судья не выходит?»

— Джентльмены! — раздался голос Дейтона, появившегося на крыльце в сопровождении констебля. — Я узнал сейчас, что в городе совершено зверское убийство, и немедленно приму должные меры.

— Они уже приняты! — без церемоний перебил его, виргинец. — Мы оцепили город, так что ни одно судно не может выйти отсюда.

Дейтон не слушал его, он стоял бледный, не сводя глаз с реки, однако неожиданно, завидев большую плоскодонную барку, подходившую к берегу, весь преобразился. Глаза его оживились и он слегка усмехнулся, как бы приветствуя зеленый с красным флаг, развевавшийся на корме судна.

— Присяжные оповещены? — спросил он у констебля.

— Все уже собрались, ваша милость.

— Так идемте, джентльмены, — произнес Дейтон, направляясь к дому убитой.

Толпа двинулась за ним. В это время кто-то тронул виргинца за рукав. Он повернул голову и увидел перед собой какого-то мальчика в фермерской одежде, явно сшитой не по росту. Блуза сидела на нем мешковато, рукава были слишком длинны, так что закрывали кисти рук, старая большая шляпа съезжала то и дело на глаза.

— Сэр, — сказал он виргинцу, — этот джентльмен в белой шляпе, который идет впереди всех, здешний мировой судья?

— Верно, мой милый.

— А как его зовут?

— Дейтон... А тот, что рядом с ним, — здешний констебль.

— И он, судья Дейтон, живет всегда здесь?

— Разумеется, где же больше? Но мы отстали от остальных. Пошли.

— Не можете ли вы рассказать мне...

— О, теперь мне не до рассказов, извини, дружок. Если тебе нужно знать более подробно о мистере Дейтоне, то обратись к его жене. Вон она смотрит из окна.

Мальчик бросился по указанному направлению и остановился перед окном, в котором виднелась голова Люси. Он простоял с минуту, очевидно, колеблясь, потом как бы решился на отчаянный шаг и бросился в дом, захлопнув за собой входную дверь.

Между тем в доме убитой собрался народ, но в той комнате, где лежало тело, находились одни присяжные. Когда прибыл судья, констебль прочел протокол, скрепленный свидетельскими показаниями. Из него было видно, что два сторожа слышали ночью крик, но успокоились, когда один из них, подойдя, окликнул миссис Бредфорд, и она сама выглянула из окна. Ближе к рассвету уже, они увидели каких-то двух людей, спешивших из города, но не сумели их догнать. Убийство было открыто служанкой, которая, возвратясь, нашла дом открытым, а свою хозяйку мертвой на постели, и поспешила созвать соседей.

При обыске помещений дома на одном столе у лампы были найдены остатки пунша, небольшой бумаж-

ник, простой охотничий нож, почти совершенно новый, и два окурка сигар. Было известно, что сама старуха не курила, следовательно, в доме находились, по всей вероятности, двое мужчин. Один из сторожей говорил, что, действительно, к миссис Бредфорд приходили накануне двое, но не вместе, и она сама их впустила к себе.

Среди толпившихся в комнате находился один немец, торговавший разными мелочами. Он взглянул на нож, переходивший из рук в руки, осмотрел его со всех сторон и сказал:

— Я знаю, чей это нож.

Все глаза обратились на него, а констебль хлопнул его по плечу, говоря:

— Вы знаете владельца ножа, Бамбергер? Так заявите скорее, хотя старуха была убита не ножом, но он послужит уликой против убийц.

— Этот самый нож был продан мной в прошлый четверг за один доллар молодому фермеру Джеймсу Лейвли.

— Лейвли! — проговорил констебль с изумлением. — О, Лейвли не может быть убийцей.

— Джеймс Лейвли? — подхватил с живостью Дейтон. — Как странно... Где мистер Кук? Он сам говорил мне, что прибыл сюда с этим Лейвли перед рассветом... Этот нож... Дело принимает неожиданную окраску.

— Необходимо допросить обоих, Лейвли и Кука, — сказал один из присяжных. — Где они?

— Я здесь, — сказал Кук, который был все время на улице и узнал от прибежавшего к нему приятеля о возникновении против него подозрений. — Я здесь, и Джеймс Лейвли тоже недалеко. Кто осмеливается возводить обвинение против нас?

— Тише! — строго остановил его судья. — На подозрение не отвечают громкими фразами. Взгляните лучше на этот нож.

— Ах, проклятье! — воскликнул Кук. — Этот злодей замешался и здесь? Он украл его у нас. Но это уж ему не пройдет. Попадет он нам в руки.

— Вы признаете нож? — нетерпеливо спросил Дейтон.

— Третьего дня, — сказал Уильям, — этот разбойник Коттон украл у нас разные охотничьи принадлежно-

сти. Нож в том числе. Но его надо поймать, он здесь, в городе. Идемте, ребята!

Он повернулся к двери, но, по знаку судьи, констебль загородил ему дорогу.

— Когда вы прибыли в Елену? — спросил Дейтон.

— Я? Для чего вам это нужно знать?

— Отвечайте без рассуждений.

— Хорошо. Сегодня утром.

— В котором часу?

— У меня нет часов, но могу сказать, что это было перед рассветом. Довольны?

— Как зовут молодого человека, который прибыл с вами и которому принадлежит этот нож?

— Мистер Дейтон, я уже говорил вам.

— Отвечайте на вопрос: где Джеймс Лейвли находится в настоящее время?

— Да, всякий вопрос требует ответа, — произнес резким голосом какой-то вновь показавшийся человек, входя в сопровождении еще нескольких лиц. Увидев его, Дейтон сказал с довольным видом:

— А! Судья Порель из Синквилла! Вы кстати: помогите нам словом и делом.

— Говорят, здесь совершено убийство? — спросил Порель, между тем как Кук направился опять к выходу, говоря:

— Нечего терять времени на всякие пустые формальности! Друзья, за мной!

— Стойте! — произнес констебль, кладя ему руку на плечо. — Именем закона, я арестовываю вас!

— К черту ваши законы! — крикнул Кук, отбиваясь от него. — Граждане Виргинии и Елены! Помогите! Протестую против подобного произвола!

Но вновь пришедшие закричали в свою очередь:

— Кто стоит за порядок, помогайте полиции!

— Вы называете это порядком? — кричал Уильям, борясь с удерживавшими его. — Берегитесь вы, Уартон или Дейтон, или как вы там еще называетесь! Виргинцы, выручайте!

Началась жестокая свалка, которая кончилась, однако, в пользу партии Дейтона, который хладнокровно отдал приказ отвести Кука в тюрьму.

— Виргинцы! — крикнул Уильям, находясь уже на пороге. — Окажите мне последнюю услугу...

— Молчать! — перебил его констебль.

Но Кук успел прокричать, пока его уводили:

— Предупредите Джеймса Лейвли! Сделай это ты, Милз!

— Ладно, — ответил высокий виргинец, — но где его найти?

— Он... — начал Уильям, но его увлекли силой, и товарищ не успел расслышать конца фразы.

— Что же мне делать? — подумал Милз. — Предупредить Джеймса, но как? Лучше всего будет обратиться для этого на ферму. Эй, Боб! — окликнул он, завидя на улице знакомого человека. — Где я могу найти лошадь?

— У Смарта, — ответил Боб, не останавливаясь для разговора.

— Что ж, пойду в гостиницу! — произнес Милз, глядя вслед торопившемуся куда-то приятелю.

Глава XXXIII

МУЖ И ЖЕНА

Толпа рассеялась после того, как Уильям Кук был отведен в тюрьму, и перед домом остались только Дейтон, Порель и несколько преданных им людей.

— Надо решаться, минуты дороги, — произнес Порель вполголоса, тронув за руку Дейтона, стоявшего в раздумье.

— Вы уже знаете все? — сказал тот с удивлением.

— Знаю. Сандерс успел рассказать. Но что же вы решаете? Мы можем тотчас отплыть отсюда на нашей большой лодке.

— И нас догонят на каком-нибудь пароходе. Нет, у меня другой план. Коттон очень навредил нам этим новым убийством, его ищут повсюду, а фермеры и так настроены враждебно против нас. Вся округа поднялась на ноги, и борьба наша с противниками была бы слишком неравной. Вот что я придумал, мы соединимся с ними.

Порель посмотрел на него с недоумением.

— Да, это самое надежное средство, — продолжал Дейтон, — мы отправимся с ними к номеру 61 на паро-

ходе «Соединенные Штаты», который должен прийти сюда через час или два, следуя из Мемфиса к Наполеонвиллю. Так как дело касается общественной пользы, то капитан должен будет принять нас на борт, в случае отказа я могу даже принудить его, пользуясь положением судьи, наконец, и сами фермеры заставят его повиноваться.

Порель слушал его все еще недоверчиво, но Дейтон продолжал с воодушевлением:

— Мы высадимся на острове, я разделю отряд на две части. Фермеры бросятся на нашу крепость, встретят отпор гарнизона, а мы, по данному сигналу, ударим в них с тыла. Они очутятся, таким образом, между двух огней. Незнакомые с местностью, не понимая, где друзья, где враги, они погибнут все, до последнего. Мы перенесем тогда наши богатства на пароход, которым завладеем окончательно, и в ту же ночь, на всех парах, пока здесь будут ждать возвращения парохода, спустимся по Миссисипи в Мексиканский залив.

— План превосходен, но зачем арестованы тогда Уильям Кук и еще тот, Том Барнвель?

— Они были опаснее других и могли бы помешать исполнению моего замысла. Необходимо также засадить молодого Лейвли. Отправьтесь к той рощице, которая у харчевни, он прячется в ней, наблюдая за тем, что происходит у наших. Я надеюсь на вас, Порель, предлог для ареста есть, в квартире убитой нашли его нож.

— Прекрасно! — сказал Порель, потирая руки. — И я рад, что дело разыгрывается начистоту. Надоела эта вечная комедия и постоянная боязнь проговориться. Прощайте! Позаботьтесь же, чтобы все наши оказались на берегу к прибытию парохода.

Расставшись с Порелем, Дейтон пошел к своему дому. Мальчик в фермерской одежде, пристававший с вопросами к Милзу, выскочил в эту самую минуту из подъезда и пустился бежать.

— Кто это? — спросил Дейтон у служанки. — Зачем он сюда приходил?

— Не знаю, ваша милость, — отвечала мулатка. — Он вбежал сюда, взглянул на нашу госпожу и опять бросился вон, сел на последней ступеньке и зарыдал. Мне стало его жаль и я послала к нему того негра, которого вы привели вчера, но бедняжка не захотел и

смотреть на него, закрыв лицо руками, точно стыдясь, что плачет, он поторопился уйти, как только Боливар отошел от него.

Дейтон не обратил особенного внимания на этот рассказ и вошел в комнату жены. Люси там не было, но один вид этих стен, этой обстановки, где все говорило о присутствии нежной, доброй, любящей женщины, подействовал на него тяжело. Она, это чистое создание, способное сделать счастливым всякого человека, любила его, преступника, обagrившего свои руки кровью. Он сознавал в эту минуту всю глубину своего падения, жизнь ему была не дорога, он готов был идти навстречу смерти, но покинуть ее, беззаветно преданную ему подругу, было выше его сил.

— О, Люси... Люси... — произнес он, закрывая руками искаженное мукой лицо. Но за дверью раздались легкие шаги, и он преодолел свое волнение.

— Джордж! — воскликнула молодая женщина, входя. — Ты уже вернулся! Как я рада! Если бы ты знал, как мне было тяжело после твоего отъезда.

— Глупенькая! Ты создаешь себе напрасные тревоги, — ласково перебил он ее.

— Я сама хотела бы быть потверже, — сказала она печально, — да не умею, что делать... Но как ты бледен! Что с тобой? Посмотри на себя.

Она хотела подвести его к зеркалу, но кто-то так быстро пронесся на лошади мимо их дома, что оба они невольно посмотрели в окно.

— Адель! — воскликнули они разом.

— И на какой-то бешеной лошади! — прибавила миссис Дейтон. — Что за сумасбродная девушка. Но ты бледнеешь еще более, Джордж, скажи, что с тобой?

— Ничего особенного, моя милая, но, признаюсь, меня расстраивают все эти дела. Мне становится не под силу такая жизнь.

— Джордж, — сказала Люси, нежно обнимая его, — сколько раз я просила тебя бросить твои занятия! Они почетны, доставляют тебе общую любовь и уважение, но губят твое здоровье. О, если бы ты захотел бросить все и довольствоваться любовью преданной тебе жены.

Лицо Дейтона как бы преобразилось при этих словах, скорбное выражение исчезло, в глазах засветилось что-то отрадное... Ему, закоренелому преступнику, представи-

лась картина тихой, идиллической жизни. Там, где-то в лучезарной дали, островок, омываемый волнами океана, осененный пальмами, благоухающий всеми дарами Флоры, кругом морская ширь, отдаляющая все прошлое от настоящего, новый горизонт, на котором не видно ничего, напоминающего о былом.

— Люси, — произнес он, страстно обнимая ее, — ты любишь меня, а я тебя недостойн. Но ты, чистый ангел, можешь возродить меня. Не спрашивай меня ни о чем, говори только: согласна ли ты бежать тотчас со мной? Слышишь паровой гудок? Это «Ван-Борен», который отправляется вверх по Миссисипи. Мы еще успеем уехать на нем, но через час будет уже поздно. Говори, Люси, хочешь ты меня спасти? Спасти от меня самого...

— Я не понимаю тебя, Джордж, — произнесла она с трепетом. — Но, если нужно, я готова.

— Да, Люси, мое счастье, твое, все наше будущее зависит от нашего отъезда.

— Но бросить так Адель... наших друзей...

— Адель получает наследство. Сверх того, она может пользоваться нашим домом и всем, что в нем есть. Я довольно богат и без этого.

— Джордж, это все пугает меня... Объясни мне, что происходит?

— После, — сказал он, отворачивая от нее свое лицо. — Не спрашивай, знай только, что я должен бежать, мне грозит смертельная опасность. Последуешь ли ты за мной?

— Всюду, мой Джордж! Я твоя, ты должен знать это.

Он обнял ее, потом открыл свой письменный стол и вынул из него несколько бумаг и пакетов, которые бросил в огонь.

— Вот, — сказал он жене, передавая ей портфель, — то, что принадлежит мне законно. Ты можешь взять это без всякого опасения. Собери, что нужно тебе в дорогу, Боливар отнесет вещи на пароход. Я приду за тобою, прощай ненадолго! До свидания!

АДЕЛЬ И ДЖЕЙМС

Адель подошла к гостинице Смарт в то время, когда он сам стоял на крыльце, провожая Милза, готовившегося сесть на вороную лошадь, подведенную ему Сципионом.

— Мисс Адель! Добро пожаловать! — сказал Смарт. — Вы к моей жене? Она совершенно свободна, потому что сегодня весь народ на другом конце города, благодаря миссис Бредфорд, которая отбивает у меня посетителей.

— Ионафан! — воскликнула миссис Смарт. — Можно ли говорить подобным образом о таких ужасных вещах? Я не терпела эту старуху, но искренне жалею ее. Ужасно погибнуть во время сна от рук каких-то неизвестных бандитов!

— Должно быть, все-таки известных ей, — заметил Милз, — судя по тому, что они там угощались. Но мне пора, не то опоздаю. Скажите, Смарт, где самая короткая дорога на ферму Лейвли?

— Поезжайте той, которая идет в северо-восточном направлении, — отвечал Смарт.

— А зачем вам туда? — спросила Адель, вспоминая слышанный ею отрывок из разговора Дейтона с Куком. — Вы не застанете никого на ферме, я полагаю.

— Как же быть? Вот досада! — сказал Милз. — Я проезжу понапрасну, между тем я должен видеть Джеймса, ему грозит беда.

— Беда? — повторили разом Смарт и Адель.

— Уильям Кук в тюрьме... — начал Милз.

— Кук в тюрьме? Быть не может! — воскликнул Смарт, вынимая даже руки из карманов, в знак своего изумления. — Уильям Кук... — что вы говорите?

— И Джеймса ожидает то же, потому что в доме убитой нашли его нож, — продолжал Милз.

— Но разве подозрение может пасть на него? — воскликнула Адель. — И судья Дейтон знает, что они оба прибыли в город только сегодня, и даже знает зачем.

— Дейтон? Странно, потому что он-то и настаивает на поимке Джеймса. Если бы мне знать, где он сейчас.

— Я могу сказать вам, — живо перебила Адель. — Он в рощице у харчевни. Это в одной миле отсюда, за городом, на берегу реки.

— Благодарю вас, мисс! — ответил Милз, стараясь сесть на лошадь, но никак не попадая ногой в стремя. Сципион хохотал во все горло, глядя на эту сцену. Адель выходила из терпения и спросила наконец:

— Вы не умеете ездить верхом? — удивилась Адель.

— По правде сказать, мисс, я лучше управляюсь с лодкой, нежели с лошастью. Чего она вертит головой, поглядывая на меня? Ну, вот и сел.

Едва он успел выговорить эти слова, как конь вскинул задом и всадник очутился на земле.

— Отлично! — воскликнул Смарт.

— Сципион! Подавай скорее седло хозяйки! — приказала Адель.

— Но я никуда не собираюсь, милая мисс! — с удивлением заметила миссис Смарт.

— Знаю, дорогая моя, но вы позволите мне воспользоваться вашей лошастью? — спросила девушка.

Сципион быстро заменил одно седло другим, и Адель очутилась на лошади прежде, нежели озадаченная миссис Смарт нашлась что сказать. Мистер Смарт вложил в стремя хорошенькую ножку наездницы. Сципион подал ей хлыст, и прежде, нежели Милз успел отряхнуться, она скрылась с глаз свидетелей сцены.

Джеймс Лейвли лежал в засаде у харчевни, притаясь среди густой кипарисовой чащи. С этого места он мог наблюдать за рекой и скоро увидел сквозь туман большую лодку, из которой вышли восемь человек. Некоторые из них были в матросских, другие в обыкновенных городских костюмах.

— Ну, Торсби, — сказал один из них содержателю харчевни, выбежавшему им навстречу, — как дела? Где Келли? Что слышно от Уатерфорда?

— Ничего не знаю, но скоро все объяснится. В городе у нас уже бурно. Порель с вами?

— Нет, он поехал другой дорогой. А что на острове? Все ли там благополучно? Да что нам угрожает?

— Войдем в дом, там расскажу.

Все скрылись. Джеймс подполз снова ближе к харчевне, но, хотя до него явственно донесся гул голосов, не мог разобрать ни слова. Он лежал, притаясь, в ожидании

Кука, который должен был попросить у судьи людей в достаточном числе для того, чтобы окружить воровской притон.

Вот еще какие-то два незнакомца быстро подошли к харчевне, один из них стукнул в дверь четыре раза и ответил, очевидно, на заданный ему изнутри вопрос:

— Это я, Сандерс... Отворяйте скорее.

Джеймс сразу узнал голос: он принадлежал Гэвсу. Что это могло значить? Какие отношения существовали между ним и этими злодеями?

Было слишком темно для того, чтобы рассмотреть, кто еще был с Сандерсом, притом дверь отворилась и оба посетителя скрылись в ней, а вслед за ними стали появляться еще какие-то новые лица; они входили на минуту в харчевню, перекидывались несколькими словами с хозяином и потом следовали далее. Время шло, и Джеймс подумывал уже, не лучше ли ему самому отправиться к Уильяму, нежели ждать его здесь. Но подошли еще четверо людей, из которых один вел на поводу лошадь, оставленную Джеймсом в стороне среди самого густого леса.

«Вот дьявольщина! — с досадой подумал молодой фермер. — Они нашли моего коня. Что теперь делать?»

Но в ту же минуту раздался топот лошади, незнакомцы бросились в чащу, а Джеймс, к своему неописуемому удивлению, увидел мчавшуюся во весь опор мисс Адель. Но он изумился еще более, когда она, остановив своего взмыленного коня неподалеку от того места, где находился молодой человек, проговорила громко и с явным волнением:

— Мистер Лейвли... мистер Лейвли! Вы здесь?

Джеймс соскочил бы при таком призыве и с самого высокого утеса. Он бросился к молодой девушке, схватил ее лошадь под уздцы. «Мисс Адель», — начал он, — но она перебила его голосом, дрожавшим от тревоги:

— Садитесь на мою лошадь и спасайтесь бегством!

— Мисс Адель... вы здесь? Каким образом?

— Если жалеете меня немного, не теряйте ни секунды. Мистер Кук в тюрьме, вас тоже ищут. Скорее!

Она оглянулась и увидела, что люди, разбежавшиеся при ее появлении, снова направились сюда. Джеймс тоже заметил их и понял, что спешат они не с дружелюбными намерениями.

Адель стаскивала между тем дамское седло с лошади. Джеймс, помогая ей, говорил:

— Мисс Адель, но я не могу оставить вас здесь одну.

— Обо мне не беспокойтесь... Скорее! Они уже близко.

— Но, Адель...

— Если вы меня любите, Джеймс! Умоляю вас!

Эти слова заставили бы молодого человека броситься хоть в огонь. Он вскочил на лошадь и взялся за повод.

— Стойте! — крикнул подбежавший Порель. — Куда вы? Мы не враги. Мистер Дейтон послал меня к вам...

— Не верьте! Спасайтесь! — крикнула Адель, готовая лишиться чувств. Джеймс понял опасность, прищипнул лошадь и скрылся из вида.

— Мисс, — сказал Порель, — я не понимаю, зачем вы заставили мистера Лейвли уехать? Ему не грозила никакая опасность.

— Вы лжете! — возразила Адель. — Вы хотели засадить его в тюрьму.

— Если так, — ответил он с язвительной усмешкой, то бегство не служит еще доказательством невиновности. Вы оказали, может быть, плохую услугу тому, кому хотели помочь. Но это ваше дело... Джон! Вскинь-ка дамское седло на ту лошадь, которую мы нашли. Мисс пожелает, конечно, вернуться в город одна, а не в нашем обществе.

Человек, подозванный Порелем, оседлал лошадь и подвел ее к Адели. Она села на нее и хотела сначала извиниться перед Порелем за свою дерзость, но раздумала и помчалась, не оглядываясь, к Елене. Он погрозил ей вслед и пошел поспешно на пристань.

Глава XXXV

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

Люди, собравшиеся в «Сером Медведе», видели все происходившее, но не понимали, в чем дело, один только Сандерс, узнавший наездницу, догадался, что ее появление увеличило опасность, уже нависшую над шайкой. Вошедший Порель еще более усилил его тревогу, рассказав о происходившем в городе.

— Что же задумал Келли? — спросил с раздражением Сандерс. — Если его план не удастся, мы все погибли, а ему хорошо, он держится в стороне. Почему он не с нами?

Не бойтесь, он знает, что делает, — сказал Порель. — Его план — стать для вида на сторону регуляторов, — по-моему, превосходен. Но если каким-нибудь образом они не допустят этого, мы схватимся с ними здесь.

— Мое положение незавидно, — возразил Сандерс. — Если бы Кука не засадили в тюрьму, мне бы несдобровать! Но с кем это вы там говорили, на опушке рощи, Порель? Этот человек ускакал на вороной лошади.

— Вы не узнали его? Это был Джеймс Лейвли, который спрятался здесь, высматривая, что происходит у вас в харчевне.

— Он! — воскликнул Сандерс в испуге. — Тогда мы пропали! Хорошо таким официальным лицам, как вы, Порель, вы всегда выпутаетесь из беды, а мы расплатимся за вас веревкой вокруг шеи! Господи, зачем я только спутался с этим Келли!

— Ну, не тревожьтесь до такой степени, Сандерс! Все кончится благополучнее, чем вы предполагаете. Теперь же всем нам надо уходить отсюда, небольшими партиями, к пристани. Часть людей пусть подъедет на лодке, другие пойдут пешком.

В то время как разыгрывалась эта сцена, мистер Смарт, узнав от Милза все подробности об аресте Кука, пошел к Дейтону, но не мог найти его, а констебль не решился выпустить арестанта без разрешения судьи даже на поруки. Смарт понимал, что констебль поступил правильно, но Милз относился к делу иначе, он находил, что уважение к законности не ведет ни к чему там, где власть имеющие сами без зазрения совести попирают закон.

Однако выломать двери тюрьмы своим кулаком он не мог и должен был ограничиться одними ругательствами, идя со Смартом назад. Вдруг оба они услышали окрик:

— Эй, приятели!

Смарту показалось сначала, что это голос Уильяма, но, подняв голову, он увидел в тюремном окне того самого Тома Барнвеля, который должен был давно уже плыть по реке Миссисипи!

— Это как же, друг? — крикнул он ему. — Или судья только тем и занимается, что сажает за решетку честных людей?

— На меня возвели ложное обвинение, — сказал Том, — но обвинитель мой исчез после того. По-видимому, меня здесь забыли. И такие дела творятся в свободной стране!

— Джентльмены, — заговорил какой-то человек, подходя, — не дозволено разговаривать с арестантами.

— Вам то что за дело до этого? — возразил ему Смарт. — Вы не полицейский.

— Все равно, мне поручено наблюдать.

— А я не желаю слушаться всякого встречного, — ответил ему Смарт флегматично, между тем как Милз уже засучил рукава своей блузы, готовясь подкрепить слова делом.

Несколько человек начали уже собираться вокруг споривших. Тюрьма находилась почти напротив дома миссис Бредфорд, и кто-то воскликнул:

— Тише, джентльмены! Тише! Не стыдно вам поднимать шум тут, рядом с покойной? Уважайте мертвых!

— Ну, — перебил Милз, — эта дрянь обирала меня столько раз, что я ее уважать не могу, а скажу откровенно, что поделом ей досталось!

Толпа зашумела и приблизилась с явно враждебными намерениями против Милза, но Смарт, выставив вперед свой громадный кулак, крикнул:

— Ах вы негодяи! Не могу назвать джентльменами сволочь, готовую броситься вдесятером на одного, говорите, истые вы американцы или ублюдки, которые гнездятся в Новой Англии?¹

— Ура Смарту! — загалдела толпа, склонная быстро менять свое настроение и довольная тем, что всегда невозмутимый Ионафан пришел в раздражение. — Подавайте сюда скамью или стол! Янки влезет на него и будет говорить спич! Ура Смарту! Ура!

— Вас стоит повесить за ноги! — проревел Смарт еще громче, чтобы покрыть своим голосом эти крики. — Ах вы подлецы, разбойники! Ваши отцы проли-

¹ Новая Англия — название исторически сложившегося района на севере атлантического побережья США. Включает штаты: Мэн, Нью-Хэмпшир, Вермонт, Массачусетс, Коннектикут и Род-Айленд.

вали свою кровь за свободу, а вы что? Вы бесчестите родину...

— Bravo, Смарт! Еще! — кричала толпа, смеясь, но нисколько не изменяя своего намерения вступить в драку. Одно только появление констебля восстановило порядок. В сущности, все так уважали в Смарте прямодушные и кулаки, что ему дали спокойно уйти, и он удалился, заложив руки в карманы, насвистывая свою любимую песенку, и только бросил презрительный взгляд на окружающих. Милз последовал за ним тоже, после того как констебль уверил его, что обоих арестантов согласятся выпустить на поруки.

В этот момент на другом конце города стояли Келли и Порель.

— Вы теряете драгоценное время, — говорил Порель. — Вы изложили мне свой план, а теперь уходите.

— Я должен еще отлучиться. Вы можете исполнить все без меня, Порель. Потом, одержав победу над регуляторами, вы перенесете на пароход все золото, которое Джорджина вам выдаст, когда вы покажете ей этот перстень, и сохраните его нашей встречи в Техасе. Если мне не удастся прибыть туда... вы разделите кассу поровну между товарищами.

— Келли, — сказал Порель, глядя на него недоверчиво, — вы что то скрываете. Должен я передать то, что вы мне теперь говорите, другим, или все это придумано вами только для отвода глаз? Вы покидаете дом?

Келли посмотрел на него в нерешительности, потом протянул ему руку, говоря:

— Порель, я скажу вам всю правду. Да, вы угадали, я твердо решил навеки расстаться с этими людьми и начать новую жизнь. Будьте моим преемником здесь, передаю все дело в ваши руки. Пароход должен скоро прибыть. Приведите в исполнение мой план, он хорошо продуман, потом распоряжайтесь по своему усмотрению.

— Вы берете с собой жену?

Келли кивнул утвердительно.

— А Джорджина?

— Джорджина? Прочтите ее послание.

Он подал Порелю записку, взятую Боливаром у метиса. На ней еще сохранился кровавый отпечаток.

— Что же, — сказал Порель, пробежав записку и взглянув на адрес, — это только доказывает, что она была ревнива и потому поручала некоторым лицам следить за вами. Чья это кровь?

— Того, кто переносил записки, — ответил Келли глухим голосом. — Я не увижу более никогда этой женщины, но я не хочу, чтобы она нуждалась, передайте ей от меня этот пакет. Я уеду отсюда на «Ван-Борене».

— Вы окончательно решились, Келли?

— Решился, Порель. И когда вы исполните все мои распоряжения, спасете наших товарищей и разделите между ними всю накопленную нами добычу, возьмите мою часть себе. Она ваша.

— Всю часть? Что вы! Вы представляете, насколько велики наши богатства?

— Представляю, — отвечал Келли, отворачиваясь. — И без колебаний отдаю мою долю вам. Если люди будут спрашивать обо мне, скажите им, что я отправился в Мемфис, чтобы попытаться спасти трех наших товарищей, попавших там в беду. Меня действительно зовут туда по этому поводу. Может быть, и успею еще сделать что-нибудь для облегчения их участи. Теперь прощайте! Я должен еще зайти домой за женой. Будьте счастливы, Порель! Желаю вам благополучно добраться до Техаса и отделить себя Мексиканским заливом от здешнего правосудия!

Глава XXXVI

СХВАТКА

Адель возвратилась в гостиницу Смарта и нашла там одного Сципиона, который объявил ей, что хозяйку его позвали к миссис Дейтон, поскольку Марии стало хуже.

— Боже мой! — воскликнула Адель. — Надо и мне поспешить туда. Ты проводишь меня, Сципион? На улицах так беспокойно, что я боюсь идти одна.

— К вашим услугам, мисс. Но что это, лошадь уже другая, не наша? Как будто я видел ее у мистера Лейвли. Ладно, я готов, идемте, мисс Адель.

Молодая девушка пошла так быстро, что негр едва поспевал за ней. Они завидели издали Дейтона, в ту

минуту, когда он прощался с Порелем. Дейтон тоже заметил Адель и, видимо, хотел уклониться от встречи с нею, но вынужден был остановиться, потому что ему загородил дорогу всадник, загнанная лошадь которого зашаталась и пала. Человек вскочил, однако, тотчас же на ноги, обменялся торопливым приветствием с некоторыми из подбежавших к нему людей и бросился к Дейтону, который остановился как вкопанный.

Перед ним был его подручный, Питер, бледный, в изорванной одежде, забрызганный кровью и грязью. Лоб его был рассечен сабельным ударом.

— Капитан, — произнес он, задыхаясь, — спасайтесь! Остров наш взят!

— В уме ли ты? — произнес Дейтон вполголоса.

— Да, к сожалению! То, что я вам говорю, не бред. Слушайте. Сегодня утром к острову пристал пароход с вооруженными солдатами. Нас разбили. И этот «Черный Сокол» идет сюда, к Елене. Я успел добраться до берега и прискакал сюда. Спасайтесь. Все погибло.

— А Джорджина? Где она?

— Она скрылась с острова еще до рассвета.

— Что с вами, мистер Дейтон? — спросила Адель, подходя. — На вас лица нет.

— Вам не место здесь, Адель, уходите, — отвечал он, стараясь казаться спокойным. — Сципион отведет вас домой. Что за шум?

Вдали послышался лошадиный топот, постепенно приближавшийся, и скоро густая толпа всадников покрыла всю площадь перед тюрьмой.

— Регуляторы! — слышалось между горожанами, высыпавшими из домов.

Все всадники были в охотничьих костюмах, вооружены винтовками и ножами, и находились под командой Джеймса, раздававшего приказы, на которые они отвечали воинствующими возгласами более громогласными, чем самый воинственный клич индейцев.

Дейтон стоял неподвижно, как бы не слыша призывного пароходного гудка и слов Боливара, который говорил ему, что капитан «Ван-Борена» не хочет ждать долее.

— Мистер Дейтон! — крикнул Джеймс, соскакивая с лошади и подбегая к нему. — В городе происходит что-то странное, можно опасаться больших беспорядков, и

мы все собрались, чтобы помочь властям со своей стороны, Уильям Кук был послан вперед, чтобы вас уведомить, но я узнаю, что он посажен в тюрьму. Что это может значить?

— Простое недоразумение, — отвечал Дейтон, стараясь говорить спокойно. — Теперь все разъяснилось, и он будет выпущен на свободу.

Он хотел сказать еще что-то, желая выиграть время и дать подойти пароходу, на котором должны были спастись Порель и его товарищи. Но Джеймс воскликнул:

— Кук и Том уже освобождены! Мой отец заставил стражей выпустить их.

Действительно, молодые люди подбегали к толпе. Видя, что все потеряно, Дейтон шепнул Боливару:

— Проведи мою жену на пароход.

Но негр остановился на месте, вскрикнув от ужаса. Какая-то молодая женщина, в мужском платье, без шляпы, с растрепанными волосами и бледным искаженным лицом, стояла перед Дейтоном.

— Джорджина! — воскликнул он, между тем как Адель, не решавшаяся отойти далеко от него, произнесла с испугом:

— Мистер Дейтон, что с вами? Что это за женщина?

Джорджина дико расхохоталась.

— Это тоже, может быть, одна из ваших жен, Ричард Келли? — сказала она, глядя на него презрительно.

— Сумасшедшая! — произнес он, стараясь оттолкнуть ее в сторону, но она выдернула свою руку и крикнула:

— Прочь! Я безумная? Да, я теряю рассудок, и вы — причина тому. Регуляторы! Жители Елены! Слушайте меня: этот человек, которого вы уважаете, который состоит у вас судьей... это змея, свившая себе гнездо у вас под боком! Это Келли, атаман пиратов.

Волнение заглушило ее голос, и она опустилась без чувств на руки Джеймса, находившегося возле нее. Кругом раздались угрожающие крики:

— Хватайте бандита! Вяжите его!

Толпа ринулась вперед. Келли выхватил пистолет и крикнул, понимая, что дальнейшее заперительство было бы бесполезным:

— Ко мне, пираты! Продадим дорого свою жизнь!

Первый фермер, подступивший к нему, упал, сраженный пулей. Остальные невольно подались назад, увидев Келли, окруженного какими-то страшными, неведь откуда появившимися людьми. И началась отчаянная схватка, засверкали ножи, засвистели пули. Коттон и Сандерс, подплывшие с другими пиратами на лодке, ожидавшей их у харчевни, выскочили на берег и подошли на помощь своим.

Капитан «Ван-Борена», опасаясь за сохранность своего парохода, отдал приказание убрать трап и рубить канаты, однако пираты, повинувшись команде своего атамана, бросились на пароход и оттолкнули матросов. Келли и Сандерс были уже на палубе.

— Рубите концы! — приказал Келли, но многие из фермеров успели тоже вскочить на пароход, другие лезли на палубу, падали в воду и снова упорно карабкались вверх. На палубе происходила ожесточенная свалка, и вдруг среди общего шума раздался женский голос:

— Вперед! Отомстим!

И Келли увидел перед собой Джорджину. В то же мгновение дуло винтовки Милза уставилось на него. Но Боливар успел подтолкнуть руку виргинца, и пуля ушла в сторону, а сам он упал, лишившись чувств от удара, который нанес ему негр головой в грудь. Келли, избавленный от опасности верным слугой, перерубил последний канат, удерживавший пароход, и «Ван-Борен», подхваченный течением, начал отделяться от берега.

— Ты не уйдешь от меня! — воскликнула Джорджина. — Я здесь и могу расквитаться с тобой!

Келли обернулся к молодой женщине, в глазах которой светилась какая-то бешеная радость. Не помня себя от ярости, он замахнулся и вонзил лезвие ножа его ей в плечо по самую рукоять. Она упала, обвивая руками колени атамана, и этот миг стал роковым для него: он нагнулся, чтобы освободиться от нее, и тут пуля Уильяма раздробила ему череп.

«Ван-Борен» шел быстро, но находился не более чем в двухстах метрах от Елены, когда к городу подошел «Черный Сокол». Матросы готовились уже причалить, но капитан Килборн, слышавший еще издали перестрелку, спросил в рупор:

— Что здесь происходит?

Ему отвечали, однако несколько выстрелов с «Ван-Борена» объяснили лучше всяких слов, в чем было дело. Он крикнул тотчас вниз:

— Машинам полный ход! Мы должны нагнать разбойников!

«Черный Сокол» недаром носил свое название, он отличался быстроходностью и теперь, когда погоня началась, несся действительно как птица. Кочегары работали не покладая рук, солдаты и матросы подносили уголь. Но и «Ван-Борен» не уступал своему сопернику в легкости хода, а пираты подливали сало в огонь, стараясь довести давление пара до предела. Они не думали о возможной опасности, поглощенные лишь мыслью о спасении. С ними не осталось никого, кто мог их образумить.

Вдруг «Ван-Борен» дрогнул и весь окутался облаком пара. Еще секунда, и раздался оглушительный взрыв, в воздухе замелькали обломки дерева, человеческие тела. На берегу раздались радостные крики, но к ним примешивались стоны раненых и вопли женщин, искавших своих мужей и сыновей. В воде барахтались еще два человека, борясь друг с другом. Один из них был Том Барнвель.

— Прочь! — кричал он желавшим их разнять. — Этот мерзавец принадлежит мне, только мне!

Он вытащил из воды свою жертву и отказался от помощи даже близких друзей.

— Нет, Брэдшоу, — говорил он своему недавнему знакомцу, почти не помня себя, — нет, я хочу один... я ему обещал... Мария! Я веду его к тебе.

Почти не замечая ничего, не слыша ничьих речей, он приволок Сандерса к дому Дейтонов и втолкнул его в прихожую. Там не было никого. Адель, хоть и потрясенная всем виденным и перенесенным, не потеряла присутствия духа и увела Люси в самую дальнюю комнату, так что бедная женщина, все ожидавшая своего мужа, не знала ничего о постигшей его участи. В комнате Марии находились только миссис Смарт и Нэнси. Миссис Смарт плакала, а мулатка стояла на коленях перед постелью, на которой лежало уже бездыханное тело.

Вдруг дверь отворилась, раздался радостный возглас:

— Вот он, Мария! Вот он! — и Том подтащил Сандерса к ногам его жертвы.

Обе женщины вскрикнули от ужаса. Том остановился, устремив взгляд на лицо покойницы. Лучи солнца, проникавшие сквозь кисейные занавеси, окружали голову умершей тихим сиянием.

Бедный молодой человек вздрогнул, выпустил из рук убийцу, подошел к кровати и упал на колени перед телом той, которую боготворил...

Сандерс воспользовался этой минутой и скрылся. С того дня Том не видел его более.

Глава XXXVII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вслед за равноденственными бурями, которые потрясают вековые леса и отгоняют дальше к югу летний зной, на севере штатов, вместе с перелетом птиц и роскошной осенней окраской деревьев, наступает то чудное время года, которое американцы зовут «индейским летом», над плодоносной землей сверкает в течение месяца лазурное безоблачное небо. Настает время, когда сытые, жирные медведи разгуливают среди белых дубов и высоких камедников, влезая на самые высокие деревья, чтобы полакомиться плодами или высосать мед из сот, то время, когда гепарды преследуют оленей, дикие индейки собираются в стада, чтобы вдоволь насытиться падающими желудями и семенами, а белки снуют по ветвям, выбирая себе лучшие орешки, и стаи голубей летят тучами на юг.

Вся природа дышит негой, как бы отдыхая от треволнений прекрасным «индейским летом», соответствующим «бабьему лету» в европейских странах.

В один из таких тихих и светлых дней два всадника ехали по дороге, ведущей от города Чероки, на берегу Апалакико, к большой богатой плантации. Они остановились на минуту у садовых ворот, любясь раскинувшейся перед ними картиной. Стоявший в саду одноэтажный дом был окружен широкой верандой. К нему вела аллея, окаймленная китайскими тутовыми деревьями, в громадных ветвях которых прыгали голубые зяблики — охотники до тутовых ягод. Густые кусты дикого мирта и апельсиновые деревья с золотистыми пло-

дами полузакрывали от взгляда ведущие на веранду ступени.

— Надо признаться, Уильям, — сказал один из всадников, — что Джеймс выбрал великолепное место для своего жилья.

— И приложил невероятные усилия, чтобы перетащить сюда и вас с моей тещей, но вы заупрямились, как обычно.

— Верно, Кук, но я не могу расстаться с моим гнездом, где можно так славно охотиться. Что здесь? Мы проехали сегодня семь миль, не встретив ни оленьего, ни медвежьего следа. Что ни говори, Уильям, но в Арканзасе привольнее и тебе, и мне. Ворота не заперты, я надеюсь? Эй, кто там есть!

Какой-то мулат показался на веранде и подбежал к приезжим.

— Дома твой хозяин, Дан? — спросил Кук.

— Нет, ваша милость. Ах, да это мистер Лейвли и мистер Кук! А я и не узнал сразу! Вот будет рада моя госпожа. А я и подавно!

И он принялся целовать руки у старика и его зятя.

— Ну, будет, будет, Дан! — сказал Кук. — Все ли у вас благополучно?

— Все, мистер Кук! И моя нога зажила! Пусть «мертвецкий доктор» ищет теперь другую мулатскую ногу.

— А твой хозяин совершенно поправился?

— Еще не совсем... Нэнси, проводи господ, а я лошадей уведу.

— Ай, что я сделал! — вскричал старик, уже подходя к дому. — Дан! Воротись с лошастью, Дан!

— Что с вами? — спросил Уильям с удивлением.

Но старик не успел ему ответить, потому что услышал веселый возглас:

— Милости просим! Дорогой папа... братец...

Адель, ставшая миссис Лейвли, радостно обнимала приезжих.

— Пойдемте в комнаты, — говорила она. — Джеймс недалеко, его сейчас позовут. Вы оставили что-нибудь в чересседельных сумках? Нэнси все принесет.

Но старик так переминался с ноги на ногу, что Адель невольно взглянула вниз и засмеялась.

— Вижу, в чем дело! — сказала она. — Вы опять без башмаков.

— Они там... в чемодане, — проговорил он в смущении.

— А чулки потерялись дорогой, — сказал Кук. — Мы положили их в шапку, да и выронили.

Старик погрозил зятю, но Адель обещала замять дело и провела гостей в дом, куда через минуту прибежал и Джеймс. Рука его, пострадавшая при схватке в Елене, была на перевязи, но он был свеж и бодр, как и прежде. Миссис Дейтон, в глубоком трауре, была тут же. Она, видимо, очень грустила, но милостивое лицо ее немного оживилось с приездом гостей. Им пришлось ответить на многочисленные вопросы и подробно рассказать о здоровье миссис Лейвли, миссис Кук и детей, а также Красавчика, прочих собак, коровы и ее теленка. Но лишь только разговор касался происшествий в Елене, Адель заминала его каким-нибудь новым вопросом. Когда она вышла из комнаты вместе с Люси, Уильям сказал старику:

— Теперь можете дать волю своему языку.

— Что такое? — спросил тот. — Я согласен говорить все мою жизнь только о чулках и башмаках, если я что-нибудь понимаю!

— Не надо никогда упоминать Елену при миссис Дейтон, — сказал Джеймс.

— Да разве она не знает всего?

— Если бы она знала хотя бы малую часть, то не вынесла бы такого горя.

— Но неужели она даже не подозревает, что Дейтон являлся атаманом пиратов и совершил столько кровавых злодейств?

— Горькая истина будет скрыта от нее навсегда, — сказал Джеймс. — Она полагает, что муж ее погиб, сражаясь против разбойников, а не за них. Вы знаете, что она тогда же опасно заболела и несколько недель находилась между жизнью и смертью. Благодаря этому, удалось утаить многое от нее. Тело ее мужа было найдено, забальзамировано доктором Монро, который, кстати сказать, очень хотел ампутировать мне руку, и доставлено сюда. Келли похоронен в нашем саду, и бедная Люси ходит на его могилу ежедневно, в тот час, в который покойный прощался с ней в последний раз.

— Но что случилось с оставшимися в Елене сообщниками Дейтона? — спросил Джеймс. — Неужели они подверглись жестокой расправе?

— Да, Джеймс, расправа и впрямь оказалась жестокой, — сказал старик. — Твое счастье, что ты лежал больной и не видел ее, не участвовал в ней. Я не могу пить воды из Миссисипи с того дня. Мне кажется, что это кровь.

— О, батюшка, оставьте это, прошу вас! — перебил Кук. — Мир праху павших! Они дорого заплатили за свои преступления. Поговорим о другом. Что с Барнвелем?

— Не знаю. Старик Эджворт, который навел «Черный Сокол» на разбойничий остров, возвратился в Индиану, но Том не захотел ехать с ним и отправился, кажется, в Техас... А как поживает Дан? Не возвращается ли к прежним привычкам?

— О, нет, он примерный слуга. Адель писала его бывшему хозяину, что мулат у нас и мы желаем оставить его у себя.

— А Смарт? Он продал свое заведение, я слышал, и хочет купить землю в Джорджии. Это правда?

— Совершенная правда, и я приторговал уже ему гостиницу здесь, в Чероки. Жду его с часу на час для подписания купчей.

— Есть ли кто дома? — произнес знакомый голос в саду.

— Смарт! Легок на помине! — воскликнул Кук, открывая окно. — Здравствуйте, Смарт! Входите!

После первых приветствий, при которых янки едва не вывихнули мужчинам руки, он объявил, что очень доволен гостиницей, подысканной для него Джеймсом, и переберется в нее с женой и всем скарбом недели через три-четыре.

— Но что у вас в карманах, Смарт? — спросил Кук. — Они точно вспухли.

— Я засунул туда находку, — отвечал Ионафан, вытаскивая два больших шерстяных чулка.

— Ура! — закричал Кук. — Дорогой тесть, принимайте! Это ваше добро, растерянное по дороге.

— Небольшое горе, если бы оно и совсем потерялось, — проворчал старик, перекладывая чулки из карманов Смарта в свои.

Адель и Люси возвратились в эту минуту, и молодая хозяйка проговорила весело:

— Мистер Смарт! Очень рада вам, наш будущий сосед!

— Да, я буду от вас недалеко, как и в Елене. Очень жалею, что уже нет миссис Бредфорд.

— А ваша жена скоро приедет? — перебила его Адель, с целью не допустить разговоров о Елене.

Но янки, по своему обыкновению, стоял на том, чтобы кончить начатую фразу с того самого слова, на котором его прервали и продолжал:

— Уже нет миссис Бредфорд, а то мы с удовольствием распили бы с нею иногда чашку чая, как встарь, хотя, миссис Лейвли, покойная оказалась злодейкой, и я был прав, когда подозревал, что и она, вечно толкуя о своем «дорогом покойнике», принадлежала к банде...

— О, мистер Смарт, — перебила снова Адель, — если бы вы сумели уговорить моего свекра и Уильяма перебраться в наши края.

— ...к банде разбойников, — продолжал янки, не смущаясь перерывом. — У нее нашли множество товаров и письма, которые разъясняли ее сношения с пиратами. Между прочим, и это самое главное, там оказались также вещи, принадлежавшие Голку. Оказывается, что несчастный вовсе не утонул, а был убит. Детей он не имел. Далее разъяснилось, что миссис Бредфорд звалась прежде миссис Даулинг и убила своего первого мужа с помощью второго, вбив ему гвоздь в голову во время сна. Бредфорд был повешен регуляторами, а она бежала в Арканзас.

— О, мистер Смарт, — сказала Адель, — нельзя ли рассказать что-нибудь повеселее?

— Что же, например? Да, вот, решено единогласно отдать миссис Эверест, в виде вознаграждения, все, что уцелело из имущества Голка. В Елене все спокойно. Но вы просили меня, миссис Лейвли уговорить ваших родных переехать сюда? Да как же они могут не согласиться? Разве сравнится Арканзас со здешними местами?

— Я не прочь... — начал Кук нерешительно. — И моя жена тоже.

Старый Лейвли покачал головой.

— Дорогие мои, — сказал он, — я и моя старуха, оба мы очень любим вас и рады бы жить с вами. Но что

мне делать тут? У вас нет лесов. Ничего не видишь, кроме негров и плантаций. Самыми дикими животными у вас считаются зайцы, самыми крупными птицами домашние гуси. Я уверен, что и собаки здесь также способны выследить медведя, как например, наш почтеннейший Смарт, отроду не видавший косолапого. Стоит отойти в сторону от большой дороги буквально на десять шагов, как натолкнешься на чей-нибудь забор! А у нас-то приволье! Особенно теперь, когда на Миссисипи истребили пиратов.

— Мистер Лейвли, — сказала Адель, — Дан принес ваши башмаки.

— Милая моя! — проговорил старик, глядя на нее с мольбой. — Обещаю тебе, что завтра же надену и чулки и башмаки. Буду носить их в угоду тебе каждый день, пока гощу у вас. Но сегодня... сегодня давайте проживем так, чтобы всем было отрадно на душе!

КОВБОИ ТЕХАСА

роман

Глава I

Назойливый северо-восточный ветер дул с гор, покрытых темно-серыми облаками, несущими дождь для прерии, но не для городка Доги, спрятавшегося в долине. На долю Доги перепадала только колючая серая пыль, которую ветер вздымал с прерий, покрывая городок тонким слоем пыли, мягким, как мука. Эта пыль облаками мчалась по главной улице города, забираясь всюду, где не было плотно закупорено, раздражая горло и глаза обитателей, словно стремясь сравнять Доги с серым, однообразным фоном пустыни.

Доги — маленький городок, в центре скотопромышленной местности, откуда продукты ферм отправляются в Восточные Штаты. В городе есть банк, продовольственные магазинчики, галантерейные лавки две гостиницы, четыре бильярдных, два постоянных двора, почтовая контора, пять ресторанов, — из них два китайских, две прачечные — обе тоже китайские, несколько жилых домов и девять учреждений, где продают фруктовые воды. Прибавьте к этому несколько мексиканских и индейских хижин, разбросанных в прерии по другую сторону железной дороги и вы получите ясное представление о Доги с его единственной улицей, покрытой пылью по щиколотку в течение трехсот тридцати трех дней в году; оставшиеся тридцать два дня улица представляет собою или дно грязного, бурного потока, или непролазное болото.

Три года спустя после запрещения спиртных напитков в Штатах Доги мало изменился. По-прежнему, несмотря на то, что через город часто проезжали автомобили, конюязи были почти у каждого дома. Правда, трактиры продавали теперь фруктовые воды; исчезли игорные сто-

лы, «крап»¹, рулетка, стаканы для смешивания напитков и деревянные палочки для сбрасывания пивной пены. Доги ложится спать теперь рано, и жители его больше уже не пробуждаются от ночной стрельбы перепившихся ковбоев. Доги — стоит на пути к благонамеренности.

Через облака серой пыли ехал человек на черной лошади, припудренной серой пылью, потной и грязной, с серой гривой и хвостом, но ступающей легко и свободно несущей седока. Человек был одет так, как вообще одевались в той местности; его можно было принять за ковбоя, за собственника фермы или за шерифа, спрятавшего свою звезду. Сапоги с высокими каблуками были тоже покрыты пылью; серый налет лежал на его плечах, шляпе, седле, на металлических частях патронташа и на вороненых рукоятках двух револьверов, прикрепленных с обеих сторон к поясу. Та же пыль запудрила лицо, синеватое от проступившей бороды, его резко очерченный нос, и только серые глаза были свободны от нее.

Он сидел в седле прямо и уверенно, слегка приподняв поводья левой рукой, как ездят в Техасе, спокойный и готовый ко всякой неожиданности, точно слитый со своей лошадью и в то же время ее полновластный хозяин. Он равнодушно смотрел по сторонам, и по выражению его глаз нельзя было сказать, знаком ли он с окрестностями или проезжает здесь первый раз.

Случайные посетители трактиров поглядывали на него меланхолично из-за стаканов с фруктовой водой, лениво переговариваясь.

— Недурна лошадка.

— И ездок недурен. Лицо незнакомое.

— Носит два револьвера. Теперь это не часто встречаешь.

— Я бы не очень удивился, если его пушки служат лишь украшением.

— Чего он забрел сюда в Доги? Не шериф ли?

— А что, ты ожидаешь шерифа? Можно, однако, с уверенностью сказать, что это не новый пастор. Хотя кто знает...

— Н-да, я слышал, что у нас решили построить церковь. Собирали даже деньги по подписке. Фью! Посмотри-ка вон на ту шляпу! Это шляпа Сэлли Декстер.

¹ «Крап» — крапленые карты.

— Ты побегни и подними ее, сынок. Назови девушку «Сэлли», когда возвратишь ей шляпу, и увидишь, какой получишь прием!

Другой смутился:

— Но ведь ее именно так зовут.

— Насколько я знаю, ковбои зовут ее мисс Декстер. А они довольно фамильярны. Посмотри, как ее шляпа крутится! И незнакомец погнался за ней. Прямо на тротуар. Ей-богу, и лошадь, и ездок великолепны!

Столпившись у дверей, они следили за бесплатным представлением. Шляпа — широкополая панама с зеленым шарфом, была сорвана с головы молодой женщины резким порывом ветра, когда она выходила из магазина с грудой пакетов в руках. Ветер растрепал ее волосы, и шляпа унесла с собою несколько шпилек. Пряди шелковистых блестящих рыжих волос разметались, закрывая ее лицо, в то время как шляпа летела по улице, крутясь в горячем воздухе и пыли, шлепнулась прямо в морду черной лошади, отскочив потом на панель, где продолжала весело подскакивать, поддуваемая ветром.

Черная лошадь шарахнулась в сторону, — прыжок, который чуть не опрокинул ее на деревянный тротуар. Испуганная и рассерженная, она встала на дыбы, так что казалось, еще мгновение, и она опрокинется на спину. Потом, фыркнув, снова стала на ноги, прижав уши, раздув ноздри и недоуменно вращая покрасневшими глазами. Но всадник не шелохнулся в седле. Его колени сжались, и тело его отвечало каждому движению животного, которое, по-видимому было больше оскорблено, чем испугано.

Нагнувшись, он похлопал выгнутую шею лошади, сказав ей несколько ласковых слов. Монета, положенная между ним и седлом, не шевельнулась бы во время всего этого представления. Слушаясь поводьев хозяина, лошадь взобралась на тротуар, танцуя на шатких деревянных подмостках. Догнав прыгающую шляпу, всадник одним движением, нагнувшись к земле, поднял ее и вернулся на дорогу.

Маленький мальчик смотрел на него, раскрыв рот. Всадник поманил его.

— Эй, сынок! Отнеси эту шляпу даме, которая ее потеряла. Видишь вон ту рыжеволосую леди?..

Мальчик, продолжая с восхищением глядеть на незнакомца, прошепелявил сквозь выпавшие зубы:

— Да, сударь, конечно вижу. Это мисс Сэлли Декстер. Отнести ей шляпу?

— Ты же слышал!

Незнакомец кивнул мальчику и, улыбнувшись так, что засохшая пыль треснула на его лице, отдал шляпу и поскакал вдоль улицы. Публика, собравшаяся у входа в трактир, сосредоточила теперь свое внимание на мисс Сэлли Декстер.

Она стояла, наблюдая за исчезающим всадником, подняв голову, видимо, рассерженная. Мальчик принес ей шляпу, получил в награду другую улыбку, что было даже более приятно, чем полдоллара.

— Спасибо, Бод, — сказала Сэлли. — Помоги мне уложить эти пакеты на Панчо.

— Он велел отдать ее вам, — зашепелявил Бод, поддерживая пакеты, пока девушка прикрепляла их к своему седлу. — Должно быть, он страшно торопился.

Сэлли Декстер снова улыбнулась, понимая, что Бод берет всадника на черной лошади под свою защиту. Как мог он игнорировать Сэлли Декстер! Другие мужчины были бы рады случаю заговорить с ней. Она знала это и потому сердилась. Быть может, он ее хорошенько не разглядел?

— Да, мисс Декстер. Вероятно, он действительно очень спешил. Отнеси, говорит, эту шляпу рыжеволосой леди.

— Да, наверное спешил, — кивнула Сэлли.

Взглянув вдоль улицы, она увидела, что незнакомец слез с лошади, привязал ее к коновязи. Подобрал уздечку, она вступила в стремя, легко прыгнула в седло, тронула Панчо серебряной шпорой и помчалась в клубах пыли мимо черной лошади, бросив в сторону незнакомца взгляд как раз в тот момент, когда он входил в мелочную лавку.

«Манеры у него грубоватые, — подумала Сэлли. — Недурно было бы его проучить».

Незнакомец вошел в лавку, не обращая внимания на взгляды покупателей, приказчиков и просто любопытных. Самый разнообразный товар наполнял полки и грудами был свален в углах. Трудно было бы придумать какую-либо принадлежность фермы, — сарая, хлева, конторы, кухни или гостиной, которой бы не имелось здесь. Два ковбоя сидели на прилавке, вылизывая содержимое жестянок со сливами. Одежда, провизия, седла, сбруя и сельскохозяйственные инструменты, ружья, се-

ти, скобяные товары, веревки, шляпы и бутылки с фруктовой водой представляли странное для непривычного глаза смешение.

Незнакомцу был нужен непромокаемый плащ. С трудом удалось найти подходящий ему по росту. Но он был вполне удовлетворен.

— Мне плащ, собственно, нужен, чтобы уберечься от пыли, — сказал он. — У кого лучший постоянный двор в городе?

— Лошадь или авто? — спросил владелец лавки.

— Лошадь. Мне необходимо попасть на ферму Джима Марсдена.

Его собеседник посмотрел на покупателя с любопытством.

— Миль одиннадцать будет. Спросите на постоялом дворе у Галея. Ваша лошадь ушиблась на тротуаре?

— Возможно, она и растянула себе что-либо. Я поведу ее на привязи. Она уже и так пробежала с утра миль тридцать.

— Гм... А вы весите не менее двухсот фунтов. Хорошая лошадка! Стоит о ней позаботиться. А Марсден ожидает вас, мистер?

Незнакомец заметил, что какая-то неуловимая натянутость возникла среди присутствующих, едва он указал цель своей поездки. Он чувствовал, что каждый из присутствующих подался немного вперед, чтобы лучше услышать его ответ, и по тону спрашивавшего догадался, что за вопросом его скрывается более, чем простое любопытство.

— Меня зовут Джордж Горман, — представился он коротко. — Я старый друг Джима Марсдена. Что-либо не так, джентльмены?

Содержатель лавки отвел глаза.

— Никто не приезжал с фермы Марсдена уже три-четыре дня. Однако прошел слух, что Марсдена подстрелили. Но за доктором он не посылал.

Серые глаза Джорджа Гормана проницательно прищурились. Глядя прямо в лицо своему собеседнику, он не упустил, однако, из вида двух лакомившихся сливами ковбоев, которые внезапно вышли из лавки, быстро и бесшумно.

— Ранен в плечо. Вот все, что я знаю.

Добавив это, лавочник сжал рот и стал похож на черепаху, прячущую голову под панцирь.

Джордж надел плащ и вышел на улицу. Заметив вывеску «Парикмахер», он нерешительно провел рукой по небритому подбородку. С минуту он выбирал между тремя вещами — бритьем, едой и наймом лошадей. День был жарок, и китайские ресторанчики не возбуждали особенного аппетита. Известие о том, что его друга Джима Марсдена ранили, заставило Гормана забыть бритье и взять с собой пищу в дорогу, хотя здоровье друга его не особенно беспокоило. Он даже усмехнулся, вспомнив замечание лавочника, что Джим не послал за доктором. Джим был не таков, чтобы волноваться из-за какой-то раны в плечо.

Горман проехал тридцать миль в то утро, сорок — накануне, тридцать пять — перед тем, и так уже четыре дня, покрыв всего двести тридцать миль в ответ на короткое письмо от Джима. Он приехал потому, что Марсден написал:

«Дорогой Джордж, у меня предвидятся кое-какие неприятности и, по-видимому, я один с ними не справлюсь. Если у тебя есть свободное время, то отправляйся ко мне — ферма Марсдена в одиннадцати милях к западу от Доги. К тому же не мешало бы тебе сделать визит, который ты обещал шесть лет назад. Как ты думаешь? Всегда твой Джим Марсден. P.S. На твоём месте я бы не уклонялся от встреч, однако я бы особенно и не распространялся о том, что едешь ко мне».

Горман и Марсден стали закадычными друзьями с тех пор, как впервые попали вместе на ферму, Горман шестнадцати лет, а Марсден несколькими месяцами старше. Их дружба продолжалась без перерыва лет десять. Война, мир, удовольствия, затруднения, голод, жажда, карты, поединки, богатство и бедность они разделяли по-братски. Когда двое мужчин пройдут через такие испытания, нет на свете другой дружбы, которая была бы крепче. Дружба мужчин свободна от вечной борьбы за господство, и только женщина способна разрушить ее. Но в стране, где неисчислимые стада гуляют по прериям, женщин немного. У Гормана было свое собственное представление о той девушке, которая могла бы увлечь его, и он пока не встречал такую, которая бы отвечала его идеалу, но многих, которые ему не отвечали. Марсден по натуре был более романтичен. Недели и месяцы, проведенные в одиночестве на ферме, делали его легкой добычей чуть ли не первой недурненькой женщины, которую он увидел в го-

родке. Его увлечения были, однако, непродолжительны. Женщина еще ни разу не встала между друзьями.

Только когда Джим получил в наследство ферму, а Джордж, не имевший денег, упрямо отказался разделить богатство друга, они расстались. С тех пор они даже не переписывались, но слухи проходили и через прерию, и оба знали о жизни друг друга. Мужская дружба вполне застрахована от влияния разлуки. Она никогда не ржавеет. И призыв Джима вновь восстановил их дружбу, чистую и острую, как лезвие кинжала, только что вынужденного из ножен.

Гормана совершенно не интересовало, какие неприятности возникли у Джима, хотя он смутно предполагал, что тут замешана женщина. По-видимому, произошла перестрелка, и перспектива схватки занимала Гормана. Намек на осторожность в письме друга подтверждался поведением жителей Доги. Марсден был человеком, запросто обретающим друзей и врагов, и Горман без труда догадался, что городок знал о неприятностях Марсдена и, наверное, разделился в своих симпатиях. А что неприятности эти были серьезны, Горман знал потому, что друг его сознался в своей невозможности справиться с ними в одиночку.

Два ковбоя — любители слив, могли вполне оказаться возможными врагами. Ясно было, что и его имя, и цель его поездки произвели на них впечатление. В натуре Джорджа было действовать осторожно, а стрелять — быстро, если к этому представлялся случай.

Пока Джордж стоял, отыскивая вывеску Галея, Сэлли Декстер снова проехала мимо него. На этот раз взгляд ее встретил глаза Гормана. Легкая складка легла между ее бровями. На мгновение лицо ее вспыхнуло, она нерешительно задержала свою лошадь, потом круто повернула ее и карьером помчалась вдоль улицы. Джордж следил за ней, слегка приподняв брови.

«Обидчивая, — заметил он про себя, — ей бы хотелось, чтобы я соскочил со своего Негра, снял шляпу, поклонился низко и сказал: сударыня, вот ваша шляпка, — извините, что не поймал ее раньше. Чепуха! Обидчивая и испорченная. Наверно, у нее богатый папаша, и она высматривает теперь покорного муженька. А пока что чувствует себя полной хозяйкой города. Однако должен признаться, что она прехорошенькая и ездит прекрасно. Уехала в мою сторону, но вряд ли я ее обгоню».

Упущенная возможность, по-видимому, мало беспокоила Гормана и, увидав вывеску Галея, он пошел к нему и нанял повозку.

— Я верну ее обратно сегодня ночью или завтра утром, — заверил он.

— А как далеко вы едете? — спросил Галей.

— Одиннадцать миль. К Джиму Марсдену. — Горман заметил, что веки Галея дрогнули.

— И рад бы услужить вам, мистер, но не могу ничего сделать до завтрашнего утра. У меня сейчас нет ни одной свободной лошади.

Горман отвернулся. Ясно было, что Галей лгал. Очевидно, в деле Марсдена он был против него. На другом постоялом дворе Горман нанял повозку и пару низкорослых, притких коней. Решив, что владелец их нейтрален, он попробовал его расспросить.

— Я слышал, что Джим Марсден был ранен. Знаете что-нибудь об этом? Он мой старый друг, а меня зовут Горман.

Его собеседник кивнул головой.

— Слышал о вас от Марсдена. Он говорил, что ожидает приятеля. Я знаю только, что пуля прошла сквозь окно после наступления темноты и угодила Джиму в плечо. — Тут он понизил голос. — А если бы пули были отмечены, как метят коров, я думаю, вы нашли бы круг и букву «Д» на той, которая попала в Джима.

Горман вернулся в лавку за сыром, сухарями, консервированными ананасами, сардинками и бутылкой содовой. На этот раз он ясно почувствовал царящую в лавке враждебную ему атмосферу. При его появлении наступило молчание. Он закупил провизию и расплатился.

— Содовой нет, — сказал лавочник. — Купите ее рядом, у Кено...

Выходя из лавки, Горман заметил, что двое людей, — по костюмам ковбои, оба вооруженные и оба показывающие ясно, что кроме фруктовой воды они нашли что-то покрепче, — последовали за ним.

Трактир Кено сохранил свой прежний внешний вид, изменив лишь содержимое бутылок.

Подойдя к прилавку, Горман потребовал бутылку лимонада. Оба ковбоя тоже подошли к прилавку, продолжая начатый разговор. Еще несколько человек вошло в трактир, остановившись у стены или присев к столам, словно

ожидая каких-то событий, пока Горман спокойно посасывал лимонад через соломинку. Ковбой говорили между собой, но ясно было, что их диалог предназначался для толпы. Джордж решил про себя, что предстоит драка, заказал вторую бутылку и продолжал медленно тянуть лимонад.

— Итак, этот детина, разряженный в пух и прах, едет себе по улице на дрессированном коне. Откуда ни возьмись ветер, и срывает с дамы шляпу.

— Этакая прехорошенькая панама с зеленой лентой. И девица недурна собой!

— Не мешай, Курчавый! Кто рассказывает, я или ты?

— Ну ладно, ораторствуй, но я заявляю всему свету, что то была прехорошенькая девица и шикарная шляпка.

— И вот мистер жокей отправляется вслед за указанной шляпой, грациозно склоняется со своего коня, словно в цирке, куда вход стоит двадцать пять центов. Придерживаясь за луку, он подымает шляпу и отдает ее рябому мальчишке, чтобы тот отнес даме, и уезжает, не дождавшись ее благодарности, оскорбив таким образом весь женский пол вообще и мисс Декстер в частности.

— Этакое невежество, черт подери!

— Но иные утверждают, что этот жокей совсем не был одет жокеем.

— Нет? Как же он был одет?

— Э, он был одет в один из тех плащей, в которых мужчина так похож на женщину, вроде вот этого парня. Приятель, — обратился подвыпивший насмешливо к Горману, задетый, очевидно, его молчанием и равнодушием, — что бы вы сказали о подобном невеже?

Говорящий качнулся вперед. Горман посмотрел на него спокойно. Если это была западня, то западня хорошо задуманная, особенно после того, как он купил плащ. Дотянуться до пояса с револьверами не стоило и пытаться: его первое движение было бы встречено дюжиной выстрелов. Перед ним стояли враги Марсдена, а потому и его враги.

— Так что же вы скажете, приятель, относительно этого? — Говоривший оперся одной рукой на прилавок, держа другую у рукоятки револьвера.

— Скажу, что поступил бы точно так же, — отвечал Горман. — Мудрое правило — не слишком фамильярничать при первом знакомстве.

Слова эти, сказанные с намеренно подчеркнутым пренебрежением, вызвали смех в толпе. Тот, к кому они были обращены, тупо посмотрел на Гормана, смутно почувствовал оскорбление и, покраснев, придвинулся к нему.

— Ты поступил бы точно так же? А ты что за птица такая?

Горман не шелохнулся. В толпе ожидали, что он проглотит насмешку. Спокойно повернув голову к трактирщику, он сказал:

— Спроси у него, как меня зовут.

Беззаботность, с которой эти слова были сказаны, обманула ковбоя. Он отвернулся от Гормана не более чем на долю секунды. В это мгновение руки Гормана сделали движение слишком быстрое для глаз присутствующих: бутылка из-под лимонада ударила ковбоя в нижнюю челюсть. Пока он падал, оглушенный ударом, Горман выхватил его револьвер из кобуры и, направив его на толпу, отступил к двери. Продолжая держать оружие в правой руке, он растегнул свой плащ, бросил револьвер на прилавок, и почти в то же мгновение в руках его оказалась пара собственных револьверов, пули которых могли бы остановить медведя.

Усмехнувшись беспомощным и ошеломленным зрителям, Горман открыл дверь и вышел на улицу.

Глава II

Каковы бы ни были опасности, угрожавшие Джиму Марсдену, стычка в трактире ясно свидетельствовала о том, что Джордж попал в самую гущу событий. Марсден, предательски подстреленный в темноте из-за угла, и сам Горман, едва не попавший в ловушку, подстроенную ковбоями, — все это не являлось случайным совпадением, в этом Горман не сомневался и в душе с удовольствием признался, что впереди предстоит, по-видимому, немало подобных стычек, до которых он всегда был большой охотник. Не раз вдвоем с Марсденом они из, чистой любви к приключениям и опасностям, вызывали ссоры и свалки, в которых побеждал тот, кто скорее спускал курок, чьи нервы были крепче, кто знал слабости человеческой природы и умел ими пользоваться.

Не раз случалось, что оба друга оказывали услуги закону, справляясь с преступниками прежде, чем громоз-

дкий правительственный аппарат приходил в движение. Горману не однажды предлагали место шерифа, но политика и интриги связали бы его свободу, и он отклонял предложения.

И теперь, откликнувшись на зов друга, Джордж чуть-ем угадал, что ему придется иметь дело с явными преступниками, не брезгающими никакими средствами для достижения своих целей.

Заказанная им повозка была уже готова, и Горман, привязав к ней Негра, утомленного длинным переездом, захватил с собой кусок льда, уложив его в солому на дно повозки, думая, что в такую жаркую погоду, когда земля, казалось, дышала жаром, а небо было словно громадный рефлектор, отражавший его, — холодный компресс принесет пользу и облегчение раненому другу. К своим покупкам он добавил еще ящик сигар, корзиночку устриц, свежих фруктов и несколько номеров журналов. Его последней покупкой стали пачки патронов для револьверов.

Он уже собирался выехать из города, как внезапно из-за угла снова появилась Сэлли. Ее лошадь была вся в мыле и, проехав мимо Джорджа, девушка остановилась возле трактира Кено и заговорила с двумя ковбоями, развалившимися у порога.

Горман окинул всю группу внимательным и острым взглядом. Ковбои поклонились девушке, преувеличенно вежливо сдернув с голов свои сомбреро и подмигнув друг другу. Отдав какое-то приказание, мисс Декстер поехала по дороге к прерии, а оба ковбоя принялись взнуздывать своих лошадей. Горман узнал их сразу — того, которого он опрокинул бутылкой, и его приятеля. Но не это остановило внимание Гормана. На крупе каждой лошади была отметка — круг и рядом с ним буква «Д».

Тронув лошадей поводьями, Горман медленно поехал из города, обдумывая на досуге все происшедшее. Хозяин повозки сказал, что если бы пули были отмечены, как коровы, то на той, что попала в плечо Марсдена, оказался бы знак — круг и буква «Д». Что ковбои в трактире Кено могли совершить покушение — в этом Джордж ни минуты не сомневался. В то же время, манера, с которой девушка говорила с ними, показывала, что они были на ее службе. Круг и буква «Д». «Д» — начальная буква фамилии Декстер. Быть может, отец девушки и есть тот враг, в борьбе с которым Марсден был ранен?

«Держу пари десять против одного что девушка с этим так или иначе связана, — думал Джордж. — Марсден в нее влюбился, отец по той или иной причине воспротивился, Марсден обиделся и завязалась история. Но если старик Декстер подстрелил Марсдена в темноте через окно, то эти Декстеры порядочные негодяи, и чем скорее Джим избавится от этой красотки, тем лучше для него, хотя она и прехорошенькая... Интересно знать, почему она на меня обозлилась? Потому ли, что услышала, что я еду к Джиму? И почему те два парня, евские сливы в лавке, исчезли так неожиданно? И эта девица... Сама ли она против Марсдена, или только помогает отцу? Тьфу ты, дьявольщина, тут можно совсем запутаться... Лучше подожду, пока не приеду к Джиму и не узнаю всего толком».

Едва он отъехал полмили от города, как два ковбоя его обогнали, промчавшись мимо в клубах пыли, не обращая на Гормана никакого внимания, как если бы тот был кактусом, растущим при дороге. Джордж прихлестнул лошадей, и те побежали веселее по ровной дороге. Негр послушно бежал рядом, освобожденный от поводьев и седла.

Было три часа, тени от придорожных деревьев уже начинали удлиняться, но жара по-прежнему стояла невыносимая. Горячим воздухом трудно было дышать. Пена проступала на лошадях под кожаной сбруей.

Проехав миль пять, Горман заметил, что местность начинала меняться. Сухую пыль сменили кустики кактуса, дикие груши и пушистые стебельки «кошачьих лапок». Холмы по сторонам дороги стали более крутыми. Впереди, в долине, показались постройки фермы Марсдена. Справа, далеко, у самого горизонта, смутно намечалась на фоне светлого неба зубчатая цепь гор. Слева, насколько хватало глаз, тянулась прерия. Сзади оставался Доги, а за ним вечно одетая облаками верхушка горы, названная, благодаря своей форме, Гробовой крышкой.

Верхом Горман мог читать бегущую под ногами лошади дорогу, как строку раскрытой книги. С повозки это было труднее. Однако он вскоре заметил, что от дороги в прерию сворачивали следы колес и лошадиных копыт. Обогнавшие его ковбои тоже свернули здесь. Очевидно, ферма Круг «Д» находилась неподалеку, и Декстеры являлись ближайшими соседями Марсдена.

— Дело осложняется, — пробормотал Горман, придерживая лошадей и закуривая трубку.

Дорога стала подниматься вверх, втягиваясь в узкую лощину между двумя холмами. Скоро по обеим сторонам лощины поднялись крутые отвесы каменистых утесов, образовавших ущелье, футов триста — четыреста длиною. Справа от дороги в неглубокой выемке лежало озеро, куда падал с горы журчащий ручеек. Лошади остановились и жадно зафыркали, почуяв воду. Но зеленоватый цвет воды показался Горману подозрительным, и, натянув поводья, он решил сойти на землю и исследовать озеро.

Тр-рах! Пуля пробила крышку повозки, пролетела сквозь шляпу Гормана, ударилась в железную обивку и упала на подножку, где Горман наступил на нее сапогом. Другая пуля врезалась в кусок льда. Лошади испуганно дернулись, рванулись, и повозка запрыгала по камням. Горман сердито выругался, отпустил вожжи, и повозка помчалась, подскакивая и грозя ежеминутно перевернуться.

Глава III

Остановиться и ответить на выстрелы было сущим безумием: Горман знал, что его успели бы застрелить, прежде чем он вылез из повозки. И так было почти чудом, что и он и его лошади уцелели. По всей вероятности, его внезапная остановка у озера смутила стрелявших. Почему они ограничились только двумя выстрелами — Горман не мог себе объяснить.

«Очевидно, испугались, что я их узнаю, если промахнутся снова», — подумал Джордж, подбирая вожжи и переводя испуганных лошадей в ровную рысь. Нападение из засады возмутило его. Будь Негр оседлан, Джордж вряд ли отказал бы себе в удовольствии вернуться к ущелью и завязать перестрелку с нападавшими. Оглянувшись на утесы, ярко освещенные солнцем, он уже не мог различить ущелья, но ему показалось, что клубочки пыли внезапно появились на горизонте и растаяли в воздухе. Кто бы ни были его враги — они скрылись.

Было уже половина пятого, когда Горман подъехал к сараям и загонам фермы Марсдена.

На всем лежала печать благоустройства и зажиточности. Деревья окружали дом, кусты акаций тянулись вдоль

изгороди; маленький ручеек весело бежал через двор. Ферма казалась прохладным и тенистым оазисом в этой раскаленной пустыне. Чутьем опытного скотовода Горман угадывал, что позади фермы лежат широкие пастбища. Да, Джим Марсден знал свое дело. Рука рачительного хозяина виделась повсюду. Загоны и заборы в полной исправности, постройки заново выкрашены, дворы чисты и трава подстрижена. И половина всего этого могла бы принадлежать ему, Джорджу Горману, если б он только захотел. Его отказ тогда вызвал первую ссору между друзьями.

Горман был прирожденный бродяга, а Марсден всегда мечтал о домашнем очаге и семейном уюте. Расчетливый и хладнокровный, но в тоже время сентиментальный и увлекающийся — несовместимые качества каким-то образом уживались в Джиме Марсдене.

Было еще слишком рано, и ковбой не вернулись с пастбища. Кто-то кричал у загона, выгоняя непослушную лошадь. Китаец-повар вышел из кухни, бросил сбегавшимся цыплятам остатки пищи, прищурился на Гормана и нараспев крикнул: «Хо-ла!»

На этот крик откуда-то появился ковбой и направился к Горману, ступая кривыми ногами и придерживая болтавшийся у пояса револьвер. Красное, обветренное лицо его под широким сомбреро выражало явное подозрение. Другой ковбой вышел из загона и уселся на заборе, демонстративно положив руки на бедра.

— Горман, — коротко представился приезжий, и слово это оказало нужное впечатление. Подозрение исчезло с лица ковбоя, как сброшенная маска. Сидящий на заборе слез и взял лошадей под уздцы. Китаец-повар, очевидно, тоже удовлетворенный, вернулся в кухню.

— Хозяин говорил, что ожидает вас со дня на день, — сказал кривоногий. — Он обрадуется вашему приезду. Не весело лежать, подобно лягушке, привязанной за ногу. Конечно, каждый из нас с удовольствием расквитался бы за него, но он думает, что дело это касается его лично. Понятно, ему виднее, сам не ребенок. Однако думается, что вы прибыли как раз вовремя... Меня зовут Лоу, я здесь управляющий. А это — Джексон. Он посмолит за лошадьми.

— Прекрасно, Лоу! У меня тут кое-что для Джима — лед, фрукты, устрицы.

— Я отнесу китайцу, у него не пропадет.

— Как Джим?

— Раздроблена кость плеча. Хочет лечиться сам, но по-моему, будут осложнения.

Лоу ушел на кухню к китайцу. Горман повернулся к Джексону. Молодой ковбой, с целой копной светлых волос, чисто выбритый с искрой юмора в голубых глазах, понравился ему с первого взгляда.

— Кому это пришло в голову бросить камушек через вашу крышку? — заметил он, слегка усмехаясь.

— И даже два камушка. Один прошел через крышку, а другой угодил в лед.

Горман показал своему собеседнику поднятую им со ступеньки расплюснутую пулю. Джексон внимательно ее осмотрел и тихонько свистнул.

— Подобный же камушек задел и меня, — сказал он, показывая шрам на правом ухе. — Стреляли в ущелье Филина? Вы их видели?

Горман похлопал по своим револьверам.

— Чистить не нужно, — сказал он только.

Джексон понимающе кивнул и снова усмехнулся. Этот разговор, по-видимому, ему нравился.

— У меня вышло недоразумение с двумя парнями в трактире Кено. Они оказались не из очень вежливых, но достать револьверы не успели. По крайней мере тогда, в трактире. Может быть позже они и пустили их в дело. Один был на сером коне, другой — на рыжем. Лошади потмечены клеймом — кругом и буквой «Д».

Джексон нахмурился и покачал головой.

— Того, кто был на сером, зовут Курчавый, а другого — Курносый Сим. Однако я бы не стал... — он смолк, небрежно опустил пулю в карман и показал Горману глазами на подходивших Лоу и китайца-повара. Горман решил про себя, что Джексон из тех, на кого наверняка можно положиться. Напоив Негра и поставив его в загон, Горман спросил, как ему пройти к Джиму.

— Лучше всего, если вы сами о себе доложите, — сказал Лоу.

— А кто с ним сейчас?

— Никого, кроме Кармен.

Джордж вопросительно посмотрел на говорившего, и в глазах того заметил блеснувший насмешливый огонек. Лоу ему определенно не нравился. Кто эта Кармен? Какая-нибудь хитрая мексиканка, воспользовавшаяся болезнью Джима, чтобы обосноваться в его доме?

Подозрения его, однако, рассеялись, едва он открыл дверь в комнату больного и увидел Кармен, которая лет двадцать назад, быть может, и соответствовала своему имени, а теперь — расплылась и сонно кивала головой, обмахивая веером своего пациента. Проснувшись, она с недоумением уставилась на Гормана, который отпустил ее кивком головы.

— Ты, Кармен, исчезни. Уйди, понимаешь? — сказал он.

Повелительный тон возымел свое действие, и Кармен, не говоря ни слова, выплыла из комнаты, а Горман подошел к кровати, на которой лежал его больной друг.

Длинное, худое тело Джима Марсдена вырисовывалось под одеялом, как угловатая конструкция из мяса и мускулов. Одна рука и плечо были небрежно забинтованы. Давно небритое лицо было зеленовато-желтого цвета, так быстро боль и слабость согнали с него здоровый загар и румянец. Он казался тенью того человека, которого Джордж знал раньше. Жалость к Джиму поднялись в душе Гормана, и он дал себе слово жестоко расправиться с тем негодяем, который так подло напал на его друга. Он нагнулся над кроватью, и Марсден открыл глаза. Голова его беспокойно заерзала на подушке, но в широких зрачках плескался лишь бессмысленный, горячечный блеск.

— Мне так совсем не нравится, Лоу... Совсем не так, как я приказывал... Перестань раздуваться, словно пузырь... И слезь с потолка...

«Бредит, — подумал Горман. — И упрямый дурак не велел посылать за доктором... Нужно осмотреть его руку».

— Не бойся, Джим, я осторожно!..

Больной сразу поддался влиянию его уверенного и спокойного голоса. Горман с осторожностью и даже нежностью поднял друга, поправил его подушки и разбинтовал раненое плечо. Мясо вздулось вокруг маленькой ранки, но воспаления, по-видимому, не было. На спине, где пуля вышла, рана тоже выглядела вполне нормально. На столе у кровати Горман заметил жестянку с мазью. Это было снадобье из трав и корней, ароматное и целебное, рецепт которого Марсден узнал от индейцев. По-видимому, целебные свойства индейской мази выполнили работу слишком скоро, и в зажившей ране, где-то внутри, осталось нагноение.

«Кусочек кости, должно быть, — размышлял Горман, — остался в теле и рана зажила снаружи. Похоже, что внутри гной. Нужно его вытянуть... Примочка из «джепи» как раз то, что нужно...» Он пощупал пульс больного. Как все ковбои, Горман знал медицину практически, и вряд ли доктор из Доги принес бы большую пользу его другу. Горман решил положиться на свои познания и пригласить доктора лишь в том случае, если положение больного ухудшится.

— Хорошо, что я захватил с собой льду, — пробормотал он, направляясь к окну. Воздух в комнате был спертым и удушливым. Открывая окно, он заметил в верхнем стекле дырочку, пробитую пулей.

Комната, по-видимому, была одновременно конторой и спальней Марседена. Старомодный письменный стол стоял у окна, и на нем в беспорядке были раскиданы счетоводные книги. В углу виднелся металлический сейф, небольшой, но прочный. Ясно было, что покушение на Марседена произошло в тот момент, когда он сидел у стола за книгами. Горман нагнулся, стараясь представить себе траекторию полета пули, и увидел через окно небольшой холм со скамейкой, откуда, по всей вероятности, и последовал выстрел. Густые кусты растения, известного под названием «испанский штык», скрыли бы человека, даже если бы покушение произошло днем.

«Эдакий подлый выстрел», — заметил про себя Горман и, позвав Кармен, приказал ей приготовить ледяной компресс, а сам отправился искать траву «джепи», чтобы сделать из нее примочку. Вернувшись к больному, он нашел в его комнате Лоу.

— Бывает и хуже, — сказал Горман. — Стреляли в него ночью, когда он сидел у стола, не так ли?

— Да, сэр. Пуля пробила плечо и ударилась в стену, вон где штукатурка отпала. Хозяин сам вытащил ее на следующее утро. Калибр тридцать три.

— Никто из вас не ответил на выстрел?

— Постреляли немного те, кто оказался поблизости. Другие уже улеглись, или играли в карты. Мы прежде всего занялись хозяином и сразу не сообразили, откуда стреляли. Пока мы добрались до скамейки на холме, стрелявший давно скрылся. Ночь была — хоть глаз выколи! Наутро нашли следы лошади, да они скоро потерялись в камнях. У хозяина немало врагов. Рабочие, которых он

рассчитал, ковбои. К тому же год назад он помог захватить пару железнодорожных бандитов. Те теперь в тюрьме, но у них, наверно, остались на свободе дружки...

— Были у него неприятности с владельцами фермы Круг «Д»? — спросил Горман.

— Бывали...

— А Джексону из-за чего прострелили ухо?

— Из-за водопоя, сэр.

— В чем было дело?

Лоу ясно выразил свое неудовольствие этому допросу.

— Слушайте, Лоу! — сказал Горман. — Мистер Марсден сделал меня хозяином фермы, пока он не станет на ноги. Понимаете? Вы оставайтесь управляющим, как и прежде, но я буду замещать Джима, потому что он слег, а мы — старые друзья. Ну, так расскажите же мне об этом водопое.

— Это небольшой пруд, как раз на границе ферм Марсдена и Круга «Д». По карте он принадлежит Марсдену, но скот с другой фермы всегда им пользовался. По-видимому, между прежними владельцами ферм существовал своего рода договор, по которому водопоем пользовались сообща. Вода в пруду прекрасная и не пересыхает в самую жаркую погоду. Все шло хорошо до тех пор, пока хозяин не поругался с мисс Декстер. Она, видите ли, хозяйка Круга «Д», и управляет фермой с тех пор как ее отец умер, и, нужно сказать, управляет прекрасно. Поссорились они с хозяином, и ни с того ни с сего хозяин вдруг приказывает поставить новый забор по плану. Водопой и оказался огороженным. Пока шли дожди — все было хорошо. Но пришла засуха, и речонка, что протекает по долине через обе фермы, пересохла. Джонс, один из наших ковбоев, доложил как-то утром, что проволока в загородке перерезана и скот с фермы Круг «Д» загнан в пруд. Джонс прогнал скот и исправил изгородь. Потом вдруг коровы с Круга «Д» сталидохнуть. Одни говорят — засуха, другие — ядовитая трава. Кто их знает.

— А в Круге «Д» есть еще вода, кроме той речонки, что протекает в долине?

— Да, мистер Горман. Колодцы у хлевов. Конечно, падеж скота отношений между соседями не улучшил. Проволоку снова порезали. Кто-то из ковбоев Круга «Д» распустил слух в Доги, что мы хотим переморить весь скот на их ферме. Понятно, общественное мнение оказа-

лось на стороне девушки. Хозяин обозлился еще больше. Поставил людей караулить водопой. Джексону прострелили ухо. А он ранил своего противника в руку. Потом хозяина ранили. С тех пор как будто тише стало. К тому же опять пошли дожди.

— Так, благодарю, Лоу. Ну, я пойду пройдуся. Нужно собрать травы для примочки.

Очевидно, Лоу не поверил такому объяснению и подозрительно следил за Горманом, пока тот не скрылся из вида.

Таким образом, дело начинало понемногу выясняться. Между Марсденом и рыжеволосой девушкой произошла ссора. Что у девушки вспыльчивый и резкий характер — Горман не сомневался. Марсден, хотя вообще и был мягок с женщинами, вполне мог вспылить из-за пустяка. С другой стороны, Горман не мог себе представить, чтобы девушка, подобная мисс Декстер, решилась организовать такое низкое покушение.

Обдумывая все услышанное, Горман поднялся на холм, отыскивая типичные длинные листья травы «джепи». Дойдя до скамейки, он остановился и внимательно осмотрелся вокруг. До фермы было шагов двести—триста, и освещенное окно в спальне Марсдена являлось прекрасной мишенью. На земле, около скамейки, виднелись следы людей, и дерн оказался сорван на обрыве, возвышавшемся над скамейкой футов на пятнадцать. Очевидно, стрелявший спустился оттуда. Горман поднял патрон, лежавший на земле, и заметил про себя, что он соответствует калибру тридцать три. Он также подобрал окурки четырех папирос и только две обгорелые спички. Вероятно, куривший зажигал одну папиросу о другую. На спичках были видны латинские буквы — L.P. Горман перебрал в памяти папиросных фабрикантов, известных ему, заводские марки, которых обыкновенно печатались на спичках, но не мог вспомнить ни одного, имя которого начиналось бы с этих букв.

Кинув еще один взгляд на окрестности, уже тонувшие в наступающих сумерках, Горман собирался вернуться к больному, как заметил на дороге всадника, направлявшегося к ферме Марсдена быстрым галопом. Горман сбежал с холма в тот момент, когда всадник задержал лошадь перед Лоу, который вышел навстречу. Лицо Лоу выражало удивление; всадником оказалась

мисс Декстер. Она не обратила внимания на Гормана и заговорила, обращаясь к Лоу:

— Как здоровье Джима Марсдена? Я только сегодня услышала, что он ранен. Не могу ли я чем-либо помочь? Доктор у него, кажется, еще не был?

— Это очень любезно с вашей стороны, мисс Декстер, — ответил Лоу. — Кармен говорила, что он сейчас спит. Она все время находится при мистере Марсдене.

Девушка подняла голову. Глаза ее сверкнули.

— Кто такая Кармен?

Лоу замялся.

— Как вам сказать, мисс... Она живет здесь уже довольно давно... Она... я полагаю, хозяин назвал бы ее своей экономкой.

Девушка подобрала вожжи и потрепала по шее свою лошадь. Слова Лоу, по-видимому, изменили ее намерения.

— Если за ним так хорошо смотрят, то, конечно, мои услуги излишни... Но вы не ответили на мой вопрос: как его здоровье?

Лоу указал на Гормана.

— Мистер Горман видел его последним.

Сэлли Декстер повернулась в седле и окинула Гормана с головы до ног пренебрежительным взглядом.

— Ну, — сказала она, — как же здоровье вашего хозяина, господин с двумя револьверами?

— Меня зовут Джордж Горман, мисс. И Джим Марсден мой друг.

— Вы носите два револьвера, мистер Горман. У нас это признак профессионального телохранителя. Я полагала, Марсден нанял вас.

Внезапно она пришпорила лошадь и умчалась галопом.

Горман посмотрел ей в след.

«Обидчивая, — подумал он, — настоящий порох! Но как бы то ни было, вы сами сказали мне то, что я хотел знать, сударыня».

Глава IV

Собранную траву Горман отнес на кухню, где сейчас же подружился с китайцем-поваром, подарив ему полдюжины сигар.

— Ли, — сказал он, — мне нужно сварить крепкое лекарство. Быстро поставим хозяина на ноги. Понимаешь? Я сварю траву, и он ее выпьет, все равно как чай. Потом сделаю ему примочку, чтобы вытянуть из раны жар. Достань-ка мне кастрюльку.

— Моя и сам понимай медицину. Мой дядя в Шанхай славный доктор. Делает крепкую медицину. Первый сорт доктор, ол-райт! Тебе нужно варить медицину — ты забирай всю кухню! Моя зажжет много свечей перед Буддой, чтобы хозяин скорее выздоровел.

Ли Вунг открыл дверь в соседнюю комнатку, где горели, наполняя все помещение крепким ароматом, свечи перед деревянной скульптурой Будды.

— Ты славный парень, Ли, — сказал Горман, заваривая траву в кастрюльке. Ли Вунг усмехнулся, польщенный.

— Хозяин — хороший белый человек. Ты — его друг, ты, значит, ол-райт, тоже самое. Слушай, моя тебе скажет что-нибудь. Видел Лоу? — Китаец таинственно понизил голос до шепота.

— Управляющего?

Ли кивнул.

— Этот Лоу совсем плохой, — сказал он выразительным шепотом.

— Почему?

Но Ли решил, что сказал вполне достаточно, и стал нем, как устрица. Горман знал, что сейчас его выпрашивать не имело смысла. Полагаться на мнение повара было бы рискованно, хотя Горман должен был признаться себе, что без всякой особенной причины Лоу и на него не произвел хорошего впечатления.

Приготовив лекарство, он вернулся к больному. Кармен сидела у изголовья. Джим Марсден беспокойно ерзал на кровати, с холодным компрессом на голове и кистях рук.

— Лихорадка, — пробормотала Кармен, — он очень болен. — Она перекрестилась и покачала головой.

Горман снял повязку. Тело больного горело. Приложив примочки, Горман снова перевязал рану и, опустив его на подушку, заставил выпить принесенную настойку. Марсден повиновался, продолжая все время бормотать в бреду.

— ...Хорошо, хорошо, Сэлли, я верю вам... Загородка поставлена и пусть стоит. Сэлли, дорогая, я вас не ви-

ню... Вы можете думать все что хотите, но я бы хотел, чтобы вы были мужчиной. Хотя бы на одну минутку, чтобы я мог поспорить с вами, как с равным... А то ведь вы крутите меня вокруг пальца, Сэлли. Вы измучили меня вашими глазами... Разве вы никогда их не закрываете, Сэлли? Никогда, ни на минутку? Сэлли Декстер с фермы Круг «Д»... Круг «Д»... Это не круг, а кольцо... Золотое, обручальное кольцо...

Горман держал больного, пытавшегося подняться. Холодные компрессы высыхали быстро на горячем теле. Но лекарство должно было подействовать, если б только больной хоть немного успокоился. Горман нашел в походной аптечке таблетки морфия, и скоро, к великому удивлению Кармен, Марсден впал в забытие.

Между тем настал вечер, и Ли Вунг ударом в треугольный гонг возвестил, что ужин готов. Ковбои собрались к столу, и Горман, оставив больного на попечение Кармен, присоединился к ним.

Ковбои на ферме Марсдена были веселый и добродушный народ. Их насчитывалось человек двадцать, и самому старшему не было более сорока лет. Горман окинул их опытным взглядом и невольно сказал себе, что Лоу стоит значительно ниже многих из них, и еще раз удивился тому, что Марсден выбрал его управляющим. Лоу между тем представил его ковбоям, и Горман пожал руку каждому. Сидя за ужином, он прислушивался к обрывкам разговоров, к шуткам и замечаниям о ферме и работе, к намекам на прошлые ссоры и на возможность будущих столкновений. Джексон явно выделялся из общей массы, он считался лучшим наездником на ферме, и ему поручалось объезжать молодых лошадей. Его товарищи им гордились. Зависть была чужда этим простым, добродушным людям. Трудно было представить, чтобы кто-либо из них покушался на жизнь своего хозяина, о котором все без исключения отзывались хорошо. Но Горман внимательно следил, не достанет ли кто-нибудь спички, подобные тем, которые он нашел на холме у скамейки.

— Ребята, — сказал он в конце ужина, — я уверен, что все вы и ковбои с фермы Круг «Д» жили дружно до этого печального случая. Я знаю, как все это началось — ссора из-за водопоя, потом — падеж скота, потом перестрелка, в которой Джексону отхватили кусочек уха. Теперь обе фермы в непримиримой вражде. Пока Джим не

станет на ноги, я буду управлять фермой. Джим приказал отгородить пруд, почему — это его личное дело, но я намерен следить за тем, чтобы загородка стояла на месте. Полагаю, все вы со мной согласны. Если нам придется перекинуться свинцом — прекрасно. Цельтесь верно, стреляйте быстро, в честной схватке нет ничего дурного. Но, — тут Джордж ударил кулаком по столу так, что тарелки, еще неубранные китайцем, запрыгали, — я доберусь до того негодяя, который ночью из засады выстрелил в Джима, не имея достаточно мужества выйти в открытый поединок и рискнуть своим телом остановить чужую пулю. Если Джим умрет, — на мгновение голос Гормана дрогнул от волнения, но сейчас же он овладел собою и продолжал спокойно, — Джим и не собирается умирать, а я доберусь до того мерзавца, который подстрелил его, и до того трусливого шакала, который подстроил это гнусное покушение. Вы со мной, ребята?

Все ковбои поднялись, как один. Послышались одобрительные возгласы: «Правильно! Мы с вами!»

Еще долго продолжались разговоры на эту тему. Горман выслушал подробный отчет о схватке у водопоя и о других стычках, происходивших всюду, где встречались ковбои враждующих ферм. В самом Доги было несколько стычек, инспирированных Курчавым и Курносым Симом, когда те были уверены, что перевес на их стороне. О том, кто ранил Марседна, — никто ничего сказать не мог.

— Видите ли, — заметил Джексон, — ковбои с Круга «Д» — все стоящие парни. И ни один из них не подстрелит человека таким гнусным способом, как подстрелили хозяина. Единственно, кого можно было бы подозревать, это — Курчавого и Курносого Сима. Но у тех есть свидетели, что они были в Доги в ту ночь, когда хозяина ранили.

— А давно эти два парня работают у мисс Декстер? — поинтересовался Джордж.

— Да недель шесть. Говорят, раньше они имели свою ферму милях в двадцати отсюда, да прогорели. Ходит слух, что они занимались контрабандой. Во всяком случае, мисс Декстер наняла обоих, когда те явились к ней на ферму просить работы. Может, у нее не хватало людей, а может, она взяла их потому, что они отчаянные ребята, а она обозлилась на хозяина из за водопоя. Как

бы то ни было, но оба разъезжали у водополя все время, пока стояла засуха.

— Один из них и подстрелил вас, Джексон?

— Нет, сударь. Я сцепился с ковбоем по имени Грегори, который раньше был моим другом. Мы переругивались некоторое время, потом он выстрелил, уж очень я его допек. Потом я ранил его в руку. Мы и теперь смотрим друг на друга косо, когда встречаемся, но он — честный парень, этот Грегори, и к тому же великолепный стрелок, — добавил Джексон с усмешкой, касаясь своего уха.

Началась игра в покер, и Горман вышел из помещения.

— Зайду проведать Джима, — сказал он, уходя. — Ребята, на ферме распоряжается по-прежнему Лоу, если я не прикажу чего либо специально. Джексон, приготовьтесь выехать со мной утром, сейчас же после завтрака. Мы поедем к водополю.

Больной крепко спал, и капли пота была на его лице. Горман отпустил старую мексиканку, закурил сигару, вышел наружу и запер тяжелые ставни. Трудно было сказать, что могло случиться. Его приезд, казалось, явился толчком для новых осложнений.

Слова Джексона о том, что в ночь покушения Курчавый и Курносый Сим находились в городе, несколько сбили с толку Гормана, хотя он и был осторожен в своих заключениях, особенно после того, как его предположение о ссоре Джима с отцом девушки оказались фантазией. Приезд девушки тоже его несколько смущал. Горман вообще держался того мнения, что при расследованиях следует более опираться на факты, чем на домыслы, и факты эти, иногда самые незначительные, могли послужить основанием для правильной оценки событий.

Убедившись, что больной спит спокойно, Горман вышел во двор и навестил своего Негра. Ночь выдалась теплая и безлунная, но при свете звезд можно было различить силуэты построек и столбы забора. Один из этих столбов показался Горману толще других, и пока он смотрел на него, почесывая шею лошади, столб раздвоился, и темная тень подошла к Горману. Это был Лоу.

— Я думал, куда бы вас поместить на ночь, — сказал он, — если вы хотите быть с хозяином, то можно поставить в комнату походную кровать. Есть кушетка в конторе, а то можно устроиться на сеновале с парой одеял.

— Прекрасно, у меня одеяла с собой. Я посижу еще с Джимом, а потом лягу во дворе. Не люблю спать в помещении!

— Хорошо вы поговорили сегодня с ребятами, мистер Горман. Все они горят желанием расквитаться за раненого хозяина. Однако найти виноватого будет не так легко, разве что мы перестреляем всех ковбоев с фермы Круг «Д».

— Или узнаем, не был ли в окрестностях кто-либо, имевший ссору с Джимом раньше и воспользовавшийся случаем на водопое, чтобы взвалить вину на других.

— И такое возможно... Какие-либо приказания на завтра, мистер Горман?

— Я беру с собой Джексона в объезд. Остальное все, как обычно.

— Хозяину лучше?

— Увидим утром. Спокойной ночи, Лоу.

В тоне Лоу звучала подчеркнутая вежливость. Присутствие Гормана на ферме ему определенно не нравилось. Горман кивнул ему головой и вернулся в дом за одеялами. Выходя обратно, он зашел в гостиную и огляделся.

Обстановка гостиной была смешанной, отвечая потребностям своего холостого хозяина. Несколько хороших индейских ковров лежало на полу и между ними — две-три шкуры медведя и кугуара. Стены украшались литографиями, изображавшими охотничьи сцены. На большом столе посреди комнаты были разбросаны журналы и газеты. Стулья и кресла самого разнообразного фасона стояли в углах и около стола. У одной из стен помещалось механическое пианино, рядом на подставке — граммофон. Над камином на стене висела коллекция оружия — ружья, револьверы, патронташи и кинжалы. Горман их осмотрел. Все были чисто вычищены, и на стволах не замечалось следов ржавчины, однако легкий налет пыли показывал, что оружие давно не употреблялось. Думая о завтрашней поездке к водопою и возможной перестрелке, Горман снял со стены одно из ружей — автоматическую винтовку Винчестера. Открыв затвор, он с удивлением увидел, что в стволе находился патрон, и магазин был тоже полон. Ружье оказалось тридцать третьего калибра. Пройдя затем в комнату больного, Горман просидел с ним до полуночи и, почувствовав усталость, позвал Кармен. Джим спал спокойно, но Гор-

ман решил на всякий случай все же послать за доктором в Доги, сознавая, что его время будет занято, и опасаясь оставить больного на попечении Кармен и Ли Вунга.

Выбрав место на дворе, присмотренное им еще с вечера, Горман завернулся в одеяло, с наслаждением вдыхая свежий ночной воздух, насыщенный запахом прерий, и почти сразу уснул.

Легкий свет разливался на востоке, когда он проснулся, бессознательно чувствуя какую-то опасность. Привычный ко всякого рода неожиданностям, он машинально продвинул одну руку к револьверу, а другой взялся за край одеяла, готовый вскочить в любую минуту. На холме, позади него, недалеко от того места, откуда был сделан выстрел в Марсдена, кто-то укрывался в кустах «испанских штыков» и наблюдая за ним. Был ли это человек или животное, Джордж не знал, но инстинкт подсказывал ему, что там затаился враг. Тот самый инстинкт, который предупреждает лисицу, задолго до того, как она почует запах гончих.

Легкий шорох наверху показал Горману, что пробуждение его было замечено. Несколько сучков чуть слышно треснули. Потом выше на холме скатился камень. Кто бы ни был этот враг, он ретировался. Горман подождал несколько секунд и, крадучись, поднялся на холм. При слабом свете зарождающегося рассвета, он нашел то место, где опиралось о землю колено неизвестного, ожидавшего, без сомнения, наступления рассвета, чтобы одним выстрелом прикончить Гормана, как ранее он пытался прикончить Марсдена.

Инстинкт, бодрствующий в Гормане даже тогда, когда тело его спало, спас его вовремя, потому что уже теперь было довольно светло для того, чтобы стрелять почти наверняка. Оглядев местность, Горман, однако, не нашел никаких следов, которые помогли бы ему определить личность негодяя, трусливо скрывавшегося в кустах. Но спускаясь с холма, он увидел на земле коробку из-под спичек с буквами, которые еще раньше привлекли его внимание. Теперь он прочел то имя, часть которого была напечатана на обгорелых спичках: «Эль-Пало Верде. Курите Эль-Пало Верде. Лучшие сигары за дешевую цену». Адреса на коробке указано не было. Но как ни ничтожно было это указание, Горман тщательно спрятал коробку.

Больного он нашел в значительно лучшем состоянии. Примочки подействовали, и хотя опухоль держалась по-прежнему, но цвет кожи стал более нормальным. Лицо Джима было усталым и сонным. Горман принес ему легкий завтрак, и Марсден узнал своего друга.

— Ты здесь, старина? — спросил он тихо и облегченно вздохнул: Ну, значит все обойдется.

Поев немного и выпив снова настойки «джепи», Марсден пробормотал:

— Сонлив я, как медвежонок... После поговорим, Джордж... — И сейчас же уснул.

Горман оставил около него дремавшую Кармен и, отыскав Лоу, распорядился отослать в город нанятую им вчера повозку. Джексон был уже готов и поджидал Гормана на дворе. Оседлав Негра, Горман вернулся в дом и вышел оттуда с винчестером в руках. Лоу, стоявший около, посмотрел на него с любопытством.

— Что, готовитесь к стрельбе на далекое расстояние, мистер Горман? — спросил он.

— Как знать. Это оружие Джима?

— Да. Но он обыкновенно берет с собой винтовку сорок четвертого калибра.

— Прекрасно, так он не будет в претензии, что я взял тридцать третий...

Джексон с недоумением прислушивался к этому диалогу, удивляясь, почему лицо Лоу внезапно покраснело.

«Этих двух не впряжешь в пару, — решил он про себя. — Лоу не любит Гормана, почему — непонятно. Но мне Горман нравится, пусть себе носит два револьвера, если хочет. Они оба могут нам пригодиться».

Солнце едва взошло, а жара уже становилась столь же нестерпимой, как и накануне после полудня. Туман подымался с травы — так быстро солнечные лучи высушивали ночную росу. Все кругом тонуло в полупрозрачной дымке, придававшей предметам фантастические очертания, создававшей миражи и яркие радуги. Невидимые полчища цикад наполняли воздух безумолчным стрекотаньем. Горман и Джексон ехали мерным галопом, взбивая копытами лошадей пыль, мягкую, как мука. Объехав границу фермы Марсдена, они приблизились к узкой котловине, где протекала река. Деревья по ее берегам росли гуще, но листва на них опала от жары. Сама речонка тоже пересохла.

— Опять засуха, — заметил Горман.

— Опять. Тяжело придется скотине. Жарче, чем раньше. Две-три недели такой жары, и в аду покажется прохладно.

Выбрав дерево, сохранившее немного листвы, всадники придержали лошадей и закурили. Горман достал коробку из-под спичек, найденную им ночью. Спросил:

— Когда-либо курили эти сигары?

Джексон засмеялся:

— Конечно курил. Хозяин справлял именины как-то недавно и между прочими угощениями выставил десять коробок сигар «Эль-Пало Верде». Тысяча штук. Выставил нам и говорит: не ждите приглашения. Мы и не ждали! Сигары разобрали и коробки оставили себе для пуговиц. С сигарами был пакет спичек. Теперь, наверно, уже все разошлись.

Горман прищурился.

— Почему Джим остановился именно на сигарах «Эль-Пало»?

— Должно быть, потому, что они наиболее популярные. В Доги ими бойко торгуют. И спички дают бесплатно к каждой коробке.

Горман недовольно пожал плечами. Улика, на которую он рассчитывал, оказалась негодной: сотни людей курили сигары «Эль-Пало Верде».

Вскоре они подъехали к водоему.

— Просто удивительно, как этот пруд до сих пор не пересох, — заметил Джексон. — Не иначе, его питает источник. Держу пари, что скот с фермы Круг «Д» толпится около изгороди, если она еще цела.

Джексон захватил с собой все принадлежности для починки изгороди: гвозди, молоток и круг проволоки. Водоем был футов в семь-десять длиною, полный свежей, чистой воды, в которой по колено стояли коровы, переставшие пить при приближении всадников.

— Так и есть, — сказал Джексон, — изгородь сломана. Коровы большею частью с Круга «Д», но есть и наши.

Горман заметил углубления в земле, где раньше были вбиты колья забора, перенесенные теперь так, что водоем оказался отгороженным. Но проволока была перерезана.

— Едем, — сказал он. — Джексон, вы отрежьте им дорогу, а я погоню их обратно в поле. Потом восстановим изгородь и приготовим достойную встречу тем, кто попробует снова резать проволоку.

Через несколько минут скот разделили на две группы, и коровы, принадлежащие Кругу «Д», были с гиком перепровожены через границу. Пыль, поднятая ими, висела еще в воздухе, как стоявший на холме Джексон крикнул что-то и галопом подскакал к Горману.

— Некогда готовиться к встрече, — сказал он спокойно, хотя в глазах его сквозило возбуждение, — два ковбоя с Круга «Д» мчатся сюда во весь опор. Черт возьми! За ними еще двое! Будет весело!

Горман посмотрел на него одобрительно.

— Сидите смирно, пока я не начну, — распорядился он. — Двое против каждого из нас — чертовски интересно! Пусть подъедут.

Глава V

Они разъехались шагов на двадцать и спокойно ожидали ковбоев. Те задержались на некоторое время, и двое из них занялись стадом, которое Горман и Джексон отогнали от водопоя, а двое других направились к сломанной изгороди. Горман завязал поводья на луке седла, и обе руки его теперь оказались свободны. Джексон держал поводья в левой руке, а правую упер в бедро.

Как и предполагал Горман, подъехавшие ковбои оказались Курчавым и Курносым Симом. По-видимому, спокойствие врагов показалось им подозрительным, потому что Курчавый раза два поглядывал назад, словно боясь, что подкрепление не подоспеет вовремя. Разговор вел Сим, подбодряя себя ругательствами.

— Это вы отогнали коров от водопоя? — спросил он.

— Нет, — сказал Горман, — им стыдно стало пользоваться чужим водопоем, вот они и решили уйти добровольно.

— Но они вернуться, черт подери!

Горман лениво зевнул и прикрыл рукой рот. Потом опустил руку к бедру.

— Проволоку нужно бы натянуть, — заметил он добродушно, словно они мирно беседовали об общей работе.

Снова Курчавый беспокойно оглянулся. Двое ковбоев все еще возились со стадом. Сим почему-то обозлился.

— Попробуйте только опять натянуть проволоку, — сказал он, побагровев, — и поверьте, что ни один из вас больше никогда не возьмет молотка в руки!

— Я и не собирался ее натягивать, — проговорил Горман примирительным тоном, — слишком тяжело работать в такую жару!

Сим усмехнулся. Джексон с удивлением взглянул на Гормана, но в глазах того было что-то, заставившее молодого ковбоя приготовиться к любым неожиданностям.

— Жарко, а? — закричал Сим. — Еще бы не жарко! Однако не так жарко, как в том месте, куда вы попадете, если только тронете эту проволоку! Ничего, Курчавый, — добавил он обращаясь к своему товарищу, — я же говорил тебе, что эти скотогоны с фермы Марсдена просто-напросто хвастуны. Крикни там, чтобы гнали сюда стадо.

Но Курчавый не двинулся. Его челюсть отвисла, а руки внезапно поднялись над головой. Он испуганно уставился на Гормана, в руках которого неожиданно появилась пара револьверов, направленных прямо ему в живот.

— Руки вверх, вы, оба! — приказал Горман совсем другим голосом. — Быстро! Секунда — и вы на том свете. Джексон, отберите их револьверы. Разрядите и отдайте им обратно. Теперь слезайте с коней, джентльмены. Осторожно, а не то еще свалитесь. Джексон, дайте Курчавому проволоку, а мистеру Симу — молоток и гвозди. Я сказал, что для меня сегодня слишком жарко работать, а вот вам небольшая разминка будет полезна. Ну, пошевеливайтесь!

Захваченные врасплох, ковбои повиновались неохотно, двигаясь медленно и поглядывая на своих товарищей, оставшихся со стадом, которые, очевидно, видели, что дело неладно, и, въехав на холм, смотрели в сторону водоема, прикрыв глаза от солнца.

— Джексон, смотрите, чтобы джентльмены работали исправно, — велел Горман, вынимая из чехла винчестер.

Не сходя с лошади, он сделал два выстрела, и два клубочка пыли поднялись у самых ног лошадей ковбоев, как молчаливое предостережение и доказательство меткости стрелка. Повернув круто лошадей, ковбои помчались в разные стороны, очевидно, пытаясь охватить водоем с двух сторон. Джордж покачал головой.

— Эдакие дурни, я ведь вполне корректно предупредил их, теперь придется ранить лошадей, которые виноваты лишь в том, что на них взгромоздились упря-

мые ослы. Следите, Джексон, чтобы гвозди были забиты правильно.

Выражение физиономий невольных плотников было комично. Джексон сурово на них покрикивал, словно десятник на ленивых рабочих. Пригнувшись и держа винчестер под мышкой, Горман взбежал на ближайший холм и лег на траву. Измерив расстояние, он прицелился. В это время один из всадников круто повернулся к водоему и помчался вдоль забора, крича что-то своему товарищу. В ту же минуту Горман увидел третьего всадника, тоже направляющегося к водоему.

— Еще один! Славная лошадка! Э, да это девушка!

Он тихонько присвистнул и, спустившись с холма, пошел к водоему с винтовкой наперевес. Сим и Курчавый работали в поте лица, подгоняемые Джексоном, который даже не давал им времени обтереть лица. Работа была наполовину закончена.

Оба ковбоя появились из-за холма одновременно с девушкой. Сим и Курчавый продолжали работу, в то время как Сэлли Декстер круто осадил свою лошадь, присевшую на задние ноги.

С высоты седла девушка взглянула сперва на стоявшего перед ней Гормана глазами, буквально метавшими искры. Но людям, которые бросили на землю инструменты и уставились на нее с виноватым видом. Два других ковбоя подъехали ближе и остановились, держа руки наготове у револьверов. Горман отставил винтовку и приподнял шляпу. Девушка не обратила на приветствие ни малейшего внимания.

— Вы что здесь делаете? — крикнула она гневно.

Курчавый глупо усмехнулся. Сим попробовал отшутиться:

— Чистим себе ногти, мисс!

Девушка вспылила и взмахнула хлыстом. Сим отпрянул назад, бормоча ругательства.

— Они поправляют изгородь, где проволока была перерезана, мисс Декстер. И ставят колья туда, куда полагается, — пояснил Горман.

Сэлли Декстер тронула шпорой свою лошадь и та прыгнула вперед, почти коснувшись Гормана, который даже не шелохнулся. Лошадь захрапела, кусая удила.

— Куда полагается? — крикнула девушка, стараясь сдержать гнев. Ее лицо, покрасневшее от волнения, было

прелестно. — Переставьте немедленно колья! Вы, трусы! — обернулась она к Симу и Курчавому. — Сломайте изгородь! Обрежьте проволоку!

Оба ковбоя переглянулись, скосившись на револьвер в руках Джексона.

Горман положил обе руки на револьверы, и ковбои позади мисс Декстер, понимая, что перевес на стороне Гормана, быстроту и меткость которого они сумели оценить по заслугам, сидели неподвижно. Девушка оглядела всех и спросила:

— У кого есть ножницы для проволоки? — Все молчали. Заметив рукоятку ножниц, торчавшую из кармана Сима, она обратилась к нему:

— Дай мне ножницы, Сим, я сама перережу проволоку.

— Если вы это сделаете, мисс Декстер, — сказал Горман спокойно, — мне придется заставить этих молодцев чинить изгородь снова. Только напрасная потеря времени.

Девушка поняла, что спорить бесполезно.

— Жаль, что я не мужчина, — досадливо сказала она, словно подчеркивая, что ее пол мешает ей действовать как бы она того хотела. Но ответ Гормана вывел ее из себя окончательно.

— Мне тоже жаль, мисс! — сказал тот холодно.

Их глаза встретились, и ни один из них не отводил упорного взгляда. Зрачки девушки сузились, темные ресницы дрожали от возбуждения. Перегнувшись с седла, она сказала так тихо, что никто, кроме Гормана, ее не слышал:

— Я ненавижу вас, Горман, — проговорила она. — Видит Бог, как я вас ненавижу!

Разумеется, по глазам Гормана она поняла, что, будь она мужчиной, его действия были бы иными, и только то, что она — женщина, спасает ее от должного наказания. Ее слова он встретил сдержанной усмешкой. Она чувствовала, что пускает в ход женское оружие, бесполезное и смешное в этом споре. И что это оружие вызывает в нем насмешку. Задыхаясь от гнева, она попыталась еще раз овладеть положением, хозяином которого сделался этот спокойный молодой человек.

— Вы — вы наемный убийца! — гневно крикнула она. — Право на этот водопой принадлежало нашей ферме еще до того, как отец купил ее. Вы еще и вор —

вор и убийца! Более тридцати моих коров сдохли от яда, подсыпанного вами!

— От яда? — неприятно удивился Горман.

— Да, от яда. Мышьяк подмешали в каменную соль. Животные слизали ее и умерли в страшных мучениях. По-вашему, это не убийство?

— Видите ли, мисс, — сказал Горман, — я только вчера приехал, и меня приветствовала вот эта достойная пара, занятая сейчас починкой изгороди. Вы не можете винить меня в том, что ваш скот был отравлен. Я также убежден, что Джим Марсден неспособен на подобную гнусность. Поверьте, мне искренне жаль ни в чем неповинную скотину. Марсден меня не нанимал, но я во всем его замещаю. К сожалению, он все еще не пришел в себя, и я не имею ни малейшего понятия о том, почему он распорядился огородить водоем. Поскольку, я понимаю, все шло хорошо до тех пор, пока вы не поссорились...

— Поссорились? Я никогда не унижу себя настолько, чтобы ссориться с человеком, нет, с такой пародией на человека, как Джим Марсден...

— Пойдите немного, — голос Гормана прозвучал резко, и в глазах появилось выражение, заставившее Сэлли Декстер оборвать свою тираду, а Горман продолжал: — пойдите, мисс. Вы говорите о человеке, который стал моим другом уже тогда, когда вы еще под стол пешком ходили. Повторяю, мне искренне жаль, что вы не мужчина, а то я заставил бы вас доказать ваши слова или жестоко расплатиться за них.

— Я могу доказать их!

— Я предпочитаю узнать раньше все подробности от Джима, — сказал Горман сухо. — И не потому, что он мой друг, а потому, что он честный человек, с какой бы стороны вы на него ни посмотрели. В одном я уверен: Джим не из тех, кто затеял бы ссору с женщиной, и не из тех, кто лишил бы воды скотину, издыхающую от жажды. С другой стороны, он никогда не поступится своим правом.

— Круг «Д» имеет все права на водоем! — с жаром воскликнула девушка.

— Это ваше мнение, мисс Декстер! Кому принадлежат права по закону — решит суд. А пока что мы знаем, что скот был отравлен, что проволока в изгороди перерезана, что были стычки, не говоря уже о том, что Джима подстрелили из засады.

— Ваш Джексон подстрелил Грегори в темноте, — воскликнула девушка, — выстрелил первым и ранил его в руку.

Джексон и Грегори переглянулись. До сих пор они молчаливо прислушивались к спору девушки с Горманом, не принимая в нем участия, но вполне готовые принять таковое словом или делом.

— Право не знаю, кто выстрелил первым, — вмешался Джексон. — Мы оба были возбуждены и нервничали. Однако, думается, что если б я ранил Грегори в правую руку, вряд ли он мог бы прострелить мне потом ухо. По всей вероятности, мы выстрелили одновременно.

— Правильно! — подтвердил Грегори.

Сэлли Декстер взглянула на него сердито. Потом снова обратилась к Горману:

— Вы обвиняете меня в покушении на Джима Марсдена?

— Нет, мисс Декстер, я вас ни в чем не обвиняю. Я спросил вас, не знаете ли вы, кто это сделал, и вы сказали, к моему полному удовлетворению, что не знаете. Я также не обвиняю кого-либо из ваших ковбоев. Есть у вас двое — вот эта пара, любезно помогающая мне починить изгородь, которая способна на такое покушение. Выстрелить в человека, будучи уверенным в своей собственной безопасности, — как раз в их характере. Но насколько я знаю, они случайно оказались на вашей ферме и к тому же доказали свою непричастность к покушению. Но не в этом дело. Вернемся к вопросу о водопое. Положим, мы установим перемирие. Пусть ваша скотина пользуется водой до тех пор, пока суд не установит точно, кому принадлежит водоем. Затем, мы будем считать, что ни вы, ни ваши ковбои не причастны к покушению на Джима, а вы поверьте моему честному слову, что мы не виновны в отравлении вашего скота. Что вы об этом думаете? Заключим перемирие. Враждебные действия прекратим и постараемся совместно выяснить — кто стрелял в Джима и кто отравил скот.

Сэлли посмотрела на Джорджа нерешительно и, чуть помедлив, спросила:

— А кто мне поручится за то, что Джим Марсден сдержит ваше обещание?

— Не обижайтесь, мисс Декстер, но вы, очевидно, мало знаете людей. Если я даю слово — Джим сдержит его, как и я.

Девушка тряхнула головой, и недоверчивое выражение исчезло с ее лица. Потом она нагнулась с седла и протянула руку. Горман снял перчатку и бережно пожал ладошку Сэлли.

— Я согласна, мистер Горман, — сказала она. — Но я полагаюсь на ваше слово, а не на слово Джима Марсдена. К нему у меня нет ни капли доверия, как я уже сказала.

Горман промолчал, решив, что можно утешить ее, предоставив ей последнее слово.

— Великолепно, Джексон! — крикнул он, направляясь к Негру. — Отпусти рабочих и заberi у них наши инструменты.

Курчавый и Сим перезарядили свои револьверы. Горман не обращал на них внимания, но Сэлли Декстер повернула к ним лошадь и крикнула:

— Вы уволены! Оба!

— Уволены? — переспросил Сим. — Без предупреждения?

Девушка рассмеялась:

— Ковбоя рассчитывают, если он не может справиться с работой. Вы сами себя рассчитали час тому назад.

— Ну, это мы еще посмотрим, черт подери!

— Еще одно слово, — сказала девушка, — и я заставлю вас обоих топать на ферму пешком за вашими вещами.

Сим схватился за револьвер, но Курчавый остановил его руку. Горман в это время подтягивал подпругу седла, а Джексон дружелюбно разговаривал с ковбоями Круга «Д».

— Пешком? — криво усмехнулся Сим. — Это кто же заставит меня идти пешком? Не вы ли, рыжеволосая красавица?

Прежде чем Горман успел проучить нахала, девушка выхватила свой кольт из чехла и направила его на Сима.

— Вот именно! — сказала она холодно. — Слезайте с лошадей, оба.

Курчавый повиновался первым. Сим с минуту смотрел на девушку с перекошенным от злобы лицом.

— Вы поплатитесь за это! — пробормотал он.

Девушка не обратила внимания на его угрозу.

— Грегори, возьми у них лошадей! — приказала она и, кивнув головой Горману, пришпорила лошадь и помчалась обратно.

Грегори подобрал поводья лошадей.

— Ты — трус и хвастун, — сказал он Симу, — давать тебе советы — только время тратить, но я все же рискну: ты свои угрозы брось! И ты, и Курчавый — совсем не ковбои, и плохо вам придется, если вы только тронете мисс Декстер. Понимаешь?

Сказав это, он отъехал, уводя лошадей. Сим плюнул ему в след, пробормотав ругательство. Джексон посмотрел на Гормана, потом указал глазами на изгородь.

— Я как раз об этом подумал, — заметил Горман. — Эй, приятели, а ведь вы еще не закончили!

Сим снова схватился за револьвер, но прежде чем он успел до него дотронуться, Горман прострелил ему шляпу, задев прядь его лохматых волос.

— Какого черта вам еще нужно? — закричал Сим.

— Вы не закончили чинить изгородь, — мягко сказал Горман, улыбаясь, и вертя в руке револьвер. — Нужно еще обнести проволокой обе стороны водоема.

— Вы не имеете права заставить нас работать, — проворчал Сим.

— Правда, но я решил проучить вас за невежливое отношение к мисс Декстер. Если вы почините ограду — то мы будем квиты.

Сим злобно посмотрел на него.

— Ты что о себе воображаешь? Ты что за цаца такая? Думаешь, что если у тебя два револьвера, так ты и герой? Не испугаешь меня своими револьверами! Стреляй, если посмеешь! Мы не обязаны работать на тебя, и если ты меня убьешь, то сам покачаешься за это на суку, приятель! К черту твою изгородь! Стреляй, чего ждешь?

Горман не мог скрыть чувства молчаливого восхищения, когда Сим спокойно повернулся и пошел прочь. Когда тот отошел шагов на двадцать, Горман развернул лассо и бросил петлю. Она опустилась на плечи Сима. Негр, слушаясь хозяина, резко повернулся и Сим, сбитый с ног, оказался на земле. Барахтаясь и ругаясь, он тащился по грязи, не в силах освободиться от мертвой петли. Негр вошел в воду, и Сим, захлебываясь, скатился с берега в водоем, побарахтался в воде и вылез, бессильно опустившись на землю.

— Что, поостыл немного? Как теперь относительно изгороди? Исправишь? Ну вот и прекрасно! Отдайте ему молоток и гвозди, Джексон!

Не говоря ни слова, Сим и Курчавый принялись за работу, и скоро изгородь была полностью восстановлена. Потом они отдали инструменты и ушли по направлению к ферме Круг «Д».

— Далеко ли ферма? — спросил Горман Джексона.

— Миль семь-восемь. Мисс Сэлли Декстер — огонь девица. Выхватила револьвер скорее меня. Красавица, и вспыльчивая. Парень, которого она наметит себе в мужья, должен быть тоже не промах, иначе она скрутит его по рукам и ногам, как теленка.

— Я тоже так думаю, — заметил Горман. — Интересно, как чувствует себя Джим? Едем, Джексон, пора.

Глава VI

Вернувшись на ферму, Горман узнал, что Лоу сам поехал в город с повозкой, которую Горман нанял вчера. Это казалось странным, так как любой из ковбоев мог сделать то же, и управляющему не было никакой необходимости ехать самому. Другой ковбой — Джонс — тоже уехал в город, но не воспользовался повозкой, хотя бы и мог таким образом сохранить силы своей лошади.

— Джонс и Лоу — на ножах, — заметил Джексон. — В тот день, когда Джонс донес, что проволока у водоема перерезана, Лоу выругал его за то, что он не починил изгородь. Джонс оправдывается: а чем мне чинить ее, говорит, зубами, что ли? У меня не было ни молотка, ни гвоздей... Лоу в тот день был с похмелья — накануне кутил в Доги, — оттого, должно быть, и придрался.

Горман подумал, что на месте Джима не держал бы Лоу и одного дня. Но, быть может, Джим имеет какие-либо основания доверять Лоу? Горман решил выждать.

Он нашел, что самочувствие друга стало гораздо лучше. Лихорадка почти прошла, появился аппетит и желание говорить. Горман отправил Кармен отдыхать и решил провести с другом остаток дня. Прежде всего, он накормил его, потом осмотрел рану. Кожа вокруг нее приняла багровый оттенок. Посмотрев в зеркало, поданное Горманом, Джим покачал головой и сказал:

— Похоже, как будто внутри что-то готово лопнуть. Твои примочки здорово помогли.

— Дня через два ты будешь на ногах, — заметил Горман.

— Чувствую себя еще слабым. Но рана, видимо, заживает, благодаря тебе, старый дружище... А что, я много бредил? — Бледное лицо Марседена покраснело, когда Горман кивнул головой.

— Ты нес разную чепуху, потом говорил о девушке и о кольце, обручальном кольце.

— Упоминал я ее имя?

— А ты за многими ухаживал с тех пор, как поселился здесь?

— Право, не упомню... Ты ведь знаешь, Джордж, я обожаю дамское общество... Но, между нами говоря, я решил жениться. Не подобает мужчине жить одному, разве что он — такой закоренелый холостяк, как ты. Я мечтаю о женщине, которая встретила бы меня дома по возвращении с работы, распевала бы во всех комнатах, возилась бы в кухне, одним словом, как говорится в книжках, скрашивала бы жизнь. Потом — детишки...

— Тэк-с... Ты всегда был неисправимым романтиком, Джим!

— А то как же? Ну, естественно, я ухаживал за многими, чтобы найти ту, которая придется мне по сердцу. Самую наилучшую. Может быть, я и не стою того, но вполне естественно стремление узнать девушку со всех сторон, прежде чем связаться с ней на всю жизнь. А как ты ее узнаешь, если не поухаживаешь? Разве я не прав, Джордж?

— Несомненно, дружище! А они, со своей стороны, охотно пойдут тебе навстречу, потому что у тебя и своя ферма, да и в банке приличный капитал. Каждая из них, едва встретив тебя, уже мечтает о том, как она будет распевать в твоём доме, распоряжаться твоими деньгами и управлять тобой и твоей фермой по своему женскому усмотрению. Скажи-ка откровенно, Джим, сколько у тебя их было?

— Как тебе сказать... Ну... была Люси Биггер — у ее отца магазин в городе; потом — Минни Галей, Лиззи Пеннок, Хелли Вайт...

— Постой, постой... Ты что же, обручен с какой-либо из них?

— Не так чтоб окончательно... Конечно, сплетни ходят. Все — прелестные девушки, однако я не думаю, чтобы я с ними поладил.

— Тэк-с. Вижу, что у тебе все же больше соображения, чем у годовалого теленка, — ты, по крайней мере, знаешь, что нужно выпутаться из веревки, прежде чем петля затянется. Ну а как относительно мисс Сэлли Декстер? По-видимому, до ссоры вы были большими друзьями. Я не желаю ничего выпытывать, Джим, мне только нужно уяснить себе, как обстоит дело. Скажу тебе откровенно, я видел ее всего три раза, а сегодня утром мы заключили перемирие и согласились относительно водопоя. Ее скот был отравлен мышьяком, а ты знаешь, что делается с несчастной скотиной от этого яда? Все нутро перегорает от жажды. Я сказал ей, что ты не из тех, кто способен замучить бессловесную тварь. Так что мы решили оставить вопрос открытым до тех пор, пока суд не решит, кто из вас прав.

Минуты две Марсден лежал неподвижно, закрыв глаза.

— Ты мудро поступил, дружище, — сказал он наконец. — Я согласен с тобой, поскольку дело касается скота, — только отъявленный негодяй способен на такую мерзость. А мисс Сэлли — да, нет на свете другой женщины, подобной ей! Гордая, храбрая, честная, а наружность — ну, да ты ее сам видел. Она может быть прекрасным другом, опасным врагом и, думается мне, великолепной женой. Я уверен, что между нами все наладится... Я однажды уже сделал ей предложение....

— И что же, она отказала?

— Хуже, чем отказала... — Джим сокрушенно вздохнул. — Она говорит... «Джим Марсден, — заявила она, — я надеялась, что вы сделаете мне предложение, я хотела, чтобы вы его мне сделали, чтобы сказать вам в лицо то, что я о вас думаю. Не то, что вы ухаживаете за каждой девушкой... Есть и другие вещи, которые я о вас знаю, и вы должны понять, что ни одна порядочная девушка не пожелает вашего общества. Если б мой отец был жив, — он бы проучил вас, Джим Марсден, за то, что вы смеете говорить мне о вашей любви. Говорить о любви вам так же пристало, как свинье о чистоплотности. У меня нет брата, и я не желаю обращаться к родным. Я женщина и я, мстя вам, пускаю в ход женское оружие. Мой ответ на ваше предложение: нет, нет, если б даже мне пришлось выби-

рать между вами и смертью!» Вот так-то!.. И скажу тебе, дружище, это ее женское оружие ранило меня глубоко! «Убирайтесь, — продолжала она, — и не смейте переступить границы между моей фермой и вашей. Занимайтесь своими делами и оставьте меня в покое»... Потом повернулась и уехала, не дав мне и слова сказать... Понимаешь, Джордж, я буквально обалдел... Ничего особенно дурного не было в том, что я ухаживал за другими девушками... Я не соблазнил ни одну из них, я никому ничего не обещал... А кроме этого, я не сделал ничего такого, что могло бы оттолкнуть такую девушку, как Сэлли Декстер... Обидеть ее тем, что признаться в своей любви? Абсурд! Я был оскорблен, унижен, и чем больше я думал о ее слова, тем большая злость во мне закипала... Потом я приказал огородить водопой и — каша заварилась... Теперь я уже успокоился... Это хорошо, что ты заключил перемирие. Унизительно для мужчины ссориться с женщиной. К тому же, необходимо объясниться. Почему она на меня рассердилась? Кто отравил ее скот? Кто меня ранил? Во всем этом чувствуется чья-то рука. Вот почему я послал за тобой, старина. Один я не справлюсь, и слушай, — он поднялся на локте, — если я не помирюсь с Сэлли — то я и выздоравливать не желаю... Может быть, тебе это не понятно, но для меня она — все, понимаешь, вся моя жизнь!

— Может, я и не понимаю, Джим, но скажу одно: если в моих силах уладить вашу распрю — я улажу, вот тебе мое слово!

— Я знаю, Джордж!

Друзья пожали друг другу руки. Они знали, что могут положиться на свою дружбу.

— Знаешь, она замечательная девушка, — сказал Марсден после некоторого молчания.

— Лучших я не встречал, Джим.

— Правда?

— Ей-богу.

Чтобы скрыть свое волнение, Марсден попросил папиросу, и некоторое время оба курили молча.

— Давно у тебя служит Лоу? — спросил Горман.

— Года два.

— Дельный работник?

— Бывают и лучше, но есть и хуже. Раньше он работал на ферме Круг «Д».

— А! Почему?

— Он ушел с фермы, когда старый Декстер умер. Говорил, что не хочет служить там больше. Ну, я и взял его тогда, нуждаясь в управляющем. А что, он тебе не нравится, Джордж?

— Не особенно. Однако Ли Вунг его еще больше недолюбливает.

— С чего бы вдруг?

Горман рассказал.

— Странно, — заметил Джим. — Ли Вунг тоже работал раньше на ферме Круг «Д».

— Ушел по той же причине, что и Лоу?

— Да, — Марсден усмехнулся. — Сказал мне, что женщины-де все время возятся около кухни и суют всюду свои носы. «Ты, — говорит, — сам это увидишь!»

— У тебя, по-видимому, симпатия ко всему, что с фермы Круг «Д», — сухо заметил Горман. — Мисс Декстер действительно производит впечатление строгой и рачительной хозяйки. Между прочим, Лоу сказал мне, что тебя подстрелили пулей тридцать третьего калибра.

— Верно, у меня и пуля сохранилась. Хочешь посмотреть?

— К чему? Тридцать три — весьма распространенный калибр. Я заметил у тебя в гостиной винчестер тоже тридцать третьего калибра. Висел на стене заряженный...

— Заряженный? Никогда в жизни я не повешу заряженного ружья на стену. Помнишь тот случай с женой фермера? Последний раз я охотился с этим ружьем месяца два назад и прекрасно помню, что разрядил магазин.

— Возможно, что я ошибся, — сказал Горман небрежно, желая успокоить больного, затем продолжал: — Лоу говорил мне, что у тебя есть враги, Джим. Рассчитанные рабочие, железнодорожные грабители. Он уверен, что кто-либо из них стрелял в тебя.

— Трудно сказать. Не думаю, чтобы рабочие отважились на такое. Вот железнодорожные грабители — другое дело. Тут как-то подобралась настоящая разбойничья шайка. Сперва устроили две-три кражи, обобрали банк, остановили почтовую карету. Нам это в конце концов надоело. Шериф наш — парень трусливый и вялый. Так что, когда слух дошел до нас, что бандиты обокрали поезд, мы собрались, человек двадцать, выследили всю шайку и поймали двух. Остальным удалось удрать и скрыться. Пойманных посадили в тюрьму, а остальные,

наверно, и сейчас скрываются в окрестностях. Ждут, пока о них позабудут. Кто либо из них, действительно, мог меня подстрелить, потому что я руководил погоней. Жаль, что тебя с нами не было.

Горман переменял тему разговора и рассказал Марсдену о том, что случилось сегодня утром у водоема и как Сим с Курчавым чинили изгородь. Скоро больной утомился и задремал. Горман сидел около, покуривая и глядя в окно на небо, подергивавшееся румянцем заката и вспоминая различные эпизоды прошлых лет, из которых была соткана их дружба с Марсденом. И теперь, в первый раз за все эти годы их дружба была в опасности. Горман хорошо знал Джима и сознавал, что любовь его к Сэлли Декстер — не мимолетное увлечение, но сильное чувство, могущее затмить дружбу. И он, Горман, дал слово помочь этой любви завершиться прочным союзом...

Пока он сидел так, раздумывая, в комнату бесшумно вошел Ли Вунг. Его лицо, обычно такое бесстрастное, было искажено волнением и косые глаза бегали беспокойно.

— Ты ходи скорей, — проговорил он шепотом, кинув взгляд на спящего хозяина. — Лоу — он совсем разошелся. Моя думай — он убивай Джексона. Потом сел на лошадь и скакал как черт!

Глава VII

Горман застал ковбоев толпящимися в помещении конторы, где жил Лоу, откуда четверо выносили кого-то на одеяле. Он успел разглядеть лежащего — это был молодой Джексон, избитый и пораненный, находившийся в бессознательном состоянии; его рубашка была порвана, на коже виднелись пятна крови. Горман нахмурился.

— Драка? — спросил он.

— Да, мистер Горман, — сказал один из ковбоев. — Лоу вернулся из города сильно навеселе. Мы в конторе играли в карты. Хозяин это всегда позволял, а тут вдруг Лоу напустился на нас и говорит, чтобы мы уходили, он хочет быть один. Мы решили сперва кончить игру. Тут Лоу давай рассказывать, что он слышал в Доги, будто бы весь город знает о том, как вы с Джексонном устроили засаду утром у водополя, называет вас трусами. Джексон

был тут же. Он — спорить. Мы все в конторе были без револьверов, кроме Лоу. Когда Джексон назвал его лжецом, Лоу схватился за револьвер, да я выбил его у него из рук. Тогда Лоу бросился на Джексона с кулаками; мы видим, что тут обычная драка и что Джексон сам задирается. Решили не мешать, хотя такая драка и не по правилам, потому что Лоу фунтов на двадцать тяжелее Джексона. Будь дело на ринге, по пять минут на каждый раунд, — то, может, Джексон и устоял бы. Итак, он нанес два-три удара, от которых Лоу закачался, и расквасил ему нос. Но в подобной свалке все шансы оказались на стороне Лоу. Он загнал Джексона в угол комнаты и бил его почем попало. Джексон, однако, отвечал на каждый удар. Если бы мы вмешались и оттащили Лоу — Джексон никогда бы нам этого не простил. Потом они схватились вплотную. Лоу изловчился и двинул Джексона в затылок. Тот закачался, Лоу придержал Джексона левой рукой под подбородок, а потом со всего маху врезал ему правой в челюсть. Джексон покатился и стукнулся головой об пол, как обухом по полену. От этого двойного удара он и потерял сознание. Я опасаясь, не будет ли сотрясения мозга.

Горман приподнял веки Джексона и увидел, что бояться нечего.

— Есть у тебя нашатырь? — спросил он Вунга.

Нашатырь вмиг принесли, и скоро Джексон пришел немного в себя. Его отнесли в общее помещение.

— Экая досада, — вздохнул один из ковбоев, — жаль, что Джексон схватился врукопашную. Будь у него револьвер, Лоу лежал бы теперь на его месте.

Оказалось, что после драки Лоу собрал свои пожитки, оседлал лошадь и уехал, очевидно, распрощавшись с фермой Марсдена навсегда. Горман отчасти был рад этому. Вмешиваться в ссору Джексона было поздно: молодой ковбой выступил в защиту их обоих и проиграл. Горман пожалел, что его не было в конторе, когда вернулся Лоу, и что ему не пришлось схватиться с управляющим на револьверах, или на кулаках. Очевидно, Лоу считал, что его служба кончилась после того, как он определенно стал на сторону Курчавого и Сима в стычке у водопоя.

К Горману подошел Ли Вунг:

— Ужин готов. Мой — стучи в гонг?

— Конечно, Ли. Как Джексон?

Ли Вунг сказал доверительно:

— Моя работал с Лоу, работал на ферме Круг «Д». Нехороший человек. Совсем нехороший. Пьет. Крадет. Строит куры мисс Сэлли, а она смотрит на него, как на землю, или на забор. Понимаешь? Один день я подслушал. Мисс Сэлли говорит ему: не валяй дурака. Он, Лоу, хочет поцеловать ее руку. Она не дает. Тогда он хватает ее, хочет поцеловать ее щека. Ого! — Ли Вунг восторженно взмахнул руками. — Как она его побила! Потом ушла. Лоу скрипел зубами, говорит, я тебе отомщу. На другой день ушел с ферма.

За ужином Горман размышлял. Ему казалось, что он начинает видеть просвет в окружавшей его мгле. Кровь в нем закипела, как всегда, когда действие приближалось к развязке. Ему хотелось бы отправиться в Доги, поймать Лоу и выколотить из него всю правду. С другой стороны, он не решался оставлять Джима одного. Не придя ни к какому заключению, он зашел проведать Джексона. Ковбой лежал лицом к стене, отказываясь от пищи, вздрагивая от волнения. Горман понял, что больше всего задето самолюбие Джексона, и потому лучше оставить его в покое. То же сделали и другие ковбои — врожденная чуткость подсказала им нужную линию поведения.

Горман поднялся на холм со скамейкой, набил трубку и сел, поглядывая на блестящие, крупные звезды. Слабый ветер доносил до него аромат прерии. Где-то завыл шакал, другой ему ответил, и вой оборвался. Постройки фермы смутно вырисовывались во мраке, только окно комнаты Джима было освещено, да из кухни, сквозь неплотно прикрытую дверь, падала во двор полоска света.

Горман думал. Он старался быть по возможности беспристрастным, но его мысли крутились невольно вокруг Лоу. В ночь покушения на Джима Лоу появился позже всех в комнате своего хозяина и, по словам присутствующих там, был возбужден и дышал тяжело, словно бежал откуда-то. Потом — заряженный винчестер тридцать третьего калибра, по-видимому, повешенный на стену впопыхах. Далее — явное недовольство, которое Лоу тщетно пытался скрыть. Оказывается, по словам Ли Вунга, и он, и Марсен — оба влюбились в Сэлли. Мог ли один отверженный поклонник стрелять в другого?

Но, по-видимому, кто-то умышленно распускал гнусные сплетни про Марседена и доносил на него девушке. Не был ли это тот же Лоу?

Внезапно Горману отчетливо представилась его вторая встреча с Сэлли Декстер. Он припомнил колебания Лоу, когда девушка спросила его, кто такая Кармен. «Я полагаю, хозяин назвал бы ее своей экономкой». В этой фразе скрывался намек, рассчитанный на то, чтобы девушка представила себе Кармен отнюдь не толстой, старой мексиканкой. Горман и сам впал в подобную ошибку, услышав о Кармен первый раз. Да, Лоу нельзя терять из виду. Нужно отправиться в Доги завтра же утром.

Он продолжал курить. Образы, вызванные в его воображении, понемногу расплывались... Вместо них вырисовывался облик молодой девушки с рыжими волосами, горящими на солнце. Он снова видел ее рассерженные глаза, чувствовал пожатие ее маленькой руки. Ничего подобного раньше с ним не случалось. Никогда женщина не западала ему в душу. А теперь он не в силах отогнать ее образ и все время какой-то голос, казалось, шепчет ему на ухо: «Ты никогда не встречал подобной женщины, Джордж. Никогда! Она — для тебя. Джим тоже любит ее, но — она его оттолкнула. Она сказала, что ненавидит тебя, Горман. Когда женщина это говорит — нередко она думает совсем наоборот. Это значит, что ты смутил ее; также, как и она тебя. Ты задел ее сердце, как она — твое. И она — красавица. Представь ее в доме — в твоём доме... Ее губы — на твоих губах»...

Горман вздрогнул. Мгновенно рука его соскользнула к бедру, и, когда какая-то темная фигура отделилась от кустов, револьвер Гормана был уже на взводе.

— Сеньор! Amigo¹! Не стреляй! — Две руки поднялись над головой по сторонам громадного сомбреро. Из-под него блестели глаза. Горман различил лицо, усы. Подошедший оказался мексиканцем.

— Вы сеньор Горман? Bueno²! У меня для вас письмо. Нужно отдать вам в руки. Просят ответ».

Горман взял письмо, которое мексиканец достал из своего сомбреро. На узком конверте не имелось адреса.

¹ Amigo (исп.) — друг.

² Bueno (исп.) — хорошо.

Бумага была толстая, плотная. Почерк — женский. Он стал читать при свете спички:

— «Уважаемый господин Горман. Не можете ли вы встретить меня завтра утром у ручья Сладкой Воды? Я постараюсь быть там в десять часов, но могу опоздать. Это свидание для меня крайне важно, и я уверена, что вы не сочтете свое время потерянным. Не можете ли ответить с посланным? Пожалуйста, не говорите никому ничего до тех пор, пока мы не объяснимся. Поэтому я и посылаю Мигуэля, вместо одного из своих ковбоев. Сэлли Декстер».

При свете нескольких спичек Горман прочел письмо дважды. Сердце его забило. Сама форма письма была ему приятна. Сэлли назначила ему свидание, тайное свидание, значит, она не ненавидит его. Но не будет ли это изменой другу? Напротив, как друг Джима, который сказал, что не может жить без девушки, Горман должен повидать ее.

— Передай пославшей тебя, что я согласен, — сказал он Мигуэлю.

Глава VIII

Мексиканец бесшумно исчез, поглощенный ночным мраком. Горман прислушивался некоторое время к замиравшему стуку копыт его лошади, потом вернулся к больному. Около полуночи Марсен внезапно проснулся. Рана его открылась и нагноение вышло наружу вместе с кусочками кости, оставшимися в теле. Горман промыл и перевязал рану.

— Ну, ты скоро поправишься, Джим! Примочки «джепи» сделали свое дело. Теперь можно залечивать снаружи.

— Да ты настоящий доктор, Джордж... Уф, какое, облегчение! А то я чувствовал себя, словно раздутый пузырь!

В общих словах Горман рассказал ему о бегстве Лоу, но умолчал о полученной им записке. Мисс Декстер просила его хранить тайну. Однако впервые за время их дружбы Джордж чувствовал себя неловко перед Джимом.

Дождавшись, когда больной уснул, Горман взял одеяла и отправился к подножью холма, где и проспал до

рассвета. Утром он взял на себя обязанности управляющего, распорядился насчет дневной работы и сообщил ковбоям приятную новость о здоровье хозяина. Потом навестил Джексона, который все еще пребывал в удрученном состоянии.

— Ребята рассказали мне, что ты постоял за себя, — сказал Горман, и искренность его тона сразу подбодрила молодого ковбоя. — Но впредь будь осторожнее, не схватывайся с противником, который тяжелее тебя. Все же нос ты ему здорово расквасил.

— Я убью его, — проворчал Джексон. — Он первый полез за револьвером. В следующий раз и я буду вооружен, и посмотрим, кто скорее спустит курок!

Горман кивнул головой одобрительно:

— Сделай мне одолжение и не торопись слишком! Мне думается, что Лоу может ответить на несколько интересующих меня вопросов. А как труп он и не красив, и бесполезен. Когда настанет время его захватить — твоя очередь первая, в этом даю тебе слово! — Потом, переменив разговор, он спросил: — А что, много шакалов убили близ фермы за последнее время?

Джексон посмотрел на него с удивлением:

— Шакалов? В этом году ни одного, насколько я помню.

— Гм... Не знаешь ли, кто хранит яд, не Лоу?

Джексон начал понимать.

— Нет. Яд для шакалов всегда хранился у хозяина, только за последнее время и у него ничего не было. Я знаю потому, что нам как-то понадобился мышьяк для чистки шкуры, но на ферме не оказалось ни крупинки.

— Я нашел вот это в столе, в конторе, — сказал Горман, показывая Джексону пустую коробку, на дне которой были следы беловатого порошка. На крышке, с названием единственного в Доги аптекарского магазина, была надпись: «Мышьяк. Осторожно. Яд». Магазин обязан вести точный учет покупателей мышьяка, — продолжал Горман, — если Лоу купил яд, то, наверно, сказал, что это для шакалов, и аптекарь, зная, что он управляющий на ферме Марсдена, не имел никаких оснований ему не поверить. Мне бы хотелось узнать, какого числа яд был куплен, и кто расписался в получении. Если Лоу — то что он с ним сделал. В этой коробке достаточ-

но мышьяка, чтобы отравить целое стадо. Я рассчитываю проехать в Доги сегодня вечером. Поедешь со мной?

— Конечно. Только захвачу на этот раз револьвер.

— Правильно. Я тоже не забуду своих кольтов. А пока что пойдем завтракать.

Ковбои встретили их дружескими замечаниями, как будто вчера ничего особенного не случилось. Поев, Джексон повеселел; разговор перешел на драку, и, по замечаниям товарищей, Джексон увидел, что они считают его поведение правильным и что стыдиться своего поражения ему нечего.

Часов около семи утра Горман оседлал одну из лошадей Марседена, решив сохранить силы своего Негра для поездки в Доги, и направился к ручью Сладкой Воды. Справившись у ковбоев, он узнал, что ручей этот находится милях в двенадцати от фермы Марседена и милях в четырех от Круга «Д». Очевидно, мисс Декстер считала необходимым соблюсти строгую тайну.

По дороге Горман обдумывал записку девушки и признался, что хотя и не понимает цели свиданья, но, несмотря на свое хладнокровие, волнуется при мысли о новой встрече с ней. В десять часов он уже подъезжал к зарослям камышей, скрывающих ручей. Девушки еще не было, и Горман, плохо зная местность, не решился поехать к ней навстречу. Но в записке было сказано, что она может опоздать. Напоив лошадь, Горман спокойно прождал до одиннадцати. Дольше ждать не имело смысла. Достав записку, он снова прочел ее. Не было ли здесь западни? Казалось невозможным, чтобы такая девушка, как Сэлли Декстер, заставила его приехать сюда из простого дурачества. Для чего понадобилось ей, чтобы он все утро отсутствовал на ферме? Или, быть может, она по-женски захотела ему отомстить за тот случай со шляпой, в их первую встречу?

Нахмурившись, Горман порвал записку и бросил ее по ветру. Потом подобрал поводья и направился к дому. Лошадь, отдохнувшая и поевшая сочной травы у ручья, бежала бодро, и скоро он оказался уже в трех милях от фермы. Внезапно вдали на дороге появился клуб пыли, и Горман различил всадника, несущегося к нему навстречу во весь опор, ведя на поводу свободную лошадь. Это был Джексон, ведущий в поводу Негра.

— Что случилось? — спросил Горман, встревожась.

— Скорей меняйте лошадь. Один из наших видел, как вы поехали в эту сторону, и я поспешил к вам навстречу, едва только услышал новость.

— Какую новость?

— Почтовая карета подверглась нападению у моста, что находится около Известкового утеса. Один курьер убит, другой ранен. Пассажиры ограблены, и ящик с золотом для Синабарских рудников украден. Разбойники разобрали мост, а из-за поворота кучер ничего не заметил, и лошади мчались во весь опор. Пять бандитов выскочили из кустов и крикнули: «Руки вверх!» Кузнец Ганк только полез за револьвером, как получил в грудь три пули. Убит на месте. Его сосед ранен в ногу. Потом перерезали постромки и удрали с добычей. Карета кое-как вернулась в Доги, и весь город теперь на ногах. Шериф и человек двадцать пустились в погоню, да кого они поймают? Город возбужден, грозятся расправиться судом Линча. Джонс только что вернулся из Доги, говорит, что толпа верхом и в автомобилях собирается разгромить нашу ферму.

— Нашу ферму?

— Бандиты были замаскированы, и клейма на их лошадях — замазаны грязью. Но их предводитель был верхом на черной лошади, держал два револьвера и был одет точь-в-точь как вы. Понимаете? Кучер и пассажиры описали бандита, а услужливые сплетники разнесли по всему городу, что вы предводительствовали бандитами. Лоу, Курчавый, Сим и Кено старались больше других. Толпа легко верит слухам. Вы попали в драку, едва приехали в Доги, вы носите два револьвера. Трактирщик Кено выставил бесплатно угощение, толпа перепилась и требует линчевания. Если только они вас поймают — никакие убеждения не помогут.

— Где находится Известковый утес?

— Миль десять отсюда на юго-восток.

— А я находился миль за двенадцать в противоположной стороне. У ручья Сладкой Воды. Но я не могу доказать этого, Джексон. У меня нет никаких доказательств.

Значит, записка все-таки оказалась западней, средством завлечь его с фермы на несколько часов, в течение которых кто-то замаскировался под него и ограбил почту. Горман знал, кто проделал этот трюк.

— Кому какое дело, можете вы доказать, где вы были, или нет! — воскликнул Джексон. — Они загнали вас

в угол, и никакие доказательства теперь не помогут. Толпа перепилась и повесит вас на первом телеграфном столбе. Нужно бежать.

Горман колебался.

— Не сможете же вы справиться с целой толпой, — увещевал Джексон. — А наши ребята задержат их, пока вы не скроетесь. Потом, когда найдут настоящих бандитов, я вас извещу.

— Ты прав, — сказал Горман, — нужно найти настоящих бандитов. Пока они не найдены — за мою голову назначат награду. Но я их найду. Хочешь мне помочь?

Джексон посмотрел на него с удивлением. Горман был совершенно спокоен. Говорил так, словно дело шло о поимке заблудшей коровы. Только губы его сжались и глаза словно потемнели. Он не думал ни о толпе, ни о шерифе, а собирался сам поймать бандитов... Молодой ковбой был восхищен.

— Я готов, — сказал он. — Нужны еще люди? Наши ребята пойдут с удовольствием!

— Нет. Много народу — только испортит дело. Пыль, пальба, шум — а толку мало. Я вижу, что ты захватил с собой еще один револьвер и винчестер с патронами. У тебя мозги хорошо работают, Джексон.

Джексон даже покраснел, польщенный похвалой.

— Пусть лучше на ферме не знают, где я. Ребята покажут, что не видали меня с утра. Толпа скоро разойдется. А мы поедем к мосту, где случилось нападение и посмотрим, не осталось ли каких либо следов, если только шериф со своей ватагой их не затоптал. Я пересяду на Негра, а мою лошадь пустим по дороге. Она найдет ферму, и это будет знаком для наших ковбоев, что ты со мной повстречался.

Горман сел на Негра, а лошадь без седока направилась по дороге к ферме. Оба всадника крупной рысью направились к Известковому утесу. Мысли Гормана усиленно работали. Ясно, что его приезд нарушил планы шайки, во главе которой стояли Лоу, Курчавый и Сим. По-видимому, это были остатки той же банды, которая ограбила поезд. Отдельные события начинали складываться в ясную картину. Лоу стрелял в Марседена отчасти из мести за двух пойманных товарищей, отчасти оттого, что сам был влюблен в Сэлли Декстер и, разумеется, в ее богатую ферму. Он же, очевидно, наплел девушке

разных небылиц про Джима и убедил ее в том, что Кармен живет у Марседена не только как экономка. Эти сплетни могли рассердить девушку, подобную Сэлли Декстер, а тот факт, что Кармен ухаживала за больным — окончательно убедил ее в справедливости слов Лоу. Но если она оттолкнула Джима из-за Кармен — значит, она ревновала его. А если ревновала — значит, любила... Что же теперь делать ему, Горману? Очевидно, приложить все силы к тому, чтобы помирить поссорившихся.

А Лоу? Это он, без сомнения, подсыпал мышьяк скоту Круга «Д», чтобы усилить вражду между двумя фермами. Посеяв ненависть вокруг себя, Лоу терпеливо ожидал результатов, но приезд Гормана, верного друга, опытного ковбоя, храброго и энергичного, разрушил планы Лоу. Гормана следовало убрать с дороги как можно быстрее. Тут возникла идея ограбить почту и свалить вину на Гормана. Черные лошади были достаточно обычны, но масть лошади вместе с двумя револьверами и сходной одеждой — становились уже серьезной уликой. Лоу рассчитал верно.

Горман пожалел, что Джим сейчас не с ним, как в доброе старое время. Но и Джексон — отличный помощник. К тому же Марседен уже поймал двух бандитов из той же шайки, и теперь очередь Гормана изловить остальных.

Глава IX

Джексон указал на тропинку, по которой они могли доехать скорее до моста. Тропинка шла через горы, покрытые густым лесом. Пришлось взбираться по крутым склонам и съезжать со скатов почти что на крупах лошадей.

— Мы начнем поиски там, где произошло нападение, — сказал Горман. — Не забывай, что золото находилось в ящике. Бандиты были на лошадях. Чтобы не канителиться с ящиком, они решили его разбить и поделить золото. Поэтому будем искать остатки разбитого ящика. Поездка наша не будет походить на пикник, Джексон, — добавил он невесело.

— Я и не рассчитывал на пикник, мистер Горман! У меня свои счета с Лоу.

Они проезжали теперь по земле, принадлежащей ферме Круг «Д». С горы ясно различались постройки и ограды. Спустившись в долину, всадники задержали лошадей, внезапно настороживших уши. Издалека доносился глухой стук копыт. Горман соскочил с Негра и взобрался на ближайшее дерево. Вдали мчалась группа всадников.

— Это ковбои из Круга «Д», — сказал он. — Джексон, у тебя с ними вражды нет. Поезжай вперед и узнай, в чем дело.

Джексон выехал на дорогу и заулюлюкал. Кавалькада повернулась на ходу, как птица во время полета, и помчалась навстречу Джексону. Впереди скакал Грегори. Последовал короткий разговор, после чего Джексон круто повернул лошадь и карьером вернулся к Горману, который выехал ему навстречу. Ясно было, что ковбои с Круга «Д» не были врагами, иначе Джексон не выдал бы местопребывания Гормана.

— Они ищут мисс Декстер! — закричал Джексон, осаживая лошадь. — Она уехала рано утром, сказав старой негритянке, что вернется к десяти часам. То же она сказала и Грегори. Настало время обеда — а ее все нет. Негритянка нашла в комнате мисс Сэлли записку и принесла ее Грегори. Говорит, что записку привез мексиканец вчера вечером. Письмо подписано вами. — Джексон испытующе посмотрел на Гормана, но лицо того казалось выточенным из камня. Потом молодой ковбой продолжал: — В записке сказано, что вы просите ее встретиться и поговорить относительно недоразумения с водопоем. Место встречи — в ущелье Филина.

— В ущелье Филина?

— Да, там, где вам прострелили шляпу, когда вы ехали на ферму из города.

— Это проделки Курчавого и Сима! Едем!

Горман пришпорил Негра, не привыкшего к такому обращению, и подъехал к группе всадников, которые смотрели на него с недоверием, близким к подозрению.

— Ребята, я не посылаю мисс Сэлли никакой записки, — сказал Горман, приступая прямо к делу. — Я сам получил записку, подписанную ею, в которой она назначала мне встречу у ручья Сладкой Воды. Принес ее мне мексиканец вчера вечером.

— Эта записка у вас с собой? — спросил Грегори.

— Нет, я порвал ее.

С минуту оба смотрели друг на друга.

— Записку мисс Сэлли принес тоже мексиканец, бродяга по имени Пабло Мартинец. С ним я поговорю позже и выведаю правду или долларом, или револьвером. Вот эта записка, сэр.

Горман прочел ее. Почерк столь же мало походил на его, сколь почерк другой записки, по всей вероятности, на почерк мисс Сэлли. Какая-либо знакомая Лоу или Курчавого, выдавшая лучшие дни, написала ее. Да и сам Лоу мог бы написать обе записки, так как ни мисс Декстер, ни Горман не знали почерка друг друга. Достав из кармана карандаш, Горман быстро написал на обороте письма его содержимое.

«Уважаемая мисс Декстер!

Я бы желал переговорить с вами относительно недоразумения с водопоем. Я уверен, что все может быть улажено, но необходимо, чтобы мы встретились по возможности скорее. Я буду ждать вас в ущелье Филина в десять часов завтра утром. Надеюсь, что вы меня встретите, остаюсь ваш

Джордж Горман».

— Вот мой почерк, ребята, — сказал Джордж. — Сами видите разницу.

Ковбои склонились над письмом. Горман понял, что их недоверие вполне естественно и что, убедившись в его невиновности, они могут быть ему полезны в его поисках. Прежде всего следовало найти Лоу. В глазах Гормана, Лоу был человеком с извращенным чувством, которое лучше всего могло быть вылечено свинцовой пулей. Теперь, когда он думал о Сэлли Декстер, находившейся во власти этого негодяя, холодная ненависть уступала место бешеной злобе.

— Вы были в ущелье Филина? — спросил Горман у Грегори.

— Прежде всего. Мисс Декстер находилась там. Мы видели ее следы на земле, где она сошла с лошади и ходила, ожидая. Никаких признаков борьбы. Очевидно, бандиты кинули на нее лассо и связали.

Каждый из всадников представил себе мысленно девушку брошенной на землю, волочащейся на веревке по пыли и каждый в душе решил отплатить за нее.

— В котором часу была ограблена почтовая карета? Кто-нибудь из вас знает? — спросил Горман.

— Она была на мосту часов около восьми утра, — заметил один из ковбоев. — Бандиты могли проехать оттуда к ущелью Филина напрямик через поля.

— А может быть, они разделились: одни занялись золотом, а другие увезли девушку, — сказал кто-то.

— Прежде всего нам нужно побывать у моста, — решил Горман, — и времени терять нельзя.

Лошади Гормана и Джексона были свежее других, но вся кавалькада помчалась крупным галопом через поля, взобралась на хребет, окружавший долину с протекавшей по ее дну рекой, через которую был перекинут мост, заменивший старый брод у Известкового утеса. Подъехав к мосту, всадники разделились в поисках следов. Горман без труда нашел взломанный ящик из-под золота, замок которого был сбит револьверными выстрелами. Земля кругом носила отпечатки лошадиных копыт и сапог. Здесь, очевидно, произошел дележ добычи. Дальше были найдены еще следы, показывающие, что бандиты отправились к юг.

— Если даже шериф и найдет эти следы, — заметил Джексон, — то он не последует за бандитами, потому что игра слишком опасна. Наш шериф не любит рисковать.

Ковбои дали передохнуть лошадям, закурив папиросы и трубки. К югу от них подымалась зубчатая цепь гор. В чистом воздухе она казалась совсем близкою. Длинные тени падали от нее на равнину. Следы бандитов ясно указывали, что они направились в горы к проходу, который лежал между двумя хребтами, известными под именем Топоров.

— За этими горами начинается пустыня, — сказал Джексон. — Насколько я знаю, там только в одном месте и есть вода — в ущелье Казита, которое уже лет пятьдесят как пользуется дурной славой — настоящий притон контрабандистов и разбойников. Я как-то побывал там, отыскивая украденную лошадь, — опасное место. Туда бандиты и направились. Только с ними ли мисс Декстер?

— С ними, — сказал Горман.

Он был в этом уверен, иначе не могло и быть. Это было дело рук Лоу, Лоу, которого оттолкнула девушка. Лоу — бандит, прикинувшийся простым ковбоем, Лоу — пытавшийся застрелить своего соперника, отравивший скот. Похищение девушки стало его последним делом. Горману казалось, что он видит Сэлли, увлекаемую в мрачное ущелье бандитами, и что в глазах ее он читает просьбу о помощи и надежду, что эта помощь придет от него, от человека, которого она, по ее же словам, ненавидела...

— Мисс Декстер либо увезена в ущелье, либо вернулась благополучно домой. Кто хочет — пусть возвращается на ферму, а я еду в ущелье Казита.

Сказав это, Горман направился по следам бандитов, и все как один последовали за ним. Солнце садилось, и тени стлались по прерии. Только вершины Топоров рдели багровым румянцем. Сумерки сгущались быстро. Фигуры всадников едва намечались в темно-синей мгле. Кусты кактусов, камни и деревья казались мутными, расплывчатыми пятнами. Только звезды отчетливо горели в высоте, мигая, как огоньки свечек, колеблемые ветром. Следы бандитов стали невидны. Но и без них было ясно, что путь преследователей лежал к единственному водоему в пустыне, к глубокому пруду на дне ущелья Казита.

Глава X

Молчаливо и бесшумно они подъехали к подножью гор, возвышавшихся во мраке гранитными массами. Где-то среди этих голых, угрюмых утесов лежало ущелье Казита — узкая, глубокая расселина, куда боязливо забегали антилопы, чутко прислушиваясь, не затаился ли где-либо их вечный враг — кугуар¹, да бродили шакалы, ожидая своей очереди поживиться остатками пиршества.

Вход в ущелье, находившийся на западном склоне, трудно было найти даже днем. Проезжая близ отвесной стены гор, всадники зорко следили, не покажется ли где-либо трещина, означавшая вход. Горман, ехавший впереди, остановился перед расщелиной, похожей на

¹ Кугуар — пума, млекопитающее из рода кошек.

бойницу крепостной стены. Сойдя с лошади, он зажег спичку и при свете ее увидел на песке следы копыт. Здесь останавливались бандиты.

По словам Джексона, узкий проход, едва достаточный для одного человека тянулся на несколько десятков шагов. Стены его были так круты, что казалось, сходились в высоте, и только одинокая звездочка, видная снизу, показывала, что расщелина эта рассекала утес сверху донизу. Далее проход внезапно расширялся и образовывал долину, усеянную обломками камней, обточенных ветром и водой, придавших им причудливые формы: одни были словно гигантские монументы, другие походили на пирамиды или развалины замков.

— Если они еще там, то мы их заблокируем, — сказал Джексон, — другого выхода из котловины нет.

— Ты предлагаешь ждать, пока они сами не выйдут? — спросил Горман.

— Ну, ждать придется чересчур долго. Один человек в этом проходе может выдержать осаду в течение месяца. А я уверен, что бандиты прихватили с собой достаточно пищи. Лоу — не дурак. Наверняка он распорядился поставить часового. И если бы даже нам удалось пробраться во внутрь котловины — они перестреляли бы нас, скрываясь за камнями. Если вы мне не верите — давайте попробуемся вдоль прохода, и вы сами увидите.

— Что ж, поглядим, — решил Горман.

С револьверами в руках они поползли по узкому коридору, почти касаясь стен локтями; продвинувшись шагов на двадцать, увидели на камнях отблеск костра. Они достигли поворота, на этом повороте, где проход становился несколько шире, стоял часовой.

Разведчики продолжали ползти осторожно, едва продвигаясь. На фоне костра ясно вырисовывалась фигура человека с винтовкой. Горман прижался животом к земле и пополз вперед. Добравшись до камня, почти загораживающего проход, он осторожно поднялся и заглянул в щель между камнем и стеной прохода.

Человек, сидевший у костра, чутко прислушиваясь, словно чуя что-то подозрительное, оказался Курчавый. По-видимому, обязанности часового ему не особенно нравились, он нервничал и смотрел по сторонам, пугаясь красноватых теней, перебегающих по камням от пламе-

ни. Подойти к нему ближе было невозможно. Стрелять Горман не решался, боясь поднять тревогу. Позади Курчавого проход кончился, и в открытой котловине виднелись костры, силуэты людей и лошадей. Горман вернулся обратно.

— Бандиты выбрали превосходное место, — сказал он Джексону, когда они вышли из прохода, — они приняли все меры предосторожности, но нам необходимо придумать, как пробраться во внутрь расселины.

— Лоу не тронет мисс Сэлли, — заметил Грегори, — ему нужно жениться на ней, чтобы завладеть ее фермой.

— Я уверен, что она скорее повесится, чем выйдет за него, — сказал Горман, — во всяком случае, я бы хотел избавить ее от ночлега с этой бандой висельников. Нам нужно проникнуть в котловину во что бы то ни стало.

— Не будучи ни птицей, ни горным козлом, я, право, не знаю, как вы это сумеете сделать. Говорят, что можно спуститься в котловину с другой стороны, против прохода. Но как вы взберетесь наверх, вот в чем вопрос.

— Можно попробовать. Я рискну.

— Я с вами, — сказал Джексон.

— Спасибо, дружище. Я рад.

— Вы оба сломаете себе шеи. Как вы взберетесь на эти утесы?

— Мне кажется, я видел откос немного позади нас, который не выглядел таким неприступным, — сказал Горман.

— А нам что делать? — спросил Грегори.

— Охранять выход из котловины. Дайте нам час времени. Если к тому сроку вы не услышите выстрелов, — то делайте, что хотите, нам, значит, крышка. Лучше снимите сапоги, Джексон. Тебе понадобятся и когти и ногти для этой прогулки.

С окровавленными пальцами рук и сорванной кожей на ногах, Горман и Джексон добрались до вершины утесов, двигаясь осторожно в направлении ущелья Казита. В темноте оно было видно благодаря отблеску костров на камнях. Добравшись до него, они поползли по неровным верхушкам утесов, окружающих котловину, отыскивая место для спуска, о котором говорил Грегори. На дне

котловины при свете костров они различали фантастические очертания камней, блеск воды в неподвижном пруду, фигуры людей около костров. До них доносилось ржанье лошадей, обрывки разговоров и пьяных песен. Вся ватага была, очевидно, в изобилии снабжена вином, и это обстоятельство делало положение девушки еще более опасным.

— Помните же, мистер Горман, если мы увидим Лоу — я стреляю первым, — сказал Джексон.

— Лоу побил тебя в ручной схватке, Джексон, но он же ранил моего друга и украл его возлюбленную. Я сведу с ним счеты при первом случае. Здесь — не Доги, и твой промах может стоить нам жизни.

Они добрались теперь до стены, как раз против входа в котловину. Горман наметил один путь вниз, Джексон — другой.

— Выбирай любой, Джексон, — сказал Горман, — но учти, если хоть один камешек вырвется у тебя из-под ног — нам конец. Я хочу захватить их врасплох. Кто знает, что они сотворят с мисс Декстер, если увидят, что их могут схватить. Если ты спустишься раньше меня — сиди смирно, пока я не спущусь. Будь осторожен. Рассчитай так, чтобы встретить меня вон у того камня, что вправо от пруда. И смотри, не зацепись винтовкой за что-либо...

— Ладно, — пробурчал Джексон, слегка обиженный таким обилием советов.

Он лег на живот и стал спускаться. Упершись ногой в выступавший камень, он исчез за краем утеса. Горман нашел желоб, проточенный в горе водою, и съехал вниз на спине. Горман прикинул, что прошло уже минут сорок с тех пор, как они покинули группу всадников у подножья скалы. Осторожно пробуя ногой каждый выступ, он продолжал спускаться, раза два чуть не сорвавшись и не увлекши за собой поток мелких камней. Добравшись до дна котловины, он побежал, согнувшись, прячась за камнями, пока не добрался до скалы справа от пруда, которую они с Джексоном выбрали для встречи. Скрывшись за ней, Горман увидел лагерь бандитов как на ладони. Группа возле костра распевала скабрзные песни пьяными голосами. Внезапно из темноты вышел Лоу и приказал им прекратить пенье.

— Ты что же, боишься оскорбить слух своей дамы? — ехидно спросил Сим, икая. — Оч-чень жаль, Лоу... Оч-чень жаль... Пусть привыкает... А знаешь, Лоу, ты что же ее от нас прячешь? Пусть-ка выйдет к нам... Не так ли, ребята?

Сим повернулся спиной к Лоу и обратился за поддержкой к своим товарищам. Лоу в бешенстве выхватил револьвер и выстрелил. Сим взмахнул руками и, простреленный насквозь между лопатками, рухнул навзничь. Остальные бандиты вскочили. Лоу направил на них револьвер...

Горман выстрелил. Но прежде чем он спустил курок, другой выстрел раздался у входа в котловину: Курчавый подал сигнал. Рука Гормана дрогнула, и пуля, вместо того, чтобы раз навсегда покончить все счеты с Лоу, только сбила с него шляпу. В ту же минуту к нему подбежал Джексон, и оба вышли из засады.

— Руки вверх! — крикнул Горман. — Вы окружены!

У входа в котловину слышалась ожесточенная пальба. Однако преодолеть узкий проход оказалось не легко.

Бандиты столпились, прячась друг за друга в темноте. Из задних рядов прозвучало два выстрела. Пуля разорвала рукав рубашки Гормана и обожгла кожу. Бандиты бросились врассыпную, прячась за камни, падая на землю. Лоу разбросал ногами костер. В темноте гремели выстрелы, шелкали пули, ударяясь о камни. Горман был уверен, что ранил Лоу, но рана оказалась настолько серьезной, чтобы обезвредить его, и Горман бросился за ним следом, стреляя на ходу. Два бандита свалились перед ним, потом еще один. Но Горман берег заряды. Быть может, не удастся перезарядить оружие. Лоу где-то скрылся, Джексон тоже пропал. Весь план пошел на смарку из-за того, что Лоу выстрелил в Сима, а ковбои с Грегори во главе приняли этот выстрел за сигнал к атаке.

Но где находилась девушка?

Стрельба у входа с каждой минутой становилась ожесточеннее. Горман насчитал восемь бандитов, не считая Лоу. Еще двое было у входа в котловину. Трое убиты. Лоу — ранен, Сим убит. Джексон тоже, наверно, отправил на тот свет одного или двух... Горман вжался в выемку ближайшего утеса и перезарядил револьверы. Выстрелы на минуту смолкли, потом раздались с новой силой уже ближе. Ковбои ворвались в котловину.

Внезапно темнота посветлела, словно вино, разбавленное водой. Полная луна поднялась над восточным склоном гор, и ее лучи разогнали темноту, загоняя ее в тени утесов и играя серебристым светом на поверхности камней. Горман на мгновение оказался в ее лучах, заблестевших на металлических частях его оружия. С отвесной стены котловины, тонувшей в тени, до него донеслось едва слышное восклицание, и смутный силуэт головы показался за одним из камней... Блеснул ствол ружья... Одновременно грянули два выстрела и сверкнули два огня...

Горман выиграл ничтожную долю секунды. Его пуля угодила как раз между глазами головы, выглянувшей из-за камня. Наверху послышался шорох падающих камней, и человеческое тело грузно свалилось к ногам Гормана, дрогнуло конвульсивно и замерло. Мертвое, искаженное лицо Лоу смотрело прямо на луну, а пуля, выпущенная последним, конвульсивным движением пальца, расплющилась об утес над головой Гормана.

Несколько бандитов в панике пробежали мимо Гормана, преследуемые ковбоями. Один из бегущих поднял руки вверх, сдаваясь, другой бросился в пруд и, настигнутый пулей, повис на берегу, наполовину в воде. Еще чья-то темная фигура прокралась мимо Гормана. Он окликнул ее, но вместо ответа фигура упала за камень и выстрелила. Горман укрылся за утес, выждал, пока силуэт бандита не обозначился яснее, и выстрелил. Кто-то зашевелился за камнем, слабо застонал и затих.

Схватка кончилась. Ковбои собрались и при свете луны стали считать потери. Из бандитов были убиты пятеро, четверо ранены сильно и двое — легко. Курчавый, подавший первый сигнал, сдался, не пытаясь сопротивляться.

Горман огляделся. В одной из стене котловины, на высоте десяти футов виднелась небольшая пещера. Он вскарабкался туда и увидел в пещере то, что ожидал: связанная по рукам и ногам, с платком во рту там сидела Сэлли Декстер.

Он поднял ее, развязал и поставил на ноги. Она оперлась о него, онемевшая от неудобной позы, и он понес ее вниз на руках. Она посмотрела на него снизу вверх и тряхнула головой, так, что ее волосы, отливавшие червонными золотыми при свете луны, рассыпались по плечам.

— Я знала, что вы придете первым, — прошептала она. — И я звала вас все это время. Звала и молилась. И вы пришли.

Ее лицо тянулось к нему, словно предлагая в награду поцелуй горячих губ.

— Понятно, я пришел, — сказал Горман спокойно. — Джим Марсден не мог, так что я пришел вместо него.

— Джим Марсден... Вы только о нем и думаете?

— Больше, чем о ком-либо другом. Я бы спустился в ад, чтобы вернуть Джиму любимую девушку... И я уверен, что он сделал бы то же и для меня...

— Для вас? — глаза девушки смотрели на него вопросительно. — Разве вы... вы любите кого-нибудь?

На минуту Горман зажмурил глаза. Он переживал самую страшную борьбу — борьбу с самим собой.

— Конечно, люблю, — сказал он тихо, — люблю женщину, на которой женат...

— Вы — женаты?

Он выдержал ее взгляд и кивнул головой.

— Пойдемте, — сказала она тихо, — отвезите меня к... к Джиму...

Неделю спустя Горман снова ехал через Доги на своем Негре. Ветер крутил пыль по улицам как и прежде, но ничья шляпа не прыгала по панелям тротуара и не выходила из лавки рыжеволосая девушка. И выехав из города в прерию, он остановился и жадно вздохнул свежий воздух.

— Да, Негр, — обратился он к своему коню, — и ты и я, мы оба повенчаны — повенчаны с этим простором прерии, с ее свободой... И поэтому я не думаю, старина, чтобы мы с тобой когда-либо сюда вернулись. Ни в Доги, ни к Джиму, ни в Круг «Д»...

И Негр, словно понимая своего хозяина, перешел в ровный галоп, унося Гормана в прерию, где человек может мечтать о женщине, но редко находит ее...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Фридрих Герштеккер
ЛУГОВЫЕ РАЗБОЙНИКИ

Часть I. Под покровом рясы

<i>Глава I.</i> Свидание конокрадов	7
<i>Глава II.</i> Дядя и племянник. Охота на оленя	16
<i>Глава III.</i> Ассовум и Роусон. Предстоящая свадьба	21
<i>Глава IV.</i> Регуляторы. Стычка	29
<i>Глава V.</i> Мэриан и Браун	35
<i>Глава VI.</i> Медвежья охота	43
<i>Глава VII.</i> Арканзасские врали	52
<i>Глава VIII.</i> Кровавые следы. Труп	63
<i>Глава IX.</i> Второе свидание бандитов. Досада Роусона. Мэриан	72
<i>Глава X.</i> Выборы в Птивиле	80
<i>Глава XI.</i> Ассовум и Алапага	101
<i>Глава XII.</i> Уэстон и Коттон	105
<i>Глава XIII.</i> Неожиданная встреча	110
<i>Глава XIV.</i> Бегство	117
<i>Глава XV.</i> Покинутая хижина	121

<i>Глава XVI.</i> Проповедь. Страшная вестъ	129
<i>Глава XVII.</i> У тела Алапаги	134
<i>Глава XVIII.</i> Похороны	138

Часть II. Суд Линча

<i>Глава I.</i> Охота на пуму	145
<i>Глава II.</i> Рассказ Кука. Гарпер и Баренс	149
<i>Глава III.</i> Робертс и Роусон. Индеец	157
<i>Глава IV.</i> Вильсон. Прелестная служанка	163
<i>Глава V.</i> Ферма Аткинса. Ночной гость. Пароль . . .	169
<i>Глава VI.</i> Неожиданные посетители. Новый план	180
<i>Глава VII.</i> Встреча с пионером. Мнимый регулятор	195
<i>Глава VIII.</i> Мэриан и Гарпер. Приезд Эллен	202
<i>Глава IX.</i> Собрание регуляторов. Хитрость против хитрости	207
<i>Глава X.</i> Возвращение с собрания	216
<i>Глава XI.</i> Ассовум и Джонсон. Покушение	224
<i>Глава XII.</i> У Робертсов. Охота на индеек. Подруги	233
<i>Глава XIII.</i> Засада	238
<i>Глава XIV.</i> Свидание негодяев. Разоблачение	249
<i>Глава XV.</i> Осада	254
<i>Глава XVI.</i> План Ассовума	260
<i>Глава XVII.</i> Суд Линча	266
<i>Глава XVIII.</i> Местъ индейца	272
<i>Глава XIX.</i> Браун и Робертсы	275

Фридрих Герштеккер
МИССИСИПСКИЕ ПИРАТЫ

<i>Глава I.</i> Могила в лесной глуши	283
<i>Глава II.</i> Уличные сцены	290
<i>Глава III.</i> Будни гостиницы «Юнион»	298
<i>Глава IV.</i> Вечер у Дейтона	303
<i>Глава V.</i> Таинственный остров	311
<i>Глава VI.</i> Пираты и их атаман	316
<i>Глава VII.</i> Красавица Джорджина	322
<i>Глава VIII.</i> Беседа на болоте	328
<i>Глава IX.</i> Двойная западня	332
<i>Глава X.</i> Ферма Лейвли	340
<i>Глава XI.</i> Засада	344
<i>Глава XII.</i> Погоня за грабителями	348
<i>Глава XIII.</i> Поимка мулата	352
<i>Глава XIV.</i> На острове	357
<i>Глава XV.</i> Вниз по Миссисипи	363
<i>Глава XVI.</i> Доктор Монро	369
<i>Глава XVII.</i> Признания мулата	373
<i>Глава XVIII.</i> Отъезд Эджворта. Беглецы	378
<i>Глава XIX.</i> Семейные хитрости	381
<i>Глава XX.</i> Трое против многих	384
<i>Глава XXI.</i> Мария и Адель	386
<i>Глава XXII.</i> Харчевня «Серый Медведь»	391
<i>Глава XXIII.</i> Арест невинного	394
<i>Глава XXIV.</i> Испорченный карабин	398
<i>Глава XXV.</i> Остановка	404

<i>Глава XXVI. Расправа с бандитами</i>	407
<i>Глава XXVII. Месть женщины</i>	409
<i>Глава XXVIII. Похождения ирландца</i>	416
<i>Глава XXIX. «Черный Сокол»</i>	420
<i>Глава XXX. Волки и волчица</i>	423
<i>Глава XXXI. Двойник</i>	430
<i>Глава XXXII. Расследование</i>	433
<i>Глава XXXIII. Муж и жена</i>	439
<i>Глава XXXIV. Адель и Джеймс</i>	443
<i>Глава XXXV. Окончательное решение</i>	446
<i>Глава XXXVI. Схватка</i>	450
<i>Глава XXXVII. Заключение</i>	455

Аллан Донн
КОВБОИ ТЕХАСА

<i>Глава I</i>	463
<i>Глава II</i>	472
<i>Глава III</i>	475
<i>Глава IV</i>	482
<i>Глава V</i>	491
<i>Глава VI</i>	499
<i>Глава VII</i>	504
<i>Глава VIII</i>	508
<i>Глава IX</i>	513
<i>Глава X</i>	517

НА ДИКОМ ЗАПАДЕ
В ТРЕХ ТОМАХ
ТОМ 2

Фридрих Герштеккер
ЛУГОВЫЕ РАЗБОЙНИКИ
Части I—II
МИССИСИПСКИЕ ПИРАТЫ
романы

Аллан Донн
КОВБОИ ТЕХАСА
роман

Редактор С. Ермолаев
Художественный редактор И. Марев
Технический редактор Г. Шитоева
Корректоры В. Антонова,
М. Александрова, В. Рейбекель

ЛР № 030129 от 02.10.91 г.
Подписано в печать 05.12.95 г. Уч.-изд. л. 29,79.
Цена 3-томника 66 600 р.

Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковский пер., 1/18, а/я 27.

Оригинал-макет подготовлен ТОО «Макет».
141700, Московская обл., г. Долгопрудный,
ул. Первомайская, 21.